

В. С. Хан

Историография
КОРЕЙЦЕВ
ЦЕНТРАЛЬНОЙ
АЗИИ

Валерий С. Хан

ИСТОРИОГРАФИЯ КОРЕЙЦЕВ
ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ:
ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ
И ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ

Монография

Ташкент – 2021

УДК 316.347(=531:575.1)

ББК 63.5(5Кор)

X 19

Рекомендовано к печати решением Учёного совета Ташкентского государственного педагогического университета им. Низами от 18 декабря 2020 года.

Хан, Валерий Сергеевич.

Историография корейцев Центральной Азии: основные направления и этапы развития [Текст]: монография / Валерий Сергеевич Хан. – Ташкент: Baktria press, 2021. – 624 с.

Монография известного узбекистанского учёного – философа, этнолога, специалиста по корейцам Евразии – посвящена историографии корейцев Центральной Азии. Привлекая большое количество источников, автор рассматривает становление этой ветви корееведческой диаспорологии, её основные направления и этапы развития. Детальному анализу подвергается не только контент имеющихся публикаций, но и эпистемолого-методологические подходы, сложившиеся в этой отрасли знания.

Книга рассчитана на историков, этнологов, социологов, представителей национальных культурных центров, а также всех интересующихся корейской диаспорой Центральной Азии.

Рецензенты:

А. А. Аширов, д. и. н., профессор (Узбекистан);

Н. Ф. Бугай, д. и. н., профессор (Россия);

Пан Бён Рюль, д. и. н., профессор (Республика Корея).

Книга издана при поддержке Korea Foundation.

Автор благодарит свою семью за поддержку во время написания книги, жену Хан Июню за помощь в наборе текста, дочь Хан Ольгу за оформление библиографии и индекса имён, профессоров Пан Бён Рюля, Хон Ун Хо, Юн Сан Вона, Ким Пёнг Иля (Республики Корея) за рекомендации, рецензирование и оформление корейского текста, докторанта Закария Адамса (США) за редактирование английского текста, а также Korea Foundation за оказанную поддержку.

Оригинал макет и компьютерная верстка книги – Карим Егубаев, дизайн обложки – Мария Ли-Сафи.

ISBN 978-9943-6233-3-0

KOREA
FOUNDATION
한국국제교류재단

© Korea Foundation, 2021

© Хан В. С., 2021

© Baktria press, 2021

Valeriy S. Khan

THE HISTORIOGRAPHY
OF KOREANS IN CENTRAL ASIA:
MAIN DIRECTIONS AND STAGES
OF DEVELOPMENT

Monograph

Tashkent – 2021

УДК 316.347(=531:575.1)
ББК 63.5(5Кор)
X 19

Valeriy S. Khan.

The Historiography of Koreans in Central Asia: Main Directions and Stages of Development. – Tashkent: Baktria Press, 2021. – 624 p.

This book by the famous Uzbekistani scholar is devoted to a large-scale historiographic analysis of published materials on Central Asian Koreans (Koryo Saram or Koryoin). Despite the fact the Korean diaspora in Central Asia has not long been studied in full, several hundred articles and books on this topic have already been published worldwide. However, there is yet to be a published *historiographic analysis*, discussion of developed and undiscussed topics, methodological approaches, the quality of empirical data, the role of ideology, or the stages of development of the study of Koreans in Central Asia, et cetera.

This book will examine the stages of historiography on Central Asian Koreans, in its various aspects: history (general history, participation of Central Asian Koreans in World War II, Korean collective farms, the Korean entrepreneurship in agriculture - *kobonji*, Korean movement), ethnography (everyday life, rituals, religion, cuisine, and anthropology), linguistics, literature studies, art studies, and identity transformation.

Reviewers:

A. A. Ashirov, Doctor of Historical Sciences, Professor (Uzbekistan);

N. F. Bugay, Doctor of Historical Sciences, Professor (Russia);

Ban Byung Yool, Doctor of Historical Sciences, Professor (Republic of Korea)

The book is published with the support of the Korea Foundation.

The author thanks his family for their support during the writing of this book: his wife Iyunya Khan for her help in typing and daughter Khan Olga for the design of the bibliography and name indexing. Many thanks to Professors Ban Byung Yool, Hong Woong-ho, Yun Sang-won, and Kim Pyongil (Republic of Korea) for the recommendations, review, and design of the Korean text, doctoral student Zachary Adamz (USA) for the editing of the English text, and the Korea Foundation for the support of the book.

Special thanks to Karim Egeubayev for the accelerated preparation of the original layout of the book and Lee-Safi Maria for the cover design.

ISBN 978-9943-6233-3-0

KOREA
FOUNDATION
한국국제교류재단

© Korea Foundation, 2021
© Valeriy Khan, 2021
© Baktria press, 2021

한 발레리 세르게예비치

**중앙아시아 고려인 연구의 역사:
주요 방향과 발전단계**

연구 논문

타슈켄트- 2021

УДК 316.347(=531:575.1)

ББК 63.5(5Коп)

X 19

한 발레리 세르게예비치. 중앙아시아 고려인 연구의 역사: 주요 방향과 발전단계. 타슈켄트: 바크트리야 출판사, 2021. 624쪽.

철학자이자 민족학자이며, 유명한 유라시아 고려인 전문가인 우즈베키스탄 연구자의 저서는 중앙아시아 고려인들 연구의 역사를 다루고 있다. 저자는 다양한 역사 자료를 활용하여 고려인 디아스포라학의 형성, 주요 방향 및 발전단계를 조망하고 있다. 기존에 간행된 연구성과 뿐만 아니라 이 분야에서 발전해 온 인식론적 및 방법론적 접근 방식도 자세하게 분석하고 있다.

이 책은 역사학자, 민족학자 사회학자, 민족문화센터의 활동가들은 물론 중앙아시아 고려인 디아스포라에 관심 있는 모든 사람들에게 유용할 것이다.

감수자:

역사학 박사 아쉬롭 A.A.(우즈베키스탄);

역사학 박사 부가이 N.F.(러시아);

역사학 박사 반병률(한국).

이 책은 한국 국제 교류 재단의 지원을 받아 출판되었습니다.

책을 쓰는 동안 지원해 준 가족들, 타이핑에 도움을 준 아내 한이윤야, 서지 및 이틀 색인 디자인을 해 준 딸 한올가, 그리고 추천자, 감수자, 한국어 번역을 도와준 반병률, 홍용호, 윤상원, 김병일 교수님들(한국), 영문 편집을 해 준 사가라 아담스 박사(미국), 지원을 해 준 한국국제교류재단에 감사드립니다.

책의 레이아웃 - 카림 예게이바엠편

표지 디자인 - 이-사피 마리아

이 책은 한국국제교류재단의 지원을 받아 출판되었습니다.

ISBN 978-9943-6233-3-0

KOREA
FOUNDATION
한국국제교류재단

© Korea Foundation, 2021

© Valeriy Khan, 2021

© Baktria press, 2021

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Введение	16
Глава I. ГЛОБАЛЬНОЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЕ КОРЕЙЦЕВ. НА ПУТИ К МЕТА-НАЦИИ	
§ 1. Глобальные миграционные процессы и диаспоризация планеты	26
§ 2. Диаспоризация корейского этноса	44
§ 3. Что после нации?	52
§ 4. Истоки и происхождение понятия «мета-нация»	59
§ 5. Понятие «мета-нация» и другие соотносительные, родственные и пересекающиеся понятия	79
Глава II. ПОЯВЛЕНИЕ КОРЕЙЦЕВ И ОБРАЗОВАНИЕ КОРЕЙСКОЙ ДИАСПОРЫ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ	
§ 1. Проникновение корейцев в Центральную Азию до 1937 года	94
§ 2. 1937 год: образование корейской диаспоры в Центральной Азии	109
Глава III. НОВАЯ СУБЭТНИЧЕСКАЯ ОБЩНОСТЬ	
§ 1. К вопросу об определении новой корейской субэтнической общности	118
§ 2. 1937 год и становление новой идентичности	126
§ 3. Классификация групп советских/постсоветских корейцев	132
§ 4. Динамика изменений и структура этнокультурной идентичности различных групп советских/постсоветских корейцев	136
§ 5. Трансформация и особенности этнокультурной идентичности	142
§ 6. Демографическая и миграционная характеристика	151

- § 7. Диаспора или диаспоры? 162
§ 8. Образ корейца в иноэтническом окружении 172

Глава IV. ИСТОРИОГРАФИЯ КОРЕЙЦЕВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ И ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ

- § 1. Особенности и принципы классификации историографии корейцев Центральной Азии 181
§ 2. Краткая характеристика опыта изучения корейцев Центральной Азии 193
§ 3. Развитие и состояние историографических исследований по корейцам Центральной Азии. Первая стадия (1954–2000 гг.) 206
§ 4. Развитие и состояние историографических исследований по корейцам Центральной Азии. Вторая стадия (2001 г. – по настоящее время) 234

Глава V. ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ ИЗУЧЕНИЯ КОРЕЙЦЕВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

- § 1. Освещение деятельности корейских сельскохозяйственных предприятий (колхозов, совхозов, опытных станций) 253
§ 2. Изучение антропологии корё сарам 268
§ 3. Этнография корё сарам 274
§ 4. Филология и искусствоведение 290

Глава VI. 1937 ГОД И ИСТОРИОГРАФИЯ КОРЕЁ САРАМ

- § 1. Переселение 1937 года как поворотный пункт в изучении корё сарам 293
§ 2. Обустройство на новой земле 309

Глава VII. КОБОНДИ

- § 1. Тема кобонди в работах советских и постсоветских авторов 344
§ 2. Тема кобонди в работах зарубежных авторов 366

Глава VIII. КОРЕЙЦЫ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ	
§ 1. Освещение участия корейцев в трудовой армии	376
§ 2. Корейцы на фронтах войны	418
§ 3. В колхозах и совхозах	425
Глава IX. КУЛЬТУРА	
§ 1. Языкознание	430
§ 2. Литературоведение	439
§ 3. Искусствоведение	462
§ 4. Этнография	469
Глава X. ЭТНОСОЦИОЛОГИЯ	
§ 1. Этнокультурная идентичность	480
§ 2. Межнациональные браки	492
Глава XI. КОРЕЙЦЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В СПРАВОЧНО-БИОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ	
§ 1. Корейцы Казахстана	500
§ 2. Корейцы Узбекистана	528
Глава XII. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АРХИВНЫХ ФОНДОВ ПРИ ИЗУЧЕНИИ КОРЕЙЦЕВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ	561
Глава XIII. ЗАРУБЕЖНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ	569
Заключение	578
Использованная литература и источники	581
Список сокращений	613
Указатель имён	614
Сведения об авторе	621

CONTENTS

Introduction	16
 Chapter I. THE GLOBAL KOREAN MIGRATION: TOWARDS THE META-NATION	
§ 1. Global migrations and diasporization of the planet	26
§ 2. Diasporization of the Korean ethnos	44
§ 3. What comes after the nation?	52
§ 4. The roots and origin of the concept "meta-nation"	59
§ 5. The concept of "meta-nation" and other kindred, correlative and intersecting concepts	79
 Chapter II. APPEARANCE AND FORMATION OF THE KOREAN DIASPORA IN CENTRAL ASIA	
§ 1. The appearance of Koreans in Central Asia before 1937	94
§ 2. 1937: The formation of the Korean diaspora in Central Asia	109
 Chapter III. THE NEW SUB-ETHNIC COMMUNITY	
§ 1. On the definition of new Korean subethnic community	118
§ 2. 1937 and the becoming of new identity	126
§ 3. Classification of the groups of Soviet/post-Soviet Koreans ..	132
§ 4. Dynamics and structure of ethno-cultural identity between groups of Soviet/Post-Soviet Koreans	136
§ 5. Transformation and characteristics of ethno-cultural identity	142
§ 6. Demographic and migration characteristics	151
§ 7. Diaspora or Diasporas?	162
§ 8. The image of Koreans in other ethnic surroundings	172

Chapter IV. HISTORIOGRAPHY OF KOREANS IN CENTRAL ASIA: FEATURES AND STAGES OF DEVELOPMENT	
§ 1. Peculiarities and principles of periodization of historiographical studies on Koreans in Central Asia	181
§ 2. General characteristics of the experience of studies on Koreans in Central Asia	193
§ 3. The development and status of historiography of the Koreans in Central Asia: Stage One (1954-2000)	206
§ 4. The development and status of historiography of the Koreans in Central Asia: Stage Two (2001-present)	234
Chapter V. PRIMARY DIRECTIONS AND STAGES OF DEVELOPMENT OF CENTRAL ASIAN KOREANS' STUDY DURING THE SOVIET PERIOD	
§ 1. Coverage of the activities of Korean agricultural enterprises (collective and state farms, experimental stations)	253
§ 2. Anthropology of the Koryo Saram	268
§ 3. Ethnography of the Koryo Saram	274
§ 4. Philology and Art studies	290
Chapter VI. 1937 AND HISTORIOGRAPHY OF THE KORYO SARAM	
§ 1. The resettlement of 1937 as a turning point in Korean diaspora studies	293
§ 2. Settlement in a new land	309
Chapter VII. KOBONJI	
§ 1. Theme of Kobonji in the works of Soviet and post-Soviet writers	344
§ 2. Theme of Kobonji in the works of foreign authors	366
Chapter VIII. KOREANS DURING WORLD WAR II	
§ 1. Coverage of participation of Koreans in the "labor army" during World War II	376

§ 2. Koreans in the battles of World War II	418
§ 3. In the kolkhozes and sovkhoses	425
Chapter IX. CULTURE	
§ 1. Linguistics	430
§ 2. Literary criticism	439
§ 3. The Arts	462
§ 4. Ethnography	469
Chapter X. ETHNO-SOCIOLOGY	
§ 1. Ethno-cultural identity	480
§ 2. Interethnic marriages	492
Chapter XI. KOREANS OF CENTRAL ASIA IN BIOGRAPHICAL LITERATURE AND DIRECTORIES (WHO is WHO).	
§ 1. Koreans of Kazakhstan	500
§ 2. Koreans of Uzbekistan	528
Chapter XII. THE USE OF ARCHIVAL MATERIALS	561
Chapter XIII. FOREIGN HISTORIOGRAPHY	569
Conclusion	578
Bibliography	581
The list of abbreviations	613
Index of names	614
Information about the author	622

목차

머리말	16
-----------	----

제1장 한인의 글로벌 이주: 메타민족으로의 길

1. 글로벌 이주 과정과 세계의 디아스포라화	26
2. 한민족의 디아스포라	44
3. 민족 이후에는 무엇을 논할 것인가?	52
4. 《메타민족》 개념의 기원과 출처	59
5. 《메타민족》 개념과 기타 상관관계, 관련 및 교차 개념 ..	79

제2장 중앙아시아 고려인 출현과 고려인 디아스포라의 형성

1. 1937년 이전 한인들의 중앙아시아로의 진출	94
2. 1937년: 중앙아시아에서 고려인 디아스포라의 형성	109

제3장 새로운 소수민족 공동체

1. 새로운 고려인 소수민족 공동체 정의의 문제	118
2. 새로운 정체성의 형성	126
3. 소련/소련 해체 후 고려인 집단 분류	132
4. 소련/소련 해체 후 다양한 고려인 집단의 민족 문화적 정체성 변화와 구조의 역학	136
5. 민족 문화적 정체성 변화와 특징	142
6. 인구 통계 및 이주 특성	151
7. 디아스포라인가 디아스포라들인가?	162
8. 다른 민족 환경속의 고려인 이미지	172

제4장 중앙아시아 고려인의 연구의 역사: 주요 특징과 발전 단계

1. 중앙아시아 고려인 연구의 역사 분류의 특징과 기준 ...	181
2. 중앙아시아 고려인 연구의 경험에 대한 간략한 설명	193

3. 중앙아시아 고려인 연구의 역사 발전과 현황 1단계 (1954-2000)	206
4. 중앙아시아 고려인 연구의 역사 발전과 현황 2단계 (2001-현재)	234
제5장 소련 시기 중앙아시아 고려인 연구의 주요 방향과 발전 단계	
1. 고려인 농업집단 (집단농장, 국영농장, 실험단지)의 활동 범위	253
2. 고려인에 대한 인류학적 연구	268
3. 민족 지학으로서의 고려인	274
4. 문헌학과 미술사	290
제6장 1937년과 고려인의 역사 연구	
1. 고려인 연구의 분기점으로 1937년 강제 이주	293
2. 새로운 토지에서의 배치	309
제7장 고본질	
1. 소비에트와 소비에트 해체 후 고려인 문학에서의 고본질	344
2. 외국 작가의 작품에서 고본질	366
제8장 제2차 세계대전 시기 고려인들	
1. 고려인의 《노동군》 참여 범위	376
2. 전선에의 고려인들	418
3. 집단농장 및 국영농장에서	425
제9장문화	
1. 언어학	430
2. 문학비평	439
3. 미술사	462
4. 민족 지학	469

제10장 민족 사회학	
1. 민족 문화적 정체성	480
2. 인종 간 결혼	492
제11장 사전류 및 전기에서의 중앙아시아 고려인들	
1. 카자흐스탄 고려인들	500
2. 우즈베키스탄 고려인들	528
제12장 중앙아시아 고려인 연구에서 이용 가능한 문서보관소 자료	561
제13장 해외에서의 역사학	569
맺음말	578
참고 문헌	581
약어 목록	613
인명 색인	614
저자 정보	623

ВВЕДЕНИЕ

*Посвящается моей семье –
жене Июне и дочери Ольге.*

В юности и даже в студенческие годы я никогда не задумывался над тем, к какой национальности я принадлежу, и даже над тем, каким образом корейцы попали в Среднюю Азию. Для меня это было не столь важно, но значимым была моя принадлежность к советскому народу (многомиллионному и многонациональному) – находящемуся на авансцене исторического развития, чем я очень гордился. А собственная этничность казалась чем-то частным, не существенным. Она не была препятствием ни для получения золотой медали по окончании школы, ни для получения красного диплома по окончании университета, ни даже в романтических увлечениях юности, в которых национальность и необычная внешность могли бы стать камнем преткновения. Этничность обретала значение для меня только в одном случае – когда хотелось поесть чего-нибудь корейского, особенно в приготовленного мамой или бабушкой.

По причине своего «космополитизма», я не стремился иметь друзей-корейцев. Мало того, обучаясь в ТашГУ и МГУ, я дистанцировался от редких корейцев среди студентов и даже избегал их. Среди моих друзей были армяне, белорусы, болгары, грузины, молдаване, поляки, русские, таджики, узбеки, даже кубинцы, но не корейцы. И если у нас случались «межнациональные трения» – это было на уровне «подколов», и поводом по большей части были анекдоты, над которыми мы все потешались. И я себя уютно чувствовал в этом интернациональном мире, где одна душа тянулась к другой по свойствам внутренне-го родства, а не по признакам расы и национальности.

Всё изменилось с приходом перестройки. После обсужде-

ния глобальных проблем – каким быть социализму и быть ли ему вообще – советская стрела времени, летевшая по маршруту «прошлое–настоящее–будущее» и периодически менявшая в перестроечные годы свои цели, в конце 80-х годов нацелилась на наше национальное МЫ, и, в соответствии с новой установкой, вопросы экзистенционального бытия облачились в этнические одежды. И это, конечно, были не вопросы национальной кухни и этнографического разнообразия. Национальное перестало быть *формой* интернационального *содержания*, как это постулировалось в популярной формуле теории научного коммунизма, объяснявшей специфику национального при социализме; оно стало самим содержанием, сутью нашей жизни – более важной, чем пустые полки магазинов, зарплата в виде спичек и кастрюль, тотальная коррупция и чернуха на телеэкранах.

Кто мы, откуда мы, куда мы идём, той ли дорогой идём? Эти вопросы, в их *этнонациональной* постановке, вдруг обрели злободневность, выплеснулись на страницы газет и экраны ТВ, стали предметом пристального внимания и жарких дебатов учёных, политиков, публицистов, активистов общественных организаций. Мало того, они стали стрекчевыми, системообразующими. Вопрос «откуда мы» стал вопросом *национальной* исторической памяти; «кто мы» и «куда мы идём», соответственно, стали вопросами *национальной* идентичности и *национального* будущего, а вопрос «какой дорогой мы должны идти» давал ясный ответ: конечно же, дорогой *национального* возрождения.

Сразу отмечу, что понятия «этническое» и «национальное» в науке не идентичны, хотя пересекаются. Большинство обычных людей в русскоязычном пространстве воспринимает их как синонимы. Учитывая, что книга пишется на русском языке, и зная, как эти понятия воспринимаются читательской аудиторией, я тоже буду рассматривать их в качестве синонимов, исключая те случаи, когда различия между ними носят концептуальный и принципиальный характер. В этих случаях «этническое» и «этничность» будут относиться к свойствам группы (групп),

в то время как «национальное» – государства и государственного строительства.

Не обошли бурные процессы и корейскую диаспору СССР, а затем и СНГ, включая корейцев, проживающих на территории постсоветской Центральной Азии (речь идёт о Казахстане, Кыргызстане, Таджикистане, Туркменистане и Узбекистане).

В научной литературе можно найти различные трактовки понятия «Центральная Азия». В русскоязычной традиции есть различие между понятиями «Средняя Азия» и «Центральная Азия» (второе – шире), чего нет в английском языке. В силу ряда обстоятельств, после распада СССР регион, включающий в себя территории пяти советских республик (после распада СССР – независимых государств) и являющийся объектом нашего рассмотрения, стал повсеместно обозначаться как Центральная Азия, хотя более правильно его называть Средней Азией или постсоветской Центральной Азией. В данной книге мы будем пользоваться всеми тремя названиями, в зависимости от контекста.

Небывалый взрыв этно-национального самосознания породил и спрос на соответствующую информацию: академические исследования, монографии, популярные брошюры, научные и публицистические статьи, даже опусы «жёлтого» окраса – как в титульных нациях, так и в этнических меньшинствах, в том числе корейцев. Так, на сегодня число публикаций, посвящённых корейцам царской России, СССР и СНГ, перевалило за тысячу, сотни публикаций – по корейцам советской и постсоветской Центральной Азии. Едва ли я погрешу против истины, если скажу, что ни по одной диаспоре СНГ нет такого количества публикаций, как по корейцам. Причём интерес к этой тематике проявили не только сами корейцы, что вполне естественно, но и представители других национальностей (армяне, казахи, каракалпаки, русские, узбеки, хакасы, дунгане) в странах СНГ, а также зарубежные учёные и публицисты из стран дальнего зарубежья – Австралии, Австрии, Великобритании, Германии,

Гонконга, Италии, Канады, Новой Зеландии, Норвегии, США, Турции, Финляндии, Швеции, Южной Кореи, Японии.

Количественное накопление публикаций в любой области науки рано или поздно подводит к черте, когда этот разросшийся массив информации сам становится предметом научного исследования, что является задачей историографии. В этом отношении историографическая рефлексия в отношении изучения корейцев Центральной Азии явно отстала от собственно исторических и культурологических исследований этой общности. По историографии корейцев Центральной Азии, как и корейцев, проживавших в царской России (с середины XIX века), а затем в СССР и СНГ в целом, нет ни одного серьёзного исследования – ни монографии, ни диссертации, в то время как историографическое осмысление накопленного материала (сотни публикаций) диктуется логикой развития науки, является закономерным её этапом, а в нашем случае – назревшей необходимостью и стадией в развитии *корееведческой диаспорологии*, без чего последняя теряет ориентиры, превращаясь в огромную массу разнородных сообщений, лишённых систематизации, количественного и качественного анализа. В этом смысле предлагаемая книга – первый опыт монографического исследования в указанной области. Что касается кратких обзоров либо статей историографического характера, то на них я подробно остановлюсь во второй главе.

Историография как наука делится на два вида знания, являющихся границами её объектно-тематического поля.

В *первом виде* она представлена как осмысление развития исторической науки (в виде внешнего объекта), или – изучения трудов, повествующих о тех или иных исторических событиях и процессах. В данном случае историография выступает как *рефлексия и история исторической науки*, или историография первого уровня.

Во *втором виде* историография рефлексивно обращена на саму себя, будучи уже не познанием внешних объектов, а самопознанием, когда предметом историографического анали-

за становится она сама – её тематическое поле, язык, методы, уровни осмысления (описание, анализ) и эволюция. Важно не только то, к каким результатам ты пришёл, но и то, как ты пришёл к ним, благодаря какому пути. Или, словами Гегеля, истина есть результат, взятый со своим становлением. И здесь историография выходит на второй, мета-теоретический уровень, выступая как *рефлексия и история историографии* (или *историография историографии*). Данное словосочетание используется в литературе весьма редко. Это связано с тем, что не в каждой области исследования мы сталкиваемся с двойной рефлексией – порой это весьма и весьма сложно. В настоящей монографии мы будем использовать термин «историография» в обоих значениях, с соответствующими оговорками.

В отношении изучения корейцев Центральной Азии оба вида историографии только зарождаются и совершенно не развиты, что не позволяет реализовать инструментальный и эвристический потенциал историографического анализа. Трудно прокладывать дороги вперёд, закладывать маршруты исследований будущего, если нет чёткого понимания, что из себя представляет данная область знания на сегодняшний день, как и в каком направлении она развивалась, каковы сложившиеся темы и «белые пятна» за пределами этого тематического поля, понятийный аппарат, методологический инструментарий, перспективные направления исследования. Иначе говоря, необходима инвентаризация того, чем мы располагаем сегодня в этой области.

Целями настоящей книги являются как историографический анализ исследований по корейской диаспоре Центральной Азии, так и рефлексия на предмет этой историографии. Оба направления рассматриваются в *эволюционном* и *структурном* срезе. Для достижения этих целей в монографии ставятся следующие задачи:

– описать границы, структуру и эволюцию проблемного поля историографии корейцев Центральной Азии;

- дать классификацию основных направлений и тематический анализ проводимых исследований;
- выявить основные хронологические этапы и тенденции исследований о корейцах ЦА;
- проследить количественные и качественные (структурные) изменения эмпирической базы данных;
- дать характеристику методов исследования;
- дать логико-методологический анализ способов интерпретации и объяснений;
- выявить научные, идеологические и мифологические компоненты в корееведческой историографии;
- показать особенности советской, постсоветской и зарубежной корееведческой историографии;
- выявить «освоенные территории» и «белые пятна» в корееведческой историографии, определить перспективы корееведческой диаспорологии (относительно корейцев Центральной Азии).

Важность предпринятого исследования обусловлена не только внутренней логикой науки (в данном случае – корееведческой диаспорологии), но и внешними факторами.

Во-первых, это потребности самого развития корейской диаспоры как среднеазиатского региона, так и СНГ в целом. Речь идёт о *практических* потребностях в области этнокультурного строительства. Практика последних лет убедительно показала, что непрофессиональное, основанное только на личном жизненном опыте, любительское и волонтеристское управление корейскими организациями вредит корейскому движению (этот тезис справедлив по отношению к любому другому национальному движению). Настало время создания и использования научно-обоснованных программ и рекомендаций в деятельности этнических организаций (национально-культурных центров, обществ, ассоциаций). Углублённое изучение историографии корейцев (сложившегося понятийного аппарата, теоретических подходов, методов исследования, предлагае-

мых решений) могло бы вскрыть бытующие мифы в области истории корейцев, ошибочность многих сложившихся стереотипов, на основе которых зачастую строится деятельность этих организаций.

Во-вторых, актуальность данного исследования обусловлена и потребностями, которые начинают испытывать общества и государства Центральной Азии в области создания стратегий национальной политики.

Историография корейцев Центральной Азии может строиться только как научная дисциплина – в соответствии с принятыми научными стандартами. Казалось бы, какой смысл упоминать об этом в научной монографии? Это как если говорить о банальном. Но дело в том, что вопрос об авторском профессионализме в корееведческой диаспорологии и вопрос о том, что она собой сегодня представляет с точки зрения академических стандартов, не так уж однозначны.

В отличие от наук естественных и технических, в общественно-гуманитарных областях уровень строгого академизма ниже, а возможность околонучных и псевдонаучных конструкций и «отсебятины» значительно выше. А в вопросах этнической истории, этнокультурной идентичности и этнокультурного строительства научные знания чаще, чем где-либо, соседствуют с мифами, любительскими, а порой откровенно псевдонаучными, изысканиями. Это обусловлено повышенным социальным спросом на информацию в этих областях, политическими играми на националистических чувствах, личными амбициями, желанием прославиться. Порой считается, что любой представитель той или иной этнической группы «компетентен» по вопросам истории этой группы, что способствует бурному развитию мифотворчества и самых нелепых фантазий. Такое становится возможным, когда в условиях рыночной экономики издательства и типографии в погоне за прибылью готовы публиковать всё, что угодно. Естественно, эти публикации не проходят процедур научной апробации (рецензирования, об-

суждения в академических кругах), что является необходимым требованием для научных работ.

Наука стремится давать отпор псевдонаучному мусору и любительской «отсебятине», но в полной мере в силу массовости такого рода продукции осуществить не удаётся.

В сложившихся зрелых научных дисциплинах, затрагивающих вопросы истории и идентичности тех или иных народов, у неспециалиста нет шансов повлиять на общественное мнение. Таковы, например, история Древней Греции, этническая география европейского средневековья, культура австралийских аборигенов и многие другие области. И никому не придёт в голову считать, что лучшие специалисты по Древней Греции – это нынешние греки.

Другое дело, когда научная дисциплина только складывается, когда имеет место нехватка специалистов, к тому же в той области, где авторский приоритет принадлежит представителям определённой этнической группы. Таковой до сих пор является история корейцев, проживающих на пространстве СНГ. Несмотря на то, что в последние десятилетия и в этой области сложился круг специалистов, по вопросам истории и культуры этой общности активно публикуются этнические корейцы, не имеющие профессионального отношения к общественно-гуманитарным наукам (антропологии, истории, политологии, социологии, филологии, философии, этнологии). Для этих публикаций, как правило, характерны:

- незнание имеющейся историографии;
- субъективная предвзятость;
- небрежность обращения с историческими источниками;
- профанация методов полевой работы;
- значительное количество фактических ошибок и искажение реальных фактов;
- неоправданные (иногда гипертрофированные) обобщения;
- эмоционально-экспрессивные оценки;
- недопустимое в науке менторское морализаторство;
- эклектизм.

Публикации корейских авторов зачастую зиждятся на корпоративной этике, когда не принято критиковать друг друга, даже если дело доходит до абсурдных вещей и профанации науки. Считается, что корейцы лучше других знают свою историю *a priori*. Налицо практика ничем не обоснованной монополии на истину на основе принципа «крови» (генетической принадлежности). Отделить зёрна от плевел в этой области – одна из задач настоящей книги.

Представленная монография – плод многолетних исследований автора. Её, если охватить советскую эпоху и годы независимости с 1991 по 2000-е годы, можно было опубликовать ещё в начале 2000-х годов. Однако это был период, когда каждый год был урожайным на новые публикации. Хотелось и их включить в анализ (а не просто дать ссылку с кратким библиографическим описанием), в связи с чем приходилось откладывать публикацию книги. Я чувствовал, что историографический процесс не обрёл своих завершающих границ и форм (конечно, для определенного периода). Сегодня о них уже можно говорить как о свершившемся факте.

В основу монографии легли мои собственные изыскания, а также результаты исследований, полученные в рамках национальных и зарубежных грантовых проектов, в которых я принимал участие. Это, прежде всего, проекты Института истории Академии наук Республики Узбекистан:

– «Этнокультурные процессы в полиэтническом городе», грант Центра по координации развития науки и технологии при Кабинете Министров Республики Узбекистан, П-4.3, 2002–2005 гг.;

– «Традиции и инновации в обрядовой культуре национальных диаспор современного Узбекистана (на материалах Ташкента)», грант Центра по координации развития науки и технологии при Кабинете Министров Республики Узбекистан, ФА-А3-ГО41, 2009–2011 гг.

Выход настоящей книги был бы невозможен без исследова-

ний, проведённых благодаря фондам Республики Корея. Я искренне признателен этим фондам:

– *Korea Foundation* (Корейский Фонд, по гранту которого в 2006 г. я смог провести исследование по непосредственной теме монографии, а по гранту 2011 г. – социологические опросы среди южнокорейской молодёжи, касающиеся одного из разделов монографии);

– *Overseas Koreans Foundation* (Фонд зарубежных корейцев, опубликовавший монографию «Корё сарам – кто мы?» в Сеуле в 1998 г., соавтор – мой отец, С. М. Хан);

– *Academy of Korean Studies* (Академия корееведения Республики Корея, по грантам которой была проведена частичная работа по исследованию этнокультурной идентичности корейцев Узбекистана, историографии их участия в трудовой армии в годы Великой Отечественной войны, особенностей системы корейского предпринимательства «кобонди» в сельском хозяйстве и истории корейского образования в Узбекистане: 2000, 2003–2004, 2013 гг.);

– *Swiss Agency for Development and Cooperation* (Швейцарское агентство развития и сотрудничества, благодаря которому стало возможным проведение этносоциологического исследования среди ряда этнических групп г. Ташкента, включая корейцев, и публикация книги «Диаспорные среды» (Ташкент, 2013)).

И, конечно же, отдельная благодарность Корейскому фонду (*Korea Foundation*), поддержавшему издание данной книги.

Я благодарен своей семье – жене Июне и дочери Ольге – за всестороннюю поддержку и те условия, которые они создали для моей научной деятельности, а также – за помощь в полевых исследованиях ряда проектов. Особо благодарен Ольге за то, что взяла на себя оформление списка используемой литературы и индекса имён.

В. С. Хан

г. Ташкент, ноябрь 2020 г.

Глава I. ГЛОБАЛЬНОЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЕ КОРЕЙЦЕВ. НА ПУТИ К МЕТА-НАЦИИ

§ 1. Глобальные миграционные процессы и диаспоризация планеты

В условиях глобализации, выдвинувшей проблему единства и разобщенности человечества в качестве важнейшего фактора его выживания, этнополитические и этнокультурные процессы начинают выдвигаться на передний план мировой политики и общественности. Можно говорить о таком новом феномене, как *глобализация этничности*¹.

Одним из её проявлений и, одновременно, значимых тенденций современной эпохи является всё большая этническая мозаичность большинства стран мира². Можно говорить о мощной диаспоризации планеты или мультиэтнизации (полиэтнизации) национальных государств в глобальном масштабе. Даже некогда моноэтнические (или почти моноэтнические) страны в результате глобальных миграционных процессов превращаются в полиэтнические государственные образования, со всё более увеличивающимся удельным весом этнических мигрантов. В связи с этим российские учёные С. А. Арутюнов и С. Я. Козлов пишут: «В мире, пожалуй, уже невозможно найти страну (может быть, за исключением КНДР), в которой не было какой-либо бы диаспоры другого народа, равно как и страну, выходцы из которой не образовывали бы хотя бы небольшой диаспоры в какой-либо другой стране (или нескольких странах) мира»³. Согласно данным ООН, если в 1960 г. во всём мире насчитывалось 75,5 млн. че-

людей, проживающих за пределами страны своего рождения, то в 2000 г. их стало 173 млн., в 2010 г. – 220 млн., а в 2019 г. число мигрантов уже достигло отметки в 272 млн.⁴ Глобальные миграции влекут за собой и глобальные последствия в демографической, экономической, политической, социальной и культурной сферах. Государство моноэтническое и государство, превратившееся (в результате миграционных потоков и диаспоризации этнического ландшафта) в полиэтническое, – это два совершенно разных государства.

Глобализация феномена диаспоризации и её глобальные последствия заставляют нас обратиться к понятию «диаспора». Мы опустим первоначальное, узкое значение этого термина, связанного с переселением древнегреческих колонистов на новые земли, а затем исключительно – с рассеянием евреев, поскольку в нынешнем своём значении данный термин не имеет конкретной этнической окраски.

В научном сообществе сложилась «обойма» известных этнологов (С. Арутюнов, В. Дятлов, А. Ким, З. Левин, А. Милитарев, Т. Полоскова, В. Попков, Ю. Семёнов, В. Тишков, Г. Шеффер, В. Шнирельман, Т. Кондратьева и др.), пишущих по вопросам диаспоры, ссылающихся друг на друга и полемизирующих друг с другом⁵. Ни одна из позднейших публикаций о диаспоре не обходится без разбора работ этих экспертов⁶.

Как отмечает на страницах журнала «Диаспоры» сибирский учёный В. И. Дятлов, «в последние годы термин «диаспора» употребляется весьма часто и, как правило, без толкований и объяснений. Имплицитно подразумевается, что содержание его настолько ясно, а явление, им называемое, настолько определённо, что особых комментариев просто не требуется. Но самый беглый анализ показывает, что слово это используется для обозначения чрезвычайно широкого круга разнородных явлений, что отчасти лишает его эвристического значения»⁷. Добавлю, что речь идёт не просто о «широком круге разнородных явлений», а об области *предельных* значений – предельно

узких и предельно широких, образующих противоположные границы данной области.

Одни учёные придерживаются узкого толкования данного понятия. Так, известный советский и российский этнолог В. Шнирельман пишет, что «диаспора – это не любое расселение за пределы изначального этнического ареала, а лишь то, что происходило вынужденно под давлением каких-либо неблагоприятных обстоятельств (война, голод, насильственная депортация и пр.)»⁸. Подобное определение вызывает вопросы. Например, как быть с ситуацией, когда одна часть этноса мигрировала за пределы своей родины под давлением такого рода неблагоприятных обстоятельств, а другая – эмигрировала вполне добровольно, когда такие обстоятельства уже исчезли? Так, корейцы распространялись по миру в результате разных обстоятельств: и из-за голода во второй половине XIX века, и в результате аннексии Кореи Японией в начале XX века, и из разрушенной войной 1950–1953 гг. Южной Кореи, и вполне зажиточной Южной Кореи более позднего времени – 1970–80-х годов, и из современной процветающей страны, члена G-20. Выходит, что одни корейцы в одной и той же стране, например, в США, являются диаспорой, а другие – нет?

Существует толкование диаспоры как населения той или иной страны, относящегося этнически и культурно к другому государству (Ю. А. Поляков)⁹. Насколько такое определение отражает реальные процессы? На практике это не такой уж частый случай, когда, проживая в той или иной стране, этническое меньшинство в полной или значительной мере культурно относится к другому государству. Разве что это какая-нибудь секта, проживающая в изоляции и создавшая свой замкнутый мир, или та часть этнической группы, которую совершенно не затронули процессы ассимиляции и аккультурации в силу той же замкнутости, например, часть китайских обитателей Чайна-Таун или жителей Брайтон-Бич в Нью-Йорке. Возьмём корейцев, начавших с середины XIX века массово мигрировать

на Дальний Восток Российской империи и осевших здесь, а затем рассеявшихся на просторах СССР. Они постепенно перешли на русский язык, ставший для большинства из них родным, и культурно стали более близки своему этническому окружению, нежели корейскому государству – стране исхода (а после 1953 года – двум Кореям).

Достаточно распространено (особенно на обыденном уровне, среди политиков, журналистов) широкое толкование «понимания диаспоры как части народа, проживающей вне страны его происхождения»¹⁰. Ю. И. Семёнов считает, что если даже внутри определённого государства большинство (ядро) определённого этноса проживает на исторической территории, а небольшая его часть – в том же государстве, но за пределами своей этнической территории, то в данном случае мы также имеем дело с диаспорой¹¹.

Однако расплывчатая этническая группа, не поддерживающая связей между собой, является лишь механической совокупностью лиц определённого этнического происхождения. Через некоторое время она растворяется среди основного или коренного населения и не может быть названа диаспорой. Поэтому ряд учёных (Ж. Т. Тощенко и Т. И. Чаптыкова) обращает внимание на *устойчивость* диаспоры и её *социальные институты*: «Диаспора – это устойчивая совокупность людей единого этнического происхождения, живущая за пределами своей исторической родины (вне ареала расселения своего народа) и имеющая социальные институты для развития и функционирования данной общности»¹². Именно через социальные институты (наряду с семьёй) происходит межпоколенная трансмиссия этнического сознания и культуры, включая обрядность. Эти институты обеспечивают интенции к более или менее компактному проживанию, общению, мононациональным бракам, а в конечном счёте ведут к устойчивости диаспоры, её неразстворимости в окружающей этнической среде. Как пишут упомянутые авторы, «это не просто «кусочек» одного народа, живущего

среди другого народа, это такая этническая общность, которая имеет основные или важные характеристики национальной самобытности своего народа, сохраняет их, поддерживает и содействует их развитию: языка, культуры, сознания. Нельзя назвать диаспорой группу лиц, хотя и представляющих определённый народ, но вступивших на путь ассимиляции, на путь исчезновения их как ветви данного народа»¹³.

Если Ж. Т. Тощенко и Т. И. Чаптыкова указывают на устойчивость как важное свойство диаспоры, то С. А. Арутюнов обращает внимание на её противоположные свойства – пластичность, изменчивость и динамичность.

При диалектическом, пластическом подходе диаспора предстаёт как *процесс*. В связи с этим С. А. Арутюнов пишет: «Ясно одно: диаспора – это не только и не столько состояние, диаспора – это процесс развития от «ещё недиаспоры» через «собственно диаспору» к «уже недиаспоре», причём различных типов – или к полностью ассимилированному компоненту, или к касте некогда инородного происхождения, или к ассоциированной национальной группе, или к полностью сформировавшейся новой этнической общности»¹⁴. В данной конструкции есть место и для таких образований, как «группы полудиаспорного типа в промежутках»¹⁵. И если по самому определению диаспоры другой известный российский учёный В. А. Тишков расходится с С. А. Арутюновым, то в вопросе исторической и меняющейся природы диаспоры их позиции близки: «В целом исторический процесс крайне подвижен и многовариантивен, особенно когда речь идёт о динамике идентичностей. <...> Исторический процесс в интересующем нас аспекте проходит как бы три стадии: миграция (или изменение границ), диаспора, транснациональные общности»¹⁶.

В литературе можно найти сложные (сборные) дефиниции с перечислением признаков диаспоры. Компактный вариант базовых признаков в «Большой российской энциклопедии» даёт российский антрополог Н. П. Космарская:

1) Собственно рассеяние – расселение народа или его части за пределами основной этнической территории (этнической, исторической родины) в результате миграций различных типов либо изменения государственных границ. Данный признак необходим, но недостаточен для определения этнического меньшинства в качестве диаспоры.

2) Сохранение на протяжении жизни нескольких поколений этнокультурной идентичности, служащей границей между диаспорной группой и, как правило, более многочисленным принимающим обществом. Такая идентичность часто поддерживается различными институтами, связывающими группу как с родиной, так и с родственными общинами в других странах.

3) Особое отношение к реальной или воображаемой родине, на которую продолжают ориентироваться эмоционально и/или политически члены диаспоры. Оно предстаёт в виде широкого континуума чувств и форм поведения – от хранимой в семье памяти о своём происхождении, сохранения ключевых элементов культурного наследия (в том числе языка) до активного интереса к судьбе родины и происходящим там событиям; от регулярных контактов с оставленными родственниками до участия в «домашних выборах» и готовности сражаться за родину. Названные критерии должны применяться с учётом причин переселения, ситуации в стране исхода и положения группы в принимающем обществе и государстве. <...> Понимание диаспоры зависит также от концепции этничности, которой придерживается тот или иной исследователь. Сторонники примордиализма видят диаспору группой с чётко заданными границами, подобной сословию или касте, куда попадают по врождённому признаку этничности (израильский учёный Г. Шеффер); приверженцы конструктивизма, напротив, апеллируют к чувствам и поведению индивидов, которые могут меняться в зависимости от многих обстоятельств их жизни (В. А. Тишков, американский исследователь Р. Брубейкер)¹⁷.

Другой вариант «системообразующих признаков» диа-

споры даёт Т. Полоскова. Это: «1) этническая идентичность; 2) общность культурных ценностей; 3) социокультурная анти-теза, выражающаяся в стремлении сохранить этническую и культурную самобытность; 4) представление (чаще всего в виде архетипа) о наличии общего исторического происхождения. <...> Важно не только характерное для диаспор осознание себя частью народа, проживающей в ином государстве, но и наличие собственной стратегии взаимоотношений с государством проживания и исторической родиной (или её символом); формирование институтов и организаций, деятельность которых направлена на сохранение и развитие этнической идентичности. Иными словами, диаспора, в отличие от этнической группы, всегда институцирована и несёт в себе не только этнокультурное, но и этнополитическое содержание»¹⁸.

Ещё одно из определений диаспоры, стоящее особняком, даёт академик В. А. Тишков, и оно не связано с понятием этноса, на чём, например, настаивает его оппонент Ю. И. Семёнов¹⁹. «Диаспора, – считает В. А. Тишков, – это культурно отличительная общность на основе представления об общей родине и выстраиваемых на этой основе коллективной связи, групповой солидарности и демонстрируемого отношения к родине. Если нет подобных характеристик, значит, нет и диаспоры. Другими словами диаспора – это стиль жизненного поведения, а не жёсткая демографическая и тем более этническая реальность, и тем самым это явление отличается от остальной рутинной миграции»²⁰. В отличие от примордиалистских подходов, эта дефиниция диаспоры носит выраженный релятивистский характер, что не раз вызывало соответствующую критику.

Итак, В. А. Тишков определяет диаспору как культурно отличительную общность, а не этническую. Имеет ли место вышеупомянутый феномен? Конечно. Например, компактно проживающие выходцы из бывшего СССР в США, на том же самом Брайтон-Бич. С точки зрения принадлежности к этническим группам, это весь бывший СССР – и евреи, и русские,

и узбеки, и корейцы, и татары, и армяне, как в песне: я, ты, он, она, вместе – целая страна.

Для них действительно характерны элементы общей культуры (советской) и «стиль жизненного поведения», у них есть «коллективная связь», и «групповая солидарность», и «представление об общей родине» (СССР, а также ныне независимых странах СНГ), и «демонстрируемое отношение к ней». Это действительно «культурно отличительная общность» в американской мозаике. В этом районе все говорят на русском языке, кафешки – с блюдами из советского прошлого и постсоветского настоящего, начиная от украинского борща и сибирских пельменей и кончая узбекским пловом и корейским кукси, аптеки – с лекарствами, завезёнными с той же исторической родины, а магазины и продуктовые лавки предлагают всё то, что с детства знакомо и любимо. Такое ощущение, что ты в одном из советских городов («Made in the USSR»). А когда я встретился с двумя своими учительницами (еврейками), в квартире одной из них на столе меня ждали корейский салат из моркови, домашние маринады, оливье, самса, плов и чай № 95, а посуда состояла из хрустальных ваз (все помнят их из советского времени), лягана и чайного сервиза «Пахта». А недалеко от дома учительницы наткнулся на корейское кафе, зашёл – Куйлюк, да и только!

Вопрос в том, как обозначить эту русскоговорящую 25-тысячную общность выходцев из СССР/СНГ? Это именно общность, а не просто разношёрстные мигранты, проживающие в одном районе. По критериям В. Тишкова – это диаспора. Стоит задуматься. Может быть, речь идёт о необходимости ввода новых понятий – *трансетническая*, или *этногетерогенная общность* – обозначающих феномен, выходящий за рамки конкретного этноса (армянская диаспора, еврейская диаспора и т.д.)? Кроме того, когда мы говорим о диаспорах в этническом смысле, всегда встаёт вопрос: по каким критериям считать того или иного индивида представителем данной диаспоры и данного этноса? Если, как часто говорят, диаспора – это отколовшаяся

часть народа, проживающая за пределами ареала своего происхождения, то частью какого народа, от которого они откололись, являются жители Брайтон-Бич? Правильный ответ: советского народа. Но это уже не этническая, а надэтническая/наднациональная общность. А назвать единую общину жителей Брайтон-Бич совокупностью диаспор как-то язык не поворачивается.

Относительно того, что у диаспоры должно быть *демонстрируемое отношение к родине*. Всегда ли это возможно в качестве свободной воли? Так, в демократических обществах диаспора может определиться в *своём* отношении к родине (национальному государству, историческому месту исхода). А как быть с тоталитарными и авторитарными государствами? Например, в СССР отношение корейцев к Северной и Южной Корее определялось не собственными диаспорными интенциями, а политикой СССР по отношению к этим государствам.

Что касается самой *родины*, то В. А. Тишков справедливо указывает на размытость данного понятия: «Обычно под «родиной» имеется в виду регион или страна, где сформировался историко-культурный облик диаспорной группы и где продолжает жить основной культурно схожий с ней массив. Это своего рода штатная ситуация, но и она при ближайшем рассмотрении оказывается сомнительной»²¹. И далее: «Одна и та же группа в зависимости от ситуации может считать «родиной» несколько мест, вернее, государств. <...> Главное – это сам момент ситуативности, т.е. определённого выбора в определённый исторический момент»²².

Есть над чем подумать. Корейцы Центральной Азии единодушны в том, что их историческая родина – Корея. Но которая из двух? Абсолютное большинство этих корейцев – потомки переселенцев из северных провинций неразделённой Кореи. Однако, мигрируя сегодня в Южную Корею в поисках работы, дело представляется как возврат блудного сына – исторической родиной вдруг объявляется Южная Корея. В настоящее время в Южной Корее проживает около 100 тысяч корейских «репа-

триантов» из СНГ. Кто они здесь – диаспора? И что является их реальной исторической родиной, если в Корее они как бы «чужие среди своих»? Не СССР ли и страны СНГ?

Если в XX веке диаспоры были «отколовшимися частями, проживающими за пределами исторической родины и знавшими о ней только по воспоминаниям отцов и дедов», то сегодня, в результате появившихся возможностей передвигаться и пересекать международные границы, бывшие эмигранты становятся частыми гостями на бывшей родине. Некоторые этнические сообщества равномерно распределены между несколькими государствами. В мире всё больше насчитывается людей, живущих на два дома и две страны²³. Миллион азербайджанцев, или полмиллиона армян, или сотни тысяч грузин, постоянно курсирующих между Россией и своими родинами, живущих по большей части «на два дома» – «это новая по своей природе диаспора, которая, возможно, заслуживает нового названия»²⁴. А корейцы? Уже 100 тысяч из 500 тысяч курсируют туда-сюда. Пройдёт ещё некоторое время, и все корейцы СНГ превратятся в перекасти-поле. Как их назвать – диаспорой? Тогда диаспорой чего они являются, находясь в Корее, и диаспорой чего они являются, находясь в Узбекистане или Казахстане?

И название для таких нашлось – *транснациональные общности* (А. Ким, В. Тишков, Г. Шеффер). В связи с этим В. А. Тишков пишет: «На горизонте мы уже видим принципиально новые явления, которые невозможно осмыслить в старых категориях. Одно из таких явлений – это формирование транснациональных общностей за привычным фасадом диаспоры»²⁵. Это понятие «отражает явление, обнаружившееся в связи с изменением характера пространственных перемещений, новыми транспортными средствами и коммуникативными возможностями, а также характером человеческих занятий»²⁶.

О политических аспектах деятельности диаспор и создаваемых ими трансгосударственных сетей и систем коммуникаций говорит и Г. Шеффер²⁷. А. С. Ким различает этнические со-

общества, включённые в глобальные миграционные процессы и не включённые. У тех, кто включён, появляется совокупность новых свойств – *транснациональность*²⁸. Что это за свойства:

- трансмобильность (пространственная мобильность, способность к различным видам транснациональной миграции);
- транскультурность (бикультурность, межкультурная коммуникация);
- трансгосударственность (трансгосударственные сети, объединяющие этнические общины диаспоры и сам государствообразующий этнос);
- трансграничность (диаспоральное пересечение государственных границ и проживание на трансграничных территориях)²⁹.

В связи с этими свойствами автор вводит понятие «пространство диаспоры». «Последнее, – пишет А. С. Ким, – включает в себя не только всю совокупность связанных генеалогий расселения, но и тех, кто остался на исторической родине, формируя тем самым трансгосударственные сети, объединяющие этнические общины диаспоры и сам государственнообразующий этнос»³⁰.

Практически все исследователи подчёркивают, что для диаспор характерно такое явление как *диаспорное самосознание*. «Известен лишь один надёжный критерий для любых этнических общностей, – пишет С. А. Арутюнов, – самоосознание через самосознание, проявляющееся в самоназвании»³¹.

И ещё одно примечательное свойство – *диаспорное мифотворчество*. Проживая вне своей исторической родины, диаспорное сознание ищет опору в исторической памяти, в исторических ценностях и моделях поведения в целях утверждения своей идентичности и легитимации тех же ценностей и моделей поведения, но уже в новых реалиях. Прошлое *конструируется* в том в виде, в каком оно прагматически выгодно, инструментально применимо и функционально. С этой целью прошлое подвергается ревизии и мифологизации – героизации, романтизации,

драматизации, гиперболизации, вплоть до этногенетических притязаний на права автохтонного народа в местах нынешнего проживания, живущего на исконной земле праотцов (искусственное удревнение своих корней на данной земле), зачастую в противовес исторически признанным фактам. Причём порой речь идёт не только о местах нынешнего проживания, но о целых континентах, большинстве древних цивилизаций, и даже наследных мессианских правах пионеров-первооткрывателей, первопоселенцев в первобытную эпоху³².

То есть определений диаспоры стало так много (я затронул только часть из них), что уже появились классификации не только этих определений, но и самих подходов к ним (Т. Кондратьева)³³. Чем объяснить столь нарастающий вал дефиниций, казалось бы, интуитивно ясного феномена? Мне представляется, что это обилие связано с вопросами методологии и прежде всего с тем, *что* определяется и *на каких путях* (посредством чего).

С какой ситуацией сталкиваются исследователи, пытающиеся дать наиболее общую, универсальную дефиницию диаспоры? Ведь типов диаспор много. Так, в оборот вошли понятия «классические диаспоры» и «новые диаспоры»; диаспоры различают и классифицируют по самым разным основаниям (В. Попков, Т. Кондратьева и др.). Что характерно для одной диаспоры, может не быть характерным для другой. Чуть ли не каждая диаспора обладает особенными для неё признаками. Каждый раз добавлять в определение очередной уникальный признак? Разрастаясь деталями, такие эмпирические дефиниции не дают сущностного понимания феномена. К тому же здесь возникает проблема универсальности признаков. И есть ли таковые? Я думаю, путь эмпирического выявления суммы общих признаков (или «методология перечисления признаков»³⁴) – тупиковый путь. Разрастаясь деталями, такие эмпирические дефиниции не дают сущностного понимания феномена.

Мне уже приходилось высказать своё отношение к тако-

го рода формально-логическим определениям³⁵: считаю, что механическая «сборка» внешних маркеров не даст желаемого результата. Проблема *теоретического* определения диаспоры – отдельный и непростой вопрос, требующий развёрнутого освещения. Замечу лишь, что в литературе, при определении диаспоры, в основном доминирует *объективистский* подход, и здесь я согласен с В. А. Тишковым, считающим необходимость его преодоления, но не согласен заменой его на подход *субъективистский*, релятивистский. Если двигаться дальше, оба подхода – как объективистский, так и субъективистский, взятые в чистом виде, – представляются мне односторонними³⁶.

Попытки дать универсальную дефиницию диаспоры зачастую связаны с её пониманием как *статичной* сущности. Разумеется, когда мы пытаемся определить диаспору как некую совокупность не меняющихся признаков, вне пространства и времени, мы загоняем себя в методологический тупик, и отрываемся от реальных исторических процессов и обстоятельств, в рамках которых возникают, развиваются и умирают диаспоры. Динамичное понимание диаспоры изначально предполагает временность её признаков, данных в статичной модели.

Говоря несколько лет тому назад о трудностях определения этноса и этничности, которые также зашли в аналогичный, с моей точки зрения, тупик, я обратил внимание на методологическую ошибочность их понимания в качестве совокупности внешних абстрактных (внепространственных и вневременных) статичных признаков. Тогда я писал: «Мне представляется, что принципиальные трудности в обнаружении «родовой сущности этноса» или «этнического ядра» заключаются в том, что это ядро не является статичным и одним и тем же во все времена. Само ядро и элементы периферии могут меняться, в том числе и местами. Именно поэтому элементы этнической идентичности, работающие в одну эпоху, перестают работать в другую («ускользают»). Каждый исторический период представляет собой *временной*, во многом уникальный, набор условий, в ко-

торых происходит формирование (конструирование) и функционирование этничности.

<...> Существуют не только временные, но и *пространственные* (региональные) особенности формирования этнических общностей и их отношений (функционирования этничности). Каждое социально-культурное, политико-экономическое и ландшафтно-климатическое пространство (взятое исторически) отличается своими условиями.

<...> Этническое обладает структурно-функциональным и иерархическим строением, а также пластичностью. И здесь важно введение *принципа относительности*. Можно говорить о различных системах координат (ценности и интересы, сознание и поведение, обыденное и сакральное и т.д.) и масштабах (микро-, макро- и мега-уровни), в которых может существовать этническое, причём одновременно. И то, что существует на одном уровне и в одной системе координат, может не соответствовать (или противоречить) тому, что существует на другом уровне и в другой системе координат. Эта «многоликость» этнического – одна из причин его «ускользания»³⁷.

Как и в случае с этносом и этничностью, многоликость (относительность) диаспоры и диаспорного – также одна из причин их ускользания при жёстких однозначных дефинициях. Многоликость диаспоры и одновременное существование феномена в разных системах координат ведут к тому, что наряду с весьма абстрактным определением диаспоры как статичного феномена возможны динамичное определение и множественность её определений с точки зрения принципа относительности и множественности этих систем координат. Так, С. К. Бондырева и Д. В. Колесов сформулировали ряд дефиниций диаспоры с точки зрения её адаптивных свойств (их можно рассматривать как возможную систему координат). С этой точки зрения диаспоры, это:

– диффузное сообщество индивидов, прошедших исторический опыт адаптирования к самым разнообразным условиям;

– историческая многовековая школа выживания индивидов в чужеродной среде;

– весьма гибкая миграционная структура, участники которой способны успешно взаимодействовать на расстоянии и особенно хорошо научились использовать виртуальное пространство;

– совокупность индивидов, научившаяся извлекать выгоды из своего пребывания в меньшинстве³⁸.

Как видим, понятное на интуитивном уровне понятие «диаспора» в действительности отнюдь не просто, и его удовлетворительное определение далеко от завершения, не говоря уже о построении теории диаспоры.

Что касается корейцев в царской России, СССР, СНГ и их потомков за пределами русскоязычного пространства, то мы будем раскрывать их характеристики по мере описания исторического пространственно-временного существования (становления, развития, исчезновения) этой диаспоры/этих диаспор в различных экономических, политических и культурных средах. Это позволит пролить свет и на феномен диаспоры в целом.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Авторский термин, введённый мною в 2013 г. – *«중앙아시아의 코리안 에트노스 – 어제와 오늘 // 한 발레리, 심현용 지음. 성균중국연구소 한국-아시아 문명교사 10. 서울: 이매일, 2013. – С. 8; Хан В. С., Сим Хон Ёнг. Корейцы Центральной Азии: прошлое и настоящее. – М., 2014. – С. 6.*

² Другими проявлениями глобализации этничности являются: (1) множество этнических конфликтов, которые перестают носить локальный характер, всё более выходя в сферу мировой политики; (2) тенденция панэтнизма, когда национальные государства ведут политику объединения диаспор в единое целое или создания международных этнических сообществ, что делает эти сообщества факторами международной политики. – *중앙아시아의 코리안 에트노스 – 어제와 오늘 // 한 발레리, 심현용 지음. 성균중국연구소 한국-아시아 문명교사 10. 서울: 이매일, 2013. – С. 8;*

Хан В. С., Сим Хон Ёнг. Корейцы Центральной Азии: прошлое и настоящее. – С. 6-7.

³ Арутюнов С. А., Козлов С. Я. Диаспоры: скрытая угроза или дополнительный ресурс // Независимая газета. 23 ноября 2005 г.

⁴ Миграция [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.un.org/ru/sections/issues-depth/migration/> (13.06.2020).

⁵ Арутюнов С. А. Диаспора – это процесс // Этнографическое обозрение. 2000. № 2. С. 74-78; Кондратьева Т. С. К вопросу о понятии «диаспора»: Дискуссия в научном сообществе // Диаспоры в Европе. – М., 2009. № 4. – С. 17-42; Ким А. С. Этнополитическое исследование современных диаспор (конфликтологический аспект). Дисс. на соискание уч. степени доктора полит. наук. – СПб., 2009; Левин Э. И. Менталитет диаспоры (системный и социокультурный анализ). – М., 2001; Милитарев А. Ю. О содержании термина «диаспора» (к разработке дефиниции) // Диаспоры. 1999. № 1. – С. 24-33; Полоскова Т. В. Современные диаспоры: внутривнутриполитические и международные аспекты. – М., 2002; Попков В. Д. Диаспорные общины в межкультурном взаимодействии: пути формирования и тенденции развития. Дисс. на соискание уч. степени доктора социолог. наук. – М., 2003; Попков В. Д. «Классические» диаспоры: к вопросу о дефиниции термина // Диаспоры. 2002. № 1. – С. 6-22; Семёнов Ю. И. Этнос, нация, диаспора // Этнографическое обозрение. 2000. № 2. – С. 64-73; Тишков В. А. Исторический феномен диаспоры // Этнографическое обозрение. 2000. № 2. – С. 43-63; Шеффер Г. Диаспоры в мировой политике // Диаспоры. 2003. № 1. – С. 162-184; Шнирельман В. Мифы диаспоры // Диаспоры. 1999. № 2-3. – С. 6-34.

⁶ Авдашкин А. А. Диаспора: происхождение и развитие понятия // Социум и власть. 2013. № 2 (40). – С. 107-111; Аветян Н. С. Диаспоры в современном мире: эволюция явления и понятия // Наука и общество: история и современность: материалы международной научно-практической конференции. – Минск, 16-17 октября 2014 г. / Ред. кол.: Котляров И. В. (гл. ред.) и др.; НАН Беларуси, Ин-т социологии НАН Беларуси. – Минск, 2014; Ким Г. Н. Основы диаспорологии: учебное пособие. – Алматы, 2018; Обидина Ю. С. Концептуализация понятия «диаспора» в современных научных исследованиях // Запад-Восток. Научно-практический ежегодник. 2012. № 4-5. – С. 5-18.

⁷ Дятлов В. Диаспора: попытка определиться в термине и понятии // Диаспоры. 1999. № 1. – С. 8.

⁸ Шнирельман В. А. Мифы диаспоры // Диаспоры. 1999. № 2-3. – С. 6.

⁹ Национальные диаспоры в России и за рубежом в XIX–XX вв. Сб. статей / Под ред. академика РАН Ю. А. Полякова и доктора истор. наук Г. Я. Тарле. – М., 2001. – С. 4.

¹⁰ Лысенко Ю. Этнические мосты. Диаспоры как фактор международных отношений // Ex libris НГ (Прилож. к «Независимой газете»). 15 октября 1998 г.

- ¹¹ Семёнов Ю. И. Этнос, нация, диаспора // Этнографическое обозрение. 2000. № 2. – С. 66.
- ¹² Тощенко Ж. Т., Чаптыкова Т. И. Диаспора как объект социологического исследования // Социс. 1996. № 12. – С. 37.
- ¹³ Там же. – С. 35.
- ¹⁴ Арутюнов С. А. Диаспора – это процесс // Этнографическое обозрение. 2000. № 2. – С. 77-78.
- ¹⁵ Там же. – С. 76.
- ¹⁶ Тишков В. А. Исторический феномен диаспоры // Этнографическое обозрение. 2000. № 2. – С. 60.
- ¹⁷ Космарская Н. П. Диаспора. [Электронный ресурс]. – URL: <https://bigenc.ru/ethnology/text/1954692> (13.06.2020).
- ¹⁸ Полоскова Т. В. Современные диаспоры: внутривосточные и международные аспекты. – М., 2002. – С. 18.
- ¹⁹ Семёнов Ю. И. Этнос, нация, диаспора // Этнографическое обозрение. 2000. № 2. – С. 64-73.
- ²⁰ Тишков В. А. Исторический феномен диаспоры // Этнографическое обозрение. 2002. № 2. – С. 50.
- ²¹ Там же. – С. 48.
- ²² Там же.
- ²³ Минасян Л. Сергей Арутюнов: «В мире всё больше людей, живущих на два дома и две страны» // Ноев Ковчег N 03 (97). Март 2006 года. [Электронный ресурс]. – URL: <http://old.noev-kovcheg.ru/article.php?n=96&a=38> (13.06.2020).
- ²⁴ Арутюнов С. А., Козлов С. Я. Диаспоры: скрытая угроза или дополнительный ресурс // Независимая газета. 23 ноября 2005 г.
- ²⁵ Тишков В. А. Исторический феномен диаспоры // Этнографическое обозрение. 2002. № 2. – С. 60.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Шеффер Г. Диаспоры в мировой политике // Диаспоры. 2003. № 1. – С. 166-167.
- ²⁸ Ким А. С. Транснациональность диаспоральных процессов // Научная мысль Кавказа. 2006. № 4. – С. 27.
- ²⁹ Там же. – С. 31.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Арутюнов С. А. Указ. соч. – С. 77.
- ³² См.: Шнирельман В. А. Мифы диаспоры // Диаспоры. 1999. № 2-3. – С. 6-34.
- ³³ Кондратьева Т. С. Диаспоры в современном мире: эволюция явления и

понятия // Перспективы. 27.02.2010. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=48886> (18.10.2020).

³⁴ Авдешкин А. А. Диаспора: происхождение и развитие понятия // Социум и власть. 2013. № 2 (40). – С. 111.

³⁵ В своей статье, посвящённой конфликту этнологии, я писал о методологических проблемах определения понятия «этнос»: «Редукция «многого» к «единому» (единству в многообразии) тесно связана с пониманием *общего* (всеобщего). Долгое время в формальной логике и основанной на ней науке под общим понимались одинаковые внешние признаки предметов. Общее выступало как *понятие*, абстракция, фиксирующая сходство предметов. Таким образом понятие *абстрактно-общее* стало основой формирования эмпирических понятий. Однако все попытки зафиксировать и описать внешние сходные признаки определённой группы предметов так и не приводили к пониманию их сущности, она неизбежно ускользала. Возникла необходимость иного понимания сущности – не как формально-сходного общего. И новое понимание общего (теоретически понятие) было сформулировано в диалектической логике (Гегель, Маркс) как генетическое, исходное, родовое, реальное *конкретно-общее*, связывающее элементы определённой группы в одно целое. <...> Данный экскурс по поводу разницы формального абстрактно-общего и диалектического конкретно-общего позволяет понять, почему все попытки раскрыть сущность этноса через его внешние стороны и свойства не увенчались успехом. <...> Однако никакое знание о внешних сторонах и признаках не даст понимания сущности этноса, потому что она не равна их сумме». – Хан В. С. Об антиномиях и современном противостоянии в этнологии // Вестник антропологии. 2015. № 1 (29). – С. 16-17.

³⁶ Противостояние объективистской и субъективистской парадигм можно наблюдать и в имеющихся определениях этноса и этничности. В последние годы всё чаще ставится вопрос об интеграции различных этнических концепций. Так, И. Ю. Заринов считает, что теория этноса и концепции этничности – «две стороны одной медали», что развитие этнологической науки должно происходить на путях «дополнительности», а не противопоставления этих теорий. Такой же подход выражен в монографии С. Рыбакова. – Заринов И. Ю. Время искать общий язык // Этнографическое обозрение. 2000, № 2; Рыбаков С. Е. Философия этноса. – М., 2001. См. также: Хан В. С. Об антиномиях и современном противостоянии в этнологии // Вестник антропологии. 2015. № 1 (29).

³⁷ Хан В. С. Об антиномиях и современном противостоянии в этнологии // Вестник антропологии. 2015. № 1 (29). – С. 16, 17.

³⁸ Бондырева С. К., Колесов Д. В. Миграция (сущность и явление): Учебно-методическое пособие. – М., 2004. – С. 57-58.

§ 2. Диаспоризация корейского этноса

Корейская эмиграция, имевшая место на протяжении последних 150 лет и достигшая небывалого роста во второй половине XX – начале XXI веков¹, привела к высокой степени дисперсности корейского этноса и образованию крупной корейской диаспоры (диаспор). Следствием масштабной эмиграции корейцев во второй половине XIX–XX вв. стала *диаспоризация* корейского этноса, которая сама является частью глобальных миграционных процессов.

Корейский этнос насчитывает около 81 млн. человек, большая часть которого проживает на Корейском полуострове. В 2020 г. численность населения полуострова составила около 76 млн. человек: на Юге (Республика Корея) – более 50 млн. (без учёта иностранцев)² и на Севере (КНДР) – более 25,8 млн.³ Со второй половины XIX в.⁴ началась масштабная корейская эмиграция за рубеж, которая продолжается по сей день. По данным МИД Республики Корея, в 2019 г. за пределами полуострова проживало более 7,5 млн. корейцев в 193 странах мира⁵. Около 500 тысяч корейцев проживают в СНГ.

Если учесть интенсивность миграции корейцев как в прошлом, так и в настоящее время⁶, то в недалёком будущем численность корейцев за пределами полуострова может оказаться сопоставимой с населением КНДР. Вполне естественно, что столь стремительный рост зарубежной корейской диаспоры не может не вызывать повышенного к ней внимания со стороны обеих Корей, особенно Южной. Как пишет российский этнолог С. А. Аругюнов, «если учесть постоянный рост числа диаспор, их динамизм, активные экономические, политические связи, лоббизм вплоть до самых “верхних этажей” – и в странах “исхода”, и в принимающих странах, то роль их в современном мире переоценить невозможно»⁷.

Если говорить о корейцах, то до недавнего времени – почти

до конца XX века – корейские диаспоры в различных странах мира были как бы «предоставлены самим себе» и не находились в фокусе внимания правительства и общественности обеих Корей. Так, вплоть до периода своего экономического расцвета Южная Корея, по понятным причинам, была поглощена решением своих проблем, и говорить о какой-либо стратегии корейского правительства по отношению к корейским диаспорам не приходилось, за исключением аспекта, связанного с противостоянием Северной Корее. С другой стороны, первые волны корейских иммигрантов в большинстве стран мира не обладали достаточным потенциалом, чтобы выступить в качестве равноправных партнёров Корей. А в качестве «бедных родственников» они не представляли для официальных Корей интереса, тем более стратегического⁸.

Некогда «бедные родственники» сегодня постепенно заняли влиятельные позиции в социальной иерархии стран-реципиентов, стали влиять не только на рынки труда в этих странах, но и на их культуру и даже внешнеполитическую деятельность (лоббизм). Достаточно обратиться к примеру корейцев СССР, а ныне стран СНГ. В числе их представителей (были или есть):

- крупные политики и члены правительств (вице-премьеры, министры и замминистров, сенаторы, депутаты парламентов, заметные фигуры в различных политических и общественных организациях);

- учёные со степенями и званиями (академики и члены корреспонденты академий наук, профессора и доценты); руководители учебных и научных подразделений (ректоры и проректоры, деканы и заместители деканов, заведующие кафедрами высших учебных заведений; директора и заместители директоров, начальники отделов и секторов научно-исследовательских и проектных институтов);

- богатейшие бизнесмены, входящие в рейтинги журнала Forbes;

– руководители крупных промышленных, финансовых и сельскохозяйственных государственных и частных предприятий;

– известные спортсмены (олимпийские чемпионы, призёры чемпионатов мира и Европы, чемпионы мира в профессиональном спорте, победители различных международных турниров, чемпионы национальных чемпионатов СССР и стран СНГ, старшие тренеры сборных команд, руководители национальных олимпийских комитетов, руководители ассоциаций по различным видам спорта);

– известные, получившие международное признание писатели, композиторы, художники, артисты эстрады, оперы и балета и т.д.⁹

В других странах корейские диаспоры также достигли успехов, хотя не столь впечатляющих. Так, в США за американскими корейцами, наряду с выходцами из Японии и Китая, закрепился статус «образцового меньшинства» (*model minority*)¹⁰. Возьмём, к примеру, получение образования в престижных американских университетах. Если выходцы из этих стран в 90-х годах прошлого века составляли лишь 2,4% от населения США, то количество обучающихся «азиатских американцев» в Гарвардском университете составлял 17,1% от общей численности студентов, в Калифорнийском университете Беркли – 27,3%, аналогичные цифры приводятся по Колумбийскому, Йельскому, Принстонскому университетам, Массачусетскому технологическому институту¹¹. Если взять сферу бизнеса, то, по данным департамента иммиграции США данного периода, среди 17 новых иммигрантских групп корейцы имели самый высокий рейтинг по созданию собственного самообеспечивающего бизнеса¹².

Нужно иметь в виду, что Республика Корея в результате «корейского экономического чуда» ныне занимает 11–12-е место в экономической иерархии мира, вошла в G-20 и вплотную приблизилась к клубу самых богатых стран планеты. Однако

её политическое и культурное влияние в мире не соответствует экономическому положению страны. Вполне естественно, что Корея будет стремиться упрочить свои геополитические позиции и своё политико-культурное влияние в мире. И один из путей – *корейские диаспоры*.

Всё это порождает проблему диалога Кореи и корейских диаспор мира¹³.

Типология корейской эмиграции может быть осуществлена по различным основаниям¹⁴.

По причинам или мотивам, корейская эмиграция подразделяется на *политическую* миграцию (например, после аннексии Японией Кореи в 1910 г.), *экономическую* (трудовую миграцию, миграцию с целью получения образования), *семейно-бытовую* (создание семьи) и т.д. По характеру волеизъявления корейские миграции делятся на *вынужденные* (как в случае миграции на российский Дальний Восток во второй половине XIX – начале XX вв.), *насильственные* (например, принудительная отправка японскими властями корейцев для исполнения трудовой повинности на Карафуто в 1944–1945 гг.) или *добровольные*, как в случае современной миграции в США, Западную Европу или Австралию. Условия существования и адаптации, а значит и выбор поведенческих моделей корейских диаспор в странах-реципиентах также различаются. Это – гомогенное (как в Японии) или гетерогенное этническое окружение (как в США и СССР), схожесть или разность культур с народами-соседями, либерально/демократический или авторитарно/тоталитарный характер политической системы стран-реципиентов, уровень экономико-технологического развития новых стран, особенности национальной политики и т.д.

Интенсивность эмиграции корейцев и их длительное проживание за пределами корейского полуострова стали приводить к дивергентным процессам в корейском этносе. Эти процессы имеют количественный и качественный параметры.

Количественный параметр связан с ростом численности корейской диаспоры и дисперсностью её расселения по всему миру. Как выше отмечалось, по данным МИД Республики Корея в 2019 г. за пределами полуострова проживало более 7,5 млн. корейцев в 193 странах мира¹⁵.

Качественный параметр связан с тем, что, формируясь, адаптируясь и ассимилируясь в иной этнической, социально-политической и экономической среде, корейские диаспоры различных стран приобретают всё больше черт, отличающих их от материнского этноса и друг от друга. Это связано как с общей трансформацией традиционных этнокультурных характеристик, так и с этнокультурными и социально-политическими изменениями, имеющими локальный характер. Поэтому мы можем говорить о том, что корейские диаспоры и тенденции их развития имеют как *общие*, так и *особенные* черты. И степень развития особенных черт такова, что может быть основанием для выделения *новых субэтнических образований* – китайских корейцев, японских корейцев, американских корейцев, корейцев СССР/СНГ и др. – из общей массы корейцев и даже этнографических групп. Так, в составе корейцев СССР/СНГ можно выделить «корё сарам» (переселенцев на Дальний Восток с Кореи и их потомков) и «сахалинских корейцев» (эти группы, кстати, сами отличают себя друг от друга), и даже внутри «корё сарам» корейцы, проживающие в разных странах СНГ, начинают отличать себя от других¹⁶. Если не брать сахалинских корейцев, то остальные корейцы, проживающие в странах СНГ (а сегодня и за его пределами) в качестве идентификации используют общий этноним «корё сарам». Поскольку настоящая книга посвящена изучению корейцев советской/постсоветской Центральной Азии, для их обозначения мы также будем использовать этот термин, хотя объём его шире, поскольку включает корейцев и других регионов, и других исторических периодов (царскую Россию).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Подробно о корейской иммиграции см.: *Ким Г. Н.* История иммиграции корейцев. Книга первая. Вторая половина XIX в. – 1945 г. – Алматы, 1999; *Ким Г. Н.* История иммиграции корейцев. Книга вторая. 1945–2000 гг. Ч. 1. – Алматы, 2006; *Ким Г. Н.* История иммиграции корейцев. Книга вторая. 1945–2000 гг. Ч. 2. – Алматы, 2006.

² Korean Statistical Information Service (KOSIS) [Электронный ресурс]. – URL: <http://kosis.kr> (23.05.2020).

³ Население Северной Кореи [Электронный ресурс]. – URL: https://countrymeters.info/ru/Democratic_People's_Republic_of_Korea (23.05.2020).

⁴ Исключение составляет Китай, имеющий протяжённую границу с Кореей, через которую миграционные процессы шли на протяжении всей истории обеих стран. Однако переселенцы с Корейского полуострова, мигрировавшие в Маньчжурию в ранние эпохи, ассимилировались с маньчжурами или китайцами. Собственно корейскую диаспору современного Китая образуют переселенцы, мигрировавшие в Маньчжурию во второй половине XIX – первой половине XX вв.

⁵ 다수거주국가[Электронный ресурс]. – URL: http://ппп.mofa.go.kr/www/wprge/m_21509/contents.do (23.05.2020). По расчетам Г. Шеффера, численность самой большой из так называемых «исторических» диаспор – китайской – составляет 35 млн. человек, индийской – 9 млн., еврейской и цыганской – по 8 млн., армянской – 5,5 млн., греческой – 4 млн., немецкой – 2,5 млн., диаспоры друзов – 1 млн. человек. Среди «современных» диаспор самая крупная, афро-американская, насчитывает 25 млн. человек, курдская – 14 млн., ирландская – 10 млн., итальянская – 8 млн., венгерская и польская – по 4,5 млн., турецкая и иранская – по 3,5 млн., японская – 3 млн., ливанская (христианская) – 2,5 млн. человек. – Цит. по: *Кондратьева Т.* Диаспоры в современном мире: эволюция явления и понятия // Перспективы. 27.02.2010. Корейская диаспора в 7 млн. при этом не упоминается. Аналогичная ситуация в Википедии, где в статье «Диаспора» перечислены 17 крупнейших диаспор численностью от 50 млн. до 3,5 млн. Корейской диаспоры в этом списке нет. – Диаспора [Электронный ресурс]. – URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Диаспора> (22.09.2020).

⁶ По данным социологического исследования, в декабре 2019 г. 75% молодых южнокорейцев в возрасте от 19 до 34 лет хотят покинуть страну. – *Park Hyun-jung.* 75% of younger S. Koreans want to leave country [Электронный ресурс]. – URL: http://english.hani.co.kr/arti/english_edition/e_national/922522.html?fbclid=IwAR29LRsbed9bIUMy9jA-yuvn1F7LKXvo0EriM2V1um0eR52GFb1TszxhZIU (02.07.2020).

⁷ Арутюнов С. А.: «В мире всё больше людей, живущих на два дома и две страны» // Ноев ковчег [Электронный ресурс]. – URL: <http://noev-kovcheg.1gb.ru/article.asp?n=96&a=38> (13.06.2020).

⁸ Данный факт признаётся и официальными кругами Южной Кореи. – См.: Бугай Н. Ф. Корейцы стран СНГ: общественно-«географический синтез» (начало XXI века). – М., 2007. – С. 277-278.

⁹ Подробно см.: Хан В. С. Корё сарам: кто мы? Очерки истории корейцев. – Бишкек, 2009. – С. 127-148.

¹⁰ Отметим, что наряду с употреблением данного понятия в положительном смысле, имеет место и его критика, исходящая из допущения, что речь идёт об очередном мифе.

¹¹ См.: Griffiths, Ann Hagen. The Korean Americans. New-York, 1992. P. 99.

¹² Ibid. P. 102-103. О конкурентных возможностях иммигрантов более подробно см.: Бондырева С. К., Колесов Д. В. Миграция (сущность и явление): Учебно-метод. пособие. – М.-Воронеж. 2004; Лопухина Т., Градировский С. Типологии миграционных процессов // Русский архипелаг. [Электронный ресурс]. – URL: <https://web.archive.org/web/20120723053227/http://пшп.archipelag.ru/authors/lopuhina/?library=1108> (11.06.2020).

¹³ Хан В. С. Корейская диаспора СНГ и Корея // Диалог культур Корё та країн СНД. Міжнародна наукова конференція. – Київ, 2007. – С. 191-203; Он же: «Мы» и «Они» // Известия корееведения Казахстана. Вып. 6. 1999. – С. 103-107.

¹⁴ В литературе есть подробные типологии миграционных потоков. С точки зрения *целеполагания*, миграционные процессы делятся на добровольные, принудительные и вынужденные. *Добровольные* миграции делят на трудовые, деловые, образовательные, рекреационные и переселенческие; *принудительные* – на насильственные и репрессивные; относительно *вынужденного* целеполагания мигрантов делят на беженцев и вынужденных переселенцев. Относительно *конечного пункта прибытия* миграции делятся – на маятниковые и векторные. *Маятниковые миграции* делят на челночные и сезонные. *Векторные миграции* делятся на безвозвратные, временно-постоянные (сроком на 1–6 лет, что обычно связано с получением образования, работы и т.д.) и эпизодические – т.е. это разовые, без повторного цикла поездки. Относительно *административной границы* миграционные потоки делятся на внешние и внутренние. Внешние делятся на эмиграционные и иммиграционные (относительно страны-приёма и эмитента), а внутренние – на внутрирегиональные и межрегиональные. – Лопухина Т., Градировский С. Типологии миграционных процессов // Русский архипелаг. [Электронный ресурс]. – URL: <https://web.archive.org/web/20120723053227/http://пшп.archipelag.ru/authors/lopuhina/?library=1108>

(11.06.2020). См. также типологии миграционных потоков в работах В. Попкова, Г. Шеффера.

¹⁵ См.: 다수거주국가 [Электронный ресурс]. – URL: http://www.mofa.go.kr/www/wpge/m_21509/contents.do (23.05.2020).

¹⁶ Есть ещё незначительное число северокорейцев, попавших в СССР и затем решивших не возвращаться в КНДР. Их нельзя назвать общностью или этнографической группой, поскольку (1) они не проживали(ют) компактно, (2) женились на советских гражданках (преимущественно на местных кореянках), (3) не поддерживали каких-либо особых социальных связей в качестве выходцев из КНДР (в виде землячества).

§ 3. Что после нации?

А фактически, на повестке дня стоит вопрос о переходе корейского этноса с национального уровня на пост-, над-национальный, точнее – *мета-национальный* уровень.

Этнические общности в своём развитии имели различные исторические формы. Что это были за формы? Этот вопрос и по сей день является предметом дискуссий (как и вопрос об определении понятий «этнос» и «диаспора»). Так, согласно советским учебникам по социальной философии, истории и этнографии и большинству научных работ советских авторов, этнические общности имели следующие исторические формы: род/племя – народность – нация (сначала капиталистическая, затем – социалистическая). Несмотря на общепризнанность в целом этой схемы в советском общественном сознании, среди учёных шли жаркие дебаты по поводу деталей этой схемы, сути тех или иных форм и даже по поводу признания тех или иных форм универсальными, о чём свидетельствует разгоревшаяся дискуссия на страницах «Советской этнографии» в 1960–1980-х годах¹.

В советской и зарубежной литературе вышеуказанные типы этнических общностей неоднократно подвергались сомнению как с точки зрения их исторического существования, так и с точки зрения их универсальности для всех ареалов. Так, многие исследователи считали, что род, «основанный на кровнородственных связях и являющийся частью племени, часть социального организма, должен быть отнесён не к этническим, а скорее всего – к брачно-семейным социальным группам»², древнейшим же типом этнической общности является племя. А Н. Чебоксаров поднял вопрос о том, может ли отдельное племя считаться самостоятельной этнической общностью³. В. Ф. Генинг от этого вопроса идёт уже к утверждению, что нужно «отказаться от отнесения племени к категории этни-

ческих формирований»⁴. А О. Ю. Артёмова считает, что ни род, ни племя не являются универсальными типами ранних форм социальной организации людей⁵. В западной литературе появился термин «вождество» как альтернатива термину «племя».⁶

Или, существует ли такая форма этнической общности, как народность, в отличие от народа? Так, в английском языке нет термина для обозначения такого рода общности.

Если вопрос о самом факте существования рода, племени и народности как исторических типов этнических общностей до сих пор является предметом дискуссий, то ситуация с понятием *нация* иная. Сам факт повсеместного образования наций как устойчивых и сплочённых общностей, возникших в результате предшествующих этнических формообразований (не важно, каких) и деятельности политических элит, разделяется большинством учёных⁷. Нации признаются высшей стадией этнического (точнее, этнополитического) развития, связанной с образованием национальных государств. А признав этот тезис, научное сообщество снова расколосось на два лагеря – тех, кто считает, что возникшие путём этнокультурных и этнополитических процессов нации создают национальные государства, и тех, кто считает, что нации – это продукт целенаправленной деятельности государства. Мне представляется, что исторический процесс столь многообразен, что включает оба эти пути, как и третий, когда эти процессы идут параллельно.

В нации-государстве, как в «плавильном котле», родоплеменная мозаика начинает уступать место расширяющейся гомогенности, формирующейся на основаниях, выходящих за рамки «этничности». Так, становление узбеков как *нации* происходил в рамках Узбекской ССР (национального государства в рамках более широкой федерации – СССР), возникшей в результате национально-государственного размежевания Средней Азии в 1924-1929 гг. Все родоплеменные и этнографические тюркские группы постепенно были объединены в одну

категорию – узбек⁸. Логика разнообразия сменилась логикой единства.

В связи с глобализацией понятие национального государства и присущего ему суверенитета начинает размываться. Масштабные иммиграционные процессы породили вопрос о том, входят ли иммигранты в нацию страны-реципиента или остаются этническими иммигрантами в чужом национальном государстве. Меняется и содержание понятия «нация», в котором этническое содержание вытесняется политическим, что и произошло во французском и английском языках под влиянием Великой Французской революции.

В русском и немецком языках сложилась иная ситуация.

Если говорить о немецком языке, то ещё Ф. Мейнеке в работе «Мировая буржуазия и национальное государство» (1907) предложил различать два типа наций – культурные и государственные (нем. *Kulturnation* и *Staatnation*): «Вопреки всем оговоркам, которые нужно сразу же сделать, нации можно разделить на культурные и государственные, то есть, на нации, которые преимущественно основаны на каком-то культурном наследии, появившемся в результате совместной жизни, и на нации, которые основываются преимущественно на объединяющей силе общей политической истории и конституции»⁹. И в дальнейшем в немецкой академической литературе и в политическом лексиконе наблюдается это различие между *Volknation* и *Staatnation*.

В русском языке термин «национальный» большей частью употребляется как синоним термина «этнический» («межнациональные отношения», «национальная кухня», «национальные обычаи», «национальная литература» и т.д.). Вопрос «Ты кто по национальности?» воспринимается исключительно в этническом контексте¹⁰. Под влиянием международной практики этот термин начинает обретать и другое звучание, связанное с государством («международное и национальное право», «Национальный заповедник», «Национальный университет» и т.д.)¹¹.

В научной литературе стали твёрдо различать этнонацию (нацию-этнос) и гражданскую нацию (нацию-согражданство, или политическую нацию)¹². Различением этнического и политического содержания понятия *нация* «было положено начало двум подходам в изучении нации – французскому как политическому концепту и немецкому – как этносоциальному, активно впоследствии использовавшихся в примордиалистском и конструктивистском проектах видения нации»¹³. Наряду с понятиями «нация» и «государство» появились понятия «нация-государство» и «многонациональное государство»¹⁴. Эти понятия стали предметом ожесточённых дискуссий не только в науке, но и при принятии государственных документов по национальной политике и даже конституций.

Иначе говоря, нации, сформировавшиеся в эпоху становления национальных государств (этнонации, нации-государства) не стали последней формой этнического (этнокультурного и этнополитического) развития. Они, как и все предшествующие общности в этнической истории, столкнулись с конвергентными и дивергентными процессами. Например, в результате конвергентных и интеграционных процессов в США сформировалась *надэтническая* общность («американский народ», «американская нация»), не сводимая к определённым этническим группам, например, потомкам англосаксов. А в СССР сформировалась новая *надэтническая* и *наднациональная* общность («советский народ»), не сводимая к определённым этническим группам или нациям (государственным образованиям, национальным республикам).

В результате же миграционных, дивергентных и дисперсных процессов, ведущих к диаспоризации, нации начинают распадаться на субэтнические образования, также обретая *наднациональный* характер, но другого рода, чем в случае межнациональной интеграции и синтеза. Так, наднациональный характер приняли этносы, расселившиеся по всему миру и образовавшие крупные зарубежные диаспоры (армяне, евреи,

китайцы и др.). Например, за пределами Армении армян проживает больше, чем в самой стране. Если население Армении составляет около 3 млн. человек, то армянская диаспора насчитывает до 15 млн. человек.

Есть прецеденты, когда этнос образует не одно, а несколько государств, а также когда диаспоры в том или ином государстве составляют большинство или весьма значительную часть населения. Например, китайцы составляют не только титульное население в Китае, Гонгonge и Тайване, но и большинство населения в Сингапуре (более 76%), значительную долю населения в Малайзии (около 25%), Таиланде (15%). Они же образовали крупные диаспоры, сопоставимые с населением иных государств, например, в Индонезии более 7 млн. китайцев, а в итоге более 40 млн. в 140 странах мира за пределами Китая. Это крупнейшая наднациональная общность в современном мире.

В случае корейцев также можно обсуждать идею о возможном формировании единой *наднациональной корейской общности* (корейцы Севера + корейцы Юга + корейские диаспоры). В перспективе, оформленная в более или менее *устойчивое* образование, подобная общность могла бы знаменовать собой новую ступень в эволюции корейского этноса – ступень *метанации*.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Токарев С. А. Проблема типов этнических общностей (к методологическим проблемам этнографии). Вопросы философии. 1964. № 11. – С. 43-53; Чебоксаров Н. Н. Проблемы типологии этнических общностей в трудах советских учёных // Советская этнография. 1967. № 4. – С. 94-109; Козлов В. И. Этнос и экономика. Этническая и экономическая общности // Советская этнография. 1970. № 6. – С. 47-60; Бромлей Ю. В. Опыт типологизации этнических общностей // Советская этнография. 1972. № 5. С. 61-81; Крюков М. В. Ещё раз об исторических типах этнических общностей // Советская этнография. 1986. № 3. – С. 58-69; Першиц А. И. Эт-

нические общности и формационный процесс // Советская этнография. 1986. № 3. – С. 69-73; Семёнов Ю. И. О племенах, народности и нации // Советская этнография. 1986. № 3. – С. 73-75; Арутюнов С. Классификационное пространство этнической типологии // Советская этнография. 1986. № 4. – С. 58-64; Козлов В. И. От первобытности до современности // Советская этнография. 1986. № 4. – С. 64-69; Марков Г. Е. Этнические общности как историческая категория // Советская этнография. 1986. № 4. – С. 69-72; Брамлей Ю. В. Ещё раз о типологизации этносоциальных общностей // Советская этнография. 1986. № 5. – С. 59-66.

² Козлов В. И. О понятии этнической общности // Советская этнография. 1967. № 2. – С. 104.

³ Чебоксаров Н. Н. Проблемы типологии этнических общностей в трудах советских учёных // Советская этнография. 1967. № 4. – С. 101.

⁴ Генинг В. Ф. Этнический процесс в первобытности. – Свердловск, 1970. – С. 59.

⁵ Артёмова О. Ю. Колено Исава. Охотники, собиратели, рыболовы. Опыт изучения альтернативных социальных систем. – М., 2009.

⁶ Коротаев А. В. От вождества к племени? Некоторые тенденции эволюции политических систем Северо-Восточного Йемена за последние 2 тысячи лет // Этнографическое обозрение. 1996. № 2. – С. 81-91.

⁷ И всё же, этот тезис не является общепризнанным. Есть понимание нации как фикции: как воображаемого сообщества (Андерсен Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Пер. с англ. В. Николаева; вступ. ст. С. П. Баньковской. – М., 2016) или «семанτικο-метафорической категории», «политического лозунга», которые не могут быть научными дефинициями (Тишков В. А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. – М., 2003. – С. 157).

⁸ Особое место среди факторов смены плюралистичной родоплеменной идентичности единой национальной идентичностью занимали переписи и другие методики учёта населения: «Необходимость учёта населения, проведения переписей требовала определённой классификации народов, унификации этнических подразделений. Советская власть продолжила политику Российского государства по ликвидации иерархичности полиэтничного населения». – Арифханова З. Х., Артыков О. Этнический состав населения Узбекистана в XX веке // Отчёт отдела этнологии АН РУз за 2009 г. по гранту «Этническая идентификация узбеков: формирование, особенности, трансформация». – Ташкент, 2009. – С. 43 (На правах рукописи).

⁹ Meinecke F. *Weitbiirgertum und nationalstaat: Studien zur genesis des Deutschen national-staates* // Meinecke F. Werke. – München und Berlin,

1922. – С. 3. – Цит. по: *Савельева И. М., Полетаев А. В.* Национальная история и национализм // Вестник РУДН. Серия «История России». 2006. № 2 (6). – С. 23.

¹⁰ При переводе на английский язык русских терминов «нация» и «национальность» может возникнуть путаница, что очень часто и происходит. Дело в том, что русское «национальность» нужно переводить как «ethnicity» (этничность), в то время как аналогом английского «nationality» будет русское «гражданство», что точно соответствует английскому «citizenship». Английское «nation» имеет два значения – народ определённой страны (по признаку гражданства), например, American nation (американская нация, американский народ) или это синоним государства, например, United Nations (ООН).

¹¹ Для того, чтобы избежать терминологической путаницы, в тех разделах книги, где необходимо различение национального как этнического и национального как государственного, в первом случае мы будем использовать термин «этнический», а во втором – термин «национальный» (как это принято в английском языке). Носителем этнического будет этнос, а носителем национального – нация. Мы будем использовать эти термины – «этнический» и «национальный» – как синонимы там, где этого различения не требуется (в соответствии с практикой русского языка).

¹² «Если в настоящее время невозможно отказаться от употребления понятия “нация”, то представляется допустимым называть нациями как этнические общности (этнонации), так и государственные сообщества (согражданства)». – *Тишков В. А., Шаббаев Ю. П.* Этнополитология: политические функции этничности: Учебник для вузов. – М., 2011. – С. 76. См. также: *Шебанова М. А.* Концепт нации в транснациональном дискурсе // Политэкс, 2012. Т. 8. № 2. – С. 150-164.

¹³ *Хорошевский Н. И.* Понятие «нация» в западноевропейской социальной мысли XVIII века // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. – Общие социальные науки. 2011. № 6. – С. 89.

¹⁴ Обращая внимание на разные толкования понятия «нация» как этнической идентичности и как государственной идентичности, голландские и российские учёные пишут, что «следует различать нации, нации-государства и многонациональные государства. Таким образом, нация и государство – это не идентичные, но взаимопересекающиеся понятия». – См.: *Рукавишников В., Халман Л., Эстер П.* Политические культуры и социальные изменения. Международные сравнения. – М., 1998. – С. 269.

§ 4. Истоки и происхождение понятия «мета-нация»

До начала 2000-х гг. слово «метанация» (мета-нация), как и его английский аналог «metanation», не встречались в интернете. Все поисковики на запрос этого термина давали отрицательный ответ. Да и сейчас на сайте <https://dic.academic.ru/>, содержащем 475 словарей и энциклопедий, в том числе по философии, этнографии, социологии, политологии, этимологии, иностранным языкам (от английского до китайского), на запрос термина «метанация» и «metanation» поисковая программа даёт ответ: ничего не найдено.

Однако это не означает, что сам термин не существовал. Так, в 1994 году Д. О'Доннел предлагал под метанацией понимать репрезентативное правительство человечества в космосе¹.

Сегодня термин «мета-нация» также встречается редко. И он встречается по большей части не столько в качестве *научного понятия*, сколько в совершенно непривычном для науки (в том числе и для этнологии) ракурсе – в сочинениях эпатажных политиков, новых «пророков» (претендующих на роль спасителей человечества), писателей, псевдоучёных или учёных естественнонаучно-технического профиля, решивших писать на социально-гуманитарные темы (исторические, этнологические, антропологические и т.д.). В этих построениях термин «метанация» в основном эксплуатируется в политико-идеологическом (зачастую националистическом) русле и носит спекулятивно-умозрительный характер. Это просто вольные публицистические пассажи обывательского уровня (без соответствующего концептуального аппарата и теоретико-методологического анализа, ссылок на научную литературу, аргументации, эмпирического базиса), которые далеки от академических требований и которые трудно отнести к продуктам научного (строгого) мышления. Порой это один абзац или даже одно предложение.

В Рунете поисковики Google, Яндекс и Mail.ru (первые 20

страниц) находят следующих авторов, в чьих публикациях (или высказываниях в теледебатах) встречается термин «метанация»: С. Е. Кургинян, А. А. Меняйлов, Р. М. Ямилов, В. Н. Умников, А. Фефелов, А. Лубенский, В. С. Хан, Г. Н. Ким, В. Т. Ахвердян.

Перечисленных авторов можно разделить на пять групп. В *первой* группе представлено *политико-идеологическое этномессианское (националистическое)* понимание мета-нации как субъекта всемирной истории, и речь идёт прежде всего о русской нации (С. Е. Кургинян², А. А. Меняйлов³, А. Фефелов⁴). Для *второй* группы (В. Н. Умников) «метанация» означает *многонациональный народ страны*⁵. Но одновременно, в качестве такового, это элемент мировой организации. Дальнейшие рассуждения автора делают смысл данного термина совершенно малопонятным⁶; применительно к России он начинает смыкаться с пониманием данного термина в первой группе – мессианско-националистическим. Для *третьей* группы это – *территориально-демографический социум*⁷. Для *четвёртой* группы метанация – это колонисты на Луне⁸. Наконец, для *пятой* группы – это категория науки – этнологии/антропологии, философии, социологии, политологии (В. Хан, Г. Ким, В. Ахвердян, Н. Шулевский и др.).

Другие варианты использования данного термина ограничиваются одной строчкой, без какого-либо определения и обоснования, и, как правило, употребляются в смысле полиэтнического общества («американский народ»)⁹. Есть ещё толкование метанации фашистского толка, авторов которого и их сайты, по понятным причинам, я приводить не буду.

Поскольку мета-нация меня интересует в качестве *научного понятия*¹⁰, и прежде всего этнологии, то остановлюсь на нём подробнее. Сразу отмечу, что в *русскоязычной научной литературе* этот термин встречается очень редко и практически не раскрывается как *понятие*. Как правило, его использование исчерпывается одним-двумя предложениями, чего явно недоста-

точно, поскольку понятие, претендующее на объяснение пост-национальных процессов, за пределами тематического поля теории наций, является корневым и, конечно же, нуждается в более детальном объяснении и обосновании. В конечном счёте, речь идёт о создании новой теории – *теории мета-нации*, в которой само понятие мета-нации является центральным.

Публикации, использующие данный термин в качестве научного понятия, делятся на две группы: самостоятельные оригинальные работы и тексты, основанные на заимствовании. В одних работах идёт обычное заимствование со ссылкой, а в других – без каких-либо ссылок (своеобразная смесь компиляции и плагиата).

В. Т. Ахвердян, говоря о том, что на Западе процессы интеграции выдавливают этнический фактор, отдавая предпочтение гражданству, пишет: «С этой позиции американцы считаются “гражданской нацией”, что ассоциируется с политической единицей, формируется новая общность – метанация (от греч. meta – после, вне), которая имеет общие социокультурные цивилизованные черты. Метанация является такой этнической общностью, которая формируется из нескольких этнических общностей, но имеет менее интенсивные этнические качества, чем каждая отдельно взятая общность»¹¹. В данном случае мы сталкиваемся с весьма ограниченным текстуальным выражением понятия. Кроме того, В. Т. Ахвердян не является его автором, на что указывает его ссылка на сочинение Т. Грушевицкой и А. Садохина¹². На просторах интернета, вероятно, можно ещё встретить использование термина в этом духе – в качестве краткого определения, без какого-либо обоснования.

Впервые данный термин в качестве *научного понятия* был введён автором настоящей книги в докладе на международной конференции «Корея и Центральная Азия» в Алматы в июле 2000 г.¹³, а сам доклад полностью был опубликован в виде статьи в 2001 г.¹⁴ К понятию «мета-нация» я пришёл ещё раньше, в конце 1999 – начале 2000 гг., анализируя феномен «глобали-

зация этничности» (также авторский термин) и такой его продукт, как «международное/глобальное корейское сообщество» (Global Korean Community). Возникновение такого сообщества связано с наличием двух корейских государств и мощной эмиграцией корейцев с Корейского полуострова во второй половине XIX века и на протяжении всего XX века. Этот процесс продолжается по сей день. В результате этой иммиграции корейцы расселились по всему миру, образуя корейские диаспоры в 193 странах.

Вводя понятие «мета-нации» я писал: «Сегодня можно говорить и о формировании над-национальной корейской этнической общности (корейцы Севера + корейцы Юга + корейские зарубежные диаспоры). В перспективе, будучи сформированной в более или менее устойчивое образование, подобная общность могла бы знаменовать собой новую ступень в эволюции корейского этноса – ступень мета-нации как совокупности культурно различающихся этнических групп, исторически принадлежащих к одной нации»¹⁵.

Наряду с краткой общей дефиницией, были выделены существенные признаки мета-нации:

- общие исторические этническо-государственные корни;
- наличие самой нации со всеми её атрибутами и, прежде всего, национального государства;
- высокий уровень миграции за пределы национального государства;
- образование за пределами национального государства общин, с одной стороны, интегрированных и ассимилированных в новой среде, а с другой – сохраняющих свою исторически-культурную и генетическую идентичность;
- наличие этнического самосознания и следование в какой-то мере этнической традиции;
- наличие взаимосвязей и взаимоотношений между родственными этническими группами, придающих мета-нации черты устойчивого образования как *общности*¹⁶.

В статье также рассмотрена концепция корейского суперэтноса Г. А. Югая и дана её критика.

Впоследствии, на протяжении ряда лет, я неоднократно обращался к понятию «мета-нация» применительно к корейскому этносу в различных аспектах (глобальные процессы, объединение Кореи, Корея и корейские диаспоры и т.д.) в научных статьях и разделах монографий¹⁷, докладах на конференциях¹⁸, в СМИ¹⁹, интервью²⁰ (на русском, английском, французском и корейском языках).

В последующем определение *мета-нации* как совокупности культурно различающихся этнических групп, исторически принадлежащих к одной нации, уточнялось. В 2005 г. в статье в журнале «Известия корееведения в Центральной Азии» в определении мета-нации был добавлен факт *проживания различных её частей в разных государствах*²¹. В июле 2007 г. на международной конференции «Корейская диаспора в ретро и перспективе» в Алматы было дано определение мета-нации как *интегральной совокупности генетически родственных, но культурно различающихся этнических групп, исторически принадлежащих к одной нации, и основанной на сочетании общего и особенного*²². В докладе было значительно расширено рассмотрение концепции корейского суперэтноса Г. А. Югая и её критика.

В публикациях 2014 года даётся определение мета-нации как *«интегральной совокупности генетически однотипных, но культурно различающихся этнических общностей (материнского этноса и субэтнических образований), исторически принадлежащих к одной нации, и основанной на сочетании общего и особенного»*²³. Если в прежних работах говорилось просто о возможном формировании наднациональной корейской общности (корейцы Севера + корейцы Юга + корейские диаспоры), то в публикациях 2014 г., наряду с этим, фиксируются три наднациональных сообщества: 1) сообщество, в котором аттрактором выступает Северная Корея; 2) сообщество, где таким аттрактором является Южная Корея; 3) некоторые диаспорные сообщества (на-

пример, корё сарам, которые являются одной субэтнической группой, но разделённой между различными государствами)²⁴.

Если подытожить вариации и уточнения, связанные с дефиницией мета-нации, то её можно определить так: *мета-нация – это интегральная совокупность генетически родственных, исторически принадлежащих к одной нации, но проживающих в различных государствах, этнических общностей (материнского этноса и субэтнических образований), чьи культуры сочетают общие и особенные черты и чья институциональная деятельность направлена на поддержание (а в идеале – укрепление) вертикальных и горизонтальных связей внутри этой совокупности.*

Что касается детализации существенных черт мета-нации, то черты, перечисленные в статье 2001 г., остаются в силе.

В октябре 2017 г. казахстанский кореевед Г. Н. Ким опубликовал небольшую статью «Мировая общность корейцев: утопия или возможность?» на вебсайте koryo-saram.ru, в которой был затронут вопрос о понятии «мета-нация». В науке принято, что при обращении к новому термину/понятию или применении существующего термина в контексте, придающем ему характер нового понятия, принято упоминать автора нововведения. Это и вопрос научной этики, и вопрос аутентичного понимания содержания нового понятия. Однако Г. Ким ни словом не обмолвился об авторстве понятия «мета-нация», равно как и понятия «корейская мета-нация», хотя речь идёт о новой парадигме как в науке в целом, так и в корееведении, в частности. О моих публикациях и докладах о мета-нации (может быть, не всех) Г. Ким прекрасно осведомлён, так как был организатором конференций, где я докладывал о своей идее, и являлся главным редактором журнала, на страницах которого публиковались соответствующие статьи.

Само название статьи «Мировая общность корейцев: утопия или возможность?» не что иное, как перефразированное название моей первой статьи «Международное корейское общество: утопия или перспектива?». После моего обвинения

в плагиате (в комментариях на сайте) Г. Ким снял свою статью, но тут же опубликовал её в казахстанской газете «Корё Ильбо», а затем в ноябре того же года в газете корейцев Кыргызстана «Ильчи»²⁵.

Свою статью на сайте Г. Ким начал с того, что ещё с конца XX в. понятие мета-нации разрабатывается различными учёными, т.е. представил дело так, будто речь идёт о чём-то известном, не обладающем новизной. Правда, имена этих учёных он не назвал. И неудивительно – их просто нет. Достаточно зайти в интернет. Никаких *разработок* этого *научного понятия* в XX в. не было, хотя термин предлагался в виде возможного обозначения будущих земель в космосе. Ещё он упоминался в маленькой брошюре С. Кургиняна (1995), о которой мало кто знал (о ней узнали лишь недавно, когда в Интернете стали выкладывать давнишнюю и малоизвестную информацию). Всякое иное публичное использование термина «мета-нация» датируется лишь после 2000 года, когда я ввёл его в оборот как научную категорию, отражающую новую стадию развития этнических общностей.

После моей критики на портале koryu-saram.ru Г. Ким снял пассаж о том, что термин имеет длительную историю разработки (вероятно, не нашёл её следов). Однако в статье в «Корё Ильбо» (и в «Ильчи») он пишет: «Существуют две диаметрально противоположные точки зрения о мета-нации как надэтнической общности. Первая – отрицает таковую, приводя в пример неудавшуюся попытку возвращения советского народа – новой общности всех граждан Советского Союза. Провозглашённая единая американская нация, объединяющая иммигрантов из разных стран мира одним общим критерием – гражданство США, имеет множество названий-сравнений: «лоскутное одеяло», «миска салата», которые явно указывают на то, что «американский плавильный котёл» не смог выварить однородную мета-нацию.

Согласно второй точке зрения, в мире идёт процесс формирования и развития мета-наций: американской, китайской,

русской (российской), корейской и т.п. Если у первых трёх речь идёт о надэтнической общности, то в случае с Кореей – о моноэтнической, объединяющей корейцев Севера и Юга Корейского полуострова и всех зарубежных корейцев. Такая моноэтническая мета-нация имеет, по всей видимости, больше шансов на существование²⁶.

Что касается «первой точки зрения» – её в научной литературе нет. Она была придумана как свидетельство неких «разработок», имеющих историю. Что касается «второй точки зрения» (что в мире идёт процесс формирования и развития мета-наций: американской, китайской, русской (российской), корейской и т.п.), то первые три общности заимствованы у Р. Ямилова («В настоящее время наблюдается создание и развитие следующих метанаций: *американской, китайской и русской (российской)*»)²⁷ (без ссылки на него), экономиста, директора ООО «Контора», автора весьма странных «теорий»²⁸. Факт же формирования корейской мета-нации заимствован у меня (опять же, без ссылки).

В качестве предпосылки для единения всех корейцев в мире и формирования корейской мета-нации автор видит объединение Севера и Юга. И снова же, в своих публикациях 2013 и 2014 гг., говоря о возможном формировании единой *наднациональной корейской общности* (корейцы Севера + корейцы Юга + корейские диаспоры), я уже писал: «Конечно, принципиальным условием возникновения такой общности является улучшение отношений между Севером и Югом»²⁹. Хочу подчеркнуть, что для формирования корейской мета-нации объединение двух Корей необязательно. Необходимым и достаточным условием является улучшение отношений, перевод их в дипломатический формат, налаживание сотрудничества в различных областях на взаимовыгодной основе.

Автор также затрагивает концепцию корейского суперэтноса Г. А. Югая, снова не упоминая о том, что в моих работах была дана развёрнутая критика этой концепции.

Совсем недавно, в 2020 г., в журнале «Наука. Общество. Оборона» Г. Ким опубликовал на английском и русском языках статью «The Global Korean Commonwealth or a Paraphrase of the Utopic Perspective» («Глобальное корейское сообщество: утопия или перспектива реальности?»), которая также вызывает массу вопросов³⁰.

Во-первых, английское название не соответствует русскому названию. Английское «Commonwealth» означает «Содружество», а не «сообщество», как дано в русской версии. «Парафраз утопической перспективы» (перевод с английского) и «утопия или перспективы реальности» (русская версия) – разные вещи, причём на уровне элементарной логики. Одно дело – утопическая перспектива, а совершенно другое – утопия или перспектива.

Во-вторых, введение понятия «Содружество» при обсуждении вопроса о мировом корейском сообществе является искусственной конструкцией и кроме понятийной путаницы ничего не даёт. Обратимся к самой статье: «Говоря о глобальном (мировом) корейском сообществе, следует прежде всего определиться с основным понятием – «сообщество», которое в переводе на корейский звучит как *kongdongch'e* (공동체/共同體) и по своей семантике не совпадает с понятием «Commonwealth» на английском. Корни понятия «Commonwealth», как известно, уходят к началу XIX века, когда британская метрополия позволила своим колониям взять на себя самоуправление. Впервые понятие «Содружество наций» использовал в 1884 году премьер-министр Великобритании лорд Роузбери во время своего визита в Австралию»³¹.

В английской версии данный абзац дан в ином переводе (дадим только первое предложение, так как информация о визите лорда Роузбери в Австралию ничего не вносит в существо вопроса): «In speaking about the global (world) Korean commonwealth we should first define the main notion – *commonwealth* which in Korean is *kongdongch'e* (공동체 / 共同體) and semantically does not coincide with the notion of 'commonwealth' in English»³². Здесь

снова «сообщество» переводится как «содружество», что принципиально не верно, а затем утверждается, что «содружество» на корейском по своей семантике не совпадает с «содружеством» на английском. Иначе говоря, сначала Г. Ким посредством неправильного перевода (русского-англо-корейского) создаёт псевдопроблему, которую затем доблестно разрешает посредством «семантического» уточнения.

Далее автор затрагивает вопрос о роли корейской диаспоры в возможном объединении Кореи, снова предпочитая обходить имеющееся обсуждение данного вопроса. Как я уже говорил, это не только требование научной этики. Историографические экскурсы необходимы для того, чтобы понять, в чём новизна и вклад автора в данный вопрос. Как правило, такого рода «забывчивость» является формой прикрытия заимствования чужих идей.

В статье Г. Ким обращается и к моему пониманию метанаии: «Прошло около 10 лет после выхода работ российского философа о корейском суперэтнoсе, как идея о “корейском международном сообществе” прозвучала из Ташкента. Философ В. Хан инициировал использование понятия “мета-нация” вместо предложенного ранее его российским коллегой термина³³. При этом он утверждал, что “в рамках обсуждения концепции “супер-этнoса” <...> неоднократно звучала критика самого понятия “супер-этнoс”, поскольку приставка “супер” как бы выражает превосходство корейцев над другими этнoсами”³⁴. Взамен В. Хан вносит предложение использовать в случае с корейцами уже известный термин “мета-нация”, претендуя на пионерство его введения в научный дискурс о корейском этнoсе»³⁵.

Если в отношении концепции Г. Югая просматривается хоть какое-то рассмотрение (это не сложно сделать, если учесть её подробный анализ в моих работах), то внятный ответ по поводу того, а в чём суть концепции корейской метанаии и каково отношение Г. Кима к нему, отсутствует. Его больше волнует, что я использую уже известный термин, *претендуя* на пионер-

ство введения его в научный дискурс о корейском этносе. Это снова, ставшая нормой, манера Г. Кима говорить о чём-то несуществующем так, будто оно есть. Достаточно вспомнить о несуществующей «первой точке зрения», упомянутой выше.

А ведь вопрос решается просто. Если термин был известен, надо это просто показать, т.е. применить известную в логике форму доказательства как *демонстрация*. Но Г. Ким не делает этого, потому что не в состоянии этого сделать. Да, один человек (Д. О'Доннел) в 1994 г. предлагал под метанацией понимать человечество в космосе. Да, в районе 1995 г. С. Кургиян в малоизвестной брошюрке назвал метанацией народы, творцов мировой истории (сегодня это русский народ, несущий русскую идею, имеющую всемирно-историческое значение для всего человечества). И всё! Причём нужно потратить изрядное время, чтобы это выяснить. Это называется известностью термина? Если не брать два этих экзотических, мало кому известных случая, то что Г. Ким имеет в виду, говоря об «известном термине»?

Что касается того, что В. Хан претендует на «пионерство его введения в научный дискурс о корейском этносе», то и этот вопрос решается просто. Надо просто назвать имя этого пионера. Кто ввёл понятие мета-нации как категорию, отражающую новую стадию развития этнических общностей? И кто ввёл понятие корейской мета-нации «в научный дискурс о корейском этносе»? И снова Г. Ким молчит. Или он не знает, или делает из этого тайну, известную только ему, или знает, но не хочет с этим согласиться. Однако наука и историография – дамы упрямые. Не хочется – не значит, что это не так. А на роль пионера в обозначении правительства землян в космосе или всемирно-исторической миссии русского народа я не претендую.

Если говорить об англоязычных терминах «metanation», «metanational», то они так же редки и используются в совершенно разных значениях, что говорит об их неустойчивости (по данным поисковиков Google и Yahoo, 20 первых страниц):

(1) как синоним полиэтнического, мультикультурного общества. Так, журналист-аспирант Дэниел Ткатч в связи с массовой иммиграцией с Ближнего Востока и конфликтом норм поведения задаётся вопросом: «В чём новое значение быть гражданином или жителем Германии, когда она становится метанацией?»³⁶ Этим вопросом обращение к термину и ограничивается;

(2) в контексте глобального туризма как понятие, отражающее многослойный и многоканальный спектр отношений национального государства с внешней средой (не только само государство, но и его суб-слои и над-слои) – S. Mahiwo;

(3) как союза государств, например, АСЕАН (на основе концепции S. Mahiwo)³⁸;

(4) в качестве транснациональной корпорации, не связанной с каким-либо государством³⁹;

(5) в качестве международной системы образования⁴⁰;

(6) как киберпространство, которое «находится внутри каждой нации, но и вне её; для каждой нации, но не для неё»⁴¹;

(7) как обозначение колонистов на Луне или землян за пределами Земли.

Как мы видим, термин используется в разных смыслах, и что важно – не в смыслах этнологии или социологии, и не с XX века.

Хочу обратить отдельное внимание на работы французской исследовательницы Валери Железо, в которых термин «метанация» носит понятийный характер и, что интересно, в связи с корейцами⁴². Однако под понятием «корейская метанация» понимается не общность (этническая, этнокультурная, этнополитическая и т.д.), а «весьма уникальное культурное пространство, связанное с местоположением Корейского полуострова и связанное с историческим *долгим разделением*, в настоящее время расколото на два государства и фрагментированное на большие диаспорные сообщества, позиции которых определяются политической поляризацией»⁴³.

В. Железо как географ, и это она подчёркивает, отталкивается от понятий «мета-граница» (M. Foucher) и «мета-культура» (J. Vonnemaison). Вслед за М. Фучером, исследовательница под мета-границей понимает не столько физическую, территориальную границу между двумя корейскими государствами, сколько тот водораздел (политический, культурный и т.д.), который между ними существует. В то же время это контактная зона, где соприкасаются и взаимодействуют Север и Юг, следствием чего могут стать изменения в сознании северянина или южанина относительно другой стороны⁴⁴. Она также соглашается с понятием «мета-культура», предложенным Ж. Боннимэзоном, которое обозначает тот факт, что «современные культуры, особенно те, которые были вовлечены в интенсивные миграции в прошлом или настоящем, а также факт существования диаспор, выходят по своей природе за рамки в значительной степени воображённых “национальных” территорий; они создают культурный ландшафт, организованный во взаимосвязанные пространства и сообщества, анализируемый как сеть пространств, а не в качестве пространственной непрерывной области»⁴⁵.

В. Железо пишет, что понятия «мета-граница» и «мета-культура» ближе ей как географу, нежели антропологические и исторические концепты. Последние также отличаются от понятия корейской «метанадии», в которой отражается поляризация межкорейской границы, в результате чего практически невозможно определить своё местоположение «в Корее», не будучи на Севере или Юге. Нет в корейском языке слова для обозначения «Корея». Мы должны использовать политически поляризованные обозначения (например, «Хангук» или «Чосон»). Понятие же корейской метанадии, как указывалось выше, определяет это уникальное культурное пространство, привязанное к местоположению Корейского полуострова, его разделённость на два государства и большие диаспоровые сообщества, чьи позиции определяются политической поляризацией⁴⁶.

К сожалению, перечень литературы, на которые ссылается В. Железо, очень узок и не отвечает современному уровню корееведческой диаспорологии. Так, говоря о корейской диаспоре в Центральной Азии, она ссылается на книгу Им Ын Силя «Быть корейцем в Казахстане», изданную Институтом корееведения Коллежа де Франс⁴⁷, в то время как на английском и корейском языках, которыми она владеет, опубликовано множество работ. Не говорю уже о работах на русском языке. Если говорить о *корейской метанации*, то, помимо публикаций на русском, английском и корейском языках, у меня шесть лет назад (до того, как В. Железо стала писать об этом) вышла статья и на французском языке⁴⁸. Причём, эта статья была опубликована в тематическом номере известного французского журнала по геополитике, посвящённом двум Кореем, и не могла пройти мимо В. Железо, специалиста по Корее.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Declan J. O'Donnell. Founding A Space Nation Utilizing Living Systems Theory // Behavioral Science. 1994. Vol. 39. P. 93.

² С. Е. Кургинян (театральный режиссёр, публицист, лидер общественного движения «Суть времени» и одноимённой телепередачи, участник политических телешоу), вероятно, первым начал использовать данный термин (1995), но не как научную категорию, а метафору, имеющую ярко выраженный великодержавный окрас. Строгой дефиниции С. Кургинян не даёт. Для него мета-нация – это народ-творец мировой истории и прежде всего – русский народ. «Русский народ, отстаивающий себя как народа-творца мировой истории, – это метанация». – См.: Кургинян С. Русский вопрос и институт будущего. [Электронный ресурс]. URL: <http://old.russ.ru/antolog/inoe/kurgin.htm> (дата обращения: 21.10.2020).

³ А. А. Меняйлов (писатель, лидер объединения сектантско-экстремистского толка «Партизанской правды партизан», пропагандист «мудрости Сталина») под метанацией понимает «народ (нацию, этнос), внутри которого собираются неуютники из разных народов. <...> Метанацией были евреи в эпоху от Авраама до Христа; сейчас из самых заметных – русские и сербы». – См.: Меняйлов А. А. Словарь Меняйлова. «Дурилка. Записки зятя главраввина» [Электронный ресурс]. URL: <https://www>

alpha-omega.su/index/0-485 (дата обращения: 21.10.2020). В другом месте он пишет: «Русские – метанация, соединённая кровь разных народов». – См.: *Меняйлов А. А.* Сталин: тайна Валькирии. – М.: Крафт+, 2005. – С. 35.

⁴ К пониманию русского народа как метанации примыкает А. Фефелов (зам. гл. редактора «Завтра», гл. редактор – А. Проханов). Участвуя в дебатах в передаче «Национализм» на канале «День ТВ», он говорит: «Я вижу, что оппонент как раз отрицает именно это значение русского народа как народа, который несёт сверхидеи, сверхценность для всего человечества. Это – сверхнация, это – метанация. Это – нация, которая обладает ещё универсальным сознанием. Поскольку в русском национальном характере приземлённости не так много, он – не человек, который приземлён, и это не хуторское сознание – это сознание космическое, универсальное, и всё говорит о том, что это так». – Национальная Империя или Национальная Демократия? [Электронный ресурс]. URL: <https://dentv.ru/video/natsionalnaya-imperiya-ili-natsionalnaya-demokratiya.html> (дата обращения: 21.10.2020).

⁵ В. Н. Умников, «Генеральный секретарь Общественной Организации Объединённых Наций» (? – В. Х.), автор «Великого Социального Синтеза», «Великой Социальной Истины», «Великого Социального Вопросы и Великого Социального Ответа» (? – В. Х.), пишет: «...нации страны, исторически связанные между собой, образуют систему объединённых наций страны (СОНС), коротко – метанацию страны». – См.: *Умников В. Н.* Взаимоотношения гражданского общества и государства как системный индикатор развития нации (Доклад–Концепция по Системе организации страны) // Национальная безопасность России: актуальные проблемы современности. Сб. науч. статей. – М.: АИПНБ, 2012. – С. 5.

⁶ «Метанации – исторически возникшие относительно устойчивые образования как мера, средство против угрозы развёртывания, или «борьбы всех Наций против всех Наций», или агрессивной глобализации («дурной» транснационализации). <...> Метанации позволяют создавать условия перевода глобализации из плоскости агрессивной, эгоистической, в плоскость прогрессивную, комплиментарную, приводят к пониманию нецелесообразности преодоления искусственными замыслами естественного процесса рациональной интеграции. Метанации могут успешно преодолевать проблемы жизни сложных систем, если им удалось найти способ и силы пройти этап имперского состояния». – Там же. – С. 27.

⁷ Р. М. Ямилов, директор ООО «Контора». Все социумы, согласно автору, различаются по трём критериям: «пределу полезности» для человека (количеству людей, далее – ПП), «территориальному пределу коммуникационной доступности» (ТПКД) и «информационному пределу коммуникационной доступности» (ИПКД), исчисляемых в км.

Семья – это общность до 1000 человек, у которой ТПКД – до 10 км, а

ИПКД – до 80 км (*расчёт произведён на основе 4-часового бега человека или лошади*). Нация – это социум с пределом полезности до 20 млн. чел., ТПКД до 300 км и пределом ИПКД до 400 км. У *метанации* предел полезности – от 20 млн. человек, ТПКД – до 2000 км, а ИПКД – до бесконечности (в пределах Земли), у *сверхнации* все параметры – до бесконечности.

В настоящее время наблюдается создание и развитие следующих метанаций: *американской, китайской и русской (российской)*. Метанация, победившая другие, будет формировать сверхнацию. – См.: *Ямилов Р. М.* Метанация как основа самоидентификации российского социума // Гуманитарные научные исследования, 2017. № 2 [Электронный ресурс]. URL: <http://human.snauka.ru/2017/02/20276> (дата обращения: 21.10.2020).

⁸ *Лубенский А.* Загадочные явления. Машина времени – 6. [Электронный ресурс]. URL: <http://javot.net/anomal/anomal4e.htm> (дата обращения: 21.10.2020); *Чернобров В.* Лунная база. [Электронный ресурс]. URL: http://drink.dax.ru/anomal/anom_22.shtml (дата обращения: 21.10.2020).

⁹ *Переслегин С.* Несвобода, неравенство, небратство // Завтра. 26 октября 2020 г. [Электронный ресурс]. URL: https://zavtra.ru/blogs/pereslegin_politkorrektnost_ (дата обращения: 27.10.2020).

¹⁰ Данное понятие может использоваться не только в этнологии/социологической антропологии, но и в исторических исследованиях, философии, социологии, политологии, социальной психологии и т.д. Однако его первичным значением будет понимание, заданное понятийным рядом этнологии: этнические сообщества – над-этнические сообщества, нации – наднациональные общности. По мере его проникновения в другие области общественности, оно может фигурировать в них со специфическим фокусом (например, политологическим), с дальнейшей перспективой междисциплинарного характера.

¹¹ *Ахвердян В. Т.* Политическая интеграция Республики Армения в наднациональные структуры // Научная мысль Кавказа. 2008. № 3. – С. 60.

¹² *Грушевицкая Т. Г., Садохин А. П.* Этнология. – М.: Academia, 2001. – С. 87. Отметим, что авторы учебника говорят не о метанации, а суперэтносе – метауровне в структуре этноса, охватывающего «суперэтносы, т.е. этнические образования, сложившиеся из нескольких основных этнических общностей, но обладающие этническими свойствами меньшей интенсивности, чем каждая из таких общностей в отдельности». У В. Т. Ахвердяна понятия метанации и суперэтноса становятся тождественными.

¹³ *Хан В. С.* Корейское международное сообщество: утопия или перспектива? // Известия корееведения в Центральной Азии. 2005. Вып. 1–2 (10). – С. 197.

¹⁴ *Хан В. С.* Корейское международное сообщество: утопия или пер-

спектива? // *International Journal of Central Asian Studies*. 2001. Vol. 6. – С. 90-105.

¹⁵ Там же. – С. 97.

¹⁶ Там же. – С. 98.

¹⁷ Хан В. С. Международное корейское сообщество: вызов времени // Корё сарам. К 150-летию переселения корейцев в Россию. – М.: Айван Лайн, 2014; *Khan, V. Métanation coréenne Les relations entre la diaspora coréenne et la Corée Le problème de la reunification // Outre-Terre. Revue Européenne de Géopolitique*. 2014. No. 39; Хан В. С., Сим Хон Ёнг. Корейцы Центральной Азии: прошлое и настоящее. – М., 2014; 심현용·한 발레리. 중앙아시아의 코리아안 에트노스 - 어제와 오늘. 서울: 이메일, 2013.

¹⁸ Хан В. С. К вопросу об этнической идентичности корейцев: на пути к мета-нации // Материалы международной конференции «Корейская диаспора в ретро- и перспективе». 13-15 июля, 2007, Алматы, 2007; *Khan, V. The Experience of Eurasianism // Embracing the Other: The Interaction of Korean and Foreign Cultures. Proceedings of the 1st World Congress of Korean Studies*. – Seoul, 2002. Vol. 2; Он же: On the Way to a Korean Meta-Nation: Identity, Globalism and Glocalism // *Glocal Culturalism in Neo-Northeast Asia*. May 16-17, 2014. Chung-Ang University, Seoul, 2014; *Korean Meta-Nation and the Problem of Unification // Research Methodology on the National Commonality. Proceedings of International Conference*. – Seoul: The Research Center of the Humanities for Unification at Konkuk University, 2011; *Globalization of Ethnicity: From Nations to Meta-Nations // The 5th World Humanities Forum*, 2018.

¹⁹ Хан В. С. Международное корейское сообщество: утопия или перспектива? // Корё Синмун, 30 июня 2002 г.; Международное корейское сообщество: утопия или перспектива? // Корё Ильбо, 22 февраля и 1 марта 2002 г.

²⁰ Валерий Хан о мультикультурализме в Центральной Азии // *Central Asia Analytical Network*. Ноябрь 22, 2017. Программа Центральной Азии университета Дж. Вашингтона (Central Asia Program at GW). [Электронный ресурс]. URL: <http://caa-network.org/archives/10832> (дата обращения: 21.10.2020).

²¹ Хан В. С. Международное корейское сообщество: утопия или перспектива? // *Известия корееведения в Центральной Азии*. 2005. Вып. 1–2 (10). – С. 192.

²² Хан В. С. К вопросу об этнической идентичности корейцев: на пути к мета-нации // Материалы международной конференции «Корейская диаспора в ретро- и перспективе». 13-15 июля, 2007, Алматы. – 2007. – С. 14.

²³ Хан В. С., Сим Хон Ёнг. Корейцы Центральной Азии: прошлое и настоящее. – М.: МБА, 2014. – С. 14; Хан В. С. Международное корейское

сообщество: вызов времени // Корё Сарам. К 150-летию переселения корейцев в Россию. – М.: Айван Лайн, 2014. – С. 348.

²⁴ Хан В. С., Сим Хон Ёнг. Корейцы Центральной Азии: прошлое и настоящее. – М.: МБА, 2014. – С. 14; Хан В. С. Международное корейское сообщество: вызов времени // Корё Сарам. К 150-летию переселения корейцев в Россию. – М.: Айван Лайн, 2014. – С. 348; Khan, V. On the Way to a Korean Meta-Nation Identity, Globalism and Glocalism // The 2nd HK International Conference 2014 “Glocal Culturalism in Neo-Northeast Asia”. May 16-17, 2014. Seoul: Chung-Ang University. P. 32.

²⁵ Ким Г. Мировая общность корейцев: утопия или возможность? // Корё ильбо. № 40 (1584), 13 октября 2017 г.; Ким Г. Мировая общность корейцев: утопия или возможность? // Ильчи. № 21 (220) 9 ноября 2017 г.

²⁶ Ким Г. Мировая общность корейцев: утопия или возможность? // Корё ильбо. № 40 (1584), 13 октября 2017 г.

²⁷ Ямилов Р. М. Метанация как основа самоидентификации российского социума // Гуманитарные научные исследования. 2017. № 2 [Электронный ресурс]. URL: <http://human.snauka.ru/2017/02/20276> (дата обращения: 21.10.2020).

²⁸ Мета-нация у него – это социум с пределом полезности – от 20 млн. человек, ТПКД – до 2000 км, а ИПКД – до бесконечности (в пределах Земли). – Ямилов Р. М. Указ. соч.

Р. Ямилов также ратует за этологическую экономику (экономику, основанную на изучении поведения животных). Так, он солидаризуется с мнением, что различия между человеком и животным «пренебрежимо малы, во всяком случае, являются чисто количественными, но не качественными», которые «фактически означают возможность создания развитых экономических взаимосвязей, основанных на товарно-денежных отношениях внутри популяции обезьян». – Ямилов Р. М. Этологическая экономика или этологические основания экономических отношений // Экономика и менеджмент инновационных технологий. 2015. № 1 [Электронный ресурс]. URL: <http://ekonomika.snauka.ru/2015/01/6981> (дата обращения: 17.10.2020). В результате автор приходит к выводу, что «с учётом тенденций по предоставлению прав высшим приматам, возможно включение их в экономические отношения в качестве субъектов». – Там же.

²⁹ Хан В. С., Сим Хон Ёнг. Корейцы Центральной Азии: прошлое и настоящее. – М., 2014. – С. 14; 심현용·한 발레리. 중앙아시아의 코리아안 에트노스 - 어제와 오늘. 서울: 이메일, 2013.

³⁰ Напомню, что в своей статье 2001 года и в дальнейшем я использовал два названия: международное корейское сообщество (на русском) и Global Korean Community (на английском). Чем была обусловле-

на разница в переводе? С темой мета-нации в качестве Global Korean Community я неоднократно выступал в Южной Корее. Термины «глобализация», «глобальный» были очень модными в тот период в Корее и отображали вектор политического мышления относительно корейского этноса, взятого во всемирном масштабе. В действительности здесь имело место забегание вперёд. Если придерживаться строгого анализа, то международное корейское сообщество и глобальное корейское сообщество – две стадии в развитии интеграционных процессов в корейском этносе. *Во-первых*, международное корейское сообщество может иметь разную масштабность (количественный параметр) и быть представлено корейцами различного количества стран. Это могут быть и 10, и 20 стран. Иное дело – глобальное (мировое, всемирное) корейское сообщество. *Во-вторых*, одной из важнейших черт глобализации являются интеграционные процессы. Поэтому термин «глобальный» отражает более высокую степень взаимозависимости, чем термин «международный».

³¹ *Ким Г. Н.* Глобальное корейское сообщество: утопия или перспектива реальности? // Наука. Общество. Оборона. 2020; 8 (4). [Электронный ресурс]. URL: <https://www.noo-journal.ru/nauka-obsestvo-oborona/2020-4-25/article-0256-1/> (дата обращения: 04.11.2020).

³² *Kim German.* The Global Korean Commonwealth or a Paraphrase of the Utopic Perspective. – Там же.

³³ Речь идёт о концепции корейского суперэтноса Г. А. Югая.

³⁴ В данном случае Г. Ким остановился только на одном аспекте моей критики концепции Г. А. Югая.

³⁵ *Ким Г. Н.* Глобальное корейское сообщество: утопия или перспектива реальности? [Электронный ресурс]. URL: <https://www.noo-journal.ru/nauka-obsestvo-oborona/2020-4-25/article-0256-1/> (дата обращения: 04.11.2020).

³⁶ *Tkatch, D.* Meta-Nation for Dummies // Katoikos. January 22, 2016.

³⁷ *Mahiwo, S.* A View on Global Tourism: The Philippines in Asia. [Электронный ресурс]. URL: http://www.ritsumei.ac.jp/acd/re/k-rsc/hss/book/pdf/vol03_03.pdf (дата обращения: 27.10.2020). См. также: *Mahiwo, S.* Interface in the Meta-nation state Dynamics of Philippines & Japan // Junctions between Filipinos and Japanese: Transborder Insights and Reminiscences. Ed. by Arnold M. Azurin and Sylvano D. Mahiwo. Quezon City: Wika at Kultura, Inc. 2007.

³⁸ *Yun Gang.* Reflection Paper on Meta-Nation Paradigm ASEAN 201. [Электронный ресурс]. URL: <https://cassandralopestamaria.wordpress.com/2019/09/13/reflection-paper-meta-nation-paradigm/> (дата обращения: 27.10.2020).

³⁹ *Santos, Jose*. From Global To Metanational How Companies Win In The Knowledge Economy // *Ubiquity*. 2001. Issue December, Dec. 1 – Dec. 31, 2001. [Электронный ресурс]. URL: <https://ubiquity.acm.org/article.cfm?id=503119> (дата обращения: 27.10.2020).

⁴⁰ *McGinn, Florence*. The Challenge of Metanational Education. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gke.com/papers/fmcginn_metanationaledu.pdf (дата обращения: 27.10.2020).

⁴¹ *Luke, T.* Cyberspace as Meta-Nation: The Net Effects of Online E-Publicanism // *Alternatives: Global, Local, Political*. Vol. 26, No. 2 (Apr.-June 2001), pp. 115-116.

⁴² *Gelézeau, Valérie*. The Unresolved Korean Border, the Polarized Meta-Nation and the North Korean Problem // *North Korean Review*. 2020. Vol. 16, No 1, pp. 111-120; Capitals of the Korean Meta-nation: An archipelago of Hyperand Shadow-Capitals // *S/N Korean Humanities*, Vol. 5. Issue 2 (September 2019), pp. 13-31; Beyond the “Long Partition” – from divisive geographies of Korea to the Korean “meta-culture” // *European Journal of East Asian Studies*, 9-1, 2010, pp. 1-24.

⁴³ *Gelézeau, Valérie*. Capitals of the Korean Meta-nation: An archipelago of Hyperand Shadow-Capitals // *S/N Korean Humanities*, Vol. 5. Issue 2 (September 2019), p. 13.

⁴⁴ *Gelézeau, Valérie*. Beyond the “Long Partition” – from divisive geographies of Korea to the Korean “meta-culture” // *European Journal of East Asian Studies*. Vol. 9. N 1. 2010, p. 13.

⁴⁵ *Ibid.*, p. 12.

⁴⁶ *Gelézeau, Valérie*. Capitals of the Korean Meta-nation: An archipelago of Hyperand Shadow-Capitals // *S/N Korean Humanities*, Vol. 5. Issue 2 (September 2019), p. 18.

⁴⁷ *Yim, Eunsil*. Être coréens au Kazakhstan. Des entrepreneurs d’identité aux frontières du monde coréen. Paris: Collège de France, Institut d’études coréennes. 2016. – 393 p.

⁴⁸ *Khan, Valeriy*. Métanation coréenne. Les relations entre la diaspora coréenne et la Corée. Le problème de la reunification // *OUTRE-TERRE. Revue Européenne De Géopolitique*. N 39. 2014, pp. 232-242.

§ 5. Понятие «мета-нация» и другие соотносительные, родственные и пересекающиеся понятия

В научной литературе можно встретить такие понятия, как «надэтническая общность», «межэтническая общность», «трансэтническая общность», «суперэтническая общность» (суперэтнос), «наднациональная общность», «межнациональная общность», «транснациональная общность» и «пост-нация». Как соотносятся все эти понятия? И какое место среди них занимает понятие «мета-нация»?

Как мы видим, что вышеуказанные понятия образуют два ряда параллельных понятий: 1) связанных с понятиями «этнос», «этническое», и 2) связанных с понятиями «нация», «национальное».

Над-этническая¹ общность. Над-этническая общность – это сообщество, состоящее из представителей этнических групп (от двух групп и более), свойства которого не могут быть сведены к свойствам отдельных этнических групп.

Над-этническая общность может существовать в *четырёх* формах.

Во-первых, она может существовать как *сообщество этнических групп*, сосуществующих в рамках *одного* государства, но которые ещё не стали единой нацией в полном смысле этого слова (по историческим и иным причинам). Примером могут быть Босния и Герцеговина, Руанда, где имели место насилие и даже геноцид одними этническими группами других, а также многонациональные государства, где соотношение центростремительных и центробежных сил не является однозначным. Эти группы могут быть как *близкими* (родственными) по какому-либо основанию, так и *различными*.

Во-вторых, над-этнические общности, *близкие* (родственные) по какому-либо основанию могут существовать не в рамках

одного государства, а в нескольких государствах (как правило, граничащих друг с другом), например, арабы, у которых не одно, а несколько близких оснований – территория, культура, язык, общая история.

В-третьих, над-этническая общность может существовать как *общность представителей различных этносов (национальностей)*, но которые не представляют отдельные целостные группы. Примером могут служить выше упомянутые жители Брайтон-Бич.

В-четвёртых, над-этническая общность может существовать как межэтническая общность, в виде *нации*, где единое гражданское сознание превалирует над этническими различиями (например, американцы, бразильцы), и степень смешения этнических исходных групп высока.

Ярким примером над-этнической общности является американский народ, в котором воплощены признаки различных форм над-этнических общностей. Это и общность представителей *различных национальностей* («плавильный котёл»), и общность *различных этнических групп* (корейцев, турков и т.д.), которые, тем не менее, образуют *нацию*. Её свойства не могут быть сведены ни к одной группе, населяющей США.

В случае мета-нации, она не формируется на основе различных этнических групп; её части исторически принадлежат к одной нации (материнскому этносу). И мета-нация – это следующая стадия по отношению к нации (нации-государству). Таким образом, мета-нация не совпадает ни с одной формой над-этнических общностей.

Мета-этническая общность. В этнопсихологическом словаре 1999 года В. Г. Крысько вводит понятие метаэтнической общности, которую он определяет как группу этносов, сложившуюся в результате их этногенетической близости или длительного культурного взаимодействия и связей. Автор выделяет *этноязыковые* (славяне, германцы, тюрки, арабы и т.п.), *этнорасовые*, *этнокультурные* (например, народы Кавказа, По-

волжья, Сибири), этно-конфессиональные, этнополитические (например, британцы, швейцарцы, индийцы и т.п.) метаэтнические общности. Все эти метаэтнические общности, помимо основного выделяющего признака – языка, расы, религии, государственной принадлежности и т.п. – характеризуются наличием общей культуры и общего этнического самосознания»². Таким образом, в обоих определениях под мета-этнической общностью понимается любая группа близких (родственных) по какому-либо основанию этносов.

В толковом словаре обществоведческих терминов Н. Е. Яценко, вышедшем также в 1999 году, мета-этническая общность (метаэтнос) также определяется как «группа народов (этносов) с общими историко-культурными чертами и элементами общего самосознания»³.

По Г. Т. Тавадову, метаэтнические общности охватывают по нескольку этносов, но обладающих этническими свойствами меньшей интенсивности, чем каждый из таких этносов⁴. Он пишет: «Метаэтническая общность <...> – группа этносов, сложившихся в результате их этногенетической близости или длительного культурного взаимодействия и политических связей. Метаэтнические общности могут быть подразделены на этносоциальные и собственно этнические. Первые чаще всего выступают как метаэтнополитические общности, вторые – только как метаэтнокультурные. Соответственно, выделяются этноязыковые (славяне, германцы, тюрки, арабы и т.п.), этнорасовые (например, ладино в Латинской Америке), этнокультурные (например, народы Кавказа, Поволжья, Сибири и т.п.), этноконфессиональные (мусульманские народы, православные народы, католические народы и т.п.), этнополитические (например, британцы, латиноамериканцы и т.п.) метаэтнические общности. При этом, помимо общности по соответствующему основному компоненту культуры (языку, религии, типу хозяйства), такие образования имеют общие черты в некоторых других, связанных с ними, сферах повседневной культу-

ры, т.е. в конечном счёте являются комплексными, например, славянские народы, составляющие метаэтническую общность комплексного характера, в которую входят русские, украинцы, белорусы (восточные славяне), а также южные и западные славяне. Между славянскими народами многие элементы этнической (языково-культурной) близости прослеживаются достаточно ясно и в наши дни. Примером другой метаэтнической общности являются тюркоязычные, арабские народы и др. Все отмеченные типы метаэтнических общностей, помимо основного выделяющего признака – языка, расы, религии, государственной принадлежности и т.п. – характеризуются общим хозяйственно-культурным комплексом и элементами общего этнического самосознания⁵.

Т. В. Жеребило считает метаэтническую общность синонимом надэтнической общности и определяет её как «сообщество этносов, связанных между собой самосознанием этногенетической близости или длительным хозяйственным взаимодействием»⁶. Под данное определение подходят, например, жители Ферганской долины (узбеки, таджики и кыргызы), связанные «этногенетической близостью или длительным хозяйственным взаимодействием». Дав определение, Т. В. Жеребило ограничивается им. Каких-либо развёрнутых статей (исследований) у неё по этому вопросу нет.

Как видим, термин «метаэтническая общность» зачастую используется как синоним надэтнической общности, на что прямо указывает Т. В. Жеребило. Тогда метаэтническая общность, равно как и надэтническая общность, предстаёт как *сообщество (группа) этносов, близких (родственных) по каким-либо признакам*. Но в таком случае между данными понятиями разницы нет. С нашей точки зрения, понятие «надэтническая общность» шире, чем понятие «метаэтническая общность». Если учесть происхождение приставки «мета-», то логично её использовать для образования неологизма – обозначения нового образования, которое сформируется *после* стадии этнической общности.

Это то, что является закономерным продолжением эволюции этнической общности, содержательно связано с последней и при этом является её отрицанием, сменяет её, выходит за её пределы.

В этом случае под понятие метаэтнической общности подпадает *нация* как закономерный результат интеграции, конвергенции и консолидационных процессов, а также надэтнические общности, образующиеся в ряде государств из *близких* (родственных) по какому-либо основанию, как результат дезинтеграции, дивергенции, дифференциации и дисперсных процессов. Таким образом, понятия межэтнической общности и метаэтнической общности пересекаются и частично совпадают, но не являются синонимами.

Супер-этническая общность. Г. Т. Тавадов под ней понимает межэтническую систему, возникающую обычно в границах полиэтнического государства на базе политического и культурно-исторического единства (по исторической судьбе, доминирующей культуре, образу жизни, традициям и т.д.)⁷. «До появления термина “суперэтническая общность”, – пишет автор, – целостности такого рода именовались “цивилизациями”, “культурами” или “мирами” (например, “Исламский мир”, “Византийская культура”, “Российская цивилизация”). Единство суперэтнической общности проявляется в наличии общей ментальности, консолидирующей зачастую весьма разнообразные этносы. Поэтому суперэтническая общность олицетворяет собой идейно-нравственную и культурную целостность, суть которой, однако, лежит гораздо глубже, так как речь идёт также об экономическом, политическом и идеологическом общении внутри суперэтнической общности»⁸.

Примерами суперэтнической общности Г. Т. Тавадов считает общности типа «американский народ», «индийский народ», а также «советский народ» и «многонациональный народ России». Если суперэтническая общность понимается как межэтническая система, почему её нельзя назвать межэтнической об-

щностью? Или надэтнической общностью? Но тогда мы будем иметь дело с синонимами. В самом тексте книги автор использует термин «супертническая общность», а в глоссарии, в конце книги, этот термин отсутствует, но есть термин «суперэтнос», который определяется как «супертническая общность». При этом, пишет автор, суперэтнос следует отличать от метаэтнической общности⁹.

Чтобы понять отличие между суперэтносом и метаэтнической общностью, вернёмся к определениям.

В словаре-справочнике по этнологии Г. Т. Тавадов даёт следующие определения:

«Метаэтническая общность – группа этносов, сложившаяся в результате их этногенетической близости или длительного культурного взаимодействия и политических связей. <...> Отмеченные типы метаэтнических общностей, помимо основного выделяющего признака – языка, расы, религии, государственной принадлежности и т.п. – характеризуются общим хозяйственно-культурным комплексом и элементами общего этнического самосознания»¹⁰.

«Суперэтнос – этническая система, состоящая из нескольких этносов, возникающая обычно в границах полиэтнического государства или в одном регионе на базе культурно-исторического единства (по исторической судьбе, доминирующей культуре, образу жизни, традициям и т.д.)»¹¹.

В обоих случаях речь идёт о группе этносов. В случае суперэтноса добавляется понятие системы, но это мало что меняет, поскольку метаэтническая общность также является системой. Чем отличается «этногенетическая близость или длительное культурное взаимодействие и политические связи» групп метаэтнической общности от «культурно-исторического единства (по исторической судьбе, доминирующей культуре, образу жизни, традициям и т.д.)» групп суперэтноса?

В понятии метаэтнической общности присутствуют два признака, отсутствующие в дефиниции суперэтноса – *этноге-*

нетическая близость и политические связи. Но если внимательно вчитаться в эту дефиницию, то эти признаки подразумеваются в ней, хотя и не озвучиваются. Если этнические группы длительное время проживают в одном регионе и обладают культурно-историческим единством, им *обязательно* будет присуща и этногенетическая близость. Разве те народы, которые автор указывает в виде примера метаэтнической общности, т.е. обладающие этногенетической близостью (народы Кавказа, арабы, славяне и т.д.), не являются группой этносов, обладающих «культурно-историческим единством» (признак суперэтноса)? То же самое можно сказать и о политических связях: группы, проживающие «в границах полиэтнического государства или в одном регионе» (признак суперэтноса), как свидетельствует история, всегда образуют политические связи (союзы различного рода, междоусобные войны, договоры, браки, обмен заложниками и т.д.).

Над-национальная общность. Если говорить о понятии «наднациональная общность», то по содержанию оно носит более широкий характер, чем понятие «мета-нация». Дело в том, что наднациональные общности бывают трёх типов: 1) общности, образованные на основе различных наций и этнических групп (например, советский народ); 2) международные сообщества; 3) общности, состоящие из материнского этноса и субэтнических групп, исторически принадлежавших к одной нации (например, корейцы, проживающие как на Корейском полуострове, так и за его пределами). Лишь третье значение имеет отношение к мета-нации.

Меж-национальная и интер-национальные общности. Если говорить о термине «межнациональная общность», то в русском языке он пересекается с терминами «наднациональные общности» в первом и втором значениях. Синонимом термина «межнациональное» является термин «интернациональное». Предлог «меж» (от древнерус. *межа*, *межить*) означает «между», «посередине» и приставка «интер-» (от лат.

inter – меж-, между, взаимо-, вместе). В обоих случаях имеет место промежуточность, расположение между кем-л./чем-л., взаимодействие – *межзубный/interdental*, *междугородный/interurban*, *взаимодействие/interaction*. Но меж-национальная общность (с русским предлогом «меж-») не будет тождественна интер-национальному сообществу (с лат. приставкой «inter-») – *inter-national community* (англ.), *communauté internationale* (франц.), *internationale Gemeinschaft* (нем.). Синонимом «интернационального» будет «международный», а значит, синонимом «интернационального сообщества» – «международное сообщество».

Транснациональная общность. Как мы уже говорили, это новое понятие, фиксирующее подвижный, динамичный характер существования этнических общностей на два государства – когда национальные границы не замыкают этнокультурную идентичность в территориальных рамках, обрамлённую этими границами. Для транснациональных сообществ характерны трансмобильность, транскультурность, трансгосударственность, трансграничность¹². Учитывая, что темой нашего обсуждения являются типы этнонациональных общностей, я бы назвал данную общность *транснациональной этнической общностью*, поскольку транснациональные общности могут иметь и не этническую природу, если термин «национальный» применять так, как это принято в английском языке¹³.

Пост-национальная общность. Осознание необходимости понятийно отразить этнополитические и этнокультурные процессы в корейском этносе в XX и начале XXI вв. привели исследователей из корейского университета Конкук к разработке понятия «корейская пост-нация»¹⁴. Думаю, приставка «пост-» отражает лишь первый шаг в движении от категории «нация» к новой концептуализации. Она фиксирует лишь то, что мы имеем дело с неким новым феноменом, который выходит за пределы традиционного значения понятия «нация», и его уже нельзя обозначать как нацию. Однако это количественный шаг и временное определение, которому не хватает качественной

определённости. Думаю, что приставка «пост-», введённая как некоторая неопределённость или отрицание прежней определённости, по мере выявления качественных характеристик нового должна наполняться и новым позитивным содержанием.

Концепция корейского супер-этноса.¹⁵ Широкая дисперсность расселения корейского этноса и увеличивающаяся дифференциация внутри него стали основанием для появления концепции «корейского суперэтноса», неоднократно озвученная известным российским философом, профессором Г. А. Югаем¹⁶. Под суперэтносом (данное понятие заимствовано автором у Л. Гумилёва) Г. Югай понимает «совокупность племён, родов, народов-этносов или же наднациональную стадию развития народов, а также особое состояние развития, когда сама она исторически складывается и эволюционирует совместно с другими этносами, или народами»¹⁷. В этой концепции отражён тот факт, что по мере расселения корейцев по всему миру и по мере их ассимиляции в различных странах корейская идентичность начинает обретать новые формы и уже не может быть сведена к этническим характеристикам, получившим прописку на Корейском полуострове. Так, определяя суперэтнос как «союз народов или этносов», Г. Югай приводит пример корейцев: «Да и одна нация, например, корейская, раздробилась на множество субэтносов как на Корейском полуострове, так и на диаспоры, расселившиеся по всему миру. Корейцы уже давно перестали быть одной нацией»¹⁸.

Г. А. Югай пишет: «...Существуют два способа, или пути, формирования суперэтноса. Группы эти обычно образуются в процессе рассеивания или же раскола и распада прежнего единого этноса. Из первоначально единого этноса, народа или нации формируются несколько самостоятельных групп, которые затем объединяются в суперэтносы. Это один путь – моноэтнический, наряду с которым существует и другой, полиэтнический способ возникновения суперэтноса, состав которого изначально полиэтничен, включает в себя множество этнических групп»¹⁹.

Сам Г. Югай в ряде мест, наряду с термином «суперэтнос», в качестве эквивалента использует термины «супер(над)этническое», «супер(над)национальное» и «наднациональное»²⁰. Я предлагаю для обозначения современного мирового корейского сообщества использовать вместо «суперэтнуса» понятие мета-нации.

Во-первых, в рамках обсуждения концепции суперэтнуса неоднократно выражалось скептическое отношение к самому термину «суперэтнос», поскольку приставка «супер-» как бы выражает превосходство корейцев над другими этносами. В связи с этим Г. Югай вынужден неоднократно оговаривать смысл употребляемого им термина. Так, в одном месте он пишет: «Когда речь идёт о суперэтносе, то нередко возникает психологическая ассоциация с каким-то сверхъестественным пониманием, гипертрофированным представлением о нём, или нации, как лучшей по сравнению с другими. Такое понимание неверно, является расизмом и национализмом. Такое представление ошибочно, ибо слово «супер» в переводе на русский обозначает не «лучший», а всего лишь «над»²¹. Буквально через несколько страниц автор вынужден снова возвращаться к этой теме: «Ещё раз обращаем внимание и на то, что обычно при употреблении слова «супер», смысл его искажается, ибо вместо «над» оно часто понимается как «сверх» и «лучший». И в этом случае, применительно к национальной проблематике, приобретает расистский и националистический оттенок»²².

В связи с этим хотелось бы сделать следующее замечание: латинское «super» имеет значение не только «над», но и «сверх», «через», «выше», «пре-», «пере-»²³. Латинско-русский словарь И. Х. Дворецкого предлагает более 270 слов с приставкой «super-» с самыми разными значениями – как в значении «над» (*superaedificium* – надстройка, *superinspicio* – надзирать, *supercaelistis* – наднебесный), так и в значениях «сверх» и «лучший» (*superbus* – отличный, великолепный, высокомерный; *supereminens* – выдающийся; *supereminentia* – сверхвеличие;

superemineo – превосходить, превышать; superexalto – превозносить, возвеличивать; superi – небесные боги; superior – находящийся выше, превосходящий; superlatives – превосходный; supermico – затмить, превзойти; supernus – верхний, возвышенный, высший, небесный; superpono – располагать наверху, ставить на первом плане)²⁴.

Такое же многообразие значений приставки «super-» вошло и в современные европейские языки. Так, в английском языке приставка «super-» действительно имеет значение «над» (superstructure – надстройка, supervision – надзор). Но она также имеет значение и «сверх» (superman – сверхчеловек, supernatural – сверхъестественный, superhuman – сверхчеловеческий). Также она может выражать и степень превосходства, в смысле «лучший» (superfine – самый лучший, superior – высший, превосходный)²⁵. Поэтому употребление её в двух последних смыслах – не ошибка в переводе значения приставки, а вариации допустимого перевода. Другой вопрос, насколько они соответствуют тому смыслу, который вкладывает в приставку «супер-» Г. Югай.

Во-вторых, термин «супер-этнос» является весьма неопределённым. Если под ним понимать «совокупность племён, родов, народов-этносов» (стр. 28), то любая историческая форма этнической общности может выступать как «супер-этнос»: племя – по отношению к роду (поскольку племя есть союз родов), народность – по отношению к племени (поскольку народность состоит из ряда племён), нация – по отношению к народности. Но в таком случае понятие «супер-этнос» теряет свою инструментальную функцию: в самом понятии племени заложен его над-родовой характер, в понятии народность – над-племенной характер и т.д.

К тому же, в ряде мест Г. Югай использует термин «супер-этнос» в значении, противоречащем вышеприведённому определению. Так, на стр. 32 он пишет: «Его точный синоним – совокупность, союз народов-этносов, образующий интернацио-

нальное, наднациональное объединение народов. Исторически из родоплеменных отношений возникает народ, или этнос. В последующей эволюции из этноса формируется нация, которая затем перерастает в наднациональное образование – суперэтнос»²⁶. Таким образом, суперэтнос – это наднациональное образование, а не над-родовое или над-племенное. Но в таком случае данное понимание суперэтноса противоречит тому, что дано на стр. 28, где в состав суперэтноса включаются союзы племён и родов.

Мета-нация. В этом смысле понятие «мета-нация» в своём определении отличается однозначностью содержания. *Во-первых*, в нём отсутствуют какие-либо оттенки степеней превосходства, вследствие чего отпадает необходимость оправдываться относительно его толкования. *Во-вторых*, в нём фиксируется новая форма общности, которая возникает *после* нации²⁷. *В-третьих*, в нём отражены одновременно и наднациональный характер новой общности, и этническая преемственность её составляющих с точки зрения исторической принадлежности к единой нации. Главными признаками мета-нации, как отмечалось в предыдущем параграфе, являются:

- общие исторические этнические корни;
- наличие самой нации со всеми её атрибутами и, прежде всего, национального государства;
- высокий уровень миграции за пределы национального государства;
- образование за пределами национального государства общин, с одной стороны, интегрированных и ассимилированных в новой среде, а с другой – сохраняющих свою исторически-культурную и генетическую идентичность;
- наличие этнического самосознания;
- наличие взаимосвязей и взаимоотношений между материнским этносом и родственными субэтническими группами, придающих мета-нации черты устойчивого образования как *общности*.²⁸

Одной из субэтнических групп, выделившихся из корейской нации и являющихся частью формирующейся корейской мета-нации, является *корё сарам*. Так себя именуют корейцы (в Южной Корее их называют *корёин*), которые в силу исторических обстоятельств со второй половины XIX века начали мигрировать на российский Дальний Восток, волей Сталина в 1937 году были выселены в Центральную Азию и проживают сегодня в различных регионах постсоветского пространства. Наиболее крупная часть этой диаспоры осела в странах центральноазиатского региона, прежде всего в Узбекистане и Казахстане.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Я намеренно отделяю дефисом приставки «над-», «меж-», «транс-», «супер-», «пост-», «мета-» от основы слова, чтобы подчеркнуть разницу между терминами.

² Крысько В. Г., Фельдштейн Д. И. (ред.) Этнопсихологический словарь. – М.: МПСИ, 1999. – С. 137. См. также: «*Метаэтническая общность (Надэтническая общность). Сообщество этносов, связанных между собой самосознанием этногенетической близости или длительным хозяйственным взаимодействием (для всех славянских народов, славяне выступают в качестве суперэтноса; некоторые специалисты видят в народах Северного Кавказа межэтническую общность)*». – Словарь социолингвистических терминов / Отв. ред: доктор филологических наук В. Ю. Михальченко. – М.: Институт языкознания РАН, Российская академия лингвистических наук, 2006. – С. 118.

³ Яценко Н. Е. Толковый словарь обществоведческих терминов. – СПб: Лань, 1999. [Электронный ресурс]. URL: http://www.slovarnik.ru/html_tsot/m/meta6tnos-meta6tni4eska8-ob1nost5.html (дата обращения: 04.10.2020).

⁴ Тавадов Г. Т. Этнология: Учебник. 2-е изд. – М., 2016. – С. 121-122.

⁵ Там же. – С. 122. Данное понимание Г. Т. Тавадов выразил впервые в 2002 году, в первом издании учебника, а также в справочнике (2007): Тавадов Г. Т. Этнология: Учебник для вузов. – М., 2002. – С. 106-107; Тавадов Г. Т. Этнология: Современный словарь-справочник. – М., 2007. – С. 207-208.

⁶ Жеребило Т. В. Фрагмент словаря лингвистических терминов // Рефлексия. – Назрань, 2009. № 2. [Электронный ресурс]. URL: <https://refdb.ru/look/2552438-p10.html> (дата обращения: 04.10.2020).

⁷ Тавадов Г. Т. Этнология: Учебник. 2-е изд. – М., 2016. – С. 123.

⁸ Там же.

⁹ Тавадов Г. Т. Этнология: Современный словарь-справочник. – М., 2007. – С. 505.

¹⁰ Там же. – С. 207.

¹¹ Там же. – С. 504.

¹² Ким А. С. Транснациональность диаспоральных процессов // Научная мысль Кавказа, 2006. № 4. – С. 31.

¹³ В 2007 г. в докладе «К вопросу об этнической идентичности корейцев: на пути к мета-нации» я также коснулся термина «транснациональной общности»: «Что касается термина “транснациональные общности”, то он совпадает с термином “наднациональные общности” в первом значении, т.е. как “межнациональная общность”. Другими словами, это понятие не пересекается по своему содержанию с понятием “мета-нация”». – См.: Хан В. С. К вопросу об этнической идентичности корейцев: на пути к мета-нации // Материалы международной конференции «Корейская диаспора в ретро- и перспективе». – Алматы, 2007. 13-15 июля.

В тот момент мне была неизвестна работа А. С. Кима. В докладе термин «транснациональная общность» фигурирует как синоним термина «межнациональная общность», причём основа слова – националь(ая) – употребляется в этническом смысле. Сегодня я пришёл к выводу, что необходимо различать транснациональные общности и межнациональные общности, по крайней мере в русском языке. В первом случае основа слова связана с англо-французским пониманием *национального* как *государственного*, а во втором – с русским пониманием *национального* как *этнического*.

¹⁴ Khan, V. Research Methodology on the National Commonality. Proceedings of International Conference. – Seoul: The Research Center of the Humanities for Unification at Konkuk University, 2011.

¹⁵ См. критику концепции корейского суперэтнуса в: Хан В. С. Международное корейское сообщество: утопия или перспектива? // International Journal of Central Asian Studies. 2001. Vol. 6.; Хан В. С. К вопросу об этнической идентичности корейцев: на пути к мета-нации // Материалы международной конференции «Корейская диаспора в ретро и перспективе». 13-15 июля, 2007, Алматы. – 2007.

¹⁶ См. доклады Г. А. Югая в материалах 2-го и 3-го Международных философских конгрессов, организованных Философским обществом Респуб-

блики Корея (Сеул, 1995; Сеул, 1999), а также его монографию: Югай Г. А. *Общность народов Евразии – арьев и суперэтносов – как национальная идея: Россия и Корея.* – М., 2003.

¹⁷ Югай Г. А. Указ. соч. – С. 28.

¹⁸ Там же. – С. 20.

¹⁹ Там же. – С. 40. Как видим, эти два типа подпадают под типы наднациональных общностей.

²⁰ Там же. – С. 23, 28, 29, 32 и др.

²¹ Там же. – С. 27-28.

²² Там же. – С. 32.

²³ Латинско-русский словарь. – <http://antic.slimhost.info/index.html>

²⁴ Там же.

²⁵ См.: О'Брайн М. А. *Новый русско-английский и англо-русский словарь.* – М., 1998. – С. 310.

²⁶ Югай Г. А. Указ. соч. С. 32.

²⁷ Понятийный характер приставки «мета-» (с древнегреческого μετά – после, за, позади) восходит в истоках к образованию понятия «метафизика». Когда Андроник Родосский (1 в. до н.э.) систематизировал рукописи Аристотеля, он поместил его философские трактаты после сочинений по физике и дал им заглавие: «То, что после физики». Так образовалось новое слово – «метафизика» – ставшее важнейшим понятием всей последующей философии. Неологизмы с приставкой «мета-» достаточно распространены в концептуальном аппарате современной науки – метатеория, мета-анализ, металогика, метаматематика, метанаука и т.д.

²⁸ Хан В. С. *Международное корейское сообщество: утопия или перспектива?* // *International Journal of Central Asian Studies.* 2001. Vol. 6. – С. 98.

Глава II. ПОЯВЛЕНИЕ КОРЕЙЦЕВ И ОБРАЗОВАНИЕ КОРЕЙСКОЙ ДИАСПОРЫ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

§ 1. Проникновение корейцев в Центральную Азию до 1937 года

Для корейцев Центральная Азия, в широком значении этого понятия, не является чем-то вроде *terra incognita*, а предыстория их взаимоотношений уходит в глубокую древность. Достаточно сказать, что некоторые области этого региона, согласно современным научным представлениям, сыграли определённую роль в самом генезисе корейского этноса. Хотя Корейский полуостров был заселён ещё в эпоху раннего палеолита, «учёные в основном придерживаются общего мнения о том, что прямыми предками современных корейцев являются более поздние пришельцы – люди эпохи неолита. Антропологические и лингвистические исследования, а также памятники устного народного творчества свидетельствуют, что этнические корни корейцев восходят к народам, населявшим район Алтайских гор и прилегающие к ним районы Средней Азии. Несколько тысяч лет назад они начали мигрировать на восток и в итоге расселились на территории, включающей Маньчжурию и Корейский полуостров»¹.

Несмотря на участие народов, населявших районы Алтая и Средней Азии, в этногенезе корейцев, каких-либо последующих контактов между корейцами и среднеазиатским регионом вплоть до начала нашей эры в исторической литературе не зафиксировано.

Первым документальным фактом контактов Кореи и Средней Азии является сохранившаяся настенная живопись Афрасиаба, где изображены два корейских посла на приёме самаркандского правителя, время пребывания которых датируется VII веком. Известно также путешествие корейского буддистского монаха Хечхо по Средней Азии в VIII в. Часто упоминается Таласское сражение (751 г.) между арабами и китайцами, где китайскими войсками командовал генерал-кореец Гао Ксян Чжи (корейское имя – Ко Сон Чжи) – потомок пленённого китайцами воина из Когурё Ко Са Ге. Корейские учёные считают, что каменные скульптуры перед усыпальницей вана Хэнгдока (Силла, IX век) – это изваяния выходцев из Центральной Азии.

В литературе эти факты приведены в ряде работ². Однако информация об описанных контактах весьма скудная. Если взять миссию корейских послов, то известен только факт их пребывания в Самарканде. Данные о целях, содержании и результатах миссии отсутствуют. До сих пор не известно точно, какое правительство Кореи эта миссия представляла. Л. И. Альбаум, основываясь на датировках советских учёных, относящих настенную живопись Афрасиаба к середине VII в., заключает, что это могли быть посланцы династии Когурё, в то время как Ким Вон Рёнг, ученый из Кореи, полагает, что это, скорее всего, посольство династии Силла, и датирует их пребывание в Самарканде началом VIII века³.

Относительно паломничества монаха Хечхо, по одним сведениям он посетил Афганистан (Л. И. Альбаум), по другим – Пакистан (Ко Сон Му).

Наиболее подробно описана роль Ко Сон Чжи в осаде и взятии Ташкента. В корееведческой литературе Ко Сон Чжи упоминается как свидетельство исторических контактов корейцев и народов Центральной Азии. Насколько правомерна такая постановка вопроса?

Тот факт, что Ко Сон Чжи был по происхождению корейцем, не свидетельствует об исторических контактах корейцев

как представителей *корейской* культуры и народов Центральной Азии. Воспитанный и сделавший политическую и военную карьеру в Танской империи, Ко Сон Чжи являлся в полном смысле слова китайским полководцем, представителем китайской культуры, подданным китайского императора, и представлял геополитические интересы Китая. При упоминании Ко Сон Чжи подчёркивается, что через пленённых китайских воинов (после Таласской битвы в 751 г. между арабами и китайцами) в мусульманские страны пришла технология изготовления бумаги. Указывается, что пленные китайцы были доставлены в Самарканд и Ирак, где они «занились изготовлением бумаги и шелкоткачеством»⁴. Подчёркивание данной мысли в *корееведческой* литературе⁵ как бы подразумевает, хотя об этом прямо не говорится, что через *корейца* Ко Сон Чжи или возможных пленных *корейцев* в мусульманские страны пришла технология изготовления бумаги и шёлка. Если говорить об этом вопросе в контексте контактов корейцев со среднеазиатским регионом, то такого рода подтексты представляются натяжкой.

До XX века корейцев, по тем или иным причинам посетивших Среднюю Азию, были единицы. И они, лишь непродолжительное время находившиеся в Средней Азии, не являлись предками нынешних поколений корейцев СНГ.

С 1860-х годов XIX в.⁶ начинается массовая миграция корейцев, прежде всего с северных провинций Корейского полуострова, в дальневосточные регионы Российской империи. Она была вызвана бедственным положением крестьян в феодальной Корее, новым либеральным законодательством России по отношению к иммиграции на малоосвоенный Дальний Восток, неурожаем и голодом в Корее, последовавшими за наводнением 1869 г., и аннексией полуострова Японией в 1910 г.

По вопросу иммиграции корейцев в царскую Россию существует обширная дореволюционная, советская и современная литература, основанная на огромном массиве архивных источ-

ников⁷. Переселение корейцев в Россию – один из примеров мощной миграции из одной страны в другую, которая протекала на протяжении почти 70 лет. Если в 1864 г. корейских иммигрантов насчитывалось чуть более сотни, то спустя три года их было уже более 1000, к концу 70-х годов XIX в. – почти 7000, в начале XX в. – более 30 000, спустя десять лет – около 70 000, в 1917–1918 гг. – более 100 000.

С 1917 г. по начало 30-х уже в Советскую Россию/СССР переезжает ещё около 100 тыс. корейцев⁸.

Именно эти переселенцы и их потомки образовали в дальнейшем корейскую диаспору Центральной Азии.

Переселение корейцев в Центральную Азию в рамках царской России было крайне незначительным. Тем не менее оно имело место и проходило в два этапа. *Первый этап*, охватывающий вторую половину XIX в., связан с естественным и стихийным расселением корейцев в пределах России в поисках заработков и лучших условий жизни. Однако число корейцев, решившихся податься за пределы Дальнего Востока, было невелико. Оседание корейцев в дальневосточном регионе России и низкий уровень миграции за его пределы имеют свои причины.

Во-первых, это территориальная близость Кореи и российского Приморья. Большинство корейцев пересекали российско-корейскую границу в поисках заработков. Многие из них, подзаработав, намеревались либо вернуться на родину, либо заниматься маятниковыми/сезонными заработками. Поэтому «дальнее зарубежье» не входило в миграционные настроения корейских переселенцев.

Во-вторых, в силу того, что Корея длительное время развивалась в режиме «изоляции», корейцы имели довольно смутные представления о других народах и странах, а порой совсем не имели таковых, чего нельзя сказать о Китае, Японии и России (точнее, российском Дальнем Востоке), благодаря их территориальной близости.

В-третьих, природно-климатические условия российского Дальнего Востока и Кореи совпадали, что позволяло легче адаптироваться, а также заниматься традиционными видами овощеводства, рисоводства и промысла. «Здесь корейцы были ближе к своему прошлому, – писал В. Вагин, – здесь климат и почва были те же самые, как на их родине; они могли ввести в страну ту же самую культуру, какая ей наиболее свойственна; перенимать у русских крестьян им нужно было немного, потому что земледелие у них лучше нашего: напротив, нашим крестьянам пришлось бы многому научиться у них»⁹.

В-четвёртых, после аннексии Кореи Японией, в силу территориальной близости Приморья и Кореи, а также противостояния России и Японии, приведшего к русско-японской войне 1904–1905 гг., российский Дальний Восток стал важнейшей опорной базой сопротивления корейских иммигрантов японской оккупации. Корейские патриотические организации создавали здесь национальные школы, газеты и журналы на родном языке, что было невозможно в аннексированной Корее, где официальным языком был объявлен японский язык. Они вели активную антияпонскую пропагандистскую деятельность, совершали вооружённые партизанские рейды на территорию Кореи.

В-пятых, постепенно на Дальнем Востоке сложилась достаточно внушительная и во многом адаптированная к местным условиям корейская община. Естественно, что вновь прибывавшие переселенцы также предпочитали осесть в этих краях, используя опыт и поддержку более ранних переселенцев, нежели мигрировать в более отдалённые области Российской империи.

В силу указанных причин подавляющее большинство мигрировавших в Россию корейцев оседали на Дальнем Востоке. Однако незначительное число корейцев всё же оказалось за пределами дальневосточного края, в том числе и в централь-

ноазиатском регионе Российской империи – Степном крае и Туркестане. Впервые этот вопрос был изучен на основе архивных материалов казахстанским учёным Г. В. Каном. По данным этих материалов, корейцы прибывали сюда из разных регионов России. Так, судя по изученным им документам из Акмолинского областного архива, корейцы прибыли в эту область из Енисейской, Иркутской, Оренбургской, Тобольской, Томской губерний, из городов Иркутска, Ишима, Красноярска, Москвы, Новониколаевска, Перми, Тобольска, Томска, Тюмени, Челябинска, Читы¹⁰.

Г. В. Кан первым обнаружил пребывание корейцев на территориях современного Узбекистана, Казахстана и Киргизстана, зафиксированных первой всеобщей переписью населения Российской империи 1897 г.¹¹ Они проживали в Ферганской области: в Кокандском и Наманганском уездах, а также в г. Намангане – по 1 мужчине; в Семиреченской области: в Верненском уезде – 3 мужчин и 2 женщины, в Джаркентском уезде – 1 мужчина и 3 женщины, в г. Верном (ныне г. Алматы) и г. Джаркенте – по 1 мужчине; в Сыр-Дарьинской области: в г. Аулие-Ата (ныне г. Жамбыл) и в Перовском уезде (ныне Кызыл-Ординская область) – по 1 мужчине, в Акмолинской области – 1 мужчина и 4 женщины, а также в г. Пишпеке (ныне г. Бишкек) и г. Прежевальск.

В материалах переписи корейцы были учтены в разделе VII – «Распределение неместных уроженцев по месту рождения», а также в разделе XIII – «Распределение по родному языку». В разделе XI – «Распределение иностранных поданных по государствам» – корейцы не значились, из чего следует, что корейцы, проживавшие в Степном крае и Туркестане, имели российское подданство.

Надо отметить, в Степном крае и Туркестане корейцы располагали более широкими возможностями для культурной адаптации и межэтнической коммуникации, нежели на Дальнем Востоке.

Во-первых, в Приморье корейцы, как правило, проживали компактно.

Во-вторых, как показал на основе архивных материалов Г. Кан, в ряде мест корейцев (и китайцев) селили в отдельных районах. Так, в постановлении Военного губернатора Приморской области от 11 августа 1899 г. для жителей Хабаровска «О поселении китайцев и корейцев в особых кварталах города» говорилось: «Китайцам и корейцам, не русским подданным и не имеющим в городе недвижимой собственности, воспрещается проживание в других частях города Хабаровска, не исключая и фанз инженерного ведомства, кроме как только в кварталах за номерами 95 и 97 по Поповой улице, за речкой Лесопилкой, отведённых городом для поселения этих инородцев.

Сверх владеющих недвижимостью в городе китайцев и корейцев русских подданных разрешается проживание китайцев и корейцев на следующих основаниях:

а) прислугой у жителей города, но не более пяти человек на хозяйство;

б) рабочими на стройках, во время их производства;

в) рабочими на кирпичных заводах, во время производства работ в летнее время, в зимнее – сторожами, остающимися на заводе;

г) сторожами на старом городском базаре, в особых для сей цели помещениях;

д) рабочими на паровой мельнице и чугунолитейном заводе»¹².

Как же отнеслась администрация Туркестана к данному постановлению? Управляющий канцелярией Туркестанского генерал-губернаторства, комментируя этот документ, писал на имя Военного губернатора Семиреченской области: «... Упомянутое обязательное постановление, ограничивающее личные права китайцев и корейцев, не только не находит себе подтверждения в действующих узаконениях, но прямо противоречит ст. 822, т. IX, Свода законов, изданного в 1899 г., согласно

коей иностранцы, находящиеся в России, как лично, так и имущество их, подлежат действию Российских законов и пользуются общею оных защитой и покровительством. Вследствие сего я нахожу, что принятые меры, составляющие предмет упомянутого выше обязательного постановления, могли бы последовать не иначе, как с Высочайшего соизволения»¹³.

Далее следует запрос о том, встречается ли подобное решение или подобная практика об особых кварталах для проживающих инородцев по городам Туркестанского генерал-губернаторства.

В ответе Семиреченского военного губернатора от 20 февраля 1901 г. говорится: «Во вверенной мне области народности проживают смешанно хоть между собой, так и с русскими. По моему мнению, не представляется надобности в установлении каких-либо ограничений в расселении иностранных подданных и инородцев на территории городов»¹⁴.

Архивные документы говорят о занятиях корейцев в Центральной Азии. В Степном крае они работали главным образом на поденных работах; также торговали в палатках всякой мелочью, бумажными цветами, табачными изделиями и т.д.; были среди них парикмахеры, набивщики папирос и сигарет, кустари; корейцы также содержали прачечные в разных городах. В специальных карточках учёта в органах внутренних дел, как правило, отмечено, что трудятся они честно, ничего предосудительного за ними не замечается, своим трудом вполне обеспечивают свою жизнь и жизнь своих семей, с российскими условиями жизни свыклись¹⁵. Культурная адаптация проявлялась в русских именах и в принятии православия, а также в межэтнических браках. Так, в Омске кореец Чо Кем Пири (1877 г. рождения, родился в г. Сеуле) был повенчан с русской Натальей Тукмачёвой; Ли Ион Чун был женат на Елене Барановой. Некоторые корейцы просто сожительствовали с местными, как Ким Ен Су, который жил вместе с крестьянкой Августой Рябковой¹⁶.

Второй этап переселения корейцев в Среднюю Азию связан с отношениями царской России с Японией, приведшими к войне. Как пишет Г. В. Кан: «В преддверии и в годы русско-японской войны русские власти предпринимали меры по административному переселению корейцев вместе с другими “желтолицыми” из пограничных районов вглубь империи, в частности в Западную Сибирь и на Урал, районы, непосредственно граничащие с Казахстаном»¹⁷. Автор приводит документ – секретный циркуляр директора департамента полиции МВД, разосланный губернаторам, градоначальникам и полицмейстерам 16 сентября 1904 г., в котором говорилось: «В Департаменте полиции получены сведения, будто бы некоторые подкупленные Японией корейцы и переодетые в корейское платье японцы занимаются разведками в пределах Империи в местах расположения наших войск на Дальнем Востоке»¹⁸. Как следствие в этом же месяце властями через границу Степного генерал-губернаторства во внутренние губернии России было переселено 140 «мирных желтолицых» – 5 китайцев, 35 японцев и 100 корейцев¹⁹.

После установления Советской власти число корейцев на территории современных центральноазиатских республик продолжает оставаться небольшим. Первая Всесоюзная перепись населения 1926 года в этом ареале зафиксировала 87 корейцев: 42 человека в Казахской АССР, 36 человек в Узбекской ССР и 9 человек в Киргизской АССР²⁰. Г. В. Кан сообщает, что в архивных документах есть сведения о корейцах 1919 года рождения в Карагандинской области, 1920, 1922, 1924 годов рождения в Караганде и 1926 года рождения в Кызыл-Орде²¹, что указывает на то, что корейцы-мужчины (национальность при рождении ребёнка фиксировалась по отцовской линии) не были одиноки на новых землях.

В эти же годы предпринимается первая попытка корейцев, проживающих в Центральной Азии, создать свою организацию. Так, в 1921 г. в наркомате по делам национальностей Тур-

кестанской республики была создана корейская секция. Первым об этом упоминает историк П. Г. Ким: «В сентябре 1924 г. в г. Ташкенте был образован Туркестанский краевой союз корейских эмигрантов. Члены этого союза образовали под Ташкентом небольшую сельскохозяйственную коммуну. В её распоряжении было 109 десятин поливной земли»²².

Подборку архивных документов из фондов МВД РУз, касающихся Союза корейцев, приводит В. Д. Ким – узбекистанский адвокат, изучавший историю корейцев. Представленные им документы свидетельствуют о том, что 26 августа 1924 г. в НКВД Туркестанской республики, по инициативе четырёх корейцев-учредителей (Ню Не Им – врач, Юн Ким Нин – смотритель железнодорожной музыкальной школы, Вон Сам Тянь и Су Дин Кон – безработные), был зарегистрирован Краевой Исполнительный Комитет Союза корейцев «с целью защиты интересов поднятия культурного уровня и организации корейцев, проживающих в Туркестанской республике», в который вошли 28 человек. Среди них: врач, смотритель железнодорожной музыкальной школы, охранник железной дороги, садовник, сторож, билетёр трамвая, хлебопашец, инвалид войны, безработные. При перерегистрации в феврале 1926 г. в списках Союза уже значилось 33 человека. Однако 29 сентября 1926 г. Союз корейцев был ликвидирован НКВД УзССР²³.

Помимо этих данных, информацию о корейцах, проживавших в республике 1920-х гг. даёт председатель колхоза «Политотдел» Хван Ман Гым:

«"Прадед" колхоза "Политотдел" родился 11 апреля 1925 г. В Ташкентском областном архиве имеется запись землемера П. Куц о том, что среди земледельческих хозяйств, зарегистрированных колхозбюро при Ташкентском кредитсельсоюзе, имеется сельскохозяйственная артель "Ирсим". Указывается и её местонахождение: Джелал-Тюбинская волость Ташкентского уезда. В состав этой волости входили территории современных Средне- и Верхнечирчикского районов. Тогда же был принят

Устав колхоза "Ирсим", что в переводе с корейского на русский означает "единомыслие".

Первым председателем колхоза "Ирсим" был бывший рабочий Николай Ким, первым секретарём партийной колхозной организации – Ким Сек Пом.

Небольшое хозяйство разместилось поблизости от реки Чирчик и сохранившегося частично до настоящего времени холма Чивин Тепа, что значит "комариный холм".

<...> Постепенно колхоз "Ирсим" объединился с несколькими другими хозяйствами. В 1931 г. по желанию колхозников он был переименован в "Октябрь".

<...> Первые механизаторы МТС, работавшие на полях колхоза "Октябрь", внесли весьма существенный вклад в укрепление общественного хозяйства. В колхозе помнят имена механика тракторной бригады Т. Ташпулатова, трактористов Ким Ге Дюна, Ан Кан Дера, Пак Ед Пе и др.

<...> По единодушному желанию колхозников, в 1933 г. колхоз "Октябрь" в честь политотделов стал называться "Политотдел"²⁴.

Третий этап прибытия корейцев-переселенцев – рисоводов – в Центральную Азию приходится на конец 1920-х годов. В этот период в Казахстане начинается рисовая эпопея, в рамках которой была поставлена масштабная задача: к минимуму свести импорт риса и обеспечить потребности среднеазиатского региона и европейской части СССР в данном продукте. Подробно эта кампания освещается в монографии Г. В. Кана²⁵. По итогам сортоиспытания (испытывались туркестанский, ферганский, бухарский, корейский, японский, китайский и европейские сорта) был сделан вывод, что «впереди идут корейские, японские и приморские сорта». Также изучались различные способы возделывания риса: дунганский, итальянский, американский и другие. Решено было остановиться на дальневосточном способе рисосеяния, в связи с чем по приглашению наркома земле-

деля Казахстана в республику приехали корейцы-рисоводы, организовавшие «Корейскую сельскохозяйственную трудовую артель “Казакский рис”». Всего в 1929 г. для разведения риса в Казахстан прибыло 220 корейцев (117 семей)²⁶.

Народный комиссариат земледелия Узбекистана также планировал пригласить в республику группу корейцев-рисоводов, в связи с чем осенью 1929 г. обратился во Владивостокское окружное земельное управление с просьбой переселить в Узбекистан 3-4 артели рисоробов в количестве 80-100 человек²⁷. Однако, «ввиду значительного сокращения плана внутриреспубликанского переселения и сокращения денежных средств, отпускаемых на проведение переселенческих мероприятий на 1930 год, узбекские власти в дальнейшем отказались от приёма корейцев-рисоводов»²⁸.

Подводя итог изучению проникновения корейцев на территорию Центральной Азии (Степной край и Туркестан) в Российской империи и в годы Советской власти (до 1937 г.), можно констатировать, что документально оно освещено весьма скудно сравнительно с детальной изученностью жизни корейцев на Дальнем Востоке (в эти же периоды)²⁹. С одной стороны, численность проживших здесь корейцев была небольшой, что повлияло и на количество документов³⁰, с ними связанных. С другой стороны, эта общность не была предметом специального исторического рассмотрения. Наибольший вклад на основе архивов Степного генерал-губернаторства в изучение предмета внёс казахстанский историк-кореевед Г. В. Кан. О корейцах в Туркестане пока известно лишь из 13 документов (9 относятся к 1924 г. и 4 – к 1926 г.) о Союзе корейцев в Туркестанской республике, а также брошюры Хван Ман Гыма о колхозе «Ирсим». Представляется, что целенаправленный поиск сведений и документов о корейцах, проживавших на территории Центральной Азии до насильственного переселения 1937 г., мог бы открыть новую страницу в истории их изучения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Корея. – Сеул: Корейская служба информации для зарубежных стран. 1993. – С. 49.

² Бичурин Н. Я. (Иакинф). Сборник сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. – М., 1950. Т. II. – С. 244-245; Альбаум Л. И. Живопись Афрасиаба. – Т., 1975. – С. 20, 74-75; Большаков О. Г. К истории Таласской битвы (751 г.) // Страны и народы Востока. Вып. 22. – М., 1980. – С. 132-135; *Kho Songtoo*. Koreans in Soviet Central Asia / *Studia Orientalia*, Vol. 61. – Helsinki, 1987. – P. 13-14; Корея. – Сеул, 1993. – С. 66-67; Кан Г. В. История корейцев Казахстана. – Алматы, 1995. – С. 15-17; Хан В. С. История Кореи. – Т., 2013. – С. 123.

³ *Kho, Songtoo*. Koreans in Soviet Central Asia / *Studia Orientalia*, Vol. 61. – Helsinki, 1987. – P. 34.

⁴ См.: Кляшторный С. Г., Султанов Т. И. Казахстан: летопись трёх тысячелетий. – Алма-Ата, 1992. – С. 108.

⁵ Кан Г. В. История корейцев Казахстана. – Алматы, 1995. – С. 17; Он же. Рассказы о родной истории. – Алматы, 2006. – С. 21.

⁶ В литературе можно найти обширную дискуссию по вопросу начала корейской иммиграции в Россию с опорой на официальные документы, устные свидетельства и газетные публикации. Называют либо 1864 г., либо 1863 г., хотя некоторые авторы указывают и более ранние года.

⁷ Миграция корейцев на русский Дальний Восток: российско-корейские отношения. 1821–1918 гг. Документальная история / Составитель Ж. Г. Сон. – М., 2017; Пак Б. Д., Бугай Н. Ф. 140 лет в России. Очерк истории российских корейцев. – М., 2004; Корейцы на российском Дальнем Востоке (вт. пол. XIX – нач. XX вв.): Документы и материалы в 2 кн. Кн. 2. – Владивосток, 2004; Петров А. И. Корейская диаспора на Дальнем Востоке России. 60–90-е годы XIX века. – Владивосток, 2000; Пак Б. Д. Россия и Корея. Изд. 2-е, доп. – М., 2004; Корейцы на российском Дальнем Востоке (вт. пол. XIX – нач. XX вв.): Документы и материалы в 2 кн. Кн. 1. – Владивосток, 2004; Пак Б. Д. Корейцы в Российской империи. Изд. 2-е, испр. – Иркутск, 1994; Кузин А. Т. Дальневосточные корейцы: жизнь и трагедия судьбы (документально-исторический очерк). – Южно-Сахалинск, 1993.

Историографический обзор литературы о корейцах в Российской империи см.: Сон Ж. Г. Корейцы: миграция на пути длиной в полвека (1864–1918) // Миграция корейцев на русский Дальний Восток: российско-корейские отношения. 1821–1918 гг. Документальная история / Составитель Ж. Г. Сон. – М., 2017. – С. 35-78.

- ⁸ *Ким Ен Ун*. Переселение корейцев в Россию: начало и этапы // Энциклопедия корейцев России. Под ред. Б. Цоя. – М., 2003. – С. 118.
- ⁹ *Вагин В.* Корейцы на Амуре // Сборник историко-статистических сведений о Сибири и сопредельных ей стран. Т. 1. – СПб., 1875. – С. 13.
- ¹⁰ *Кан Г. В.* История корейцев Казахстана. – Алматы, 1995. – С. 23.
- ¹¹ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. – СПб., 1904–1905. Т. 81, 85, 86, 89.
- ¹² См.: *Кан Г. В.* Рассказы о родной истории. – Алматы, 2006. – С. 37–38.
- ¹³ Там же. – С. 38.
- ¹⁴ Там же. – С. 39.
- ¹⁵ Там же. – С. 43.
- ¹⁶ Там же. – С. 45.
- ¹⁷ *Кан Г. В.* Предыстория корейцев в Казахстане // Известия корееведения Казахстана. Вып. 1. – Алматы, 1996. – С. 8.
- ¹⁸ Там же. – С. 9.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Всесоюзная перепись населения 1926 г. – М., 1928. Т. 8. Казахская АССР. Киргизская АССР. – С. 16–35; Т. 15. Узбекская ССР. – С. 17–36.
- ²¹ *Кан Г. В.* История корейцев Казахстана. – Алматы, 1995. – С. 29.
- ²² *Ким П. Г.* Корейцы Республики Узбекистан: История и современность. – Т., 1993.
- ²³ *Ким В.* Правда – полвека спустя. – Т., 1999. – С. 12–24.
- ²⁴ *Хван М. Г.* Колхоз «Политотдел». – М., 1977. – С. 11–13.
- ²⁵ Подробнее см.: *Кан Г. В.* История корейцев Казахстана. – Алматы, 1995. – С. 30–39.
- ²⁶ *Пак Б. Д.* Корейцы в Советской России (1917 – конец 30-х годов). – Иркутск, 1995. – С. 212.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ *Петров А. И.* Корейская диаспора на Дальнем Востоке России. 60–90-е годы XIX века. – Владивосток, 2000; *Пак Б. Д.* Корейцы в Российской им-

перии. Изд. 2-е, испр. – Иркутск, 1994; Кузин А. Т. Дальневосточные корейцы: жизнь и трагедия судьбы (документально-исторический очерк). – Южно-Сахалинск, 1993; Пак Б. Д. Корейцы в Советской России (1917 – конец 1930 гг.). – Иркутск, 1995.

³⁰ См. например, для сравнения сборники документов по корейцам на Дальнем Востоке: Миграция корейцев на русский Дальний Восток: российско-корейские отношения. 1821–1918 гг. Документальная история / Составитель Ж. Г. Сон. – М., 2017; Корейцы на российском Дальнем Востоке (вт. пол. XIX – нач. XX вв.): Документы и материалы в 2 кн. Кн. 1. – Владивосток, 2004; Корейцы на российском Дальнем Востоке (вт. пол. XIX – нач. XX вв.): Документы и материалы в 2 кн. Кн. 2. – Владивосток, 2004.

§ 2. 1937 год: образование корейской диаспоры в Центральной Азии

1937 год стал годом, кардинально изменившим судьбу советских корейцев. Целый народ был оторван от обжитых очагов и ставших уже родными просторов дальневосточного края и выселен за тысячи километров. Согласия на выселение, конечно, никто не спрашивал. Были арестованы, по некоторым данным, 2500 партийных и советских работников, инженеров и врачей, художников и писателей – цвет корейской интеллигенции.

21 августа 1937 г. вышло секретное Постановление № 1428-326сс СНК СССР и Политбюро ЦК ВКП(б), подписанное Сталиным и Молотовым, предписывающее «в целях пресечения проникновения японского шпионажа в Дальневосточный край... выселить всё корейское население пограничных районов Дальневосточного края... и переселить их в Южно-Казахстанскую область, в районы Аральского моря и Балхаша и Узбекскую ССР»¹. А 28 сентября того же года выходит Постановление № 1647-377сс СНК СССР, где уже предписывается «выселить со всей территории Дальне-Восточного края всех оставшихся корейцев»².

Выселение началось 9 сентября (через 18 дней после выхода постановления), а уже в октябре нарком внутренних дел СССР Н. Ежов в рапорте на имя Сталина и Молотова докладывал: «25 октября 1937 г. выселение корейцев из ДВК закончено. Всего выселено корейцев 124 эшелона в составе 36 442 семей, 171 781 человек. Осталось на ДВК (Камчатка, Охотск, спецпереселенцы) всего до 700 человек, которые будут вывезены сборным эшелоном к 1 ноября с.г. Корейцы распределены и направлены в УзССР – 16 272 семьи, 76 525 человек, в КССР – 20 170 семей, 95 256 человек»³.

Конечно, Казахстан и Узбекистан к приёму такого количества переселенцев и в такие форсированные сроки не были готовы. К этому надо добавить бюрократические проволочки, харак-

терные для советской многоступенчатой системы согласований, и откровенную халатность чиновников различных уровней.

Перед органами власти Узбекистана и Казахстана стояли следующие задачи, которые нужно было срочно решать:

- расселение корейцев и организация переселенческих колхозов, включая решение земельного вопроса;
- строительство жилья, больниц, школ, административных и производственных помещений;
- выделение безвозвратных кредитов и продовольственных ссуд;
- организация медицинского обслуживания;
- трудоустройство рабочих и служащих; определение студентов на учёбу;
- компенсация за сданный урожай, скот и имущество в ДВК.

В Казахстане, по состоянию на 1 января 1939 г., было создано 70 самостоятельных корейских колхозов, включивших 8 037 семей (35 724 чел.). 3 939 семей (16 488 чел.) было влито в 203 местных колхоза; 5 894 семьи (21 493 чел.) устроены в 91 совхоз, промышленные предприятия, МТС и другие организации⁴. В Узбекистане, по состоянию на 15 ноября 1938 г., было создано 48 корейских колхозов (5 301 хозяйств), а 5 145 хозяйств были доприселены в 211 колхозов и совхозов республики⁵.

Абсолютное большинство корейских переселенцев было вовлечено в сельское хозяйство (колхозы и совхозы). Одной из причин было то, что в силу форсированного характера депортации и соответствующего характера расселения, многие корейцы, занятые в рыболовстве, добыче ископаемых, интеллектуально-технологической или других сферах, не смогли найти работу по своей специальности. Немаловажной причиной было и то, что «первые авансы в виде зерна в марте 1938 г. выдавались только колхозникам»⁶.

Иногда переселенцев заставляли заниматься тем, чем они никогда не занимались (животноводством, новыми раститель-

ными культурами). Часто переселенцев расселяли в местах, где невозможно было вести какое-либо хозяйство. В ряде колхозов Казахстана сложилось бедственное положение, поскольку на протяжении двух лет они не были обеспечены ни поливом, ни питьевой водой. Возникла проблема безработицы и в рыболовецких хозяйствах. В результате сложившейся ситуации в 1938–1940 гг. начинается самовольное расселение корейцев (несмотря на все запреты административных органов) из безводных ареалов Казахстана в Узбекистан и Киргизию – на орошаемые, пригодные для рисоводства и растениеводства земли.

Если корейские колхозы, расселённые в Казахстане, оказывались на пустынных безводных землях, то корейские переселенцы в Узбекистане столкнулись с проблемой заболоченных земель.

Несмотря на весьма сложное, критическое положение корейских колхозов с точки зрения их обустроенности, технической оснащённости и знакомства со среднеазиатскими природно-климатическими и зонально-почвенными условиями, корейские земледельцы уже в первые годы своего обустройства демонстрируют успехи в получении высоких урожаев. Вот что, в частности, писал заведующий сельхозотделом ЦК ВКП(б) Узбекистана в ЦК ВКП(б): «В колхозах основных районов вселения Ташкентской области отмечается высокое знание агротехнических приёмов возделывания культуры риса, в силу чего переселенческие корейские хозяйства на отдельных землях... показали весьма высокую урожайность... при высокой стоимости трудодня»⁷.

Высокие урожаи достигались корейскими колхозниками не только в традиционных для них культурах, но и в новом для них хлопководстве. В то время средняя урожайность хлопчатника по колхозам Среднечирчикского района составляла 21,8 ц/га. Корейские земледельцы колхоза «Полярная звезда» уже в первый год попытались освоить новую культуру и получили 38,7 ц/га⁸.

К 1941 году, т.е. к началу войны, корейские колхозы постепенно становятся на ноги. Но в годы войны значительную часть мужского населения корейских колхозов мобилизуют в «трудовую армию». Корейцы-трудоармейцы работали в Казахстане – на шахтах Караганды, в Узбекистане – на шахтах и строительстве цементного завода в Ангрене, электромеханического завода в Чирчике и металлургического завода в Беговате, ГЭС на реке Бозсу; в России – на шахтах Воркуты, на строительстве оборонительных сооружений под Сталинградом, на лесоповалах Коми АССР, а также в Ленинградской, Пермской областях, Нижнем Тагиле. Мобилизация в трудовую армию осуществлялась военкоматами. По данным информантов, мобилизованным корейцам, отправляемым за пределы Узбекистана, было объявлено, что они будут направлены либо на фронт, либо на военную подготовку, а затем на фронт. О том, что они будут работать в трудовой армии, они узнавали лишь на месте прибытия.

Статус депортированного народа сказался и на местах приписки корейцев в трудовой армии. Большая часть из них работала в Коми АССР и была приписана к системе исправительно-трудовых лагерей по линии МВД и НКВД. Корейцы в этих зонах работали вместе с заключёнными и представителями других репрессированных народов. Условия их проживания и работы были такими же.

Несмотря на катастрофическую нехватку рабочих рук и техники, органы власти увеличивали в корейских колхозах посевные площади. За время войны (1941–1945 гг.) корейским колхозам «Авангард», «Большевик», «Гигант» (Казахстан) более чем в 3,5 раза увеличили посевные площади, «3-й Интернационал» (Казахстан), «Северный маяк» и «Политотдел» (Узбекистан) – более чем в 4 раза, а колхозу «Полярная звезда» и «имени Ленина» (Узбекистан) – более чем в 5 раз. За четыре года войны колхоз «Полярная звезда» поднял 1080 га целины. Корейцы смогли не только освоить эти земли, но и добиться на них рекордных урожаев.⁹

Несмотря на политический статус корейцев как депортированного народа, эти достижения не могли остаться незамеченными. Корейцы, причём массово, начинают получать правительственные награды. Только в одном Каратальском районе Казахстана из 3 861 награждённых в 1946–1947 гг. медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» было свыше 1000 корейцев¹⁰. С конца 40-х по 60-е годы за высокие трудовые достижения во время войны и в период восстановления народного хозяйства 206 корейцам было присвоено звание Героя Социалистического Труда. А председатель колхоза «Полярная звезда» (Узбекистан) Ким Пен Хва дважды удостоивался этого высокого звания. Тысячи были награждены орденами и медалями.

В конце 30-х годов корейские национальные школы были реорганизованы в школы общесоветского типа с преподаванием на русском языке; на русский язык перешёл и корейский педагогический институт в Кызыл-Орде. Формируется новая языковая идентичность корейцев.

После смерти Сталина негласно снимаются ограничения на передвижение корейцев. Начинается этап урбанизации корё сарам, корейцы устремляются в города, поступают в средние специальные и высшие учебные заведения, учатся и работают в интернациональных коллективах. В последующие годы корейцы достигают впечатляющих успехов не только в сельском хозяйстве, но и в других секторах жизни общества. Среди них:

– крупные политики и члены правительств (вице-премьеры, министры и зам. министров, депутаты парламентов);

– члены национальных Академий наук, руководители учебных и научных подразделений (ректора и проректора, деканы и заместители деканов, заведующие кафедрами высших учебных заведений; директора и заместители директоров, начальники отделов и секторов научно-исследовательских и проектных институтов);

– руководители крупных промышленных, финансовых и сельскохозяйственных государственных и частных предприятий;

– известные спортсмены (олимпийские чемпионы, призёры чемпионатов мира и Европы, чемпионы в профессиональном спорте, победители различных международных турниров, чемпионы национальных чемпионатов СССР и стран СНГ, старшие тренеры сборных команд, руководители национальных олимпийских комитетов, руководители ассоциаций по различным видам спорта);

– известные, получившие международное признание, писатели, композиторы, художники, артисты эстрады, оперы и балета и т.д.

Ни одна из корейских диаспор мира не смогла добиться такого статуса в социальной структуре общества и таких достижений, как корё сарам, особенно корейцы Центральной Азии.

После распада СССР в корейской диаспоре Центральной Азии начинают происходить существенные изменения.

На рубеже XX–XXI вв. все народы бывшего СССР оказались в водовороте судьбоносных социально-экономических и политических перемен, сопровождавшихся ростом самосознания этнических групп, поиском ими собственной идентичности и новых форм адаптивного поведения.

После обретения независимости во всех странах Центральной Азии начался интенсивный процесс нациостроительства, основанного на национальной идее, сопряжённого с правом самоопределения титульной нации и на практике зачастую – с её приоритетным развитием. Сфера реализации прав и возможностей этнических меньшинств сократилась. Введение государственного языка, сокращение удельного веса этнических меньшинств в составе населения страны и сужение русскоязычного пространства, новый виток коренизации в системе административного управления сформировали новые политические, социально-экономические и духовно-идеологические

реалии, поставившие перед этническими меньшинствами проблему выбора:

- а) пассивная адаптация;
- б) активная интеграция в новое социальное пространство;
- в) миграция за пределы страны.

В 90-е годы известный в социальной антропологии «конфликт идентичностей» породил значительную этническую миграцию. Согласно данным официальной статистики по Узбекистану, если в 80-х годах среднегодовая убыль составляла 50 тыс. человек, то в 90-е годы она составила 80–90 тыс. человек. Почти полностью уехали немцы, крымские татары, евреи, турки-месхетинцы. Устойчивая миграция наблюдалась среди русских, белорусов, украинцев. Всего за 1989–1999 гг. из Узбекистана выехало 1 млн. 400 000 чел., прибыло в страну 571 тыс. чел., отрицательное сальдо составило 829 тысяч¹¹. Если брать собственно годы независимости, то «за 1991–2004 гг. из республики мигрировало около 1,4 млн. человек, преобладающее большинство которых – европейское городское население»¹². К настоящему времени «некоторые этнические группы практически исчерпали свой миграционный потенциал (греки, курды, грузины, азербайджанцы)»¹³. В результате миграционных процессов, а также разных темпов естественного прироста у различных этнических групп, национальный состав республики стал трансформироваться в сторону уменьшения его количественного и качественного этнического многообразия. Данные учётной текущей статистики говорят об увеличении удельного веса титульной нации и сокращении удельного веса других этнических групп. Если учесть темпы прироста узбеков и других коренных народов региона, а также отток этнических меньшинств, то можно прогнозировать дальнейшее углубление данной тенденции.

В миграционные процессы оказались вовлечены и корейцы. Основным направлением внешней миграции является Российская Федерация. Появился такой новый феномен, как миграция в страны дальнего зарубежья и, прежде всего, в Южную Корею.

В настоящее время в Корее насчитывается около 100 тыс. корейцев из стран СНГ. Большую часть из них составляют трудовые мигранты. Кроме того, имеют место «репатриация на родину» (возврат сахалинских корейцев старшего поколения в Корею на постоянное место жительства), учёба в Корее, образование семей с южнокорейцами. Численность корейцев, выходцев из СНГ, стала столь большой, что они создали Ассоциацию корейцев, проживающих в Республике Корея. Протекающие миграционные процессы ставят вопрос о возможном исчезновении в ближайшем будущем в некоторых странах СНГ корейских диаспор (Туркменистане, Таджикистане).

Усиливается и внутренняя миграция из сельских районов и малых городов в урбанизированные центры и, прежде всего, столичный ареал.

Изменились профессиональные характеристики корейского сообщества в странах Центральной Азии. Если в советский период от «сельского» облика корейцы развивались в сторону профессионального разнообразия, предполагающего также высшее образование, то после распада СССР и полного доминирования титульных этносов сфера реализации возможностей у русскоязычного населения стала сокращаться. Заметно усилился коммерческий вектор предпочитаемых занятий.

Появились разнообразные корейские ассоциации, центры и общества. Пройденный ими путь был весьма непрост, противоречив, и требует своего осмысления.

Во всех странах Центральной Азии налажено тесное сотрудничество этих центров и ассоциаций с посольствами обеих Корей, но, прежде всего, Южной Кореи.

Исторически корейцы представляют буддизм и конфуцианство, но в связи с потерей связей с исторической родиной их в большей мере, нежели другие этнические группы, затронула проводимая в СССР атеизация. Под влиянием южнокорейских миссионеров сегодня в корейской диаспоре среди верующих преобладают протестанты.

Происходит процесс дифференциации внутри корейской диаспоры СНГ, что может поставить вопрос не о корейской диаспоре СНГ, а о корейских диаспорах на постсоветском пространстве¹⁴.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Белая книга. О депортации корейского населения России в 30–40-х годах. Книга первая. Авторы-составители Ли У Хе, Ким Ен Ун. – М., 1992. – С. 64.

² Там же. – С. 80.

³ Там же. – С. 114.

⁴ См.: *Кан Г. В.* История корейцев Казахстана. – Алматы, 1995. – С. 73-74.

⁵ См.: *Ким П. Г.* Корейцы Республики Узбекистан. – Т., 1993. – С. 170.

⁶ *Ким П. Г.* О корейской диаспоре Узбекистана // Известия корееведения Казахстана. Вып. 6. 1999. – С. 48.

⁷ Цит. по: *Ким П. Г.* О корейской диаспоре Узбекистана // Известия корееведения Казахстана. 1999. Вып. 6. – С. 49.

⁸ Экономика передового колхоза «Полярная звезда». Под ред. Н. Е. Омелина. – Т., 1954. – С. 12.

⁹ *Ким Сын Хва.* Очерки по истории советских корейцев. – Алма-Ата, 1965. – С. 234-238.

¹⁰ *Ким Г. Н.* Социально-культурное развитие корейцев Казахстана / Общественные науки. Информационное издание АН Казахской ССР. – Алма-Ата: Наука, 1989. – С. 31.

¹¹ *Ата-Мирзаев О., Гентшике В., Муртазаева Р., Салиев А.* Историко-демографические очерки урбанизации Узбекистана. – Т., 2002. – С. 84.

¹² *Убайдуллаева Р. А.* Демографическая ситуация в Республике Узбекистан и тенденции ее изменения // Население Узбекистана: 15 лет независимого развития. – Т., 2007. – С. 15.

¹³ *Максакова Л. П.* Современная миграционная ситуация в Республике Узбекистан // Население Узбекистана: 15 лет независимого развития. – Т., 2007. – С. 23.

¹⁴ *Хан В. С.* Корейцы на постсоветском пространстве: диаспора или диаспоры? // 1937 год: прошлое, настоящее, будущее. – М.: Аквариус, 2017. – С. 45-55.

Глава III. НОВАЯ СУБЭТНИЧЕСКАЯ ОБЩНОСТЬ

§ 1. К вопросу об определении новой корейской субэтнической общности

Корё сарам – так себя называли корейцы в царской России, СССР, и так они себя называют на постсоветском пространстве. В литературе этноним «корё сарам» часто переводится как «люди [страны] Корё», по аналогии с тем, что в царской России и среди советских корейцев бытовал также этноним «чосон сарам» – «люди [страны] Чосон»¹.

Мне уже доводилось писать о своей гипотезе происхождения этнонима «корё сарам». С моей точки зрения, оно не привязано к государству Корё. Действительно, исторически слово «корё» в словосочетании «корё сарам» восходит к династии Корё. Но в конце XIV в. её сменила династия Чосон. На протяжении последующих столетий корейцы называли себя «чосон сарам». Однако во всех европейских языках «Страна утренней свежести» была известна как «Corea» или «Korea». В русском языке она была известна как «Корея». Мне представляется, что корейцы, переселившиеся на российский Дальний Восток в середине XIX в., называли себя не «корё сарам», а «чосон сарам». С какой стати называть себя гражданами давно исчезнувшего (более 500 лет тому назад) государства? Однако, столкнувшись с тем, что русские их называют «корейцы» (коре-й-цы), «кореец» (коре-ец), «корейнка» (коре-янка), а не «чосонцы» (чосон-цы), «чосон-ец» (чосон-ец), «чосонка» (чосон-ка), и поняв, какой корень лежит в основе этих слов, они и сами стали представляться корейцами, в целях облегчения идентификации их этнической принадлежности русским окружением. Со временем, по мере

формирования диаспорной и новой гражданской идентичности, формируется и этноним «корё сарам»², хотя представители первого поколения, наряду с новым этнонимом, использовали и «чосон сарам».

С образованием СССР, наряду с этими этнонимами, всё чаще употребляется понятие «советские корейцы». После распада СССР в литературу и обиходную речь входит понятие «корейцы СНГ».

По объёму и содержанию все эти понятия не являются эквивалентными, хотя и пересекаются.

Наиболее широким является понятие *корё сарам*, объединяющее: (1) корейцев, переселившихся из Кореи на российский Дальний Восток во второй половине XIX в. – 1917 г. и их потомков; (2) корейцев, переселившихся на советский Дальний Восток (1917-1930-е гг.) и их потомков.

Если говорить о распространении понятия «советские корейцы», то само по себе рождение нового государства – СССР, являющееся политико-юридическим актом, ещё не означает смены этнокультурной идентичности. Иначе говоря, понятие «советские корейцы» в первые годы Советского государства для абсолютного большинства корейцев означало только одно – юридическую принадлежность к данному государству и политическую лояльность по отношению к целям данного государства. И должны были пройти годы, прежде чем данное понятие стало отражать новую субэтническую общность – новый тип корейцев. Дело в том, что корейцы первого поколения, мигрировавшие на российский Дальний Восток во второй половине XIX – 30-е гг. XX в., были *непосредственными* выходцами из Кореи, носителями традиционной корейской культуры. По мере естественной убыли среди них и формирования новой надэтнической общности «советский народ», формируется и новое поколение корё сарам – советские корейцы, обладающие качественно новыми социокультурными характеристиками. Что

касается терминов «корейцы СНГ» и «постсоветские корейцы», то в них, прежде всего, отражена новая геополитическая реальность, сложившаяся с распадом СССР.

Несмотря на изменения в сознании и поведении людей, произошедшие со времён перестройки и обретения республиками СССР суверенитета, корейцы СНГ (особенно старшее поколение) в этнокультурном отношении во многом остаются ещё «советскими корейцами», т.е. по каким-то своим фундаментальным социо-культурным характеристикам являются носителями культуры, сформированной в рамках СССР. Это не исключает того, что со временем в социо-культурных матрицах корейского этноса на территории СНГ могут произойти *качественные* изменения.

По объёму и содержанию понятия «корё сарам» и «советские корейцы» пересекаются. По объёму понятия, умершие до 1917 г. корё сарам не охватываются понятием «советские корейцы», в то время как сахалинские корейцы и бывшие граждане КНДР не входят в объём понятия «корё сарам»³. То же самое можно сказать и о содержании данных понятий. В силу этого мне представляется неверным утверждение казахстанского историка Г. Н. Кима, что «семантика “корё сарам” уже, чем у понятия “советские корейцы”»⁴. Если следовать данной позиции, то корё сарам – это какая-то группа внутри советских корейцев. В таком случае в этом этнониме следует отказать корейцам царской России и корейцам СНГ, поскольку они не входят в общность советских корейцев, что противоречит работам самого Г. Н. Кима, в которых досоветские и постсоветские корейцы именуются корё сарам⁵.

Существует ещё проблема сахалинских корейцев. По своему происхождению и своей истории они не включаются в объём понятия «корё сарам». Однако они составляют часть объёма и содержания понятия «советские корейцы» (те, кто принял советское гражданство), а также понятий «русские корейцы»

и «корейцы СНГ». Во многих семьях сахалинских корейцев в советский период родители могли иметь статус «лиц без гражданства», считать себя южнокорейцами, по воле судьбы покинутыми в Россию и не могущими вернуться на родину, а их дети имели советские паспорта. С точки зрения формального гражданства, это разные корейцы, но это одна неразделённая семья, члены которой живут вместе, в одном городе, в одном доме.

Есть ещё термин «корёин», которым в Южной Корее называют русскоязычных корейцев. В последнее время в социальных сетях в среде постсоветских корейцев, особенно тех, кто живёт и работает в Южной Корее, разгорелись споры во вопросу «кто есть кто», в связи с регистрацией Ассоциации корё сарам в Республике Корея. Есть сторонники традиционного *эндоэтнонима* (самоназвания «корё сарам») и есть сторонники *экзоэтнонима* (названия, принятого в Южной Корее для обозначения русскоязычных корейцев).

И есть термин «русскоязычные корейцы». Объём этого понятия достаточно широк, но представители первого поколения *корё сарам* и *сахалинских корейцев* входят в него частично. В быту они устойчиво предпочитали говорить на корейском языке, вкрапляя в него отдельные русские слова. Но сегодня под него подпадают все живущие корейцы, обретшие родину на просторах СССР и СНГ.

Наряду с понятиями «корё сарам», «советские/постсоветские корейцы», «корейцы СНГ», «русскоязычные корейцы», в качестве близкого по объёму, автор в своё время предложил понятие «евразийские корейцы»⁶; эту идею развил в своей диссертации его ученик М. Д. Тен. Дело в том, что территориально СНГ уже, чем постсоветское пространство; существует также возможность его дальнейшего сужения или распада. Кроме того, кроме СНГ на постсоветском пространстве сегодня образуются и другие межгосударственные образования.

Конечно, если рассматривать Евразию, как это принято в геологической и географической науках, то это огромный материк/континент, вмещающий и страны Азии, и страны Европы. Из-за размеров его редко рассматривают как единое целое, разве что в рамках естествознания – формирования Земли и современных геологических процессов на планете. Но даже в географических аспектах (климат, ландшафт, размещение производительных сил и т.д.) такого рода целостный континентальный подход весьма редок, уступая место региональному (более локальному) подходу, а тем более в политических или культурологических аспектах: Европа – это Европа, а Азия – это Азия. Отсутствие инструментального использования термина «Евразия» в общественных науках приводит к тому, что в них данный термин используется также в более локальном смысле – как область соединения европейского и азиатского. Если в странах Западной Европы доминируют «европейские ценности», а в Азии – «восточные ценности», то страны СНГ, и прежде всего Россия, не могут позиционировать себя как только европейское или только азиатское пространство – ни географически, ни исторически, ни политически, ни культурно. То же касается и стран Центральной Азии. Неслучайно тема евразийской интеграции прочно «прописалась» во внешнеполитической доктрине Казахстана. В большинстве университетов мира, будь то в Японии, Корее, Европе или США, центры евразийских исследований (Eurasian Studies), как правило, охватывают именно постсоветское пространство. В той же Корее регион, к которому учёные и политики этой страны себя причисляют, – это Восточная Азия или Северо-Восточная Азия, но никак не Евразия. То же самое можно сказать и о европейских странах, которые различают (причём институционально) Европу (и даже Западную Европу, Центральную Европу, Восточную Европу) и Евразию (для них Eastern European Studies или Central European Studies и Eurasian Studies – совершенно

разные вещи), хотя в географическом смысле все эти страны принадлежат евразийскому матерiku.

В этом смысле термин «евразийские корейцы», если его не рассматривать в геолого-пространственном смысле, будет охватывать всех корейцев, обретших новую родину на пространствах Российской империи, СССР и постсоветского пространства. Кроме того, в условиях формирующегося нового миропорядка у евразийской идеи своё, особое место. В этой связи М. Тен отмечает: «Когда мы входим в новый "глобальный" исторический цикл, мы – евразийские корейцы – должны, прежде всего, почувствовать своё культурно-историческое единство как единого регионального сообщества»⁷. Позже автор фиксирует тот факт, что ни в одном государстве СНГ, включая Россию, корейцы не смогли воспринять национальную среду новых государств как наиболее благоприятную для себя, в связи с чем он пишет: «Сегодня именно евразийская идентичность становится той естественной концепцией, которая способна отразить культурные особенности всех корейцев, населяющих страны СНГ»⁸.

И есть ещё термин «корейцы». Он порой задевает патриотические (националистические, субэтнические?) чувства корейцев СНГ (называться не своим именем, а именем, которое тебе дали другие), но по своему объёму это самое широкое понятие. Что же касается патриотических чувств: когда-то наши предки от слова *чосон* в эндоэтнониме *чосон сарам* перешли к *корё*, употребляемым по отношению к ним русскими.

Сегодня формируется ещё одна общность – постсоветские корейцы в Южной Корее. Сегодня в Южной Корее пребывает около 100 тыс. корейских «репатриантов» из СНГ. В первой главе я уже задавался вопросом: «Кто они здесь – диаспора? И что является их реальной исторической родиной, если в Корее они “чужие среди своих”? Не СССР ли и страны СНГ?»⁹.

На одной из конференций мой друг, южнокорейский профессор Пан Бён Рюль спросил меня: «Есть американские ко-

рейцы, есть корейцы СНГ и т.д. Мы их называем диаспорными корейцами. А как, с точки зрения диаспорных корейцев, назвать одним словом южных корейцев и северных корейцев?» Я сказал: корейцы Корейского полуострова или корейские корейцы», на что профессор засмеялся: «Корейские корейцы? Интересно звучит». Говоря о постсоветских корейцах в Южной Корее, можно сказать, что впервые в Корее (южной её части) формируется диаспора. В истории мононациональной Кореи такого ещё не было. Это корейская (русскоязычная) диаспора в Корее, что звучит не менее интересно. Китайских корейцев в Корее больше, но русскоязычные корейцы пошли по пути компактного проживания и институционализации, создав важные условия для процесса диаспоризации. Это открывает новую страницу в длинной истории корейцев, решивших во второй половине XIX века искать счастья в России. История корё сарам пошла по знаменитой гегелевской спирали. По спирали развивается и история сахалинских корейцев.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Джарылгасинова Р. Ш. Основные тенденции этнических процессов у корейцев Средней Азии и Казахстана // Этнические процессы у национальных групп Средней Азии и Казахстана. – М., 1980. – С. 44.

² Хан В. С., Сим Хон Ёнг. Корейцы Центральной Азии: прошлое и настоящее. – М., 2014. – С. 20.

³ Во второй половине 40-х –50-е гг. в группу «советские корейцы» вошли: а) корейцы, вывезенные японцами из южных провинций Кореи в 1939–1945 гг. для принудительных работ на Южном Сахалине и оставшиеся по окончании войны на острове, ставшие полностью советскими (принявшими советское гражданство); и б) бывшие граждане КНДР, также оставшиеся в СССР. Однако, как и в случае с «корё сарам», на протяжении ряда лет слово «советские» применительно к новым группам корейцев означало только советское гражданство или проживание на территории Советского Союза (часть корейцев из обеих групп имела статус «лиц без гражданства»).

- ⁴ *Ким Г. Н.* Вечные странники или перманентная мобильность корё сарам (постсоветских корейцев) // История, культура и быт корейцев Казахстана, Кыргызстана и Узбекистана. – Бишкек, 2003. – С. 36.
- ⁵ *Хан В. С., Сим Хон Ёнг.* Корейцы Центральной Азии: прошлое и настоящее. – М., 2014. – С. 111.
- ⁶ См: *Хан В. С.* Международное корейское сообщество: утопия или перспектива? // International Journal of Central Asian Studies. Vol. 6. Seoul: Institute of Asian Culture and Development. 2001. – С.101, 103; *Khan, V.* Koreans and the Poly-ethnic Environment in Central Asia: The Experience of Eurasianism // Embracing the Other: The Interaction of Korean and Foreign Cultures. Proceedings of the 1st World Congress of Korean Studies. – Seoul, 2002. Vol. 2. – P. 731; *중앙아시아의 코리안 에트노스 - 어제와 오늘 // 한 발레리, 심현용 지음. 성균중국연구소 한국-아시아 문명교사 10.* 서울: 이메일, 2013. – С. 117; *Хан В. С., Сим Хон Ёнг.* Корейцы Центральной Азии: прошлое и настоящее. – М.: МБА, 2014. – С. 115.
- ⁷ *Тен М.* Современная этнокультурная идентичность корейцев Узбекистана (по данным социологического исследования). – Т., 2013. – С. 11.
- ⁸ *Тен М. Д.* Корейцы СНГ: от общей истории к единому этнокультурному сообществу евразийских корейцев // Идеи и Идеалы. № 1 (31). Т. 2. 2017. – С. 46.
- ⁹ См. настоящее издание. – С. 34-35.

§ 2. 1937 год и становление новой идентичности

Некоторые черты новой субэтнической общности стали формироваться ещё в царской России. М. Д. Тен называет этот период формирования новой идентичности «дальневосточным»¹. Это касается определённого уровня овладения русским языком, принятия частью корейского населения православия и русских имён, изменения профессиональных занятий, материальной культуры (одежды, типа жилища, отчасти кухни), опыта проживания в иноэтнической среде. Однако большинство корейцев ещё проживает компактно – в созданных ими деревнях, тем самым сохраняя основные компоненты традиционной идентичности. Кроме того, вплоть до установления Советской власти (и даже включая 1920-е годы) идёт постоянная миграция корейцев с Корейского полуострова на российский Дальний Восток. Иначе говоря, несмотря на определённый культурный адаптационный процесс корейцев-старожилов, большую часть корейского сообщества на Дальнем Востоке составляли люди, прибывшие после 1900 г., особенно после оккупации Кореи Японией (1910 г.), и являющиеся носителями традиционной корейской идентичности и традиционного корейского образа жизни. Таким образом, в отношении новой субэтнической идентичности (в данном случае, российских корейцев) можно говорить лишь о *некоторых* её чертах, причём в терминах *начальных этапов становления*.

Этот процесс становления не был завершён в рамках царской России, поскольку с 1917 г. он уже протекал в условиях советской России и, конечно же, обретал новые черты. Принадлежность к православию перестала быть адаптационной необходимостью; мало того – религиозность уже не приветствовалась новой властью. Стремительно растёт и меняется политическое сознание, создаются новые экономические формы хозяйствования, новое

содержание и широту охвата получают образовательные программы, меняется возрастная ценз вступления в брак, меняются поведенческие модели и ценностные ориентации, равноправие проникает в отношения между полами, этническими группами и т.д. и т.п.

С 1937 г. начинается новый этап в трансформации идентичности корё сарам. Именно с переселением в Центральную Азию связано окончательное становление корё сарам как советских корейцев.

Важнейшими факторами этого процесса стали:

- естественная убыль первого поколения;
- появление нового поколения, родившегося или сформировавшегося уже в советской системе, для которого русский язык стал родным, а советские ценности – доминирующими над традиционными корейскими;
- полная реорганизация в конце 1930-х годов национальных школ и корейского пединститута в учреждения общесоюзного типа с русским языком обучения, включённость в систему советско-европейского образования; на русский язык перешёл и корейский педагогический институт в Кызыл-Орде;
- резко возросший уровень образования (почти поголовное среднее и неполное среднее образование, появление прослойки с высшим и средним специальным образованием);
- полная включённость в советское информационное пространство;
- сильная мотивация к интеграции в советское общество;
- урбанизация (корейцы устремляются в города, поступают в средние специальные и высшие учебные заведения) и соответствующая трансформация образа жизни и быта;
- постепенное дисперсное расселение по всему СССР (после смерти Сталина в 1953 г. негласно снимаются ограничения на передвижение корейцев);

– новый опыт иноэтнического окружения: корейцы учатся и работают в интернациональных коллективах. В условиях иноэтнического окружения и отсутствия контактов с исторической родиной неизбежно происходит трансформация или утеря многих компонентов культуры, которые сохраняются в гомогенном корейском окружении. Этнокультурная идентичность корейцев становится всё более смешанной, включая в себя компоненты традиционно корейской, русской, европейской и среднеазиатской культур. Кроме того, она подвергается всё большей советизации.

В результате этих процессов облик *советских корейцев* как *новой субэтнической общности* становится всё более определённым и обладающим качественно новыми социокультурными чертами. И здесь понятие «советские корейцы» не просто термин, отражающий смену «вывески» – одной страны на другую. В нём отражены:

- их *диаспоральная характеристика*;
- их *постоянная локализация* на территории СССР, а в большинстве случаев и советское *гражданство*;
- *синтез корейской и советской культур*, как и советское *мировоззрение* в целом, поскольку «советское» относится не только к названию государства, но и к таким феноменам, как «советская культура» и «советская идеология».

Для становления корё сарам в качестве новой субэтнической общности были характерны следующие особенности:

- существенная трансформация традиционного культурно-генетического фонда (исходных этнических характеристик);
- протекание этого процесса в полиэтническом и ином профессиональном окружении;
- адаптация к культурам, существенно отличным от традиционной корейской культуры, и выход за рамки мононационального (восточного) сознания;

- высокий уровень ассимиляции;
- динамизм и интенсивность этих процессов;
- высокий уровень достижений в различных областях жизни, или феномен «model minority»².

Данные особенности характерны и для корейских диаспор Северной Америки и Западной Европы. Что касается Китая и Японии, где также имеются большие корейские диаспоры, то корейская культура родственна китайской и японской. Кроме того, исторически сложные отношения между этими странами (дух соперничества, длительная аннексия территорий и т.д.) оставили отпечаток на особенностях данных корейских диаспор и их взаимоотношениях с местным населением в этих странах.

Конечно, в местах компактного проживания корейцев, например, в «корейских» колхозах Узбекистана и Казахстана, формы и темпы ассимиляции, сохранение традиционных обычаев, появление инноваций, трансформация этнического сознания и моделей поведения отличались от того, как эти процессы протекали в городах, где корейцы расселились дисперсно. В урбанизированной среде трансформационные процессы происходили более динамично, глубже и шире.

Корё сарам, прожившие в изоляции от Кореи в течение жизни 4–6 поколений, в большей степени, чем корейские диаспоры других стран, отличны от корейцев полуострова по языку, менталитету, ценностям, идеалам, мировоззрению, поведению, обычаям, традициям. Однако в Западной Европе и Северной Америке уже на уровне полуторного и второго поколения корейских иммигрантов сегодня наблюдаются те же процессы, через которые корё сарам прошли намного раньше³.

Степень различия между корейцами из Кореи и диаспорными корейцами на территории бывшего СССР столь велика, что стала основанием для выделения *нового субэтнического образования* – «корё сарам», или «советских корейцев», «корейцев

СНГ», «постсоветских корейцев», «евразийских корейцев»⁴ (как и других субэтнических общностей – корейцев Китая, Японии, США и т.д.).

В связи с выше обозначенными процессами, в Корее нередко выражается обеспокоенность тем, что этнокультурная идентичность зарубежных корейцев, в том числе и корё сарам, испытывает «серьезный кризис». Часто корейцы СНГ слышат упреки в том, что у них недостаточно «корейского», что их язык не тот, не те обычаи и манеры поведения.

Особенности культуры корейских диаспор – это исторически сформировавшаяся реальность, и её надо воспринимать и уважать такой, как она есть. К тому же, с точки зрения общемировых тенденций развития культуры, равно как и с точки зрения диаспорных корейцев, выход за рамки моноэтнического и монокультурного сознания – не недостаток, а достоинство, открывающее иные горизонты сознания и видения мира и дающее возможность не только строить отношения с «иным» (иной культурой), но и включать «иное» как собственный органичный элемент, тем самым делая сознание более открытым, обращённым вовне⁵. Именно на взаимодействии и взаимопроникновении культур зиждется одна из ведущих тенденций современного мира. Трансформация *традиционной* этнической культуры и сознания – объективный процесс. Всякая этническая культура не стоит на одном месте. Она развивается, испытывает влияние других культур, особенно в условиях их интенсивного взаимодействия, порождаемого индустриализмом, мультикультурализмом, информационной революцией и глобализацией⁶. Все эти факторы в том или ином объёме, в той или иной форме, присутствовали и в СССР.

Действительно, корейцы СНГ утратили многое из культуры предков. Но они создали свою, неповторимую культуру *евразийских корейцев*, которой могут по праву гордиться.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Тен М. Современная этнокультурная идентичность корейцев Узбекистана (по данным социологического исследования). – Т., 2013. – С. 4.

² Khan V. The Korean Minority in Central Asia: National Revival and Problem of Identity // International Journal of Central Asian Studies. Vol. 3. – Seoul: IACD, 1998, pp. 66-77.

³ Подытоживая описание ситуаций, порой драматических, среди американских корейцев различных поколений, У. Паттерсон заключает: «В конфликте между соблюдением корейских ценностей или принятием американских ценностей первое поколение в целом не добилось успеха в том, чтобы их дети – второе поколение – следовали корейским ценностям» // Patterson, W. To be Korean or American. Negotiating Korean Identity among Koreans in Hawaii, 1903–1945. – Paper for presentation. “Korean Identity in the New Millennium”. June 27–29. 2000. Pundang, Academy of Korean Studies. Panel 6, p. 29.

⁴ Данные понятия взаимосвязаны, но не эквивалентны, однако в субэтническом аспекте (аспекте различения от корейцев Севера, Юга и других корейских диаспор) это несущественно.

⁵ Khan V. The Korean Minority in Central Asia: National Revival and Problem of Identity // International Journal of Central Asian Studies. Vol. 3. – Seoul: IACD, 1998.

⁶ В самой Южной Корее процесс американского влияния зашёл настолько глубоко, что вопрос о наличии у южнокорейцев, особенно молодёжи, «традиционной корейской идентичности» является также не однозначным. Исключение составляет изоляционизм, который был характерен для Кореи до XIX в. и сегодня – для Северной Кореи. В этой связи наибольшее количество элементов «традиционной идентичности» либо их новых версий, вероятно, сохранено в КНДР, которая свела к минимуму внешние культурные контакты. Впрочем, если южнокорейская культура испытала влияние вестернизации, северокорейская культура находится под влиянием тоже новой идеологии – чучхе.

§ 3. Классификация групп советских/постсоветских корейцев

Будучи субэтнической группой, евразийские корейцы существенно отличаются как от северных, так и от южных корейцев по языку, менталитету, ценностям, идеалам, мировоззрению, поведению, обычаям и традициям. Их культурный генофонд представляет собой синтез весьма различных культур. При этом сами евразийские корейцы в этом отношении не однородны. Так, по происхождению (месту исхода, времени и исторических обстоятельствам миграции) и этнокультурному основанию в них можно выделить следующие группы.

К первой, относятся переселенцы на российский Дальний Восток второй половины XIX – начала 30-х годов XX вв., в основном из северной части Кореи, и их потомки. Эта группа, самая большая по численности, представлена 2–5 поколениями.

Ко второй группе относятся сахалинские корейцы. Как известно, десятки тысяч корейцев были вывезены японцами из южных провинций Кореи в 1939–1945 гг. для принудительных работ на шахтах Карафутто (японское название Южного Сахалина). По окончании войны часть их репатриировалась в Японию и Корею, но большая часть осталась на Сахалине. Некоторые из них приняли советское гражданство, но значительная часть на протяжении всей жизни оставалась «лицами без гражданства». По данным переписи Российской Федерации 2010 г., численность корейского населения Сахалинской области составляла 24 993 человека¹.

Третья группа – это бывшие граждане КНДР, приехавшие в СССР на учёбу, на работу или нелегально перешедшие границу. Большинство из них после XX съезда КПСС, на котором был раскритикован культ личности Сталина, после чего отношения между Москвой и Пхеньяном ухудшились, – осталось в СССР. Эта группа, в свою очередь, также неоднородна, так

как в ней представлены лица, получившие гражданство СССР и стран СНГ, граждане КНДР с визой на постоянное место жительства и лица без гражданства. Число корейцев третьей группы исчисляется несколькими десятками².

По принадлежности к государству корё сарам можно подразделить на корейцев России, Узбекистана, Казахстана и т.д. Однако данная классификация не совпадает с делением корейцев по этнокультурному основанию, связанному с территориальной принадлежностью группы *исхода*, а также времени и исторических обстоятельств появления на российской/советской территории. Так, сахалинские корейцы относятся к российским корейцам. Однако не-сахалинские корейцы, проживающие в России, в культурном отношении ближе к центральноазиатским корейцам, поскольку принадлежат к потомкам общих, более ранних переселенцев из северных провинций Кореи, имеют общую историческую судьбу в царской России и СССР (включая принудительное выселение), опыт проживания и родственные связи в Центральной Азии.

Соответственно, между различными группами корё сарам есть свои отличия – вариации в области языка, обрядности, заимствований со стороны иноэтнического окружения и т.д., в связи с чем можно говорить не только о евразийских корейцах как субэтнической общности, но и о дивергентных процессах в ней, позволяющих ставить вопрос о становлении (или возможном становлении) *этнографических групп* внутри её. Надо отметить, что сами корейцы из вышеотмеченных групп всегда идентифицировали себя именно с *определённой* группой, противопоставляя себя другим, что порождало непростой тип взаимоотношений между ними. Так, после освобождения южного Сахалина туда были отправлены сотни корейцев из Казахстана и Узбекистана, где они стали «руководить» сахалинскими корейцами, которые не знали русского языка и, как считалось, были инфицированы японским духом, нуждались в скорейшей советизации. Континентальные корейцы, или

«кхынтанбянджя», как их с оттенком пренебрежения называли сахалинцы, возглавили колхозы, заводы, фабрики, школы, больницы, почту и т.д., подчёркивая своё превосходство в социальном положении и знании русского языка³. Привилегированный статус континентальных корейцев породил и натянутость отношений между ними и «островитянами». «Они не воспринимали нас как настоящих корейцев, – вспоминает Х. Г. Тегай, один из тех, кто был командирован на Сахалин, – относились весьма настороженно. Конечно, явного противодействия не было, но, тем не менее, на контакты с нами они шли неохотно»⁴. «Отзвуки тех отношений можно услышать и сейчас. “Да за что мы должны были их любить? – вспоминает одна из сахалинских кореянок Т. Тё. – Они были наймитами государства. Следили за нами, докладывали обо всём властям. Некоторых из наших сажали в тюрьмы по наговору приезжих из Средней Азии корейцев. Мы не просто не ладили с ними, а ненавидели их. Они приехали откуда-то, пытались учить нас уму-разуму”»⁵.

Чувствуя себя как в резервации, многие сахалинские корейцы стремились перебраться на материк, но зачастую встречали настороженное отношение со стороны континентальных корейцев. После того, как отношения между странами СНГ и Республикой Корея обрели динамичное развитие, рейтинг сахалинских корейцев изменился. Благодаря знанию языка (близкого к сеульскому варианту⁶), они получили возможность работать в южнокорейских компаниях (как в Корею, так и на Сахалине), представительствах, церквях. У них – представителей первого поколения – появилась возможность репатриироваться в Корею. Конечно, в связи с этим у корейцев первой группы не могло не возникнуть чувство ревности.

Аналогичная ситуация и с бывшими северными корейцами. До недавнего времени они воспринимались как иностранцы, не имевшие советского гражданства и политических прав. Отношение корейцев первой группы к ним всегда было иным,

чем к себе подобным. Да и сами северокорейцы, в силу своего статуса, не чувствовали себя вполне уверенно. В большинстве своём они не стремились раскрываться перед другими, были во всём осторожны, за что получили среди корейцев первой группы характеристику «скрытных», а то и «шпионов». Но сейчас они обратились в важный канал связи, через который осуществляются контакты с исторической родиной и имеют шанс репатриироваться в Корею⁷.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Информационные материалы об окончательных итогах Всероссийской переписи населения 2010 г. Национальный состав населения по субъектам Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 20.04.2017).

² Хан В. С., Ким Г. Н. Актуальные проблемы и перспективы корейской диаспоры Центральной Азии // International Journal of Central Asian Studies. Vol. 5. – Seoul: IASD, 2000. – С. 46-47.

³ Там же. – С. 48.

⁴ Чен Н. Дети своего народа: Книга о приморских корейцах. – Т., 2003. – С. 127.

⁵ Там же. – С. 128.

⁶ Когда центральноазиатские корейцы приехали на Сахалин, обнаружилось, что язык сахалинских корейцев отличен от *корё мар* – диалекта, на котором говорили корё сарам. Корейцы Центральной Азии стали поговаривать, что сахалинские корейцы «не настоящие», они японизированы и их язык полукорейский-полуяпонский. Это стало одной из причин пренебрежительного отношения к ним. Когда двери между Центральной Азией и Республикой Корея открылись, обнаружилось, что так называемый «полуяпонский» корейский язык сахалинцев мало чем отличается от сеульского стандартного языка.

⁷ Хан В. С., Ким Г. Н. Указ. соч. – С. 47-48.

§ 4. Динамика изменений и структура этнокультурной идентичности различных групп советских/постсоветских корейцев

Если говорить о собственно культурных различиях, то корейский компонент культуры корейцев, мигрировавших в Россию во второй половине XIX – первой четверти XX вв., и их потомков основан на культуре *северных* провинций Кореи. И к этому компоненту, в результате проживания на территории России, стал добавляться русский компонент (до 1937 г.). Таким образом стал возникать *северокорейско-русский* культурный симбиоз. А у сахалинских корейцев, вошедших в советское пространство после Второй мировой войны, корейский компонент основан на культуре *южных* провинций Кореи. Также надо иметь в виду, что с 1910 г. Корея была аннексирована Японией, которая проводила насильственную политику японизации, а также то, что вывезенные на Карафуто (южную часть Сахалина) корейцы проживали рядом с японским населением и работали на острове под японским началом. Таким образом, в культурном генофонде сахалинских корейцев начинают переплетаться *южнокорейское* и *японское* начала.

С выселением дальневосточных корейцев в Центральную Азию у них образуется *северокорейско-русско-центральноазиатский* культурный симбиоз, в то время как у сахалинских корейцев, по мере их интеграции в российское общество, он обретает характер синтеза *южнокорейской, японской и русской* культур. Конечно, первое поколение сахалинских «советских» корейцев существенно отличалось от корейцев, мигрировавших из Северной Кореи на российский Дальний Восток и их потомков. Последние к тому времени осознавали себя уже советскими корейцами; к середине 1945 г., когда сахалинские корейцы становятся частью населения СССР, они имели уже 80-летний опыт проживания за пределами Кореи, т.е. опыт длительной адап-

тации к различным политико-экономическим системам (царской России и СССР) и культурным средам (до 1937 г. к русской культуре и образу жизни, а после выселения – к центральноазиатской).

После 1953 г. (смерти Сталина) часть корейцев вернулась из Центральной Азии на Дальний Восток. Для них и тех, кто после снятия ограничений на передвижение в 50-е годы осел в России (преимущественно после окончания российских вузов), а также их потомков, – центральноазиатский культурный компонент в их культурном генофонде не сыграл важной роли. А для тех, кто долгое время прожил в Центральной Азии, напротив, он стал существенным и органичным элементом. Если учесть, что длительное время корё сарам прожили в СССР, а многие родились и умерли в нём, к вышеотмеченным симбиозам добавился и советский культурный, точнее, культурно-идеологический компонент, который не сводим к той или иной национальной культуре.

Часто, когда обсуждается вопрос о поколенных этнокультурных особенностях корё сарам, например, 1-го, 2-го или 3-го поколений, не оговаривается, о каких региональных группах идёт речь. Однако то, что здесь опускается или игнорируется, является принципиально важным, и именно для прояснения вопроса о поколенных этнокультурных особенностях. А дело в том, что *классификация поколений* у различных групп корё сарам также различна.

Если взять **центральноазиатских корейцев**, то здесь не просто нумерация поколений. Миграция корейцев из северных провинций на российских Дальний Восток происходила с 1863 г. по начало 30-х годов XX в. Среди депортированных в Центральную Азию можно найти людей самых разных возрастов, начиная от тех, кто родился в 40–50-х годах XIX в.¹, и кончая теми, кому в год депортации было несколько месяцев от роду. Потомки тех, кто приехал в Россию в 60-х–80-х годах XIX в. в молодом возрасте (в 20-30 лет), к 1937 г. представляли уже 3-е по-

коление (а в некоторых случаях и 4-е). В силу компактного проживания корейцев на Дальнем Востоке и обучения в корейских школах, во многих случаях даже представители 3-го поколения являлись носителями традиционной корейской культуры. Совершенно иная ситуация наблюдается у тех, кто мигрировал в XX веке. Возьмём ситуацию, когда человек, мигрировавший в Россию в 1920-е годы в молодом возрасте, женился здесь и в 30-х годах обзавёлся детьми. Его дети, хотя и являются представителями лишь 2-го поколения, уже обучались только в русских школах, поскольку после депортации все корейские национальные школы были ликвидированы (1938 г.).

Иначе говоря, в одних случаях представители даже 3-го поколения могли быть более корейскоязычными, нежели русскоязычными, в то время как в других случаях представители второго поколения могли быть более русскоязычными, нежели корейскоязычными. Иногда, в рамках даже одного поколения одной и той же семьи, могла происходить культурная дивергенция. Так случилось с семьёй автора книги.

Мой дед мигрировал в Россию в 1916 г. в возрасте 19 лет. В 1919 г. он женился. Среди 7 детей, в 1937 г., двое были уже в подростковом возрасте – 17 и 14 лет – и закончили корейские школы, двое были в возрасте 7 и 4 лет, остальные родились уже в Узбекистане. За исключением старших детей все остальные закончили русские школы. Старшая дочь на протяжении всей жизни говорила в основном на корейском языке, русский знала в пассивной форме и очень фрагментарно. Следующий сын также в основном говорил на корейском, но русский знал лучше, хотя его речь изобиловала многочисленными грамматическими и стилистическими ошибками. Трое средних детей являлись активными билингвами. А двое младших – понимали корейский, могли говорить какие-то фразы, но предпочитали общаться на русском. Сложилась уникальная ситуация, когда старшая сестра говорила с младшим братом на корейском, а он отвечал ей на русском.

Культурный генофонд всех корейцев, ныне проживающих в Центральной Азии, подвергся влиянию культуры местных народов. Поэтому есть смысл говорить не только о поколенческих трансмиссиях и трансформациях корё сарам в целом, но и собственно центральноазиатских корейцев. Т.е. можно говорить о 1-м поколении центральноазиатских корейцев, 2-м поколении и т.д.

Что касается нынешних **российских корейцев**, то наряду с общими с центральноазиатскими корейцами поколенческими социокультурными особенностями, им присущи и некоторые отличия. Так, среди них есть те, кто, попав в 1937 г. в Центральную Азию, уже в 50-х годах вернулся в Россию. Эти люди практически не испытали влияния центральноазиатской культуры, а их дети – тем более. Но среди них есть и те, кто мигрировал в Россию сравнительно недавно, прожив всю прежнюю жизнь в Центральной Азии. И речь идёт не только о региональных особенностях в оппозиции «российское – центральноазиатское». Дело в том, что многие корейцы Центральной Азии до сих пор живут в «корейских» колхозах, т.е. в местах компактного проживания корейцев, где сохранились очаги корейской культуры. В Москве же или Санкт-Петербурге контакты между корейцами не столь интенсивны. Таким образом, представители одних и тех же поколений корё сарам, имеющих сегодня российское гражданство, могут быть носителями культур, различающихся не только в оппозиции «российское – центральноазиатское», но и в отношении «село – город», «корейское окружение – иннокорейское окружение», «традиционная культура – трансформированная культура».

Если говорить о **сахалинских корейцах**, то их поколенная градация стоит особняком. Их можно условно поделить на три поколения, для которых характерны различные социокультурные идентичности.

Первое поколение – те, кто прибыл на остров до 1945 г. Для большей части из них этот переезд был связан с японской по-

литикой переселения корейской рабочей силы на южный Сахалин. Представители первого поколения, в основном, *корейско-японские* билингвы и носители традиционной корейской культуры. Большинство из них, особенно те, кто не был занят в советское время в общественном производстве, очень плохо владело русским языком.

Второе поколение можно условно определить как тех, кто закончил корейские школы, функционировавшие на Сахалине до 1966 г., или значительное время обучался в них². Хотя в общении между собой по-прежнему преобладал корейский язык, для них уже характерен высокий уровень *корейско-русского* билингвизма. По данным Всесоюзной переписи 1970 г., к началу 1970-х годов уровень билингвизма на Сахалине (59,5%) уже значительно превышал соответствующий уровень в Хабаровском крае (12%). Дж. и Г. Гинзбурги связывают этот факт с политической интенсивной русификации корейцев Сахалина – в целях интеграции в советское общество значительного по численности «чуждого» (иностранного) элемента в приграничной зоне³. Представители этого поколения читали и читают корейскую прессу, знают корейские песни, посещают корейские спектакли. Однако их ментальность и поведенческие модели уже претерпевают существенные изменения. Традиционная культура и семейная обрядность также подвергаются трансформации. Матрицы воспроизводства идентичности начинают включать в себя не только традиционный корейский менталитет и обряды, но и советскую культуру, психологию и модели поведения. Важным компонентом этой идентичности становится советская идеология.

Третье поколение – это те, кто закончили русские школы и для кого родным языком становится русский. Корейская культура носит для них больше характер фольклора, не имеющего актуального значения в повседневной жизни. И это третье поколение уже почти неотличимо от молодёжных поколений остальных российских корейцев.⁴

Если говорить о **северокорейцах**, то в этнокультурном смысле они представлены единственным поколением – первым. Все они женились на советских женщинах, преимущественно кореянках. И в этих семьях не жёны подверглись влиянию культуры мужей, а наоборот. Языком общения был русский, кухня – интернациональная, а если говорить о корейской кухне, то – распространённая среди корё сарам, а не северокорейская. Их дети являются полностью продуктом культуры корё сарам и ничем не отличаются от своих сверстников. Иначе говоря, здесь нет той поколенной трансмиссии, которая бы позволяла говорить о втором поколении северокорейцев. Принадлежность детей этих смешанных браков к определённому поколению фактически определяется по линии матери, т.е. в рамках поколений корё сарам.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Например, Гу Энира, 1841 г.р., Ким Сен Бе, 1852 г.р., Им Бамии, 1852 г.р., Ким Топ Ко, 1853 г.р., Хан Си, 1956 г.р. – См.: Книга памяти. Архивные списки депортированных российских корейцев в 1937 г. Ч. 1. – М., 1997. – С. 50, 70, 73, 74, 178.

² Ланьков А. Н. Корейцы СНГ: страницы истории // Сеульский вестник, 29 июня 2002 г.

³ Ginsburgs G. & Ginsburgs H. A Statistical Profile of the Korean Community in the Soviet Union // Asian Survey. Vol. XVII, No 1, 1977, pp. 964-965.

⁴ Об истории сахалинских корейцев и историографии по этому вопросу см.: Дин Ю. И. Корейская диаспора Сахалина: проблема репатриации и интеграция в советское и российское общество. – Южно-Сахалинск, 2015.

§ 5. Трансформация и особенности этнокультурной идентичности¹

Будучи субэтнической группой, советские корейцы Центральной Азии стали существенно отличаться как от северных, так и от южных корейцев по языку, менталитету, ценностям, идеалам, мировоззрению, поведению, обычаям, традициям, кухне и т.д. Их культурный генетический фонд евразийских корейцев был соткан из различных культур – традиционной корейской, русской, европейской, советской и центральноазиатской, будучи их синтезом, а идентичность подверглась серьёзной трансформации.

Тема корейской идентичности занимает одно из центральных мест на корееведческих конференциях. Однако часто слышимый рефрен «все мы – корейцы» больше является эмоционально-идеологизированной парадигмой, особенно в отношении корейских диаспор, нежели научным выводом, основанным на корректной методологии. В этнологии давно установлено, что этническая идентичность не является абстрактно-статичной, раз и навсегда данной сущностью. Наоборот, она имеет выраженную динамическую природу и всегда существует в конкретно-исторических формах.

Как только заходит разговор об этнической (в данном случае, корейской) идентичности, сразу же возникает вопрос: «О какой идентичности идёт речь?»

Можно говорить об идентичности населения Кореи эпох индустриализма и феодализма. И даже в рамках одной эпохи этнос (а значит, и его идентичность) может проходить различные фазы эволюции². Иначе говоря, различные исторические эпохи и складывающиеся в них общественные отношения порождают различные типы этнических общностей и типы их идентичности.

Можно говорить об идентичности корейцев Севера и Юга.

И речь идёт не только о разнице в политической и экономической системах, но сегодня уже и о разнице в существенных компонентах ментальности. Язык северян и южан начинает всё более отличаться, особенно в части лексики, отражающей достижения второй половины XX века, когда языковое развитие Севера и Юга происходило изолированно друг от друга. В языке Юга заметно влияние английского, что привело к появлению так называемого «конглиш». На Севере и Юге по-разному представлены религиозные конфессии, стили поведения, обрядность, ценностные ориентации и другие компоненты культуры.

Можно говорить об идентичности корейцев полуострова и корейских диаспор: корейцев СНГ, США, Китая, Японии и т.д. Обусловленные различными историческими условиями отношения между людьми в каждом из этих обществ имеют свою специфику.

Мы можем говорить об идентичности корейцев, имеющих национальную государственность и не имеющих таковой. Такие проблемы, как создание культурной или территориальной автономии, права и свободы корейцев, равноправие и доступ к государственным должностям и многие другие, не стоят перед корейцами, имеющими государственность. А ведь наличие этих проблем, во многом, обуславливает формирование этнической психологии диаспорных корейцев и специфику их национальных интересов.

Мы можем говорить об идентичности корейцев, проживающих в гомогенном и гетерогенном обществах. Например, корейцы Севера и Юга проживают в *гомогенном моноэтническом* окружении, где все – корейцы. В Китае и Японии, где имеются большие корейские диаспоры, с известными оговорками можно сказать, что процесс адаптации происходил в *гомогенном, но иноэтническом* (китайском или японском) окружении. В США и бывшем СССР процесс ассимиляции корейцев происходил в *гетерогенном иноэтническом* окруже-

нии. Жизнь советских корейцев протекала в постоянных контактах с представителями десятков народов (в СССР проживало более 120 народов), и это определило позитивные психологические установки корё сарам по отношению к этническому окружению. С другой стороны, в условиях иноэтнического окружения неизбежно происходит трансформация или утеря многих компонентов культуры, которые сохраняются в гомогенном корейском окружении.

Мы можем говорить об идентичности компактно и дисперсно проживающих корейцев. В местах компактного проживания корейцев, например, в «корейских» колхозах Узбекистана и Казахстана, формы и темпы ассимиляции, сохранение традиционных обычаев, появление инноваций, трансформация этнического сознания и моделей поведения отличаются от того, как эти процессы протекают в городах, где корейцы расселены дисперсно. Данный вывод совпадает с результатами исследований, полученных при изучении других этнодисперсных групп в больших городах³, а также этнических групп, проживающих компактно на определённой территории⁴.

Мы можем говорить о корейской идентичности половых, возрастных, профессиональных и других групп. Иначе говоря, в той мере, в какой корейский этнос структурирован на разные социальные группы, ему присущи разные формы идентичности.

Поскольку *категоричная* правомерность тезиса о единой корейской идентичности ставится под сомнение, по крайней мере по отношению к корейским диаспорам, возникает вопрос о диаспоральной этнической и культурной идентичности.

Выше уже говорилось, что степень различия между корейцами из Кореи и корейцами СНГ может служить основанием для выделения *нового этнического образования*⁵ – «корё сарам», «советских корейцев», «корейцев СНГ», «евразийских корейцев».

Осознают ли корё сарам себя в качестве корейцев? Возьмём

ряд параметров (маркеров), имеющих важное значение для понимания идентичности этнокультурных сообществ.

Языковая идентичность. Все всесоюзные переписи фиксируют разнообразие языков, которые корейцы называют родными. Основными в них фигурируют корейский и русский.

Таблица 3.1.

Распределение корейского населения в Узбекистане по возрасту, родному языку⁶
(по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г.)

Возраст	Всего	Корейский язык	Русский язык	Узбекский язык	Другие языки
До 6 лет	23 049	10 413	12 528	73	35
6-9 лет	15 613	6 219	9 338	35	21
10-14	18 158	7 407	10 671	55	25
15-19	13 644	6 160	7 378	76	29
20-24	11 048	5 974	5 016	39	20
25-29	14 945	8 603	6 279	35	26
30-34	18 732	10 824	7 854	24	31
35-39	18 356	10 301	7 997	37	21
40-44	10 920	6 185	4 695	17	23
45-49	7 017	4 348	2 640	16	18
50-54	6 683	4 624	2 030	19	11
55-59	7 597	5 788	1 789	9	11
60-64	6 573	5 521	1 032	13	7
65-69	4 681	4 135	540	3	4
70 и старше	6 118	5 668	430	17	4
возраст не указан	6	5	1	—	1
Всего	183 140	102 175	80 218	468	279

Согласно этим данным, 55,8% корейцев Узбекистана назвали родным корейский язык, 43,8% – русский, 0,3% – узбекский, 0,6% – другие языки. Означает ли это, что для большинства корейцев Узбекистана корейский язык в 80-х годах действительно был родным, т.е. они на нём думали, говорили и писали? Конечно, нет.

Во-первых, когда узбекистанские корейцы говорят, что знают корейский язык, под последним подразумевается *корё мар* (*корё маль*) – разновидность диалекта Юкчин (Северный Хамгён)⁷. Корё мар – язык, на котором сегодня говорят наиболее пожилые корейцы (как правило, представители первого и второго поколений), использующийся лишь в семейно-бытовой сфере и подвергшийся влияниям русского и центральноазиатских языков. Советские корейцы, общавшиеся между собой на корё мар, при встрече с корейцами из Кореи обнаружили, что практически не понимают корейского языка южан, который оказался для них как иностранный.

Во-вторых, многие узбекистанские корейцы, называя корейский язык родным, подразумевают, что это родной язык корейской нации, хотя сами они, может быть, знают его хуже русского, или узбекского, или вообще не знают. Например, из таблицы следует, что для более чем 75 000 корейцев, родившихся после 1937 г., т.е. окончивших русские школы, корейский язык – родной. В это трудно поверить. По крайней мере, в своей жизни я не встречал таковых, хотя, если учитывать выше приведённую внушительную цифру, они должны были встречаться на каждом шагу. Поэтому – и это *в-третьих* – нужно учесть категорию корейцев, которые признают всё «корейское» родным только из духа патриотизма, независимо от того, насколько это «родное» реально присутствует в их жизни.

Если ещё примем во внимание год проведения переписи – 1989, год, когда стало зарождаться корейское движение, вызвавшее всплеск этнического самосознания среди корейцев, то можно понять желание узбекистанских корейцев подчеркнуть

свою этничность. Однако назвать язык родным и объективный родной язык – разные вещи.

В последние годы языковая ситуация начинает меняться. Появилась прослойка корейцев, прошедшая длительное языковое обучение, окончившая корейские вузы и имеющая опыт работы в Корее, для которой корейский язык, наряду с русским, становится родным.

Кухня. Абсолютное большинство корё сарам в своём рационе использует корейскую кухню. Однако следует отметить, что *корейская кухня* корё сарам не идентична кухне современной Кореи. Отчасти это такая же кухня (например, «паб», «тубу», «конгнамуль», «кандян», «двенчян», «сокоги кук», «печу кимчхи», «сундэ»), отчасти – схожая («куксу», «кекоги», «ои кимчхи», «му кимчхи»), а отчасти – вообще не имеет аналогов в кухне корейцев полуострова (например, «морковь ча» – салат из маринованной моркови, «пигодя» – паровые пирожки и др.), хотя среди корейцев СНГ, а также окружающих их народов считается «корейской». И она действительно является таковой, если за понятием «корейское» признавать не только образцы культуры Корейского полуострова, но и диаспорных корейцев.

Духовная культура. Кухня относится к устойчивым компонентам культуры. При обращении же к духовной культуре корё сарам обнаруживается более заметное отдаление от традиционной корейской культуры.

Василиса Прекрасная и Иванушка-дурачок из *русской* сказки, Ходжа Насреддин из *среднеазиатского* устного творчества, *русская* и *советская поэзия* (Пушкин, Лермонтов, Некрасов, Крылов, Блок, Есенин, Маяковский, Пастернак, Ахматова, Цветаева, Евтушенко, Вознесенский, Ахмадулина, Чуковский, Маршак и др.) и *проза* (Толстой, Достоевский, Гоголь, Тургенев, Чехов, Булгаков, Зощенко, Куприн, Бунин, Островский, Шолохов, Симонов, Ян, Пиккуль, Айтматов и др.), *зарубежная литература* – *французская* (Мольер, Дюма, Бальзак, Гюго, Флобер, Стендаль,

Мериме, Жюль Верн, Мопассан, Золя, Экзюпери), *английская* (Шекспир, Дефо, Свифт, Диккенс, сёстры Бронте, Стивенсон, Скотт, Конан Дойль, Киплинг, Кэрролл, Уэллс), *американская* (Твен, Лондон, По, О'Тенри, Драйзер, Рид, Хемингуэй, Брэдбери, Апдайк, Стейнбек, Сэллинджер, Войнич), *испанская* (Сервантес, Лопе де Вега), *немецкая* (братья Гримм, Гофман, Гёте, Гейне, Фейхтвангер), *скандинавская* (Линдгрэн) и многие другие художественные произведения писателей различных стран мира более знакомы и близки советским корейцам, нежели образы Чхун Нян или Хон Иль Дона.

То же самое можно сказать о кинематографе, танцах, песнях, шутках, поговорках и т.д.

Показательны в этом отношении праздники. В праздничном календаре советских корейцев прочное место заняли Новый год по солнечному календарю (Рождество и Новый год по лунному календарю советские корейцы не праздновали); 8 Марта, или Женский день, праздник, отсутствующий в Южной Корее; 9 Мая, или День победы над фашистской Германией в Великой Отечественной войне, праздник, который также отсутствует в Южной Корее; 1 мая, День солидарности трудящихся; 23 февраля, День Советской армии (или Мужской день); профессиональные праздники, дни рождения.

Антропонимия. Одним из показателей трансформации этнического сознания корё сарам являются антропонимические процессы, описанные Р. Ш. Джарылгасиновой. Для них характерны: массовое использование русских и международных имён, появление фамилий с образовательным суффиксом «-гай» (например, Ю + гай, О + гай и т.д.), отчества, состоящие из корейских имён отцов + суффиксы отчеств из русского языка, «-ович» («-евич»), «-овна» («-евна»), (например, отец – Ким Дядюн, сын – Ким Лаврентий Дядюнович; отец – Сон Индэк, дочь – Сон Людмила Индэковна)⁸. Интересен тот факт, что, проживая в Узбекистане, узбекистанские корейцы, тем не менее, дают своим детям русские имена, так же поступают и другие корейцы

Центральной Азии: Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана и Туркменистана.

Антропологическая идентичность. Говоря о трансформации корейской идентичности, мы должны учитывать не только культурную идентичность, но и антропологическую. С ростом межнациональных браков в корейском обществе всё больше появляются «тягубя» – дети от этих браков, которые антропологически и генетически отличаются от детей гомогенных корейских семей. В основном они себя считают корейцами, вероятно, в силу выделяющейся внешности (как правило, тягубя больше похожи на корейцев, нежели на славян), стойкости использования корейской кухни и традиционных компонентов в семейной обрядности.

Таким образом, корейское начало не является абсолютной доминантой в этнокультурной идентичности корё сарам. Кроме того, у различных социальных слоёв корейской диаспоры степень и уровень проявления этого начала совершенно различны. Всё это позволяет говорить о полифоническом характере диаспоральной идентичности корё сарам.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Данный параграф подготовлен на основе доклада «К вопросу об этнокультурной идентичности корейцев Узбекистана» (по данным этносоциологического исследования), зачитанного на международной конференции «История, культура и быт корейцев Казахстана, Кыргызстана и Узбекистана в Бишкеке» 6 февраля 2003 г.

² См.: Марков Г. Е. Этнические общности как историческая категория // Советская этнография, № 4, 1986. – С. 71.

³ См.: Коган М. Э. Социально-этнические детерминанты национальной ориентации этнодисперсной группы в большом городе // Советская этнография, № 4, 1990. – С. 32-42.

⁴ Паин Э. А. Система территориальных общностей и её роль в формировании и воспроизводстве этнокультурных традиций в условиях урбанизации // Советская этнография, № 1, 1987. – С. 10-24.

⁵ См.: Хан В. С. Парадигмы и проблемы национальных движений: социально-философский анализ // Известия о корееведении в Казахстане и Средней Азии. № 1 – Алматы-Хельсинки, 1993.

⁶ Рассчитано по: «Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 г. Распределение населения отдельных национальностей по полу, состоянию в браке, уровню образования, родному языку и второму языку народов СССР по Республике Узбекистан». – Т., 1991. – С. 26. По вопросу распределения корейцев по языку известна таблица, приведённая в книге: Ким П. Корейцы Республики Узбекистан. – Т., 1993. – С. 126; автор ссылается на итоги Всесоюзной переписи населения 1989 г. Однако в этой таблице много ошибок. По сравнению с итогами Всесоюзной переписи в колонке «всего» разница в 2 человека, в колонке «корейский язык» – в 2053 чел., в колонке «русский язык» – в 26 чел., в колонке «узбекский язык» – в 32 чел., в колонке «другие языки» – в 5 чел.

⁷ King J. P. R. An Introduction to Soviet Korean // Language Research. Vol. 23, No 2, June 1987, p. 236; Kho Songmo. Koreans in Soviet Central Asia. – Helsinki, Studia Orientalia, 1987, p. 102.

⁸ Джарылгасинова Р. Ш. Антропонимические процессы у корейцев Средней Азии и Казахстана // Личные имена в прошлом, настоящем, будущем. Проблемы антропонимики. – М., 1970. – С. 139-149.

§ 6. Демографическая и миграционная характеристика

Корейцев с полным правом можно отнести к этническим группам с высоким уровнем миграционной мобильности. Это проявлялось как в царской России, так и в последующие периоды. Даже в первые годы после депортации, несмотря на запреты административных органов, корейцы самовольно переселялись из безводных ареалов Казахстана в Узбекистан и Киргизию – на орошаемые, пригодные для рисоводства и растениеводства, земли.

После смерти Сталина десятки тысяч корейцев стали возвращаться на Дальний Восток. Параллельно шло расселение корейцев по всему СССР. Подобные мобильность и успешность в новых местах жительства были показателями *высокой адаптивности* корейцев. Необходимость вписываться в различные этнокультурные ландшафты формировали *гибкие модели поведения*. Осваивая в новых местах поселения культуры других народов, корейцы сформировали *мульти-культурную идентичность*.

Наблюдается рост поступления корейской молодёжи в российские вузы.

Наряду с межреспубликанской миграцией происходит и интенсивная внутриреспубликанская миграция корё сарам: из одних колхозов в другие, а также в города. Одним из факторов миграции корейцев из корейских колхозов стала советская политика в области сельского хозяйства, направленная на укрупнение (объединение) колхозов. Если в 1940 г. в СССР было 235,5 тыс. колхозов (без учёта рыболовецких), то в 1950 г. их стало 121,4 тыс., в 1960 – 44 тыс., в 1971 – 32,3 тыс.¹ Объединение колхозов происходило, как правило, по принципу: богатые, благополучные колхозы объединяли с менее благополучными.

Корейские колхозы, считавшиеся благополучными, объединяли с местными, более бедными колхозами.

Корейские колхозы, бывшие в этническом отношении однородными, стали многонациональными по своему составу. Мало того, в ряде колхозов корейское население из большинства превратилось в меньшинство. Ощущение собственного «корейского» дома стало размываться. По мере того, как корейские колхозы стали превращаться в *полукорейские*, а затем и в *некорейские* колхозы, они переставали быть для корейцев той «малой родиной», которая удерживает человека. Корейцы начинают покидать эти колхозы. Изменение этнического состава корейских колхозов ослабило связь между корейцами и этими колхозами, что, в свою очередь, стало фактором миграции корейцев, в том числе и в поисках заработков, за пределы этих колхозов.

По мере того, как корейцы всё больше осваивают помимо сельского хозяйства другие трудовые ниши – в промышленности, науке, образовании, культуре и других областях, они всё более оседают в городах. Причём рост корейского городского населения значительно превышает рост горожан из коренных жителей центральноазиатских республик. Так, если взять корейское городское население Узбекистана, то в 1960-х годах оно составляло уже большинство, а в 1989 г. – 79,8% корейского населения республики против 15,4% в 1939 г. Для сравнения: в общей численности населения Узбекистана доля городских жителей за эти годы выросла с 23,1% до 40,7%². Со временем корейцы постепенно концентрируются в столицах республик.

Имели место и факты внешней миграции – в КНДР. Эта миграция делится на два типа. Первый тип связан с тем, что после того, как большинство советских корейцев, направленных в КНДР в разные годы, в 1958–1961 гг. покинуло страну, незначительная часть осталась в Северной Корее³. Второй тип – это принудительное выдворение в КНДР сахалинских корейцев, добивавшихся разрешения выехать на постоянное место жи-

тельства в Японию или Южную Корею (известны 2 случая, коснувшиеся 5 семей численностью в 40 человек)⁴.

С распадом СССР наблюдается значительная миграция корейцев из стран Центральной Азии в Россию. Имеют место факты миграции корейцев в Южную Корею (женщины, вышедшие замуж за южнокорейцев; репатриация сахалинских корейцев), США, Канаду и Западную Европу.

Демографическая динамика по материалам переписей населения в советский период выглядит следующим образом.

Таблица 3.2.

Численность корейцев в СССР и союзных республиках (по данным переписей населения)⁵

	1939	1959	1970	1979	1989
СССР	182 339	313 735	357 507	388 926	438 650
Азербайджанская ССР	14	90	139	130	94
Армянская ССР	4	34	45	30	29
Белорусская ССР	15	115	277	478	638
Грузинская ССР	11	115	231	129	242
Казахская ССР	96 453	74 019	78 078	91 984	103 315
Киргизская ССР	508	3 622	9 404	14 481	18 355
Латвийская ССР	—	49	166	183	248
Литовская ССР	—	29	75	140	119
Молдавская ССР	—	99	106	212	269
РСФСР	11 462	91 445	101 369	97 649	107 051
Таджикская ССР	43	2 365	8 490	11 179	13 431
Туркменская ССР	40	1 919	3 493	3 105	2 848
Узбекская ССР	72 944	138 453	151 058	163 062	183 140
Украинская ССР	845	1,341	4,480	6 061	8 669
Эстонская ССР	—	40	96	103	202

Таблица 3.3.
Численность корейцев в России

Год	Численность корейцев
1989	107 051
2002	148 556 ⁶
2010	153 156 ⁷
2019	169 933 ⁸

Если в России количество корейцев увеличивается, то в Центральной Азии оно уменьшается либо остаётся тем же, с небольшими вариациями.

Таблица 3.4.
Численность корейцев в Казахстане

Год	Численность корейцев
1989	100 739
1999	99 662 ⁹
2009	100 400
2019	109 923 ¹⁰

В Узбекистане, по состоянию на 1 января 2001 г., проживали 172 384 корейца¹¹. В последующие годы их численность продолжает уменьшаться. По данным Государственного комитета Узбекистана по статистике, в 2002 г. она составила 169,6 тыс. человек, в 2003 – 166,1 тыс., в 2004 – 161,7 тыс., в 2005 – 157,3 тыс., в 2006 – 153,0 тыс., в 2007 – 150,1 тыс., в 2008 – 147,7 тыс.¹² По данным того же Госкомстата, в 2013 г. в республике проживало 184 699 корейцев, а в 2017 – 181 077 корейцев (по запросу автора, получена другая цифра – 176 855). В 2018 г. Госкомстат по запросу автора дал цифру в 175 993 человека. По данным МИД Республики Корея, в 2019 г. в Узбекистане проживало 177 270 корейцев¹³.

Таблица 3.5.
Численность корейцев в Узбекистане в 2000-е годы
по состоянию на 1 января
(по данным Государственного комитета Узбекистана
по статистике)¹⁴

Год	Численность корейцев
1989	183 140
2001	172 384
2002	169,6 тыс.
2003	166,1 тыс.
2004	161,7 тыс.
2005	157,3 тыс.
2006	153,0 тыс.
2007	150,1 тыс.
2008	147,7 тыс.
2009	145 609
2010	143 977
2011	188 044
2012	186 334
2013	184 699
2014	182 957
2015	180 594
2016	178 607
2017	176 855
2018	175 993
2019	177 270 ¹⁵

Насколько можно верить эти данным? До 2010 года численность корейцев неуклонно снижалась, и вдруг в 2011 году – де-

мографический скачок. Мне представляется, что этот скачок – искусственный и имеет политические причины, связанные с инвестициями Республики Корея в Узбекистан. Одно время даже называлась цифра в 200 тыс. и выше¹⁶.

Лет десять тому назад мне звонит знакомая, профессор, и спрашивает: сколько корейцев проживает в Узбекистане – 200 тыс., 210 тыс. или 230 тыс.? А я как раз получил справку из Госкомстата, в которой указано, что в 2008 г. в республике числилось 147,7 тыс. корейцев. Я озвучил знакомой эту цифру, на что она сказала: «Моя племянница сдаёт вступительные экзамены – в билетах вопрос о численности корейцев сформулирован именно так. Так сколько корейцев проживает в Узбекистане: 200, 210 или 230 тысяч?». Сравнительно недавно Президент страны подверг критике органы статистики за неполноту и недостоверность данных. Но некоторые руководители государственных органов, как и руководство Ассоциации корейских культурных центров Узбекистана, по старинке считают, что чем большее число проживающих в Узбекистане корейцев указывать, тем лучше. Кому лучше? Будто те же южнокорейцы не видят тысяч наших соотечественников в Сеуле, Ансане, Инчоне, Чонане, Асане, Кванджу и других городах и будто нет южнокорейской статистики.

Таблица 3.6.

Численность корейцев в Кыргызстане

Год	Численность корейцев
1989	18 355
1999	19 764 ¹⁷
2009	17 300
2013	16 800 ¹⁸
2019	19 035 ¹⁹

Таблица 3.7.
Численность корейцев в Таджикистане

Год	Численность корейцев
1989	13 431
2000	1 696
2010	634 ²⁰
2019	759 ²¹

Таблица 3.8.
Численность корейцев в Туркменистане

Год	Численность корейцев
1989	2 848
1995	3 159 ²²
2019	1 482 ²³

Хотя можно встретить информацию, что на самом деле в Туркменистане осталось несколько сотен корейцев²⁴.

Корейцы проживают также на Украине – 12 711 человек (по данным Всеукраинской переписи 2001 г.)²⁵; по данным за 2019 г., на Украине живёт 13 070 корейцев. Более 1 300 корейцев проживают в Беларуси (2019 г.). Небольшие корейские общины встречаются в Прибалтике и на Кавказе. Как и в советский период, наибольшая часть корейцев проживает в Центральной Азии и России.

Таблица 3.9.
Количество корейцев на постсоветском пространстве (2019 г.)²⁶

Страна	Численность корейцев
Узбекистан	177 270
Россия	169 933

Казахстан	109 923
Кыргызстан	18 515
Украина	13 070
Туркменистан	1 482
Беларусь	1 343
Таджикистан	759
Армения	373
Азербайджан	192
Молдова	82
Грузия	101
Латвия	52
Эстония	76
Литва	107
Итого	496 531²⁷

Незначительное число корё сарам проживает в США, Европе, других странах.

Конечно, большой вопрос вызывает диаспора русскоязычных корейцев в Южной Корее. В 2018 г. была создана Ассоциация корё сарам в Республике Корея. Появилось большое количество групп русскоязычных корейцев в интернете: «Ассоциация Корё-сарам в Республике Корея», «Корё-сарам в Южной Корее», «Советские корейцы в Корее», «Корейский медиаclub», «Общество русскоязычных корейцев "Хамкке"», «Корейцы Koryo-in», «The Seoul Russian Party», «82 авеню – Наши в Корее» и др. Эта диаспора и деятельность Ассоциации уже привлекла внимание исследователей²⁸.

И ещё в большей степени интересен вопрос о будущем этой диаспоры. Пустит ли она корни в самой Корее? Кем будут ощущать себя потомки этой новой волны переселенцев – только не с востока на запад, а наоборот? Сохранят ли они в себе ев-

разийское начало или станут южнокорейцами с постсоветскими корнями? Как «новые корейцы» будут строить отношения с корейцами, оставшимися в СНГ? И смогут ли они стать политической силой, подобно тому, как такой силой стали русскоязычные евреи в Израиле и русскоязычные немцы в Германии, о чём я не раз высказывался?

И, конечно же, не менее важный вопрос: останутся ли корейцы в Центральной Азии, и в каком статусе? Тенденция такова, что в Таджикистане и Туркменистане, вероятно, в обозримом будущем корейская диаспора исчезнет. Вопрос же с другими центральноазиатскими странами остаётся пока открытым. В проведённом в 2010 г. социологическом исследовании среди корейцев Узбекистана (в опросе участвовало 1000 человек) 61,6% опрошенных корейцев высказали намерение переехать в другую страну и 65,1% допустили смену гражданства. Наиболее высокий процент ориентации на смену гражданства (84,3%) дала молодёжная группа (16-25 лет).

Во многом миграционные настроения корейцев стран Центральной Азии будут зависеть от ряда факторов: комфортности окружающей этнокультурной и политико-экономической среды, перспектив за пределами настоящих родин, мобильности и желания сохранить или изменить свою идентичность и среду обитания.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Колхозы. – Большая Советская Энциклопедия. Т. 12. – М., 1973. – С. 475.

² *Ким Мен Гир*. Демографические особенности корейского населения Узбекистана // *Ким Б.* Корейцы Узбекистана. Кто есть кто. Приложение 1. – Т., 1999. – С. 139.

³ *Ланьков А. Н.* КНДР вчера и сегодня. Неформальная история Северной Кореи. – М., 2005. – С. 199.

⁴ *Кузин А. Т.* Дальневосточные корейцы: жизнь и трагедия судьбы. – Южно-Сахалинск, 1993. – С. 253-256.

⁵ Цит. по: *Ким Г. Н.* История иммиграции корейцев. Книга вторая. 1945–2000 годы. Часть 2. – Алматы, 2006. – С. 243.

- ⁶ Официальный сайт Всероссийской переписи населения 2002 г. – <http://www.perepis2002.ru/> [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.perepis2002.ru/> (дата обращения: 13.06.2020). В графе «корейцы» учитывались как собственно корё сарам, так и чосон сарам – северокорейцы и хангук сарам – южнокорейцы.
- ⁷ Официальный сайт Всероссийской переписи населения 2010 г. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 13.06.2020).
- ⁸ Статистика по корейцам, проживающих за рубежом. [Электронный ресурс]. URL: http://rus.korean.net/portal_ru/information/knt.do (дата обращения: 14.11.2020).
- ⁹ Пак А. Д. Демографическая характеристика корейцев Казахстана. – Алматы, 2002.
- ¹⁰ Статистика по корейцам, проживающих за рубежом. [Электронный ресурс]. URL: http://rus.korean.net/portal_ru/information/knt.do (дата обращения: 14.11.2020).
- ¹¹ Данные Управления статистики Ташкентской области Государственного департамента статистики при Министерстве макроэкономики и статистики Республики Узбекистан от 27.03.2002 за № 74-16-7. – Цит. по: Ким В. Д. Корейцы Узбекистана: прошлое и настоящее // История, культура и быт корейцев Казахстана, Кыргызстана и Узбекистана. – Бишкек, 2003. – С. 46-47.
- ¹² Ответ Госкомстата на запрос М. И. Козьминой (2009 г.).
- ¹³ Статистика по корейцам, проживающим за рубежом. [Электронный ресурс]. URL: http://rus.korean.net/portal_ru/information/knt.do (дата обращения: 14.11.2020).
- ¹⁴ Ответ Госкомстата на запрос В. С. Хана от 25 апреля 2019 г. (№ 01/4-01-19-477, 3 мая 2019 г.). Подпись Заместителя Председателя Госкомстата М. Зиядуллаева.
- ¹⁵ Статистика по корейцам, проживающим за рубежом. [Электронный ресурс]. URL: http://rus.korean.net/portal_ru/information/knt.do (дата обращения: 14.11.2020).
- ¹⁶ Хан В. С. Сколько корейцев проживает в Узбекистане? // Корё синмун. 2 апреля 2020 г.
- ¹⁷ Население Кыргызстана. Национально-этнический состав [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.welcome.kg/ru/kyrgyzstan/population/sostav/>; Ли Г. Н. Вклад корейской диаспоры в развитие Кыргызской Республики (1991–2002 гг.) // История, культура и быт корейцев Казахстана, Кыргызстана и Узбекистана. – Бишкек, 2003. – С. 49.
- ¹⁸ http://stat.kg/index.php?option=com_content&task=view&id=24&Itemid=101

¹⁹ Статистика по корейцам, проживающим за рубежом. [Электронный ресурс]. URL: http://rus.korean.net/portal_ru/information/knt.do (дата обращения: 14.11.2020).

²⁰ Национальный состав, владение языками и гражданство населения Республики Таджикистан. Том 3. – Душанбе, 2012. – С. 7.

²¹ Статистика по корейцам, проживающим за рубежом. [Электронный ресурс]. URL: http://rus.korean.net/portal_ru/information/knt.do (дата обращения: 14.11.2020).

²² Население Туркмении [Электронный ресурс]. – URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Население_Туркмении

²³ http://stat.kg/index.php?option=com_content&task=view&id=24&Itemid=101 (дата обращения: 13.06.2020).

²⁴ Корейцы в Туркменистане – без родины, без веры, без будущего. – [http://www.eurasianet.org/turkmenistan.project/files2/040615KoreansinTurkmenistan\(rus\).doc](http://www.eurasianet.org/turkmenistan.project/files2/040615KoreansinTurkmenistan(rus).doc)

²⁵ Официальный сайт Государственного комитета по статистике Украины. Всеукраинская перепись населения, 2001. Раздел «Распределение населения по национальности и родному языку». [Электронный ресурс]. – URL: http://www.ukrcensus.gov.ua/rus/results/nationality_population/nationality_popul1/select_51/?botton=cens_db&box=5.1W&kt=00&p=50&rz=1_1&rz_b=2_1%20&n_page=3 (дата обращения: 13.06.2020).

²⁶ Статистика по корейцам, проживающим за рубежом. [Электронный ресурс]. URL: http://rus.korean.net/portal_ru/information/knt.do (дата обращения: 14.11.2020).

²⁷ Нужно иметь в виду, что данные МИД Республики Корея идут под рубрикой «Статистика по корейцам, проживающим за рубежом»; нет различия между постсоветскими корейцами и южнокорейцами; в этих данных все зарубежные корейцы именуются *хангук сарам*. Поэтому для того, чтобы знать, сколько постсоветских корейцев проживает на постсоветском пространстве, из общих цифр численности корейцев по странам СНГ, полученных из МИД РК, нужно минусовать южнокорейских граждан. Однако лучше ориентироваться на переписи соответствующих стран.

²⁸ Тен М. Д. Трудовая миграция корейцев Узбекистана в Республику Корея // Известия корееведения в Центральной Азии. Вып. 8 (16) – Алматы, 2009. С. 61-77; Хан В. С., Сим Хон Ёнг. Корейцы Центральной Азии: прошлое и настоящее. – М., 2014. – С. 216-228; Ким Г. Н. Как корё-сарам превратились в кореинов [Электронный ресурс]. URL: <https://hansanglab.com/2019/04/05/kak-koryo-saram-prevratilis-v-koreinov/> (дата обращения 14.11.2020).

§ 7. Диаспора или диаспоры?

Несмотря на все культурные, региональные или поколенные различия во второй половине XX века, советские корейцы формируются во многом как целостная, с определёнными оговорками, диаспора. Этому способствовали русский язык, ставшим для корейцев родным; советский строй и государственная идеология, единые правовое поле, система управления, система воспитания и образования, информационное пространство, праздники; появление новых интегрирующих патриотических символов, кумиров, стилей и семантики одежды, поведения и речи и т.д. Полностью ушли в прошлое сословные различия или различие по местам происхождения на полуострове, что являлось важной частью идентичности корейцев.

Распад СССР привёл к тому, что корейцы оказались в разных государствах и столкнулись со следующими вызовами:

1. Возникла новая проблема выживания *советских корейцев* как определённой субэтнической общности¹. В рамках Советского Союза этой проблемы не существовало, поскольку именно в качестве «советских» корейцы и являлись продуктом советской системы, будучи носителями сформированной в рамках этой системы культуры².

В качестве таковых корейцы осознавали себя как русскоязычную группу со смешанным культурным генофондом, этническую *целостность* в рамках единого государства, несмотря на то, что проживали в разных регионах – на Дальнем Востоке, Северном Кавказе, в Средней Азии, Москве и т.д.

2. Последовавшие после распада СССР процессы поставили перед корейцами вопрос о необходимости новой адаптации в новорождённых государствах, резко отличающихся от бывшего СССР³.

После обретения независимости в странах Центральной Азии, как и в других странах СНГ, начинается процесс нацио-

строительства, основанный на принципах национализма и сопряжённый с правом самоопределения титульной нации, и на практике – с её приоритетным развитием. Можно говорить о *титульной этнизации* (казахизации, таджикизации и т.д.) социально-экономического, политического и культурного пространства всех центральноазиатских государств.

Политика титульной этнизации проявилась:

- в концепции исторического безусловного права на доминирование определённого этноса (титульной нации) в данном государстве;

- во введении государственного языка (языка титульной нации) и сокращении русскоязычного пространства;

- в титульной этнизации должностных позиций в государственных органах и сокращении русскоязычного компонента в них;

- в увеличении удельного веса титульной нации в структуре населения и сокращении этнического многообразия⁴.

Данная политика и сформированная ею новая реальность поставили корейцев перед новым жизненным выбором: следование прежнему образу жизни, активная адаптация в новое политико-экономическое и социокультурное пространство или миграция.

3. Получив гражданство той или иной страны (России, Казахстана, Узбекистана, Украины и т.д.), корейцы оказались разделёнными государственными границами со всеми вытекающими последствиями. Соответственно, в *политическом* отношении они оказались в ситуации необходимого выражения лояльности и поддержки политики тех государств, гражданами которых они стали. Патриотический пафос становится важнейшим компонентом в официальных речах корейцев, в документах корейских культурных центров, в проводимых ими акциях. И речь идёт не только о поддержке политики «новых родин», но и их действующих президентов.

Так, описывая стратегию Ассоциации корейцев Казахстана,

японская исследовательница Н. Ока писала в 2001 г.: «Политическую стратегию АКК можно охарактеризовать как лояльную к режиму. В частности, её президент Ю. Цхай – ревностный сторонник Н. Назарбаева. В январе 1999 г., незадолго до президентских выборов, АКК организовала культурную акцию “Назарбаев – наш президент”»⁵. Известно, что и в дальнейшем, на последующих выборах, АКК проводила такие акции. Аналогичные стратегии были взяты на вооружение корейскими общественными организациями и других стран Центральной Азии⁶. Однако при проведении таких акций возникает вопрос: это действительно коллективное волеизъявление корейской диаспоры или способ построения политической карьеры руководителей корейских ассоциаций? В связи с этим Н. Ока пишет: «АКК, уверенно руководимая Ю. Цхаем, горячо поддерживает Н. Назарбаева. Скорее всего цель такой стратегии – обеспечить защищённость корейской диаспоры, поддерживая хорошие отношения с самым влиятельным человеком страны. <...> Однако, судя по всему, у Ю. Цхая есть и свои личные причины поддерживать президента»⁷.

Корейцы оказались не просто в разных государствах, а в странах, у которых непростые отношения между собой. Так, Узбекистан и Казахстан соперничают между собой за лидерство в регионе. В результате конфликтов между киргизами и узбеками в городе Ош (1990, 2000 гг.) неоднократно ухудшались узбеко-киргизские отношения на государственном уровне; в результате конфликтов между жителями Исфаринского района Таджикистана и жителями Баткенского района Киргизии (1989–1991 гг., 1998 г.) – таджико-киргизские государственные отношения. Сложные отношения существуют между Таджикистаном и Узбекистаном (разные подходы к использованию водных ресурсов, к пониманию роли ираноязычного и тюркского компонентов в истории Центральной Азии и т.д.). В настоящее время мы наблюдаем противостояние России и Украины. Все эти конфликты находились/находятся в центре

внимания СМИ, обсуждаются на самых разных уровнях, включая бытовой.

Как правило, высказываясь по этим сложным вопросам, корейцы демонстративно придерживаются линии своих государств.

Можно однозначно утверждать, что если те или иные проекты междиаспорного сотрудничества и интеграции корейцев СНГ будут критически восприняты государственными органами тех или иных стран, корейские ассоциации поддержат позицию своих государств, а не сородичей из соседних стран.

Новые разделительные границы носят не только политический характер, они стали таковыми и в прямом, *пространственном* смысле, усложнив контакты между корейцами. Потеря рабочих мест и снижение доходов (особенно в 90-е годы), режим регистрации, в ряде случаев визовый режим, международные (дорогостоящие) тарифы на поездки из одной страны в другую, повышенное внимание органов правопорядка к визитёрам из «ближнего зарубежья» и т.д. – всё это ведёт к повышению степени изоляции значительных слоёв корейского населения и замыканию их в «национально-государственных квартирах», а также к усилению дивергентных процессов и формированию новых направлений *социокультурной* ассимиляции в сторону казахизации, узбекизации и т.д.

Политическая и социокультурная адаптация в рамках новых государств чревата тем, что постсоветские корейцы могут потерять своё лицо как единая субэтническая общность и начнут трансформироваться в новые субэтнические образования – корейцы Узбекистана, корейцы Казахстана, корейцы Кыргызстана, корейцы Прибалтики и т.д.

Иначе говоря, проблема выживания *советских корейцев* трансформировалась в проблему *конструирования новой идентичности*, согласно новой геополитической реальности. Так, сегодня уже можно наблюдать противопоставление одних корейских диаспор другим. Это проявляется в конфликтах инте-

ресов корейских ассоциаций стран СНГ и даже в обыденной речи, когда корейцы Узбекистана именуются «узбеками», а корейцы Казахстана – «казахами». В этом плане являются показательными события последних лет, когда некоторые инициативы казахстанских корейцев были подвергнуты критике или заблокированы со стороны узбекистанских корейцев, усмотревших в этом попытку играть «первую скрипку» в регионе.

Так, была попытка создать ассоциацию корейских объединений Центральной Азии со штаб-квартирой в Казахстане, которая не нашла отклика у Ассоциации корейских культурных центров Узбекистана.

В 2015 г. вице-президент Ассоциации корейцев Казахстана и кореевед Г. Н. Ким выступил с серией статей в интернете, основная мысль которых сводится к тому, что именно казахстанская корейская диаспора должна стать медиатором между КНДР и Южной Кореей. И хотя статьи называются «Медиаторский потенциал корё сарам», «Медиаторская роль корейцев СНГ в объединении Кореи», из содержания ясно, что речь идёт о казахстанских корейцах. Так, в одной из этих статей Г. Ким пишет: «... Я хотел бы поделиться своими идеями и мыслями об исторических и актуальных предпосылках медиаторской роли корейской диаспоры стран СНГ, о предполагаемых посреднических функциях и задачах в межкорейских отношениях. Такая медиаторская миссия корейцев Казахстана...»⁸. В логике это называется подменой понятий: объектом статьи анонсируются корейцы СНГ, а говорится о корейцах Казахстана.

Во второй части статьи Г. Ким задаётся вопросом, почему «именно у корейцев Казахстана наиболее оптимальные предпосылки для исполнения медиаторской роли в межкорейских отношениях и налаживании сотрудничества с Южной и Северной Кореей»⁹. При этом, чтобы не быть заподозренным в казахстанском эгоцентризме, Г. Ким пишет: «Постараюсь не скатиться в субъективизм, который мне как казахстанскому учёному, вице-президенту АКК и члену казахстанской секции

КСМДОК, должен был быть присущим по естеству. Однако исследователь должен оставаться объективным в своём научном анализе и оперировать реальными фактами или весомыми аргументами»¹⁰.

Что же такое специфическое присуще корейцам Казахстана, что именно они должны стать посредниками в диалоге КНДР и Южной Кореей?

Г. Ким:

«Следующие предпосылки, присущие именно корейцам Казахстана, могли бы успешно содействовать в налаживании отношений между двумя Кореями:

1. Происхождение из северных (преимущественно) и южных провинций;
2. Вклад в национально-освободительное движение Кореи, признанный как в Сеуле, так и Пхеньяне;
3. Опыт советского социалистического прошлого, тоталитарного сталинского режима;
4. Опыт строительства социализма в КНДР;
5. Наличие в Казахстане старейших очагов культуры: Корейского театра, редакции корейской газеты;
6. Живые связи с Южной Кореей и южными корейцами;
7. Возможность поддерживать отношения с КНДР;
8. Синтетика менталитета корейцев Казахстана, основанного на разности цивилизаций, культур и языков;
9. Триединство национального, этнического и диаспорного самосознания;
10. Желание видеть Корею единой страной, внести вклад в дело объединения исторической родины;
11. Высокий статус корейцев в казахстанском обществе и наличие электорального потенциала»¹¹.

Опустим малопонятный 9-й пункт, который может увести нас в отдельную дискуссию. Из остальных 10 пунктов девять полностью подходят как к корейцам России, так и Узбекиста-

на. Что касается пункта 5, то в Узбекистане уже много лет существует «Корё синмун», несколько корейских газет издаётся в России. Можно добавить, что в Узбекистане есть сайт koru-saram.ru, который является трансграничным и выходит за рамки локальных СМИ.

Если упоминать корейский театр как достояние Казахстана, то узбекистанцы тоже могут вспомнить знаменитый «Ченчун», художественные коллективы, получившие звание «народных», ряд эстрадных исполнителей, известных во всех корейских диаспорах СНГ, наличие большего числа Героев Социалистического Труда, Героев Узбекистана и т.д. Не менее «крутой» список могут представить и россияне.

Самое худшее, что могут сделать корейцы России, Узбекистана и Казахстана, это начать подсчитывать, что есть «у нас» и чего нет «у них». А если это опустить (из желания остаться в рамках приличия), то в списке Г. Кима нет *ничего*, что было бы присуще, по мнению автора, именно корейцам Казахстана. А раз так, то обещание автора не скатываться «в субъективизм» и «оставаться объективным в своём научном анализе и оперировать реальными фактами или весомыми аргументами» так и осталось обещанием, так как в статье нет ни объективности, ни научного анализа, ни весомых аргументов, а «казахского» субъективизма разве что слепой не заметит.

Г. Ким заключает следующими словами: «Среди нас, корейцев Казахстана, есть достойные личности, способные внести свой медиаторский вклад в межкорейские отношения»¹². Нельзя не согласиться с этой мыслью. Вот среди российских и узбекистанских корейцев автор таковых почему-то не заметил.

Мало того, в своих выводах и рекомендациям Г. Ким предлагает исключительный статус казахстанских корейцев оформить в качестве некоего документа (!): «В заключение предлагаю на рассмотрение ряд методологических и практических рекомендаций. Прежде всего, Фонд зарубежных корейцев (ФЗК) или Консультативный Совет по мирному и демократическо-

му объединению Кореи (КСМДОК) должны признать среди корейцев стран СНГ именно за корейцами Казахстана (*выделено мной – В. Х.*) особую медиаторскую роль в межкорейских отношениях»¹³.

Будучи специалистом в области методологии науки, могу однозначно утверждать: никакого отношения к методологии эти рекомендации не имеют.

Так почему же Г. Ким так настаивает на признании особой роли казахстанских корейцев среди корейцев СНГ? Обратимся к выводам статьи:

«Главный вывод заключается в том, что корейская диаспора Казахстана имеет значительные потенциальные возможности медиации в межкорейских отношениях. Это во-первых.

Во-вторых, эти возможности не раскрыты, не использованы и не получили поддержку ни с Юга, ни с Севера Кореи.

В-третьих, исходя из объективных исторических и современных предпосылок, признать корейцев Казахстана из всех корейских сообществ стран СНГ наиболее оптимальным медиатором в межкорейских отношениях.

В-четвёртых, признавая корейцев Казахстана первостепенным медиатором, необходимо финансировать деятельность по медиации отдельным бюджетом, согласно данным и одобренным проектам.

В-пятых, медиация корейцев Казахстана между Северной и Южной Кореей должна быть спланированной, системной и постоянной, независимо от текущего состояния межкорейских отношений»¹⁴.

Впрочем, достаточно было привести пункт четвёртый, чтобы всё стало на свои места. Всё просто и прозаично. Естественно, интернет-сообщество однозначно отреагировало на статьи и предложения Г. Кима, не оставив и тени сомнения в том, что оно правильно понимает истинные мотивы идеи исключительности казахстанских корейцев.

Очевидно, что дробление корейской диаспоры СНГ и по-

теря ею единства – не в её интересах. В условиях глобализации всё более значимой становится её частное проявление – глобализация этничности, когда разбросанные по разным странам этнические сообщества одного корня начинают интегрироваться в единое целое. Результатом этих процессов может стать (или уже становится) появление мета-наций. И степень значимости постсоветских корейцев в этой новой формирующейся наднациональной общности будет определяться степенью их консолидации.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Khan V. The Korean Minority in Central Asia: National Revival and Problem of Identity // International Journal of Central Asian Studies. 1998. Vol. 3. P. 66-77.

² Но существовала проблема выживания корейцев как носителей *традиционной корейской культуры*.

³ Корейцы уже трижды адаптировались к новым условиям (на Дальнем Востоке в царской России, там же в советской России и в советской Средней Азии).

⁴ Khan V. On the Problem of Revival and Survival for Ethnic Minorities in Post-Soviet Central Asia // Prospects for Democracy in Central Asia. Istanbul: Sweden Research Institute in Istanbul, 2005. P. 69-80.

⁵ Ока Н. Корейцы в современном Казахстане: стратегия выживания в роли этнического меньшинства // Диаспоры. 2001. № 2-3. – С. 208.

⁶ К Кыргызстану данный тезис можно отнести с определённой долей условности, в силу того, что эта республика пережила ряд «цветных революций», сопровождавшихся сменой политического руководства страны.

⁷ Ока Н. Указ. соч. – С. 215.

⁸ Ким Г. Н. Медиаторская роль корейцев СНГ в объединении Кореи. [Электронный ресурс]. URL: <https://koryo-saram.ru/mediatorskaya-rol-korejcev-sng-v-obedinenii-korei/> (дата обращения: 20.04.2017).

⁹ Ким Г. Н. Медиаторская роль корейцев СНГ в объединении Кореи. Продолжение [Электронный ресурс]. URL: <https://koryo-saram.ru/mediatorskaya-rol-korejcev-sng-v-obedinenii-korei-2/> (дата обращения: 20.04.2017).

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ *Ким Г. Н.* Медиаторская роль корейцев СНГ в объединении Кореи. Заключение [Электронный ресурс]. URL: <https://koryo-saram.ru/mediators-kaya-rol-korejsev-sng-v-obedinenii-korei-3/> (дата обращения: 20.04.2017).

¹⁴ Там же.

§ 8. Образ корейца в иноэтническом окружении

Корейцы Севера и Юга проживают в *гомогенном моноэтническом* (корейском) окружении, где абсолютное большинство жителей – корейцы. В Китае и Японии, где имеются большие корейские диаспоры, с известными оговорками можно сказать, что в этих странах процесс адаптации происходил не только в *гомогенном*, но и в *иноэтническом* (китайском или японском) окружении. В бывшем СССР, как и в Северной Америке и Западной Европе, процесс ассимиляции корейцев происходил в *гетерогенном иноэтническом* окружении. Так, жизнь советских корейцев протекала в постоянных контактах с представителями десятков народов (всего в СССР проживало более 120 народов): русскими, немцами, евреями, армянами, татарами, узбеками, казахами, киргизами, таджиками, украинцами, грузинами, азербайджанцами и др. Это определило гибкие и во многом позитивные *психологические установки* корё сарам по отношению к этническому разнообразию вокруг себя и гибкие *модели поведения* в полиэтническом окружении.

Однако мы понимаем, что той или иной этнической группе трудно добиться каких-либо достижений, если в стране/республике-реципиенте о ней складывается негативный стереотип. В Центральной Азии, где проживает большинство корейцев СНГ (и в советский период, и сегодня), в целом можно говорить о высоком их рейтинге в глазах различных этнических групп.

Рассмотрим это на примере Узбекистана.

В Узбекистане проживают представители около 100 национальностей. Их можно разделить на две крупные группы: коренные народы и народы, сравнительно недавно мигрировавшие на территорию Узбекистана. Первая группа включает в себя титульный этнос (узбеки) и другие родственные народы, веками проживающие на данной территории (казахи, кирги-

зы, таджики, каракалпаки, уйгуры и др.). Вторая группа включает в себя наиболее крупный и имеющий, в силу исторических причин, особое влияние этнос – русских, а также другие этнические группы – украинцев, белорусов, корейцев, евреев, поляков, азербайджанцев, грузин, армян, татар и других.

Межэтнические отношения в Узбекистане и их отражение в этнических стереотипах складывались под воздействием целого ряда обстоятельств.

Титульный этнос и другие коренные народы Узбекистана

Коренные народы Узбекистана, как и Центральной Азии в целом, объединяет очень многое: этногенез, общее историческое прошлое, религия, обряды и обычаи и т.д. Не случайно на официальном уровне руководителями Узбекистана, Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана и Туркмении постоянно декларируется «дружба братских народов». Однако межэтнические отношения между этими народами далеко не так безоблачны. В данном случае мы имеем дело с известным феноменом соперничества, а порой и противостояния, характерным для многих пограничных и зачастую родственных народов. Достаточно сослаться на корейско-японские, абхазо-грузинские, осетино-грузинские, русско-украинские, армяно-азербайджанские, иракско-иранские, курдо-турецкие, сербо-хорватские, сербо-албанские и другие отношения. Близость территорий и общее прошлое – не только основа формирования единой или близкой ареальной культуры, но и почва для соперничества и конфликтов и даже войн.

Историческое прошлое, которое сближает коренные народы Центральной Азии, одновременно становится и яблоком раздора. Одни и те же государства древней и средневековой истории Центральной Азии являются предметом «научных» споров: по таджикским источникам, они являются историческими формами таджикской государственности, а по узбек-

ским – формами узбекской государственности. Такая же участь постигла великих среднеазиатских мыслителей (аль-Фараби, Ибн Сину и др.). Причём речь идёт не только о разногласиях между учёными, которые велись ещё в советское время. В обоснование того, что великие цивилизации прошлого являются наследием того или иного народа, сегодня включились первые лица государств (например, президенты Таджикистана и Туркменистана). В силу того, что в Туркменистане реализуется, прежде всего, туркмено-центристская модель истории Центральной Азии, она скептически воспринимается другими коренными народами региона. Такая же ситуация складывается с таджико-центристской и другими аналогичными моделями.

Другими вопросами, влияющими на межэтнические отношения коренных народов региона, являются споры о роли кочевого и оседло-урбанизированного компонентов в истории, о древности того или иного народа, наличии у него письменности, его роли в этногенезе и этнической истории региона, вкладе в мировую культуру, победах и поражениях в тех или иных битвах и т.д.

Титульный этнос и славянские народы

Хотя славяне представлены в Центральной Азии рядом наций (белорусы, украинцы, болгары, поляки и др.), они ассоциируются с самым крупным славянским народом – русскими. Да и сами они идентифицируют себя в качестве русскоязычных.

Взаимоотношения между русскими и коренными народами региона обусловлены завоеванием Центральной Азии царской Россией и проводимой национальной политикой в СССР. Сформировавшиеся этнические стереотипы русских о среднеазиатских народах и наоборот касаются различных сторон: истории, семьи, быта, трудовых наклонностей, воспитания и т.д. Если в советский период «взаимные претензии» высказывались лишь на бытовом уровне, то с периода перестройки они озвучиваются на академическом и политическом уровнях.

Большинство русских считает, что их миссия в Центральной Азии носила цивилизаторский характер, и с их приходом в регионе возникла промышленность, современные научные и образовательные учреждения, европейская культура, освобождение женщины и моногамная семья, светские институты и т.д. – всё то, что характеризует современную цивилизацию. Как пишут британские исследователи Х. Пилкингтон и М. Флинн, «русские за пределами РСФСР идентифицировали себя не в этнических категориях..., а в социокультурных – считая себя самыми лучшими, самыми достойными для того, чтобы просвещать и развивать “отсталые” окраины СССР»¹.

Однако сегодня многие узбеки, включая учёных и официальных лиц, рассматривают деятельность Российской империи и Советского государства по отношению к коренным народам Центральной Азии как колониально-репрессивную, приведшую к забвению традиционных ценностей и исторической памяти, односторонне ориентированной экономике, экологической катастрофе, утрате национальной гордости.

Существует конфликт и между стереотипами образов узбеков у русских и наоборот. Как пишет российский исследователь О. Брусина: «У русских стереотипный образ узбеков ассоциируется с невысокими профессиональными качествами и традиционной склонностью к торговле»². И далее, расхожее мнение среди русских: «вместо того, чтобы заниматься “серьёзным делом”, к примеру, работать на заводе (что, впрочем, менее доходно, но заслуживает уважения, так как полезно для общества), узбеки, торгуя, заботятся прежде всего о собственном достатке»³.

Аналогичный стереотип в сознании русских в отношении коренных народов Центральной Азии отмечен и британскими исследователями. Они пишут, что «русские оценивали себя как квалифицированных, ответственных, добросовестных работников, в отличие от представителей титульных этнических групп, не способных к нормальному труду на производстве, которым

бы “только портфели носить” или торговать»⁴. Узбеки, в свою очередь, считают, что «у русских не хватает “патриотизма”, чтобы работать на хлопчатнике, что они не стремятся к почётному и желательному для коренного жителя земледельческому труду, а стремятся к лёгкой жизни в городе»⁵.

Негативные этнические стереотипы в оппозиции «титульный этнос – русские» можно обнаружить и по вопросам быта, отношений в семье, воспитания, культуры поведения и т.п.

Корейцы и титульный этнос

В целом, отношения в паре «титульный этнос – корейцы» можно охарактеризовать как положительные. Положительный имидж корейцев в глазах местного населения обусловлен следующими факторами.

Во-первых, корейцы прибыли не как завоеватели, а в качестве депортированного и репрессированного народа, что вызвало у местного населения чувства жалости и сострадания.

Во-вторых, некоторые другие народы – либо депортированные (крымские татары, турки-мехетинцы и др.), либо вынужденно мигрировавшие (греки) – постоянно давали знать, что они временные гости на этой земле, что отражалось на их моделях поведения. Корейцы же с самого начала восприняли Центральную Азию как свою новую родину.

В-третьих, корейцы никогда не претендовали на более развитую или более древнюю культуру. Первое поколение корёсарам – в большинстве своём крестьяне – смутно представляло своё далёкое историческое прошлое. А второе и последующие поколения уже идентифицировали себя не с Кореей, а с СССР. Темы «превосходства» культуры в отношениях корейцев и узбеков просто не существовало. Но даже если бы она была, она не носила бы острый характер, как в случаях с другими коренными народами и русскими. В ней принципиально отсутствовал болезненный вопрос: кто принёс развитую культуру в Центральную Азию?

В-четвёртых, обычаи и кодекс поведения корейцев как носителей восточной культуры во многом совпадал с традициями узбеков.

В-пятых, большинство корейцев Центральной Азии были заняты сельскохозяйственным трудом, как и основное местное население. Благодаря корейцам были освоены большие залежи непригодных для сельского хозяйства земель, повышена урожайность многих сельскохозяйственных культур, что не могло не вызывать уважения со стороны узбеков, знающих цену тяжёлому сельскохозяйственному труду.

В-шестых, будучи репрессированными и будучи народом-мигрантом, не имея статуса «титульной нации», как узбеки, или «старшего брата», как русские, корейцы в короткие сроки добились высочайших достижений в самых различных областях жизни, что также подкрепляло их имидж. Профессионализм и трудолюбие стали как бы визитной карточкой корейцев. В последнее время, когда население Узбекистана открыло для себя Южную Корею и её достижения, это мнение только укрепилось.

В-седьмых, корё сарам сыграли и играют важную роль в налаживании контактов по привлечению южнокорейского бизнеса в Узбекистан и его адаптации.

Корейцы и русские

Корейцы имеют высокий рейтинговый имидж также в оценках европейского населения. Как и в случае с узбеками, он обусловлен вышеперечисленными достижениями корейцев. Наряду с этим, он имеет и другие факторы.

Во-первых, корейцы являются русскоязычной группой. Иначе говоря, у русских и корейцев один и тот же родной язык. И речь идёт не только об идентичности средства мышления и коммуникации. Это означает обучение в русскоязычных учебных заведениях, где уровень выше, чем в узбекоязычных заведениях. Это доступ к русскоязычной научной, технической и

художественной литературе, которая открывает доступ к мировым достижениям человечества.

Во-вторых, с усвоением европейской культуры ослабла роль коллективного начала, характерного для традиционной корейской семьи. Это сказалось на росте европейско-корейских браков. Так, количество корейско-смешанных браков в начале 80-х годов в Алма-Ате достигло почти 40%, и «особенно большую долю составляют межнациональные браки с участием русского населения»⁶. Причина заключается в том, что, русифицируясь, корейцы всё меньше зависят от общественной корейской среды. Для большинства же семей коренных народов региона характерен примат коллективного над индивидуальным. Н. Ем пишет: «Наиболее характерная черта традиционной системы межличностных отношений – зависимость отдельного человека от родственных и соседских связей, имеющих как социально-психологическое, так и экономическое выражение»⁷. Применительно к бракам это означает значительное вмешательство родственников, особенно старшего поколения, в жизнь молодой семьи. В русскоязычных (европейских) семьях отношения между брачными партнёрами более независимы от внешней среды. Будучи русскоязычной группой и погружаясь в европейскую культуру, корейцы перенимают и её коды.

Поэтому удельный вес браков русских с представителями коренных народов Центральной Азии – незначителен. В корейско-смешанных семьях отношения брачных партнёров всё больше начинают строиться на индивидуальных, межличностных (связанных с европейским кодом поведения), нежели коллективных, началах, что делает корейцев в качестве брачных партнёров более привлекательными в глазах русских.

В-третьих, оценки традиционной дальневосточной культуры (индийской, китайской, японской) всегда были высоки в русской среде. В ней можно найти много сторонников восточных единоборств, философии буддизма и конфуцианства, йоги, медитаций, даосских систем питания, искусства восточ-

ного дизайна окружающей среды, акупунктурной медицины и т.д. Корейская культура относится европейским населением к тому же исторически-культурному ареальному феномену.

Корейцы и малочисленные этнические группы

Рейтинг корейцев среди других этнических групп (евреев, армян и др.) также носит положительный характер. Во всех полиэтнических обществах, даже в странах с развитой демократией, малочисленные этнические группы ощущают себя менее комфортно, чем крупные этносы. Поэтому естественно, что они противопоставляют себя титульному этносу, привилегированному и крупным этносам, имеющим реальное влияние на политическую и межэтническую атмосферу в стране. Узбекистан здесь не является исключением. В бинарной оппозиции «мы – они» этнические группы, которые ощущают себя недостаточно комфортно, как правило, включают в категорию «мы» и корейцев. Другим основанием положительного имиджа корейцев среди этих групп являются ранее уже упомянутые достижения корейцев.

Таким образом, в имеющихся межэтнических оппозициях «титульный этнос – другие этносы», «русские – другие этносы», «крупные этносы – малые этносы», корейцы имеют устойчивый положительный рейтинг, в основе которого немалую роль играет симбиозный характер новой культуры корё сарам. Смешанный характер этой культуры не противопоставляет исламское христианскому, азиатское европейскому, тюркское славянскому и т.п., а включает всё это в себя в качестве компонентов *евразийского*. Это, в свою очередь, позволяет продуцировать *высоко адаптивные* модели поведения.

В следующих параграфах мы покажем достижения корейцев в различных областях (экономике, науке, образовании, культуре и искусстве, спорте). Это было бы невозможно без толерантного отношения к корейцам. Мало того, это было бы невозможно без положительного образа корейцев как трудо-

любивых, профессионально грамотных и ответственных. Приведу один пример.

Мой отец, Хан Сергей Михайлович, в 1985–1989 гг. работал проректором, а затем назначен ректором Ташкентского государственного института культуры. Но институт культуры – это не авиационный институт и не институт железнодорожного транспорта, где знание предмета специализации не связано с национальностью. Специфика институтов культуры в национальных республиках заключалась в том, что они во многом были связаны с национальной культурой (национальными песнями и танцами, обучением игры на национальных инструментах и т.д.), в данном случае – с узбекской культурой. Чтобы назначить корейца руководителем высшего учебного заведения, подготавливающего кадры в области узбекской культуры, нужно очень большое доверие. Прежде чем получить назначение, отец должен был пройти собеседование в трёх ведомствах (ЦК Компартии, Министерстве высшего и среднего специального образования, Министерстве культуры) на двух уровнях – республиканском и союзном. В итоге на всех уровнях он получил рекомендации и был назначен ректором института.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Пилкингтон Х., Флинн М. Чужие на родине? Исследование диаспоральной идентичности русских вынужденных переселенцев // «Диаспоры». № 2-3. – М., 2001. – С. 16.

² Брусина О. И. Славяне в Средней Азии. – М., 2001. – С. 180.

³ Там же. – С. 180.

⁴ Пилкингтон Х., Флинн М. Указ. соч. – С. 16.

⁵ Брусина О. И. Указ. соч. – С. 180.

⁶ Ем Н. К проблеме национально-смешанных браков (по результатам актовых записей горархива ЗАГС Алматы) // Известия корееведения Казахстана. Вып. 2. – Алматы, 1997. – С. 42.

⁷ Там же. – С. 45-46.

Глава IV. ИСТОРИОГРАФИЯ КОРЕЙЦЕВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ И ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ

§ 1. Особенности и принципы классификации историографии корейцев Центральной Азии

Начиная с конца 1980-х годов в изучении евразийских корейцев в целом, так и корейцев Центральной Азии в частности, наблюдается настоящий бум. За последние 25 лет в этой области опубликовано больше, чем за всю предшествующую более чем 150-летнюю историю корейцев в Российской империи, СССР и СНГ. Количество работ о них давно перевалило за тысячу, включая сотни публикаций о собственно центральноазиатских корейцах.

Несмотря на бурное развитие этого направления корееведческой диаспорологии, *историография* корейцев Евразии и сама *историография* корейцев Центральной Азии ещё не сложились. Конечно, имеются публикации по историографии отдельных тем. Есть краткие описательные обзоры реферативного характера. Однако, если говорить об обобщающих аналитических работах (на уровне монографий и диссертационных работ), то таковых ещё нет.

В третьей главе (пар. 1) мы говорили о различных этнонимах, бытовавших и бытующих в научной литературе и в самой среде корейцев Евразии – *корё сарам*, *советские корейцы*, *постсоветские корейцы*, *корейцы СНГ*, *русскоязычные корейцы*, *сахалинские корейцы*, *северокорейцы* (оставшиеся в СССР), *евразийские корейцы*, *постсоветские корейцы* в Южной Корее, *постсоветские корейцы* в Европе и Северной Амери-

ке. Не исключено, что скоро мы будем говорить о южнокорейцах, пустивших корни на постсоветском пространстве.

Это не просто этнонимы. За каждым из них стоит определённая общность, ареалы проживания и историческое время, что, в свою очередь, порождает определённое тематическое поле исследований, а следовательно и определённую историографию. Так, может существовать историография корейцев в Российской империи, историография корейцев Центральной Азии, историография сахалинских корейцев, историография русскоязычных корейцев в Южной Корее (даже в этой новой области корееведческой диаспорологии начинает накапливаться заметный массив публикаций) и т.д., со сложными полями соотношения и соподчинения – включения, пересечения или их отсутствия. Именно из этих частных историографий будет складываться общая историография корейцев Евразии.

Этой общей историографии ещё нет. Есть попытки создания отдельных, частных историографий, но и они в зачаточном состоянии. Так, есть попытка написания историографии корейцев на досоветском российском Дальнем Востоке – статья Ж. Г. Сон «Корейцы: миграция на пути длиной в полвека (1864–1918)»¹. Статья включает описание 76 работ досоветских, советских и современных авторов о корейцах в Российской империи. Речь идёт именно об описании. Однако аналитика, порой в полемической форме, встречается в работе самих авторов (Б. Д. Пак, А. И. Петров и др.). И это, безусловно, имеет прямое отношение к историографии.

Есть первые шаги по созданию историографии *корё сарам* (Г. Н. Ким, М. Д. Тен, В. С. Хан)². Вводятся первые хронологии. О работах Г. Кима и М. Тена более подробно мы будем говорить в следующей главе, а сейчас ограничимся самой общей характеристикой.

Г. Н. Ким в историографии *корё сарам* выделяет русскую дореволюционную литературу, советскую и постсоветскую

литературу и зарубежную литературу. Это стандартная хронология, отталкивающаяся от исторических эпох и оппозиции «мы – они». Однако разделительные линии между эпохами и между идеологическими лагерями не всегда совпадают с этапами и школами в развитии науки.

М. Д. Тен даёт более детальную и более глубокую по анализу классификацию этапов изучения корё сарам, где каждый этап получает содержательную конкретно-историческую характеристику: 1) конец XIX в. – 1917 г.; 2) 1917–1937 гг.; 3) 1937 г. – середина 1950-х гг.; 4) середина 1950-х – середина 1980-х гг.; 5) середина 1980-х гг. – по настоящее время. Как видим, М. Д. Тен отсчёт современного этапа ведёт с перестройки, а не с распада СССР.

Обратимся к собственно историографии корейцев Центральной Азии. В советский период её как самостоятельного явления не было. Что касается «историографических» разделов в специализированных трудах или диссертациях, посвящённых центральноазиатским корейцам, то историография как таковая в них либо отсутствует, либо сводится к нескольким дежурным ссылкам. Данное обстоятельство связано с тем, что основные публикации и диссертационные исследования о корейцах Центральной Азии в советский период носили пионерский характер. Так, до М. Левина (1946 г.), как и после него, никто не проводил антропологических исследований среди корё сарам; поэтому его публикации (1947, 1949) носят уникальный характер³. И корейцев, которых изучал М. Левин, трудно назвать центральноазиатскими, поскольку на тот момент они лишь несколько лет назад были переселены с Дальнего Востока. Должно было пройти достаточно много времени, чтобы формы деятельности, культуры и быта корейских переселенцев сложились в самобытные локальные формы.

К большинству из исследований корейской общины в Центральной Азии применима характеристика «впер-

вые». Р. Ш. Джарылгасинова и Ю. В. Ионова первыми стали изучать этнографию корейцев в Узбекистане и Казахстане (1960-е гг.) – культуру, быт, семейную обрядность⁴. Р. Ш. Джарылгасинова первой стала изучать и антропологию корейцев (1960–1970-е гг.)⁵. Ким Сын Хва первым публикует монографию (1965)⁶, а затем защищает диссертацию по истории корейцев до 1936 г. (1970). О. М. Ким первой начинает изучение языка советских корейцев и защищает диссертацию по устной речи корейцев Узбекистана (1964)⁷. П. Н. Ким первым защищает диссертацию по хозяйственному обустройству корейских колхозов в Узбекистане в 1937–1940-е гг. – первые годы после переселения (1970)⁸. Б. Хан первым защищает диссертацию по истории школьного образования корейского населения Казахстана (1976)⁹. Тен Чу первым начинает публиковать статьи (1971–1976), а затем защищает диссертацию (1978) по песенной культуре советских корейцев¹⁰. И. Ф. Ким первым публикует книгу (1982), а затем защищает диссертацию (1987) по корейскому театру¹¹.

Не удивительно, что, будучи пионерскими, эти работы не содержат каких-либо ссылок на предшественников по теме исследования, не говоря о такой необходимой части диссертаций, как анализ «степени изученности проблемы». Единственное, что могли позволить себе указанные авторы, это дежурные, косвенные ссылки на литературу XIX – начала XX вв. либо такие же дежурные ссылки на своих «предшественников/современников» корееведов, независимо от того, связаны их работы с темой собственных исследований или нет. Некоторые работы содержат краткие оценочные тезисы по поводу предшествующих публикаций, если они дисциплинарно связаны.

И тем не менее, определённый опыт историографического описания и, в меньшей степени, историографического анализа существующей литературы по корё сарам есть.

Классификацию имеющихся работ (статей, разделов диссертационных работ и монографий) по историографии корё сарам можно осуществить по различным принципам: предметно-тематическому, территориально-региональному и хронологическому¹². Их более детальное рассмотрение позволит выйти на методологическое обоснование выбора того или иного подхода для решения задач настоящей монографии.

Предметно-тематический принцип предполагает анализ историографических публикаций по определённым направлениям. Это демография и расселение, история, материальная и духовная культура, типы хозяйствования и трудовые ниши, язык, брак, семейная обрядность, религиозные верования, образование, национально-культурные центры и ассоциации и т.д. В рамках этих направлений могут быть разнообразные *темы* – как типовые, стандартные при изучении любой этнической общности (например, формы семейной обрядности – детской, свадебной и похоронно-поминальной), так и специфичные, имеющие отношение именно к корейцам, такие как принудительное выселение 1937 г. с Дальнего Востока, участие в трудовой армии в военные годы, обустройство и развитие корейских колхозов, корейская система земледелия *кобонди* и другие.

Классификация историографии корейцев Центральной Азии по предметно-тематическому принципу в чистом виде наталкивается на ряд трудностей. Большинство имеющихся публикаций до недавнего времени были связаны не столько с историографией определённых, предметных тем исследований, сколько с историографией изучения корё сарам *в целом*, даже если она имела отдалённое отношение к непосредственной теме исследования. Есть «обойма» имён, которые все считали необходимым упомянуть, безотносительно к теме исследования. Это историк Ким Сын Хва, филолог Ким О. М., этнограф Джарылгасино-

ва Р. Ш., зарубежный учёный Ко Сонг Му и некоторые другие. Собственно же историографии изучаемого вопроса уделялось несколько строчек. Отчасти это связано с тем, что многие темы по корейцам, как уже отмечалось, были не разработаны или мало разработаны, а отчасти – с отсутствием скрупулёзной проработки источников со стороны авторов. Более или менее заслуживающие внимания *тематические* историографические наработки можно пересчитать по пальцам. Это историографические разделы диссертаций по *похоронно-поминальной обрядности* корейцев Узбекистана (Джанг Джун Хи) и *языковой ситуации* корейцев Узбекистана (Дё Юн Хи), историографические публикации по *кобонди* и участию корейцев в *трудоустройстве* (Хан В. С.). Лишь недавно появился расширенный историографический раздел в упоминавшейся диссертации М. Тена по *этнокультурной идентичности* корейцев Узбекистана. Кроме того, если брать предметно-тематический принцип в чистом виде, то тогда снимается тема эволюционного рассмотрения историографии.

С точки зрения **регионального/территориального** принципа, все историографические публикации можно разделить на те, что вышли в СССР, СНГ и зарубежных странах, и дать классификацию так, как это делается по отношению к литературе по корё сарам вообще. Так, Г. Н. Ким делит всю литературу по корё сарам на дореволюционную, советскую/постсоветскую и зарубежную¹³. Экстраполируя данный принцип на историографическую литературу о центральноазиатским корейцах, её также можно поделить на советскую, постсоветскую и зарубежную, а затем в их рамках выделить региональные публикации.

Однако данная классификация наталкивается на ряд методологических трудностей. Во-первых, в строгом смысле слова пара «советская литература – постсоветская литература» исходит из классификации, основанной на вре-

менных параметрах (хронологический принцип), а «зарубежная литература» по отношению к этой паре основана на территориальном принципе. В действительности деление на советскую, постсоветскую и зарубежную литературы базируется на смешанном, *регионально-хронологическом* принципе. Объединяющей в данной классификации является возможность построения бинарных оппозиций «советское – постсоветское», «советское – зарубежное», в которых существенным элементом выступает не столько регионально-территориальная составляющая, сколько политико-идеологическая. Во-вторых, историографических публикаций по корё сарам как таковых в зарубежной литературе нет, если не считать ссылок с дескриптивными замечками или полемических ремарок, которые присутствуют в любой академической работе. Тем самым, регионально-территориальная конструкция сводится к советской и постсоветской литературе. Как уже отмечалось выше, соотношение «советское – постсоветское» строится по преимуществу на хронологическом, а не территориальном принципе.

Многие работы, касающиеся этнографического/этнологического изучения тех или иных народов, а также имеющие отношение к данному вопросу историографии, основаны на **хронологическом** принципе, в соответствии с которым вся соответствующая литература делится на три периода: дореволюционный, советский и постсоветский (период независимости). Данное деление во многих случаях оправдано, поскольку связано с крупными политическими эпохами, создавшими разделительные границы во всех общественных науках, включая историко-этнологическую историографию, на том огромном пространстве, которое в соответствии с этими эпохами называлось Российской империей, СССР, СНГ.

Однако в случае литературы по корё сарам деление её по принципу «дореволюционный, советский и постсоветский

периоды» не представляется оправданным. Во-первых, из этой периодизации выпадает зарубежная литература. Данное обстоятельство представляется важным, так как не по каждой диаспоре СССР/СНГ существует столь значительный массив зарубежных публикаций, как по корё сарам – он уже насчитывает десятки наименований на английском, корейском, немецком и японском языках. Во-вторых, в случае литературы о корё сарам хронологические даты качественно новых этапов в её развитии не всегда совпадают с датами смены эпох. Первым поворотным пунктом в развитии литературы о корё сарам, обусловившим её новый качественный виток (переход от «дореволюционной литературы» к «советской»), действительно явился октябрь 1917 года. И это сразу сказалось на тематике публикаций – появлении революционной и национально-освободительной тематики. Однако второй большой качественный виток в литературе о корё сарам связан не с распадом СССР (1991 г.), а с перестройкой (см. диссертацию М. Тена). Дело в том, что тематическим рубежом, отделившим новый этап литературы о корё сарам от предшествующего, является тема насильственного переселения 1937 года: как и почему корейцы оказались в Центральной Азии – тема, закрытая до перестройки. В 1987 г. выходит книга профессора Хельсинского университета Ко Сонг Му «Корейцы в Советской Центральной Азии»¹⁴, которая сразу же получила распространение среди советских учёных и публицистов, интересующихся корейской тематикой, и стала катализатором исследований в этой области. Именно в этот период, с 1988 по 1991 гг., в советской академической и публицистической литературе (Бугай Н., Ким Б., Ким Г., Ким С., Ли В., Югай Г.)¹⁵, на научных конференциях (Мен Д. В., Хан Г. Б.)¹⁶, а также на страницах средств массовой информации (Пак Б.¹⁷, Хан Г. Б.¹⁸, Хан С. М.¹⁹) впервые начинают обсуждаться ранее запретные темы корееведения: сталинская «депортация», практи-

ковавшаяся корейцами полулегальная аренда «кобонди», право на создание корейских ассоциаций. В-третьих, если говорить о центральноазиатских корейцах, то здесь вопрос о «дореволюционной» литературе снимается вообще.

Анализ различных классификационных подходов к историографической литературе о корё сарам показывает, что применение каждого из них *в чистом виде* создаёт определённые трудности. Их можно сформулировать как проблему соответствия трёх аспектов историографии корё сарам: *полноты* (предметно-тематический принцип), *структуры* (территориально-региональный принцип) и *эволюции* (хронологический принцип) историографических воззрений.

Принципиальным решением этих трудностей может стать классификация на основе синтеза всех упомянутых принципов.

Региональный принцип позволяет развести советские/постсоветские и зарубежные работы. В отличие от литературы о корё сарам вообще, зарубежные *историографические* публикации по корейцам Центральной Азии отсутствуют. Таким образом, анализу подвергаются советские и постсоветские историографические работы. Сюда примыкают и историографические разделы диссертаций южнокорейских учёных (Дё Юн Хи, Джанг Джун Хи, Пэк Тхе Хён, Сим Хон Ёнг), защитившихся после распада СССР в странах СНГ по тематике корё сарам. Их можно отнести к советские/постсоветским работам. Основанием для этого служит то обстоятельство, что эти работы выполнены в вузах и научно-исследовательских институтах СНГ, т.е. в определённой (советской/постсоветской) академической традиции и на основе советских/постсоветских источников.

Дальнейшее рассмотрение этих публикаций возможно в соответствии с предметно-тематическим, хронологическим или объёмно/статусным принципами. Например, принимая предметно-тематический принцип как базовый

и уже в его рамках рассматривая развитие историографии по определённым направлениям, или наоборот. Поскольку по ряду направлений или тем какие-либо историографические работы отсутствуют или являются фрагментарными, предметно-тематический принцип не может быть базовым. Объёмно-статусный принцип (монографии, статьи, диссертации) также не может быть таковым, так как выражает лишь формально-количественную сторону историографических публикаций. Кроме того, при его использовании работы одних и тех же авторов оказываются в разных группах, что не позволяет далее применять хронологический и предметно-тематический принципы.

Таким образом, представляется необходимым принять за базовый принцип хронологический принцип и на его основе реализовать предметно-тематический принцип.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Сон Ж. Г. Корейцы: миграция на пути длиной в полвека (1864–1918) // Миграция корейцев на русский Дальний Восток: российско-корейские отношения. 1821–1918 гг. Документальная история / Сост. Ж. Г. Сон. – М., 2017. – С. 35-78.

² Ким Г. Н., Кинг Дж. Р. П. История, культура и язык корё сарам (историография и библиография). – Алматы, 1993; Ким Г. Н. Корё сарам: историография и библиография. – Алматы, 2000; Тен М. Д. Формирование, развитие и трансформация этнокультурной идентичности корейцев Узбекистана: Дисс... канд. ист. наук. – Т., 2011; Хан В. С., Сим Хон Ёнг. Корейцы Центральной Азии: прошлое и настоящее. – М.: МБА, 2014.

³ Левин М. Полевые исследования Института этнографии в 1946 г. Об антропологическом изучении корейцев Средней Азии // Советская этнография. № 2, 1947. – С. 207-212; Он же: Антропологический тип корейцев // Краткие сообщения Института этнографии. Вып. VIII, 1949. – С. 25-34.

⁴ Джарылгасинова Р. Ш. Культура и быт корейцев совхоза «Раушан» Кунградского района Кара-Калпакской АССР // Краткие сообщения Института этнографии. Вып. XXXV, 1960. – С. 54-63; Она же: К вопросу о культурном сближении корейцев Узбекской ССР с соседними народами

ми // Советская этнография. № 5, 1966; *Она же*: Традиционное и новое в семейной обрядности корейцев Средней Азии // История, археология и этнография Средней Азии. – М., 1968. – С. 343-349; *Ионова Ю. В.* У корейцев Средней Азии // Краткие сообщения Института этнографии. Вып. 38, 1963; *Она же*: Корейцы // Народы Средней Азии и Казахстана. Т. II. – М., 1963. – С. 564-581.

⁵ *Джарылгасинова Р. Ш.* Антропонимические процессы у корейцев Средней Азии и Казахстана // Личные имена в прошлом, настоящем и будущем (Проблемы антропонимики). – М., 1970. – С. 139-149; *Она же*: К характеристике современной антропонимической модели корейцев, проживающих в сельских районах Узбекской ССР // Ономастика Средней Азии. – М., 1978. – С. 203-205.

⁶ *Ким Сын Хва.* Очерки по истории советских корейцев. – Алма-Ата, 1965.

⁷ *Ким О.* О языке корейцев СССР // Учёные записки Ташкентского Средне-Азиатского государственного университета. Вып. 202. – Т., 1962. – С. 87-93; *Она же*: Особенности русской речи корейцев Узбекской ССР. Фоно-морфологический очерк: Дисс... канд. филолог. н. – Т., 1964.

⁸ *Ким П. Н.* Деятельность Коммунистической партии Узбекистана по организационно-хозяйственному укреплению корейских колхозов (1937–1940): Дисс... канд. ист. н. – Т., 1970.

⁹ *Хан Б.* Из истории школьного образования корейского населения в Казахстане в 1937–1970 гг.: Автореферат дисс... канд. ист. н. – Алма-Ата, 1976.

¹⁰ *Тен Чу.* Новые песенные жанры советских корейцев // Музыкознание. Вып. 7. – Алма-Ата, 1971. – С. 39-48; *Он же*: Песенная культура советских корейцев // Известия АН КазССР. Серия филологическая. № 2. – Алма-Ата, 1976. – С. 62-68; *Он же*: Песенная культура советских корейцев: Дисс... канд. искусствоведения. – Л., 1978.

¹¹ *Ким И. Ф.* Советский корейский театр. – Алма-Ата, 1982; *Он же*: Формирование и развитие советского корейского профессионального театра: Дисс... канд. искусствоведения. – Т., 1987.

¹² *Хан В. С.* О принципах классификации и состоянии историографических исследований в корееведческой диаспорологии // O'zbekiston Tarixi. № 1. – Т., 2013. – С. 65-77.

¹³ *Ким Г. Н.* Корё сарам: историография и библиография. – Алматы, 2000. – С. 11-46.

¹⁴ *Kho Songmo.* Koreans in the Soviet Central Asia. Studia Orientalia. Vol. 61. – Helsinki, 1987.

¹⁵ *Бугай Н.* К вопросу о депортации народов СССР в 30–40 годы // История

СССР, № 6, 1989. – С. 135-144; *Ким Б. Уринын нугуё.* – Сеул, 1989; *Ким Б. Ветры наших судеб. Советские корейцы: история и современность.* – Т., 1990; *Ким Г. Н. Социально-культурное развитие корейцев Казахстана. Научно-аналитический обзор.* – Алма-Ата, 1989; *Ким Г. Н. Социально-культурное развитие корейцев Казахстана (1946–1966 гг.): Автореф. дисс... канд. истор. н.* – Алма-Ата, 1990; *Ким С. Исповедь сорён сарам – советского человека // Дружба народов, № 4, 1989.* – С. 188-195; *Li (Lee) Vladimir F. Prospects and Source Materials for Studies of the Korean Ethnic Minority in the Soviet Union // Korea Journal. Vol. 30. No 11, 1990;* *Юзай Г. А. Советские корейцы: социально-психологический портрет своего поколения.* – Т., 1990.

¹⁶ *Мен Д. В. Социально-культурное развитие советских корейцев: проблемы и решения // Актуальные проблемы развития национальных отношений в СССР. Ч. 1. – Т., 1989;* *Хан Г. Б. Некоторые проблемы социального, экономического и культурного развития корейцев в Казахстане. Доклад на межреспубликанской научно-практической конференции «О работе партийных организаций по совершенствованию межнациональных отношений: опыт и проблемы» (г. Алма-Ата, 20 января 1989 г.) // Хан Г. Б. Прошлое и настоящее корейцев Казахстана. – Алматы, 1997. – С. 43-51.*

¹⁷ «Вечерний Ташкент», 17 декабря 1988 г.; «Учитель Узбекистана», 4 октября 1989 г.; «Правда Востока», 20 августа 1989 г.

¹⁸ *Кателкина Т. Заставляю думать и рассуждать. Интервью с Г. Б. Ханом // Советский Казахстан сегодня. № 1-2, 1990.* – См.: *Хан Г. Б. Прошлое и настоящее корейцев Казахстана. – Алматы, 1997. – С. 81-84.*

¹⁹ «Ташкентская правда», 6 января 1989 г.; «Правда», 16 ноября 1989 г.

§ 2. Краткая характеристика опыта изучения корейцев Центральной Азии

В силу политических причин, изучение корейцев Центральной Азии в СССР упиралось в определённые темы, провоцирующие нежелательные для власти вопросы¹. Поэтому за пределами исследований остались важнейшие вопросы, такие как: каким образом корейцы очутились в Центральной Азии? Каковы причины их переселения? Как происходило обустройство корейцев на новом месте? Каков был их политический статус? Чем занимались советские корейцы после Второй мировой войны на Сахалине и после Корейской войны в КНДР? Почему они практически все вернулись из КНДР? Что стало с теми, кто остался? Почему в СССР нет корейских культурных центров? И так далее. Причём изучение лояльных к властным структурам и идеологии тематических направлений развивалось неравномерно как по периодам, так и по глубине исследований.

В 40-х гг. прошлого века, спустя почти десять лет после принудительного переселения в Центральную Азию, российским антропологом *М. Левиным* были проведены исследования по **физической антропологии корё сарам**². Исследования *М. Левина* были построены на внушительной выборке – 585 корейцев (486 мужчин и 99 женщин) из колхозов в районах, прилегающих к Ташкенту, Самарканду и Кызыл-Орде. С его работ начинается свой отсчёт изучение корейцев на территории Центральной Азии. К сожалению, в дальнейшем такого рода исследования больше не проводились.

В 50–60-х гг., в связи с впечатляющими достижениями корейцев в сельском хозяйстве, начинает осваиваться тема **корейских колхозов**³. В 1950 г. защищается кандидатская диссертация *Тена А. Б.* по экономике одного из ведущих корейских колхозов «Полярная звезда», а спустя четыре года – диссертация *Нурматова Н.* о другом корейском колхозе им. Свердлова⁴.

Эта тема продолжает развиваться в 70-е годы, в том числе и в диссертационных исследованиях (*Ким П. Н., Цой С. В.*)⁵. Корейским колхозам посвящено и заключение первой монографии, посвящённой истории советских корейцев (*Ким Сын Хва*)⁶. Впервые появляются исторические работы по хозяйственному обустройству корейцев в первые годы после депортации (*Ким П. Н.*)⁷.

С начала 50-х гг. начинаются исследования в области лингвистики. В 1953 г. защищается кандидатская диссертация *Хегая Михаила Алексеевича* на тему «Лексические заимствования из русского языка в корейских переводах». За защитой следует ряд его публикаций⁸. Однако работы М. А. Хегая не являются в строгом смысле изучением речи корё сарам. Этот прорыв в 60-е гг. осуществляет *Ольга Михайловна Ким*. Её кандидатская диссертация «Особенности русской речи корейцев Узбекской ССР (фонетико-морфологический очерк)» – фундаментальный труд, который сохраняет свою научную ценность и сегодня. На полевом материале в диссертации показаны особенности русской речи корё сарам и дан их анализ в связи с различиями в фонологических системах и морфологическом строе русского и корейского языков. Ей также принадлежат и другие работы⁹. В 70-е гг. тему языковой ситуации среди корейцев Узбекистана активно развивает *Илья Григорьевич Югай*. В 1982 г. он защищает кандидатскую диссертацию на тему «Развитие современных языковых процессов в инонациональной среде», в которой приходит к постановке вопроса о неоднозначности этнической идентификации советских корейцев¹⁰.

Важнейшей составной частью корееведческих исследований является этнография корё сарам – изучение культуры, образа жизни, традиций, обычаев, верований, менталитета корейцев. Одним из наиболее авторитетных специалистов в области этнографии корё сарам стала российский этнограф *Джарылгасинова Р. Ш*¹¹. Описание культуры корейцев Средней Азии содержится также в работах *Ионовой Ю.* и *Цоя В.*¹² Стали выходить и

специализированные искусствоведческие работы о песенной культуре корейцев (*Тен Чу*), корейском театре советских корейцев (*Ким Иосиф Фёдорович*)¹³. Появляются исследования в области образования корё сарам¹⁴.

Годы «перестройки» в СССР и последующей независимости бывших советских республик вызвали к жизни стремительный рост национального самосознания как в крупных этнических образованиях, так и в национальных меньшинствах. Проблемы национальной истории, национального возрождения, путей дальнейшего национального развития стали предметом пристального внимания учёных, публицистов, политиков, общественных организаций. Не обошли эти процессы и корейскую диаспору СНГ, включая корейцев, проживающих в Центральной Азии.

Во второй половине 80-х гг. наблюдается всплеск публицистической активности, прежде всего среди журналистов, писателей, публицистов. В 1988 г. на корейском языке выходит книга журналиста *Брутта Кима* «Кто мы?», в которой даются вехи истории корё сарам и обзор их культуры. Чуть позже выходят ряд газетных публикаций и брошюра поэта *Бориса Пака*, а также русский вариант книги *Брутта Кима*¹⁵. Публикации учёных также выходят в основном в газетных изданиях (философ *Сергей Михайлович Хан*)¹⁶, литературных журналах и справочной литературе (философ *Пак Ир П. А.*)¹⁷, а также в виде докладов на научных конференциях (философы *Гурий Борисович Хан*, *Дмитрий Вольбонович Мен*)¹⁸, появляются работы и в академических изданиях (историк *Герман Николаевич Ким*)¹⁹. Защищаются диссертационные исследования – вышеупомянутые искусствоведческие диссертации *Кима И. Ф* и *Тен Чу*, а также диссертация *Кима Г. Н.*, посвящённая социокультурному развитию корейцев Казахстана²⁰.

90-е гг. XX – начало XXI вв. – период, когда расширяется круг учёных, обращающихся к корееведческой тематике, что было обусловлено несоответствием расширяющихся потребностей

в изучении истории и культуры корейской диаспоры и тем небольшим числом учёных, занимающихся этой темой. Поэтому неудивительно, что состоявшиеся в других областях учёные-гуманитарии обращаются к изучению истории и культуры корейской диаспоры, восполняя пробелы в этой области.

В Узбекистане это были *Пётр Геронович Ким*²¹, *Валерий Сергеевич Хан*²² и *Сергей Михайлович Хан*²³, *Людмила Борисовна Хван*²⁴. Необходимо отметить адвоката *Владимира Дмитриевича Кима*, собравшего и опубликовавшего архивные документы о борьбе корейцев на Дальнем Востоке и депортации 1937 года²⁵, а также журналиста *Брутта Кима*, затрагивающего в своих публикациях различные аспекты жизни корё сарам²⁶. Появился специальный справочник (Брутт Ким), в котором собраны сведения об узбекистанских корейцах, достигших заметных успехов в различных областях деятельности – промышленности, сельском хозяйстве, науке, образовании, медицине, спорте, литературе и искусстве²⁷; аналогичные сведения можно найти в работах *Кана А. А.*, *Кима В. Д.* и *Хван Л. Б.*²⁸ В настоящее время защищена кандидатская диссертация по этнологии (по этнокультурной идентичности корё сарам) *Михилом Теном*²⁹ и завершено диссертационное исследование *Людмилой Пак* (по семантике свадебной обрядности корейцев Узбекистана). Со второй половины 90-х гг. тематика корейской диаспоры Узбекистана начинает привлекать и представителей не корейской национальности. Среди них: *Рахманкулова А.* и *Джумашев А.*, *Еремян Р. В.*, молодые учёные *Асирбабаева К.*, *Расулов Э.*, *Козьмина М.*³⁰

Поднимаемые узбекистанскими исследователями темы – это история корё сарам (*Ким П. Г.*, *Хан В. С.*, *Хан С. М.*, *Ким В. Д.*, *Рахманкулова А.*, *Джумашев А.*), участие корейцев в трудовой армии в годы Второй мировой войны (*Хан В. С.*, *Хан Л. Б.*), проблема идентичности корё сарам (*Хан В. С.*, *Хан С. М.*, *Югай И. Г.*, *Тен М.*), вклад корейской диаспоры в социально-экономическое развитие Узбекистана и диалог Узбекистан –

Корея (*Асирбабаева К., Ким Б. И., Хан В. С., Расулов Э.*), кобонди как специфическая предпринимательская деятельность корейцев (*Хан В. С.*), современное корейское движение (*Ким Б. И., Ким В. Н., Хан В. С., Хан С. М.*), корейская пресса (*Ким Б. И., Хан В. С.*), языковая идентичность (*Югай И. Г., Хан С. М.*), изобразительное искусство (*Еремян Р. В.*); свадебная обрядность (*Пак А.*), межнациональные браки (*Козьмина М.*).

Появились первые работы активистов корейских культурных центров, посвящённые современному этапу корейского движения³¹. Однако такие вопросы, как история роста национального самосознания корейцев, подробное описание создания и деятельности корейских культурных центров, обществ и ассоциаций, политическое сознание корейской общины, взаимоотношения корё сарам с корейцами из других стран, перспективы развития корейской диаспоры, ещё ждут своих исследователей.

Продолжаются исследования в области лингвистики³².

В постсоветский период достаточно обширная группа по изучению корё сарам сложилась в **Казахстане**, которая на серьёзном уровне освещает различные аспекты истории и культуры казахстанских корейцев. Достаточно указать на количество защищённых диссертаций по корё сарам (*Ан Р. К., Ем Н. Б., Кан Г. В., Ким Г. Н., Пак Н. С., Сон С. Ю., Хан М. М.* и др.)³³, в то время как в Узбекистане за весь постсоветский период была защищена лишь одна диссертация (*Тен М.*), непосредственно относящаяся к корё сарам. В сфере интересов казахстанских исследователей история корейцев Казахстана (*Ан Р. К., Кан Г. В., Ким Г. Н., Тен В. А.*), историография (*Ким Г. Н.*), демография (*Пак А. Д.*), антропонимия (*Ким Г. Н.*), семейная обрядность (*Мин Л. В.*), ценностные ориентации (*Хан М. М.*), образование (*Ким Г. Н.*), религиозность (*Ким Г. М.*), литература (*Кан А., Пак Ир П. А.*), межнациональные браки (*Ем Н. Б.*), корейская кухня (*Пак Ир П. А., Чен Т. С.*), язык (*Пак Н. С.*). Сформировался массив литературы справочного характера³⁴. Как и

в Узбекистане, тема корейской диаспоры Казахстана привлекла и некорейских исследователей – *Ананьеву С. В., Казимирчика А. Н., Ковжасарову Ж. У., Черныша П. М., Левкович В. П.* и др.³⁵

В других центральноазиатских странах академические исследования по изучению корё сарам не ведутся. В силу этих обстоятельств, данная тематика поднимается журналистами и активистами корейских организаций. Среди них наиболее активно работает журналист *Ли Герон* из Кыргызстана, выпустивший несколько книг по корейцам Кыргызстана³⁶. Однако эти работы характеризуются эклектичностью, описательностью и ярко выраженным морализаторством. В последние годы к диаспорной тематике подключилась психолог *Стелла Пак*³⁷.

В Таджикистане вопросы, касающиеся корейцев этой республики, можно встретить в докладах лидера этой небольшой общины *Кима В. М.*³⁸

С 90-х годов восстанавливаются традиции изучения истории и культуры корё сарам, в том числе и центральноазиатских корейцев, в России (*Бугай Н. Ф., Ким Ен Ун, Ланьков А. Н., Ли В. Ф., Пак Б. Д., Сим Л. М., Югай Г. А.* и др.)³⁹. Характерной чертой российских академических работ является их стремление осмыслить историю корё сарам в рамках определённых теоретических схем.

В 2000-х гг. наряду с известными учёными на постсоветском пространстве появляются имена новых исследователей, чьи работы относятся к изучению корё сарам в целом, а отчасти могут быть отнесены к корейцам Центральной Азии (*Закирова Елена, Ким Виктория, Ким Галина, Ким Светлана* и др.)⁴⁰.

Существует ещё зарубежная традиция изучения корейцев Центральной Азии, представленная исследователями из Южной Кореи, США, Европы, стран Азии, что будет рассмотрено в специальной главе.

Изучение корейцев Центральной Азии изобилует ещё многими белыми пятнами, которые ждут своих исследователей. Здесь необходимы координация исследований, определение

новых тематических направлений, расширение методологического инструментария, привлечение талантливой молодёжи и т.п. Однако уже сегодня можно констатировать, что, сравнительно с изучением других этнических меньшинств на просторах СНГ, формируется новая академическая субдисциплина – «История и культура корейцев Евразии» и как её часть – «История и культура корейцев Центральной Азии».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В данном случае мы не рассматриваем работы, касающиеся жизни корейцев на Дальнем Востоке и их участия в гражданской войне и сопротивлении иностранной интервенции, поскольку это отдельный период жизни корё сарам, не связанный с Центральной Азией.

² *Левин М.* Полевые исследования Института этнографии в 1946 г. Об антропологическом изучении корейцев Средней Азии // Советская этнография. № 2. 1947; *Он же.* Антропологический тип корейцев // Краткие сообщения Института этнографии. Вып. 8. 1949.

³ *Пак Н. И.* Колхоз «Авангард». – М., 1950; *Ким Пен Хва.* Опыт выращивания высоких урожаев хлопка. Колхоз «Полярная звезда» Средне-Чирчикского района Ташкентской области. – М., 1953; Экономика передового колхоза «Полярная звезда». – Т., 1954; *Ким Пен Хва.* На пути к изобилию. Опыт развития колхозов «Полярная звезда» Урга-Сарайского района Ташкентской области. – Т., 1954; *Кан Тю-Хон.* Наш опыт выращивания высоких урожаев картофеля и овощей. – Алма-Ата, 1954; *Новик Д.* Передовой рисосеющий колхоз («III Интернационал» Кармакчинского района). – Алма-Ата, 1957; В борьбе за комплексное развитие хозяйства (Партийная организация колхоза «Политотдел» Верхне-Чирчикского района). – Т., 1961; *Хван Ман Гым.* Колхоз шагает в коммунизм («Политотдел»). – Т., 1961; *Хван Ман Гым.* Трудом, и только трудом. – М., 1962; *Лев В.Т., Пак Сусан.* Опыт получения высокого урожая дубяных культур в колхозе им. Свердлова Верхне-Чирчикского района Ташкентской области. – Т., 1962 и др.

⁴ *Тен А. Б.* Экономика передового колхоза «Полярная звезда». Дисс... канд. экон. н. – Т., 1950; *Нурматов Н.* Опыт организации и экономика передового колхоза им. Свердлова Ташкентской области. Автореф. дисс... канд. экон. н. – Т., 1954.

⁵ *Ким П. Н.* Деятельность Коммунистической партии Узбекистана по

организационно-хозяйственному укреплению корейских колхозов (1937–1940). Автореф. дисс... канд. истор. н. – Т., 1970; *Иноятов Х., Нуруллин Р.* Восхождение (Исторический очерк о колхозе «Полярная звезда»). – Т., 1970; *Исхаков Ф., Ким М.* Люди счастливой судьбы (О тружениках колхоза «Полярная звезда»). – Т., 1972; *Хван Ман Ёым.* Колхоз «Политотдел». – М., 1977; *Цой С. В.* Пути увеличения производства риса и снижение его себестоимости в рисоводческих совхозах Узбекской ССР. Дисс... канд. экон. н. – Т., 1972.

⁶ *Ким Сын Хва.* Очерки по истории советских корейцев. – Алма-Ата, 1965.

⁷ *Ким П. Н.* Деятельность Коммунистической партии Узбекистана по организационно-хозяйственному укреплению корейских колхозов (1937–1940). Автореф. дисс... канд. истор. н. – Т., 1970; *Он же:* Хозяйственное устройство корейских переселенцев в Каракалпакской АССР. 1937–1939 // Вестник Каракалпакского филиала АН УзССР. Вып.4. 1971.

⁸ *Хегий М. А.* Лексические заимствования из русского языка в корейских переводах. Автореф. дисс... канд. филол. н. – М., 1953; *Он же:* Вопросы методики преподавания русского языка корейским учащимся. – Т., 1957; Русско-корейский словарь школьника. 1958; *Хегий М. А., Ким Ман Сек.* Учебник корейского языка для 3–4 классов. 1965.

⁹ *Ким О.* Особенности русской речи корейцев Узбекской ССР. Фонеморфологический очерк. – Автореф. дисс... канд. филол. н. – Т., 1964; *Она же:* О языке корейцев СССР // Учёные записки Ташкентского Средне-Азиатского государственного университета. Вып. 202. – Т., 1962; К изучению антропонимии корейцев СССР // Ономастика Востока. – М., 1980.

¹⁰ *Югай И. Г.* О влиянии статистического фактора на языковые процессы у корейцев Узбекской ССР // Исследования по литературоведению и языкознанию. – Т., 1975; О некоторых типах языкового контакта в Узбекской ССР // Вопросы литературоведения и языкознания. – Т., 1975; Этносоциологическое изучение языковых процессов среди корейцев Узбекской ССР // Полевые исследования Института этнографии. – М., 1977; Развитие современных языковых процессов в инонациональной среде. – Автореф. дисс... канд. истор. н. – М., 1982.

¹¹ *Джарылгасинова Р. Ш.:* Культура и быт корейцев совхоза «Раушан» Кунградского района Кара-Калпакской АССР // Краткие сообщения Института этнографии. Том XXXV. 1960; К вопросу о культурном сближении корейцев Узбекской ССР с соседними народами // Советская этнография. № 5. 1966; Традиционное и новое в семейной обрядности корейцев Средней Азии // Археология и этнография Средней Азии. – М., 1968; Антропонимические процессы у корейцев Средней Азии и Казахстана // Личные имена в прошлом, настоящем и будущем. – М., 1970; Новое

в культуре и быту корейцев Средней Азии и Казахстана // Советская этнография. № 6. 1977; К характеристике современной антропони- мической модели корейцев, проживающих в сельских районах Узбекской ССР // Ономастика Средней Азии. – М., 1978; Основные тенденции этни- ческих процессов у корейцев Средней Азии и Казахстана // Этнические процессы у национальных групп Средней Азии и Казахстана. – М., 1980.

¹² *Ионова Ю. В.* У корейцев Средней Азии // Краткие сообщения Инсти- тута этнографии. Вып. 38. – М., 1963; *Цой В. С.* Современная культура и быт корейцев Казахстана. – Автореф. дисс... канд. истор. н. – Ленинград, 1985.

¹³ *Тен Чу.* Новые песенные жанры советских корейцев // Музыказнание. Вып. 7. – Алма-Ата, 1975; Песенная культура советских корейцев. – Авто- реф. дисс... канд. искусствознания. – Алма-Ата, 1978; *Ким И. Ф.* Форми- рование и развитие советского корейского профессионального театра. Автореф. дисс... канд. искусствознания. – Т., 1987.

¹⁴ *Хан Б.* Из истории школьного образования корейского населения в Ка- захстане в 1937–1970 гг. Автореф. дисс... канд. истор. н. – Алма-Ата, 1976.

¹⁵ *Пак Б.* // «Вечерний Ташкент», 17 декабря 1988 г.; *Пак Б.* // «Учитель Узбекистана», 4 октября 1989 г.; *Пак Б.* // «Правда Востока», 20 августа 1989 г.; *Пак Б. С.* Потомки Страны белых аистов (Краткая история совет- ских корейцев). – Т., 1990; *Ким Б.* Ветры наших судеб. Советские корейцы: история и современность. – Т., 1991.

¹⁶ *Хан С. М.* // «Ташкентская правда», 6 января 1989 г.; *Хан С. М.* // «Прав- да», 16 ноября 1989 г.

¹⁷ *Пак Ир П. А.* О литературе советских корейцев. – Простор. № 9, 1987; Национальная литература советских корейцев // Казахская энциклопе- дия. – Алма-Ата, 1990.

¹⁸ *Мен Д. В.* Социально-культурное развитие советских корейцев: пробле- мы и решения // Актуальные проблемы развития национальных отноше- ний в СССР. Ч. 1. – Т., 1989; *Хан Г. Б.* Некоторые проблемы социального, экономического и культурного развития корейцев в Казахстане. Доклад на межреспубликанской научно-практической конференции «О работе партийных организаций по совершенствованию межнациональных от- ношений: опыт и проблемы» (г. Алма-Ата, 20 января 1989 г.) // *Хан Г. Б.* Прошлое и настоящее корейцев Казахстана. – Алматы, 1997.

¹⁹ *Ким Г. Н.* К историографии развития духовной культуры корейцев Ка- захстана // Вопросы истории и историографии культуры Казахстана. – Алма-Ата: КазГУ, 1987; Корейцы в братской семье народов Казахстана. – Алма-Ата, 1988; Социально-культурное развитие корейцев Казахстана. Научно-аналитический обзор // Общественные науки. Информационное

издание АН Казахской ССР. – Алма-Ата, 1989; Антропонимия корейцев // Имена народов Казахстана. – Алма-Ата, 1990.

²⁰ Ким Г. Н. Социально-культурное развитие корейцев Казахстана (1946–1966 гг.). Автореф. дисс... канд. истор. н. – Алма-Ата, 1990.

²¹ Ким П. Г. Социально-политический портрет корейцев Узбекистана. – Т., 1991 (на кор., англ. и рус. языках); Корейцы Республики Узбекистан: История и современность. – Т., 1993; Сталинская депортация корейцев в Среднюю Азию. – Сеул, 1993 (в соавторстве, на кор. языке); О корейской диаспоре Узбекистана // Известия корееведения Казахстана. Вып. 6, 1999.

²² Хан В. С.: Парадигмы и проблемы национальных движений: социально-философский анализ // Известия о корееведении в Казахстане и Средней Азии. № 1, 1993; Сталинизм: к вопросу о причинах политики депортаций // Известия о корееведении в Казахстане и Средней Азии. № 4, 1993 (в соавторстве); 고려사람 우리는 누구인가? – 서울, 재외동포재단 총서 4, 1999, [한 세르케이 공저]; The Korean Minority in Central Asia: National Revival and Problem of Identity // International Journal of Central Asian Studies. Vol. 3. Seoul, 1998; «Мы» и «Они» // Известия корееведения Казахстана. Вып. 6, 1999; Актуальные проблемы и перспективы корейской диаспоры Центральной Азии // Известия корееведения Казахстана. Вып. 6, 1999 (в соавторстве); Актуальные проблемы и перспективы корейской диаспоры Центральной Азии // International Journal of Central Asian Studies. Vol. 5. Seoul, 2000 (в соавторстве); Десять лет спустя // Ассоциация корейцев Казахстана. – Алматы, 2000 (англ. перевод в: "The Koryo Saram: Koreans in the Former USSR". Korean and Korean American Studies Bulletin. Vol. 12. No. 2: East Rock Institute, New Haven. 2001) (в соавторстве); 재외 한인 동포들의 다양성 및 일치성에 관한 문제, «제3회 한민족 철학자대회 대회보 1권 – 한민족과 2000년대의 철학», 1권, 서울, 한국철학회, 1999; 새로운 세기에 있어서 동서양 철학대회, «제3회 한민족 철학자대회 대회보 1권 – 한민족과 2000년대의 철학», 3권, 서울, 한국철학회, 1999; «Корейское движение в Узбекистане: аналитические заметки», «Какие традиции мы возрождаем: в поисках своей идентичности», «О состоянии исследований корейской диаспоры Узбекистана» // Десять лет спустя. – Т.-Сеул, 2001; 중앙아시아 한인들의 정체성 문제. – 권희영, Valery Han, 반병률. «우즈베키스탄 한인의 정체성 연구», 한국정신문화연구원, 2001; Корейское международное сообщество: утопия или перспектива? // International Journal of Central Asian Studies. Vol. 6. Seoul, 2001; Koreans and the Poly-ethnic Environment in Central Asia: The Experience of Eurasianism // Embracing the Other: The Interaction of Korean and Foreign Cultures. Proceedings of the 1st World Congress of Korean Studies. Vol. 2. Seoul, 2002; К вопросу об этнокультурной идентичности корейцев Узбекистана // История, культура и быт ко-

рейцев Казахстана, Кыргызстана и Узбекистана. – Бишкек, 2003; *중앙아시아 초원의 유랑농업. 우즈베키스탄 고려사람의 고본지 연구*. 권희영, 한 발레리 공저. 한국정신문화연구원, 2004; Создание и первые годы переселенческих корейских колхозов в Центральной Азии // *International Journal of Central Asian Studies*. Vol. 9, Seoul, 2004; О соотношении кобонди и форм земледелия у корейцев на дореволюционном российском Дальнем Востоке в первые годы советской власти // *Известия корееведения Казахстана*. Вып. 1–2 (10), 2005; К историографии изучения кобонди // *Известия корееведения Казахстана*. Вып. 5 (13), 2007; Изучение корейского языка в Узбекистане в советский и постсоветский периоды (опыт социологического исследования) // *Известия корееведения в Центральной Азии*. Вып. 21. – Алматы: Центр корееведения КазНУ, 2014. – С. 62–78.

²³ Хан С. М. Возвращаясь к истокам // *Узбекистан – Корея: научное и культурное сотрудничество*. – Т., 2000; *Корейские культурные центры – как они зарождались?* // *Десять лет спустя*. – Т.-Сеул, 2001; *Язык – душа народа* // *Десять лет спустя*. – Т.-Сеул, 2001.

²⁴ Хван Л. Корейцы Каракалпакстана: вчера и сегодня. – Нукус, 2004.

²⁵ Ким В. Д. Туманган – пограничная река. – Т.: Узбекистон, 1994; *Эшелон-58*. – Т.: Узбекистон, 1995; *Правда – полвека спустя*. – Т.: Узбекистон, 1999.

²⁶ Б. И. Ким всю жизнь проработал в корейской прессе («Ленин Кичи», «Коре Ильбо», «Коре синмун»).

²⁷ Ким Б. И. Корейцы Узбекистана. Кто есть кто. – Т., 1999.

²⁸ Кан А. А. Корейцы Андижанской области. – Андижан, 1997; Ким В. Д. Дорогой светлых надежд. – Т., 2001; Хван Л. Корейцы Каракалпакстана: вчера и сегодня. – Нукус, 2004.

²⁹ Тен М. Д. Формирование, развитие и трансформация этнокультурной идентичности корейцев Узбекистана. Дисс... канд. истор. н. – Т., 2011.

³⁰ Рахманкулова А. Х. Документы ЦГА Узбекистана по истории депортации народов в Узбекистан в 1930-е гг. (на примере корейцев) // *Известия корееведения в Казахстане*. Вып. 8. – Алматы, 2001; Еремян Р. В. Корейские художники Узбекистана. Вып. 1. – Т., 2001; Джумашев А. М. К истории депортации дальневосточных корейцев в Каракалпакстан (1937–1938 гг.) // *Известия корееведения в Казахстане*. Вып. 9. – Алматы, 2002; Асирбабаева К. Республика Узбекистан и Республика Корея: Автореф. дисс... канд. полит. н. – Т., 2007; Расулов Э. Р. Вклад корейской диаспоры в развитие узбекско-корейских отношений // *История, культура и быт корейцев Казахстана, Кыргызстана и Узбекистана*. – Бишкек, 2003; Козьмина М. Об историографии семейно-брачных отношений корейцев Центральной Азии // *Известия корееведения Казахстана*. Вып. 6 (14). 2007.

³¹ Кан А. А. Корейцы Андижанской области. – Андижан, 1997; Ким В.Д. Дорогой светлых надежд. – Ташкент, 2001; Ким В.Д. Аккурганский корейский культурный центр. – Ташкент, 2001; Ким В. (Ёнг Тхек). Ушедшие вдаль. – Санкт-Петербург. 1997; Хан В. С. Корейское движение в Узбекистане: аналитические заметки // Десять лет спустя. – Ташкент-Сеул, 2001; Хан С.М. Корейские культурные центры – как они зарождались? // Десять лет спустя. – Ташкент-Сеул, 2001; Ким П.Г., Ким В.Д. Ассоциации корейских культурных центров – 10 лет // Десять лет спустя. – Ташкент-Сеул, 2001.

³² Цой С. С.: О некоторых аспектах фонетики русского и корейского языков // Узбекистан – Корея: научное и культурное сотрудничество. – Ташкент, 2000; Методы обучения произношения звуков корейского языка. – Там же.

³³ Мин Л. В. Семейные традиции и обычаи корейцев, проживающих в Казахстане. – Алма-Ата, 1992; Хан М. М. Этно-региональные особенности ценностных ориентаций личности: Автореф. дисс... канд. социол. н. – Алматы, 1993; Тен В. А. Начальные страницы истории. кустанайских корейцев. – Кустанай, 1994; Кан Г. В. История корейцев Казахстана. – Алматы, 1995; Ким Г. Н., Мен Д. В. История и культура корейцев Казахстана. – Алматы, 1995; Ким Г. М. Об изучении состояния религиозности корейского населения г. Алматы // Известия Национальной АН Республики Казахстан. Сер. общ. наук. № 6, 1995; Пак Н. С. Тенденции развития Корё мар // Известия НАН Республики Казахстан. Сер. общ. наук. – Алматы. № 6, 1995; Ковжасарова Ж. У. Корейцы в Прикаспии. – Алматы, 1997; Хан Г. Б. Прошлое и настоящее корейцев Казахстана. – Алматы, 1997; Сон С. Ю. Социолингвистический анализ функционирования корё мар и русского языка в корейской диаспоре Казахстана. Автореф. дисс... канд. филол. н. – Алматы, 1999; Пак А. Д. Демографическая характеристика корейцев Казахстана. – Алматы, 2002; Ан Р. К. Социально-экономическое развитие корейцев в Семиречье (1937–2003 гг. Исторический аспект). Автореф. дисс... канд. н. – Алматы, 2004; Ем Н. Б. Межнациональные браки корейцев Казахстана в 30–90-е годы XX века (историко-демографический аспект). Автореф. дисс... канд. истор. н. – Алматы, 2004.

³⁴ Советские корейцы Казахстана. – Алма-Ата; 1992; Черныш П. М., Хан В. Н. Корейцы Костанайской области. – Костанай, 2000; Корейцы Казахстана в науке, технике и культуре. – Алматы, 2002; Без гнева и печали (о корейцах Приаралья). – Тараз: Сенім, 2003; Корейцы Казахстана. Кто есть кто. – Алматы, 2005; Корейцы Жамбылской области: люди конкретных дел. – Тараз, 2005.

³⁵ Левкович В. П., Мин Л. В. Особенности сохранения этнического самосознания корейских переселенцев Казахстана // Психологический журнал.

№ 6, 1996; *Ковжасарова Ж. У.* Корейцы в Прикаспии. – Алматы, 1997; *Черныш П. М., Хан В. Н.* Корейцы Костанайской области... – Указ. соч.; Без гнева и печали (о корейцах Приаралья)... – Указ. соч.; Литература народов Казахстана. – Алматы, 2004.

³⁶ *Ли Г. Н.* Корейцы в Кыргызстане. – Бишкек, 1998; Гобонди (Записки наблюдателя о любви корейцев к земле). – Бишкек, 2000; Семейные устои корейцев Корё сарам. – Бишкек, 2002.

³⁷ *Пак С. Н.* Развитие и укрепление духовной культуры, национальных традиций и обычаев корейцев Киргизии // 1937 год: русскоязычные корейцы – прошлое, настоящее, будущее. – М.: Аквариус, 2018. – С. 352-372; Корейцы Кыргызстана: история и современность. / Гл. ред. С. Пак. – Бишкек: ОО «Корейцев КР», 2019. – 397 с.

³⁸ *Ким В. М.* Вопросы национальной самоидентификации малочисленных корейских диаспор (на примере Таджикистана) // Содействие развитию корееведения в странах СНГ: проблемы и решения. – Т., 2006.

³⁹ Белая книга о депортации корейского населения России в 30–40-х годах. – М., 1992; *Пак Б. Д.* Корейцы в Советской России (1917 – конец 1930 гг.). – Иркутск, 1995; *Югай Г. А.* Общность народов Евразии – арьев и суперэтносов – как национальная идея: Россия и Корея. – М., 2003; *Ланьков А. Н.* Корейцы СНГ: страницы истории // Энциклопедия корейцев России. – М., 2003; *Пак Б. Д., Бугай Н. Ф.* 140 лет в России. Очерк истории российских корейцев. – М., 2004; *Сим Л. М.* Корейцы Союза ССР, России и Казахстана: социокультурные процессы (20-е годы XX в. – начало XXI в.). Автореф. дисс... канд. истор. н. – Краснодар, 2006; *Бугай Н. Ф.* Корейцы СНГ: общественно-«географический синтез» (начало XXI века). – М., 2007.

⁴⁰ См. сборник: 1937 год: русскоязычные корейцы – прошлое, настоящее, будущее. – М.: Аквариус, 2018; *Закирова Е. Н.* Принудительное переселение корейцев из регионов РСФСР в Среднюю Азию и Казахстан. – С. 172-185; *Ким Г. П.* Трагические страницы депортации корейцев в Казахстан. – С. 199-208; *Ким В. В.* Мультимедийные исследования корейской диаспоры в Узбекистане: депортация 1937 года и процесс её переосмысления 80 лет спустя. – С. 263-275; *Ким С., Пачер А.* К чему исследования об идентичностях? Символический интеракционизм и диаспоры. – С. 482-495.

§ 3. Развитие и состояние историографических исследований по корейцам Центральной Азии. Первая стадия (1954–2000 гг.)

Эволюцию историографических воззрений по центральноазиатским корейцам, как и по корё сарам в целом, можно разделить на две основные стадии: с 1954 по 2000 гг. и после, и обозначить их как *количественно-описательную* и *качественно-аналитическую*. Период с 1937 по 1953 гг. можно охарактеризовать как нулевую стадию.

Нулевая стадия (1937–1953 гг.)

В силу того, что до 1937 года присутствие корейцев в Центральной Азии было незначительным, они не являлись предметом каких-либо *научных* исследований. Информация о них была представлена либо в различного рода документах (отчётах, аналитических записках и т.д.), либо в средствах массовой информации, прежде всего в корейской газете «Ленин кичи»¹.

Первая стадия (1954–2000 гг.)

Основные особенности первой стадии заключаются в следующем. Она связана, прежде всего, с *количественным* ростом используемых источников и, кроме того, с *описательной* формой изложения, выражающейся в *тезисно-аннотационной констатации* их тематической принадлежности. Качественный, методологический и тематический их анализ, а также концептуальное использование заложенных в них идей отсутствуют, за исключением некоторых тезисных оценок.

Первая стадия, в свою очередь, может быть подразделена на два этапа.

Первый этап (1954–1987 гг.) – фрагментарно-количественный и тезисно-констатационный. На этом этапе какие-либо самостоятельные историографические публикации не только

монографического характера, но даже в виде статей, полностью отсутствуют. Всю «историографию» можно свести к небольшим 2-5-страничным разделам введений диссертаций и авторефератов² (Ким О. М., Ким Сын Хва, Ким П. Н., Ким И. Ф., Ким Г. Н., Цой В. С., Савуров М. Д.)³ и к таким же по объёму вводным частям или фрагментам некоторых монографий и брошюр (Ко Сонг Му, Ким Г. Н.)⁴. Для этих работ характерно лишь небольшое количество источников, вовлечённых в оборот и практически полное отсутствие их анализа. Основным методом историографического изложения является *описание*. И даже не расширенное описание – последнее сведено к простейшей процедуре перечисления персоналий и их работ в виде *тезисных предметно-тематических констатаций*. Под ними понимаются краткие тезисы (1-2 предложения), в которых указываются автор и сфера его научных изысканий. В силу того, что предметом данного параграфа является историография вопроса, даже фрагментарные или косвенные историографические оценки представляют для нас интерес. Поэтому рассмотрим их подробнее.

Будучи пионерской в области языка советских корейцев, диссертация Ким О. М. не содержит какой-либо историографии по этому вопросу. Но после введения, перед первой главой, диссертация содержит «Краткий исторический очерк», где излагается история корё сарам (переселение на Дальний Восток, численность и ареалы расселения, достижения), с соответствующими ссылками на дореволюционные (В. Песецкий, А. Рагоза, П. Унтербергер) и советские (С. Аносов, И. Бабичев, Ким Сын Хва, М. Кузнецов)⁵ исторические работы. Автор касается и собственно языкового аспекта, а именно, отношения корейского населения к школам с корейским и русским языками обучения, но ограничивается лишь длительными выдержками – на 2 страницы – из работы С. Аносова, обосновывая это неразработанностью вопроса: «Здесь мы почти дословно пересказываем изложенное в работе С. Д. Аносова по данному во-

просу. И это делается сознательно. Данный вопрос не освещался в печати ни до, ни после Аносова»⁶.

В диссертации *Кима П. Н.*⁷ уже наличествует историографическая часть, которая содержит небольшое количество ссылок: упоминаются Н. М. Пржевальский, Г. Е. Грум-Гржимайло, С. Аносов, И. Бабичев, Ким Сын Хва, Н. Нурматов и А. Тен⁸. Анализ произведений указанных авторов отсутствует. Однако в разделе есть оценочные тезисы о разработанности исследований по корё сарам в целом и некоторые замечания по поводу работ предшественников диссертанта. Характеризуя литературу дореволюционного периода о корейцах, автор пишет, что «здесь можно найти серьёзные исследования... Однако это в основном работы этнографического порядка»⁹. Такая оценка едва ли соответствует действительности. Известны статистико-географические и экономические обзоры по корейцам на Дальнем Востоке (В. Вагин, Н. Насекин, С. Патканов, А. Рагоза); множество работ относительно политических и экономических следствий, вытекающих из корейской колонизации края (А. Ланкин, П. Колин, С. Меркулов, А. Панов, В. Песоцкий); лингвистические изыскания, включая создание русско-корейских словарей (Г. Подставин, М. Пуцилло, А. Тайшин, Г. Ящинский); работы относительно русификации и христианизации корейцев (С. Недачин, Павел Иеромонах) и т.д.¹⁰

Не совсем точной является и оценка книги Ким Сын Хва «Очерки по истории советских корейцев» – первой монографии по истории советских корейцев в целом. Автор как бы умаляет достоинства книги: «Однако в силу ограниченных возможностей (малый объём работы) автор ... освещает историю советских корейцев дальневосточного периода и только в конце книги, всего на 12 стр., период после 1936 г. ... По существу дан только общий, фрагментарный обзор истории целого народа за такой длительный период времени. При этом автор совершенно не освещает такой важный аспект проблемы, как вопрос об организационно-хозяйственном укреплении корей-

ских колхозов в первые годы вселения их в Среднюю Азию»¹¹. Во-первых, 251 страниц монографии нельзя назвать малым объёмом. Во-вторых, монография и не ставила целью описать жизнь корейцев после переселения. Книга Ким Сын Хва состоит из 2-х частей: 1) Корейцы при царизме (60-е годы XIX в. – 1917 г.) и 2) Корейцы при Советской власти (1917–1936 гг.). Те 14 страниц (а не 12), в которых даётся жизнь корейцев в Центральной Азии, – это заключение книги. Будучи заключением, данные страницы не претендуют на что-то большее, чем краткий обзор, на что указывает и сам Ким Сын Хва.

Странно, что в автореферате П. Н. Ким упоминает российских исследователей Н. М. Пржевальского и Г. Е. Грум-Гржимайло, но отсутствует упоминание работ советских авторов – Ю. Ионовой и Р. Джарылгасиновой. Также отсутствуют ссылки на брошюры о корейских колхозах.

В автореферате Цоя В. С. список приводимых авторов увеличивается до 15 фамилий, но историографическая часть в ней также представлена в виде тезисных предметно-тематических констатаций: «Вопросы истории советских корейцев изучали Ким Сын Хва, М. Т. Ким, П. Н. Ким, Б. Д. Пак и др. Особенности языка корейцев нашей страны, пути взаимодействия с языками соседних народов исследовались в работах лингвистов М. А. Хегая, О. М. Ким, Б. Х. Хасанова. Объектом исследования Тен Чу, И. Ф. Кима стали отдельные аспекты художественной культуры советских корейцев. Материалы по антропологии корейцев Средней Азии и Казахстана изложены в одной из работ М. Г. Левина. Исследованием этнического развития корейцев активно занимается Р. Ш. Джарылгасинова. В её статьях выявлены основные тенденции этнических процессов у корейцев, проанализировано развитие их антропологии, материальной и духовной культуры. Несколько работ по этой проблематике опубликовала Ю. В. Ионова. Из исследований последних лет следует также отметить работы И. Г. Югая, который охарактеризовал изменения в речевом поведении корейцев Узбекистана,

выявил конкретные проявления масштабов корейско-русского и корейско-узбекского двуязычия. Материальную культуру корейцев (и других этнических групп Узбекской ССР) исследует М. Д. Савуров»¹².

В таком же духе выписана историографическая часть и у М. Д. Савурова: «Давно и плодотворно, с высокой степенью компетентности изучает различные аспекты культуры, быта, семейной обрядности, антропонимии корейцев Р. Ш. Джарылгасинова. Некоторые аспекты культуры корейцев Узбекистана изучены в работах Ю. В. Ионовой, истории – Ким Сын Хва. Помимо работ Р. Ш. Джарылгасиновой по антропонимике корейцев, этот вопрос освещён Г. В. Ли. Пути взаимодействия корейского языка с русским и узбекским языками прослежены в работах М. А. Хегая, О. М. Ким. Этносоциологическое изучение языковых процессов среди корейцев Узбекской ССР проведены И. Г. Югаем. Вопросы соотношения традиций и инноваций в современной культуре корейцев Казахстана исследованы в работах В. С. Цоя»¹³.

Если диссертации М. Д. Савурова и В. С. Цоя по этнографии имели предшествующую традицию в работах Р. Ш. Джарылгасиновой и Ю. В. Ионовой, то исследование И. Ф. Кима по корейскому театру являлось пионерским в прямом смысле этого слова¹⁴. В силу этого оно не содержит какие-либо ссылки на «предшественников».

Второй этап (1987–2000 гг.) – *развёрнуто-количественный и аннотационный* – представлен, в основном, работами казахстанского историка *Германа Николаевича Кима*¹⁵. Для данного этапа характерно появление собственно историографических публикаций, резкое увеличение количества используемых источников, введение в оборот зарубежной литературы, начало диверсификации тематических направлений, расширение сферы тезисных оценок и попытка обозначить (подытожить) состояние исследований в области корё сарам. С точки зрения метода изложения, этот этап по-прежнему остаётся *описатель-*

ным, но, как мы покажем ниже, претерпевает определённые изменения.

В 1987 г. выходит статья Г. Н. Кима «К историографии развития духовной культуры корейцев Казахстана», которую можно назвать первой работой по тематическому направлению.

Впервые вводится в оборот зарубежная литература¹⁶. В силу незначительного тиража, эти работы остались неизвестными для широкого круга читателя и не оказали какого-либо влияния на историографические изыскания других авторов.

Кандидатская диссертация Г. Кима¹⁷, защищённая в 1990 г., – первая работа, в которой приводится наибольшее на тот период количество корееведческих источников. В разделе «Степень изученности проблемы» во введении автор упоминает 40 авторов и даёт ссылки на 46 произведений. Впервые в советской литературе вводятся в оборот зарубежные источники (В. Колларз, Л. Крэйдер, Дж. Стефан, Ким Ён Со, Шин Юн Ча, Ко Сонг Му, Х. Хаарман, Р. Кинг) – всего 9 работ¹⁸. Правда, на описание всех их ушло лишь 4 строки: «В 1950–60-е гг. появляется ряд советологических работ с некоторыми сведениями о корейцах в СССР* (звёздочки – соответствующие ссылки, – В. Хан), а в 70-е годы – статья, специально посвящённая изучению основных этапов истории, культуры и "современного социально-экономического положения" советских корейцев*». В 80-е годы наибольшую активность в изучении прошлого и настоящего советских корейцев проявляет ряд учёных и журналистов западных стран, выходцев из Южной Кореи, опубликовавших отдельные книги* и сборники статей*. Объектом специальных исследований западных учёных явились языковые процессы среди советских корейцев: Х. Хаарман* подверг компьютерному анализу материалы Всесоюзной переписи населения 1970 г. и рассмотрел некоторые аспекты корейско-русского двуязычия. В центре внимания Р. Кинга оказались фонетические и лексико-грамматические элементы северо-хамгенского диалекта языка советских корейцев»^{*19}. Хотя в данном фрагмен-

те присутствует деление по десятилетиям, это трудно назвать историографической хронологией, поскольку отсутствует сам принцип деления.

С точки зрения *анализа* произведений, историографический раздел диссертации Г. Н. Кима мало чем отличается от других диссертаций первого этапа: в целом раздел также носит характер *тезисных предметно-тематических констатаций*: «Плодотворным было исследование корейского фольклора в области паремиологии и народного песенного творчества*. Сделаны первые шаги в анализе творческой практики корейского музыкально-драматического театра*, изучении истории школьного образования корейского населения Казахстана*. Участие корейцев в народно-хозяйственном развитии Казахстана, преимущественно в сельскохозяйственной сфере производства, освещается в отраслевой литературе»* (* даются соответствующие ссылки – В. Хан)²⁰. Однако по ряду направлений автор пытается выйти на обобщённые *оценочные* характеристики их разработанности.

Так, основную тенденцию этнографических разработок Г. Н. Ким видит в следующем: «Общим для всех работ этнографов-корееведов является рассмотрение вопросов генезиса материальной и духовной культуры советских корейцев с точки зрения взаимовоплощения двух начал: традиций и инноваций, этнодифференциации и межэтнической интеграции в сфере культуры»²¹. При этом он считает, что «вне научных интересов этнографов-корееведов остались важные аспекты этнодемографических процессов, хозяйственные (полеводческие) занятия в свете анализа народных трудовых традиций в агротехнике риса и овощных культур в условиях многоотраслевых колхозов и совхозов Казахстана, а также специфическая сезонная огородническая деятельность, связанная с маятниковой миграцией»²². С данным выводом Г. Кима можно согласиться, но отчасти. Если маятниковое сезонное огородничество действительно было предметом умолчания, прежде всего по

идеологическим причинам, то этого нельзя сказать о народных традициях в агротехнике риса²³.

Касясь языковедческих исследований узбекистанских корееведов (О. Ким, М. Хегая и И. Югая), Г. Ким делает вывод об их применимости к Казахстану: «Хотя объектом изучения указанных авторов были этнокомпактные сельские и этнодисперсные городские группы корейского населения Узбекистана, результаты этих исследований могут быть корректны для соответствующих групп корейского населения Казахстана»²⁴.

Автором также сделана заявка, первая в отечественной литературе, на предметно-тематическое перечисление имеющихся наработок и белых пятен корееведения. Отметим лишь, что речь идёт именно о тематическом *перечне*, а не тематическом *анализе*.

В качестве направлений, получивших освещение, Г. Ким называет: этнические процессы в сфере материальной и духовной культуры, профессиональное театральное искусство, язык и речевое поведение, фольклор и школьное образование. А в качестве проблем, не ставших предметом изучения, автор называет: историю насильственного переселения, экологическую и социальную адаптацию, пространственное размещение и динамику численности, участие в развитии народного хозяйства, функционирование и развитие печати и литературы на корейском языке и т.д.²⁵

Даже на основании материалов, имеющихся по состоянию на 1990 г., данный тематический перечень нельзя назвать строгим и полным. А некоторые формулировки носят слишком широкий характер и нуждаются в детализации. Так, в первой группе отсутствуют разработки в области физической антропологии, колхозного строительства, методов хозяйствования и др. Во второй группе отсутствуют такие темы, как участие в трудовой армии, семья и семейное воспитание, корейско-смешанные браки, литературное творчество советских корейцев на русском языке, корейская эстрада, корейское искусство,

религиозное сознание, высшее образование на корееведческих кафедрах и факультетах и многое другое. В последующих работах Г. Кима тематический перечень, указанный в диссертации, будет подвергаться изменениям – в сторону дополнений и детализации.

В 1993 г. в книге «История, культура и язык корё сарам (историография и библиография)», написанной Г. Н. Кимом совместно с Дж. Р. П. Кингом из Института восточных и африканских исследований Лондонского университета, вышла в виде статьи «История, культура и язык корё сарам (опыт историографического обзора)». Как отмечается в аннотации, «историографическая часть работы выполнена Г. Кимом, составление библиографии – плод... коллективного труда»²⁶. Данная статья является первой собственно историографической работой, в которой предпринята попытка осветить развитие и состояние историографии корё сарам в целом. В то же время она является продолжением упомянутой историографической части диссертации Г. Кима. Эта часть с небольшими изменениями вошла в данную статью, а её тезисно изложенные положения получили дополнительное раскрытие.

Статья продублирована на трёх языках – русском, корейском и английском²⁷ и состоит из вводного вступления (в нём даётся численность корейцев, обоснование использования термина «корё сарам» и формулировка задач статьи) и трёх частей: «Русская дореволюционная литература», «Советская литература»²⁸ и «Зарубежная литература». Содержательная часть статьи на русском языке составила 23 страницы – чуть больше 1 страницы вводного вступления, более 5 с половиной страниц первой части, 8 с половиной страниц второй части и 7 с половиной страниц третьей части. Сноски вынесены в конец после всех языковых версий статей и составили 11 страниц. В тексте и ссылках упоминаются 109 авторов: 24 автора в первой части, 54 советских авторов и 31 зарубежный автор.

Если учесть, что хронологические рамки работы охватили

период в более чем 120 лет (с 70-х гг. XIX в. по начало 90-х гг. XX в.), а общая библиография составила 715 источников, то становится ясным, что речь может идти только об «общеобзорном характере»²⁹ статьи, что отмечает сам автор. На трудность охвата всей библиографии в рамках небольшого очерка указывает и то, что в сносках автор даёт 86 ссылок на 194 источника (47 – по дореволюционной литературе, 70 – по советской и постсоветской и 39 – по работам зарубежных авторов³⁰), что составляет лишь 27% от представленной в книге библиографии. И даже из этих 27% значительная часть источников даётся в сносках через запятую.

Данные обстоятельства обусловили в целом *дескриптивно-констатационный* характер статьи.

Многие выводы статьи (об этнографическом изучении корёсарам, о применимости языковедческих исследований в Узбекистане к Казахстану, о состоянии и перспективах корееведения) полностью дублируют соответствующие места в автореферате Г. Кима. Однако в ней есть и новые положения.

В частности, если в диссертации Г. Ким просто указывает на то, что вне научных интересов этнографов остались «важные аспекты этнодемографических процессов», то в статье он перечисляет эти аспекты: «изменения в брачности, репродуктивном поведении, этнической самоидентификации подростков в национально-смешанных семьях и т.д.»³¹. Говоря о работе И. Кима о корейском театре, Г. Ким обращает внимание на то, что вне внимания автора остались материалы отдельного фонда корейского театра за номером 2046, хранящегося в ЦГА Казахстана³². Знакомя с диссертацией Б. Хана по истории школьного образования корейского населения Казахстана, Г. Ким отмечает, что в диссертации «недостаточно исследованными остались важные аспекты истории и методики преподавания корейского языка как родного, также актуальные проблемы и задачи материально-технического, учебно-методического и квалифицированного кадрового обеспече-

ния школ республики с корейским контингентом учащихся»³³.

Известно, что перестройка породила публицистический бум в корееведении, как и в этнической сфере в целом. Выражая к нему своё отношение, Г. Ким пишет: «О корё сарам вдруг стали писать не только профессиональные историки, но и журналисты, поэты, лидеры корейских культурных центров. Однако этот своеобразный бум в отечественном "корееведении" не лишён издержек. К примеру, гуманитарии с учёными степенями, изучавшие, как говорится, всю сознательную жизнь учение о классовой борьбе или международное значение деятельности КПСС враз перевоплотились в знатоков и истории, и культуры, и языка корё сарам. Работы таких авторов насыщены общеизвестными фактами, изобилуют стереотипами, зачастую голые эмоции и субъективизм превалируют над трезвым анализом, основанным на солидном эмпирическом фундаменте»³⁴.

Перечисление работ советских авторов и их краткое описание в работе Г. Кима не представляет научной ценности, поскольку все эти авторы известны и сфера их научных изысканий также известна. Ценным был бы *теоретический анализ* этих работ, но он как таковой отсутствует. А что действительно является ценным в данной статье – это раздел «Зарубежная литература».

Во-первых, если в автореферате диссертации ей было посвящено лишь 4 строчки, то в статье – почти 7 с половиной страниц. Наряду с указанными в диссертации авторами (В. Колларз, Дж. Стефан, Ким Ён Со, Шин Юн Ча, Ко Сонг Му, Х. Хаарман, Р. Кинг), которые даются уже с более детальным описанием, в статью добавлены новые имена: И. Бишоп, Хэ Сын Чхоль, Хара Тереуки, Кимсура Хидесуки, Сэ Дя Сук, Ли Чон Сик, О Ки Ван, Ли Мун Ун, Но Ёнг Дон, Тору Иноэ, Нацуко Ока, Харуки Вада, Н. Адами. Наряду с авторами научных работ, указаны и переводчики: Госио Такаянаги, Токуя Йонедзу, Наохимо Синода, Митико Умедзу, Масаёси Мияути. В ссылках также даны авто-

ры, не указанные в тексте: Ло Ёнг Дон, В. Мейер, Чонг Иль Чи. Всего Г. Ким ссылается на 39 зарубежных работ, что уже составляет внушительный список. И хотя в разделе, как и в других разделах статьи, отсутствует *анализ* используемых источников, он впервые дал возможность отечественным читателям ознакомиться с тем, кто и какие исследования о корё сарам проводит за рубежом. Именно начиная с данной статьи, определённый список зарубежных авторов (В. Колларз, Дж. Стефан, Шин Юн Ча, Ко Сонг Му, Х. Хаарман, Р. Кинг) начинает «кочевать» из одной работы в другую, без какого-либо дополнительного анализа или описания за рамками того, что было сделано Г. Кимом, что даёт повод усомниться в реальном знакомстве новых соискателей с работами указанных исследователей.

Во-вторых, именно в этом разделе Г. Ким переходит от *констатаций* направления (области) исследования того или иного автора к *аннотациям* работ. Так, в разделе «Советская литература» типичными образцами историографического описания являются *констатации* следующего рода:

– «Лингвистические и социолингвистические исследования современного языка представлены научными статьями и диссертационными работами О. Ким, М. Хегая и И. Югая»;

– «В настоящий момент научный интерес к корейскому языку и его диалектной разновидности – корё маар, используемой большинством корейцев Казахстана, пробудился у Н. Пак и К. Югая»;

– «Мировоззренческой природе и атеистическому содержанию корейского фольклора посвящена работа Ли Хан Сена»;

– «Следует особо сказать о Бруте Киме, отличающемся прежде всего продолжительным и глубоким интересом к прошлому и настоящему советских корейцев, живостью изложения и аналитическим осмыслением излагаемых тем»³⁵.

Описания аннотационного типа применены лишь к работам Ким Сын Хва и Тен Чу. В разделе же «Зарубежная литература» аннотации становятся основным способом описания.

В качестве примеров укажем одну аннотацию: «Из всей совокупности зарубежной историографии особого внимания заслуживает монография профессора Хельсинского университета Ко Сон Му, освещающая довольно широкий спектр проблем: история появления корейцев в России и насильственного переселения в Казахстан и Среднюю Азию; современная этнокультурная жизнь корё сарам, рисоводство в корейских колхозах и совхозах; язык и речь; корейский театр и литература. Весьма ценную часть исследования составляют приложения: географические карты СССР, фотографии, указатель географических наименований и обстоятельный именной указатель. Кроме списка советской и зарубежной литературы, каждый из 6 разделов имеет справочно-библиографический материал, содержащий иногда не менее значительную информацию, чем основной текст»³⁶.

Автор даёт и обобщенную характеристику зарубежной историографии корё сарам: «Таким образом, в зарубежной историографии имеются определённые успехи в изучении социально-экономической и национально-культурной жизни корейцев в России³⁷ и экс-СССР. Почти все авторы используют труды отечественных историков, этнографов, языковедов и т.д. В вышеупомянутых работах имеются неточности и ошибки эмпирического характера, чувствуется узость источниковой базы, определяющая шаткость некоторых теоретических построений, зачастую встречается тавтология частной конкретики у разных авторов. Нельзя также отрицать наличие принципиальных расхождений с некоторыми взглядами, оценками и выводами зарубежных коллег, и в этой связи следует ещё раз напомнить о двуединой задаче историографического исследования: критический анализ и наращивание новых позитивных знаний»³⁸. С данным выводом можно в целом согласиться, но он требует обоснования. К сожалению, в самой статье автор не показал, в чём заключается «шаткость некоторых теоретических построений» или «наличие принципиальных расхожде-

ний с некоторыми взглядами, оценками и выводами зарубежных коллег», за исключением неточности Шин Юн Ча в оценке численности корейского населения СССР. Некорректно употреблён и термин «тавтология».

Данная статья полностью (за исключением 2-х абзацев) легла в основу раздела «Корейцы в России и Центральной Азии» новой книги Г. Кима «Корейцы за рубежом: прошлое, настоящее и будущее (Историография и библиография)», вышедшей в 1995 г. В отличие от статьи, в новую книгу были добавлены 2 страницы в подраздел «Советская литература»³⁹ и один абзац в подраздел «Зарубежная литература».

Касаясь литературы конца 80-х – начала 90-х годов, Г. Ким справедливо обозначает этот период как «качественный скачок в изучении истории корё сарам»⁴⁰. Его причины автор видит, во-первых, в появлении социального заказа; во-вторых, в доступе к архивным материалам под грифом «Для служебного пользования» и возможности их ксерокопирования; в-третьих, в альтернативном финансировании проблематики (со стороны различных структур Южной Кореи), и в-четвёртых, в строительстве новой академической карьеры ряда учёных России, Казахстана и Узбекистана.

В качестве новых источников, вышедших в СНГ, Г. Ким указывает 7 изданий⁴¹. Три из них – «Белая книга», «Корейцы Казахстана» и «Советские корейцы Казахстана» – описаны им только с точки зрения структуры (оглавления). К остальным даны краткие аннотации в 1-2 предложения.

Как уже было отмечено, подраздел книги о зарубежной литературе от статьи 1993 г. отличает лишь один абзац, который уже также написан в *аннотационном* ключе: «Профессора-антропологи Сеульского Национального Университета Ли Гван Гю и Тен Генг Су написали капитальный труд «Советские корейцы», изданный в 1993 г. Монография состоит из 11 глав, введения и заключения. В ней освещается история переселения корейцев на русский Дальний Восток, депортация 1937–38 го-

дов и другие вопросы миграционных процессов; демографическое развитие корейского населения; сельскохозяйственная деятельность в колхозах и совхозах; сезонное отходничество, семейные отношения и бытовая жизнь; национальная культура советских корейцев. Отдельно рассматривается история и современная жизнь дальневосточных и сахалинских корейцев. Заключительная глава содержит анализ правового положения и политической активности корейцев в различные периоды советской власти»⁴².

В 1997 г. в журнале «Известия корееведения Казахстана» выходит новая статья Г. Н. Кима, посвящённая публикациям 1992–1997 гг.; в следующем номере журнала выходит эта же статья на английском языке⁴³. В статью Г. Н. Ким вводит новые имена и новые источники. Это российские, казахстанские и узбекистанские учёные – Л. Ким, Т. Чен, П. Пак, Г. Ким, Н. Ем, Н. Пак, К. Югай, Л. Тянь, О. Ким, Д. Мен, Л. Квон, З. Ким, Н. Пан, Г. Кан, Ж. Ковжасарова, Г. Хан; литераторы – Л. Сон, Хан Дин, Г. Кан, А. Кан, А. Хан, М. Пак, Ян Вон Сик, А. Ким, Г. Ни-Ли, Хо Дин, В. Пу, В. Ким-Ли⁴⁴. Вводятся имена также зарубежных авторов (Пак Хван, Квон Хве Ёнг, Банг Сан Хен, Ким Тхэк и Кан Енг Квон)⁴⁵.

Говоря о новых именах и работах, Г. Ким использует как развёрнутые аннотации, так и тезисные тематические констатации. Но в обоих случаях речь идёт об описательном (не аналитическом) изложении.

Примером развёрнутой аннотации может служить следующий отрывок:

«Г. В. Кан – автор двух монографий. Первая книга «Корейцы Казахстана. Исторический очерк» была опубликована в 1994 году, а второй труд «История корейцев Казахстана» последовал через год (Алматы, «Гылым», 1995, 205 с.). Данная монография представляет собой написанную на строго документальной основе историю корейцев Казахстана. Она охватывает все её этапы и периоды. При написании автор ставил перед собой

цель «создать такую книгу, чтобы, прочитав её, читатель получил цельное, полное, стройное, правдивое представление о прошлом и настоящем корейцев Казахстана». Книга состоит из шести глав. В первой главе «Предыстория корейцев Казахстана» рассказывается об известных науке древних связях корейцев со Средней Азией и Казахстаном, о первых переселенцах конца XIX – начала XX вв., а также о добровольном переселении корейцев-рисоводов с Дальнего Востока в Казахстан в 1928 г. Вторая глава посвящена депортации. В ней показано, что корейцы, переселённые в Казахстан, пережили два этапа переселения. Первый, с осени 1937 до весны 1938 г., хорошо известен. Весной 1938 г. начался второй этап переселения корейцев уже внутри Казахстана, которому подверглось почти 60% корейцев. В третьей главе рассматривается устройство корейцев в Казахстане. Четвёртая глава посвящена жизни корейцев Казахстана в 40–50-х гг. В пятой главе рассказывается об истории корейской газеты и театра. Заключительная, шестая глава посвящена проблемам возрождения культуры, всей жизни корейской диаспоры в современных условиях»⁴⁶.

Иллюстрациями тезисных тематических констатаций могут быть следующие примеры: «Вопросами состояния религиозности среди корейцев Казахстана на примере членов пресвитерианских миссионерских церковных общин в Алматы в течение последних лет активно интересуется Г. М. Ким, опубликовавшая несколько статей в научных периодических изданиях»⁴⁷. Или: «Определённые наработки в исследовании особенностей фонетической природы, лексико-грамматических форм и других аспектов диалектного своеобразия корё маар имеют К. Югай и Л. Тянь»⁴⁸.

Аналогичный способ изложения (аннотации и тезисные тематические констатации) использован и в подразделе «Зарубежная литература».

Следующей вехой в историографических изысканиях Г. Кима стала книга «Корё сарам: историография и библиогра-

фия», вышедшая в 2000 г., подытожившая все историографико-библиографические наработки автора.

Книга включает в себя:

- предисловие «От автора»;
- статью «Корё сарам: историография» на трёх языках (русском, английском и корейском), состоящую из трёх подразделов: «Дореволюционная русская литература», «Литература советского и постсоветского периода», «Зарубежная литература»;
- библиографию («Дореволюционная русская литература», «Литература советского и постсоветского периода», «Зарубежная литература», «Литература на корейском языке»);
- приложения («Указатель публикаций на русском языке в газете "Корё ильбо"» за 1991–1997 гг. и «Указатель публикаций на корейском языке в газете "Коре ильбо"» за 1991–1997 гг.).

Собственно историографическая часть изменилась незначительно. Если первая статья 1993 г. состояла из 23 страниц, статья 1995 г. – из 25, то последняя статья – из 35 страниц. Сравнительно с прежними публикациями, не вносится ничего нового, механически объединяются статья 1995 г. и журнальная статья 1997 г. Единственным добавлением является небольшой абзац, где вводятся имена корейских художников и фотографов (В. Ан, Б. Пак, В. Мун, А. Лигай, Е. Тё, А. Ким, Б. Лим, А. Ли, В. Ли, С. Хан)⁴⁹.

Основное приращение произошло за счёт библиографии и в немалой степени за счёт публикаций в газете «Коре ильбо». Библиография в новой книге составила 282 наименования дореволюционной литературы, 621 – советской и постсоветской литературы, 92 наименования – «зарубежной»⁵⁰ и 129 – на корейском языке⁵¹; газетных материалов в «Корё ильбо» на русском языке – более 1300, на корейском языке – 290. Итого – 1124 книги и статьи и около 1600 газетных материалов в «Корё ильбо». И хотя книга посвящена корё сарам, некоторая часть академических публикаций не имеет отношения к ним и посвящена самой Корее. Таковыми являются работы Ю. Ионовой – «К во-

просу о культе медведя, пещер и гор у корейцев» (1968), «Пережитки тотемизма в религиозных обрядах корейцев» (1970), «О культе деревьев в Корее» (1986) и др.; Н. Кима – «Корея» (1929), «Корейские шестистишия XIII–XIX вв.» (1956), «Корейская классическая поэзия» (1956), «Корейское классическое искусство» (1977), «Корейские танцы» (Пхеньян, 1957) и др. То же самое можно сказать о значительном количестве газетных материалов, таких как: «Чечжудо – остров ныряльщиц», «Тангун – основатель страны Чосон», «Ким Хан До – знаменитый художник эпохи Сосан», «Проблемы образования в Республике Корея», «Даосизм в Корее», «Ранняя история буддизма в Корее», «Деловая этика в Республике Корея», «Город-музей Кёнчжу», «Северокорейская подводная лодка на восточном побережье Южной Кореи», «Южнокорейские автомобили на дорогах Северной Кореи», «Обвинение во взятках экс-президентов Южной Кореи Ро Де У и Чон Ду Хвана», «Банковские профсоюзы Южной Кореи грозят всеобщей забастовкой» и т.п. И таких газетных материалов, если их отбирать только по явным названиям, насчитывается около 350.

В отличие от предшествующих работ, в новой статье отсутствуют сноски и все цитаты даются без ссылок на цитируемого автора. Так, в подразделе «Дореволюционная русская литература» упоминаются 22 автора, в то время как названия их работ в тексте отсутствуют, равно как и ссылки. Это привело к тому, читатель не всегда может определить, о какой публикации автора идёт речь. Например, даётся цитата из Н. Пржевальского, в то время как в библиографии указаны 3 работы данного автора⁵².

В подразделе «Литература советского и постсоветского периода» в тексте указаны названия 20 публикаций, но без оформленных ссылок, а творчество 26 авторов обсуждается без какого-либо упоминания названий их работ. Указание названий работ без сносок и отсутствие этих работ в библиографическом разделе создаёт ситуацию неопределённости с их выходными дан-

ными, что недопустимо в академическом издании, тем более по профилю «историография и библиография». Так случилось с книгой Т. С. Чена и П. А. Пака «Традиционная корейская кухня», которой не оказалось в библиографическом указателе.

В подразделе «Зарубежная литература» из 26 обсуждаемых авторов в тексте даны названия только 11 работ. Возникают неясные ситуации с идентификацией публикаций, как в случае с Пржевальским. Так, Г. Ким пишет: «В 1960-х зарубежные исследователи выпустили ряд специальных статей и книг, посвящённых изучению прошлого и настоящего корё сарам. Автором одной из первых статей является Дж. Стефан...»⁵³. Поскольку ссылки и названия нет, то ответ, как предполагается, нужно искать в библиографическом разделе. Но там указаны две публикации Дж. Стефана (статья и книга), и обе опубликованы в 1971 г.⁵⁴ О какой работе Дж. Стефана, опубликованной в 60-х гг., идёт речь – не ясно. Отсутствие ссылок делает затруднительным поиск публикаций зарубежных авторов в библиографическом разделе и в связи с разным написанием их имён на кириллице и иностранных языках. Например, Г. Ким пишет о книге исследовательницы корё сарам Шин Юн Ча (американской кореянки), не давая соответствующей ссылки. В результате поиска в библиографическом разделе обнаруживается, что у данного автора три публикации – две в подразделе «Зарубежная литература», а одна в подразделе «Литература на корейском языке». Причём в первом подразделе её имя даётся как «Chey, Youn-Cha Shin», т.е. в качестве фамилии (через запятую) выделено «Че» или «Чей», а не «Шин»; а во втором подразделе корейское «» фонетически больше соответствует русскому «Син» или «Щин», нежели «Шин». Поэтому читателю требуется время, чтобы отыскать упомянутую публикацию.

Попутно отмечу характерную для всех вышеуказанных работ Г. Н. Кима небрежность. В текстах много орфографических и стилистических ошибок, опечаток. Причём, поскольку основная часть текста одна и та же, они переходят из одной работы

в другую. Это проблема запятых (выделения оборотов)⁵⁵, несогласованности падежей⁵⁶ и др. Имеются разночтения в инициалах авторов: в тексте даны одни инициалы (Н. Недачин), а в библиографическом указателе – другие (С. Недачин). В библиографическом указателе некоторые статьи указаны со страницами, а некоторые – нет (Ким Мангем, порядковый номер 253; Комаровский Г., Стратанович Г., 304; Лыкова Е. А., Проскурина Л. И., 361; Мазур Ю., 366; Мен Д. В., 370, и другие). Монографии в библиографическом указателе описаны не в соответствии с библиографическими требованиями – с указанием издательства, страниц, наличия иллюстраций. В работах 1993 и 1995 гг. публикации, вышедшие после распада СССР, почему-то относятся к «советской литературе».

Давая общую оценку работам Г. Н. Кима, необходимо иметь в виду, что именно они составляют фактическое содержание второго этапа (1987–2000 гг.). Несмотря на то, что вне поля зрения Г. Кима остался ряд публикаций российских, узбекистанских и южнокорейских авторов, количественный охват источников в его работах достигает очень высокой отметки. И это является *главным* вкладом автора в библиографию (но не в историографию) корё сарам. Особо отметим введение в оборот зарубежной литературы. Г. Н. Ким изменил и способ описания источников.

Начиная с тезисных тематических констатаций, что было характерно для всех предшествующих и даже последующих авторов, Г. Ким постепенно перешёл к развёрнутым аннотациям, хотя этот процесс нельзя назвать полностью завершённым. Таким образом, содержанием данного этапа стали *количественные изменения*: от минимального обзора источников – к их широкому охвату, от тезисных констатаций – к развёрнутым аннотациям.

Будучи количественным и дескриптивным, данный этап не решал следующие задачи:

– создания концептуальной периодизации изучения корё

сарам – как в целом, так и внутри тематических направлений;
– перехода от описания как простейшей эмпирической процедуры к теоретическому анализу источников и созданию объяснительных моделей, которые включают в себя анализ структуры и эволюции предметного поля изучения корё сарам; использованию концептуального аппарата и методов исследования; исторического и личностного контекстов исследования.

Наряду с работами Г. Кима, в 90-е гг. выходили некоторые исследования, содержавшие историографические части по корё сарам, однако в содержательности они соответствовали даже не второму, а первому этапу. В них просто констатируется важность тех или иных исследований – без каких-либо комментариев либо с их минимальным количеством.

Попытка дать анализ состояния корееведения предпринята в небольшой статье В. Ф. Ли в 1990 г. Но в силу объёма (4,5 страницы вместе со списком использованной литературы) статья даёт лишь самый общий обзор состояния и перспектив изучения корё сарам. Констатируются направления в области истории, лингвистики, этнографии, песенной культуры с соответствующими ссылками на литературу; перечисляются четыре категории архивов с документами о корё сарам (правительственные и партийные архивы, государственные архивы СССР, российские архивы и центральноазиатские архивы); рассматриваются планы по созданию «Истории советских корейцев», в заключение даётся небольшой анализ в области демографии корейцев. Опубликованная в южнокорейском журнале, статья предназначена для зарубежного читателя, для которого проблематика, связанная с корё сарам, является сравнительно новой. В силу этого она содержит информацию, известную отечественным исследователям, и в этом смысле не несёт компонента новизны⁵⁷.

В диссертации М. М. Хана о ценностных ориентациях казахстанских корейцев в 1993 г., во введении, историографический обзор в аспекте корееведения сведён к одному абзацу:

«...В силу того, что объектом исследования стала этническая общность корейцев, живущих в Казахстане, то значительный интерес представляют работы корееведов Р. Ш. Джарылгасиновой, Ю. В. Ионовой, Ким Сын Хва, Г. Н. Кима, А. Н. Ланькова, М. И. Никитиной, Б. Д. Пака, В. С. Цоя, И. Югая»⁵⁸. Этой констатацией всё и ограничивается, какие-либо ссылки на произведения упомянутых авторов отсутствуют.

В 1995 г. выходит монография (а вслед за ней защищается докторская диссертация) Г. В. Кана «История корейцев Казахстана». В историографико-источниковедческом введении (4 страницы) информация о корееведческой литературе носит слишком общий характер. Советский период описывается так: «Исследование проблем корейской диаспоры в республике ведётся по таким направлениям, как этнографическое, социологическое, культурологическое и т.п.»⁵⁹, и даются ссылки на работы Р. Джарылгасиновой, И. Кима, О. Кима, Б. Хана, М. Хана, Б. Хасанова и В. Цоя. Далее, с соответствующими ссылками: «Большой вклад в разработку истории советских корейцев в меру возможностей периода своего творчества внёс профессор Ким Сын Хва (1915–1973). Истории корейцев Казахстана посвящены исследования Г. Кима»⁶⁰. Затем: «В конце 80-х – начале 90-х гг. в СССР, в том числе и в Казахстане, в результате демократизации началось рассекречивание документов, связанных с массовыми репрессиями против народов. Они стали появляться на страницах печати» (даётся ссылка на работы Н. Бугая, – В. Х.)⁶¹. Постсоветский период описывается тезисно-тематическими констатациями – одно-три предложения на каждого автора. Например: «В 1992 г. в Алма-Ате была опубликована книга "Советские корейцы Казахстана: Энциклопедический справочник" (составители Д. Мен, Л. Квон, З. Ким, Н. Пан)». В ней собраны сведения о более чем 360 корейцах, жителях Казахстана, «чей упорный труд и успехи удостоены почётных званий и правительственных наград»⁶². В таком духе описаны 6 работ – сборник документов о депортации

«Белая книга», публикации Б. Д. Пака, П. Г. Кима, В. Д. Кима, Г. В. Кима и Ко Сон Му.

Таким образом, и эти работы не вышли за рамки количественно-описательной стадии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: *Время газетной строкой*. – Алматы: Корё ильбо, 1998.

² «Степень изученности проблемы» или «Степень разработанности темы исследования».

³ *Ким О. М.* Особенности русской речи корейцев Узбекской ССР. Фоно-морфологический очерк: Автореф. дисс... канд. филол. н. – Т., 1964; *Ким П. Н.* Деятельность Коммунистической партии Узбекистана по организационно-хозяйственному укреплению корейских колхозов (1937–1940). Автореф. дисс... канд. истор. н. – Т., 1970; *Цой В. С.* Современная культура и быт корейцев Казахстана (к вопросу соотношения традиций и инноваций). Автореф. дисс... канд. истор. н. – Л., 1985; *Саевуров М. Д.* Современные этнические процессы у национальных групп Узбекистана. Автореф. дисс... канд. истор. н. – Л., 1986. – С. 2-3; *Ким И. Ф.* Формирование и развитие советского корейского профессионального театра. Автореф. дисс... канд. искусствоведения. – Т., 1987; *Ким Г.* Социально-культурное развитие корейцев Казахстана (1946–1966 гг.). Автореф. дисс... канд. истор. н. – Алма-Ата, 1990.

⁴ *Kho Songtoo.* Koreans in the Soviet Central Asia. *Studia Orientalia*. Vol. 61. – Helsinki, 1987; *Ким Г. Н.* Социально-культурное развитие корейцев Казахстана. Научно-аналитический обзор. – Алма-Ата, 1989.

⁵ *Песоцкий В.* Корейский вопрос в Приамурье // *Труды Амурской экспедиции*. Т. IX. – Хабаровск, 1913; *Рагоза А.* Краткий очерк переселения корейцев в наши пределы // *Военный сборник*. 1903, № 6; *Унтербергер П.* Приморская область 1856-1898. – СПб., 1900; *Аносов С.* Корейцы в Уссурийском крае. – Владивосток, 1928; *Бабичев И.* Участие китайских и корейских трудящихся в гражданской войне на Дальнем Востоке. – Т., 1959; *Кузнецов М. С.* Из истории ликвидации неграмотности среди взрослого населения Дальнего Востока (1922–1936) // *Дальний Восток за 40 лет Советской власти*. – Комсомольск-на-Амуре, 1958; *Ким Сын Хва.* Очерки по истории советских корейцев. – Алма-Ата, 1965.

⁶ *Ким О. М.* Особенности русской речи корейцев Узбекской ССР. Фонетико-морфологический очерк: Дисс. ... канд. филол. наук. – Т., 1964. – С. 20.

⁷ *Ким П. Н.* Деятельность Коммунистической партии Узбекистана по организационно-хозяйственному укреплению корейских колхозов (1937–1940): Автореф. дисс. ... канд. истор. наук. – Т., 1970.

⁸ *Аносов С.* Указ. соч.; *Бабичев И.* Указ. соч.; *Ким Сын Хва.* Указ. соч.; *Нурматов Н.* Опыт организации и экономика передового колхоза им. Свердлова Ташкентской области: Автореф. ... дисс. канд. наук. – Т., 1954; *Тен А.* Экономика передового колхоза «Полярная звезда»: Автореф. ... дисс. канд. наук. – Т., 1959.

⁹ *Ким П. Н.* Указ. соч. – С. 6.

¹⁰ Об историографии и библиографии дореволюционного периода корейцев см.: *Ким Г. Н.* Корё сарам: историография и библиография. – Алматы, 2000. – С. 12-18, 112-130; *Сон Ж.* Корейцы: миграция на пути длиной в полвека (1864–1918) // Миграция корейцев на русский Дальний Восток: российско-корейские отношения. 1821–1918 гг. – М., 2017. – С. 35-78.

¹¹ *Ким П. Н.* Деятельность Коммунистической партии Узбекистана по организационно-хозяйственному укреплению корейских колхозов (1937–1940). Автореф. дисс... канд. истор. н. – Т., 1970. – С. 7.

¹² *Цой В. С.* Современная культура и быт корейцев Казахстана (к вопросу соотношения традиций и инноваций). Автореф. дисс... канд. истор. н. – Л., 1985. – С. 3-4.

¹³ *Савуров М. Д.* Современные этнические процессы у национальных групп Узбекистана. Автореф. дисс... канд. истор. н. – Л., 1986. – С. 2-3.

¹⁴ *Ким И. Ф.* Формирование и развитие советского корейского профессионального театра. Автореф. дисс... канд. искусствоведения. – Т., 1987.

¹⁵ *Ким Г. Н., Кинг Дж. Р. П.* История, культура и язык корё сарам (историография и библиография). – Алматы, 1993; *Ким Г. Н.* К историографии развития духовной культуры корейцев Казахстана // Вопросы истории и историографии культуры Казахстана. – Алма-Ата, 1987; *Он же:* Корейцы Казахстана и Средней Азии в зарубежных исследованиях. – Алма-Ата, 1990; История, культура и язык корё сарам в советской литературе // *Perspektive*, 1992, No 12. – С. 63-72 (на кор. яз.); *The History, Culture and Language of the Koryo Saram* // *Korea Journal*. Vol. 33, No. 1, 1993; Корейцы за рубежом: прошлое, настоящее и будущее (Историография и библиография). – Алматы, 1995; Новая литература о корё сарам // Известия корееведения Казахстана. Вып. 2, 1997; Корё сарам: историография и библиография. – Алматы, 2000.

¹⁶ *Ким Г. Н.* К историографии развития духовной культуры корейцев Казахстана // Вопросы истории и историографии культуры Казахстана. – Алма-Ата, 1987; *Он же:* Корейцы Казахстана и Средней Азии в зарубежных исследованиях. – Алма-Ата, 1990.

- ¹⁷ Ким Г. Социально-культурное развитие корейцев Казахстана (1946–1966 гг.). Автореф. дисс... канд. истор. н. – Алма-Ата, 1990.
- ¹⁸ Kolarz W. Russland und seine asiatischen Volker. Frenkfurt / M., 1956; Krader L. Peoples of Central Asia. – Bloomington, 1966; Stephan J. J. The Korean Minority in the Soviet Union // Mizan (Central Adian Review). Vol. 13, No. 3, 1971, pp. 138-150; Ким Ён Со. Сорёнхва хангук мунджа. – Сеул, 1986; Шин Юн Ча. Сорёный корё сарамдыль. – Сеул, 1988; Kho Songmo. Koreans in the Soviet Central Asia. Studia Orientalla. Vol. 61. – Helsinki, 1987; Koreans in the Soviet Union. – Honolulu, 1987; Haarmann H. Aspekte der koreanisch-russischen Zweisprachigkeit. – Hamburg, 1981; King J. R. P. An Introduction to Soviet Korean // Language research. Vol. 23, No. 2, 1987, pp. 233-244.
- ¹⁹ Ким Г. Социально-культурное развитие корейцев Казахстана (1946–1966 гг.): Автореф. ... дисс. канд. истор. наук. – Алма-Ата, 1990. – С. 7-8.
- ²⁰ Там же. – С. 6.
- ²¹ Там же. – С. 5.
- ²² Там же.
- ²³ См.: Экономика передового колхоза «Полярная звезда». Под ред. Н. Е. Омелина. – Т., 1954. – С. 66-77; Джарылгасинова Р. Ш. Культура и быт корейцев совхоза «Раушан» Кунградского района Кара-Калпакской АССР // Краткие сообщения Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. – М.: Изд. АН СССР, 1960. Т. XXXV. – С. 55; Ионова Ю. В. Корейцы // Народы Средней Азии и Казахстана. – М.: АН СССР, 1963. Т. II. – С. 566-567.
- ²⁴ Ким Г. Социально-культурное развитие корейцев Казахстана (1946–1966 гг.). Автореф. дисс... канд. истор. н. – С. 5.
- ²⁵ Там же. – С. 8.
- ²⁶ Ким Г. Н., Кинг Дж. Р. П. История, культура и язык корё сарам. (Историография и библиография). Алматы, 1993. – С. 2.
- ²⁷ Английская часть с маленькими добавлениями вышла в качестве статьи в Сеуле: Kim G. The History, Culture and Language of the Koryo Saram // Korea Journal. Vol. 33, No. 1, 1993, pp. 47-87.
- ²⁸ Автор не выделил начало постсоветского периода. В результате работы, вышедшие в 1992 г., то есть после распада СССР, у него оказались в разделе «Советская литература».
- ²⁹ Ким Г. Н., Кинг Дж. Р. П. Указ. соч. – С. 16.
- ³⁰ Подсчитано автором на основании анализа названий работ. Данное число отличается от количества источников в соответствующих рубриках. Это объясняется тем, что 8 работ в разделе «Зарубежная литература» написаны российскими и казахстанскими авторами: 2 из них (Ким Г.,

Мазур Ю., Пак М.) представляют рецензии на книгу Ко Сон Му, а 6 – списки историографических работ (Ким Г., Ли В.) в общем заключении статьи.

³¹ Ким Г. Н., Кинг Дж. Р. П. Указ. соч. – С. 13.

³² Там же. – С. 15.

³³ Там же.

³⁴ Там же. – С. 16.

³⁵ Там же. – С. 13, 14, 17.

³⁶ Там же. – С. 21.

³⁷ По невнимательности автор пропустил Центральную Азию.

³⁸ Ким Г., Кинг Дж. Р. П. Указ. соч. – С. 25.

³⁹ Данные страницы посвящены обзору литературы, вышедшей в 1992–1994 гг. Не понятно, почему автор по-прежнему её именуется «советской литературой».

⁴⁰ Ким Г. Корейцы за рубежом: прошлое, настоящее и будущее (Историография и библиография). – Алматы, 1995. – С. 152.

⁴¹ Белая книга. О депортации корейского населения России в 30–40-х годах. Книга первая. Авторы-сост. Ли У Хе, Ким Ен Ун. – М.: Интерпракс, 1992; Ким Б. Корейцы Узбекистана. Кто есть кто. Справочное издание. – Т., 1999; Ким В. Туманган – пограничная река. – Т., 1994; Ким П. Г. Корейцы Республики Узбекистан: История и современность. – Т., 1993; Корейцы Казахстана. / Сост. Г. Кан. – Алматы, 1994; Советские корейцы Казахстана: Энциклопедический справочник / Сост. Д. В. Мен и др. – Алма-Ата, 1992; Пак Б. Д. Корейцы в Российской империи. – М., 1993.

⁴² Ким Г. Корейцы за рубежом: прошлое, настоящее и будущее... – С. 160–161.

⁴³ Ким Г. Новая литература о Корё сарам // Известия корееведения Казахстана. Вып. 2. – Алматы, 1997. – С. 24–39; Kim G. New Books on Koryo Saram // Известия корееведения Казахстана. Вып. 3. – Алматы, 1998. – С. 127–142.

⁴⁴ Данные источники даются по библиографическому указателю: Ем Н. Б. К проблеме национально-смешанных браков (по результатам актовых записей горархива ЗАГС г. Алматы) // Известия корееведения Казахстана. Вып. 2. – Алматы, 1997; Кан Г. В. История корейцев Казахстана. – Алматы, 1995; Кан Г. В., Ан В. И., Ким Г. Н., Мен Д. В. Корейцы Казахстана. Иллюстрированная история. – Сеул, 1997; Ким В. Эшелон–58. – Т., 1995; Ким Г. М. К вопросу о социальной психологии преобладающего большинства корейского населения в годы тоталитарного режима // News

on Korean Studies in Kazakstan and Central Asia. Vol. 4. – Almaty–Helsinki. № 3, 1993; *Она же*. Об изучении состояния религиозности корейского населения г. Алматы // Известия НАН Республики Казахстан. Серия общественных наук. № 6, 1995; *Она же*. Глоссалия как элемент культовой практики в корейской пресвитерианской харизматической церкви // Известия корееведения Казахстана. Вып. 3. – Алматы, 1998; *Ким Г. Н., Кинг Дж. Р. П.* История, культура и язык корё сарам (Историография и библиография). – Алматы, 1993; *Ким О. Г.* Мировые идеи в корейских и русских паремиях: философский анализ. – Алматы, 1994; *Пак Б. Д.* Корейцы в Советской России (1917 – конец 1930 гг.). – Иркутск, 1995; *Пак Н. С.* Тенденции развития Корё мар // Известия НАН Республики Казахстан. Серия общественных наук. № 6. 1995; Книга памяти. Архивные списки депортированных российских корейцев в 1937 г. Ч. 1. – М., 1997; *Ковжасарова Ж. У.* Корейцы в Прикаспии. – Алматы, 1997; *Мин Л. В.* Семейные традиции и обычаи корейцев, проживающих в Казахстане. – Алма-Ата, 1992; *Тен В. А.* Начальные страницы истории кустанайских корейцев. – Кустанай, 1994; *Хан Г. Б.* Прошлое и настоящее корейцев Казахстана. – Алматы, 1997.

⁴⁵ *Пак Хван.* История национального движения России. – Сеул, 1995; *Квон Хи Ёнг.* Корейцы СНГ. – Сеул, 1996; *Ким П., Банг Сан Хен.* История переселения советских корейцев. – Сеул, 1994; *Ким Тхэк, Кан Енг Квон.* Полководец Хом Бом До. – Сеул, 1996.

⁴⁶ *Ким Г.* Новая литература о Корё сарам. – С. 27-28.

⁴⁷ Там же. – С. 26.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ *Ким Г.* Корё сарам: Историография и библиография. – Алматы, 2000. – С. 31.

⁵⁰ Деление на «зарубежную литературу» и «литературу на корейском языке» в библиографии не совсем понятно, так как публикации, написанные корейскими авторами, также относятся к зарубежной литературе. Кроме того, в историографической части корейские авторы вошли в подраздел «Зарубежная литература». Деление зарубежной литературы было бы более последовательным, если бы было проведено на основе либо языкового, либо регионального принципов.

⁵¹ В данный список включена 21 работа советских/постсоветских авторов (Кан Георгий, Ким Анатолий, Ким Герман, Ким Олег, Ким Пётр, Ким Сын Ха, Ли Владимир, Ом Виктор, Цой Евгений, Югай Герасим), опубликованная на корейском языке.

⁵² *Ким Г.* Корё сарам: Историография и библиография. – С. 17, 127.

⁵³ Там же. – С. 38.

⁵⁴ Там же. – С. 179.

⁵⁵ Там же. – С. 12, 13, 15, 16, 17, 20 и др.

⁵⁶ Там же. – С. 39-40.

⁵⁷ См.: *Li (Lee) Vladimir F.* Prospects and Source Materials for Studies of the Korean Ethnic Minority in the Soviet Union // *Korea Journal*. Vol. 30. No 11, 1990.

⁵⁸ *Хан М. М.* Этно-региональные особенности ценностных ориентаций личности: Автореф. дисс... канд. социол. н. – Алматы, 1993. – С. 6.

⁵⁹ *Кан Г. В.* История корейцев Казахстана. – Алматы, 1995. – С. 8.

⁶⁰ Там же. – С. 8-9.

⁶¹ Там же. – С. 9.

⁶² Там же.

§ 4. Развитие и состояние историографических исследований по корейцам Центральной Азии. Вторая стадия (2002 г. – по настоящее время)

После работ Г. Н. Кима историография изучения корё сарам развивалась в двух направлениях. *Первое* направление продолжало оставаться в рамках количественно-описательной парадигмы, прежде всего в диссертациях казахстанских учёных. *Другое* же направление характеризуется появлением *тематических* разработок, выполненных в *аналитическом* ключе, что и даёт основание выделить вторую стадию.

К *первому* направлению относятся работы с достаточным ссылочным аппаратом, но с минимальным анализом и одним/двумя краткими выводами; большую часть содержания этих работ составляют тезисные предметно-тематические констатации, где последние представляют собой перефразированные названия упоминаемых работ; зачастую фамилии и работы даются просто через запятую, без какого-либо анализа.

В ряде диссертаций казахстанских учёных (Ан Р. К., Ем Н. Б., Пак Н. С.) даётся достаточно большой перечень персоналий и ссылок, с диверсификацией направлений исследований. Например, Ан Р. К. в соответствующем разделе приводит 48 имён учёных и даёт ссылки на 71 произведение. Однако все персоналии даются опять же в констатационном ключе и зачастую просто через запятую, как мы это видели в работах В. Цоя, М. Савурова и ранних публикациях Г. Кима. Например: «Исследователем по этнографии корейцев Казахстана является Р. Ш. Джарылгасинова. Работой по истории корейцев Казахстана в советский период является диссертация Г. Н. Кима "Социально-культурное развитие корейцев Казахстана (1946-1966 гг.)". Культурное развитие корейского народа представлено в работах Тен Чу,

И. Кима. Лингвистические и социолингвистические исследования современного корейского языка нашли отражение в работах М. А. Хегая, С. Н. Жетписова, С. Ю. Сон»¹. Или: «Зарубежные исследователи Дж. Гинсбург, Дж. Р. П. Кинг, Дж. Стефан опубликовали целый ряд работ, посвящённых различным аспектам развития советских корейцев (следуют наименования работ – В. Х.). Большой интерес к данной теме проявляют учёные Республики Корея, что нашло отражение в работах (следуют наименования работ – В. Х.). Вопросами межнациональных отношений занимаются российские учёные Абдулатипов Р. Г., Губогло М. Н., Тишков В. А. и др.»². И дальше – в том же ключе.

Какие-либо аналитические суждения и оценки по поводу приведённых авторов и их работ отсутствуют. В тексте имеется лишь одна историографическая оценка и та неверная. Так, автор пишет: «...Мы можем отметить своеобразную традицию советской литературы по истории корейцев Казахстана. Характерной её чертой было сосредоточение основного внимания исследователей на изучении *сельскохозяйственной деятельности* (курсив наш – В. Х.) корейского населения»³. И даётся ссылка на две работы: 1) Цой З. П. Основные приёмы возделывания риса в Казахстане (Аналитический обзор). – Алма-Ата, 1975; и 2) Кан Тю Хан. Наш опыт выращивания высоких урожаев картофеля и овощей. – Алма-Ата, 1954. Две работы, причём небольшие, – не показатель. А куда девать десятки работ по материальной культуре, образу жизни, обрядности, языку и другим аспектам жизни корейцев, приводимые самим же автором?

Несмотря на то, что историографический раздел Р. К. Ан состоит лишь из констатаций, по сути перефразированными названиями упоминаемых работ, тем не менее и они содержат ошибки и неточности. Например, говоря о том, что «исследователем по этнографии корейцев Казахстана является Р. Ш. Джарылгасинова», автор даёт ссылку на её работу

«Древние когурёсцы» 1972 года⁴. А какое отношение древнекорейское царство Когурё (37 г. до н.э. – 668 г. н.э.) имеет к этнографии корейцев Казахстана? Или у Р. Ш. Джарылгасиновой нет работ с соответствующей тематикой?⁵ Кроме того, Р. Ш. Джарылгасинова – эксперт по этнографии корейцев Центральной Азии в целом, а не только Казахстана. А если быть более точным, то её работы большей частью основаны на полевых исследованиях в Узбекистане.

Далее автор пишет: «Книга Г. Н. Кима и Дж. Р. П. Кинга "История, культура и язык корё сарам" является историографическим обзором литературы, посвящённой истории и культуре советских корейцев»⁶. И снова досадные неточности. Названная книга посвящена не советским корейцам, а корё сарам, поскольку включает в себя литературу о корейцах на дореволюционном российском Дальнем Востоке. Кроме того, её нельзя называть историографическим обзором, поскольку сам по себе обзор занимает небольшую часть книги – большую часть занимает библиография. Поэтому книга имеет подзаголовок «Историография и библиография».

В разделе о степени разработанности проблемы в диссертационной работе *Ем Н. Б.* «Межнациональные браки корейцев Казахстана в 30–90-е годы XX века (историко-демографический аспект)» также представлен внушительный список авторов (97) и их произведений (79). Как и в предыдущем случае, этот раздел носит характер констатаций. В той части, которая касается корейцев, упоминается множество работ в области истории (дальневосточный период, депортация), социолингвистики, просвещения и другие, имеющих далёкое отношение к теме диссертации. Но это связано прежде всего с тем, что тема межнациональных браков среди корё сарам практически не разработана, что обусловило бедность прямых ссылок.

По самой теме диссертации автор даёт две ссылки: 1) на

статью В. П. Левковича и Л. В. Мина, и книгу Л. В. Мина, и 2) книгу Г. Н. Кима и Д. В. Мена⁷. Говоря о статье, Н. Б. Ем лишь констатирует, что в ней изучаются «аспекты, касающиеся этнического самосознания подростков в межнациональных семьях»⁸. Что касается книги Л. В. Мина, автор не даёт к ней никаких комментариев, хотя в данной работе присутствует материал, имеющий непосредственное отношение к теме диссертации: результаты анкетирования и интервью в корейских и корейско-смешанных семьях.

Относительно второй ссылки, Н. Б. Ем пишет следующее: «Монография Г. Н. Кима "История и культура корейцев Казахстана", написанная им в соавторстве с Д. В. Менем, является одной из первых работ, в которой затрагивается проблема межнациональных браков корейцев»⁹. Книга вышла в 1995 г. А если быть точным, то впервые вопрос о межнациональных браках был поднят Г. Кимом ещё в 1989 г. Именно этот материал полностью (с небольшим добавлением) и вошёл в книгу «История и культура корейцев Казахстана»¹⁰.

Как уже отмечалось, тема межнациональных браков среди корё сарам практически не разработана. В этой ситуации каждая публикация на данную тему имеет принципиальное значение. Поэтому странно, что в историографии вопроса Н. Б. Ем не указывает другие работы Г. Н. Кима, имеющие непосредственное отношение к теме межнациональных браков¹¹. Трудно предположить, что она их не знала, поскольку Г. Н. Ким был её научным руководителем. Также обойдена вниманием книга Г. Н. Ли «Семейные устои корейцев Корё сарам», где также поднимается вопрос о межнациональных браках¹².

Историографическая часть (правда, она не выделена в самостоятельный раздел) докторской диссертации Н. С. Пак также в основном носит характер констатаций. Однако нельзя не отметить, что в ней есть ряд тезисов, обладающих новизной, авторским видением и имеющих значение для ко-

рееведческой историографии. Выводы касаются кандидатской диссертации О. М. Ким, являющейся первой работой по речи советских корейцев, монографии южнокорейского учёного Квак Чхун Гу и состояния исследований в области *корё мар* – языка корё сарам.

Во-первых, автор отмечает, что «О. М. Ким не обратила внимания на различия, существующие в языке советских корейцев»¹³, а именно на разницу между диалектами менчхон и юкчин. Таким образом, Н. С. Пак ставит вопрос о недифференцированном подходе к корё мар на первых стадиях его изучения.

Во-вторых, начало активного изучения корейского языка, функционирующего на территории СНГ, Н. С. Пак связывает с именем Квак Чхун Гу (а не Росса Кинга).

И, в-третьих, по состоянию на 2004 год она формулирует вывод о том, что «до сих пор нет полного описания ни диалекта юкчин, ни тем более корё мар»¹⁴.

Несмотря на краткость формулируемых тезисов, присутствующая в них оценочная характеристика имеет для историографии большее значение, чем простое перечисление авторов и их публикаций, даже если оно занимает несколько страниц.

К этой группе советских/постсоветских работ примыкают историографические разделы диссертаций южнокорейских учёных, в которых источники по корё сарам и их анализ также сведены к минимуму (Пэк Тхе Хён, Сим Хон Ёнг). Включение в эту же группу историографических разделов диссертаций южнокорейских учёных оправдано тем, что эти работы выполнены в вузах и научно-исследовательских институтах СНГ, т.е. в определённой (советской/постсоветской) академической традиции.

С точки зрения Пэк Тхе Хёна, до возникновения суверенных государств Центральной Азии история и культура корейцев не являлись объектом специальных научных исследова-

дований, а отдельные эпизоды их истории, образа жизни и ведения хозяйства изучались отрывочно и бессистемно. Данное замечание верно по отношению к «кобонди», теме диссертации Пэк Тхе Хёна, но оно абсолютно не верно по отношению к изучению корё сарам в целом. Об этом говорит перечень источников, на которые опирается южнокорейский исследователь.

Во-первых, свой вывод автор обосновывает тем, что корейцы редко упоминаются, а чаще даже не упоминаются в следующих работах:

– Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. – М., 1988;

– Материалы по истории народов Узбекистана. – Самарканд, 1960;

– Трапезников Г. Е. Расцвет и взаимовлияние национальных культур республик Средней Азии (1959-1972 гг.). – Фрунзе, 1966;

– Трудящиеся Советского Кыргызстана в борьбе за создание материально-технической базы. – Фрунзе, 1974.

Конечно же, сама подборка этих источников, с точки зрения поиска в них данных о корейцах, выглядит довольно странно. Их названия говорят сами за себя. Первые две книги вообще не связаны с XX веком и обращены к этнической истории коренных народов региона. Работа Г. Е. Трапезникова также связана с развитием культур коренных народов Средней Азии, а не культур национальных меньшинств. Что касается последнего издания, то оно вообще лишено этнической окраски.

Во-вторых, источники по корё сарам, на которые опирается Пэк Тхе Хен, также не репрезентативны, что приводит автора к выводу об их фрагментарности и бессистемности. Это публикации в журнале «Литературный Киргизстан», газетах «Эркин Тоо», «Республика», «Слово Кыргызстана», «Правда» и «Литературная газета»¹⁵. За рамками историо-

графического рассмотрения автора остались десятки академических статей, монографий и диссертационных исследований о корё сарам. Если говорить собственно о теме «кобонди», то при всей её неразработанности всё же имеется ряд работ на русском, английском и корейском языках, в которых эта тема затрагивается и которые остались вне поля зрения автора¹⁶. Вызывает удивление, что Пэк Тхе Хен не упоминает книгу Г. Н. Ли «Кобонди»¹⁷, вышедшую в Бишкеке – городе, где автор писал свою диссертацию.

Говоря об историографической части диссертации «Корейский этнос в системе межнациональных отношений СССР» Сим Хон Ёнга, сразу отметим несбалансированность источников по национальной политике в целом и по корейцам, в частности. Если в первом случае мы имеем около 50 источников с концептуальным и достаточно детальным их анализом, то по корейцам дано лишь 12 источников (авторы – Бугай Н. Ф., Ким С., Ким Сын Хва, Коларз В., Ко Сонг Му, Люшков Г. С. и Пак Б. Д.), три из которых даны через запятую в общих ссылках по национальной политике. Остальные даются больше в форме констатаций, без детального анализа. Причём и эти констатации по большей части неверны. Так, давая ссылку на работы Ким Сын Хва, Ко Сонг Му и Б. Д. Пака, автор пишет: «Появились публикации, посвящённые истории корейцев в целом, но ограниченные рамками до 1937 г. Хотя авторы не затрагивают факты принудительного переселения корейцев, но тем не менее накопленные ими результаты составляют прочную основу для дальнейшего глубокого и всестороннего изучения проблемы»¹⁸. Здесь сформулировано три тезиса, два из которых неверны. Во-первых, монография Ко Сонг Му не ограничена 1937 г., в ней представлена история корейцев с 60-х годов XIX в. вплоть до 1986 г. И, во-вторых, только Ким Сын Хва, по понятным причинам, поскольку его работа была написана в 1965 г., не трактовал переселение 1937 г. как

принудительную депортацию. После начала перестройки такая трактовка становится повсеместной.

В докторской диссертации Г. Н. Кима «История иммиграции корейцев (вторая половина XIX в. – 1945 г.)» историографическая часть выделена в отдельную главу «Методология, историография и источники проблемы». В ней даётся обширный обзор историографии по истории миграции корейцев в Россию, Европу, США, Китай, Японию, Кубу и т.д. В интересующей нас части автор вводит ссылки на новые работы (Бок Зи Коу, Кан Г. В., Ким Г. Н., Ковжасарова Ж. У., Ли В. Ф., Мен Д. В., Пак Б. Д., Пак М. Н., Тэн В. С., Хан Г. Б.) и сборники архивных документов, появившиеся в 90-е годы. К сожалению, Г. Н. Ким продолжает оставаться в рамках количественно-описательной парадигмы, как и в прежних своих работах. Многие фамилии исследователей лишь перечисляются через запятую, а сами работы характеризуются весьма кратко и описательно. Обратим также внимание на замечание автора о том, что правомочно говорить об отечественной историографии проблемы с появлением суверенного государства – Республики Казахстан¹⁹. Соглашаясь с тезисом о новой ступени в историографии корё сарам в связи с распадом СССР, отметим лишь, что речь идёт не только о Казахстане.

Как мы уже отмечали, собственное содержание *второй стадии* составляют не работы, выполненные в количественно-описательной парадигме (первое направление), а тематические разработки в аналитическом ключе (второе направление).

В 1999 г. в альманахе «Российское корееведение» выходит историографическая статья известного советского, российского корееведа Р. Ш. Джарылгасиновой «Российское (советское) этнографическое корееведение»²⁰. Статья посвящается этнографическому корееведению в целом. Однако в ней есть подраздел «Этнографическое изучение корейцев России,

СССР и СНГ». Сам подраздел небольшой – две с небольшим страницы, однако в нём присутствуют важные для историографии идеи. Во-первых, автор начинает с того, что изучение культуры и быта российских (советских) корейцев «тесно связано с традициями дореволюционной русской этнографической науки», указывая на работы Н. М. Пржевальского, М. Пуцилло, П. И. Кафарова (Палладия), Н. В. Кириллова, а также на исследования В. К. Арсеньева и Н. В. Кюнера 20–30-х гг., в центре которых были «особенности хозяйственной деятельности, культуры и быта корейцев, проживавших на советском Дальнем Востоке»²¹. Это замечание представляется важным. В существующих этнографических работах имеет место перескок с описания традиционной корейской культуры, бытовавшей на Корейском полуострове, на современную культуру советских/постсоветских корейцев, минуя такое промежуточное и транзитное звено, как культура корейских переселенцев на российском Дальнем Востоке.

Говоря о первых работах после переселения корейцев в 1937 г. с Дальнего Востока в Среднюю Азию и Казахстан (антропологические работы М. Г. Левина и Г. Ф. Дебеца, а также этнографические работы самого автора и Ю. В. Ионовой), Р. Ш. Джарылгасинова пишет: «Так, советскими антропологами и этнографами была прервана научная информационная блокада, существовавшая в отношении советских корейцев»²². Учитывая, что автор была действующим учёным того времени и участником указанного прорыва, наличие упомянутой «научной информационной блокады» может быть новым и интересным направлением в историографии корееведческой диаспорологии²³.

Указывая на подъём национального самосознания российских/советских корейцев в конце 1980-х гг., автор пишет, что в этот период «начинается новый этап в изучении их истории, культуры, этнографии»²⁴, датируя его годами перестройки, а не с момента распада СССР (Г. Н. Ким), что

в последующим будет воспринято и другими исследователями (М. Д. Теном, В. С. Ханом).

Р. Ш. Джарылгасинова также пишет, что на новом этапе «возрастает роль архивных источников как хранителей народной памяти»²⁵, впервые ставя вопрос о роли архивных документов в этнографии корё сарам.

Несмотря на весьма маленький объём подраздела, он содержит ряд ценных идей, которые могут стать темами будущих исследований, что говорит о высоком уровне авторского историографического мышления. Поэтому этот подраздел можно обозначить как исходный пункт нового – тематического – историографического осмысления в изучении корейцев Евразии.

В 2000-е годы к историографии корё сарам обращается ряд российских исследователей (Н. Ф. Бугай, Е. Фаттахова)²⁶. Их работы затрагивают прежде всего российских корейцев, но отчасти затрагивается и тема корейцев Центральной Азии. В частности, Н. Бугай рассматривает статью «Корейское международное сообщество: утопия или перспектива?» автора настоящей книги и даёт ей высокую оценку²⁷.

Если говорить о диссертационных исследованиях, то впервые историографическая часть в изучении корё сарам выделена в отдельный параграф в диссертации южнокорейской исследовательницы Дё Юн Хи, выполнившей свою работу и защитившейся в Институте языка и литературы АН Республики Узбекистан в 2002 г. Сам параграф называется «К истории изучения языковой ситуации корейцев Узбекистана». И хотя количество ссылок в параграфе небольшое, его отличает аналитический подход к литературе.

Поскольку диссертация написана по социолингвистике, автора интересует, прежде всего, данный аспект. Дё Юн Хи выделяет два основных этапа в изучении языковой ситуации корейцев Узбекистана. *Первый этап* – 50–60-е годы XX в. – направлен на изучение билингвизма корейцев и

имел либо чисто лингвистический, либо лингводидактический характер (работы М. А. Хегая, О. М. Ким, Ким Сын Хва, Р. Ш. Джарылгасиновой). На данном этапе социологические аспекты ещё не затрагиваются. Они начинают рассматриваться на втором этапе – в 80–90-е годы. В рамках этого этапа автор выделяет два направления. Первое направление, или «взгляд извне» (работы Ко Сонг Му и Росса Кинга), в свою очередь, распадается на два направления: 1) изучение диалектной базы корейского языка советских корейцев, и 2) изучение политико-социологических воздействий, связанных с депортацией. Второе направление, или «взгляд изнутри» (работы И. Г. Югая, Л. Ким, Г. Кима, Ким Мен Гира, Хо Сынг Чола, Юн Ин Джина) связано с попытками рассмотреть языковую ситуацию как самостоятельный предмет исследования, обладающий собственной структурой, генезисом и определёнными закономерностями функционирования.

Говоря о предшествующих работах, Дё Юн Хи считает, что все они имеют общую черту: «Описывая языковую жизнь корейцев Узбекистана, все её исследователи, вне зависимости от направления, к которому они принадлежат, а также времени и тематики конкретной работы, всегда выстраивали это описание вокруг депортации как события, определяющего и языковую ситуацию, и, фактически, все другие стороны языкового существования корейцев Узбекистана, начиная с 1937 г. и до последнего десятилетия XX века»²⁸. Автор предлагает иной подход, а именно – рассмотрение языковой ситуации корейцев Узбекистана в более широком контексте «языковой ситуации малой этнической группы, оторванной от исконных мест расселения», поскольку данные ситуации имеют общие механизмы, независимо от причин данной оторванности.

Если работа Р. Ш. Джарылгасиновой интересна постановкой интересных идей в широком контексте корееведче-

ской диаспорологии, то диссертация Дё Юн Хи представляет собой *первый опыт историографической систематизации* в рамках конкретного тематического направления.

Уже простейший подсчёт источников в историографическом разделе диссертации *Джанг Джун Хи* говорит о его скрупулезной проработанности: 27 источников – о происхождении похоронно-поминальных обрядов и их особенностях у различных народов; 19 источников – о традиционных похоронно-поминальных обрядах в Корее; 44 источника – об истории и культуре корё сарам в целом; и 4 источника (Ким Б. И., Ли Г. Н., Мин Л. В., Хван Л. Б.)²⁹, в которых поднимается вопрос о похоронно-поминальных обрядах корё сарам.

Джанг Джун Хи не только даёт общую характеристику последних источников, но и рассматривает вклад каждого из авторов в изучаемую проблему. Так, он пишет, что Б. И. Ким «сумел подметить... упрощение похоронно-поминальной обрядности, внесение в неё корректив, обусловленных условиями проживания в Узбекистане», а Л. В. Мин вводит понятие «четвёртого стола» и обращает внимание на вариации похоронной обрядности в разных районах³⁰. Автор справедливо подвергает критике Л. Б. Хван за экстраполяцию обычая приглашать протестантского пастора на всю корейскую общину и Г. Н. Ли за категоричность его предписаний относительно похоронных обрядов³¹. Общий же вывод относительно степени изученности темы похоронно-поминальных обрядов корё сарам автор формулирует так: «...Основная масса имеющегося материала либо относится к обрядности Кореи, но не корейской диаспоры, либо носит публицистический, а порой и дилетантский и недостоверный характер»³².

Важным шагом в историографии корейцев Центральной Азии стала диссертация М. Д. Тена «Формирование, развитие и трансформация этнокультурной идентичности

корейцев Узбекистана», защищённая в Ташкенте в 2011 г. В ней диссертант даёт следующую хронологию историографии в этой области: 1) конец XIX в. – 1917 г.; 2) 1917–1937 гг.; 3) 1937 г. – середина 1950-х гг.; 4) середина 1950-х – середина 1980-х гг.; 5) середина 1980-х гг. – по настоящее время. Это первая детальная и научно обоснованная периодизация истории изучения корё сарам, исходящая не из известного шаблона (досоветский, советский и постсоветский периоды), а из внутренней логики развития корееведческой диаспорологии. Внешний (политический) фактор перестаёт быть единственным.

Хронология историографии корё сарам у М. Д. Тена выглядит следующим образом.

Конец XIX в. – 1917 г. – период этнографических и экономических исследований корейцев в Российской империи, характеризующийся работами, имеющими преимущественно политико-экономическую направленность и выражавшими соответствующие интересы российского государства. Как известно, российские власти постоянно взвешивали необходимость и пользу заселения Дальнего Востока России корейцами и во многом опирались на специальные исследования по этому вопросу. «Госзаказ» таких исследований предопределил и то, что чаще всего их проводили лица, связанные с государственным управлением, военные и чиновники.

В числе первых исследователей были Н. А. Насекин, В. Д. Песоцкий, В. В. Граве, Н. В. Кюнер, С. Д. Меркулов, А. Я. Максимов и др., занимавшиеся сбором этнографического материала среди корейских поселений в крае для государственных нужд.

1917–1937 гг. – период ранних советских публикаций по истории корё сарам в Дальневосточном крае (ДВК), где и проживали советские корейцы. Данный этап характеризуется общим развитием национальной культуры корей-

цев в ДВК, развивается национальное образование. И здесь М. Д. Тен выделяет два направления исследований.

Первое связано с аннексией Кореи Японией в 1910 г. и появлением публикаций в периодической печати, посвящённых борьбе корейцев с японским колониализмом (В. Д. Виленский-Сибиряков, И. Гоженский, Н. К. Илюхов и М. В. Титов, З. Г. Карпенко, Нам Манчун).

Другим направлением были работы, посвящённые жизни советских корейцев в ДВК. Отчасти это были этнографические исследования (В. К. Арсеньев, С. А. Аносов). В основной части трудов тех лет акцент делался на успехах социалистического строительства, экономическом развитии корейских колхозов, работе корейских трудящихся и их вкладе в укрепление государства (А. Н. Петров, Али Закир, В. И. Володин).

1937 г. – середина 1950-х гг. – период фактического отсутствия корееведческих работ, что было связано с тем, что корейцы, заочно обвинённые в шпионаже в пользу Японии, стали избегаемым объектом в научных исследованиях того периода.

Другой причиной являлся сам факт депортации корейцев, в результате чего объект исследований переместился в другой регион страны. Это затруднило дальнейшую работу корееведам, жившим на Дальнем Востоке. Кроме того, происходит смена поколений исследователей, в результате чего наблюдается поколенный пробел среди корееведов. Старое поколение уходило, а новое ещё не успело оформиться.

Объективной причиной, препятствовавшей исследованиям в области корееведения, стала Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Бюджет науки в стране был урезан, а те исследования, которые проводились, служили задачам военного времени. Корейцы не являлись стратегическим объектом научных исследований в период войны. Среди немногих работ в тот период следует выделить исследования

М. Г. Левина, изучавшего антропологический тип советских корейцев.

Середина 1950-х – середина 1980-х гг. – период возрождения и развития корееведения. В эти годы впервые появляются академические исследования, заметную роль начинают играть профессиональные учёные-историки. Зарождается целый ряд важных направлений в корееведении, М. Д. Тен называет следующие:

– История корё сарам (Ким Сын Хва, П. Н. Ким).

– Военная тематика (С. А. Хан, М. Т. Ким, М. И. Гебульман, М. Н. Пак, М. Н. Хан, П. П. Постышев, Н. А. Попов, Б. Д. Пак, И. И. Бабичев, С. А. Цыпкин, С. Ш. Хаскина); в отличие от работ 1920-30-х гг., в число авторов вошли и непосредственные участники событий прошлых лет, и, как считает М. Тен, в их публикациях жизнь советских корейцев в Приморье была сильно идеализирована.

– Филология. В 1960-80-е гг. заметной сферой исследований стала лингвистика (М. А. Хегай, Л. Г. Скалзуб, И. Д. Скорбатюк). В 1964 г. была защищена первая диссертация – работа О. М. Ким «Особенности русской речи корейцев Узбекской ССР (фонетико-морфологический очерк)».

Переводами произведений известных корейских поэтов занимались П. А. Пак Ир совместно с А. Л. Жовтисом. Корейские народные сказки также становятся предметом изучения (В. П. Пак). В 1970-80-х гг. И. Г. Югай проводит исследования по социолингвистике, в которых впервые применил методику социологических исследований при изучении языковых процессов в среде корё сарам.

– Этнография – изучение материальной и духовной культуры корейцев Казахстана и Средней Азии (Р. Ш. Джарылгасинова, Ю. В. Ионова). Как отмечает М. Тен, при всей важности проведённых исследований этнографические работы тех лет характеризуются своей однотипностью и описательностью. В них в основном приводятся общие сведения

об основных занятиях, жилище, семейном быте, обрядах, антропонимических процессах в среде советских корейцев, и в целом эти работы носят описательный характер.

– Экономическая жизнь корё сарам – тема экономических успехов корейских тружеников, их вклада в «общее дело строительства коммунизма» (А. Б. Тен, Н. Е. Омелин, П. Г. Ким, Хван Ман Гым, Ким Пен Хва и др.).

– Культурная жизнь корё сарам – история формирования жанров традиционных корейских народных песен корейцев в Казахстане (Тен Чу) и история развития корейского театра (И. Ф. Ким).

Середина 1980-х гг. – по настоящее время. М. Тен отмечает публикационный бум в этот период, связанный с перестройкой и демократизацией советского общества, что дало возможность высказывать мнения по темам, ранее находившимся под запретом.

С конца 1980-х гг. заметно активизируются исследователи и творческие люди: писатели, драматурги, поэты и художники, связавшие свой интерес с историей и культурой корё сарам.

В начале 1990-х гг. к развитию корееведения в странах СНГ подключилось правительство Республики Корея, различные корейские общественные организации и фонды. Финансовая поддержка таких исследований привела к массовому притоку в сферу корееведения учёных разных областей знаний, а вместе с ними и тех, кто ранее не был связан с наукой. При этом резкий рост количества трудов по тем или иным сторонам жизни корё сарам не всегда означал рост качества работ. Коммерциализация корееведения в странах СНГ привела к появлению многочисленных «учёных», не обладавших должными для исследований навыками и специализацией.

М. Д. Тен перечисляет большое количество работ, опубликованных в данный период. Он обращает внимание на развитие *источниковедения*: 1) сбора архивных материалов;

2) справочной литературы; 3) воспоминаний, мемуаров. Исследователь указывает также на наличие *белых пятен* в истории корё сарам: например, *депортация и трудовая армия*³³.

Поскольку диссертация не является историографической, все направления, авторы и их публикации даются через перечисление, без какого-либо анализа. Кроме того, в предложенной М. Теном периодизации смешиваются работы как о российских корейцах, так и о собственно корейцах Центральной Азии, что не позволяет выделить чистые историографические линии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ан Р. К. Социально-экономическое развитие корейцев в Семиречье (1937–2003 гг. Исторический аспект). Автореф. дисс... канд. истор. н. – Алматы, 2004. – С. 4-5.

² Там же. – С. 5.

³ Там же. – С. 4.

⁴ Там же. – С. 27.

⁵ См.: *Джарылгасинова Р. Ш.* Культура и быт корейцев совхоза «Раушан» Кунградского района Кара-Калпакской АССР // Краткие сообщения Института этнографии». Том XXXV, 1960; *Она же:* К вопросу о культурном сближении корейцев Узбекской ССР с соседними народами // Советская этнография». № 5, 1966; Традиционное и новое в семейной обрядности корейцев Средней Азии // Археология и этнография Средней Азии. – М., 1968; Антропонимические процессы у корейцев Средней Азии и Казахстана // Личные имена в прошлом, настоящем и будущем. Проблемы антропонимики. – М., 1970; Новое в культуре и быту корейцев Средней Азии и Казахстана (на примере сельского населения) // Советская этнография. № 6, 1977; К характеристике современной антропонимической модели корейцев, проживающих в сельских районах Узбекской ССР // Ономастика Средней Азии. – М., 1978; Основные тенденции этнических процессов у корейцев Средней Азии и Казахстана // Этнические процессы у национальных групп Средней Азии и Казахстана. – М., 1980.

⁶ Ан Р. К. Социально-экономическое развитие корейцев в Семиречье (1937–2003 гг. Исторический аспект). Автореф. дисс... канд. истор. н. – Алматы, 2004. – С. 5.

⁷ Мин Л. В. Семейные традиции и обычаи корейцев, проживающих в Казахстане. – Алма-Ата, 1992; Левкович В. П., Мин Л. В. Особенности сохранения этнического самосознания корейских переселенцев Казахстана // Психологический журнал. № 6, 1996; Ким Г. Н., Мен Д. В. История и культура корейцев Казахстана. – Алматы, 1995.

⁸ Ем Н. Б. Межнациональные браки корейцев Казахстана в 30–90-е годы XX века (историко-демографический аспект). Автореф. дисс... канд. истор. наук. – Алматы, 2004. – С. 4.

⁹ Там же.

¹⁰ См.: Ким Г. Н. Социально-культурное развитие корейцев Казахстана. Научно-аналитический обзор. – Алма-Ата, 1989. – С. 57-58; Ким Г. Н., Мен Д. В. История и культура корейцев Казахстана. – Алматы, 1995. – С. 24-25.

¹¹ Ким Г. Н. Межнациональные браки среди корейцев г. Алматы // Материалы международной конференции. – Тэгу: Университет Кемёнг, 1998; Ким Г. Н. Межэтнические браки среди корейского населения г. Алматы, Казахстан // Korea Forum. (Osnabruock). No. 1, 1999. – С. 39-41.

¹² Ли Г. Н. Семейные устои корейцев Корё сарам. – Бишкек, 2002.

¹³ Пак Н. С. Проблема исчезновения миноритарных языков. Автореф. дисс... докт. филол. н. – Алматы, 2004. – С. 4-5.

¹⁴ Там же. – С. 5.

¹⁵ Ан Р. Ы. Мы частица великого народа // Эркин Тоо, 17 февраля 1969 г.; Изменится ли судьба советских корейцев // Правда, 13 ноября 1990 г.; Логинов М. Третья Корея (проблемы советских корейцев) // Литературная газета, 4 декабря 1991 г.; Мун В. С. Национальной деградации корейцев может противостоять только сплочённость // Республика, 20 марта 1992 г.; Пак М., Югай Т. Когда корни подрублены // Слово Кыргызстана, 27 ноября 1991 г.

¹⁶ Kho Songtoo. Koreans in the Soviet Central Asia. Helsinki, 1987, pp. 76-78; Ким Б. Урины нутуё. – Сеул, 1989; Ким Б. Ветры наших судеб: Советские корейцы. История и современность. – Т., 1991; Ким Г. Н., Мен Д. В. История и культура корейцев Казахстана. – Алматы, 1995. – С. 133.

¹⁷ Ли Г. Н. Кобонди (Записки наблюдателя о любви корейцев к земле). – Бишкек, 2000.

¹⁸ Сим Хон Ёнг. Корейский этнос в системе межнациональных отношений СССР. Автореф. дисс... канд. полит. н. – М., 1998. – С. 9.

¹⁹ Ким Г. История иммиграции корейцев (вторая половина XIX в. – 1945 г.). Автореф. дисс... докт. истор. н. – Алматы, 1999. – С. 11.

²⁰ Джарылгасинова Р. Ш. Российское (советское) этнографическое корееведение // Российское корееведение. Альманах. Вып. 1. – М., 1999. – С. 46-71.

²¹ Там же. – С. 61-62.

²² Там же. – С. 62.

²³ Чуть позже эта мысль была подтверждена Н. Ф. Бугаеи, который писал: «упоминать что-либо о российских корейцах было запрещено. Всё это объяснялось пребыванием их как спецпереселенцев в Средней Азии и в Казахстане». – *Бугаи Н. Ф.* Корейское этническое меньшинство в российской историографии // *Вера и жизнь.* № 16. 1 января 2001 г. – С. 17.

²⁴ *Джарылгасинова Р. Ш.* Указ. соч. – С. 62.

²⁵ Там же.

²⁶ *Бугаи Н. Ф.* Проблема российских корейцев в социально-«географическом синтезе» (вопросы историографии). Часть 1 // *Известия корееведения в Центральной Азии.* № 4 (12), 2006. – С. 11-48; *Он же:* Корейцы СНГ: общественно-«географический синтез» (начало XXI века). – М.: Гриф и К, 2007; 150 лет добровольному переселению корейцев в Россию?: трансформации этнической общности (историография проблемы) // *Историческая и социально-образовательная мысль.* № 1 (23), 2014. – С. 16-27; *Фаттахова Е.* Вопросы корейской диаспоры в отечественной историографии 1990-х годов – начала XXI века // *Корейцы в России, радикальная трансформация и пути дальнейшего развития.* – М.: Первое марта, 2007. – С. 178-183.

²⁷ *Бугаи Н. Ф.* Корейцы СНГ: общественно-«географический синтез» (начало XXI века). – М.: Гриф и К, 2007. – С. 38.

²⁸ *Дё Юн Хи.* Языковая ситуация корейцев Узбекистана. Дисс... канд. филол. н. – Т., 2002. – С. 38.

²⁹ *Ким Б. И.* Ветры наших судеб. – Т., 1991. – С. 174-179; *Ли Г. Н.* Корейцы в Кыргызстане. – Бишкек, 1998. – С. 174-182; *Мин Л. В.* Семейные традиции и обычаи корейцев, проживающих в Казахстане. – Алма-Ата, 1992. – С. 41-64; *Хван Л. Б.* Корейцы Каракалпакстана: вчера и сегодня. – Нукус, 2004. – С. 44-45.

³⁰ *Джанг Джун Хи.* Похоронно-поминальные обычаи и обряды корейцев Узбекистана (на материалах Ташкентского вилоята). Автореф. дисс... канд. истор. н. – Т., 2006. – С. 9-10.

³¹ Там же. – С. 10.

³² Там же.

³³ *Тен М. Д.* Формирование, развитие и трансформация этнокультурной идентичности корейцев Узбекистана. Дисс... канд. истор. н. – Т., 2011. – С. 15-22.

Глава V. ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ ИЗУЧЕНИЯ КОРЕЙЦЕВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

После определённого перерыва, связанного с переселением корейцев (конечно, сама тема переселения была табуирована), начинается новый виток изучения жизни советских корейцев. И начинается он с освещения их хозяйствования. Во многом это было связано с тем, что на корейцев легли важные народнохозяйственные задачи – по освоению новых территорий, а также с тем, что корейцы в сложнейших условиях выживания и адаптации на новых местах добились столь высоких урожаев, включая культуры, с которыми они не были знакомы, что этот феномен требовал своего отдельного изучения.

§ 1. Освещение деятельности корейских сельскохозяйственных предприятий (колхозов, совхозов, опытных станций)

Сразу же после переселения корейцев в Узбекистан и Казахстан и в последующие годы появляется информация об их деятельности в местах вселения – это, прежде всего, справки и отчёты о деятельности корейских колхозов и корейских звеньев. И хотя это не специализированные научные исследования, из них можно почерпнуть информацию о корейских земледельческих коллективах.

Во второй главе уже говорилось, что в области сельского хозяйства перед советским государством стояла задача – свести к минимуму импорт риса и обеспечить потребности

центральноазиатского региона и европейской части СССР в этом продукте, в связи с чем в 1929 г. по приглашению наркома земледелия Казахстана в республику прибыли корейцы-рисоводы. Аналогичная потребность была и у наркомата земледелия Узбекистана, но из-за отсутствия средств на переселенческие мероприятия корейцы-рисоводы не смогли приехать в Узбекистан.

Самым ранним печатным изданием, проливающим свет на деятельность корейских рисоводов, являются агроуказания по культуре риса на 1941 год, вышедшие в том же году в Алма-Ате¹. В них, в частности, приводится пример деятельности Уштобинской МТС Каратальского района Алма-Атинской области – района, где в процессе переселения на землях бывшего Каратальского рисосовхоза было поселено 15 корейских рисовых колхозов². В брошюре указывается, что в 1935 г. средняя урожайность риса по республике была 18,4 ц/га, а в 1940 г. Уштобинская МТС с площади 3 604 га получила средний урожай риса по 35,6 ц/га. Колхоз «Достижение» этой же МТС с общей площади 210 га получил средний урожай по 58 ц, а звено Цой Галям этого колхоза с площади 3,75 га получило по 120 ц/га³. Издание отмечает, что высокие урожаи были получены не только корейскими звеньями⁴.

Конечно, в брошюре не говорится, что Каратальский рисосовхоз, созданный в 1929 г., к 1937 году стал нерентабельным (вследствие чего его руководство было обвинено во вредительстве) и освоил лишь 1 500 га, в то время как корейские колхозы за год засеяли 2 275 га рисом (не говоря о других культурах), что дало повод руководству республики планировать до 1940 года освоение 11 000 га под эту культуру⁵.

Наряду с косвенной информацией, позволяющей судить о работе корейских земледельцев, из справок и отчётов того времени можно почерпнуть и прямую информацию о них. Вот что, в частности, писал заведующий сельхозотделом

ЦК ВКП(б) Узбекистана в ЦК ВКП(б): «В колхозах основных районов вселения Ташкентской области отмечается высокое знание агротехнических приёмов возделывания культуры риса, в силу чего переселенческие корейские хозяйства на отдельных землях ... показали весьма высокую урожайность, достигнутую от 20 до 40, а отдельные бригады – 70 центнеров при высокой стоимости трудодня»⁶.

Собственно научные изыскания по корейским колхозам начинают проводиться с 1950-х гг. в связи с впечатляющими достижениями корейских земледельцев, которые оказались не разовыми, а своего рода феноменом, требующим своего изучения с целью последующей передачи прогрессивного опыта. Защищаются первые диссертации (кандидатские) по изучению опыта корейских колхозов, выходят монографии, научные и публицистические статьи, научно-популярные брошюры.

Первым академическим исследованием по деятельности корейских колхозов стала диссертация *Тена А. Б.* по экономике колхоза «Полярная звезда», защищённая в 1950 г.⁷ Во 2-й главе «История возникновения и развития колхоза» автор рассказывает о жизни крестьянства в Корее и царской России, о создании в 1930 г. в селе Липовка Михайловского района Дальневосточного края сельскохозяйственной артели «Полярная звезда» (её основателями были 70 корейских хозяйств), о достижениях колхоза до переселения.

«При освоении новых земель, – пишет автор о первых годах после переселения, – колхоз на первом этапе своей деятельности испытывал ряд трудностей. Не было ни хозяйственных, ни жилых построек. Колхозники также не были знакомы с почвенными и климатическими условиями [на] новой местности»⁸. В диссертации приведена фотография колхозных земель в 1940 году – камыши и болота. В тексте даны подробные сведения о достижениях колхоза. «Бывшие болота и камышовые заросли, – с гордостью отмечает

А. Б. Тен, – превращены теперь в цветущие, плодородные поля, приносящие миллионные доходы и славу людям, заставившим природу служить социалистической Родине. За самоотверженный и честный труд 16 членам артели присвоено почётное звание Героя Социалистического труда и 227 чел. награждены орденами и медалями Советского Союза. В 1944 году колхоз был награждён почётной грамотой, а с 1945 по 1948 гг. он бессменно держал переходящее Красное знамя Президиума Верховного Совета УзССР и ЦК КП(б) Узбекистана»⁹.

В 1954 г. в Институте экономики Академии наук УзССР под редакцией кандидата экономических наук Н. Е. Омелина издаётся монография с одноимённым с диссертацией названием «Экономика передового колхоза "Полярная звезда"». В написании глав приняли участие кандидаты экономических наук – старший научный сотрудник Института Б. И. Пальмин и А. Б. Тен, научный сотрудник Узбекской рисовой опытной станции А. В. Нестеров. Как отмечается в предисловии, большую помощь авторам оказали председатель колхоза, дважды Герой Социалистического труда Ким Пенхва, заместитель председателя колхоза, секретарь партийной организации С. Е. Нам, полеводы колхоза, Герои Социалистического труда Тен Енсеб и Цой Бонсо, заведующий отделом животноводства колхоза Тен Алексей, главный бухгалтер И. И. Хан, секретарь колхоза Цой Николай, секретарь комсомольской организации Ан Ирчен, полевод Ем Енман, агроном по хлопку, Герой Социалистического труда Ким Чансе, землеустроители В. Гуральник и И. Осташевский¹⁰.

Колхоз, отмечают авторы, – один из передовых колхозов Узбекистана. Если А. Тен в 1950 г. указывает 16 Героев Социалистического труда, то авторы книги уже пишут о 25. Из книги мы узнаём, что из предоставленных колхозу орошаемых земель (561,8 га) 50% составляли камышовые зарос-

ли и болота¹¹, и к 1941 г. колхоз «Полярная звезда» их все освоил. Авторы указывают на успехи корейских земледельцев и в освоении хлопчатника – новой для себя культуры. В частности, колхоз «Полярная звезда» начинает заниматься хлопководством с 1941 года. В то время средняя урожайность хлопчатника по колхозам Среднечирчикского района Ташкентской области составляла 21,8 ц/га. Корейские земледельцы уже в первый год получили по 38,7 ц/га, а через 3 года – 40,2 ц/га¹². Об опыте урожая хлопка в эти годы пишет и председатель колхоза Ким Пен Хва, к тому времени уже дважды Герой Социалистического труда¹³.

И конечно же, на корейцев возлагались большие надежды в рисоводстве. Если в 1938 г. в колхозе рисом было засеяно 211 га, то в 1942 г. – 420. Авторы пишут: «Колхозники показали себя мастерами высоких урожаев риса, большими знатоками рисосеяния»¹⁴. В первый год (1938) они получили 25,5 ц/га, в 1939 г. – 34,7, в 1942 г. – 42,2, в 1948 г. – 43,6. Некоторые корейские звеньевые показали феноменальные результаты: звеньевой Ли Бонсен в 1948 г. собрал 81,4 ц/га, Ли Гванок – 82,2, а Ли Енсон – 84,6. За высокие урожаи 14 рисоводов были удостоены звания Героя Социалистического труда¹⁵.

В 1954 г. защищается диссертация *Нурматова Н.* о другом знаменитом корейском колхозе – им. Свердлова¹⁶. Достаточно сказать, что 21 член колхоза удостоены звания Героя Социалистического труда, десятки награждены орденами и медалями. Этому же колхозу посвящена ещё одна брошюра, вышедшая в 1962 г.¹⁷

Главным Управлением сельскохозяйственной пропаганды Министерства сельского хозяйства Казахской ССР публикуется лекция председателя колхоза «Ленинский путь» Каратальского района Талды-Курганской области Кан Тю-Хона¹⁸.

На основе статистических данных в лекции продемонстрированы достижения и высокая производительность членов колхоза¹⁹.

Таблица 5.1.

Культуры	Урожайность в центнерах с гектара	
	По плану	Фактически получено
Картофель	110	146
Овощные, всего	72	252
В том числе:		
капуста	110	393
огурцы	97	112
помидоры	110	398
лук	63	238
Бахчевые, всего	135	163
В том числе		
арбузы	135	163

Причём речь идёт о средних показателях. На основе данных, указанных в брошюре, я составил следующую таблицу плановых, средних колхозных и бригадных показателей²⁰.

Таблица 5.2.

Культуры	Урожайность в центнерах с гектара		
	По плану	Фактически получено (среднеколхозные показатели)	Показатели звеньев
Картофель	110	146	184 (звено Хан Понсика)
Овощные, всего	72	252	
В том числе:			
капуста	110	393	400 (звено Нам Дон-хи)
огурцы	97	112	
помидоры	110	398	
лук	63	238	331 (звено Кан Дю-нама)
Бахчевые, всего	135	163	
В т.ч. арбузы	135	163	

Несмотря на то, что 1953 г. явился годом с неблагоприятными погодными условиями, среднеколхозные и звеньевые показатели намного превышают плановые. В результате картина получается следующая²¹:

Таблица 5.3.

Культуры	1953			1952	1951
	По плану	Фактически получено (среднеколхозные показатели)	Показатели звеньев	Показатели звеньев	Показатели звеньев
Картофель	110	146	184 (Хан Пон-сик)	295 (Хан Пон-сик)	305 (Хан Пон-сик)
Овощные:					
всего	72	252	400 (Нам Дон-хи)	484 (Нам Дон-хи)	493 (Нам Дон-хи)
в том числе:					
капуста	110	393			248
огурцы	97	112			(ср. урожай)
помидоры	110	398	331	401	
лук	63	238	(Кан Дю-нам)	(Ан П. Н.)	
Бахчевые:					
всего	135	163	226 (Хан Пон-сик)		
в том числе:					
арбузы	135	163			

Из лекции Кан Тю-Хона можно получить информацию об оплате труда в его колхозе. В 1953 г., после выполнения всех обязательств перед государством и натуроплаты МТС, выделения натуральных фондов, отчисления средств в неделимый фонд, было выдано колхозникам в среднем на 1 трудодень по 1 р. 66 коп. деньгами, по 2 кг зерна, а также картофель и овощи. Приведены данные и по отдельным колхозникам²²:

Таблица 5.4.

ФИО	Кол-во трудодней за сезон	Начислено деньгами (руб.)	Начислено зерном (кг)	Доп. оплата за перевыпол- нение плана (руб.)	Доп. оплата за перевыпол- нение плана кг.
Кан Дю-нам	759	910	1518	4523	2048 (лук)
Хон Пон-сик	867	1040	1734	2674	2000 (картофель)
Мун Ин-сен	512	615	1025	3015	1392 (лук)
Тен Ин-дек	490	588	980	2667	1231 (лук)
Ли Зинаида	383	459	766	1154	1654 (картофель)

Корейцы становятся соавторами методических рекомендаций не только по рисоводству и овощеводству, но и по выращиванию хлопчатника – новой для себя культуры²³.

В 1960-70-е гг. продолжают публиковаться брошюры и защищаться диссертационные исследования по «корейским колхозам» (Ким П. Н., Цой С. В.)²⁴. Корейским колхозам посвящено и заключение первой монографии, посвящённой истории советских корейцев (Ким Сын Хва)²⁵. Впервые появляются исторические работы по хозяйственному обустройству корейцев в первые годы после депортации (Ким П. Н.)²⁶. Выходят отдельные статьи, написанные корейцами-производственниками по отдельным культурам²⁷.

Публикуются популярные брошюры о знаменитых «корейских» колхозах, таких как «Политотдел» (председатель – Хван Ман Гым) и «Полярная звезда» (председатель – Ким Пен Хва), председателях этих колхозов, в том числе книги и брошюры, написанные этими людьми²⁸.

Возьмём брошюру «В борьбе за комплексное развитие хозяйства» (1961), посвящённую колхозу «Политотдел» Верхнечирчикского района Ташкентской области, одному из знаменитых «корейских» колхозов. Авторы брошюры – В. Козлов, Сон Дин Фа и Р. Исхаков – в превосходных тонах описывают достижения колхоза:

«Колхоз «Политотдел» Верхнечирчикского района – одно из крупнейших многоотраслевых, высокодоходных хозяйств области.

... Богатства не пришли сами по себе. Это результат труда, и они добыты там, где всего несколько лет назад были пустые заболоченные степи.

Но пришли сюда советские люди, высушили болота, расчистили земли от зарослей кустарника, и степь потеснилась. На месте пустырей и болот выросли больницы, клубы, красивые дома, дом отдыха, животноводческие фермы, оснащённые механизмами.

<...> В то время колхоз отставал. Часть колхозников много времени тратила на обработку приусадебных участков, занималась производством изделий из камыша. Трудовая дисциплина отсутствовала.

Новое руководство по-настоящему взялось за подъём коллективного хозяйства. Артельные земли преобразались. Прокладывались осушительные дренажи, вырубался камыш. Росли, воспитывались и закалялись новые кадры сельскохозяйственных работников»²⁹.

Конечно, приводимые авторами цифры впечатляют. Если в 1953 г. с площади в 531 га было получено по 24 ц зеленцового кенафа, то в первом году семилетки эти показатели увеличились почти в 6 раз. В 1960 г. с каждого из 1224 га собрано по 202 ц стебля. «Такого высокого урожая, – пишут авторы, – ещё не выращивали ни в одной стране мира»³⁰.

Можно выделить работы, имеющие опосредованное отношение к «корейским» предприятиям. Например, это

диссертация Пана Т. А., посвящённая колхозам и совхозам Ташкентской области, поскольку здесь были сконцентрированы многочисленные и мощные по своему экономическому потенциалу «корейские» сельхозпредприятия³¹.

Можно также назвать работы о сельскохозяйственных предприятиях, которые не являлись корейскими по национальному составу, но возглавлялись корейцами, что снова говорит о вкладе корё сарам в сельское хозяйство Средней Азии и Казахстана. Например, книга об одном из флагманов советского хлопководства, совхоз-техникуме «Пахтаарал» в Казахстане (директор – заслуженный агроном Казахской ССР Ли Тен Хан)³². Авторы книги о нём пишут так:

«Бывают понятия, в силу исторических причин ставшие символами героических свершений. Такими символами первых пятилеток стали ДнепрогЭС, Магнитка, Комсомольска-Амуре... В ряду таких высоких слов стоит «Пахтаарал», первенец освоения Голодной степи...

<...> Безжизненная пустыня, какой была Голодная степь, превратилась в цветущий оазис, дающий стране сотни тысяч тонн хлопка, молока, мяса, овощей и фруктов.

<...> Для ознакомления с опытом работы совхоза сюда приезжают многочисленные делегации из зарубежных стран – Болгарии, Венгрии, Польши, Югославии, Арабской Республики Египет, Сирии, Индии и многих других»³³.

Конечно, в плане историографии большую ценность представляют работы, написанные самими корейцами – руководителями знаменитых колхозов³⁴.

Во-первых, они проливают свет на прошлое этих колхозов. Так, благодаря М. Г. Хвану мы узнаём, что ещё в 1920-х гг. в Джелал-Тюбинской волости Ташкентского уезда была корейская сельхозартель «Ирсим» («Единомыслие»), разместившаяся на берегах р. Чирчик, возле холма Чивин Тепа («Комариный Холм»). «Места вокруг Чивин Тепа были дикие, – пишет М. Г. Хван, – по ночам на людей наводил

тоску вой шакалов, не давали покоя полчища комаров и москитов. Возле жилищ ползали не только безобидные черепахи, ящерицы и ужи, но и ядовитые змеи, фаланги и скорпионы. Тропическая малярия валила людей с ног». В 1931 г. «Ирсим» была переименована в «Октябрь», и мы даже знаем имена участников артели: Ким Ге Дюн, Ан Кан Дер, Пак Ед Пе, Пак Кёнзе, Ким Сек Пом, Татьяна Цой. А 18 октября 1937 г. переселенцы с Дальнего Востока – 100 корейских семей – уже влились в существующий колхоз³⁵.

Во-вторых, в работах председателей можно обнаружить секреты «корейского» земледелия. Так, в колхозе «Политотдел» отказались от малования – выравнивания верхних слоёв почвы перед посевом и поливами, хотя эта мера применялась во всех хозяйствах согласно научным рекомендациям. Хван Ман Гым пишет: «... Малование никак не способствует повышению урожайности кенафа и хлопка, а, больше того, ведёт к её снижению, повышает себестоимость продукции. Вот уже три года мы не малуем ни одного гектара земли, а урожаи растут из года в год»³⁶. Урожайность хлопчатника за три года выросла в 2,5 раза³⁷.

В чём же секрет? Не только в отказе от малования, но и в отказе от травопольных севооборотов. Восемь лет (с 1953 по 1961 гг.) колхоз сеял хлопок по хлопку, кенаф – по кенафу, кукурузу – по кукурузе. Урожайность кенафа с 36 ц/га в 1953 г. выросла до 215 (!) ц/га в 1961 г., хлопка – с 18 до 49,1 ц/га, кукурузы (стебли с початками) – с 150 до 1967 ц/га³⁸! Объясняет этот феномен председатель так:

«Агротехника люцерны требует сплошного посева, что исключает полив **по бороздам**, поэтому он ведётся **напуском** (выделено мной, – В. Х.). А такой способ полива сильно разрушает структуру почвы.

И ещё одно важное обстоятельство. Вода всегда была и остаётся решающим фактором орошаемого земледелия. И вот этой живительной воды, каждый литр которой нахо-

дится на учёте, приходится тратить на траву в полтора раза больше, чем на полив хлопка за весь его вегетационный период!»³⁹. Как тут не вспомнить Н. С. Насекина, который ещё в 1904 г. описал грядковый метод корейских земледельцев: «Пашут грядами. <...> Сеют четыре пуда на десятину, а получают до 180 пудов. <...> Земля у корейцев никогда не отдыхает, не истощается же она благодаря, во-первых, грядковой пашне, при которой половина земли отдыхает <...> и, во-вторых, благодаря переменной системе... На скатах гор пашут поперечными бороздами. Чтобы вода не размывала пашню»⁴⁰. Грядковый метод и полив по бороздам основаны на капельном орошении, который и даёт высокую урожайность. В 2018 г. израильские эксперты провели тренинг по капельному орошению – при том, что корейцы в Узбекистане практиковали её на протяжении всех лет своего присутствия в сельском хозяйстве республики и именно поэтому добивались огромных урожаев.

После распада СССР появился доступ к архивам, которые позволили документально подойти к хозяйственной деятельности корейских колхозов и совхозов в советский период⁴¹. Вышел ряд сборников архивных материалов⁴², опубликованы новые работы о выдающихся корейцах – председателях колхозов⁴³.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Агроуказания по культуре риса на 1941 год. – Алма-Ата: Издание Казахского объединённого государственного издательства, 1941.

² Кан Г. В. История корейцев Казахстана. – Алматы, 1995. – С.110.

³ Агроуказания по культуре риса на 1941 год. – С. 3.

⁴ Там же.

⁵ Кан Г. В. Указ. соч. – С. 110-111.

⁶Цит. по: *Ким П. Г.* О корейской диаспоре Узбекистана // Известия корееведения Казахстана. Вып. 6. 1999.– С. 49.

⁷*Тен А. Б.* Экономика передового колхоза «Полярная звезда». Дисс... канд. экон. н. – Т., 1950.

⁸Там же. – С. 33.

⁹Там же. – С. 50.

¹⁰ Экономика передового колхоза «Полярная звезда». – Т., 1954. В этом же году сам председатель колхоза *Ким Пен Хва* опубликовал брошюру о достижениях своего колхоза: *Ким Пен Хва*. На пути к изобилию. – Т.: Государственное изд-во Узбекской ССР, 1954.

¹¹ Экономика передового колхоза «Полярная звезда». – Т., 1954. – С. 8.

¹² Там же. – С. 12-13.

¹³ *Ким Пен Хва*. Опыт выращивания высоких урожаев хлопка. – М.: Государственное изд-во сельскохозяйственной литературы, 1953.

¹⁴ Экономика передового колхоза «Полярная звезда». – Т., 1954. – С. 66.

¹⁵ Там же. – С. 66-69.

¹⁶ *Нурматов Н.* Опыт организации и экономика передового колхоза им. Свердлова Ташкентской области. Автореф. дисс... канд. н. – Т., 1954.

¹⁷ *Лев В., Пак С.* Опыт получения высокого урожая лубяных культур в колхозе им. Свердлова Верхнечирчикского района Ташкентской области. – Т.: Министерство сельского хозяйства УзССР. Отдел технических культур СоюзНИХИ, 1962.

¹⁸ *Кан Тю-Хон.* Наш опыт выращивания высоких урожаев картофеля и овощей. Лекция. – Алма-Ата: Главное управление сельскохозяйственной пропаганды. 1954.

¹⁹ Там же. – С. 8.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. – С. 12, 14, 15, 18.

²² Там же. – С. 23-24.

²³ *Батыров А., Пак М. С.* Продольно-поперечная обработка хлопчатника (колхоз имени Жданова). – Т., 1955.

²⁴ *Ким П. Н.* Деятельность Коммунистической партии Узбекистана по организационно-хозяйственному укреплению корейских колхозов (1937–1940). Автореф. дисс... канд. истор. н. – Т., 1970; *Иноятов Х., Нуруллин Р.* Восхождение (Исторический очерк о колхозе «Полярная звезда»). – Т., 1970; *Исхаков Ф., Ким М.* Люди счастливой судьбы (О тружениках колхоза

«Полярная звезда»). – Т., 1972; *Хван Ман Гым*. Колхоз «Политотдел». – М., 1977; *Цой С. В.* Пути увеличения производства риса и снижение его себестоимости в рисоводческих совхозах Узбекской ССР. Дисс... канд. эконо. н. – Т., 1972.

²⁵ *Ким Сын Хва*. Очерки по истории советских корейцев. – Алма-Ата, 1965.

²⁶ *Ким П. Н.* Деятельность Коммунистической партии Узбекистана по организационно-хозяйственному укреплению корейских колхозов (1937–1940). Автореф. дисс... на канд. истор. н. – Т., 1970; Хозяйственное устройство корейских переселенцев в Каракалпакской АССР. 1937–1939 // *Вестник Каракалпакского филиала АН УзССР*. Вып. 4. 1971.

²⁷ *Ни М. Л., Ким Б. П.* Высокие урожаи риса в колхозе «Коммунизм» // *Рис*. – М.: Колос, 1965.

²⁸ *Ким Пен Хва*. На пути к изобилию. – Т.: Государственное изд-во Узбекской ССР, 1954; *Пак Л. Т.* Колхоз «Полярная звезда» и перспективы развития. – Т.: Государственное изд-во Узбекской ССР, 1960; *Хван М. Г.* Колхоз шагает в коммунизм. – Т.: Госиздат УзССР, 1961; *Хван М. Г.* Трудом, и только трудом. – М.: Изд-во сельскохозяйственной литературы, журналов и плакатов, 1962; *Хван М. Г.* Колхоз «Политотдел». – М.: «Колос», 1977; *Исхаков Ф. Б., Ким М. В.* Люди счастливой судьбы. – Т.: Узбекистан, 1972.

²⁹ *Козлов В., Сон Дин Фа, Исхаков Р.* В борьбе за комплексное развитие хозяйства. – Т., 1961. – С. 3-4.

³⁰ Там же. – С. 7.

³¹ *Пан Т. А.* Совершенствование организации производства овощей для промышленной переработки (на материалах колхозов и совхозов Ташкентской области). Автореф. дисс... канд. экон. н. – Т., 1978.

³² Пахтаарал. – Алма-Ата: Кайнар, 1974. См. также: *Цой З. П.* Основные приёмы возделывания риса в Казахстане (Аналитический обзор). – Алма-Ата, 1975.

³³ Там же. – С. 4-5.

³⁴ *Ким Пен Хва*. На пути к изобилию. – Т.: Государственное изд-во Узбекской ССР, 1954; *Пак Л. Т.* Колхоз «Полярная звезда» и перспективы развития. – Т.: Государственное изд-во Узбекской ССР, 1960; *Хван М. Г.* Колхоз шагает в коммунизм. – Т.: Госиздат УзССР, 1961; *Хван М. Г.* Трудом, и только трудом. – М.: Изд-во сельскохозяйственной литературы, журналов и плакатов, 1962; *Хван М. Г.* Колхоз «Политотдел». – М.: Колос, 1977.

³⁵ *Хван М. Г.* Колхоз «Политотдел». – М., 1977. – С. 11-14.

- ³⁶ *Хван М. Г.* Трудом и только трудом. – М., 1962. – С. 30.
- ³⁷ Там же. – С. 26.
- ³⁸ Там же. – С. 19-20.
- ³⁹ Там же. – С. 19.
- ⁴⁰ *Насекин Н. С.* Корейцы Приамурского края // Журнал Министерства народного образования. № 3, 1904. – С. 13-15.
- ⁴¹ *Ким П. Г.* Корейцы Республики Узбекистан: История и современность. – Т., 1993; *Ким Г. Н., Мен Д. В.* История и культура корейцев Казахстана. – Алматы: Гылым, 1995; *Ан Р. К.* Социально-экономическое развитие корейцев в Семиречье (1937–2003 гг. Исторический аспект). Автореф. дисс... канд. истор. н. – Алматы, 2004.
- ⁴² История корейцев Казахстана. Сборник архивных документов. Т. 1. – Алматы-Сеул, 1998; Т. 2, 1999; Т. 3, 2000.
- ⁴³ *Тен Е.* Легенда о Ким Пен Хва. – Т., 2005; Ким Пен Хва и колхоз «Полярная звезда». – М., 2006; *Ким Б., Ким М.* Хван Ман Гым: через Олимп и Голгофу. – Т., 2013.

§ 2. Изучение антропологии корё сарам

Собственно изучение корейцев, после их выселения в Центральную Азию, начинается во второй половине 40-х годов. И начинается оно с антропологических исследований М. Левина в 1946 г.¹ Историографический анализ этих исследований в контексте послевоенного времени был проведён автором данной книги в недавней статье, которая излагается ниже².

Речь идёт не только о корё сарам, но и об исследованиях корейцев в советской антропологии вообще. В 1938 г. А. М. Золотарёвым была обследована небольшая группа корейцев (25 человек) в Приамурье³. Но, как пишет М. Левин, за исключением этих данных, «оригинальными материалами по антропологии корейцев... советские антропологи не располагали»⁴.

Исследования М. Левина были построены на внушительной выборке – 585 корейцев (486 мужчин и 99 женщин) в колхозах районов, прилегающих к Ташкенту, Самарканду и Кзыл-Орде. В основном это были выходцы из Северной Кореи, прежде всего провинции Хамхён Пукдо (орфография М. Левина, – В. Х.), а также люди более молодого возраста (94 мужчины и 39 женщин), родившиеся в районах советского Дальнего Востока.

М. Левин в целом разделяет положение Н. Н. Чебоксарова, который при классификации антропологических типов Восточной Азии выделил корейско-маньчжурский тип и рассматривал его как брахикефальный вариант северокитайского типа. При этом, опираясь на данные своих исследований, он указывает на особенности корейско-маньчжурского типа по сравнению с северокитайским типом. Антропологические различия северных корейцев от северных китайцев М. Левин видит по следующим признакам: волосяной покров, пигментация, мозговой череп, лицо, нос, ротовая область, глазная область⁵. Этот комплекс признаков не только отличает корейцев от се-

верных китайцев, но и сближает их с антропологическими типами Юго-Восточной Азии⁶. В связи с этим даются данные исследований по нивхам на Амуре и Сахалине. Далее, на основе материалов, собранных автором в 1947 г. в экспедиции Института этнографии на Южном Сахалине, даются подробные отличительные особенности антропологических типов корейцев и японцев. И как заключает М. Левин, «диагностика указанных особенностей антропологического типа японцев не встречает затруднений»⁷. В конце статьи прилагаются таблицы измерительных и описательных признаков корейцев по различным возрастным группам, а также таблица сравнительных данных по корейцам, северным китайцам и японцам.

При обсуждении историографии антропологических исследований корейцев (а также китайцев и японцев) мы предлагаем обратить внимание на историко-временной контекст их появления – вторая половина 30-х – вторая половина 40-х гг.

1938 г. Исследование А. М. Золотарёвым корейцев в Приамурье.

1946 г. Исследование М. Г. Левиным корейцев в Узбекистане и Казахстане.

1947 г. Защита Н. Н. Чебоксаровым диссертации «Северные китайцы и их соседи. Исследование по этнической антропологии Восточной Азии», где также приведены данные по корейцам и японцам.

1947 г. Экспедиция Института этнографии под руководством М. Г. Левина на Южный Сахалин (до 1945 г. японская префектура Карафутто).

1948 г. Антропологические исследования Г. Ф. Дебеца и М. Г. Левина на Камчатке, Амуре и Сахалине.

В дальнейшем антропологические исследования корё сарам не проводились.

Для того чтобы понять востребованность вышеуказанных

исследований, нужно понять особенности второй половины 1930-х – 1940-х годов.

Прежде всего, это годы репрессий, предвоенные, военные и послевоенные годы.

Возьмём 30-е годы. В 1932 г., в результате захвата японцами Маньчжурии (1931–1932 гг.), на оккупированной территории японской военной администрацией создаётся марионеточное государство Маньчжоу-го. Безусловно, это осложнило и без того непростые советско-японские отношения. По обеим сторонам границы, разделяющей СССР и Маньчжоу-го, начинается накопление вооружённых сил – как в численности военного состава, так и техники. В 1932–1937 гг. численность японской (Квантунской) армии в Маньчжоу-го увеличивается в пять раз, количество военных самолетов – в 3 раза, артиллерии – в 4 раза, танков – более чем в десять раз⁸. В 1937–1938 гг. численность советских войск на Дальнем Востоке выросла на 105 тыс. человек.

По подсчётам японского историка И. Хаты, за два с половиной года после «Маньчжурского инцидента» (18 сентября 1931 г. произошёл подрыв железной дороги около Мукдена, после чего начался захват Маньчжурии Квантунской армией) произошли 152 столкновения, в 1935 г. – 136 и в 1936 г. – 2 031. По данным управления погранвойск Дальневосточного края, в 1937–1938 гг. имели место 6 серьёзных боевых столкновений с японскими войсками, 26 обстрелов советских пограничников, 22 мелких нарушения госграницы военнослужащими сопредельной стороны, 25 нарушений воздушного пространства СССР, 26 случаев заброски подрывной литературы и листовок, 20 нарушений морских границ СССР и 44 других нарушения пограничного режима⁹.

В 1937 г. Япония вторгается в другие части Китая, начав Китайско-японскую войну.

В 1937 г. всё корейское население Дальнего Востока было выселено в Узбекистан и Казахстан. Выселению предшествовали

газетные статьи о японском шпионаже на советском Дальнем Востоке, в которых говорилось, в частности, об участии в нём корейцев и китайцев. Например, в статье И. Володина «Иностраный шпионаж на советском Дальнем Востоке», опубликованной в газете «Правда» 23 апреля 1937 г., говорилось, что «кадры шпионов, диверсантов и террористов, перебрасываемые нелегально на территорию советского Дальнего Востока органами иностранной разведки, вербуются из среды русских белогвардейцев, деклассированных и продажных элементов коренного населения Манчжурии и Кореи», а также, что «агенты *маскируются под внешность* (выделено мной, – В. Х.) жителей того района, где по заданию своих руководителей они должны проводить шпионскую работу. При этом разведка учитывает национальный состав каждого данного района на нашей территории и соответственно посылает агентов корейской, китайской национальности»¹⁰.

В 1938 г. происходит советско-японский вооруженный конфликт в районе озера Хасан, а в 1939 г. – в районе реки Халхин-Гол.

Мы допускаем, что в условиях периодических вооружённых советско-японских конфликтов и возможной масштабной войны с Японией, а также аннексии Японией Кореи (1910 г.), Манчжурии и Китайско-японской войны перед советской наукой мог быть поставлен вопрос: отличаются ли внешне корейцы, китайцы и японцы и может ли современная антропология дать их отличительные признаки?

Если говорить об исследованиях 1946–1947 гг., то это период, непосредственно следующий за вступлением СССР в войну против Японии (1945 г.), разгромом Квантунской армии, аннексией Южного Сахалина (префектуры Карафуто) и Курильских островов, этапированием более 520 тыс. японских военнослужащих в лагеря Главного управления для военнопленных и интернированных (ГУПВИ) МВД СССР, развёрнутые в основном в

Сибири и на Дальнем Востоке. Кроме того, это начало управления аннексированными территориями, где проживало значительное число корейцев, вывезенных японцами на тыловые работы в Карафуту (так, численность корейцев в Сахалинской области в 1946 г. составила более 20 тыс. человек), прибытия на Сахалин значительного числа северокорейских рабочих для работы в рыбной промышленности на основании соглашения между ведомственными организациями СССР и КНДР. В соответствии с этим соглашением, в 1946–1949 гг. в Сахалинскую область прибыли 26 065 корейцев из КНДР (20 891 рабочих и 5 174 членов их семей). Из них в эти же годы вернулись в КНДР 14 395 человек: 12 386 рабочих и 2 009 членов их семей¹¹. Остальная часть осталась на острове. В эти же годы происходит частичная репатриация японцев на родину.

Особенности послевоенного времени – советско-японских, советско-китайских и советско-корейских отношений, наличие на Дальнем Востоке большого числа японцев и северных корейцев, их схожесть с коренными народами региона придавали вопросу об антропологических типах этих этнических групп практическую значимость. И в связи с этим, изучение корейцев, японцев, северных китайцев и коренных народов региона (нивхов и др.) в 1946–1947 гг. могло иметь направленный характер.

Мысль о заказном характере антропологических исследований корейцев, как и других народов Восточной Азии, основана на косвенных данных и в этом смысле представляет собой гипотезу, нуждающуюся в подтверждении. Для её проверки необходимо поднять шифрограммы между правительственными органами и АН, АН и Институтом этнографии, стенограммы обоснования экспедиций и т.д. Но даже если эти исследования не имели прямого заказного характера, они вписываются в понятие *социального* заказа в контексте событийного ряда конкретного исторического времени.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Левин М. Полевые исследования Института этнографии в 1946 г. Об антропологическом изучении корейцев Средней Азии // Советская этнография. № 2, 1947; Он же: Антропологический тип корейцев // Краткие сообщения Института этнографии. Т. VIII. – М.-Л., 1949.
- ² Хан В. С. Об антропологических исследованиях среди корейцев на Дальнем Востоке, в Узбекистане и Казахстане во второй половине 1930-х–1940-х годов // International Journal of Central Asian Studies. Vol. 21. – Seoul: IACD&IACAS, 2017, pp. 1-12.
- ³ Краткие сообщения о научных работах Научно-исследовательского института и Музея антропологии МГУ. – М., 1941.
- ⁴ Левин М. Г. Антропологический тип корейцев // Краткие сообщения Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Т. VIII. – М., 1949. – С. 25.
- ⁵ Там же. – С. 27-28.
- ⁶ Там же. – С. 29.
- ⁷ Там же. – С. 30.
- ⁸ Очерки новейшей истории Японии. – М., 1957. – С. 211.
- ⁹ Пограничные войска СССР (1929–1938). – М., 1972. – С. 692.
- ¹⁰ Володин И. Иностраный шпионаж на советском Дальнем Востоке // Правда, 23 апреля 1937 г.
- ¹¹ Кузин А. Т. Дальневосточные корейцы: жизнь и трагедия судьбы. – Южно-Сахалинск, 1993. – С. 231.

§ 3. Этнография корё сарам

Конец 1950-х – 1960-х гг. характеризуется становлением этнографических исследований по корё сарам. Эти исследования не стали специальным предметом историографии. В корееведческих диссертациях, книгах и статьях просто указывается, что в определённые годы имело место изучение этнографии корё сарам с соответствующими ссылками на литературу.

Первыми работами в этой области становятся статьи российских этнографов Р. Ш. Джарылгасиновой и Ю. В. Ионовой в начале 60-х гг.¹

В 1960 г. выходит статья Р. Ш. Джарылгасиновой «Культура и быт корейцев совхоза "Раушан" Кунградского района Кара-Калпакской АССР», основанная на результатах исследований в рамках этнографического отряда Хорезмской археолого-этнографической экспедиции (три недели лета 1959 г.).

А в 1963 г. выходят две статьи Ю. И. Ионовой «Корейцы» и «У корейцев Средней Азии». Статьи основаны на исследованиях автора летом в 1957 и 1959 гг. в составе Среднеазиатской этнографической экспедиции Института этнографии АН СССР. В рамках этой экспедиции был сформирован отряд, занимавшийся сбором материалов по вопросам истории, хозяйства, культуры и быта корейцев, живущих в Казахской и Узбекской ССР. В состав отряда, кроме Ю. Ионовой, входили филолог Г. А. Пак и художник-лаборант Н. В. Юхнева. Исследования проводились в Кызыл-Ординской, Ташкентской, Талды-Курганской и Ферганской областях². Статьи Ю. И. Ионовой охватывают различные стороны истории и жизни корё сарам: демографическую характеристику, переселение в царскую Россию и положение на Дальнем Востоке, участие в революционных событиях и борьбе против войск Антанты, Колчака и японской армии, ликвидацию безграмотности, расселение по областям Узбекистана и Казахстана, особенность используемого корейского диалекта и

языковую компетентность. Собственно этнографическая часть статьи включает следующие подразделы: «Основные занятия», «Селения и жилище», «Одежда», «Пища», «Семейный быт и общественная жизнь», «Культура». Кроме того, она выходит на обобщающий материал по ряду корейских поселений как на территории Узбекистана, так и Казахстана.

Обе статьи носят направленный этнографический характер (характеристика поселения, характер сельскохозяйственных работ и используемые орудия, особенности жилища и одежды, кухня, тип семьи, основные праздники и обрядность семейного цикла, антропонимика, верования, общественный быт) и могут считаться первым исследованием по этнографии корейцев Средней Азии. Данные работы являются пионерскими и в то же время базовыми с точки зрения описания основных черт этнографии корё сарам. В дальнейшем все исследования в этой области 60–90-х гг. лишь дополняют, развивают или уточняют их положения.

Авторы в целом дают схожую картину этнографии быта и культуры корё сарам, однако есть и отличия. Данное обстоятельство, а также дескриптивный характер приведённых работ обуславливают целесообразность применения сравнительного метода их изучения, что позволит выявить общее и особенное в работах обоих исследователей. В этих целях статьи разделены на тематические блоки (жилище, пища, язык и т.д.).

Историческая справка. Ю. Ионова даёт развернутую историческую справку об истории переселения корейцев в Россию, их численности и положении на Дальнем Востоке, участии в борьбе за Советскую власть, ликвидации безграмотности, объединении корейских хозяйств в колхозы и социалистических преобразованиях в них, расселении в республиках Центральной Азии. Она отмечает, что «в 1925 г. большинство корейцев (около 120 тыс.) приняли подданство СССР. Отдельные семьи переехали в Среднюю Азию в середине 1920-х. В 1924 г. под Ташкентом была образована первая корейская сельскохозяй-

ственная артель»³. В статье Р. Джарылгасиновой такая справка отсутствует.

Описание сайтов (исследуемых поселков). Р. Джарылгасинова даёт подробное описание сайта, где она проводила исследование (совхоз «Раушан» Кунградского района Кара-Калпакской АССР). В совхозе имелись тракторный парк, животноводческая и свиноводческая ферма, птицеферма, пасека, элитно-семеноводческое хозяйство и сорный участок, стадион, сельская больница, начальная школа, средняя школа, клуб, почта, телеграф, электростанция, магазин, столовая, насосная станция. Совхоз уверенно превращался в крупнейший центр сельского хозяйства АССР: по 7-летнему плану, в нём должны были быть 5 отделений, 3 животноводческие фермы, построена новая электростанция, больница, 5 новых клубов, 5 детских садов, 5 яслей, школа-семилетка, разбит фруктовый сад, возведён новый жилой фонд⁴.

В силу того, что Ю. Ионова проводила исследования на нескольких сайтах (колхоз «Авангард» в Кызыл-Ординской области и колхоз «Ленинский путь» в Талды-Курганской области Казахской ССР, колхоз «Северный маяк», колхоз «Полярная звезда» и колхоз «Политотдел» в Ташкентской области Узбекской ССР) и, кроме того, «изучение хозяйства и быта корейцев велось и в других колхозах и посёлках, лежащих по пути следования отряда»⁵, она давала обобщённую характеристику экономического уровня колхозов: «В каждом обследованном нами колхозе выстроены специальные здания клуба, имеются школа, аптека, магазины, баня. Колхозная электростанция. Во многих колхозах на ближайшие годы запроектировано строительство общественных столовых, пекарен, прачечных и гостиниц. Все общественные здания, а также дома колхозников электрифицированы и радиофицированы. <...> [Посёлки] утопают в буйно разросшейся зелени тополей, клёнов, тутовых и фруктовых деревьев. Посёлки, построенные по заранее разработанным проектам, имеют прямые широкие улицы, по обе

стороны которых тянутся усадьбы колхозников, чаще всего огороженные невысоким забором. Дома стандартные, двухквартирные; в каждой квартире две или три комнаты»⁶. В отличие от Р. Джарылгасиновой, Ю. Ионова прилагает фотографии общественных зданий.

В некоторых случаях в статье даются и более конкретные характеристики: «Колхоз "Северный маяк" Ташкентской области в 1959 г. имел 35 гусеничных и колёсных тракторов, 10 хлопкоуборочных машин, 24 хлопковых культиваторов, 12 сеялок и много других машин. Возросла роль механизаторов.

"Политотдел" Верхне-Чирчикского района Ташкентской области (пред. Герой Соц. Труда Хан Ман Гым). За короткий срок колхозом построено 240 домов, проведены водопровод, электричество, радио, газ для отопления. Построены детские сады, ясли, больница, аптека. Завершается строительство школы-интерната, дома культуры. Введено бесплатное питание работающих в поле, а также детей в садах и яслях»⁷.

Языковая компетентность. Обе исследовательницы указывают на русско-корейский билингвизм, как минимум, обследованных корейцев.

Р. Джарылгасинова даже говорит о трёхязычии: русский язык знают все, за исключением глубоких стариков и отчасти детей дошкольного возраста; большинство знает один из местных языков (узбекский, каракалпакский, казахский); корейский язык (простонародный) – язык общения дома и между собой. Литературный корейский язык – изучается в средней школе, многие семьи выписывают «Ленин кичи», журналы и газеты из КНДР⁸.

Ю. Ионова также пишет, что для корейцев характерны двуязычность, отчасти трёхязычность: русским языком владеют все, за исключением глубоких стариков и детей дошкольного возраста; некоторые знают языки соседних народов (узбекский, казахский и др.); корейский язык (язык общения дома и между собой) – разговорный язык; литературный корейский

язык – изучается с 3-го класса, принят в печати, школе и театре, многие семьи выписывают «Ленин кичи», преподаватели для школ готовятся на корейском Отделении Ташкентского пединститута⁹.

Интересно различие у исследовательниц в обозначении корейского языка, используемого корейцами дома и при общении между собой: Р. Джарылгасинова его называет *простонародным*, а Ю. Ионова – *разговорным*, а ведь это разные вещи.

Ю. Ионова приводит более детальную характеристику корейского языка, используемого респондентами. Это северо-восточный диалект корейского языка. В языке изучаемых корейцев имеются значительные заимствования из русского, узбекского и казахского языков, включая звуки, отсутствующие в северо-восточном диалекте (например, фонемы «л» и «ф» в словах «лампа», «Ленин»¹⁰, «кенаф»). В нём наблюдается тенденция к созданию гибридных слов путём соединения русских имён существительных с корейским глаголом *хада* (делать): *переводхада*, *чертитьхада*. Как поясняет Г. А. Пак, кандидат филологических наук, входившая в отряд Ю. Ионовой, словообразование в данном случае происходит по корейской модели: именная основа плюс служебный глагол¹¹.

Основные занятия. В совхозе «Раушан» основная масса корейцев работает в рисоводческих бригадах. Р. Джарылгасинова детально описывает циклы сельскохозяйственных работ и их технологию (вспашка, устройство валиков, выравнивание площади, очистка каналов и арыков, затопление полей и малование, посев, прополка и подкорм растений, регулировка воды, спуск воды, жатва). Автор сетует, что до сих пор многие процессы не механизированы. Но «в обработке приусадебных участков господствует грядковая система»¹². А ведь именно эта система применялась корейцами для получения высоких урожаев. В этих скурых предложениях можно увидеть, как этнограф посредством наблюдений зафиксировала разницу в технологиях, применяемых в общественном секторе и на личных участках.

Ю. Ионова тоже описывает технологию рисосеяния, уделяя особое внимание поливу: «От умелого орошения зависят качество и размеры урожая. Поэтому поливальщиками назначаются обычно пожилые люди с большим опытом. Для рисовых полей выбирают затопляемые участки с естественным уклоном. Применяется самотечное орошение, без водоподъёмных механизмов. Поля тщательно выравнивают и делят на мелкие участки, огороженные валиками. На хорошо выровненном участке поддерживается одинаковый уровень воды, что ведёт к равномерному прогреванию почвы, дружному появлению всходов и облегчает борьбу с сорняками.

В зависимости от сорта риса и местных условий применяется и различная агротехника. Обычно рис засевают в сжатые сроки в апреле-мае предварительно замоченными семенами. Сеют преимущественно вразброс.

<...> За вегетационный период требуется неоднократная прополка и подкормка растений удобрениями. Механизация внедрена ещё слабо. В большинстве колхозов механизирована только пахота, поделка валиков и обмолот. Такие же тяжёлые работы, как посев, заделка семян в почву, прополка, которые необходимо производить в воде, а также уборка урожая, выполняются руками или простыми ручными орудиями»¹³.

Ю. Ионова обращает внимание на такой вид деятельности, как *огородничество*. Автор отмечает, что с Дальнего Востока они привезли с собой дальневосточные сорта огородных культур: корейской капусты, лука, чеснока, редьки, огурцов, тыквы-горлянки, соевых и крахмальных бобов; их стали возделывать и местные народы.

Она также отмечает диверсификацию деятельности корейских колхозов, которые начинают заниматься хлопководством, возделыванием кенафа, свеклы, зерновых культур, животноводством, шелководством, пчеловодством и т.д. Наряду с технологическими процессами, автор уделяет внимание социально-экономическим аспектам деятельности корейцев (производи-

тельность труда, доходы, новое строительство, рост машинно-тракторного парка, этнический состав колхозов), в том числе в многоотраслевых хозяйствах.

Традиционные орудия труда. Р. Джарылгасинова описывает традиционные орудия труда, используемые корейцами. Это *пончи* – доска для выравнивания почвы под водой, *натъ* – серпы различных размеров, *хоми* – мотыги, *пачи* – деревянная ножная крупорушка. Она также отмечает, что наряду с ними корейцы стали использовать и среднеазиатские кетмени, лопаты, серпы¹⁴.

Ю. Ионова даёт расширенный список орудий и их функций. *Пончи* – доска для выравнивания почвы под водой, которую тянет лошадь. *Натъ* – корейский серп с прямым лезвием, используемый при уборке урожая. *Хоми* – корейская изогнутая сапка с универсальным применением. Ею делают лунки для семян, окучивают, пропалывают огородные культуры и рыхлят почву. *Чэньги* – корейский плуг с плоским лемехом. Применяется на огородных работах, а иногда при рыхлении почвы на рисовых полях. *Палпанъа* – деревянная ножная крупорушка. Используется главным образом для обдирки риса. Её устанавливают во дворе, обычно под навесом. Она состоит из горизонтального деревянного рычага длиной в 2,5–3 м, укрепленного на невысокой стойке. Большое плечо рычага снабжено деревянным тяжёлым пестом с железным наконечником, другое, раздвоенное на конце, служит для подъёма и опускания рычага нажимом ног. Пест входит в каменную ступу, вкопанную под ним. *Мэттари* – ручная мельница из двух жерновов¹⁵.

Автор отмечает, что послевоенные годы в колхозах развернулось широкое строительство мельниц и крупорушек, поэтому отпала необходимость в ножной крупорушке и ручной мельнице. Последние сохранились в личных хозяйствах некоторых колхозников для приготовления зерна и муки, предназначенных для национальных праздничных блюд.

Жилище. Обе исследовательницы подробно описывают жилище корейцев.

Р. Джарылгасинова отмечает, что дома построены по проектам, утверждённым архитектурным управлением СМ УзССР. Строительные бригады – узбеки, татары и корейцы (мастера по устройству национального способа отопления).

Большинство обследованных домов – каркасные постройки из камышитовых плит. Количество комнат – 2 или 3, открытая или полуоткрытая веранда. *Чончи* – комната, чаще всего первая от входа, с тёплым полом – *кудури* (в литературе известен, как *ондол*). В чончи нет мебели, кроме шкафчика для посуды. Иногда вдоль стен – сложенные стопками чемоданы и постельные принадлежности (одеяла, подушки, матрацы). Пол в чончи содержится в большой чистоте, при входе в дом обязательно снимают обувь. Способ использования чончи: в ней живут старшие члены семьи, родители и дети, здесь спят, едят, готовят уроки, играют дети, проводят досуг старшие.

Спят корейцы на тонких матрацах, расстеленных на циновке. Под голову кладут *пегэ* – набитые рисом продолговатые подушки-валики.

Едят за низенькими столиками *папсан*.

Р. Джарылгасинова подробно описывает систему *кудури*, – корейский национальный способ отопления. От топки печи, находящейся слева от входа в комнату намного ниже уровня, отведено от 3, 5, 7, 9 выложенных из кирпича каналов, по которым проходит тёплый воздух из печи. Отводной канал в большинстве домов связан с дымоходом плиты (результат влияния местных русских), отапливающей вторую комнату. В домах, где нет плиты, дымоход от *кудури* выводят наружу и на некотором расстоянии от дома устанавливают вытяжную трубу. Трубы *кудури* сверху обмазывают глиной. Пол покрывают сплетёнными из камыша циновками с корейским орнаментом или клеёнкой.

Пани – комната, не имеющая *кудури*. Зимой её отаплива-

ют плитой, либо она остаётся холодной (нежилой). Обставлена фабричной мебелью; на стенах – вышивки, фото; над кроватями – набивные коврики; на окнах тюлевые или вышитые занавески; одеяла и подушки на кроватях нередко складывают по традиции в стопку. В пани живут школьники старших классов, студенты или женатый сын со своей семьёй.

Перед домом в летние месяцы складывают печь, в которую вмазывают 1 или 2 котла.

Приусадебный участок: строят из жердей открытые прямоугольные загоны для свиней, небольшие сараи со скатной крышей для различной утвари, иногда здесь и деревянная ножная рисорушка¹⁶.

Ю. Ионова также подробно описывает дома корейцев, но в её описании есть некоторое различия, в том числе терминологические.

«В устройстве жилища корейцев, – пишет автор, – наблюдаются некоторые национальные особенности: своеобразная система отопления, расположение и назначение комнат. В трёхкомнатных квартирах отопление устраивается обычно в первых двух комнатах по типу так называемого китайского кана, местное название его – *кудыри* (в Корее – *ондол*). Под приподнятым на 30-50 см полом сооружают дымоход, соединяющий кухонный очаг с вытяжной трубой. Дымоход выкладывают на земле из кирпича, сверху его покрывают кирпичной кладкой, на которую насыпают слой земли, а затем обмазывают глиняным раствором. Когда очаг топится, тёплый воздух, проходя по дымоходу, хорошо нагревает пол.

В первой комнате – кухне (*пуок*) – находится плита, а *кудыри* в ней занимает только половину площади. В плиту над топкой вмазано два-три котла для варки пицци. Топка расположена в углублении, вырытом в полу. В последнее время во многих районах в связи с переходом на отопление каменным углём топку стали закрывать чугунной дверкой.

Во второй комнате – спальне (*уккан*) – *кудыри* занимает всю

площадь комнаты, пол покрыт сплетёнными из камыша циновками с характерным корейским орнаментом. В последнее время во многих домах циновки заменяют коврами, войлоками, клеёнкой или линолеумом. На тёплом полу корейцы сидят во время еды или когда занимаются домашней работой, на нём также и спят. Пол содержат в образцовой чистоте. Корейцы в помещении в обуви не ходят, а оставляют её у входа в комнаты.

Спят на толстых ватных одеялах – *пходан*, накрываются более тонкими и широкими одеялами – *ибуль*. Под голову подкладывают продолговатые корейские подушки – *пегэ*, имеющие форму валиков длиной в 50-60 см и диаметром около 15 см (их набивают чаще всего рисовой шелухой), или обычные перьевые подушки. На день постельные принадлежности, как и в Корее, складывают стопкой в спальне на небольших сундуках и покрывают кружевными накидками своей вязки. Во многих семьях колхозной интеллигенции спят на кроватях, которые ставят на кудыри.

В третьей комнате (*марупанъ*, т.е. комната с деревянным полом) обычно живёт молодёжь, принимают гостей, дети готовят уроки. Её обставляют покупной мебелью (кровати, платяной шкаф, нередко зеркальный, диван, стол, стулья, этажерка). Здесь же ставят и радиоприёмник. В убранстве этой комнаты больше всего заметно русское влияние. На стене – большое зеркало, обрамлённое вышитым полотенцем, фотографии. На окнах – тюлевые или кружевные, ручной работы занавески, цветы. Над кроватями – набивные или вышитые коврики с широко распространённым русским орнаментом. Вязание кружев корейские женщины переняли от русских ещё на Дальнем Востоке. Корейские женщины, издавна славящиеся как искусные вышивальщицы, сочетают традиционные приёмы вышивки с новыми. Национальные мотивы ярче всего прослеживаются в вышивках на боковых сторонах корейской подушки – *пегэ*¹⁷.

При детальном рассмотрении можно увидеть некоторые

различия в описании жилища исследовательницами. Так, Р. Джарылгасинова пишет, что корейцы спят «на тонких матрацах, расстеленных на циновке», а Ю. Ионова – «спят на толстых ватных одеялах – *пходан*»; у Р. Джарылгасиновой *пегэ* – набитые рисом продолговатые подушки-валики, а у Ю. Ионовой *пегэ* набиваются рисовой шелухой и т.д.

При описании одежды обе исследовательницы отмечают, что национальная одежда практически вышла из употребления и используется в основном в художественной самодеятельности или в качестве погребальной одежды. Описаны основные блюда корейской кухни (у Ю. Ионовой более подробно), при этом отмечается о включении в рацион корейцев русских и среднеазиатских блюд.

Подробно описана система родства, включая запрет на браки с однофамильцами. Ю. Ионова описывает так: «В браке у корейцев строго соблюдается экзогамия. Все лица, связанные происхождением от общего предка, считаются родственниками, и браки между ними запрещены даже при самых отдалённых степенях родства. Обычно родственниками считаются лица, имеющие одну фамилию – *сонъ*. Но некоторые, наиболее распространённые фамилии – Ким, Пак, Ли и др. – распадаются на несколько групп – *пон* (в местном произношении *пои* – корень, исток, родина), названия которых указывают на место жительства действительного или легендарного предка – основателя фамилии (рода) и связаны с определёнными географическими пунктами Кореи. Все лица, входящие в одну *пон*, составляют экзогамную группу, и браки между ними запрещены»¹⁸. Эта тема стала предметом обсуждения на страницах корейской газеты «Ленин кичи» в 1957 г.¹⁹ Указывается на межнациональные браки, и, как отмечает Ю. Ионова, «такие браки даже со стороны стариков не вызывают осуждения»²⁰.

Р. Джарылгасинова указывает на существование ряда древних обычаев – «запрета личных имён», шаманистских и анимистических представлений, веры в духов, культа предков, пере-

носа могил, при этом отмечая, что «все эти пережитки не играют существенной роли в жизни корейцев»²¹.

Ю. Ионова в своих оценках идёт дальше: «Религиозные воззрения верующих корейцев трудно отнести к какой-нибудь определённой религии. Верующий кореец, молясь, обращается к Будде, к духу гор, к душе предка, на могилах умерших верующие корейцы ставят русский крест.

В домах даже очень старых людей мы не видели ни алтарей, ни икон, ни каких-либо других символов веры. Среди корейцев никогда не наблюдалось религиозного фанатизма, среди них мирно уживались шаманизм, буддизм, конфуцианство, христианство.

Абсолютное большинство корейцев – убеждённые атеисты. Распространению атеизма способствует высокий экономический и культурный уровень, достигнутый ими за годы Советской власти»²².

Представляется интересным описание семейных обрядов (свадьбы, года ребёнка, похоронно-поминальных обрядов и др.). Сегодня они подверглись трансформациям, и классические этнографические работы Р. Джарылгасиновой и Ю. Ионовой, задокументировавших в 1960-х гг. основные черты культуры и быта корейцев Центральной Азии, имеет большое значение для этнографии корё сарам.

Я считаю, что для продуктивного сравнения работ Р. Ш. Джарылгасиновой и Ю. Ионовой качественный (содержательный) анализ должен быть дополнен методом количественного контент-анализа (в данном случае, в табличной форме), который позволит по определённым параметрам выявить общее и особенное в работах обоих исследователей и выйти на обобщения, имеющие выраженную строгость и формализованный характер.

По каждому блоку может быть построена сравнительная таблица, в которой выделено определённое число смысловых единиц, зафиксированных в обеих статьях (процедура «тексту-

ального кодирования»)²³. Подсчёт этих единиц и их сравнение даст точную картину охвата в них особенностей материальной и духовной культуры корё сарам. На этой основе можно строить другие строгие формы количественного сравнения: диаграммы и круги Эйлера.

В последующем (вторая половина 1960-х – 1970-е гг.) этнография корё сарам развивается усилиями Р. Ш. Джарылгасиновой²⁴. Конечно, в каждой из этих работ российский этнограф вносила что-то новое, однако базовыми для них оставалась статья 1960 года. Например, в статье 1977 г. «Новое в культуре и быту корейцев Средней Азии и Казахстана (на примере сельского населения)» автор во многом воспроизводит то, что было описано в её первой статье о корё сарам: систему кудури (он-даль), структуру корейского жилища, одежду, пищу, семейные обряды, систему родства, добавив демографические данные, расселение и хозяйственные достижения корейских колхозов, их изменившийся облик и некоторые черты современной обрядности (обычай кричать «горько» на свадьбах, насыщение рациона среднеазиатской кухней, влияние городской культуры и т.д.). То же можно сказать и о других работах. Отдельно стоят «Антропонимические процессы у корейцев Средней Азии и Казахстана» (1970) и «К характеристике современной антропонимической модели корейцев, проживающих в сельских районах Узбекской ССР» (1978) как тематически специализированные работы, хотя основа их была заложена в статье 1960 года (запрет на личные имена, система *понов*, распространённость русских имён, русификация фамилий). В новых статьях даётся более полный эмпирический материал по русификациям, наречению имён в Корее и на Дальнем Востоке, перечень корейских имён.

В 1985 г. В. С. Цоем впервые защищается диссертация по этнографии корейцев Центральной Азии – Казахстана²⁵, им же публикуются статьи²⁶. В его работе много общего со ста-

тьями Р. Джарылгасиновой и Б. Ионовой. Однако семейная обрядность расписана гораздо более подробно. Так, в статье «Изучение семейной обрядности корейцев Казахстана» весьма детально описывается погребальная обрядность, при этом во многом используется работа Ю. Ионовой «Погребальные обряды корейцев»²⁷. Это обряд «хон-ыр бурында», обмыв тела и острижение ногтей, покойника кладут на широкую «семизвёздную» доску, помещение тела в гроб, оплакивание, помещение гроба за ширму, приготовление столика с пищей, поклоны, похороны, жертвоприношения, поминальная обрядность и т.д.

Можно также упомянуть диссертацию М. Д. Савурова «Современные этнические процессы у национальных групп Узбекистана», защищённую в 1986 г. и содержащую материал по корейцам и их сравнительный анализ с другими диаспорными группами²⁸.

Подытоживая этнографические исследования по советским корейцам Центральной Азии, отметим, что до сих пор их нельзя назвать полными и исчерпывающими, даже в дескриптивном ключе. Этнография быта, материальной и духовной культуры в реальной жизни намного богаче, нежели обряды, описанные в выше перечисленных работах. Мне представляется, что ещё не поздно документировать устные истории, собирать документы, фотографии и другие материалы из семейных архивов. Возьмём, к примеру, корейские кладбища. Это совершенно неисследованный пласт корейской культуры. Или верования не в виде отдельных примеров, а систематического сбора обрядов и их интерпретации. Можно говорить о культуре досуга, криминальном компоненте, соотношении образования и материального богатства и многом другом. Необходимо выходить за пределы привычного традиционного тематического поля, и такого рода попытки можем наблюдать уже в постсоветский период.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Джарылгасинова Р. Ш. Культура и быт корейцев совхоза «Раушан» Кунградского района Кара-Калпакской АССР // Краткие сообщения Института этнографии. Т. XXXV, 1960; Ионова Ю. В. Корейцы // Народы Средней Азии и Казахстана. Т. II. – М.: АН СССР, 1963; Она же: У корейцев Средней Азии // Краткие сообщения Института этнографии. Вып. 38, 1963.

Первой ласточкой можно было бы считать статью Ю. В. Ионовой «Корейцы в Средней Азии» в дополнительном томе «Народы СССР» Большой советской энциклопедии в 1958 г. О ней упоминается в: Ионова Ю. В. Этнография Кореи (избранные статьи). – М.: Институт востоковедения РАН, 2011. Но этой статьи в дополнительном томе (том 51 не называется «Народы СССР») я не нашел. Все тома БСЭ доступны в онлайн. Поэтому данную статью нужно считать несуществующей.

² Все ссылки на статью Ионовой Ю. В. в дальнейшем будут даваться по новейшей книге, где собраны её работы: Ионова Ю. В. У корейцев Средней Азии // Ионова Ю. В. Этнография Кореи (избранные статьи). – М.: Институт востоковедения РАН, 2011. – С. 256-271.

³ Ионова Ю. В. Корейцы. – С. 564-565; Ионова Ю. В. У корейцев Средней Азии. – С. 256-258.

⁴ Джарылгасинова Р. Ш. Указ. соч. – С. 54.

⁵ Ионова Ю. В. У корейцев Средней Азии. – С. 260.

⁶ Там же. – С. 261-262.

⁷ Там же. – С. 261.

⁸ Джарылгасинова Р. Ш. Указ. соч. – С. 55.

⁹ Ионова Ю. В. Корейцы // Народы Средней Азии и Казахстана. – М.: АН СССР. Т. II. 1963. – С. 565-566.

¹⁰ Любопытно, что пример с Лениным присутствует в статье «Корейцы», но отсутствует в статье «У корейцев Средней Азии».

¹¹ Ионова Ю. В. Корейцы. – С. 565; Ионова Ю. В. У корейцев Средней Азии. – С. 263.

¹² Джарылгасинова Р. Ш. Указ. соч. – С. 56.

¹³ Ионова Ю. В. У корейцев Средней Азии. – С. 566.

¹⁴ Джарылгасинова Р. Ш. Указ. соч. – С. 56.

¹⁵ Ионова Ю. В. Корейцы. – С. 567-568.

¹⁶ Джарылгасинова Р. Ш. Указ. соч. – С. 56-59.

¹⁷ Ионова Ю. В. Корейцы. – С. 571-572.

¹⁸ Ионова Ю. В. Корейцы. – С. 575.

- ¹⁹ *Ионова Ю. В.* У корейцев Средней Азии. – С. 267.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ *Джарылгасинова Р. Ш.* Указ. соч. – С. 63.
- ²² *Ионова Ю. В.* У корейцев Средней Азии. – С. 269.
- ²³ По мнению ряда исследователей (Маркофф, Шапиро, Вейтман и др.), контент-анализ можно назвать «текстуальным кодированием», поскольку он основан на получении количественной информации о содержимом документа посредством её кодирования.
- ²⁴ *Джарылгасинова Р. Ш.* К вопросу о культурном сближении корейцев Узбекской ССР с соседними народами // Советская этнография. № 5. 1966; Традиционное и новое в семейной обрядности корейцев Средней Азии // История, археология и этнография Средней Азии. – М.: Наука, 1968; Антропонимические процессы у корейцев Средней Азии и Казахстана // Личные имена в прошлом, настоящем и будущем (Проблемы антропонимики). – М.: Наука, 1970; Новое в культуре и быту корейцев Средней Азии и Казахстана (на примере сельского населения) // Советская этнография. № 6. 1977; К характеристике современной антропонимической модели корейцев, проживающих в сельских районах Узбекской ССР // Ономастика Средней Азии. – М.: Наука, 1978; Основные тенденции этнических процессов у корейцев Средней Азии и Казахстана // Этнические процессы у национальных групп Средней Азии и Казахстана. – М.: 1980.
- ²⁵ *Цой В.* Современная культура и быт корейцев Казахстана. – Автореф. дисс... канд. истор. н. – Ленинград, 1985. – 23 с.
- ²⁶ *Цой В. С.* Изучение семейной обрядности корейцев Казахстана // Советская этнография. № 2. 1983. – С. 96-102.
- ²⁷ *Ионова Ю. В.* Погребальные обряды корейцев // Культура народов зарубежной Азии (Сборник МАЭ, т. XXIX). – Л.: Наука, 1978.
- ²⁸ *Савуров М. Д.* Современные этнические процессы у национальных групп Узбекистана: Автореф. дисс... канд. истор. н. – Л., 1986.

§ 4. Филология и искусствознание

Филология, как известно, подразделяется на языкознание и литературоведение.

С начала 50-х годов появляются исследования в области лингвистики. В 1953 г. защищается кандидатская диссертация *Хегая Михаила Алексеевича* на тему «Лексические заимствования из русского языка в корейских переводах». За защитой следует ряд его публикаций¹. Однако работы М. А. Хегая не являются в строгом смысле изучением речи корё сарам. Этот прорыв уже в 60-е годы осуществляет *Ольга Михайловна Ким*. Её кандидатская диссертация «Особенности русской речи корейцев Узбекской ССР (фонетико-морфологический очерк)» – фундаментальный труд, который сохраняет научную ценность и по сей день. На полевом материале в диссертации показаны особенности русской речи корё сарам и дан их анализ в связи с различиями в фонологических системах и морфологическом строе русского и корейского языков. Ей также принадлежат другие работы². В 70-х годах тему языковой ситуации среди корейцев Узбекистана активно развивает *Илья Григорьевич Югай*. В 1982 г. он защищает кандидатскую диссертацию на тему «Развитие современных языковых процессов в инонациональной среде», в которой приходит к постановке вопроса о неоднозначности этнической идентификации советских корейцев³.

Необходимо отметить, что предметом приведённых выше исследований не был сам *корё мар* (язык советских корейцев). Впервые он становится таковым в исследованиях молодого американского корееведа *Росса Кинга*⁴, который защищает по нему докторскую диссертацию (PhD) в Гарвардском университете. Можно также упомянуть статью *Хур Сенг Чуля* о языковой ассимиляции советских корейцев⁵.

В первые десятилетия после переселения в Центральную

Азию литературные произведения корейских авторов создаются на корейском языке, и лишь некоторые из них (отдельные стихи) были переведены на русский язык. Поэтому эти произведения были недоступны для литературоведческого анализа. Внимание же литературоведов, которые знали корейский язык, в основном было обращено на классическую и современную литературу Кореи. Диаспорная корейская литература (не только корё сарам, но и корейцев других стран) оставалась вне внимания профессиональной критики.

Ситуация меняется с 1970-х годов, когда на литературные подмостки выходят русскоязычные литературные произведения советских корейцев. Среди них наибольшее признание получили произведения *Анатолия Андреевича Кима*⁶. Поэтому именно они стали предметом профессиональной критики⁷. А поскольку они были переведены на различные языки, то стали предметом литературоведческого анализа и за рубежом⁸.

В годы перестройки литература советских корейцев становится предметом анализа казахстанского философа П. А. Пак Ира⁹.

Что касается искусства, то в советской историографии можно выделить театральное искусство и музыкальное творчество корё сарам – хотя бы потому, что по этим темам были выполнены и защищены диссертационные исследования, опубликованы монографии и ряд статей. Это *искусствоведческие работы о песенной культуре (Тен Чу) и корейском театре советских корейцев (Ким Иосиф Фёдорович)*¹⁰.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Хегай М. А. Лексические заимствования из русского языка в корейских переводах. Автореф. дисс... канд. филол. н. – М., 1953; Вопросы методики преподавания русского языка корейским учащимся. – Т., 1957; Русско-корейский словарь школьника. – Т., 1958; Хегай М. А., Ким Ман Сек. Учебник корейского языка для 3–4 классов. – Т., 1965.

- ² *Ким О.*: Особенности русской речи корейцев Узбекской ССР. Фономорфологический очерк. Автореф. дисс... канд. филол. н. – Т., 1964; О языке корейцев СССР // Учёные записки Ташкентского Средне-Азиатского государственного университета. Вып. 202. – Т., 1962; К изучению антропологии корейцев СССР // Ономастика Востока. – М., 1980.
- ³ *Югай И. Г.* О влиянии статистического фактора на языковые процессы у корейцев Узбекской ССР // Исследования по литературоведению и языкознанию. – Т., 1975; О некоторых типах языкового контакта в Узбекской ССР // Вопросы литературоведения и языкознания. – Т., 1975; Этносоциологическое изучение языковых процессов среди корейцев Узбекской ССР // Полевые исследования Института этнографии. – М., 1977; Развитие современных языковых процессов в инонациональной среде. Автореф. дисс... канд. истор. н. – М., 1982.
- ⁴ *King J. P. R.* An Introduction to Soviet Korean // Language Research. Vol. 23, No 2, June 1987; *King J. P. R.* A Soviet Korean Grammar from 1930 // Korean Language Education. Seoul, 1991, No 3.
- ⁵ *Hur Seung-Chul.* Aspects of the Linguistic Assimilation of Soviet Koreans // The Journal of Slavic Studies. Seoul, 1988, vol. 3, pp. 123-139.
- ⁶ См.: *Ким А.* Избранное. – М., 1988.
- ⁷ *Кувалдин Ю.* Спой свою песню. О творчестве писателя Анатолия Кима. Эссе // Юность. № 6, 1979; *Бондаренко В.* Образ человека. Послесловие // Ким А. Собиратели трав. – М., 1983.
- ⁸ *Казак В.* Лексикон русской литературы XX века. – М.: РИК «Культура», 1996. Пер. с нем.
- ⁹ *Пак Ир П. А.* О литературе советских корейцев // Простор, № 9, 1987; *Пак Ир П. А.* Национальная литература советских корейцев // Казахская энциклопедия. – Алма-Ата, 1990.
- ¹⁰ *Тен Чу:* Новые песенные жанры советских корейцев // Музыказнание. Вып. 7. – Алма-Ата, 1975; Песенная культура советских корейцев // Известия АН КазССР. Серия филологическая. № 2 – Алма-Ата, 1976. – С. 62-68; Песенная культура советских корейцев. – Автореф. дисс... канд. наук. – Алма-Ата 1978; *Ким И. Ф.* Советский корейский театр. – Алма-Ата, 1982; *Ким И. Ф.* Формирование и развитие советского корейского профессионального театра. – Автореф. дисс... канд. наук. – Т., 1987.

Глава VI.

1937 ГОД И ИСТОРИОГРАФИЯ КОРЁ САРАМ

Разделительные линии между историческими эпохами и тематическим водоразделом в науке не всегда совпадают. В частности, это показал в своей диссертации М. Тен. Поворот к новому предметно-тематическому полю в изучении советских корейцев начался во второй половине 1980-х гг., в период перестройки. Ничто ещё не предвещало распада СССР. В условиях политики гласности стали подниматься ранее табуированные вопросы. Для области научного знания о советских корейцах это был, прежде всего, вопрос принудительного переселения корейцев с Дальнего Востока в Центральную Азию, или вопрос о 1937 году. Именно он стал поворотным пунктом в изучении советских корейцев. С точки зрения временной *формальной* периодизации, он должен быть включён в советский период в качестве этапа (1987–1991), однако *содержательно* это начало нового этапа, который продолжился после распада СССР. Поэтому я оставляю его в рамках постсоветской историографии.

§ 1. Переселение 1937 года как поворотный пункт в изучении корё сарам

О причинах принудительного переселения корейцев

Вопрос переселения («депортации») корейцев был поднят задолго до того, как он стал предметом специальных исследований, и прежде всего, в западной литературе, хотя и в ней тема принудительных переселений не была избалована вниманием. Так, в книге Лоуренс Крэйдер «Народы Центральной

Азии» в разделах, посвящённых демографии и этническим изменениям 1930–1940-х гг., упоминается лишь рост русского населения и депопуляция казахов, и совершенно не упоминаются корейцы. Последние всплывают лишь после переписи 1959 г.¹

Кому и зачем нужно было переселять целый народ? Советские историки и публицисты тактично обходили молчанием эти вопросы. И хотя сталинская политика переселения неоднократно становилась предметом анализа зарубежных исследователей², выселение корейцев никогда не было предметом специального рассмотрения.

В 1987 г. вышла книга известного корееведа, профессора Хельсинского университета Ко Сон Му, посвящённая советским корейцам. Автор книги видит следующие причины переселения корейцев:

1. Агрессивная политика Японии угрожала безопасности СССР. В памяти ещё были свежи поражение России в русско-японской войне 1904–1906 гг., японская интервенция в 1918–1922 гг., японское подстрекательство маньчжурского конфликта в 1931 г., шпионская и диверсионная деятельность японских спецслужб на Дальнем Востоке. Корейцы же могли принимать участие в разведывательной деятельности иностранных государств против СССР. Основание для такого вывода даёт статья И. Володина «Иностраннный шпионаж на советском Дальнем Востоке», опубликованная в газете «Правда» 23 апреля 1937 г., в которой говорилось, что «кадры шпионов, диверсантов и террористов, перебрасываемые нелегально на территорию советского Дальнего Востока органами иностранной разведки, вербуются из среды русских белогвардейцев, деклассированных и продажных элементов коренного населения Маньчжурии и Кореи», а также, что «агенты маскируются под внешность жителей того района, где по заданию своих руководителей они должны проводить шпионскую работу. При этом разведка учитывает национальный состав каждого данного района на

нашей территории и соответственно посылает агентов корейской, китайской национальности».

2. Власти опасались, что корейцы могут потребовать автономии, так как в местах компактного проживания корейцев их доля в составе населения ряда районов была высокой. Беспкойство также доставляли лозунги, распространявшиеся японцами в 1930-х гг. в приграничных дальневосточных районах, типа – «Азия – жёлтый континент», «Азия для азиатов», «Вся земля до Якутии принадлежит жёлтой расе». К тому же имели место столкновения между русскими и корейцами.

3. Существовала потребность освоить необжитые земли Средней Азии, а также расширить ареал возделывания риса (на территории Средней Азии).

4. Для властей было бы лучше, если корейцы проживали бы в Средней Азии, перемешанные с другими народами, нежели компактно и вблизи Кореи.

5. Переселение корейцев должно было компенсировать спад численности казахского населения, произошедшего в результате коллективизации 1929–1933 гг., приведшей к массовой миграции казахов в Китай³.

Конечно, причины принудительного переселения дальневосточных корейцев в Среднюю Азию стали «горячей темой» среди корейцев и корееведов, поскольку тема была табуирована даже в специальных трудах, посвящённых корейцам; в некоторых просто отмечалось: «после переселения корейцев...», а в некоторых даже этого не говорилось, и получалось, что корейцы либо всегда жили в Средней Азии, либо возникли ниоткуда.

Первоначально эта тема затрагивалась как часть сталинской политики переселения народов, которая в годы перестройки, переосмысления советской истории и пробуждения национального самосознания, стала одной из самых остро обсуждаемых тем. И здесь в первую очередь нужно воздать должное Н. Ф. Бугаю, чьи работы стали первопроходческими в освоении нового направления в истории СССР⁴.

В марте 1992 г. Н. Бугай публикует сборник архивных документов «Иосиф Сталин – Лаврентию Берии: “Их надо депортировать...”» – о переселении различных народов (калмыков, крымских татар, греков, болгар, народов Закавказья и Северного Кавказа, из Украины, Белоруссии, Прибалтики) на спецпоселения в 1940-е гг. Каких-либо документов о переселении корейцев учёный не приводит. Однако во вступительной статье «Что это было?» мы встречаем большой абзац о корейцах:

«Драматически сложилась и судьба сорён-сарам (букв.: советский человек), как нередко называют советских корейцев на земле предков. Японские захватчики переселили корейское население из приграничных с Советским Союзом районов вглубь полуострова. Правительство СССР предприняло аналогичную акцию по отношению к советским корейцам. Японский историк Харуки Вада на основании документов архива МИД Японии приводит сведения о переселении сорён-сарам в республики Средней Азии. В августе 1937 г. Сталин в беседе с руководителем НКВД восточных районов страны генералом Г. С. Люшковым высказал соображения "об усилении миграции корейцев". Глава Советского государства, как отмечается в документах, "не доверял корейцам, пока они живут в пограничной зоне, считая, что между ними и посылаемыми японцами шпионами корейской национальности могут быть установлены тесные связи". Г. С. Люшков был снабжён необходимыми инструкциями. Прямым руководством к действию служили постановления СНК СССР от 5 сентября "О порядке расчётов с переселяемыми в Казахскую и Узбекскую ССР корейцами" и 7 октября "О смете расходов по переселению второй очереди корейцев из Дальневосточного края". В два приёма 171 781 кореец были выселены в Казахстан (36 000 семей) и Узбекистан (16 272 семей). Незначительное их число было размещено и в областях РСФСР. Вскоре их ряды пополнили 1 833 корейца из Астрахани. В 1945 г. были выселены 25 русских и корейцев из Москвы, 1 500 – из Ухты, 1 027 – из Тульской области, 700 – из Охотска и

Камчатки: всего – более 173 тыс. чел.»⁵. Публикуется также ряд специализированных статей, посвященных корейцам, где уже представлены архивные материалы.⁶

В том же 1992 г. (в октябре) выходит другой сборник архивных документов – «Белая книга о депортации корейского населения России в 30–40-х гг. Книга первая», составленная Ли У Хе (Ли Владимир Фёдорович) и Ким Ен Уном (Ким Евгений Евгеньевич). Это первый обширный сборник архивных документов о выселении корейцев с Дальнего Востока в Среднюю Азию. Каждый документ снабжён комментарием. Сборник предваряет статья Ли У Хе «Трагедия и возрождение российских корейцев». Статья наполнена эмоциональным накалом, экспрессивными оценками и в ряде мест выходит за рамки научной лексики. Например, известное постановление Сталина и Молотова о выселении корейцев, согласно оценке Ли У Хе, «представляет одну из наиболее изощрённых форм геноцида, направленного против национальных меньшинств»⁷. «Это, можно сказать, "историческое творение" тоталитарного режима, – пишет автор, – на десятилетия предопределило трагическую судьбу российских корейцев, деградацию их культуры, тяжкие демографические потери и прочие беды. Каждая строка этого документа – произвол, беззаконие, лицемерие»⁸. Шифрограмма об определении наиболее благоприятных для расселения корейцев районов сопровождается комментарием: «Корейцев – депортантов отныне – насильно привязывали к колхозно-совхозной земле или территории, где они, подобно рабочему скоту, должны были не разгибая спины трудиться на "общественных полях", отдавая государственной машине не менее трёх четвертей прибавочного продукта»⁹. В таком же припадке страсти составлены и другие комментарии.

В 1993 г. вышла статья В. С. Хана и С. М. Хана, где подвергается анализу концепция причин выселения корейцев, выдвинутая Ко Сонг Му, а также других авторов, и предлагается *концепция системного рассмотрения причин выселения корейцев как*

части сталинской переселенческой политики в целом. Ниже данная концепция излагается в сокращённом виде¹⁰.

Были ли перечисленные Ко Сонг Му мотивы выселения корейцев с Дальнего Востока в Среднюю Азию и Казахстан действительными причинами, имевшими реальные основания? Нам представляется, что выселение корейцев нельзя рассматривать как нечто, имевшее *особые* основания и причины, будь то столкновения русских и корейцев, территориальная близость Кореи или участие корейцев в разведывательной деятельности против Советского государства. Если допустить их существование, то возникает масса вопросов, на которые трудно найти удовлетворительные ответы.

Если близость мест проживания советских корейцев к Корее действительно внушала опасения властям, то чем объяснить тот факт, что на Дальнем Востоке вместе с корейцами подверглись репрессиям и депортации поляки, латыши, литовцы, проживавшие за тысячи километров от Польши, Литвы и Латвии? Неужели локальные и зачастую бытовые столкновения представителей разных национальностей – явление, часто встречаемое в многонациональных государствах, – могли быть причиной выселения целого народа? К тому же трудно допустить мысль, что советские власти, принимая решение о выселении, исключали возможность таких инцидентов в Средней Азии. Что касается разведывательной деятельности, то завербованными агентами иностранных разведок оказывались и русские, и украинцы, и многие другие, представители самых разных этнических групп. Кроме того, трудно представить, чтобы корейцы могли в массовых масштабах быть завербованы японскими спецслужбами. Бежавшие в своё время от японского гнёта в Корею, с оружием в руках боровшиеся против японских интервентов на Дальнем Востоке, советские корейцы не питали особо тёплых чувств к Японии.

Советские авторы (Н. И. Плетунов, Ф. Н. Базанова и др.) связывали события 1930-х гг. исключительно с производственной

целесообразностью. Оказывается, всему виной были навыки корейцев в возделывании риса.

Не понятно одно. Если корейцы так отличились на сельскохозяйственном поприще, что их передовой опыт требовал распространения, по меньшей мере странным, если не преступным, выглядит метод распространения этого опыта. Насильственная депортация, поселение в необжитых местах, поражение в правах, ограничение на передвижения и т.п. – трудно представить, что всё это способы поощрения отличившихся новаторов.

Для того чтобы понять причины высылки корейцев, необходимо понять сталинизм как СИСТЕМУ, как политику, психологию и идеологию.

С приходом к власти Сталина, в проводимой им политике стали в гипертрофированной форме обозначаться и развиваться такие явления, как волюнтаризм и авторитаризм, сверхцентрализация управления, административный производ, чистка партийного и советского аппарата, чрезвычайные меры. Всё это не могло не сказаться на социально-политических и экономических процессах. Однако Сталин считал, что все трудности – дело рук врагов партии и социализма. «Мы имеем врагов внутренних. Мы имеем врагов внешних. Об этом нельзя забывать ни одну минуту», – эта навязчивая мысль Сталина внушалась им везде.

Ещё в 1923 г., выступая на партийном съезде, Сталин заявил:

«Мы окружены врагами. Волки империализма, нас окружающие, не дремлют. Нет того момента, когда бы наши враги не старались захватить какую-нибудь щёлочку, в которую можно было бы пролезть и повредить нам».

Это был не просто выпад в сторону капиталистических стран. «Эта оценка Сталина, – пишет английский исследователь Роберт Такер, – относилась не только к внешнему миру, т.е. миру за пределами советских границ. Он и в самой России и даже

в партии чувствовал себя, как в осаждённой крепости. Неосознанные потребности и побуждения заставляли его видеть в своём партийном окружении ненавидящих его врагов, которые притворялись верными большевиками, а на самом деле терпеливо выжидали, когда им представится возможность нанести удар по делу строительства коммунизма и по Сталину как лидеру. Там, где таких врагов было слишком мало, их требовалось создать в большом количестве. И Сталин создавал их»¹¹.

Именно маниакальная идея о притаившихся повсюду врагах легла в основу раскрученного маховика политических репрессий 30-х гг. Политика ловли «ведьм» стала параноической болезнью Сталина, преследовавшей его всю жизнь. Подводя под эту политику идеологический фундамент, Сталин подчёркивал, что «репрессии в области социалистического строительства являются необходимым элементом наступления»¹².

Как и всё изречённое Сталиным, идея о врагах и вредителях должна была быть гениальной. А это означало, что она не могла быть актуальной лишь на короткое время. ЭПОХАЛЬНЫЕ БИТВЫ – а борьба Сталина с врагами народа и социализма могла быть только эпохальной – требовала десятилетий. И подтверждением гениальности идеи должны были служить очередные разоблачённые враги.

1927–1928 гг. Кризис хлебозаготовок. В соответствии со сталинской концепцией, он объяснялся происками врагов, «кулацкой стачкой». За «мягкотелость», «примиренчество», «срастание с кулаком» только на Урале за январь-март 1928 г. были отстранены 1 157 работников окружного, районного и сельского аппарата.

1928–1931 гг. В 1928 г. была репрессирована группа старых специалистов, обвинённых во вредительстве на угольных шахтах Донбасса. В 1930 г. состоялся процесс над группой специалистов, работавших в ряде ведомств («процесс Промпартии»). Тогда же были обсуждены по обвинению в принадлежности к никогда не существовавшей «Трудовой крестьянской партии»

крупные сельского хозяйства. В этот же период под лозунгом борьбы с кулаком «раскулачивались» сотни тысяч крестьянских хозяйств, а крестьянские семьи насильственно выселялись на Север, Урал, в Сибирь, Казахстан. В 1930 г. была выселена 115 231 семья, а в 1931 г. – 265 795. 250 тыс. семей «самораскулачивались», т.е. распродали или бросили своё имущество и бежали в города или на стройки. Всего в ходе раскулачивания было ликвидировано более 1 100 000 крестьянских хозяйств¹³.

1932–1933 гг. Голод. По стране прокатились массовые аресты десятков тысяч людей, отчаявшихся, прежде всего женщин, собиравших на колхозных полях колоски, чтобы спасти от голодной смерти своих людей. Деревню захлестнула новая волна репрессий (против «расхитителей социалистической собственности»), административного произвола и насилия.

1936 г. Процесс по делу так называемого «троцкистско-зиновьевского террористического центра» во главе с Г. Е. Зиновьевым и Л. Б. Каменевым. На следующий день по завершении процесса все обвиняемые были расстреляны.

1937 г. Процесс по делу так называемого «антисоветского троцкистского центра», по которому проходят видные руководители партии и государства при Ленине: Г. Л. Пятаков, К. Б. Радек, Г. Я. Сокольников, Л. П. Серебряков и другие, а также закрытый суд по делу военных руководителей М. Н. Тухачевского, И. Я. Якира, И. Б. Уборевича и других, обвинённых в шпионаже и подрыве боевой мощи Красной Армии. Проходившие по этим делам были расстреляны. Только с мая 1937 г. по сентябрь 1938 г. подверглись репрессиям около половины командиров полков, почти все командиры бригад и дивизий, все командиры корпусов, все командующие войсками военных округов, члены военных советов и начальники политических управлений округов, большинство политработников и комиссаров.

1938 г. Процесс по делу так называемого «право-троцкистского блока». Здесь в числе обвиняемых также проходили известные партийные и государственные деятели:

Н. И. Бухарин, А. И. Рыков, Н. Н. Крестинский, Х. Г. Раковский, А. И. Икрамов, Ф. У. Ходжаев и другие.

Репрессиям подверглись все слои населения – партийные работники, интеллигенция, военные, рабочие, крестьянство. По мере того, как раскручивался маховик репрессий, нужно было находить всё новых и новых «врагов», дабы оправдать массовый характер репрессий. Если враги были найдены среди старых партийцев, специалистов, рабочих и крестьян, рано или поздно должны были быть найдены враги среди *наций и народностей*. И они нашлись – корейцы, немцы, крымские татары, чеченцы и другие народы.

Выбор малочисленных народностей в качестве объекта репрессий не был случаен. Ещё будучи народным комиссаром по делам национальностей, Сталин показал, что чаяния и интерес этих народов, в сущности, ему чужды. Лев Троцкий так охарактеризовал работу возглавляемого Сталиным комиссариата:

«Члены коллегии наркомнаца относились, по существу, свысока или безразлично к интересам отсталых народностей. Открыто или полусознательно они стояли на уже известной нам точке зрения Розы Люксембург: при капитализме национальное самоопределение невозможно, при социализме оно излишне. Они гораздо более склонны были к абстрактной форме проповеди интернационализма, чем к тому, чтобы отсталым и вчера ещё угнетённым национальностям дать возможность достойного существования»¹⁴.

Эта позиция Сталина в конечном счёте трансформировалась в целую политику, где малочисленные народы становились объектом волюнтаристских манипуляций со стороны «вождя» и его окружения. Роберт Такер в своей книге о Сталине тонко подметил его роковую роль для судеб и культур малых народов:

«По иронии судьбы человек, который по мнению Ленина был ценным для партии в качестве представителя малых народов и который в течение длительного времени соглашался с

таким определением этой своей основной роли в партии, представлял собой формирующегося русского националиста... Сталин отождествлял себя с Россией, в этом крылось его надменное отношение к культуре малых народов»¹⁵.

В 1995 г. выходит монография казахстанского ученого *Георгия Васильевича Кана* «История корейцев Казахстана», где автор излагает превентивную концепцию депортации корейцев:

«На наш взгляд, наряду с такой официальной формулировкой причины депортации корейцев, как "пресечение проникновения японского шпионажа в край", в тесном единстве с ней всё же следует выделить более масштабную причину. Суть её состоит в том, что советские корейцы стали заложниками дальневосточной политики СССР в целом. Как известно, в июле 1937 г. Япония начала вооружённое вторжение во Внутренний Китай, к концу месяца был занят Пекин. Под угрозой внешнего вторжения уже весной 1937 г. основные политические силы Китая – компартия и гоминдан – достигли соглашения о прекращении гражданской войны и создании единого фронта для отпора японским захватчикам. В поддержке воюющих сторон проявилась поляризация глобальных политических сил в том биполярном мире. В её основе лежала идеологическая конфронтация. Западные державы не принимали активных мер по прекращению этой войны. В сложившейся ситуации гоминдановское правительство, не без влияния компартии Китая, пошло на сближение с Советским Союзом. По инициативе СССР 21 августа 1937 г. был подписан советско-китайский договор о ненападении. Заключение договора о ненападении с одной из воюющих сторон, как в данном случае, означает, по сути дела, союзнические отношения, т.е. СССР и Китай стали фактически союзниками в войне с Японией. Советский Союз очень дорожил этими отношениями, тем более что он ощущал свою изоляцию перед лицом надвигающейся Второй мировой войны. СССР оказывал Китаю экономическую и военную помощь. Таким образом, 21 августа 1937 г. были подписаны два документа:

советско-китайский договор о ненападении и постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) о выселении корейского населения из пограничных районов Дальневосточного края. Это были две стороны одной медали. Депортацию корейцев под предлогом "пресечения проникновения японского шпионажа" следует рассматривать как один из моментов "большой политики", как демонстрацию Советским Союзом твёрдости своих союзнических отношений с Китаем, своих отношений с Японией (Корея же находилась в колониальной зависимости от Японии, а корейцы были японскими подданными), своих позиций в дальневосточной политике»¹⁶.

В 1995 г. также выходит книга Н. Ф. Бугая «Л. Берия – И. Сталину: "Согласно Вашему указанию..."». В книге использовано много архивных документов, но странно, что Н. Ф. Бугай использует только три работы по корейцам (С. Кима, Харуки Вада и Ко Сонг Му)¹⁷, хотя к тому времени вышел целый ряд работ в самой России, в Казахстане и Узбекистане, где обсуждался вопрос депортации корейцев.

Н. Бугай обращает внимание на то, что депортация по этническому признаку началась до переселения корейцев. 28 апреля 1936 г. СНК СССР принимает постановление № 776-120сс «О выселении из УССР и хозяйственном устройстве в Карагандинской области Казахской АССР 15 000 польских и немецких хозяйств»¹⁸. Автор проводит параллель действий правящих кругов Японии и СССР в отношении корейцев: «В 1937 году Япония, видя в них сторонников СССР, предприняла ряд акций по отношению к населению северных районов Кореи. Значительная часть корейцев была переселена японцами из пограничных с Советским Союзом районов вглубь страны и на Сахалин. Сталин также не доверял корейцам, живущим в пограничной зоне, считая их благоприятной средой для деятельности японской агентуры»¹⁹.

Среди корейцев, включая учёных, бытовало и бытует мнение, что корейцы были спецпереселенцами. Н. Ф. Бугай пер-

вым документально показал, что переселённые корейцы были переведены в категорию спецпоселенцев в 1945 г.²⁰ Однако вопрос, считать ли корейцев административно переселёнными или спецпоселенцами, был неясен даже для самих сотрудников МВД, в связи с чем была выпущена директива МВД СССР о порядке выдачи корейцам новых паспортов²¹. Данная путаница приводит Н. Бугая к очень важному, с моей точки зрения, выводу: «Можно полагать, что корейцы чисто автоматически "выпадали" из статистики о спецпоселенцах за 40-е гг. В тех случаях, когда вставал вопрос о корейцах, власти обращались к документам по их депортации в 1937–1938 гг., не прослеживая ход дальнейших событий, связанных с их определением на "спецпоселение"»²².

В 1997 г. вышла статья М. Н. Пака «О насильственной депортации советских корейцев Дальнего Востока в Центральную Азию». В ней автор выделяет ряд причин этой депортации.

Это, во-первых, политика массового террора, и автор перечисляет судебные процессы, предшествующие депортации корейцев. Во-вторых, это «внешнеполитический фактор, связанный со взаимоотношениями СССР и Японии». Автор убеждён, что «между Советским Союзом и Японией существовала определённая договорённость о полном выселении корейского населения с Дальнего Востока». Он задаётся вопросом: «Было ли это сформулировано в каком-нибудь письменном документе?» И далее: «Обращает внимание сообщение Х. Вада, который, касаясь истории переселения, пишет: "Мы вынуждены опираться целиком на японские источники, но стопка документов, относящихся к этому событию, исчезла из архива Министерства иностранных дел Японии". Случайно ли исчезли эти документы, или это было сделано по договорённости с советской стороной, у которой также не оставлено следов стовора с японцами? Иезуитство состояло в том, что, осуществляя угодное Японии переселение корейцев, творцы советской политики представляли это как меру борьбы против проникновения японского

шпионажа"»²³. В-третьих, это «желание советского руководства использовать их рабочую силу для возрождения тех районов Казахстана и Средней Азии, которые опустели в результате сталинской политики коллективизации»²⁴.

В 2004 г. выходит статья южнокорейского учёного Сим Хон Ёнга «Историография проблемы депортации корейцев в СССР (30–40-е годы)». Однако из 14 страниц только одна посвящена данной депортации, да и то в виде простого перечисления ряда известных работ и краткой выдержки донесения Н. Ежова Сталину об окончании выселения корейцев²⁵.

На фоне предшествующих работ выделяется статья американского учёного Пола Отто. Автор считает, что сталинская политика переселения народов основана на примордиальном понимании этничности, и «масштабные этнические чистки» 1937–1949 гг. исходили из попытки Сталина «нейтрализовать диаспорные группы как потенциальных помощников иностранных разведок и военных»²⁶. В основе этих действий лежит примордиалистское понимание диаспор, а именно на тезисе, что «их историческая культура, национальная идентичность и политическая лояльность оставались за пределами СССР»²⁷. Поэтому возникла «необходимость физически расселить эти национальности по отдалённым районам СССР и жёстко ограничить их возможность свободно передвигаться»²⁸.

Тема выселения корейцев в Среднюю Азию обсуждалась не только на «глобальном» уровне, но и региональном²⁹.

Существующие объяснения причин выселения корейцев можно сгруппировать по их подходам. *Первый подход* увязывает причины выселения корейцев с превентивными мерами, предупреждающими расширение шпионажа корейцев в пользу Японии в условиях возможной войны с восточным соседом. *Второй подход* рассматривает данное выселение с точки зрения военной науки, предусматривающей освобождение территорий возможных боевых действий от гражданского населения. *Третий подход* выдвигает экономическое объяснение, связанное

с решениями советского правительства по развитию рисосеяния в Средней Азии. *Четвёртый подход* содержит в своей основе конспирологию: стовор Японии и СССР. И *пятый подход* основан на комплексном или многофакторном подходе, не сводящем решение сталинского руководства о выселении корейцев только к одной причине.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Krader, Lawrence*. Peoples of Central Asia. Indiana University Press, Bloomington; Mouton, The Hague, Netherlands, 1963. xiv + 319 pp.
- ² *Conquest, Robert*. Soviet deportations of nationalities — London: McMillan and Co Ltd; New York: St Martin's Press, 1960. — 204 p.; Nekrich A. The Punished Peoples. The Deportation and Fate of Soviet Minorities at the End of the Second World War. — New York: W. W. Norton, 1979. — 170 p.
- ³ *Songmo Kho*. Koreans in Soviet Central Asia. — Helsinki, 1987, p. 25-27.
- ⁴ *Бугай Н. Ф.* К вопросу о депортации народов СССР в 30–40 годы // История СССР. № 6. 1989. — С. 135-144; «По сведениям НКВД были переселены...». — Киев, 1992; Сталин — Л. Берии: «Их надо депортировать ...». — М., 1992; «Л. Берия — И. Сталину: «Согласно Вашему указанию...». — М., 1995.
- ⁵ *Бугай Н. Ф.* Сталин — Л. Берии: «Их надо депортировать ...». — М., 1992. — С. 6.
- ⁶ *Бугай Н. Ф.* «Корейский вопрос» на Дальнем Востоке и депортации 1937 г. // Проблемы Дальнего Востока. 1992 г. № 4. — С. 152-161; О выселении корейцев из Дальневосточного края // Отечественная история. 1992. № 6. — С. 141-168; Из истории депортаций и трудоустройства корейцев в Казахстане и Узбекистане // Информационный вестник Евразийской Ассоциации корейцев «Корень». Вып. 2. — М., 1992. — С. 54-94.
- ⁷ Белая книга о депортации корейского населения России в 30–40-х годах. Книга первая. — М., 1992. — С. 25.
- ⁸ Там же. — С. 65.
- ⁹ С. 72.
- ¹⁰ *Хан В. С., Хан С. М.* Сталинизм: к вопросу о причинах политики депортаций // Известия о корееведении в Казахстане и Средней Азии. № 4. 1993. — С. 7-14.
- ¹¹ *Такер Р.* Сталин. Путь к власти. — М.: Прогресс, 1991. — С. 414.

- ¹² Сталин И. В. Соч. Т. 12. – С. 309.
- ¹³ См.: Данилов В. П. Коллективизация: как это было // Страницы истории советского общества: Факты, проблемы, люди. – М., Политиздат, 1989. – С. 244.
- ¹⁴ Троцкий Л. Сталин. В 2-х томах. Т. 2. – М., 1990. – С. 39.
- ¹⁵ Такер Р. Указ. соч. – С. 229.
- ¹⁶ Кан Г. В. История корейцев Казахстана. – Алматы, 1995. – С. 46-47.
- ¹⁷ Ким С. Исповедь сорён-сарам – советского человека // Дружба народов. № 4. 1988; *Haruki Wada*. Koreans in the Soviet Far East, 1917–1937 // Koreans in the Soviet Union. – Honolulu, № 12. 1989; *Songmo Kho*. Koreans in Soviet Central Asia. – Helsinki, 1987.
- ¹⁸ Бугай Н. Ф. Л. Берия – И. Сталину: «Согласно Вашему указанию...». – М., 1995.
- ¹⁹ Там же. – С. 18-19.
- ²⁰ Там же. – С. 23.
- ²¹ Там же. – С. 24-25.
- ²² Там же. – С. 25.
- ²³ Пак М. Н. О насильственной депортации советских корейцев Дальнего Востока в Центральную Азию // Международная академия наук о природе и обществе. Вестник Академии. № 2. 1997. – С. 9-10.
- ²⁴ Там же. – С. 10.
- ²⁵ Сим Хон Ёнг. Историография проблемы депортации корейцев в СССР (30-е – 40-е годы) // 1937 год. Российские корейцы: Приморье – Центральная Азия – Сталинград (Депортация). – М.: Первое Марта, 2004. – С. 199-214.
- ²⁶ *Otto, Pohl J.* Soviet Apartheid: Stalin's Ethnic Deportations, Special Settlement Restrictions, and the Labor Army: The Case of the Ethnic Germans in the USSR // *Human Rights Review*. 2012. Vol. 13. – P. 211.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Тен В. А. О выселении корейцев в Северный Казахстан // Известия о корееведении в Казахстане и Средней Азии, № 2. – Алматы-Хельсинки, 1993; Рахманкулова А. Х. Документы ЦГА Узбекистана по истории депортации народов в Узбекистан в 1930-е гг. (на примере корейцев) // Известия о корееведении в Казахстане. Вып. 8. – Алматы, 2001; Джумашев А. М. К истории депортации дальневосточных корейцев в Каракалпакстан (1937–1938 гг.) // Известия о корееведении в Казахстане. Вып. 9. – Алматы, 2002.

§ 2. Обустройство на новой земле

Вопрос принудительного переселения корейцев тесно связан с темой самого переселения и темой обустройства корейцев на новых местах.

Что касается самого переселения, то в России, Казахстане и Узбекистане собран и опубликован огромный архивный материал, позволяющий отследить все этапы переселения и события, при этом происходившие. Кроме того, собрано большое количество воспоминаний очевидцев. В литературе часто поднимается вопрос о людских потерях во время переселения. И здесь цифры расходятся. Так, казахстанский историк Г. Н. Ким даёт цифру в 23 277 чел., а южнокорейский учёный Бэ Ын Гиент приводит цифру в 22 261 чел. Оба учёных опираются в своих выводах на переписи населения¹.

Что касается *темы обустройства*, она подробно освещена в работах Г. Кана, А. Тена, Р. Ан, Г. Кима, П. Кима, А. Рахманкуловой, А. Джумашева, В. Хана и др.² Все работы по ней основаны на большом количестве архивных документов и устных историй. Однако есть вопросы, которые не получили освещения в силу их деликатности. Как отнеслось местное население к переселенцам? Сегодня этот вопрос политизируется, особенно руководителями корейских организаций («корейцы должны быть благодарны народам Средней Азии за то, их приютили и поделились последним куском хлеба»), для которых подобная постановка исторической проблемы – компонент в конструировании личной политической карьеры. Необходимо выйти за рамки подобной «концептуализации», поставив её на строго научные рельсы.

Наиболее детально и разносторонне (расселение корейцев, трудоустройство, организация жилищного строительства, медицинское обслуживание, проблема компенсации за оставленное имущество, проблема разделённых семей и т.д.) тема

обустройства корейцев на новых местах изложена в книгах Г. В. Кана «История корейцев Казахстана» и П. Г. Кима «Корейцы Республики Узбекистан». Однако в книге автора «Корё сарам: кто мы? (Очерки истории корейцев)», опубликованной в Бишкеке в 2009 г., вопрос об обустройстве корейцев (глава «В борьбе за выживание») изложен в обобщённой и систематизированной форме как по Казахстану, так и по Узбекистану, с привлечением архивных материалов и работ указанных авторов. Ниже мы излагаем данную главу, по которой можно судить о степени разработанности вопроса и уровне источниковой базы.

По архивным данным, в Узбекистан прибыло 16 307 семей (74 500 чел.) и в Казахстан – 20 789 семей (98 454 чел.).

Перед органами власти Узбекистана и Казахстана стояли сложнейшие задачи, которые нужно было срочно решать: расселение прибывших и организация переселенческих колхозов, включая решение земельного вопроса; строительство жилья, больниц, школ, административных и производственных помещений; выделение безвозвратных кредитов и продовольственных ссуд; организация медицинского обслуживания; трудоустройство рабочих и служащих; определение студентов на учёбу; компенсация за сданный урожай, скот и имущество в ДВК.

Статус и права корейских переселенцев. Проблема разделённых семей. Официально корейцы считались *административно выселёнными*. По ряду пунктов они были ограничены в правах. При их расселении соблюдались следующие требования: во-первых, запрещение вселения в приграничные районы, «учитывая возможные попытки японцев найти связи с корейцами и в новых районах их расселения, через страны Ближнего Востока»; во-вторых, удаление от железной дороги «для предупреждения переселенцев от побегов»; и, в-третьих, «компактными группами не менее 1 000 семей для организации контроля над ними»³.

Несмотря на то, что корейцы были административно выселёнными, постановление СНК СССР от 8 января 1945 г. «О пра-

вовом положении спецпереселенцев», закрепившее принудительное трудовое устройство и ограничение спецпереселенцев (специальных переселенцев) на свободное передвижение, было распространено и на корейцев. 2 июля 1945 г. был издан приказ, согласно которому корейцы были взяты на учёт в качестве спецпереселенцев уже официально. В местах поселения корейцев были созданы отделения специальных комендатур при местных управлениях НКВД и при Отделе специальных поселений НКВД по обслуживанию корейцев⁴.

До 1941 г. корейцы не имели права проживать за пределами районов, указанных в паспорте. Если по каким-либо причинам кому-то из них разрешали выехать в другую область или район, местный отдел НКВД выдавал специальную справку, в которой указывалось время пребывания в той или иной местности, а также предписание – явиться по прибытии в районное отделение НКВД. С 1941 г. корейцам разрешили проживать в пределах республики, указанной в паспорте, а с 1953 г., после смерти Сталина и XX съезда КПСС, – по всей стране.

В процессе переселения и расселения корейцев многие семьи оказались разлучёнными. Мужья и жёны, дети и родители оказались в разных эшелонах, и как следствие – попадали в разные края. Об одной из таких историй рассказала сотрудник Карагандинского областного историко-краеведческого музея Евгения Пришлецова. Изучая историю корейцев в архивных материалах, она натолкнулась на заявление одной кореянки: «Прошу меня соединить с моей семьёй. Мужа и родителей отправили в другой город, а меня в Карагандинскую область». Женщине в её просьбе отказали, ссылаясь на то, что расселением занимается только ЦК.

Поскольку после переселения для корейцев был установлен особый паспортный режим, ограничивающий их передвижения, разделённые семьи не могли воссоединиться до тех пор, пока этот режим не был отменён. Так, Цхай В. М., попавший в Северо-Казахстанскую область в апреле 1938 г., пишет на имя

Генерального комиссара государственной безопасности НКВД СССР и просит, чтобы ему разрешили переехать к брату, попавшему в Кустанайскую область. Сначала он обратился в районную комендатуру, и после месяца ожидания ответа решил обратиться в столь высокую инстанцию⁵.

А вот документ из архивов Узбекистана с просьбой разрешить переезд старых родителей: «Мои родители в настоящее время находятся в городе Гурлене Хорезмского округа по случаю переселения всех корейцев..., а я и мой брат Ким Иван Миронович приехали с 9 членами семьи в город Андижан, где работаем на хлопковом заводе № 3.

Родители с места выезда попали в другой эшелон не по нашей вине, а по вине работников комиссии по переселению. Мои родители до приезда с Дальнего Востока состояли членами колхоза «Просвещенец» в селе Богатырка Ворошиловского района. А сейчас по месту нахождения не состоят в колхозе, так как родители старые, нетрудоспособные. Отцу – Ким Хен Наку – исполнилось уже 73 года, а матери – Ким Марии – 61 год. Одна сестра учится в школе. Они сейчас не в состоянии прожить самостоятельно в Гурлене. Я был в Андижанском НКВД по вопросу переезда моих родителей в Андижан. НКВД не возражал против переезда. Приехал 12 февраля сего года в Гурлен и на второй день подал заявление местному НКВД с просьбой разрешить переезд моих стариков. Гурленский НКВД, затянув рассмотрение вопроса до 26 февраля, дал ответ, что нельзя их перевозить, потому что они не могут состоять членами в колхозе. Я говорил начальнику: "Не могут жить старики отдельно от нас". Тогда начальник НКВД говорит, что я могу жаловаться в окружной Ново-Ургенчский НКВД. Был в Ново-Ургенче, где пробыл три дня. Без окончательного ответа окружного НКВД меня отправили обратно в Гурленский НКВД. Начальник окружного НКВД сказал, что будет вести переговоры с Гурленским НКВД. Конечно, я приехал обратно в Гурлен. На другой день был в НКВД. Опять, затянув несколько дней, он сказал, что

будет телеграфировать в Ташкент в НКВД – в переселенческий пункт с просьбой разрешить удовлетворить мою просьбу. Уже прошло больше 10 дней, ответа нет. Я думаю, такое отношение является не человеческим и издевательским над человеком. Я ещё раз повторяю, что старики нетрудоспособные и перевезти их нужно обязательно. Старики до моего приезда находились в очень тяжёлом материальном положении. Дальше жить самостоятельно они не могут. Никакого выхода нет. Убедительно прошу Вас дать ответ по запросу Гурленского НКВД относительно моего заявления.

Настоящим прошу Вас, дайте мне разрешение о выезде из Гурлена с моими родителями в город Андижан. Прошу в моей просьбе не отказать»⁶.

И таких писем в архивах Казахстана и Узбекистана – огромное количество.

Дислокация, численность и профиль корейских колхозов. В Казахстане корейцы первоначально были расселены в 7 областях: *Алма-Атинской* – 1 616 семей (7 851 чел.), *Южно-Казахстанской* – 8 867 семей (43 181 чел.), *Актюбинской* – 1 744 семьи (7 666 чел.), *Северо-Казахстанской* – 2 299 семей (9 350 чел.), *Карагандинской* – 3 073 семьи (14 792 чел.), *Кустанайской* – 720 семей (3 746 чел.), *Западно-Казахстанской* – 1 950 семей (9 017 чел.). Астраханским рыбным предприятиям было передано 520 семей (2 851 чел.), которые учитывались как поселённые в Казахстане.

Данное расселение называют расселением *первого этапа*. Оно носило временный характер, так как многие хозяйства были расселены в местах, непригодных для земледелия. В течение нескольких месяцев здесь корейцы прожили без работы, в связи с чем в адрес правительства СССР и Казахстана хлынул поток писем и жалоб с просьбами как можно скорее решить вопрос с их местом жительства и трудоустройством. Характерным является письмо Сталину от секретаря партийной организации корейского колхоза «Девятый вал» Ким Бен Мука от 22 января

1938 г.: «Со дня прибытия около пяти месяцев находимся без работы. Колхозники последние вещи распродали на продукты и сидят без копейки. Для нас до сих пор не выделен земельный участок. Если в течение нескольких дней не будет никаких мероприятий, то опасно иметь название колхоза "Девятый вал"»⁷.

20 февраля 1938 г. правительство СССР приняло постановление «О мероприятиях по хозяйственному устройству корейских переселенцев в Казахской ССР», в котором был поставлен вопрос о *втором этапе* переселения, но уже внутри республики. На втором этапе подлежали переселению почти 60% корейских семей (12 135 семей) из 13 первоначальных районов вселения в 6 других районов по железной дороге, а также внутри районов в порядке допереселения в существующие колхозы.

По состоянию на 1 января 1939 г. в Казахстане было создано 70 самостоятельных корейских колхозов, включивших в себя 8 037 семей (35 724 чел., или 48,5% от общего числа корейских переселенцев). Из колхозов 13 были рыболовецкие, остальные 57 – сельскохозяйственные: рисовые, зерновые и т.п. 29 колхозов были образованы на землях ликвидированных совхозов. Самостоятельные корейские колхозы образовали места компактного проживания корейцев, что дало им возможность сохранить традиционное хозяйствование и культуру.

3 939 семей (16 488 чел.) было влито в 203 местных колхоза. В этих случаях корейцы расплылись среди местного населения. Так, в 9 колхозов вселили по 1 корейской семье, в 64 колхоза – по 2-10 семей, в 49 колхозов – по 11-20 семей, в 81 колхоз – больше 20 семей.

5 894 семьи (21 493 чел.) были устроены в 91 совхоз, промышленные предприятия, МТС и другие организации⁸.

В Узбекистане, по состоянию на 15 ноября 1938 г., было создано 48 самостоятельных, вновь организованных корейских колхозов (5 301 хозяйство). 5 145 хозяйств были доприселены в 211 местных колхозов и совхозов республики. Они были расселены в 5 областях и Каракалпакской АССР: в *Ташкентской области*

(6 667 хозяйств, или 26 вновь организованных корейских колхозов и 91 доприселенческих колхозов), в Самаркандской области (1 194 хозяйств, или 9 вновь организованных корейских колхозов и 16 доприселенческих колхозов), в Ферганской области (1 130 хозяйств, или 5 вновь организованных корейских колхозов и 59 доприселенческих колхозов), в Хорезмской области (846 хозяйств, или 3 вновь организованных корейских колхозов и 9 доприселенческих колхозов), в Бухарской области (16 хозяйств, или 1 доприселенческий колхоз), в Каракалпакской АССР (1 203 хозяйств, или 5 вновь организованных корейских колхозов и 35 доприселенческих колхозов)⁹. Маломощными хозяйствами, нуждающимися в дополнительной помощи, были признаны 1 188 хозяйств из 5 301 во вновь организованных корейских колхозах и 1 734 хозяйств из 5 145 в доприселенческих колхозах и совхозах¹⁰.

Из общего числа колхозов, по состоянию на апрель 1938 г., на территории Узбекистана находилось 11 корейских рыболовецких колхозов, которые объединили 723 корейских хозяйства¹¹. Остальные были сельскохозяйственного профиля. Надо отметить, что после прибытия в Узбекистан ряд рыболовецких колхозов решил сменить профиль. Так, рыболовецкие колхозы «Большевик», «Северный маяк», «Бургин Сахалин», «Моряк-Рыболов» и колхоз имени Сталинской конституции, образовавшийся из объединения колхозов «Южный Рыбак» и «Песчаный», перешли на устав сельскохозяйственной артели и получили земельные угодья (в Казахстане рыболовецкие колхозы «Гигант» и «Девятый вал», поселённые в местах, где невозможно заниматься рыболовством, также перешли на устав сельскохозяйственной артели). Некоторые рыболовецкие колхозы объединились, как это произошло с колхозами «Восточное море», «Трудовая дисциплина», «Амурский», «Стахановец» и имени XVII Партийной конференции, которые объединились в один колхоз имени Коминтерна, в котором насчитывалось 196 хозяйств, или 617 чел.¹² К январю 1939 г., после перехода на сельскохозяйственный профиль и объединения, в Узбеки-

стане осталось 4 рыболовецких колхоза: в Кунградском районе – «Рыболовецкие промыслы» (40 семей), в Ходжелийском районе – «Ленин-Яб» (37 семей), в Муйнакском районе – имени Коминтерна (170 семей) и в Бекабадском районе – «Дальневосточник» (68 семей)¹³.

Численность и дислокация корейских колхозов менялись. Так, уже во время Великой Отечественной войны в октябре 1941 г. в Аккурганском районе Ташкентской области был организован новый корейский колхоз им. Юсупова, состоящий из 80 хозяйств с 427 трудоспособными членами¹⁴. В 1949 г. также были организованы новые переселенческие колхозы с преимущественно корейским населением: в Нижнечирчикском районе – колхозы «XI съезд ВЛКСМ», «Путь Сталина», «3-й Интернационал», «Дальний Восток», имени Микояна; в Верхнечирчикском районе – имени Маленкова, в Ахангаранском районе – колхоз «Победа», в Чиназском районе – колхоз «Авангард» и другие. Новые колхозы на три года освобождались от поставок государству сельскохозяйственных продуктов, продуктов животноводства и от уплаты сельскохозяйственного налога¹⁵.

Организация жилищного строительства. Самой важной проблемой при расселении на новых местах проживания была проблема жилья. Конечно, ни Казахстан, ни Узбекистан к приёму такого числа переселенцев и размещению их в сжатые сроки не были готовы. Как писал в секретной докладной записке на имя Сталина нарком внутренних дел СССР Ежов по поводу расселения первой партии прибывающих: «Из прибывающих 6 000 семейств в КССР будут обеспечены жильём только 1 000 семейств, а в УзССР нет жилищ вообще»¹⁶. К этому надо добавить бюрократические проволочки, характерные для советской системы, когда любой вопрос нужно было согласовывать на различных уровнях, и откровенную халатность чиновников. Нередко средства, отпущенные для переселенцев, использовались не по назначению, а иногда просто разворовывались.

Конечно, строительство жилья для почти 175 000 человек,

выселенных в Узбекистан и Казахстан в течение 2–3 месяцев, было чрезвычайно сложным делом, тем более для технологии строительства 30-х гг. Происходили накладки с финансированием, поставкой стройматериалов, несвоевременным оформлением проектно-сметной документации, несогласованностью действий различных организаций и т.п. В конечном счёте, к моменту приезда корейцев в Узбекистан было подготовлено жилой площади только для 2 500 семей из 16 307.

Строительство постоянных домов требовало времени, в то время как наступали уже холода. Переселенцев нужно было срочно где-то расселять. Поэтому Чрезвычайная комиссия по переселенцам Узбекистана отложила строительство постоянного жилья до весны 1938 г., и все силы были брошены на строительство временных жилищ (юрт, землянок, бараков) и переоборудования имеющихся различных помещений. За период с 20 сентября по 1 ноября 1937 г. по Среднечирчикскому району было построено 625 юрт площадью 2 562 м², 134 землянки площадью 2 391 м², переоборудовано 46 различных помещений под жильё площадью 2 655 м²; по Нижнечирчикскому району, соответственно, построено 166 юрт – 2 656 м², 310 землянок – 5 765 м², 46 различных помещений – 2 663 м²; по Постдаргомскому району – 623 различных помещения – 21 354 м²; по Гурленскому району отремонтировано 1 100 квартир, построено 80 домов; по Риссовхозу построено новых бараков площадью 1 920 м², 600 юрт площадью 2 550 м².¹⁷

Несмотря на темпы строительства, предоставление корейцам сносного жилья растянулось на несколько лет. Так, инспекция корейских колхозов Беговатского района в августе 1938 г. (т.е. спустя 10 месяцев после переселения) показала, что из 10 колхозов 4 колхоза из 62 хозяйств вообще «никаких средств ни на какие цели не получали»¹⁸. В 1938 г. по Узбекистану только 3 356 корейских хозяйств были обеспечены жильем, а в 1939 г. – 4 918¹⁹. О том, насколько данные цифры малы, можно судить из того, сколько хозяйств прибыло в Узбекистан. В Постановле-

нии СНК УзССР и ЦК КП (б) Узбекистана от 3 сентября 1938 г. даны итоги почти годового пребывания корейцев в республике: «Строительство жилых домов выполнено на 3,1%, школьное на 15,4%, культурно-бытовое строительство и бань не начато». Даже к весне 1940 г. жилищное строительство не было завершено. Так, в колхозе «Правда» Верхнечирчикского района из 131 хозяйства только 19 были обеспечены готовыми домами, а 35 незаконченных домов представляли собой голые стены по отсутствию стройматериалов²⁰.

Аналогичное положение сложилось и в Казахстане, где сроки окончания строительства для переселенцев срывались и в 1937 г., и в 1938 г., и в 1939 г., в связи с чем они неоднократно переносились на более поздние сроки.

Строительство в режиме аврала приводило к тому, что зачастую оно велось с нарушением технических норм. Так, для строительства часто использовался саман, причём в сыром замороженном виде, в результате чего стены зимой оставались сырыми и даже покрывались ледяной коркой; многие дома строились без фундамента. Построенные таким образом, они уже скоро разрушались. В этом плане показательна проверка жилищного строительства в колхозах им. Блюхера и «Политотдел» в Верхнечирчикском районе Узбекистана, где дома и гаражи строятся «на участках с залеганием грунтовых вод на 0,3 метра. Фундамент и цоколь сложены не из полноценного кирпича, на глине, без устройства изоляций. Стены сложены без соблюдения правил горизонтальных и вертикальных швов, что технически недопустимо, так как при значительных осадках здания развалятся. Столбы гаража сложены из сырцового кирпича. После перекрытия и навеса ворот столбы гаража не выдержат нагрузки и развалятся»²¹.

Порой строительные материалы, техника и рабочая сила, предназначенные для корейского строительства, незаконно вдруг перебрасывались на другие объекты. Так, в Узбекистане жилищное строительство для переселенцев в колхозах «Крас-

ный Восток», «Новая жизнь», «Восточный партизан», «Кзыл Намуна», имени Будённого, имени Молотова – полностью остановилось, так как райисполком Нижнечирчикского района мобилизовал весь автотранспорт на строительство коллектора²². Иногда строительные материалы для корейского строительства разворовывались либо использовались не по целевому назначению, в связи с чем возбуждались уголовные дела.

Встречались случаи, когда лесоматериалы, предназначенные для строительства, оказывались непригодными (гнилыми). Так, в Постановлении СНК от 17 июля 1938 г. «Об устройстве корейских переселенцев и мероприятий по ликвидации последствий вредительства в этой области» отмечалось, что Зиминский лесозавод поставил 26% негодного леса, а Бийский завод – 56,6%.

Иногда сроки строительства срывались по самым неожиданным обстоятельствам. Вот что говорится в «Докладной записке по переселению и устройству корейских хозяйств в Кара-Калпакии и Хорезмском округе» от офицера НКВД о положении в жилищном строительстве в связи с приездом первой партии корейских переселенцев:

«В числе их были председатели РИКов, сельсоветов, колхозов, секретарь райкома ВКП (б), партийцы, ворошиловские стрелки, учителя и прочая интеллигентная прослойка, хорошо одетых и грамотных по-русски. ...Вежливо и толково беседовали с окружающими, интересовались местностью, народонаселением, бытовыми условиями и со смехом высказывали свои впечатления об отсталости местного населения, проживающего в разваленных глиняных домах или юртах, в антисанитарных условиях...

Также интересовались жилищами, приготовленными для них в Гурленском районе, наличием там школ и высших учебных заведений, культурных условий, возможности туда проехать машиной... (к сведению, в Гурлене совершенно не имеется бани).

Весть о корейцах, проследовавших в Гурлен, и их высоко-

культурном уровне быстро распространилась по Кунградскому району, и у многих работников и строителей на землянках появились панические настроения и разговоры, что "нет смысла затрачивать средства на устройство землянок и прочего, так как этот культурный народ не пойдёт жить в развалины и землянки в такой глуши и отдалённости от культурного центра".

В связи с этим темпы строительства начали застывать, у некоторых работников наступила боязнь ответственности за расходование средств на строительство землянок. Поэтому пришлось проводить нажим и разъяснительную работу среди строителей и технического состава, на усиление темпов и улучшение качества строительства. Этот "страх" вскоре стал рассеиваться, так как последующие пароходы имели состав переселенцев из рядовых колхозников, которые были проще»²³.

Некоторая часть временных построек служила жильём для корейских переселенцев вплоть до конца 1940 г., когда было закончено строительство новых домов.

Медицинское обслуживание. Существующие медицинские пункты в местах вселения корейцев и организация новых пунктов катастрофически не соответствовали числу переселенцев. Как мы уже отмечали, корейцев расселяли в юртах, клубах, сараях, фермах, конюшнях, складских и других приспособленных помещениях, землянках, которые в осенне-зимний период первых месяцев на новой земле не могли защитить людей от холода.

Так, в докладной записке наркома здравоохранения Казахстана председателю правительства республики сообщалось о положении в городе Кзыл-Орде: «Жилые условия корейцев-переселенцев, размещённых не в жилых зданиях ... тяжёлые. В некоторых зданиях, как, например, конюшня в крепости, часть здания бывшего свинарника, температура внутри помещения ничем не отличается от температуры наружного воздуха, от которого они ничем не ограждены. Нет даже дверей, а температура наружного воздуха в Кзыл-Орде держится в пре-

делах 10-18° мороза... Температура внутри помещений других зданий тоже очень низкая и нигде не превышает 4-6° тепла, а в некоторых, как мечеть, ниже 0°»²⁴.

Аналогичное положение сложилось и в Узбекистане. Так, в колхозах «Утренняя звезда» и «Новый путь» Кокандского района корейские семьи были размещены в общежитиях тутового питомника и полуразрушенных домах заброшенного хутора, в которых не было ни потолков, ни окон, ни дверей, ни полов. Большинство корейцев вместе с детьми спали прямо на земляном полу²⁵.

Санитарная обработка во многих местах не проводилась. Так, в совхозе в Ферганской области 27 корейцев были поселены в кладовую, где хранились химические удобрения для сада. В результате дети заболели от ядовитого запаха. А в Нижнечирчикском районе Ташкентской области, по архивным документам, корейцев поселили в конюшню, даже не очистив её от навоза²⁶.

Проживание было столь скученным, что доходило иногда от 0,5 до 2 м² жилой площади на человека. В одной из докладных записок по поводу устройства корейцев на хлопковом заводе Джаял-Кудукского района Узбекистана приводятся данные, как 4 семьи (22 человека) поселили в двухкомнатной квартире. Инспектор, обследовавший эту квартиру, пишет, что полы цементные и все спят на голом полу, и даже места, чтобы пройти между людьми, нет²⁷. В силу сильной скученности людей инфекционные заболевания сразу же приобретали характер эпидемий.

Из-за плохого питания²⁸ повсеместно началась цинга. Так, только в одном Кармакчинском районе Кызыл-Ординской области Казахстана к весне 1938 г. было выявлено 138 больных цингой. Среди переселенцев были распространены тиф, дифтерия, корь, малярия и другие инфекционные заболевания. В марте-апреле в Кызыл-Ординской области среди корейцев было зарегистрировано больных: брюшным тифом – 21, сып-

ным тифом – 23, дифтерией – 5, дизентерией – 75, корью – 39, гриппом – 530, малярией – 22, детским поносом – 160, бруцеллёзом – 14, цингой – 233. Корь давала до 60% смертности. На одном только Джусалинском участке в Кармакчинском районе за первые 8 месяцев от болезней скончалось 373 человека, в основном женщин и детей. В колхозе имени Ворошилова в 1938–1939 гг. от желудочно-кишечных заболеваний умерло 85 человек²⁹.

По данным проверок, в Узбекистане число больных во многих корейских семьях достигало 40-50%. Так, в справке начальника Переселенческого отдела НКВД Узбекистана о состоянии корейских колхозов говорилось:

«Во всех корейских колхозах имеется большое количество больных (понос, глазные заболевания, малярия). Медицинское обслуживание корейцев совершенно недостаточное и неудовлетворительное. В колхозе им. Ленина Пастдаргомского района были выявлены 10 корейцев, больных брюшным тифом, о чём не знал райздравотдел.

В некоторых колхозах имеются медицинские пункты, во главе которых находятся совершенно неквалифицированные медицинские сёстры.

Некоторые колхозы расположены от ближайшего медицинского учреждения на расстоянии 40-50 км. Они не обслуживаются медицинским персоналом, их объезды квалифицированными врачами не практикуется.

Отсутствует достаточное количество необходимых медикаментов, никакой санитарной просветительской работы в колхозах не проводится».³⁰

Как и в Казахстане, корейские переселенцы болели гриппом, корью, малярией, брюшным тифом, дизентерией, пневмонией, бронхитом, цингой. Только в 4 населённых пунктах, колхозах «Новая жизнь», «Трудовик», имени Буденного и совхозе № 10 был зарегистрирован 831 случай малярии. При обследовании колхозов Пастдаргомского района в докладной записке

отмечается, что в результате малярии, поноса и кори в колхозе «Большевик» умерло 6 взрослых и 15 детей, в колхозе «Красный Октябрь» – 28 детей, в колхозе «Труженик» – 4 взрослых и 10 детей. За декабрь 1938 г. по трём районам (Нижнечирчикскому, Среднечирчикскому и Пастдаргомскому) было зарегистрировано 300 больных детей корью, из которых 80 умерли³¹. В 10 колхозах Беговатского района в августе 1938 г. 50% корейских переселенцев были больны³².

Одной из причин массовых заболеваний были антисанитарные условия, в которых жила часть корейских переселенцев. Так, в докладной записке по обследованию устройства корейских переселенцев в Пастдаргомском районе отмечается отсутствие необходимых продуктов питания, «кроме того положение с водой антисанитарное, вода несколько месяцев держится в хаузе, гниёт и заводится червь, за неимением другой воды колхозники вынуждены пить, благодаря чему происходит заболевание. Чистая вода имеется на расстоянии 4-5 км, но вывезти не на чем, нет транспорта»³³.

Для профилактики ряда заболеваний важное значение имели бани. Во многих пунктах расселения корейцев они отсутствовали. Так, в отчётах по Казахстану приводятся такие данные: «В Каратальском районе на 1 015 семей корейцев всего одна баня, в Южно-Казахстанской области на 43 181 человека-переселенца – семь бань, обслуживающих одновременно и местное население»; в городе Кызыл-Орде на 2 000 переселенцев – 1 баня; в Яны-Курганском районе, где было размещено 8 000 корейцев, в местах их вселения не было ни одной бани³⁴. По данным на декабрь 1937 г., в Узбекистане в Среднечирчикском районе действовало 5 бань, в Нижнечирчикском районе – 1, в Пастдаргомском районе – 3, в Гурленском районе – 6. Конечно, этого количества бань было явно недостаточно. Поэтому в районах расселения корейцев стали действовать передвижные бани, автомашины для которых были выделены районными медицинскими организациями³⁵.

В течение октября-ноября 1937 г. для корейских переселенцев в Узбекистане было организовано 65 больничных коек, 3 врачебных пункта и 9 фельдшерских пунктов³⁶. В 1938 г. для корейских переселенцев в Узбекистане было построено и введено в действие 5 больниц на 95 коек, 4 врачебных и 10 фельдшерских пунктов, куда на постоянную работу было направлено 10 врачей и 28 человек среднего медицинского персонала³⁷. Но этого явно было недостаточно, чтобы обслужить более чем 70 тыс. человек.

И тем не менее, шаг за шагом корейское население охватывалось медицинским обслуживанием. В течение 1937 г. и первой половины 1938 г. народным комиссариатом здравоохранения среди корейского населения были проведены: поголовная прививка против оспы; 2-3-кратная санитарная его обработка; хинизация в районах, неблагополучных по малярии; поголовные противодизентерийные прививки в районах с высоким уровнем заболевания дизентерией.

Не имея достаточной медицинской помощи, корейцы часто прибегали к народной медицине.

Оплата за сданное имущество в ДВК, предоставление продовольственных ссуд и кредитов. При переселении корейцы сдали государству скот, технику, инвентарь, посевы, семенной фонд, постройки и т.п. По сводным (ещё не уточненным) данным, корейцы сдали 7 624 лошади и крупного скота (коров, быков, оленей, ослов), 3 845 свиней, 444 овцы, 54 трактора, автомашин и сельскохозяйственных машин, 3 катера, около 2 428 070 кг пшеницы, ржи, ячменя, овса, проса, риса, сои, кукурузы, фасоли, гороха, гречихи, чумизы, периллы, пайзы, картофеля, сена, силоса и других культур, необранных посевов на площади в 1 480 га, огромное количество строений, инвентаря и другого имущества³⁸. Приведённые данные нельзя считать полными, так как в ряде таблиц не указано количество необранных посевов или сданного скота, хотя указаны суммы их стоимости. Кроме того, в отчёты вошли только данные по тем колхозам и

единоличникам, которые представили квитанции о сдаче урожая, скота и имущества.

Согласно пункту 4 Постановления о выселении корейцев из ДВК, государство брало на себя обязательство «возместить переселяемым стоимость оставляемого ими движимого и недвижимого имущества и посевов». Формы обязательства были различными: денежная выплата до переселения, денежная выплата или получение натурой на месте прибытия. Однако реализация данного пункта постановления была выполнена не в полном объёме, к тому же растянулось на годы.

Оказавшись с небольшими финансовыми средствами и продуктами, которые таяли день ото дня, корейцы рассчитывали на компенсацию сданного урожая, скота и имущества сразу же по прибытии в Центральную Азию. Однако компенсация, частичная и только по зерну, началась с января 1938 г. Что касается скота, то по состоянию на 10 января 1938 г. ни один колхоз и ни один колхозник его не получили³⁹. Так, корейцы, попавшие в Ходжейлийский район Каракалпакской АССР в ноябре 1937 г., писали Сталину:

«Мы прибыли в г. Ходжейли 22 октября 1937 г. ... До сегодняшнего дня нас не обеспечили ни продуктами, ни топливом, ни тягловой силой, а также ни скотом, ни зерном, ни овощами, которые мы должны получить от государства в счёт сданных нами в Заготзерно, Заготмясо, Заготовощ и другие учреждения в ДВК перед выездом. Мы живём пока почти под открытым небом. Сейчас холодно... Мы не имеем запаса денег. Мы не имеем лошадей и не можем возить продукты из города...»⁴⁰.

Постановлением правительства СССР от 20 февраля 1938 г. предусматривалось не позднее 15 марта 1938 г. произвести полный расчёт натурой с корейскими переселенцами за сданные ими в ДВК посевы. Однако эти сроки выдержаны не были. Так, в апреле 1938 г. члены колхоза «Жанаталап» (бывшего колхоза «Парижская Коммуна») посылают в 3-й раз в правительство Казахстана просьбу об оплате за сданный в ДВК урожай:

«Мы здесь, в Казалинске, поставили вопрос, но никто нам решительного ответа не даёт, начиная с райкома КП (б) Казахстана. В райисполкоме, райземотделе, райфинотделе, переселенческой конторе ответа не дают, говорят, что ничего не знают и не выдают денег, которые нам обещали в ДВК по обязательствам. Никто не думает выплачивать эти суммы и не предоставляет нам никакой помощи. ... За 1937 г. колхозникам не выплачено ни копейки. ... В настоящее время колхозники находятся в крайне тяжёлом положении, сидят на одной муке и не видят вот уже около 8 месяцев ни жиров, ни мяса, ни овощей. Около 20% колхозников болеют от истощения... Куда теперь обратиться, мы не знаем, кто выплатит нам деньги. Ведь урожай 1937 г. мы полностью сдали по обязательствам государству. Просим Вас дать нам совет и в скором времени выплатить нам деньги»⁴¹.

В мае 1938 г. корейские переселенцы из Калининского района Узбекистана с аналогичной жалобой обращаются на имя председателя правительства СССР:

«По прибытии на новое место жительства два раза писали письма и два раза давали телеграмму, но до сего времени нет положительного результата и даже нет никакого ответа. ... В настоящее время колхоз страдает из-за отсутствия средств, а также задолженности колхозникам. Колхоз по трудодням не получил ни единого рубля на трудодни 1937 г. Все деньги израсходованы. Люди продали вещи, привезённые из Дальнего Востока, и находятся в крайне безвыходном положении»⁴².

Почему вопрос о компенсациях решался так долго, что стало предметом многочисленных жалоб, переписок и разбирательств? Дело в том, что переселенцам должны были выдаваться соответствующие квитанции о сдаче урожая, скота и имущества. Однако не все их получили. Кроме того, многие квитанции оказались неправильно оформлены: не имели подписей и печатей; иногда вместо подлинных документов выдавались копии; иногда отсутствовали или неправильно указывались денежные суммы, подлежащие выплате; иногда имущество оставлялось

просто поселковым Советам по месту жительства, а не специализированным организациям, которые осуществляли его оценку и т.д. Например, правительственная комиссия УзССР, рассмотревшая в сентябре 1938 г. документы 26 колхозов, разрешила производить расчёт по документам только 6 колхозам, а по документам 20 колхозов признала необходимым запросить ДВК о подтверждении их подлинности⁴³.

В первые месяцы переселения даже крупные руководители не знали о государственных обязательствах по компенсациям, а тем более об источниках погашения задолженностей перед корейцами. Так, председатель правительства Каракалпакской Автономной Республики с недоумением пишет председателю правительства Узбекистана: «Прибывшие в колхозы и кустарные промысловые артели предъявляют документы о том, что они на месте жительства сдали: рабочий скот, сельхозинвентарь, хлеб, зерно и другие посевы на корню, возврат которых им, якобы, должен быть обеспечен натурой с прибытием к новому месту поселения»⁴⁴.

В ряде случаев представители организаций, ответственных за погашение задолженности, шли на подлог документов, чтобы снять с себя эту ответственность. Так, 17 июля 1939 г. начальник переселенческого отдела НКВД по Кызыл-Ординской области сообщал в Алма-Ату:

«Представитель республиканской конторы Заготконь в 1938 г. лошадей недодал, а отобрав у колхозников акты и квитанции, выдал справки, что им лошади не выданы. Колхозы, получившие справки о недополучении лошадей, обратились в областную контору Заготконь о выдаче им лошадей. Там этих справок не признали и произвести выдачу лошадей отказались»⁴⁵.

В докладной записке начальник Нижнечирчикского районного отделения НКВД Узбекистана пишет, что председатель местного колхоза «Авангард» ничего не делал для запроса в ДВК о сданном имуществе 42 корейских хозяйств, доприсе-

лённых в данный колхоз. Кроме того, он в течение 5 месяцев не сдавал в Переселенческий отдел НКВД УзССР акт о сдаче в ДВК посевов двумя корейскими колхозниками. Данный акт при проверке случайно нашли в шкафу председателя⁴⁶.

Вопрос о компенсациях породил огромную переписку (потоки писем и телеграмм) между корейскими колхозами, различными организациями (органами НКВД, исполнительными и партийными комитетами, банками, финансовыми районными и областными отделами, переселенческим управлением, заготовительными конторами и т.д.) всех уровней. Письма шли из Казахстана и Узбекистана в Москву, Хабаровск, Владивосток и другие дальневосточные города и обратно в Центральную Азию. Причём органы ДВК, от которых требовалось подтверждение сданного имущества и его оценки, на запросы отвечали часто с большим опозданием, лишь после второго-третьего запроса, а порой и вовсе не отвечали, что неоднократно отмечалось в переписке между различными организациями Казахстана и Узбекистана и Москвой. Устав от волокиты и желая отделаться от «назойливых» корейцев, переселенческие отделы стали рекомендовать им обращаться в суд.

В результате длительной переписки, в которую было задействовано множество организаций, значительная часть переселенцев получила обещанную компенсацию в виде денег или натурой. Так, по Узбекистану к декабрю 1938 г. корейцам был возвращён урожай, сданный на корню в размере 42 400 ц, или 80%. Различные сданные зерновые культуры были возвращены в объёме 17 836 ц, или 91%. Сданный скот возвращён в размере 7 831 ц, или 3 210 голов крупного и 412 мелкого рогатого скота, что составляло 73%⁴⁷. Однако, как показывают вышеприведённые цифры, даже спустя год после переселения у государства оставались задолженности. Аналогичная ситуация сложилась и в Казахстане. На 1 декабря 1938 г. осталось невозвращённым крупного рогатого скота – 2 562 головы, овец – 55 голов, свиней – 540 голов⁴⁸.

Однако хозяйства, которым выдали неправильно оформленные квитанции, компенсации не получили. Переписка по вопросу о выполнении государственных обязательств за сданный в ДВК урожай, скот и имущество и выдача компенсаций длились до середины 1941 г., т.е. до начала Великой Отечественной войны. А с началом войны они прекратились.

Для корейских переселенцев были предусмотрены продовольственные ссуды, которые стали выдаваться с января 1938 г. К июлю этого года корейским переселенцам Узбекистана было отпущено 2 997 т продовольственной ссуды из запланированных 3 000 т, и сверх того выдано нарядов на 2 383 т⁴⁹. Объём ссуды из расчёта на одну семью до августа и после августа 1938 г. резко изменился. Так, корейские хозяйства Андижанской области до августа 1938 г. получили продовольственной ссуды из расчёта 8 ц на одну семью⁵⁰. В других хозяйствах выдавали по 2-3 ц. на семью. В августе 1938 г. правительством Узбекистана была утверждена новая разрядка на выделение 1 000 т продовольственной ссуды для особо нуждающихся корейских переселенцев. Размер ссуды зависел от размера семей и их положения, но не превышала 1 ц на одну семью. Правда, выдача продовольственной ссуды сопровождалась, как и в других случаях, несогласованностью действий различных организаций и бюрократической волокитой.

Для хозяйственного устройства корейских переселенцев правительство выделило безвозвратные кредиты.

Согласно архивным документам, с сентября 1937 г. по январь 1940 г. на хозяйственное устройство корейских переселенцев в Узбекистане было выдано кредита на 19 137,6 тыс. руб. Из них на жилищное строительство по колхозам – 14 034,8 тыс. руб., на жилищное строительство рабочих и служащих – 387,9 тыс. руб., на строительство флота, приобретение орудий лова и берегового строительства рыболовецких колхозов – 304,7 тыс. руб., на обводнение колхозов – 1 696,1 тыс. руб. из расчёта 200 рублей на одно хозяйство, на рабочий скот колхозам – 1 577,8

тыс. руб. и т.д.⁵¹ Как и в других вопросах, выдача этих кредитов сопровождалась бюрократической волокитой, длительной перепиской и изматывающим согласованием между различными организациями.

Поначалу продовольственные ссуды и кредиты выдавались всем переселенцам. Однако некоторые из корейцев стали писать в Москву о том, что семьи арестованных и осужденных тоже получают государственную помощь (назывались конкретные семьи) и что они «против помощи семьям врагов социалистического строительства». После этих доносов СНК УзССР приняло Постановление «О порядке выдачи кредита, денежной и продовольственной ссуды переселенцам-корейцам» от 15 марта 1938 г., в котором запрещалось производить выдачу кредитов и продовольственной ссуды семьям, члены которых арестованы или осуждены, без специального разрешения СНК УзССР.

Трудоустройство и хозяйственная деятельность. Абсолютное большинство корейских переселенцев было вовлечено в сельское хозяйство (колхозы и совхозы). Одной из причин было то, что в силу форсированного характера депортации и расселения многие корейцы, занятые в рыболовстве, добыче ископаемых, интеллектуально-технологической или других сферах, не смогли найти работу по специальности. Так, в Узбекистане на начало 1938 г. 2 473 семьи, или 9 316 человек, состоявших из представителей этих специальностей, так и не было трудоустроено⁵². Поэтому они стали уходить в поисках работы в колхозы и совхозы. Немаловажной причиной было и то, что первые авансы в виде зерна в марте 1938 г. выдавались только колхозникам⁵³. Однако в силу того, что увеличение численности членов колхозов влекло за собой увеличение объемов финансирования, были установлены лимиты на приём в колхозы рабочих и служащих.

Вновь организованные корейские колхозы, а также доприселенческие колхозы (местные колхозы, в которые вливались корейские хозяйства) освобождались от обязательных поставок

зерновых культур, подсолнуха, картофеля, мясомолочной продукции, шерсти и масла, а также обязательной государственной контрактации (закупки) сои, овощей и льна на 2 года.

Поскольку депортация была произведена осенью, до весны следующего года корейские земледельцы не могли сеять. 28 марта 1938 г. правительство Казахстана приняло постановление «О плане весеннего сева в корейских колхозах на 1938 г.». Для самостоятельных корейских переселенческих колхозов было выделено для весеннего сева 26 860 га. Кроме того, увеличивались посевные площади местных колхозов, куда были доприселены корейцы. Планом сева были определены яровые зерновые, в том числе пшеница, рис, технические культуры, огородно-бахчевые и кормовые культуры. В первую весну корейскими колхозниками Казахстана было засеяно 21 347,3 га, а в 1939 г. посевная площадь увеличилась на 180,2% и составила 38 482 га. Кроме того, в корейских колхозах было 104 животноводческие фермы, в которых содержалось 15 373 головы скота⁵⁴.

В Узбекистане для самостоятельных корейских колхозов сначала были отведены земли двух государственных совхозов и шести подсобных хозяйств республиканских организаций с площадью 14 050 га, из них удобных к обработке и посевам весной 1938 г. – 7 823,6 га, остальная площадь подлежала освоению в последующие годы. Фактически в 1938 г. была освоена посевная площадь размером 10 488 га. Позже размер выделенной земли увеличился, всего для хозяйственного освоения корейским колхозам было отведено, включая приусадебные участки, 30 448 га земли, из них 29 879 га – под вновь организованные самостоятельные корейские колхозы⁵⁵.

Обеспеченность корейских колхозов землёй в различных районах была неравномерной. Например, если взять Узбекистан, в Ташкентской области обеспеченность землёй на 1 колхозный двор колебалась от 2,29 до 7,44 га, в Ферганской области – от 1,98 до 6 га, в Самаркандской области – от 3,46 до 6,3 га, в Хорезмской области – от 2,04 до 5,27 га, в Каракалпакской

АССР – от 4,53 до 8,86 га⁵⁶. Каждому колхозному двору выделялся также приусадебный участок в пределах от 0,16 до 0,30 га.

Все корейские колхозы были обеспечены семенным фондом для посева: семенами риса, пшеницы, кукурузы, хлопка и т.д. Однако не во всех случаях его доставка обеспечивалась транспортом. Так, в колхоз «Келеф» Парстдаргомского района были доприселены 32 корейских хозяйства. В докладной записке инспектора Отдела переселения Народного комиссариата по земле описывается следующее положение с доставкой семян пшеницы для них: «За отсутствием транспорта корейцы носят на своих плечах по 30 кг 10 километров»⁵⁷.

Часто переселенцев расселяли в местах, где невозможно было вести какое-либо хозяйство. На протяжении двух лет ряд колхозов не был обеспечен ни поливом, ни питьевой водой. Например, правительство Казахстана спустя полгода после расселения корейских колхозов вынуждено было опять переселить колхозы «Новый мир» и им. Сталина из Кзыл-Ординской области в Актюбинскую, так как на первоначальном месте расселения невозможно было обеспечить посевы водой: в итоге 236 семей остались вообще без урожая. Аналогичная ситуация сложилась в колхозе «Екпенды», где корейцы засеяли 50 га пшеницы, а в виде урожая получили всего 13 ц зерна⁵⁸. Колхоз «Тор» посеял 25 га огородных культур, но участок оказался неорошаемым, и весь посев погиб. По той же причине в колхозе «Новый путь» погибло 10 га зерновых, а в колхозе «Пионер» – 19 га⁵⁹.

Иногда корейских переселенцев заставляли заниматься тем, чем они никогда не занимались, например, животноводством, как это случилось с колхозом им. Коминтерна в Карагандинской области. В результате, за 1938–1939 гг. из 2 238 коров, переданных колхозу, осталось только 38, а 35% хозяйств покинуло колхоз⁶⁰. Аналогичное положение сложилось в колхозе «Путь Ленина», где основная часть переселенцев раньше не работала в сельском хозяйстве, а те, кто работал, были связаны с рисосеянием. В результате урожайность зерновых, картофеля и огород-

ных культур была низкой, и колхоз оказался в крайне бедственном положении⁶¹. Поэтому корейские рисовые колхозы часто обращались с просьбой, чтобы их перевели в зоны рисосеяния, например, колхозы «Рисовый Октябрь», «Коллективный труд», «Восточная заря» Северо-Казахстанской области и колхозы «Путь Ленина» и им. Коминтерна Карагандинской области.

Аналогичная ситуация сложилась и в Узбекистане. Как показал опыт работы колхоза им. Свердлова Калининского района, состоявшего в основном из рисосеющих хозяйств, в течение 1938–1939 гг. корейцы не справились с планом по овощам, выполнив его в 1938 г. на 17%, а в 1939 г. – на 28%, тогда как по рису план был выполнен на 186%. В связи с этим весной 1940 г. Ташкентский областной исполнительный комитет вынес решение о переселении колхоза им. Свердлова в рисовую зону Верхнечирчикского района⁶². Или: колхоз им. Димитрова того же Калининского района, состоящего из рисосеющих хозяйств, также в течение 1938–1939 гг. не выполнил план по овощам. Летом 1940 г. было также принято решение о переводе колхоза им. Димитрова в рисовую зону Нижнечирчикского района⁶³. Рисоводческий колхоз «Большевик» Мирзачульского района, в котором на 1938 г. не было плана посева риса, также обратился о переводе в Среднечирчикский рисосеющий район, так как колхозные хозяйства стали самовольно перебираться в рисосеющие районы⁶⁴.

Наряду с рисом, корейским колхозам в Узбекистане были спущены планы на пшеницу, ячмень, бобовые и другие культуры, выращиваемые корейцами на Дальнем Востоке, а также небольшие объёмы новой для них культуры – хлопка. В связи с этим, корейские хозяйства стремились снижать плановые задания по хлопку и увеличивать планы по рису. Так, в заявлении членов сельскохозяйственной артели им. Ленина Пастдаргомского района Самаркандской области в Народный комиссариат по земле УзССР говорится, что переселенцы-корейцы не являются специалистами по выращиванию хлопка, в то время

как он определён в качестве ведущего направления хозяйства; что они затрачивают много трудодней на его обработку, но эффективности от этого труда мало, а отсюда и низкая оплата трудодня, которая выразилась в 1938 г. в 3 рубля 50 коп., а в 1939 г. – в 2 рубля 50 коп. Создавшееся тяжёлое материальное положение привело к тому, что из прежнего состава членов артели 27 хозяйств вышли из колхоза, разъехавшись по другим районам. В связи с этим корейские переселенцы просили разрешения посеять рис на 200 га, а хлопок – только на 40 (по другим культурам: пшеница – 50 га, люцерна – 30 га, просо – 20 га, джугара и бахча – по 10 га и т.д.), тем самым поставив вопрос об изменении специализации колхоза⁶⁵.

Не лучшее положение складывалось и в рыбной отрасли. В справке по трудоустройству корейских переселенцев на Чертомбаевском рыбном заводе указывается: «Рыбзавод обеспечивает переселенцев только 6 месяцев в году... а в остальные месяцы вынуждены ходить безработными, так как не имеют скота, посевов и огородов. Из 74 человек, имеющих работу, рыбзавод использует только 21 человека, а остальные 53 с конца декабря ходят безработными и будут без дела ... до 1 апреля. ... Безработные живут исключительно на доходы от продажи имущества»⁶⁶. 300 корейцев, рабочих рыбного комбината, расселённые на переселенческом участке Балхашского рыбного треста, более полугода не могли устроиться на работу⁶⁷. В Узбекистане из-за плохой оснащённости и организации работы рыболовецкие колхозы выполняли план только на 40-50%.

В Гурьевской области 50% корейских колхозников не имели работы⁶⁸.

В результате сложившейся ситуации в 1938–1940 гг. начинается массовое самовольное расселение корейцев (несмотря на все запреты административных органов) в основном из Казахстана, безводных ареалов, в Узбекистан и Киргизию – на орошаемые, пригодные для рисоводства и растениеводства, земли. Например, в одной из докладных записок по Каратальскому

району Алма-Атинской области за 1938 г. сообщается, что из колхоза «Приморец» самовольно уехало 15 корейских хозяйств, из колхоза им. Сталина – 11, из колхоза «Иманского» – 8, из колхоза «Путь к социализму» – 5 и из колхоза «Дальний Восток» – 1. В Карагандинской области в 1938–1939 гг. из колхоза им. Коминтерна уехало 94 хозяйства, а из колхоза «Путь Ленина» – 62⁶⁹. Из Кзыл-Ординской области за этот период самовольно уехало в Узбекистан около 33% корейцев⁷⁰. По данным сельхозотдела ЦК Компартии Казахстана в 1938–1939 гг. 1 372 хозяйства, или 6,4% от общего числа переселенцев, мигрировали за пределы Казахстана⁷¹. Корейские колхозы Узбекистана принимали новых переселенцев, несмотря на запреты со стороны государственных органов.

Наряду с самовольным расселением имела место и другая форма хозяйственного самоустройства корейских колхозов: они стали сливаться с местными колхозами, находившимися в лучших поливных условиях. Так, в октябре 1939 г. три корейских переселенческих колхоза в Кзыл-Ординской области – им. Молотова, «Красный колокол» и «Красный Восток», находящиеся в бедственном положении из-за неурожая, вызванного отсутствием воды для полива, – самовольно слились с местными казахскими колхозами⁷².

Если корейские колхозы, расселённые в Казахстане, оказывались в пустынных, безводных землях, то корейские переселенцы в Узбекистане столкнулись с проблемой заболоченных земель. Поскольку лучшие земли были отданы под хлопчатник, то рисосеющим корейским колхозам отвели земли, непригодные для хлопчатника, – заболоченные, заросшие камышами, земли вдоль рек. Например, из предоставленных колхозу «Полярная звезда» орошаемых земель (561,8 га) 50% составляли камышовые заросли и болота⁷³. Заметим, что к 1941 г. колхоз «Полярная звезда» освоил все отведённые ему земли.

В связи с этим для подготовки к весеннему севу необходимо было провести ирригационные работы. Первоначально все

земляные работы велись корейскими переселенцами вручную. При подготовке земли к севу корейские колхозы намного превысили объёмы запланированных работ. Так, колхозники «Северного маяка» Среднечирчикского района земляные работы выполнили на 400,7%, колхоза «Новый путь» – на 600,5%, а колхоза «Полярная звезда» – на 700%. К весне 1938 г. по левому берегу реки Чирчик в Верхнечирчикском, Среднечирчикском и Нижнечирчикском районах ирригационной сетью было освоено 6 970 га, в урочище Дам-Аши в Калининском районе – 597 га, на землях бывшего совхоза им. Стрелкова в Пастдаргомском районе Самаркандской области – 2 000 га и в Гурленском районе Хорезмской области – 921 га⁷⁴. Однако этого было недостаточно. Поэтому в марте 1938 г. ЦК КП (б) Узбекистана принимает постановление, в котором ставит вопрос о проведении механизированных работ: экскаваторами и взрывным способом⁷⁵. По подсчётам Узбекского треста ирригационного строительства, в ходе этих работ было вынута свыше 586 тыс. м³ земли, протяжённость вновь построенных и отремонтированных каналов, водосборов и коллекторов составила 22 км⁷⁶.

Несмотря на сложное, часто критическое положение корейских колхозов с точки зрения их быта, технической оснащённости и знакомства со среднеазиатскими природно-климатическими и зонально-почвенными условиями, корейские земледельцы уже в первые годы своего обустройства демонстрируют успехи в получении высоких урожаев. Вот что, в частности, писал заведующий сельхозотделом ЦК ВКП (б) Узбекистана в ЦК ВКП (б):

«В колхозах основных районов вселения Ташкентской области отмечается высокое знание агротехнических приёмов возделывания культуры риса, в силу чего переселенческие корейские хозяйства на отдельных землях... показали весьма высокую урожайность, достигнутую от 20 до 40, а отдельные бригады – 70 ц при высокой стоимости трудодня»⁷⁷.

Необходимо отметить, что корейские колхозы внесли зна-

чительный вклад в экономику Узбекистана как рисосеющую республику. Дело в том, что 45% рисовых площадей СССР находилось именно здесь, но до приезда корейцев (в 1935 г., в 1936 г.) планы рисозаготовок не выполнялись. Собранный в 1938 г. корейскими колхозами урожай шалы был столь велик, что рисоперерабатывающие заводы стали отказываться принимать её на переработку из-за нехватки мощностей. Боясь, что рис может попасть в частные руки и оказаться в свободной продаже на базарах, заместитель наркома земледелия в письме под грифом «Не подлежит оглашению» просит наркома местной промышленности обязать рисоперерабатывающие заводы принимать от корейских колхозов шалу на переработку⁷⁸.

Высокие урожаи достигались корейскими колхозниками не только в традиционных для них культурах (рис, бобовые и др.), но и в хлопководстве. Например, колхоз «Полярная звезда» начинает заниматься хлопководством с 1941 г. В то время средняя урожайность хлопчатника по колхозам Среднечирчикского района составляла 21,8 ц/га. Корейские земледельцы уже в первый год получили 38,7 ц/га⁷⁹.

Корейские колхозы внесли в свой вклад и в развитие рыболовства. Так, в 1940 г. три корейских рыболовецких колхоза «Посьет», «Новый путь» и «Достижение» (Казахстан), в которых было 300 рыбаков, выловили на озере Балхаш 20 366 ц рыбы. Особенно высокие достижения были в колхозе «Посьет» – 99 ц на 1 рыбака⁸⁰.

К 1941 году, т.е. к началу войны, корейские колхозы постепенно становятся на ноги. Например, за четыре года в колхозе «Полярная звезда» основные средства производства выросли в 3 раза, денежные доходы увеличились в 5,5 раза, валовой сбор зерна – в 2,5 раза⁸¹. Другой красноречивый факт: в 1936 г. колхозники Узбекистана получали в среднем 100 г шалы на 1 трудодень; в ряде корейских колхозов («Полярная звезда», им. Блюхера и др.) на 1 трудодень приходилось до 5 кг шалы, а в отдельных бригадах – до 12 кг. В колхозе им. Ленина колхозники на 1 тру-

додень получили 15,5 кг шалы⁸². (В данном случае приводим наиболее высокие показатели; средняя выработка трудодня в корейских колхозах составляла около 2-3 кг шалы на 1 трудодень). Иначе говоря, стоимость трудодня в наиболее сильных корейских колхозах была значительно выше, чем в среднем по республике; за одно и то же количество трудодней члены передовых корейских бригад получали во много раз больше, чем в среднем по республике.

Конечно, не все корейские колхозы находились в одинаковом положении. Например, в Карагандинской области Казахстана в колхозе им. Коминтерна урожайность зерновых снизилась с 7,24 ц/га в 1938 г. до 3 ц/га в 1939 г., в колхозе «Путь Ленина» – с 10 ц/га до 3. Соответственно, если в 1938 г. выдача на 1 трудодень в колхозе им. Коминтерна составляла 7,2 кг зерна, 3,5 кг овощей и картофеля и 1,7 рубля, то в 1939 г. эти показатели составили 1,5 кг зерна, 0,5 кг овощей и картофеля и 0,66 рубля. В колхозе «Путь Ленина» показатели на 1 трудодень в 1938 г. составляли – 6,42 кг зерна, 8 кг овощей и картофеля и 3,03 рубля, а в 1939 г. они также резко снижаются – до 1,5 кг зерна, 2 кг овощей и картофеля и 1 рубля⁸³.

В колхозе «Сучан» Гурьевской области на 1 трудодень было выдано 1,6 кг проса, 0,4 рубля и 44 кг сена. О наиболее бедных семьях автор архивной справки даёт такие сведения: «Семья Цой Бон Нам – 4 человека, заработал 38 кг проса, 20 рублей, дети голые. ... Семья Ди Доген – 4 человека, работоспособный член семьи – 1, больной, выработал 110 трудодней, дети голые, ... скота не имеет». В колхозе «Павловский» Гурьевской области в 1938 г. на 1 трудодень приходилось 679 г зерна, 700 г картофеля, 150 г овощей, 470 г других продуктов и 0,3 рубля. Один колхозник вырабатывал на свою семью в 5-6 человек от 105 до 408 трудодней⁸⁴. Много это или мало? Во многом это зависело от того, сколько человек в семье работоспособных. Конечно, в наиболее сложном положении оказались семьи с одним кормильцем. Возьмём в качестве примера семью Кан Ен Сина, приводи-

мую в архивной справке. Семья состояла из 6 человек, работал он один, скота не было. За год он выработал 157 трудодней; в итоге заработал 106 кг зерновых, 110 кг картофеля, 23 кг овощей, прочих продуктов – 74 кг, деньгами – 45 рублей. Несложный подсчёт показывает, что на одного человека в год выходило 17,6 кг зерновых, 18,3 кг картошки, 3,8 кг овощей, 12,3 кг других продуктов и 7,5 рубля⁸⁵. Если перевести эти цифры на суточное потребление, то на человека в сутки выходило 48,4 г зерновых, 50,2 г картошки, 10,5 г овощей, 33,7 г других продуктов и 0,027 рубля. Это – на грани голода, не говоря о том, что людям надо покупать одежду, посуду, соль, спички и другие промышленные товары. Что касается рабочего скота, то лошадь в тот период стоила более 700 рублей.

В колхозе «Авангард» этой же области в 1939 г. корейцы, работавшие в полеводстве (40-50 человек) практически ничего не заработали из-за низкой урожайности в силу отсутствия полива; работавшие на строительстве (62 человека) заработали от 150 до 258 рублей; работавшие в рыбном хозяйстве (41 человек) заработали по 208 рублей. Для сравнения: местные колхозники, работавшие в рыбной отрасли этой области, зарабатывали за год от 900 до 2000 рублей, кроме того они имели лошадей, крупный и мелкий рогатый скот, птицу⁸⁶. Вообще в тот период (1940 г.) средняя годовая зарплата в СССР составляла около 4000 рублей.

Ряд корейских колхозов Южного Казахстана в предвоенные годы также оказался в тяжёлом положении. Из-за непригодных земельных участков, несвоевременного или отсутствия полива ряд колхозов не выполнял планы ни по рису, ни по зерновым. В январе 1940 г. правительство Казахстана вынуждено было принять постановление по оказанию помощи корейским колхозам и ходатайствовать перед правительством СССР о продовольственной ссуде для них в размере 6 823 ц зерна⁸⁷.

Как упоминалось выше, разница в обустроенности в разных

колхозах и разных регионах привела, несмотря на все запреты и угрозы со стороны властей, к самовольной стихийной миграции корейцев из одного колхоза в другой, из одной области в другую, из одной республики в другие.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Ким Г. Н.* История иммиграции корейцев. Вторая половина XIX – 1945 г. – Алматы: Дайк-Пресс. Кн. 1. 1999. – С. 200; *Бэ Ын Гиенг.* Демографическая характеристика корейского населения Дальнего Востока (20–30-е годы) / 1937 год. Российские корейцы: Приморье – Центральная Азия – Сталинград (Депортация). Материалы научной конференции «60 лет депортации корейцев России с Дальнего Востока в Казахстан и Среднюю Азию». Август-сентябрь 1997. – М., 2004. – С. 196.

² См.: *Ким П. Н.* Хозяйственное устройство корейских переселенцев в Каракалпакской АССР. 1937–1939 // Вестник Каракалпакского филиала АН УзССР. Вып. 4. 1971. – С. 63–67; *Ким П. Г.* Корейцы Республики Узбекистан: История и современность. – Т., 1993; *Тен В. А.* Начальные страницы истории кустанайских корейцев. – Кустанай, 1994; *Кан Г. В.* История корейцев Казахстана. – Алматы, 1995; *Ким Г. Н., Мен Д. В.* История и культура корейцев Казахстана. – Алматы, 1995; *Хан В. С.* Кто мы: Очерки истории корейцев. – Бишкек, 2009; *Рахманкулова А. Х.* Архивные материалы по истории обустройства переселённых корейцев в Узбекистане [Электронный ресурс] URL: http://world.lib.ru/k/kim_o_i/ad3rtf.shtml (26.11.2020).

³ *Кан Г. В.* История корейцев Казахстана. – Алматы, 1995. – С. 116.

⁴ *Рахманкулова А. Х.* Документы Центрального Государственного архива Республики Узбекистан по истории депортации народов в Узбекистан в 1930-е годы (на примере корейцев) // Известия корееведения Казахстана. Вып. 8. – Алматы, 2001. – С. 83. Но, как я указывал выше, данный факт первым установил Н. Ф. Бугай.

⁵ *Кан Г. В.* Рассказы о родной истории. – Алматы, 2006. – С. 93.

⁶ Цит. по: *Ким П. Г.* Корейцы Республики Узбекистан. – Т., 1993. – С. 31.

⁷ Цит. по: *Кан Г. В.* История корейцев Казахстана. – Алматы, 1995. – С. 70.

⁸ Там же. – С. 70–74, 88, 109.

⁹ *Ким П. Г.* Указ. соч. – С. 170.

¹⁰ НА РУз. Ф. 314, оп. 1, д. 9, л. 26–28.

- ¹¹ Там же. Ф. 837, оп. 32, д. 1230, л. 107.
- ¹² НА РУз. Ф. 837, оп. 32, д. 1230, л. 107-108.
- ¹³ *Рахманкулова А. Х.* Из истории корейских переселенческих колхозов в Узбекистане (на основе документов архивов Узбекистана) // Известия корееведения в Центральной Азии. Вып. 3. – Алматы, 2005. – С. 76-77.
- ¹⁴ ГАТО. Ф. 652, оп. 1, д. 483, л. 18.
- ¹⁵ ГАТО. Ф. 658, оп. 3, д. 21.
- ¹⁶ БЕЛАЯ КНИГА о депортации корейского населения России в 30–40-х годах... – С. 89.
- ¹⁷ *Ким П. Г.* Указ. соч. – С. 20-21.
- ¹⁸ НА РУз. Ф. 90, оп. 2, д. 123, л. 8.
- ¹⁹ *Рахманкулова А. Х.* Из истории корейских переселенческих колхозов в Узбекистане... – С. 84.
- ²⁰ НА РУз. Ф. 314, оп. 1, д. 26, л. 115.
- ²¹ НА РУз. Ф. 837, оп. 32, д. 1224, л. 12.
- ²² *Рахманкулова А. Х.* Из истории корейских переселенческих колхозов в Узбекистане... – С. 85.
- ²³ Цит. по: *Ким В. Д.* Правда – полвека спустя. – Т., 1999. – С. 101-102.
- ²⁴ *Кан Г. В.* История корейцев Казахстана. – Алматы, 1995. – С. 103.
- ²⁵ *Ким П. Г.* Указ. соч. – С. 41.
- ²⁶ *Ким В. Д.* Указ. соч. – С. 73, 149.
- ²⁷ Там же. – С. 110.
- ²⁸ В вышеупомянутой докладной записке наркома здравоохранения ситуация в г. Казалинске описывалась так: «В торговых точках ничего, кроме хлеба, сушек и сахару, нельзя приобрести... Ни овощей, ни рыбы в магазинах не продаётся, нет этих продуктов и на базаре». Аналогичная ситуация в Кызыл-Орде: «Не хватает хлеба, муки, громадные очереди у магазинов. Овощей нигде нет, отсутствует в продаже сахар». – *Кан Г. В.* История корейцев Казахстана. – Алматы, 1995. – С. 102-103.
- ²⁹ *Кан Г. В.* История корейцев в Казахстане. – Автореф. дисс... док. ист. н. – Алматы, 1996. – С. 35, 38, 77.
- ³⁰ Цит. по: *Ким П. Г.* Указ. соч. – С. 58.
- ³¹ *Ким П. Г.* Указ. соч. – С. 59-60; *Ким В. Д.* Указ. соч. – С. 114.
- ³² НА РУз. Ф. 90, оп. 2, д. 123, л. 9 об.
- ³³ Цит. по: *Ким В. Д.* Указ. соч. – С. 115.
- ³⁴ *Кан Г. В.* История корейцев Казахстана. – Алматы, 1995. – С. 80, 102-104.
- ³⁵ *Ким П. Г.* Указ. соч. – С. 62.

- ³⁶ НА РУз. Ф. 837, оп. 32, д. 593, л. 11.
- ³⁷ НА РУз. Ф. Р-837, оп. 32, д. 1224, л. 22.
- ³⁸ Подсчитано автором по: БЕЛАЯ КНИГА о депортации корейского населения России в 30-40-х годах. Книга первая. – М., 1992. – С. 116-126; *Ким П. Г.* Корейцы Республики Узбекистан. – Т., 1993. – С. 49-50; *Кан Г. В.* История корейцев Казахстана. – Алматы, 1995, 90.
- ³⁹ *Ким В. Д.* Указ. соч. – С. 93.
- ⁴⁰ Цит. по: *Ким П. Г.* Указ. соч. – С. 36.
- ⁴¹ БЕЛАЯ КНИГА о депортации корейского населения России в 30–40-х годах. Книга первая. – М., 1992. – С. 163.
- ⁴² Цит. по: *Ким П. Г.* Указ. соч. – С. 34-35.
- ⁴³ Там же. – С. 50-51.
- ⁴⁴ Там же. – С. 37.
- ⁴⁵ Цит. по: *Кан Г. В.* История корейцев Казахстана. – Алматы, 1995. – С. 93.
- ⁴⁶ *Ким В. Д.* Указ. соч. – С. 115-116.
- ⁴⁷ *Ким П. Г.* Указ. соч. – С. 51.
- ⁴⁸ *Кан Г. В.* История корейцев Казахстана. – Алматы, 1995. – С. 85.
- ⁴⁹ *Ким В. Д.* Указ. соч. – С. 210.
- ⁵⁰ НА РУз. Ф. Р-90, оп. 2, д. 123, л. 48.
- ⁵¹ *Рахманкулова А. Х.* Документы Центрального Государственного архива Республики Узбекистан по истории депортации народов в Узбекистан в 1930-е годы... – С. 83.
- ⁵² *Ким П. Г.* Указ. соч. – С. 42.
- ⁵³ *Ким П. Г.* О корейской диаспоре Узбекистана // «Известия корееведения Казахстана». Вып. 6. – Алматы, 1999. – С. 48.
- ⁵⁴ *Кан Г. В.* История корейцев Казахстана. – Алматы, 1995. – С. 109-110.
- ⁵⁵ *Ким П. Г.* Указ. соч. – С. 43.
- ⁵⁶ *Рахманкулова А. Х.* Из истории корейских переселенческих колхозов в Узбекистане... – С. 77.
- ⁵⁷ Цит. по: *Ким В. Д.* Указ. соч. – С. 115.
- ⁵⁸ *Кан Г. В.* История корейцев Казахстана. – Алматы, 1995. – С. 74.
- ⁵⁹ История корейцев Казахстана. Сборник архивных документов. Т. 1. – Алматы-Сеул, 1998. – С. 136.
- ⁶⁰ Там же. – С. 254.
- ⁶¹ История корейцев Казахстана. Сборник архивных документов. Т. 3. – Алматы-Сеул, 2000. – С. 73-74.
- ⁶² НА РУз. Фонд 314, опись 1, дело 26, л. 75.

- ⁶³ Там же. Фонд 90, опись 8, дело 5138, л. 2.
- ⁶⁴ Там же. Фонд 90, опись 9, дело 131, л. 253.
- ⁶⁵ *Рахманкулова А. Х.* Из истории корейских переселенческих колхозов в Узбекистане... – С. 79.
- ⁶⁶ История корейцев Казахстана. Сборник архивных документов. Т. 3... – С. 139.
- ⁶⁷ *Кан Г. В.* История корейцев Казахстана. – Алматы, 1995. – С. 86.
- ⁶⁸ Там же. – С. 87.
- ⁶⁹ История корейцев Казахстана. Сборник архивных документов. Т. 1 ... – С. 124, 254.
- ⁷⁰ *Кан Г. В.* История корейцев Казахстана. – Алматы, 1995. – С. 76.
- ⁷¹ История корейцев Казахстана. Сборник архивных документов. Т. 1 ... – С. 251.
- ⁷² *Кан Г. В.* История корейцев Казахстана. – Алматы, 1995. – С. 75.
- ⁷³ Экономика передового колхоза «Полярная звезда». – Т., 1954. – С. 8.
- ⁷⁴ *Ким П. Г.* Указ. соч. – С. 43, 46.
- ⁷⁵ НА РУз. Ф. 90, оп. 8, д. 4466, л. 2-3.
- ⁷⁶ *Ким П. Г.* Указ. соч. – С. 43, 46.
- ⁷⁷ Цит. по: *Ким П. Г.* О корейской диаспоре Узбекистана... – С. 49.
- ⁷⁸ НА РУз. Фонд 90, опись 2, дело 124, л. 25
- ⁷⁹ Экономика передового колхоза «Полярная звезда»... – С. 12.
- ⁸⁰ *Кан Г. В.* История корейцев Казахстана. – Алматы, 1995. – С. 14.
- ⁸¹ Экономика передового колхоза «Полярная звезда»... – С. 10.
- ⁸² *Ким П. Г.* Указ. соч. – С. 48.
- ⁸³ История корейцев Казахстана. Сборник архивных документов. Т. 1... – С. 256.
- ⁸⁴ История корейцев Казахстана. Сборник архивных документов. Т. 3... – С. 153, 161.
- ⁸⁵ Там же. – С. 161.
- ⁸⁶ Там же. – С. 153, 163.
- ⁸⁷ *Ким Г. Н., Мен Д. В.* История и культура корейцев Казахстана. – Алматы, 1995. – С. 124.

Глава VII. КОБОНДИ

§ 1. Тема кобонди в работах советских и постсоветских авторов

Как отмечалось выше, достижения корейских колхозов неоднократно становились предметом анализа в прессе, популярных брошюрах, научных статьях, монографиях и диссертациях. В постсоветский период она продолжает разрабатываться¹.

Несмотря на то, что сезонное овощеводство на протяжении уже более чем 50 лет является феноменом, характеризующим массовую трудовую деятельность советских и постсоветских корейцев, тема *кобонди* – одна из наименее разработанных в исследованиях, посвящённых корейской диаспоре СССР и СНГ.

До перестройки эта тема в СССР была предметом умолчания. Отдельных публикаций по кобонди не было – тема лишь затрагивалась внутри более широких тем². Причины такого умолчания видятся в следующем.

В советских исследованиях доперестроечного периода тема кобонди не вписывалась в существующее проблемное поле обществоведения. Хотя в реальности кобонди являлось формой арендного подряда, формально – как экономическая форма организации труда – оно не существовало. Вывозя выращенную на колхозном или совхозном поле продукцию на рынок, *кобондя* (вольный арендатор) получал справку о том, что данная продукция выращена на личном приусадебном участке. Иначе говоря, кобондя как субъект экономической деятельности «не существовал» в виртуальной экономике советской политической экономии. А поскольку его нет, то и нет предмета для анализа.

Тот факт, что советские экономисты «не видели» кобонди, хотя в это движение были вовлечены тысячи людей, был не случаен. Дело в том, что кобондя по своей сути был предпринимателем, а кобонди – формой рыночного подхода и рыночных отношений, что рассматривалось советской политической экономией как то, что должно отсутствовать при социалистическом производстве. Если советские экономисты и признавали необходимость существования рыночной экономики при социализме, то только в качестве временного переходного компонента, например НЭП (новая экономическая политика) в первые годы Советской власти. Разумеется, во второй половине 50-х и первой половине 60-х, когда было объявлено, что к 80-м годам в СССР будет построена материально-техническая база коммунизма (период правления Хрущева), и в 70-е годы, когда было объявлено, что страна вступила в фазу зрелого, развитого социализма (период правления Брежнева), о каких-либо предпринимателях и рыночных отношениях в СССР не могло быть и речи. Понятия «предприниматель», «бизнесмен» были из области негативной лексики как нечто, связанное с отжившим политико-экономическим строем (капитализмом), с индивидуальным эгоизмом, моралью рвачества и алчной наживы, отсутствием духовности. И, разумеется, советская официальная общественная наука не могла признать, что высокие урожаи «передового социалистического колхозно-совхозного строя» каким-то образом связаны с деятельностью частных предпринимателей, арендным подрядом, рыночными отношениями, т.е. со всем тем, чего «не должно» существовать при социализме.

Как это часто бывало в истории человеческого познания, первыми подняли новую тему не учёные, а представители художественного пера. Во второй половине 1970-х годов выходит повесть Анатолия Кима «Луковое поле», над которым он работал шесть лет. В ней есть всё, чем характерна жизнь на поле: особенности договорных отношений между бригадами и

совхозом, наём «бичей и бомжей»³ в качестве дешёвой рабочей силы, технология сбора лука, охрана поля, быт (описание времянок – временных камышовых жилищ, одежды, утвари, приготовления пищи), приём-сдача лука, отношения между людьми, случайные половые связи, удачи и неудачи сезонных овощеводов. Но главное – Анатолий Ким показал, что кобонди – это не лёгкие деньги, которые «падают с неба», как зачастую воспринималось советским общественным мнением, а тяжелейший труд земледельца. И ещё – писатель заглянул в душу луковода. И в мотивации кобондя он увидел не только деньги и желание жить лучше, но и стремление к независимости и свободе – этим дефицитам советской огосударствлённой снизу доверху экономики. Как увидел и то, что для кобондя лук не только товар для продажи, но и то, что он растил его, как дитя, за чем ухаживал, то, что пуповиной соединяет крестьянина с землёй. Об одной из своих героинь, кореянке Любе, писатель пишет так: «Но кто бы там ни был владыкой земли, звёзд и подземного царства – Люба не желала просить у него милостей. И если бы отвели к такому владыке и спросили: "Чего ты хочешь, Люба?" – она ответила бы: "Хочу, чтобы оставили меня в покое. Я сама найду, чего мне надобно". И если теперь она трудилась до кровавого пота, убирая лук, то это вовсе не ради жалких денег, которых не очень-то много будет, а потому лишь, чтобы собрать лук, который она засеяла, и четыре раза за лето пропалывала, и, считай, каждую луковицу уже поддержала в руках неоднократно, – ей не хотелось покоряться судьбе»⁴.

Было бы неверным сказать, что в советский период тема кобонди была представлена только в художественной литературе. Она освещалась под видом бригадного или арендного подряда в средствах массовой информации в период перестройки. С началом перестройки, а в последующем в период независимости бывших советских республик и с формированием новых экономических, в том числе арендных, отношений, тема опыта корейской аренды проникает на страницы СМИ. В корейской

печати (газета «Ленин кичи») тема коллективного (арендного) подряда среди корейцев поднималась и ранее, но в более широкой печати она стала освещаться позднее. В основном, пафос этих статей заключался в доведении до широкого читателя впечатляющих достижений корейских земледельцев и критике чиновников, создающих барьеры на пути новых и эффективных методов хозяйствования.

Одна из таких статей под названием «Обиды пахаря» вышла в 1988 г. в «Правде Востока», центральной газете Узбекистана, органе ЦК КП УзССР. Посвящена она известному в республике земледельцу, бригадиру Льву Николаевичу Киму. В 1975 г. он с братом делал кобонди в одном из кашкадарьинских совхозов. Бесконечные проверки вынудили его со всей бригадой уйти в другой совхоз. С ветром перемен Л. Ким стал руководителем хозрасчётного⁵ участка совхоза. Достижения его действительно впечатляющие. Общая площадь пашни его коллектива – 1 180 гектаров. Выработка на каждого члена коллектива за сезон – 30 000 рублей, в то время как в среднем по хозяйствам республики этот показатель не превышал 2 500 рублей.

В бригаде Л. Кима – около 100 человек. Почти половина – люди с исковерканными судьбами, отсидевшие за те или иные нарушения закона. Таких людей обычно старались не брать на работу. А Лев Ким брал. И люди заново строили свою жизнь. Как-то о бригадире, который брал к себе, независимо от прошлого, всех тех, кто не боялся работы и соблюдал принципы кимовской бригады, написали в «Известиях», крупнейшей газете союзного значения. И в Кашкадарью стали приходиться письма со всех концов страны – с просьбой принять на работу.

Оценивая работу кимовской бригады и совхоза, автор пишет: «Не совхоз помогает бригаде, а бригада вытягивает хозяйство». И вывод: «Иждивенчество? Без сомнения».

В 1989 г. в массовой советской газете «Труд» выходит статья «Кочующие огородники»⁶, посвящённая бывшему инженеру Геннадию Львовичу Киму, заключившему договор на выращи-

вание овощей с одним из российских совхозов в Калмыцкой АССР.

Отдавая должное корейским земледельцам, автор статьи пишет: «В мировой табели о рангах корейцы-огородники, как известно, занимают первую строку».

О хозяйстве Кима корреспондент пишет так:

«На арендованной делянке бригада его творила чудеса. Лук у них, что называется, дуром пёр: по пятьсот центнеров на круг выходило. Отборными, в кулак, золотыми луковицами завалили базары и базы в округе, часть отгружали на Север, в большие города.

...Цветущий уголок. Всё дышало свежестью, радовало изобилием. Помидоры, каких не встретишь на лучших рынках Москвы. Россыпи малюток-огурчиков, корнишонов, о существовании которых мы уже и позабыли. Гряды с луком, с кабачками, синими баклажанами. Но самое сильное впечатление – от бахчи. На каждом шагу, будто пушечные ядра, неподъёмные настоящие астраханские арбузы».

Сравнивая с участком Кима совхозные площади, автор статьи описывает их так:

«На общественных же плантациях урожай овощей, бахчевых, к сожалению, просто убогий.

... Урожайность помидоров – 85 центнеров с га, огурцов – 94, моркови – 37, лука – 88. Крохи!

... На ум пришли показатели работы арендаторов. В звене Кима всего 18 человек, а продукции производят больше, чем иной спецсовхоз. Причём не берут ни ссуд, ни кредитов.

... Между прочим спросил я экономиста об урожайности арбузов. В соответствующей графе оказался прочерк.

– Не родит бахча. Каждую весну, согласно плану, сеем, а летом перепахиваем.

... От дороги до горизонта простиралось поле, заросшее бурьяном почти в рост человека».

На фоне такого сравнения автор пишет о корейской бригаде:

«У этих земледельцев, впитавших тысячелетний опыт своего народа, многому можно поучиться. Их бы собрать в Элисте⁷ на совет, скажем, в областном комитете партии. Ведь приглашали их коллег-арендаторов со всей страны в ЦК КПСС».

Однако местное руководство ополчилось против Геннадия Кима и его бригады. В кампанию подключились правоохранительные и административные службы, народные контролёры, партийные органы. По вопросу о «пришельцах» несколько раз собиралась коллегия Госагропрома республики. Дело дошло до того, что Совет Министров Калмыкской АССР принял по этому поводу специальное постановление. Центральная газета республики опубликовала статью под заголовком «Арбузному буму – заслон!», на местном телевидении вышла передача с критикой пришлых огородников, а председатель Госплана республики на совещании аппарата в Совете Министров республики прямо заявил: «Вырвем корейский вариант аренды из нашей почвы с корнем».

Перед корейскими арендаторами был поставлен ультиматум: убираться из республики... или оформлять выращенную продукцию через местные хозяйственные склады. В связи с этим автор статьи пишет:

«Похоже, ради этого и жмут на огородников. Хитрость тут в том, чтобы продукцию "вольных земледельцев" хоть как-нибудь, но отразить в отчётах агропрома. Дабы она фигурировала в сводках как товарная масса колхозов и совхозов.

...На эту тему много было говорено в Элисте, в самых высоких инстанциях. Мне объяснили: "Это же так просто. Они (арендаторы) собирают свой богатый урожай, а мы оформляем хозяйства. Ничего особенного: всего лишь игра цифр. А они (арендаторы) упёрлись – и ни в какую"». ⁸

Действительно, ничего особенного: просто выдать в отчётах чужую продукцию за свою. Поскольку арендаторы отказались

играть в такие игры, Министерство внутренних дел запретило выпускать транспорт с арбузами за пределы республики. Везде были выставлены милицейские заслоны. Конфискованные арбузы до принятия окончательных решений были помещены на местные склады, где часть из них через некоторое время испортилась. Пострадали все: совхоз, арендаторы, потребители.

В 1988 г. в Москве в издательстве Агентства печати и новостей (АПН) при содействии корейских бизнесменов (Kukje corporation, Сеул и Wonson AB, Стокгольм) выходит книга журналиста межреспубликанской газеты советских корейцев «Коре Ильбо» Ким Брутта «Уриныны нугу инга?». Русский вариант книги под названием «Ветры наших судеб: Советские корейцы. История и современность» вышел в 1991 г. в Ташкенте. В книге есть специальный 8-страничный параграф «Кобондя: надежды и тревоги».

Б. Ким обращает внимание на массовый характер кобонди. В частности, он приводит пример городского посёлка Боз в Узбекистане, где треть трудоспособных корейцев – кобондя.

Задавая вопрос об истоках кобонди, автор считает, что «...корни его уходят... к роковому 1937 году, когда корейцы, испытав на себе гнёт тоталитаризма, не высовывались дальше рисового поля»⁹. Со смертью Сталина открываются широкие возможности для корейцев. Среди корейцев появляются Герои труда, известные учёные, хозяйственные руководители. Далее Б. Ким пишет:

«Но после недолгих лет оттепели, общество оказалось под новым гнётом, гнетом волюнтаризма, бюрократии, коррупции, которые подтачивали страну изнутри. Идеалы, в которые верили старшие поколения, пошатнулись в глазах молодёжи, общество стали разъедать бездуховность, равнодушие, безынициативность.

Реакция людей была разная. Одни не без успеха извлекали выгоду из товарного и морального дефицита, другие пивались, третьи – покидали родину. *Корейская молодёжь ушла в лу-*

ководство, которое стало для неё своего рода социальной защитой от бед застойного времени (курсив мой – В. Х.)»¹⁰.

Б. Ким описывает историю своего одноклассника Георгия Пака, который сменил профессию штукатура-маляра на кобонди. Опыт первого кобонди на Украине у него оказался неудачным, так как «мучная роса» (болезнь лука) уничтожила половину урожая. На второй год он снова поехал на Украину, заняв при этом деньги под проценты. Урожай он вывез в Белоруссию, где лук был конфискован, так как у Георгия не было разрешения продавать лук за пределами Украины. В итоге он оказался в долговой яме, из которой так и не смог выбраться.

Журналист указывает на противоречивость положения кобондя, вытекающую из его полуполюгального статуса: «...Как это ни парадоксально, добиваясь невиданных урожаев, какие недоступны даже на экспериментальных участках, принося стране ощутимую пользу в решении продовольственной программы, кобондя многие годы находились на полуполюгальном положении, что делало их абсолютно бесправными и беззащитными. Хозяйства могли по своей прихоти расторгнуть осенью договоры, сводя на нет многомесячный труд и многотысячные затраты людей... Пользуясь правовой беззащитностью кобондя, хозяйственные руководители, заготовители, местные органы власти выжимали из них всё, что могли»¹¹.

Автор книги приводит примеры, как инспектора ГАИ под предлогом технического осмотра или нарушения правил дорожного движения останавливают машины с урожаем, вымогая деньги.

Говоря о высоких урожаях кобондя, Б. Ким обращает внимание и на негативные стороны жизни кобондя. Параграф о кобондя журналист заканчивает так: «За бесспорными и, не побоюсь сказать, поистине выдающимися достижениями кобондя скрывается трагедия целого поколения. Поколения, которое, обладая высокой образованностью, энергичностью, затрачивало этот огромный созидательный потенциал на денежную

вакханалию, закупая во имя удовлетворения своего тщеславия целые рестораны на один вечер, на азартные игры, ставя на кон целое состояние, привлекая к себе алчные взоры чиновников-издоимцев, карманников и рэкетиров»¹².

После распада СССР по теме кобонди начинают публиковаться научные статьи, книги, защищаются диссертации¹³. Первый историографический анализ публикаций по теме кобонди был осуществлён автором данной книги в 2007 г.¹⁴

Среди советских учёных тема сезонных овощеводов впервые была затронута алма-атинскими учёными Г. Н. Кимом и Д. В. Меном в книге «История и культура корейцев Казахстана», вышедшей в 1995 г. Однако тема была поднята ими вскользь, ей посвящён лишь один абзац, констатирующий полулегальность сезонных овощеводческих корейских бригад и их вклад в развитие сельского хозяйства:

«По всей республике и далеко за её пределами работали корейские овощеводческие и бахчеводческие бригады, организованные по принципу, схожему с арендным и семейным подрядом. Но ввиду отсутствия официальных постановлений, нормативных актов и т.п. луководы-сезонники находились на полулегальном положении, что и приводило ко всякого рода нарушениям и злоупотреблениям. Представляется неправомерной оценка данной специфической трудовой деятельности только или преимущественно с отрицательной стороны, с упором на сугубо личный материальный интерес. Сезонники-луководы, обладавшие богатым агротехническим опытом, выращивали в различных регионах страны высокие урожаи, которые многократно превышали плановые и тем самым содействовали более полному удовлетворению спроса на овощные продукты»¹⁵.

В более широком и аналитическом ключе тема кобонди впервые была затронута ташкентскими философами – Сергеем Михайловичем Ханом и Валерием Сергеевичем Ханом в их книге «Корё сарам: уринын нугу инга». Книга была написана

в 1990–1991 гг., но по ряду причин, прежде всего финансовых, книга вышла только в 1998 г. в Сеуле, на корейском языке.

Прорывом в освоении темы кобонди стала книга журналиста из Кыргызстана Герона Ли «Гобонди. Записки наблюдателя о любви корейцев к земле», вышедшая в Бишкеке в 2000 г., хотя она весьма неоднозначна. Книга представляет собой эклектичное сочетание разнородных и порой противоречивых материалов¹⁶. Хотя объём книги составляет 315 страниц, большая её часть не связана с темой кобонди.

Так, книга состоит из 3-х частей. В первой части, в главе 4 – «О губернаторе Гондагги Н. Л. (1910–1917 гг.). 50 лет пребывания корейцев в Приамурском крае» (с. 89-105) – непонятным образом соединены материалы о древнем государстве Бохай, биография генерал-губернатора Приамурского края Н. Гондагги и празднование в 1914 г. по случаю 50 лет пребывания корейцев на Дальнем Востоке; глава 5 – «1937 год» (с. 105-122) – посвящена депортации корейцев на основе сообщений НКВД; глава 6 – «Приморье без "инородцев"» (с. 122-140) – посвящена общему обзору современного экономического положения Приморья, участию Южной Кореи в развитии экономики Дальнего Востока (с фотоснимками гостиницы «Хендэ», корейской церкви, открытия колледжа корееведения), активистам корейских организаций.

В третьей части (с. 235-308) помещены пересказ книг проф. Б. Д. Пака, статьи А. Тропова об участии корейцев в анти-японской борьбе и национальных корейских организациях на Дальнем Востоке, сюжеты о кыргызах в Турции, северокорейских рабочих на лесоразработках на российском Дальнем Востоке, способе приготовления и свойствах «чжанг».

В заключении (с. 309-315) помещены фотоснимки, также не имеющие отношения к кобонди: правительственная делегация Кыргызстана на трассе Сеул–Пусан, гробница короля Конмина в г. Кэсоне, виды горы Пэкту и острова Чжедю и т.д.

Собственно теме кобонди посвящены вторая часть книги –

«Социально-экономические факторы и сущность "гобонди"» – и некоторые материалы из первой части.

Автор различает две формы арендного земледелия у корейцев: *соджакди* (индивидуальная форма земельной аренды, практиковавшаяся корейцами-мигрантами в дореволюционной России на Дальнем Востоке) и *гобонди* (коллективная форма земельной аренды в условиях советской экономической системы, возникшая после сталинской депортации корейцев в Центральную Азию). Истоки и распространённость кобонди автор книги видит в «склонности корейцев к организации различных общин, прежде всего для совместной обработки земли»¹⁷. Кроме того, среди факторов массового перехода корейцев к кобонди Г. Ли выделяет следующие¹⁸:

1. Чувство отсутствия прав на использование земли как собственного клочка.
2. Изъяны коллективного колхозного производства и уравнительная система при распределении конечного продукта.
3. Традиционное стремление корейской молодёжи к учёбе¹⁹.
4. Меры колхозов и совхозов по выделению земель временным работникам для выполнения плана по овощным культурам. Всех участников «гобонди» решением общего собрания принимали членами колхозов или рабочими совхозов.

Сущность кобонди Г. Ли раскрывает так:

«"Гобонди" – это наиболее справедливая форма организации труда, основанная на взаимном интересе исполнителей задания (бригады, звена) и заказчика (колхоза или совхоза в производстве большего количества конечной продукции). ... Небольшой по численности коллектив берёт на себя обязательство получить установленное количество продукции земледелия с арендуемой площади земли, а руководство хозяйства обязуется своевременно предоставлять арендаторам сельскохозяйственную технику, семена и удобрения. По условиям договорённости коллектива подрядчиков, можно сдавать установленный объём продукции или весь валовой сбор по заранее оговорённым рас-

ценкам. Наиболее распространённой формой экономических отношений была сдача установленного условием соглашения объёма продукции с одного гектара земли...

Бригады "гобонди" создаются на добровольной основе, самостоятельно комплектуется состав коллектива, сами устанавливают режим работы. ...Выполнение обязательства перед заказчиком является неременным условием договора аренды.

Система "гобонди" базируется на коллективной ответственности, и применительно в земледелии – участки делят равными долями под названием "гобон". Один участник бригады в зависимости от материальных и людских ресурсов может принять под свою ответственность несколько участков»²⁰.

Автор так вкратце характеризует систему кобонди: «Полная самоотдача для получения максимального количества продукции, коллективная ответственность перед заказчиком и полная свобода действий»²¹. Данное определение намного шире, нежели приведённое выше. Неслучайно в другой части книги Г. Ли даёт расширительное толкование метода кобонди, не сводящегося к арендному подряду в сельском хозяйстве:

«Метод "гобонди" распространяется не только в земледелии. В связи с освоением Сибири и Дальнего Востока ещё в прошлых веках широко использовался труд корейских и китайских рабочих, в частности, в старательных артелях по добыче редких и драгоценных металлов, на лесозаготовке.

Старательные бригады по добыче редких металлов, по строительству, ремонту автомобильных дорог и жилых домов и поныне колесят по странам бывшего Союза, работая в основном в отрыве от постоянного места жительства. Эти работы имеют сезонный характер, и участие в них принимают представители многих национальностей.

Однако в огородничестве – это удел корейского населения в странах СНГ»²².

Из данного отрывка можно вывести, что метод кобонди возник «ещё в прошлых веках». В другом месте Г. Ли сообщает, что

кобонди возникает в Узбекистане в 1941–1945 гг., хотя в этом он не уверен. Причём первые кобонди были единоличниками: «Единоличные корейские хозяйства, не занятые в колхозном производстве по договорённости с председателями колхозов Букинского района Узбекской ССР, стали осваивать болотистые камышовые заросли на территории колхозов»²³. И в третьем месте автор пишет о зарождении кобонди в пост-депортационные годы, причём ареал его возникновения не ограничивается Узбекистаном: «Именно тогда в районах Узбекистана, Казахстана и автономных республиках Северного Кавказа зародилось массовое движение корейского крестьянства "гобонди"»²⁴.

Первые бригады кобонди занимались возделыванием риса и его очисткой с помощью самодельных рисорушек²⁵.

Автор высоко оценивает значение кобонди в репутации корейского общества. С его точки зрения, «именно за участие в "гобонди" корейцы получили по всей советской стране оценку как трудолюбивые люди во всех сферах жизни»²⁶, именно система кобонди «способствовала корейцам занять одно из ведущих мест по числу окончивших высшие учебные заведения»²⁷, именно она явилась «школой воспитания и учёбы многочисленных корейских бизнесменов, промышленников, банкиров, учёных на просторах бывшего СССР»²⁸. Высокая оценка со стороны общества возможностей бригад кобонди, с точки зрения автора, связана с тем, что «для корейцев не существует "зоны рискованного земледелия"», «небольшой десант корейских тружеников "гобонди" способен обеспечить выращиваемой продукцией население района или целой области»²⁹.

В книге указываются районы, где работали корейские бригады. В России это Ростовская, Саратовская, Воронежская, Волгоградская, Астраханская, Новосибирская и Омская области, Алтайский, Краснодарский, Ставропольский, Хабаровский, Приморский края, автономные республики Северного Кавказа, Калмыцкая АССР, Тувинская АССР, Бурятская АССР. В Украине – Крымская, Херсонская, Криворожская, Луганская,

Полтавская, Донецкая, Запорожская, Днепропетровская, Киевская, Одесская, Харьковская области. В Казахстане – Уральская, Актюбинская, Чимкентская, Джамбульская, Кызыл-Ординская, Семипалатинская области и др.

Г. Ли в общих чертах раскрывает содержание договора аренды между бригадой кобондя и хозяйством (совхозом, колхозом, подсобными хозяйствами предприятий и воинских частей):

«Основными пунктами договора аренды являются условия арендной оплаты, выделение земли под огород в размерах приусадебных участков, установленных колхозникам и рабочим, порядок приёма сверхплановых объёмов продукции или официальное разрешение вывоза сверхпланового урожая за пределы хозяйства, а также авансирование деньгами в счёт сдачи предстоящего планового урожая»³⁰.

В книге выделяются следующие формы арендной платы за землю: продукцией и деньгами. Обращается внимание на то, что в случае платы продукцией (планового объёма) сверхплановая либо оставалась в распоряжении членов бригады, либо сдавалась по рыночной цене, но ниже оптово-закупочной³¹.

Г. Ли выделяет следующие формы доходов бригадиров:

1) Как и все члены бригады, они берут в свою долю несколько «гобон» и обрабатывают их своими силами, внося наравне с другими арендную плату.

2) По негласному соглашению с арендодателями, обрабатываются неучтённые площади для бригадира. Эти участки обрабатываются силами всей бригады.

3) Начисление бригадиру в конце года до 10% от общего дохода бригады.

4) Негласное распределение плана сдачи урожая на всех остальных членов бригады. Например, если на долю бригадира приходилось три гобона посева лука, а план сдачи на каждый гобон составлял 12 тонн, то всем членам бригады, пропорционально участкам, распределялось 36 тонн³².

Среднее количество бригады – 15 человек и более³³.

По принципу комплектации бригад Г. Ли выделяет типы бригад:

- бригады, укомплектованные из родственников;
- бригады, укомплектованные из друзей, соседей, однокашников и сослуживцев;
- бригады, укомплектованные из числа молодежи.³⁴

Распределение участков между членами бригады, за исключением бригадира, который сам выбирает участок, происходит по принципу жеребьёвки³⁵.

Говоря о временных жилищах (балаганах), Г. Ли выделяет их типы:

- полуземлянки из камыша;
- балаганы из строительных материалов – отходов пиломатериалов, рубероида, фанеры;
- отапливаемые колёсные вагончики³⁶.

Широкое распространение получило устройство теплового кана на полу (*гудири, ондори*).

Жилища размещают вдоль головного канала для полива. Иногда – по периметру всего участка, так как в зависимости от рельефа местности головные каналы нарезаются иногда с двух и даже с трёх сторон³⁷.

В книге описываются биографии и достижения пяти бригадиров из Кыргызстана.

Цой Валентин (1943 г. рождения). Работал в Кыргызстане, Казахстане, России (Ростовской области и Калмыцкой АССР). Наиболее запомнившийся год – 1981, когда его бригада собрала хороший урожай кукурузы на площади в 150 га, лука – на 100 га, арбузов – на 40 га, баклажанов – на 10 га, что в сумме измеримо по площади с целым колхозом.

Хегай Илья (1936 г. рождения). Работал в Кыргызстане и на Украине. В бригаде работало 30-35 семей, в основном молодые. Особенностью его бригады было размещение балаганов по круговой системе. В центре устраивалось место с телевизором и спортивная площадка для волейбола, теннисный стол и бильярд.

Ли Анатолий (1943 г. рождения). С высшим образованием – окончил Новосибирский институт. Работал кобондя в России, Украине и Казахстане. С 1977 г. стал применять плёночную технологию выращивания арбузов в Казахстане. После распада СССР занялся строительным бизнесом.

Ли Лаврентий (1932 г. рождения). Окончил торговый техникум. Всю жизнь занимался кобонди в Кыргызстане. В начале 1970-х гг. его бригада собрала урожай по 55 ц пшеницы с одного гектара на площади в 70 га. После этого ЦК КП Кыргызстана организовал семинар специалистов сельского хозяйства на его участке.

Цой Вячеслав (1954 г. рождения). Его отец в течение 22 лет был бригадиром. Сам В. Цой долгое время также работал бригадиром. После распада СССР и формирования рыночного законодательства создал своё крестьянское хозяйство с правом аренды земли на 99 лет. За время работы приобрёл один зерноуборочный комбайн, два гусеничных и три колёсных трактора.

Специальная глава книги посвящена преимуществам и недостаткам системы кобонди. К недостаткам автор относит, прежде всего, кочевой характер кобонди:

«Кроме лишений физического порядка³⁸, относящихся к работе на земле, существует много издержек, потерь нравственно-психологических, моральных, связанных с оставлением без присмотра детей. Материально обеспеченные, иногда сверх меры; дети участников "гобонди" теряют более ценное, чем деньги и достаток. Нередки случаи нравственной распущенности, наркомании, увлечения азартными играми, элементарной необразованности среди корейских детей. Иногда это с молодостью проходит, иногда нет»³⁹.

В 2000-х годах автором настоящей монографии был опубликован ряд работ по кобонди и его историографии⁴⁰.

В 2007 году Г. Н. Ким выступил с докладом «Кобонди (кобончиль) как вид этнического предпринимательства советских корейцев»⁴¹. Как и в случае с понятием «мета-нация»,

Г. Ким даёт на множество ссылок на различных зарубежных авторов, которые не имеют отношения к корееведению и которые скорее всего не подозревали о наличии корейской диспоры в Центральной Азии, а тем более – о таком феномене, как кобонди. При этом ни слова о том, что непосредственно на тему кобонди опубликована серия статей (в том числе и в редактируемом им журнале), научная монография (Хан В. С., Квон Хи Ёнг) и защищена диссертация (Пэк Тэ Хен). Говоря о том, что к теме кобонди «в последнее время проявлен интерес журналистами и учёными из Кыргызстана, Узбекистана и Южной Кореи», Г. Ким даёт ссылку, в которой при этом нет ни учёных, ни журналистов из Узбекистана.

Свой доклад Г. Ким строит на некоем «исследовании», основным методом которого были «длительное наблюдение изучаемого явления, опросы общего плана респондентов и проблемно-ориентированные интервью с людьми, занятыми кобонджиль». Подобная информация о проведённом исследовании вызывает по меньшей мере удивление. Есть элементарные требования к проведению социологического/этнологического исследования и презентации его результатов. Что это был за сайт (в социологическом смысле)? В какой местности он расположен (город, село и т.д.)? Когда было проведено исследование? Какое количество респондентов было опрошено? Какая была применена методика выборки? Какова репрезентативность выборки? Какой гайд (опросник) был использован? Что такое «опросы общего плана»? Были ли транскрибированы интервью? Где можно ознакомиться с результатами исследования (где они были опубликованы)? И таких вопросов много. Без ответа на эти вопросы невозможно судить о достоверности проведения исследования. А принимать на веру в науке не принято: нужны доказательства. Иначе стирается грань между действительным и воображаемым.

Не меньше вопросов к попытке дать определение кобонди. Так, в своих работах я даю следующую справку о кобонди:

«Кобонди – бригадная форма организации труда корейцев в СССР (в условиях нелегальной аренды колхозных и государственных земель), заключающаяся в сезонной (преимущественно, маятниковой) предпринимательской деятельности по выращиванию сельскохозяйственных культур на основе договора с сельскохозяйственными и иными предприятиями. Будучи первой формой частного и этнического (корейского) предпринимательства в СССР, кобонди было основано на принципах самоуправления и экономической мотивации. Поскольку оно было нацелено на конечный результат, урожаи бригад кобонди превышали урожаи обычных колхозно-совхозных бригад в несколько раз, что позволило существенно повысить уровень жизни корейцев сравнительно со средним общесоюзным уровнем. В годы перестройки арендный подряд начинает рассматриваться в качестве образца ведения сельского хозяйства»⁴².

Г. Ким же даёт такое определение кобонджиль (здесь используется южнокорейское произношение данного термина): «Кобончжиль – специфическое, присущее именно советским корейцам полулегальное занятие овощеводством и бахчеводством, основанное на групповом арендном подряде, руководимое лидером-бригадиром и связанное с сезонными территориальными миграциями».

Поскольку кобонди было связано с жизнью тысяч советских корейцев и это важнейшая часть их истории, сравним два выше приведённых определения.

Во-первых, основным родовым понятием, через которое определяется кобонди (видовое понятие) у Г. Кима является «занятие». Это не научный термин, если говорить об экономической деятельности, а скорее бытовой. Тогда как я определяю кобонди через родовое экономическое понятие «форма организации труда», а если ещё более конкретно – через понятие «бригадная форма организации труда», что соответствует требованиям к научной дефиниции.

Во-вторых кобонди не основано на арендном подряде, как

его описывает Г. Ким, и это принципиально. Согласно постановлению ЦИК и СНК СССР от 4 июня 1937 г. «О воспрещении сдачи в аренду земель сельскохозяйственного значения» аренда земли в Советском Союзе была полностью запрещена. Закон об аренде был принят лишь в конце 80-х годов. И что такое «полулегальное занятие»? В экономике и юриспруденции такого понятия нет. Поэтому я пишу: «...в условиях нелегальной аренды колхозных и государственных земель». И это точное определение кобонди.

В-третьих, Г. Ким пишет, что кобонди – это занятие овощеводством и бахчеводством. Не только. В своих работах я привожу интервью с людьми, работавшими по системе кобонди с кенафом, который относится к техническим культурам.

В-четвёртых, у Г. Кима кобонди связано с сезонными территориальными миграциями. Во многом – это так, но не обязательно. Опять же, в своих работах я привожу интервью с людьми, которые занимались кобонди в своих колхозах.

В-пятых, если есть группа, бригада, т.е. и бригадир. Хотя словосочетание *лидер-бригадир* снова не из научного лексикона. Одно дело – психологическая характеристика и другое – формальный (номинальный) статус согласно классификатору должностей.

И в-шестых, в какой мере мы можем говорить о том, что вид деятельности, понимаемый под кобонди, был присущ именно советским корейцам? Действительно, корейцы были родоначальниками кобонди⁴³. Но, как правило, в экономике успешные виды деятельности сразу же перенимаются, и их родоначальники перестают быть единственными их носителями. И хотя я сам применяю термин корейского предпринимательства применительно к кобонди, думаю, что его нельзя абсолютизировать. В Паркентском районе Ташкентской области я разговаривал с узбеками, приехавшими из Намангана, которые рядом с корейцами делали, по их словам, «огород». Суть кобонди со-

вершенно не в лидерах-бригадирах, не в сезонных миграциях и не в аренде, как это думает Г. Ким, а прежде всего в особенностях, обеспечивающих его прибыльность, чему и был посвящён данный параграф.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Кыдырбаев Б. М. Вклад корейских переселенческих колхозов в развитии хлопководства Казахстана // Известия корееведения в Центральной Азии. Вып. 9 (17). 2010. – С. 29-38; Рахманкулова А. Х. Участие корейцев в экономической жизни Узбекистана // Известия корееведения в Казахстане. Вып. 19. – Алматы, 2012. – С. 31-40; Мен Д. Роль корейских колхозов Центральной Азии в строительстве социализма в СССР (1937–1991 гг.) // 러시아지역 해외한인연구 II 러시아지역 한인의 이산과 정주. 2019. – С. 301-356.

² *Kho Songmo*. Koreans in Soviet Central Asia. Helsinki, Studia Orientalia, Vol. 61, 1987; Обиды пахаря. «Правда», 1988; «Труд», 23 сентября 1989 г.

³ Бич (бывший интеллигентный человек), божж (без определённого места жительства) – люмпенизированные, маргинальные и деградированные (как правило, спившиеся) слои общества.

⁴ Ким А. Избранное. – М., 1988. – С. 151.

⁵ Хозрасчёт – форма организации труда, основанная на принципах самоуправления, самокупаемости и самофинансирования.

⁶ «Труд», 23 сентября 1989 г.

⁷ Столица Калмыкии.

⁸ «Труд», 23 сентября 1989 г.

⁹ Ким Б. Ветры наших судеб: Советские корейцы. История и современность. – Т., 1991. – С. 78.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. – С. 81.

¹² Там же. – С. 83.

¹³ Ли Г. Н. Гобонди. Записки наблюдателя о любви корейцев к земле. – Бишкек, 2000; Пэк Тхе Хён. Кобонджиль корейцев Средней Азии и Казахстана. Дисс... канд. истор. н. – Бишкек, 2001;

¹⁴ Хан В. С. К историографии изучения кобонди // Известия корееведения Казахстана. Вып. 5 (13). 2007. См. также: Хан В. С. Освещение истории корейской полулегальной сельскохозяйственной аренды (кобонди) в ху-

дожественной и публицистической литературе // *O'zbekiston Tarixi*. № 2, 2014. – С. 77-87.

¹⁵ *Ким Г. Н., Мен Д. В.* История и культура корейцев Казахстана. – Алматы, 1995. – С. 133.

¹⁶ В книге многие части логически не связаны. Зачастую ссылки на источники не оформлены как цитаты, поэтому не всегда ясно, где кончается цитата, а где начинается авторский текст. Некоторые понятия используются неправильно. Например, в одном месте автор употребляет термин «арендатор» для обозначения человека, который берёт в аренду землю, а в другом месте – для обозначения хозяина земли (арендодателя). Многие положения сформулированы настолько не ясно, что трудно понять, что хотел сказать автор.

¹⁷ *Ли Г.* Гобонди. Записки наблюдателя о любви корейцев к земле. – Бишкек, 2000. – С. 10.

¹⁸ Там же. – С. 154-157.

¹⁹ Вероятно, автор хотел указать на желание родителей иметь достаточный материальный фундамент, чтобы дети могли учиться.

²⁰ *Ли. Г.* Гобонди. Записки наблюдателя о любви корейцев к земле. – Бишкек, 2000. – С. 143-144.

²¹ Там же. – С. 157.

²² Там же. – С. 188.

²³ Там же. С. 145.

²⁴ Там же. С. 190.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же. С. 147.

²⁷ Там же. С. 147.

²⁸ Там же. С. 150.

²⁹ Там же. С. 190.

³⁰ Там же. С. 173.

³¹ Там же.

³² Там же. – С. 174.

³³ Там же. – С. 176.

³⁴ Там же. – С. 175.

³⁵ Там же. – С. 176.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же. – С. 176-177.

³⁸ Имеется в виду неустроенная жизнь в поле.

³⁹ Ли Г. Гобонди. – С. 191.

⁴⁰ 중앙아시아 초원의 유랑농업. 우즈베키스탄 고려사람의 고분지 연구 // 권희영, 한 발레리 공저. 한국정신문화연구원, 2004; Хан В. С. О соотношении кобонди и форм земледелия у корейцев на дореволюционном российском Дальнем Востоке в первые годы советской власти // Известия корееведения Казахстана. Вып. 1–2 (10). – Алматы, 2005. – С. 123-135; К историографии изучения кобонди // Известия корееведения в Центральной Азии. Вып. 5 (13). 2007. – С. 105-116; О причинах возникновения кобонди // «Ариран-1937». Вып. 1. – Т., 2008. – С. 93-100; Кобонди в 80-е–90-е годы XX века // Известия корееведения в Центральной Азии. Вып. 8 (16). – Алматы: Центр корееведения КазНУ, 2009. – С. 180-190; Кобонди – образ рыночника в рыночной экономике // Корё сарам: кто мы. – Бишкек, 2009. – С. 107-126; Освещение истории корейской полуделегальной сельскохозяйственной аренды (кобонди) в художественной и публицистической литературе // O'zbekiston Tarixi. № 2. 2014.

⁴¹ Ким Г. Н. Кобонди (кобончжиль) как вид этнического предпринимательства советских корейцев // Материалы международной конференции «Корейская диаспора в ретро и перспективе». 13–15 июля, 2007. – Алматы, 2007.

⁴² 중앙아시아 초원의 유랑농업. 우즈베키스탄 고려사람의 고분지 연구 // 권희영, 한 발레리 공저. 한국정신문화연구원, 2004; Кобонди – образ рыночника в рыночной экономике // Корё сарам: кто мы. – Бишкек, 2009.

⁴³ См.: Хан В. С. О причинах возникновения кобонди // «Ариран-1937». Вып. 1. – Т.: «Санъат», 2008. – С. 93-100.

§ 2. Тема кобонди в работах зарубежных авторов

Вероятно, одной из первых зарубежных работ, в которой затрагивается тема сельскохозяйственных корейских бригад, является книга профессора Хельсинского университета Ко Сонг Му¹. Эта тема им обсуждается в параграфе «Сельскохозяйственный метод» в главе «Культивация риса».

Сам Ко Сонг Му не употребляет термина «кобонди», но обращает внимание на то, что на страницах корейской газеты «Ленин кичи» часто употребляются понятия «бригадный подряд» и «коллективный подряд», которые автор переводит как «brigade trust system» и «collective trust system», соответственно. Объясняя суть этих терминов, Ко Сонг Му пишет:

«Данная система означает договор между административным органом и производителями по поводу количества и качества производимой продукции, причём рабочие получают свой заработок на основе субдоговора. Другими словами, рабочим не платится зарплата до того, как они не выполнят свою работу; оплата производится по её результатам»².

Данная система, пишет автор, позволяет увеличить производительность труда на 15-30%. Одним из важных принципов коллективного подряда является самофинансирование, что повышает чувство ответственности. Ко Сонг Му указывает, что при данной системе происходит резкое сокращение количества рабочих: если ранее для культивации 400 гектаров риса нужно было 30 рабочих, то при бригадном подряде – 15-18. Кроме того, поскольку заработок членов бригады зависит от результатов их работы, они заинтересованы работать быстрее, чем прежде.

Более серьёзной работой на тему кобонди является кандидатская диссертация южнокорейского учёного Пэк Тхе Хёна «Кобонджиль корейцев Средней Азии и Казахстана», защи-

щённая в Бишкекском гуманитарном университете в 2001 г.³

Пэк Тхе Хён выделяет следующие особенности кобонди⁴:

1. В течение года определённое время (с марта по октябрь) участники кобонди находятся непосредственно на поле, оставляя на время своё постоянное место жительства.

2. В отличие от частной формы земледелия, кобонди осуществляется коллективом (бригадой).

3. Кобонди – это подвижное наёмное земледелие.

4. Главное действующее лицо в кобонди – кореец.

На основе этих особенностей диссертант даёт следующее определение кобонди:

«Кобонджиль – это подвижная наёмная форма земледелия, при которой земледелец-кореец, составив бригаду на основе семейных ячеек, осуществляет весь процесс сельскохозяйственного производства от собственно производства до сбыта продукции на арендуемой земле, находящейся на близком или дальнем расстоянии и, в основном, происходящий вне основного местожительства земледельца».

Сам термин автор диссертации раскрывает так:

«... Можно предположить, что сам термин начал использоваться впервые не в Средней Азии. Этимология данного термина заставляет заглянуть в историю корейцев до принудительного переселения, то есть когда они проживали на Дальнем Востоке или даже до этого периода. "Кобонджиль" – сложносоставное слово, состоящее от существительного "кобон" и словообразующего суффикса "джиль", который означает определённое занятие чем-либо или действие. Суффикс "джиль" довольно часто используется, так что проблема заключается в том, что же означает существительное "кобон". Если сослаться на разъяснения человека, непосредственно занимающегося кобонджиль, то "кобонджиль" означает примерно следующее: кобонджиль – земледельческое старательство, преследующее частную выгоду. Если отталкиваться от данного определения, то относительно

ясно проявляется характер термина "кобон". "Кобон" означает определённую площадь, которую возделывает отдельная семья, участвующая в кобонджиль. Однако "кобон" – это не единица площади. Потому что площадь возделываемой земли может варьироваться в зависимости от трудоспособности отдельно взятой семьи, от общей площади, возделываемой всей бригадой, и от количественного состава бригады. Например, если для бригады, состоящей из 10 семей, арендована земля площадью 30 га, то, в среднем, на каждую семью приходится по 3 га. Но трудоспособность у каждой семьи разная, так что площадь возделываемой земли может оказаться чуть больше или меньше 3 га. В этом случае примерно 3 га земли, распределяемой в среднем между семьями, и составляет один кобон. Другими словами, в зависимости от определённых условий непосредственно на производственном участке, площадь или величина кобона может меняться. Обычно одна семья берёт один кобон. Но если семья в состоянии возделывать больше земли, то семья вправе закрепить за собой и два кобона. В таких случаях корейцы выражаются следующим образом: "В этом году получили один кобон", или "два кобона". Таким образом, кобонджиль совершается на земельных наделах, распределяемых вышеуказанным способом и имеет особенность ведения хозяйства посредством ведения подхозяйств, называемых кобонами⁵.

Говоря о причинах возникновения кобонди, Пак Тхе Хён считает важным понимание исторических условий, на фоне которых происходит его формирование: коллективизация, убыточность, неэффективность и бюрократизированность колхозов и совхозов, Вторая мировая война. Непосредственную причину возникновения кобонди автор видит в адаптации стремления корейцев к получению выгоды на основе своего земледельческого опыта к условиям советской системы коллективного сельского хозяйства. Противоречие между прежним опытом корейских земледельцев и системой, в которой они вынуждены

были существовать, снимается в появлении новой адаптационной формы – кобонди. Так, диссертант пишет:

«...После переселения у корейцев не было ни времени, ни возможностей для того, чтобы понять и осознать все те механизмы, содержащиеся в политике экспроприации в системе коллективного хозяйства на фоне политической ситуации того времени и при неблагоприятной социально-экономической обстановке. Однако вскоре данная система приходит к тому, что становится ясно, что в основе своей система ограничена для того, чтобы форсировать частное производство. Именно в эту пору, во многом благодаря трудолюбию и усердию корейцев, начинается осознание того, что работа в колхозе – один из верных способов накопления богатства каждого отдельно взятого члена колхоза внутри данного коллектива. Именно это и является началом формирования особой формы земледелия – кобонджиль. Несмотря на то, что советская сельскохозяйственная производственная система коллективных хозяйств и кобонджиль имели взаимоисключающие элементы, во многом они были связаны. И невзирая на правовую необоснованность, участники кобонджиль находили взаимовыгодные условия, что являлось первостепенно важной причиной того, что кобонджиль реализовывался по молчаливому согласию обеих систем и что дало возможность сосуществовать этим двум системам. Именно данная причина стала подспорьем к возникновению кобонджиль и формированию базы для дальнейшего существования и распространения кобонджиль»⁶.

Автор делает вывод, что «кобонджиль является точной копией колхоза в отношении способов управления и организационно-производственной системы»⁷. Именно этим он объясняет тот факт, что кобонди существует в бригадной форме, а также что бригадир полностью контролирует весь процесс кобонди, начиная от аренды земли и кончая сбытом выращенной продукции.

Форма доходов бригадира, по мнению диссертанта, зависит от численного состава бригады, что, в свою очередь, определяет его функции:

«Когда численный состав бригады невелик, бригадир вместе с участвующими семьями непосредственно принимал участие в производственном процессе. В этом случае бригадир не платит арендную плату, а только занимается поиском земли с благоприятными производственными условиями. Но в случае бригады с большим численным составом бригадир старается помочь каждому члену бригады, а также, решая другие вопросы, у него не остаётся времени непосредственно участвовать в кобонджиль. В этом случае бригадир получает от членов бригады арендную плату за землю с тем, чтобы передать колхозу, у которого они арендовали землю; но бригадир получает сумму, превышающую арендную плату, и именно эта разница и становится доходом бригадира».

Пак Тхе Хён указывает на выгоды, которые имели колхозы и совхозы от сотрудничества с кобондья:

1. Увеличение доходов колхоза/совхоза.
2. Культивация овощных культур, по технологии которых у местных жителей мало опыта.
3. Нетрудовые доходы председателя и руководящего состава колхоза/совхоза.

Автор выделяет два основных этапа развития кобонди: советский и постсоветский периоды.

В свою очередь, в рамках советского периода он выделяет три этапа:

Кобонди начального этапа. По сведениям очевидцев, с которыми разговаривал Пак Тхе Хён, некоторые корейские семьи стали заниматься кобонди уже во время войны, а после окончания войны кобонди стало очевидным фактом. Основной выращиваемой культурой был рис. Вначале кобонди носил чисто семейный характер и выполнялся преимущественно вблизи от места постоянного проживания.

В этот период корейцы не могли себе позволить аренду сельхозтехники или наём полевых рабочих. Члены семьи делали всё сами и вручную. Наёмные рабочие привлекались только в период уборки урожая. Труд наёмных рабочих оплачивался в натуральном выражении – рисом. После того как корейцы осваивали камышовые заросли или болотистые земли, которые они брали в аренду в колхозе, на следующий год колхоз отбирал у них эти освоенные земли и давал под аренду более худшие. Поэтому корейцам приходилось из года в год перемещаться с одного земельного надела на другой. Временные домики, которые корейцы называют «кальтумак», строились из камыша.

Кобонди в преддверии легализации в период после смерти Сталина. В 1950-е гг., после смерти Сталина, ограничения по перемещению корейцев были упразднены. Корейцы из сельской местности стали мигрировать в города. География кобонди начинает расширяться и формируется новый вид кобонди – кобонди на дальнем расстоянии, и сама практика кобонди более систематизируется.

Кроме того, в этот период возникает объективный фактор, способствовавший более динамичному развитию кобонди. Это меры по слиянию и расширению колхозов. Вследствие слияния неблагополучных колхозов с процветающими или же простого слияния нескольких колхозов появились совхозы (коллективные хозяйства государственного подчинения). Объединённые коллективные хозяйства стали многонациональными. Корейские колхозы от вышеуказанных мер только пострадали. В плане управления и рентабельности корейские колхозы были благополучнее, чем так называемые «местные» колхозы. После объединения с менее благополучными колхозами корейским колхозам пришлось разделить бремя их долгов, вследствие чего их экономические показатели резко снизились. Кроме того, по численному составу в таких колхозах

корейцы оказались в меньшинстве, и выражение «корейский колхоз» потеряло смысл. Участились случаи переезда корейцев в города.

В период правления Л. И. Брежнева (1962–1982 гг.) сравнительно легче стало заниматься кобонджиль. Брежнев инвестировал значительные ресурсы в сельскохозяйственную сферу, а также снизил цены на оптовую торговлю сельхозтехники, на розничную торговлю в сельской местности и повысил закупочные цены на сельскохозяйственные продукты. Эти меры способствовали сокращению расходов по кобонди и созданию базы для повышения производительности. Распатанность дисциплины и развившаяся в этот период коррупция также создавали благодатную почву для активизации кобонди.

В этот период корейцы постепенно переходят от риса к выращиванию лука, арбуза, баклажана и других культур.

Кобонди перестроечного периода. В этот период происходит процесс легализации кобонди, вследствие чего положение корейцев-кобондя значительно облегчилось. На фоне всеобщего упадка колхозов кобонди, благодаря его положительным экономическим показателям, обретает большую привлекательность.

Говоря о кобонди в период независимых государств, Пак Тхе Хён пишет, что одним из очевидных его отличий является географическое разделение рынка сбыта продукции. Причём рынок сбыта всё заметнее сужается.

Кобонди в постсоветский период диссертант подразделяет на два этапа. Границей между ними служит введение национальных валют в каждой из стран Центральной Азии. В основу левого материала диссертации легло изучение бригад кобонди неподалёку от столицы Кыргызстана и в Каратальском районе Казахстана.

Спустя несколько лет тема кобонди стала темой проекта Академии корееведения Республики Корея. По данному про-

екту в Узбекистан приезжал профессор Академии Квон Хи Ёнг. Совместно с автором настоящей книги он проводил исследование, результатом которого стала совместная монография, опубликованная в Корее⁸. Исследование проводилось в Кашкадарьинской и Ташкентской областях, а также в г. Ташкенте, где было опрошено (на основе формализованного и неформализованного интервью) 29 человек, занимавшихся кобонди. Репрезентативность информантов (по возрасту, образованию, времени и месту занятия кобонди, а также другим параметрам) позволила получить достаточно широкую информацию, на базе которой стал возможен анализ различных сторон жизни и деятельности сезонных овощеводов.

Исследование зафиксировало, что осуществлять кобонди в постсоветский период стало сложнее. Это и появление границ и таможен между республиками бывшего СССР, введение собственных валют, проблема безопасности в «зарубежье», более высокая себестоимость продукции и т.д.

На основе результатов исследования авторы пришли к выводу, который был отражен в Заключении:

«При постепенном внедрении высоких технологий в сельское хозяйство, такого количества крестьян, как в прошлом, уже не нужно будет. Поэтому уменьшение числа людей, занятых в кобонди, будет уменьшаться. Тем более, что арендный подряд взяли на вооружение и другие народности, которые раньше не являлись конкурентами для корейцев, нашедших свою трудовую нишу.

Меняется и само отношение к кобонди. Корейская молодёжь всё в меньшей степени связывает своё будущее с кобонди, тем более что доходность от него сегодня не настолько высока, чтобы компенсировать огромные физические трудозатраты, финансовый риск, жизнь на поле. То, что 30-40 лет казалось нормальным, сегодня таковым уже не считается.

Многое будет зависеть от степени и направленности корей-

ской миграции, что, в свою очередь, зависит от того, насколько корейцы будут чувствовать себя комфортно в том или ином центральноазиатском государстве. Та среда, в которой окажутся корейцы, во многом будет формировать и их ориентацию на виды трудовой деятельности.

Немаловажное значение как для миграционных процессов, так и для кобонди в частности, будут иметь экономическая интеграция и единое экономическое пространство, как в СНГ в целом, так и в центральноазиатском регионе, обсуждаемые уже многие годы, но так до сих пор и не состоявшиеся. Снятие таможенных барьеров, единые правила при движении людей, товаров и капиталов на евразийском пространстве могут дать новую жизнь для кобонди, по крайней мере для тех, кто этим ещё недавно занимался.

Определённую роль в решении вопроса трудоустройства корейцев, в том числе и в сфере кобонди, могут сыграть корейские ассоциации стран СНГ. Например, несколько лет назад корейцы Казахстана и Москвы договорились о поставках казахстанского лука на московские рынки. При наличии таких рынков сбыта отток корейцев из кобонди может приостановиться.

И, конечно, те же корейские ассоциации могут разработать перспективные проекты образования и трудоустройства (и может быть, миграции) корё сарам, в которых будут заинтересованы принять участие правительственные, общественные и частные организации из Кореи»⁹.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Kho Songmo*. Koreans in Soviet Central Asia. Helsinki, Studia Orientalia. Vol. 61, 1987.

² Там же. – С. 77. Применительно к кобонди как специфическому виду семейного подряда понятие «заработной платы» как экономического стимула не корректно. Основная цель кобонди – не официальная ма-

ленькая зарплата, а сверхплановая часть урожая и её реализация по рыночным ценам. – В. Х.

³ Пэк Тхе Хён. Кобонджиль корейцев Средней Азии и Казахстана. Дисс... канд. истор. наук. – Бишкек, 2001..

⁴ Пэк Тхе Хён везде употребляет термин «кобонджиль», хотя коре сарам говорят «кобонди».

⁵ Пэк Тхе Хён. Указ. соч.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ 중앙아시아 초원의 유량농업. 우즈베키스탄 고려사람의 고본지 연구 // 권희영, 한 발레리 공저. 한국정신문화연구원, 2004.

⁹ Там же. – С. 144-146.

Глава VIII. КОРЕЙЦЫ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

§ 1. Освещение участия корейцев в трудовой армии¹

Несмотря на обилие публикаций, посвящённых истории и культуре корё сарам, в историографии их советского периода есть темы, которые по сей день мало изучены, и одна из них – участие корейцев в «трудовой армии» (строительных и рабочих колоннах) в годы Второй мировой войны. Говоря о её состоянии, Н. Ф. Бугай пишет: «Из этого периода жизни корейцев в Союзе ССР... до сих пор оставалась неизвестной страница об участии их как дешёвой рабочей силы, создававшейся принудительными мобилизациями, на трудовом фронте в 40-е годы»².

Сама тема трудармии военных лет в качестве *специальной* начинает осваиваться в литературе со второй половины 80-х гг. И, как отмечается в историографических обзорах, «история формирования и функционирования "трудовой армии" периода Великой Отечественной войны стала в немалой степени связываться с судьбой "трудмобилизованных немцев"»³. К настоящему времени в этом направлении уже опубликовано значительное количество трудов⁴.

Об участии узбекистанцев в оборонной промышленности, в том числе за пределами республики в так называемых «строительных батальонах», был написан ряд статей. Необходимо также отметить коллективные труды⁵.

Наиболее серьёзным исследованием о мобилизации узбекистанцев на стройки и оборонные предприятия страны во время Второй мировой войны является диссертация Л. П. Дядюры «Использование трудовых ресурсов Узбекистана в оборонной промышленности страны (1941–1945 гг.)», защищённая в 1989 г.

Л. Дядюра рассмотрела такие вопросы, как роль мобилизации трудовых ресурсов в ускоренном развитии военной экономики страны, условия быта и труда мобилизованных рабочих, дифференцированный подход в работе с различными группами рабочих с учётом их национальных особенностей, использование в производственной деятельности мобилизованных рабочих национальных трудовых навыков и др. Автором были введены в оборот ранее не использованные документы, хранящиеся в Центральном государственном архиве Узбекистана: из фондов Совета народных комиссаров (Ф. 837), наркоматов финансов (Ф. 93) и торговли УзССР (Ф. 91), Уполномоченных Госплана (Ф. 2513) и Наркомата заготовок СССР (Ф. 2073), Главного управления по делам искусств Наркомата культуры УзССР (Ф. 2087), Наркомата Госконтроля УзССР (Ф. 2290) за 1941–1945 гг. Также ею были использованы фонды архива Ташкентской области (Ф. 652), фонды российских архивов и периодическая печать периода Великой Отечественной войны.

Если о трудовой армии во время Второй мировой войны в целом, в том числе и по участию в ней немцев, и велись хоть немногочисленные, но фундаментальные исследования, то участие советских корейцев в трудовой армии является одной из самых малоизученных тем.

Если говорить о работах, в которых затрагивается тема корейцев-трудоармейцев, то их немного⁶. Причём сама *тема корейского участия в трудармии* занимает в них лишь незначительную часть: по две строчки (Г. Н. Ким, Д. В. Мен), полстраницы (Б. И. Ким), одну страницу (Г. В. Кан), несколько страниц (Л. Б. Хван). Конечно, такое положение нельзя назвать удовлетворительным, если учесть, что трудармия являлась важной вехой в жизни большинства трудоспособного мужского корейского населения.

Впервые тема корейцев-трудоармейцев начинает упоминаться в периодике и публицистике времён перестройки – в виде констатаций самого факта участия корейцев в трудармии.

В 1988 г. в Москве на корейском языке выходит книга ташкентского журналиста Брутта Кима «Кто мы?». Русский вариант книги вышел в 1991 г. в Ташкенте. В ней указывается, что трудармия – это «полувоенные формирования с полутюремным режимом» и что корейцы-трудармейцы работали на шахтах Воркуты, Караганды, Ангрена, на рудниках Лянгара, лесозаготовках Урала и строительстве оборонительных сооружений под Сталинградом⁷.

Академическое освоение обсуждаемой темы начинается с публикации *российского* историка Н. Ф. Бугая (1991)⁸, в которой приводятся количественные данные по корейцам-трудармейцам в Коми АССР.

Если говорить о работах учёных Центральной Азии, то тема корейцев-трудармейцев начинает подниматься в них с середины 90-х годов в публикациях *казахстанских* авторов.

В книге Г. Н. Кима и Д. В. Мена «История и культура корейцев Казахстана» (1995) трудармейцам посвящено два предложения. Это констатация самой трудовой мобилизации корейцев и численные данные по ним на шахтах Караганды⁹.

В монографии Г. В. Кана «История корейцев Казахстана» (1995) для раскрытия темы использован фонд 1146 ЦГА РК (оп. 1, д. 267, 282, 292)¹⁰. В книге устанавливается дата начала призыва корейцев в рабочие колонны в Казахстане и обозначается категория, под которую попадали мобилизованные корейцы. Автор констатирует, что «нередко корейцы работали вместе с немцами Поволжья, осужденными, а также военнопленными», и что для некоторых корейцев «трудармия» продолжалась и после войны¹¹.

Важным источником в изучении трудармии являются воспоминания самих трудармейцев. Впервые они были представлены в докладе Г. М. Кима в Алматы в 1997 г.¹² Им поднят вопрос о документах, легализовавших мобилизацию корейцев в трудармию, а также вводится различие между понятиями «участник трудового фронта» и «трудармеец из числа депорти-

рованных народов»¹³. По сведениям автора, в годы войны в Казахстане в трудовую армию было мобилизовано около 20 тыс. корейцев-мужчин. В качестве освобождённых от мобилизации он указывает учителей и имевших бронь. Сам Г. М. Ким 3 года пробыл в Ухто-Ижемском лагере Коми АССР. К сожалению, *этим годам* посвящён всего один абзац, в то время как именно воспоминания о них представляли бы ценность.

В 1998–2000 гг. выходит сборник архивных документов «История корейцев Казахстана» в 3-х томах. В нём собрано около 500 документов, однако о корейцах-трудармейцах (именные списки «бойцов 3-го стройуправления ГУАС НКВД СССР, СК 547, прибывших из Гурьевского облвоенкомата») – всего лишь несколько страниц¹⁴. Данные списки были обнаружены в Государственном архиве Атырауской области, ф. 198, оп. 1, д. 261, 294. Какие-либо документы о самой мобилизации корейцев и условиях их пребывания в трудармии в сборнике не представлены.

В *Узбекистане* тема корейцев-трудармейцев была поднята учёными лишь в 2003 г., когда в газете «Корё синмун» была опубликована статья Л. Б. Хван (проф. кафедры русской и зарубежной литературы Каракалпакского университета) о трудовой армии¹⁵. По данным автора, корейцы Каракалпакстана в основном были мобилизованы в Ленинградскую, Пермскую области, в Коми АССР и Нижний Тагил. В статье приведены краткие воспоминания 4-х трудармейцев из Нукуса – Чен Бон Хо, Валерия Николаевича Хона, Петра Кима, Ким Хак Сена. Чен Бон Хо был мобилизован в Ленинградскую область на работы в шахтах, остальные – в Коми АССР на лесозаготовки. Данный материал, но уже со ссылками на публикации и два документа ЦГА РКК (ф. 322, оп. 1040, д. 701, л. 7, 18), вошёл в брошюру Л. Хван, изданную в 2004 г.¹⁶ Чуть позже, с небольшими изменениями, она была опубликована в интернете¹⁷.

Говоря о разработке темы трудармии, хотелось бы выделить историка из Чирчика Угая Черсика. О своём пребывании в Коми АССР он зачитал доклад в Сеуле¹⁸. Память этого чело-

века сохранила много подробностей. Он приводит такие детали жизни трудармейцев в Ухто-Ижемском лагере Коми АССР, как нормы питания, характер одежды, распорядок трудового дня и т.д.

Общая оценка центральноазиатских публикаций по теме корейского участия в трудармии представляется следующей: они либо носят публицистический характер, либо фрагментарны – от 2-х строчек до 1 страницы, если говорить об академических работах. Предметное поле в них не сегментировано, крайне низок уровень использования архивных материалов, отсутствует развёрнутая полевая работа.

Первый прорыв в научно-историческом освещении обсуждаемой темы связан с работами российского историка Н. Ф. Бугая¹⁹. В них уже обозначена структура предметного поля, дана общая характеристика условий жизни трудармейцев, а также оценка использования принудительного труда в рамках административно-командной системы и в контексте военного времени. Даются численные данные по корейцам в различных регионах, определены документы, регламентирующие порядок их пребывания в рабочих колоннах.

В 2004 г. автор настоящей книги провёл исследование по гранту Academy of Korean Studies (Корея) по теме участия корейцев в трудармии: были собраны архивные документы, проведены интервью с бывшими трудармейцами, опубликована статья²⁰. В статье представлен историографический обзор проблемы и даны выводы относительно порядка мобилизации корейцев в трудармию, мест их дислокации, условий труда и быта, наград, а также разницы в политике, проводимой по отношению к корейцам и другим узбекистанцам, мобилизованным в различные регионы РСФСР.

Перейдём теперь от общего историографического экскурса к более детальному рассмотрению основных проблем обсуждаемой темы и к тому, как они представлены в научной и публицистической литературе.

1. *О методологии подходов.* Работы, имеющиеся по теме, можно разбить на две группы. Первая строго академична – это публикации известных историков Н. Ф. Бугая и Г. В. Кана, опирающиеся на архивные материалы и научные стандарты изложения. Что касается второй категории работ, то они написаны в публицистическом ключе (Б. Ким, Г. М. Ким, Л. Б. Хван), без ссылочного аппарата (Б. Ким, Г. М. Ким) и строгого обоснования выдвигаемых тезисов. В качестве основного источника в них фигурируют либо личные записи бывших трудармейцев (Г. М. Ким, Ч. Угай), либо их запись в виде интервью (Л. Б. Хван).

Если говорить о личных воспоминаниях в целом, то относительно них всегда существует проблема верификации, что предполагает взвешенный и осторожный подход к ним. При реконструкции исторических феноменов воспоминания не являются абсолютно достоверным источником, «истиной в последней инстанции», поскольку в них присутствует существенная доля субъективности: они персонифицированы, окрашены в эмоциональные тона; аксиологические установки зачастую доминируют над гносеологическими принципами. Некоторые существенные детали забываются или сознательно опускаются, а некоторые – гипертрофируются. Кроме того, нередки случаи, когда «единичное» и «особенное» возводится до «общего», а ситуативное – до «закономерного».

Поэтому для воссоздания исторической правды необходим комплексный подход:

– сопоставительный анализ воспоминаний ряда свидетелей/участников (в зависимости от определения этого ряда могут быть получены и различные результаты); причём сбор и расшифровка устных историй должны осуществляться по научным методикам;

– соотнесение результатов полевой работы с документально-архивными источниками.

Отдельно хотелось бы остановиться на проблеме *заданно-*

сти, когда аксиологические установки начинают «конструировать» эмпирическую базу, подводя её к «соответствующим выводам».

Наиболее рельефно такого рода аргіогі заданные установки выражены в работах Л. Б. Хван (точнее, это одна работа, с небольшими вариациями). Основной целью его публикаций является не столько реконструкция исторической реальности, сколько создание эмоционально-негативного семантического фона. В условиях дефицита литературы по теме, учитывая учёный статус автора, эти работы могут создать впечатление, что они выражают современные научно-исторические взгляды по данному вопросу. Поэтому остановимся на них подробнее.

Обратимся к интерпретации документов. Приводя выдержку из письма от каменноугольного треста «Коспашуголь» о том, что трест «получил из Каракалпакской АССР 700 человек рабочей силы» (достаточно нейтральный текст, характерный для производственной переписки), автор восклицает: «*вдумайтесь: трудармейцев "получали", как железнодорожный груз, а не "принимали", как людей*»²¹.

Что же оскорбительного в термине «получать»? Он вполне употребим не только в отношении грузов, но и людей – тем более в сводках, отчётах и деловой переписке, для которых характерны сухость и функциональность используемой терминологии. К примеру: «Вчера *получили* подкрепление: мотострелковую роту и взвод минёров» (в военном рапорте), или: «Для освоения объекта были *получены* все необходимые трудовые ресурсы» (в экономическом отчёте). В вышеприведённом комментарии очевидна авторская предвзятость: найти в любых, даже нейтральных сообщениях, касающихся трудармии, некий негативный подтекст.

В этом же документе содержится просьба о выделении продовольствия (в связи с прибытием новых рабочих): «...В ближайшее время ожидаем дополнительно 300 человек – всего 1000 человек. В связи с этим просим прислать следующие про-

дукты: рис, пшено, консервы, сухие овощи»²². По этому поводу автор даёт следующий комментарий: «Бесплатных трудовых ресурсов Трудармии было мало. Она хотела, чтобы тягловая "рабочая сила" везла с собой и прокорм. По смыслу документа можно уяснить, что даже вопросы организации питания для прибывших трудоармейцев лежали на их отправителях. И можно представить, какую скудную пищу им выделяли из непредусмотренных для них продуктовых резервов»²³.

Что означает «она хотела» применительно к «Трудармии»? Подобная антропоморфизация социально-политических институтов в науке недопустима, поскольку выводит проблему организации дистрибутивных сетей в советском обществе 1940-х гг. как некоей *объективной реальности* за пределы научного (исторического, экономического, политологического) анализа в сферу каких-то *фантомов* типа одушевлённой Трудармии, обладающей человеческими желаниями.

Кроме того, непозволительными являются отождествление *просьбы с решением* и экстраполяция *конкретной* ситуации на *систему* продовольственного обеспечения трудармейцев. Как известно, в военное время управленческая структура, в том числе и в сфере распределения, носила двойственный характер. С одной стороны, вся полнота власти на период войны была сконцентрирована в руках ГКО СССР. А с другой, резко увеличились права наркоматов, в том числе в сфере распределения материальных и людских ресурсов. Поэтому решение вопроса о снабжении рабочих и строительных колонн осуществлялось не по линии «трудовая армия – отправители»²⁴, а по линии вертикального соподчинения (союзные – республиканские – областные – районные органы) и горизонтальной координации (межреспубликанские и межведомственные договорённости). В силу этого, обеспечение трудармейцев осуществлялось из различных источников: по решению СНК СССР из союзных фондов (как это было сделано в феврале 1943 г. для мобилизованных рабочих из Узбекистана), по решению обкомов (как это

было сделано Иркутским обкомом ВКП (б) для узбекистанцев, работавших на шахтах «Востсибугля»), по решению правительства Узбекистана и т.д.²⁵ Если обратить внимание на то, кто отправитель письма (трест «Коспашуголь») и кто – получатель (Каракалпакский обком партии)²⁶, то вполне очевидно, что они не находятся в отношениях иерархического подчинения. Следовательно, и в этом случае мы имеем более сложную цепочку решений относительно обеспечения трудармейцев. Говоря же о «непредусмотренных продуктовых резервах» Л. Б. Хван снова не учитывает централизованную природу системы распределения и перераспределения в СССР, тем более в условиях военного времени.

Автор завершает свой комментарий по поводу просьбы угольного треста о выделении дополнительного продовольствия следующим резюме: «Так средневековый палач требовал у родственников приговорённого к повешению мыло для смазывания верёвки, чтобы смерть обречённого была менее мучительной»²⁷.

Для того, чтобы усилить обличительный эффект, Л. Хван использует приём *аналогии*, нарушая при этом правила её использования как логической операции. Как известно, в умозаключении по аналогии на основании знания одних сходных свойств и признаков изучаемых объектов делается вывод о возможном сходстве других свойств и признаков этих объектов. Причём общие сходные свойства и признаки должны быть того же типа (релевантны)²⁸. Но в данной «аналогии» нет ни одного сходного признака, а тем более одного и того же типа. Угольный трест *не* средневековый палач (у них разные функции: добыча угля и приведение в исполнение смертного приговора), просьба о выделении продуктов питания – *не* требование мыла для казни (у них также другие цели: жизнь в одном случае и смерть в другом), а Каракалпакский обком – не родственник мобилизованных корейцев (в одном случае это орган политической власти, а в другом – рядовые колхозники).

Но даже если закрыть глаза на эту процедуру ложного отождествления (выдачи *разного за схожее*), то формально правильно построенный вывод²⁹, исходя из выше приведённого комментария, должен быть следующим: выходит, угольный трест «Коспашуголь» обратился в Каракалпакский обком партии с просьбой о выделении продуктов для прибывших рабочих из этой республики для того, *чтобы их смерть была менее мучительной (?)*.

В результате такого использования аналогии её содержание лишается логического смысла. Она перестаёт быть той процедурой вывода, как это понимается в науке, будучи подменена умозаключением, преследующим сугубо психологические задачи, а именно – дать уничижительную характеристику всему тому, что касается трудовой армии.

Вызывает сомнение и метод сбора материала, в частности, работа с информантами. Надо отметить, что в статье и брошюре Л. Хван впервые используется метод интервью применительно к теме трудармии. Однако в приводимых ею рассказах трудоармейцев есть существенные неточности, которые, как нам представляется, возникли в результате некорректной методики интервью (не соответствующей социологическим стандартам) и заданной установки на создание негативного образа трудармии, независимо от того, насколько те или иные детали соответствуют фактам.

2. *Об оправданности трудовой мобилизации корейцев в годы войны.* Необходимо различать два аспекта данной проблемы. Первый аспект связан с вопросом о трудовой мобилизации в период Великой Отечественной войны *вообще*, а второй – с мобилизацией собственно *корейцев*. Данное различие принципиально, так как два этих аспекта иногда смешивают и рассматривают в равной мере как проявление репрессивной политики сталинизма.

Если говорить о трудовой мобилизации корейцев, то она, безусловно, явилась по отношению к ним актом политическо-

го недоверия со стороны властей. Корейцы готовы были защищать Родину с оружием в руках так же, как они это делали в случае иностранной интервенции на Дальнем Востоке. Однако Сталин видел в них «пятую колонну», как и в некоторых других этнических группах. Тотальная мобилизация в трудармию по этническому признаку фактически означала дискриминацию – отказ представителям некоторых этнических групп в праве носить оружие и сражаться на фронте. Она принципиально являлась волюнтаристской и незаконной, так как нарушала ст. 123 действующей Конституции, которая гласит: «Равноправие граждан СССР, независимо от их национальности и расы, во всех областях хозяйственной, государственной, культурной и общественно-политической жизни является непреложным законом. Какое бы то ни было прямое или косвенное ограничение прав или, наоборот, установление прямых или косвенных преимуществ граждан в зависимости от их расовой и национальной принадлежности, равно как всякая проповедь расовой или национальной исключительности, или ненависти и пренебрежения, караются законом»³⁰.

Однако политическая дискриминация корейцев как защитников Отечества не означает, что в годы войны они не могли быть использованы в качестве трудовых ресурсов. Говоря о мобилизации корейцев в трудовую армию, Л. Хван пишет: «Их отрывали от семей... и бросали на ликвидацию "узких мест" – на рудники, на строительство оборонных объектов, на предприятия, производящие стратегическую продукцию»³¹. Критический пафос данного предложения трудно понять, поскольку сотни тысяч представителей других народов центральноазиатского региона (узбеков, каракалпаков, таджиков и др.) также «отрывали от семей»³² и бросали на те же рудники, предприятия и стройки. Достаточно сказать, что к концу 1943 г. на оборонные предприятия и стройки РСФСР было мобилизовано более 155 тыс. жителей республики³³.

И здесь возникает вопрос о трудовой мобилизации вообще.

В условиях войны она была единственным условием победы³⁴. В связи с этим, нам представляется принципиально неверной её интегральная трактовка как «карательной» политики, без дифференциации социальных групп, по отношению к которым она проводилась, и учёта конкретно-исторического контекста.

Так, Л. Б. Хван приводит Циркулярное письмо Наркомюста СССР, Прокурора СССР и Комитета по учёту и распределению рабочей силы при СНК СССР от 5 марта 1942 г., предписывающее принять меры против уклонения граждан от мобилизации для работ на производстве и строительстве. Согласно письму, материалы об уклоняющихся должны передаваться в суд, по решению которого эти граждане направлялись на принудительные работы. Предваряя данное письмо, автор пишет: «Уклониться, избежать этой участи было невозможно. Государственная карательная машина зорко следила за тем, чтобы ни один трудоспособный, не призванный в действующую армию гражданин её не избежал»³⁵. В опубликованной в интернете версии статьи она называет поступивший в Каракалпакскую АССР циркуляр «чёрным письмом»³⁶.

«Чёрным письмом» (вероятно, по аналогии с «чёрной меткой», уведомлением о смертном приговоре между пиратами и в криминальных кругах) называется циркуляр военного времени, когда необходимо было мобилизовать все материальные и трудовые ресурсы для того, чтобы остановить и отбросить врага. Был ли данный циркуляр «чёрным письмом карательной машины» или вынужденной и оправданной мерой?

Как известно, экономические потери, понесённые СССР в первый год войны, были огромны. На территории, оккупированной к ноябрю 1941 г., до войны проживало 45% населения страны, добывалось 63% угля, производилось 68% чугуна, 50% стали и 60% алюминия. В результате оккупации и эвакуации промышленности выбыло из строя 303 предприятия, изготовлявших боеприпасы. Ежемесячные потери от их остановки были колоссальными: 8,4 млн. корпусов снарядов, 2,7 млн.

корпусов мин, 2 млн. корпусов авиабомб, 7,9 млн. взрывателей, 5,4 млн. средств воспламенения, 5,1 млн. снарядных гильз, 2,5 млн. ручных гранат, 7 800 т пороха, 3 000 т тротила и 16 100 т аммиачной селитры. В ноябре и декабре 1941 г. народное хозяйство СССР не получило ни одной тонны угля из Донецкого и Подмосковского бассейнов. К декабрю 1941 г. катастрофически сократилось производство чёрных и цветных металлов, шарикоподшипников – основы военной промышленности: проката чёрных металлов – в 3,1 раза, шарикоподшипников – в 21 раз, проката цветных металлов – в 430 раз³⁷.

Мобилизация в ряды Красной Армии резко уменьшила число рабочих и служащих. Их численность сократилась с 31,5 млн. к началу 1941 года до 18,5 млн. к концу года. С июля по ноябрь 1941 г. было эвакуировано на восток свыше 10 млн. человек, более 1 360 крупных предприятий³⁸.

В этих критических условиях, когда каждая пара рук была на вес золота, люди работали на износ, порой по 13-14 часов в сутки. На предприятия возвращались пенсионеры, за станки вставляли подростки. В деревнях женщины впрягались вместо быков и лошадей, становились основной рабочей силой в шахтах и на лесоповалах. Были отменены трудовые отпуска, увеличен рабочий день, введены сверхурочные обязательные работы. К выполнению сельскохозяйственных работ привлекались служащие, трудоспособное население, не работающее на предприятиях промышленности и транспорта, студенты, школьники 6-10 классов³⁹. Постановлением СНК СССР от 28.08.1942 г. к работе вынуждены были привлекать инвалидов 3-й группы. А постановлением СНК СССР от 10.08.1942 г. предусматривалось привлечение к трудовой повинности различных категорий граждан, включая беременных женщин до 5 месяцев беременности.

Благодаря этим чрезвычайным мерам и титаническому труду всего народа, «военная промышленность уже в первой половине 1942 г. не только восстановила потерянные мощности, но значительно перекрыла их»⁴⁰. Перевод экономики огромной

страны на военные рельсы был осуществлён в течение года, в то время как Германии на это потребовалось 7 лет⁴¹. В кратчайшие сроки была решена задача, позволившая ликвидировать отставание в топливно-энергетической и металлургической базе, обеспечить превосходство в вооружении, что, в конечном счёте, обусловило коренной перелом на карте военных действий и стало залогом победы над фашизмом. Называть эти меры «карательными» и оправдывать «уклоняющихся», в то время как миллионы людей на фронтах и в тылу жертвовали всем, чтобы переломить ход войны, – значит либо не понимать, что происходило в эти годы, либо сознательно стоять на позициях априорного тотального нигилизма относительно того, что имело место в 1940-е годы.

3. *Документально-правовые основы мобилизации корейцев в трудармию.* Первым предпринял попытку освещения данного вопроса Г. В. Кан⁴². В частности, он ссылается на оповещение военкомом Казахстана областных военкоматов от 9 февраля 1942 г. о призыве в рабочие колонны «военнообязанных запаса и призывников-корейцев»⁴³. Призыву подлежали «из военнообязанных запаса, из числа ограниченно годных к воинской службе в возрасте до 45 лет, но пригодных к физической работе в климатических условиях Урала и Сибири, а также отсеянных при очередных призывах и мобилизации в Красную Армию по политико-моральным соображениям. Корейцы попадали под формулировку "по политико-моральным соображениям"»⁴⁴. Документы о формировании корейских рабочих колонн велись в Военном комиссариате Казахстана в деле по «формированию рабочих колонн из лиц административно высланных и судимых»⁴⁵.

Приводится документ, свидетельствующий о первоначальной неразберихе и противоречащих указаниях по вопросу мобилизации корейцев. Так, 24 апреля 1942 г. в Казвоенкомат поступила кодограмма из Чимкента: «Областное управление НКВД имеет указание о призыве только детей переселенцев,

поэтому проводить призыв самих переселенцев возражает»⁴⁶. Однако комментарий Г. В. Кана, что в данном случае «НКВД пытался ужесточить этот процесс» нам представляется натяжкой⁴⁷. В документе явно что-то перепутано. Конечно же, речь не идёт о детях. Если же имеются в виду «дети переселенцев» в смысле поколений, то все корейцы, начиная с 5-летнего возраста (т.е. родившиеся до 1938 г.), являлись переселенцами.

К сожалению, какие-либо документы центральных органов власти по поводу мобилизации корейцев в трудовую армию в книге не приводятся.

С точки зрения Г. М. Кима, таким документом явилось Постановление ГКО СССР № 2409 от 14 октября 1942 г., согласно которому «на корейцев распространялось Постановление ГКО СССР № 1123 от 10 января 1942 г. и № 1281 от 14 февраля 1942 г. о порядке использования немцев призывного возраста от 17 до 50 лет»⁴⁸.

Здесь имеет место ошибка. Дело в том, что в данном постановлении корейцы *не упоминаются*. Полное название Постановления № 2409сс – «О распространении постановлений ГОКО № 1123сс и № 1281сс на граждан других национальностей воюющих с СССР стран». Япония, объявившая корейцев после аннексии Кореи в 1910 г. японскими подданными, на время принятия постановления не находилась в состоянии войны с СССР, хотя и являлась союзником Германии. Отношения между Японией и СССР регулировались подписанным 13 апреля 1941 г. договором о нейтралитете, который был денонсирован советским правительством лишь 5 апреля 1945 г. Не случайно, что в тексте постановления указываются национальности *только* тех стран, кто официально был в состоянии войны с СССР. Читаем: «Распространить действие постановлений ГОКО № 1123сс от 10 января 1942 года и № 1281сс от 14 февраля 1942 года о мобилизации в рабочие колонны НКВД немцев-мужчин, годных к труду, в возрасте от 17 до 50 лет – на граждан других национальностей воюющих с СССР стран – румын, венгров, итальян-

цев, финнов»⁴⁹. В постановлении не указаны национальности других стран – сателлитов Германии, но не находившихся в состоянии войны с СССР: Болгарии, не объявившей войну СССР, хотя 1 марта 1941 г. она присоединилась к Берлинскому пакту; Турции, подтвердившей в марте 1941 г. свой нейтралитет относительно военных действий против СССР.

О том, что граждане национальностей воюющих и не воюющих с СССР стран чётко различались с точки зрения проводимых по отношению к ним мероприятий, говорят и другие документы. Так, в Приказе наркома обороны СССР № 0974 от 21 декабря 1942 г. в пункте 9 специально оговаривается: «Призывников по национальности немцев, румын, венгров, итальянцев, финнов в армию не призывать, а использовать в соответствии с Постановлением ГОКО № 2383сс от 7 октября 1942 г. (директива № М/5/4652 от 12 октября 1942 г.) и № 2409 от 14 октября 1942 г. (директива № М/5/4666 от 17 октября 1942 г.). Призывников по национальности болгар, китайцев, турок, корейцев, работающих в промышленности и на транспорте, оставить на месте, а остальных направить по нарядам Главупраформа для работы в промышленности и на строительстве»⁵⁰.

С точки зрения Л. Б. Хван, основным документом, связанным с мобилизацией корейцев в трудармию, был Указ Президиума Верховного Совета СССР от 13 февраля 1942 г. «О мобилизации на период военного времени трудоспособного городского населения для работы на производстве и строительстве»⁵¹. Действительно, по данному Указу на работы – в авиационной, танковой, металлургической, химической и топливной промышленности, промышленности вооружения и боеприпасов – были мобилизованы широкие слои населения, но не все⁵². Во-первых, речь в нём идёт о *городском* населении, в то время как абсолютное большинство корейцев проживало в сельской местности. Во-вторых, согласно Указу, мобилизация должна осуществляться «для работы по месту жительства»⁵³. А ведь многие корейцы попали на объекты, расположенные не по месту жительства –

как в Узбекистане, так и в Казахстане, не говоря уже о РСФСР и Украине. В-третьих, в развитие этого Указа, СНК СССР в тот же день издал постановление, согласно которому мобилизация населения производится *исполкомами областных и городских Советов* по решению СНК⁵⁴, в то время как мобилизация корейцев в строительно-рабочие колонны осуществлялась через *военкоматы*.

В этой связи хотелось бы обратить внимание на Постановление ГКО № 1476с от 21 марта 1942 г. «О рабочих колоннах», в котором наркомату обороны предписывается «прекратить с 22 марта 1942 года какое бы то ни было формирование и передачу рабочих колонн гражданским наркоматам», а «обеспечение гражданских наркоматов рабочей силой возложить на соответствующие наркоматы, на Комитет по учёту и распределению рабочей силы при СНК СССР, на Главное Управление Трудовых Резервов и на местные Советы Депутатов Трудящихся в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 февраля 1942 года»⁵⁵. Иначе говоря, действие Указа было направлено на обеспечение рабочей силы *гражданских* наркоматов, в то время как корейцев мобилизовали в рабочие колонны в качестве военнообязанных по линии *наркомата обороны*.

Как нам представляется, поскольку корейцев в основном не брали в армию и они находились на особом учёте, наряду с общими постановлениями по трудовой мобилизации, должны были быть директивы, непосредственно предписывающие, что с ними делать. Иначе военкоматы не знали бы, кого отправлять на фронт, а кого – в строительные и рабочие колонны, поскольку корейцы были гражданами СССР и являлись военнообязанными. И такого рода постановления и распоряжения были.

Во-первых, ещё осенью 1940 г. Главный военный совет при НКО в постановлении по призыву в РККА предписал призывать, но не направлять в армию, а зачислять в рабочие батальоны призывников из лиц турецкой, японской, корейской, китайской и румынской национальностей⁵⁶.

Во-вторых, если говорить о военном времени, то, судя по всему, документов, регулирующих трудовую мобилизацию корейцев, было *несколько*. Важнейший из них – Постановление ГОКО № 2414с от 14 октября 1942 г. «О мобилизации в Узбекской, Казахской, Киргизской, Таджикской и Туркменской ССР военнообязанных для работы в промышленности и строительстве железных дорог и промышленных предприятий». Данным постановлением предусматривалась мобилизация 350 тыс. человек из числа военнообязанных в возрасте от 19 до 50 лет. И отдельной строкой в пункте 1 записано: «В том числе мобилизовать всех корейцев призывного возраста»⁵⁷. Из мобилизованных должны были быть сформированы рабочие колонны по 1000 человек в каждой, распределявшиеся по различным наркоматам. Мобилизация возлагалась на НКО через местные военкоматы; срок проведения – октябрь и ноябрь 1942 г.⁵⁸ Постановление предусматривало при распределении мобилизованных «частичную замену ими ныне работающих на строительстве действующих предприятий лагерных контингентов НКВД»⁵⁹.

Другими мобилизационными документами являются: Постановление ГОКО № 2640 от 20.12.1942 г. и соответствующий Приказ наркома обороны СССР № 0974 от 21.12.1942 г. о мобилизации во всех военных округах, в котором корейцы, за исключением работающих в промышленности и на транспорте, направлялись по нарядам Главупраформа для работы в промышленности и на строительство; Постановлению ГКО СССР от 05.12.1942 г. «О мобилизации в Узбекской ССР 2,5 тыс. военнообязанных корейцев и направлении их на строительство Узбекского металлургического комбината» и другие.

1. Дислокация и численность корейцев-трудармейцев. Введённые на сегодняшний день в оборот архивные документы не дают полной картины в этом вопросе, хотя и позволяют составить некоторое представление.

Первоначально, видимо, были планы по использованию трудмобилизованных корейцев только в республиках их про-

живания. Так, пункт 4 вышеуказанного Постановления ГКО № 2414с от 14.10.1942 г. предписывал: «Корейцев всех использовать только в пределах Узбекской и Казахской ССР»⁶⁰. Однако известно, что корейцы работали и в РСФСР, и на Украине. Это означает, что либо «это были предписания, а на практике многие из корейцев попали... и в другие регионы» (Н. Ф. Бугай)⁶¹, либо имели место и другие решения, изменившие первоначальные планы.

Если говорить о Казахстане, то в годы войны «из 37 544 карагандинских шахтёров различных национальностей добывал уголь 2 141 кореец, часть из которых была призвана в трудовую армию»⁶² (по другим документам, на Карагандинских угольных коях в трудовых колоннах работали 2 622 корейца)⁶³.

Корейцы были задействованы и на строительстве Турксиба. Об этом свидетельствует распоряжение ГКО от 10 января 1943 г. об оставлении на строительстве Туркестано-Сибирской железной дороги⁶⁴ до 20 февраля 1943 г. 500 корейцев, подлежащих отправке в Подмосковский угольный бассейн⁶⁵.

В архивном сборнике «История корейцев Казахстана» приведены три именных списка бойцов строительной колонны № 547, 3-го стройуправления ГУАС НКВД СССР, прибывших из Гурьева⁶⁶. В первом списке, по состоянию на 05.09.1944 г., 24 человека, из них 10 корейцев; во втором, по состоянию на 18.10.1944 г. – 25 человек, из них 19 корейцев; в третьем, по состоянию на 05.01.1945 г. – 27 человек, все – корейцы⁶⁷. Кроме того, приведены частичные списки корейцев, работавших в нефтяной промышленности⁶⁸.

5 декабря 1942 г. вышло Постановление ГКО СССР «О мобилизации в Узбекской ССР 2,5 тыс. военнообязанных корейцев и направлении их на строительство Узбекского металлургического комбината»⁶⁹. А 11 февраля 1943 г. военком ташкентского облвоенкомата даёт предписание Нижнечирчикскому, Беговатскому, Хавастскому и Сырдарьинскому райвоенкоматам о мобилизации на строительство комбината негодных к службе,

но годных к физическому труду; выписываемых из госпиталей военнослужащих; военнообязанных, эвакуированных из западных областей; и «не явившихся на медосвидетельствование по приказу НКО № 882 корейцев, в возрасте от 18-50 лет»⁷⁰. В Постановлении СНК и ЦК КП (б) УзССР № 784-115с от 16 июня 1943 г. снова ставится вопрос о просьбе к наркомупо строительству СССР т. Гинзбургу «выделить для строительства Узбекского металлургического завода 2500 человек рабочих из числа мобилизованного в Узбекистане контингента трудармейцев в соответствии с решением ГОКО от 10.04.1943 г.»⁷¹. А в октябре того же года секретарь ЦК КП (б) УзССР У. Юсупов даёт распоряжение в ЦК КП (б) и СНК УзССР: «Мною была в своё время дана шифровка... на имя ЦК ВКП (б), с просьбой разрешить провести призыв не призванных до сих пор корейцев в ряды рабочих колонн. ...Мобилизация разрешена с условием передачи их в систему металлургического завода. Прошу срочно дать указание Военкомату Республики и военному отделу ЦК о мобилизации корейцев призванного возраста, прежде всего квалифицированных плотников, каменщиков для металлозавода. До мобилизации корейцев, мобилизовать с второстепенных строек 15 каменщиков и перебросить на металлзавод»⁷².

Из этого же письма мы узнаем, что корейцы работали на строительстве театра на Беш-Агаче в Ташкенте. Давая указание о мобилизации корейцев для металлозавода, У. Юсупов предупреждает: «При этом, рабочую силу с Беш-Агачского театра не трогайте»⁷³.

Трудмобилизованные корейцы работали и на строительстве электромеханического завода в г. Чирчике. По состоянию на 5 октября 1942 г., по линии Нижнечирчикского отдела мобилизации в «Чирчикстрой» были направлены из «корейских» колхозов «Красный Восток», «Новая жизнь», «Восточный партизан», им. Будённого и им. Стаханова по 20 человек, и из колхозов им. Димитрова и им. ОГПУ – по 15 человек, итого 130 человек⁷⁴.

Документы говорят об участии корейцев на строительстве Нижне-Бозсуйской ГЭС⁷⁵. 30 корейцев работало в карьерах Джизака⁷⁶, около 40 корейцев было мобилизовано на шахты и строительство цементного завода в Ангрене⁷⁷ (речь идет о количестве корейцев, работавших совместно с нашими респондентами – бывшими трудармейцами). Если учесть всех корейцев, мобилизованных в УзССР на республиканские и российские объекты, то цифра будет значительной. В связи с этим нам представляется ошибкой или опечаткой цифра в 1500 человек, которую даёт Н. Ф. Бугай: «1500 молодых корейцев (1926 г. рождения) были мобилизованы в трудовую армию и направлялись как в Коми АССР, где были заняты на Ухтинском комбинате, так и на стройки Узбекской ССР»⁷⁸.

В России корейцы-трудармейцы работали от Подмосковья до Коми АССР. Значительная доля найденных и прокомментированных архивных документов по ним связана с работами Н. Ф. Бугая.

В марте 1943 г. 5 135 корейцев были направлены в Подмосковный угольный бассейн в Тульской области⁷⁹. В середине марта 1945 г. здесь работало 700 трудмобилизованных корейцев: в Щекинугле – 175 человек, Скуратовугле – 406, Епифанугле – 15, «Стройконторе» – 116⁸⁰. На апрель 1945 г. в Тульской области насчитывалось 844 корейца, а во втором квартале 1945 г. – 1027⁸¹. Данное увеличение численности корейцев Н. Ф. Бугай связывает «с разрешением воссоединения разрозненных корейских семей, мобилизованных в рабочие колонны и батальоны, а также с прибытием демобилизованных корейцев-красноармейцев»⁸². В 1945 г. руководство НКВД СССР приняло решение все образовавшиеся корейские семьи «отправить по месту первоначального поселения» в Казахскую и Узбекскую ССР. Эта задача «возлагалась на начальника отдела спецпоселений Управления НКВД по Тульской области»⁸³.

В работах Н. Ф. Бугая, а также в мартирологе «Покаяние», изданном в 2000 г. в Республике Коми, приводятся архив-

ные данные по корейцам, очутившимся по мобилизации в исправительно-трудовых лагерях НКВД в Коми АССР. Согласно письму наркома внутренних дел Коми АССР Л. Буянова на имя наркома внутренних дел СССР Л. Берии, «в республике имеются мобилизованных корейцев, немцев и болгар в лагерях – 13 810 чел., а в шести исправительно-трудовых лагерях корейцев и болгар насчитывается 1 564 чел.»⁸⁴. Н. Ф. Бугай даёт также справку: «В информационных документах НКВД Союза ССР той поры, поступавших в канцелярию наркомата, также указывалось, что на правах участников рабочих колонн и рабочих батальонов было занято 1 500 граждан корейской национальности в Ухтинском лагере НКВД Союза ССР»⁸⁵. Также указывается, что в 1945 г. 1 500 корейцев в срочном порядке были переселены из Коми АССР в Казахстан и Среднюю Азию⁸⁶.

Есть данные, что корейцы-трудармейцы работали на Алтае (на лесоповале)⁸⁷, на строительстве оборонительных сооружений под Сталинградом, на шахтах Воркуты⁸⁸ и Ленинградской области⁸⁹, а также на Украине, на рытье окопов под Харьковом и строительстве стратегической железнодорожной ветки⁹⁰.

2. Режим пребывания трудмобилизованных корейцев. По этому вопросу сложилась довольно противоречивая ситуация. Дело в том, что из одних воспоминаний корейцев-трудармейцев следует вывод, что «трудармия» – это работа под конвоем, в зонах, огороженных колючей проволокой⁹¹, а по воспоминаниям других – ничего такого не было⁹².

Так, Л. Б. Хван определяет трудовую армию как «запровольную жизнь», приводя фразы Кима Петра (или их авторскую версию): «Жизнь в зонах, бараках, ограждённых и охраняемых с утра до вечера», и Ким Хак Сена: «Недалеко от нас в бараке жили женщины-немки. Они работали, как и мы, с утра до вечера под конвоем»⁹³.

Итак, была ли «трудармия» для мобилизованных корейцев зоной за колючей проволокой и работой под конвоем? И если да, то был ли подобный режим универсальным, или он был ло-

кальным? Чтобы корректно ответить на возникающие вопросы, обратим внимание на следующие три обстоятельства.

Во-первых, корейцы работали как на «обычных» объектах, так и в исправительно-трудовых лагерях НКВД; как вместе с «обычными» гражданами, так и с заключёнными и «спецконтингентом», что могло породить и разные условия их быта и труда.

Во-вторых, наряду с общими положениями о режиме пребывания в строительно-рабочих колоннах, существовали и конкретные предписания по поводу отдельных категорий «трудармейцев». К первой группе документов можно отнести инструкцию НКВД СССР от 24.12.1942 г. и директивное письмо, направленное в ноябре 1943 г. наркомом внутренних дел республик, начальникам управлений НКВД СССР⁹⁴; Положение о строительных колоннах Наркомстроя⁹⁵ и другие аналогичные документы. Примером второй группы документов является «Положение о порядке содержания, дисциплине и трудовом использовании мобилизованных в рабочие колонны немцев-переселенцев»⁹⁶. В связи с этим необходимо изучить вопрос: были ли предписывающие документы относительно корейцев, или на них распространялись только общие положения?

В-третьих, в данной ситуации мы сталкиваемся также с проблемой соотношения нормативных предписаний и практики. С одной стороны, есть положения о пребывании корейцев в рабочих и строительных колоннах; с другой, существовала практика на местах, которая могла и не соответствовать нормативным предписаниям.

В 2004 г. мною были проведены интервью с шестью бывшими трудармейцами (Ч. Угаем, С. И. Хегаем, А. И. Кимом, К. М. Ли, Е. Н. Тяном и К. А. Кимом), проживавшими в Ташкенте. В целях точного воспроизводства фактов вопрос об охране (конвое) и колючей проволоке (замкнутой, ограждённой зоне) в интервью был выделен в отдельный пункт. Кроме того, каждому из них был задан ряд наводящих вопросов, исключающих дву-

смысленную интерпретацию ответа. Никто из четверых трудармейцев, проработавших, как и информанты Л. Хван, в Ухто-Ижемском лагере, факта «особого режима» не подтвердил.

Угай Черсик, учёный-историк, сообщил, что по прибытии в г. Ухту, перед распределением по местам дислокации (лесхозам, нефтепромыслам, дорожно-строительным участкам) корейцы действительно провели двое суток в лагере с заграждениями из колючей проволоки и с вышками часовых. Но данный лагерь был перевалочным пунктом. Затем всех распределили по участкам. Сам Ч. Угай попал на 84-ю буровую, где было два жилых барака и служебное здание. Все трудармейцы и даже жившие рядом заключённые были «вольнохожденцами», т.е. не охранялись. Например, они ходили в лес по грибы и ягоды, совершали «набеги» на соседние картофельные поля. И только уголовники-рецидивисты работали в сопровождении конвоя⁹⁷.

С. И. Хегай, проработавший на различных участках того же лагеря – на строительстве дороги и лесосплаве, заготовке корма и древесного угля, погрузке камней, в гипсовой каменоломне, каптёрке, – также не подтверждает наличие каких-либо ограждений и охраны: «Территория не охранялась, так как бежать было некуда – везде лес»⁹⁸. А. И. Кима распределили в посёлок Крутая. Он работал на земляных работах, затем членом пожарной охраны, заведующим складом, охранником химкомбината, и также не помнит, чтобы территория охранялась и трудармейцы работали под конвоем⁹⁹. То же говорит и К. М. Ли, бывший пожарник в этом посёлке¹⁰⁰. В. Г. Пак, попавший в тот же Ухто-Ижемский лагерь, пишет, что на его участке проживало 200 человек: 20 заключённых, 50 немок и 130 корейцев. «Руководили работами заключённые. И начальник участка, и прораб отработывали свой срок. Из охраны был только один сержант с погонами НКВД»¹⁰¹.

Аналогичную информацию дают трудармейцы, очутившиеся в других регионах. Так, Чжен Ин-Су из Пастдаргомского района Самаркандской области попал по мобилизации в де-

ревню Новая Бровячиха Алтайского края, где корейцы работали с заключёнными грузинами на лесозаготовке. Начальником бригад (двух грузинских и одной корейской) был некто Ульфамов, заключённый. Как вспоминает Чжен Ин-Су: «Никаких других начальников мы не знали. Был оперуполномоченный, но в лесу он никогда не появлялся, жил в деревне, куда с отчётом о работе ездил Ульфамов»¹⁰². Иначе говоря, и здесь корейцы работали без охраны. Не было и колючих заграждений, так как бригады жили и работали в лесу: «Жили мы в землянках, которые сами и рыли. С каждым днём мы всё дальше уходили в лес. И когда от землянок удалялись на приличное расстояние, то рыли новые. Туда же перевозился и вагончик, в котором жил Ульфамов и где готовилась еда»¹⁰³.

Как известно, трудмобилизованные корейцы работали и в самом Узбекистане. Как утверждает Е. Н. Тянь, в Ангрене, где корейцы работали на шахте и строительстве цементного завода, они жили без охраны. Об этом говорит и тот факт, что они беспрепятственно сбегали в свои колхозы. Их находили и отправляли обратно в Ангрэн. Е. Тянь один раз тоже командировали в Среднечирчикский район для решения этого вопроса. В районе он встречался с руководством корейских колхозов («Северного маяка», «Авангарда», им. Ленина и др.) по поводу того, чтобы трудмобилизованные вернулись на места дислокации¹⁰⁴. К. А. Ким был отправлен в Джизак, где корейцы работали с узбеками в карьере. Он также свидетельствует, что охраны и ограждений не было. И здесь, бывало, корейцы без разрешения возвращались в свои колхозы, где их находили и отправляли назад на работы. О свободе их передвижения говорит тот факт, что по ночам они совершали рейды к близлежащим селениям и отлавливали собак и ослов, поскольку выдаваемого рациона им не хватало¹⁰⁵.

Введённые на сегодняшний день в оборот архивные документы говорят также о том, что в местах, описываемых в *данных документах*, корейцы не работали в режиме особого кон-

троля (под конвоем). Так, Н. Ф. Бугай приводит докладную записку замнаркома юстиции СССР Г. Пуговкина заместителю НКВД СССР В. Чернышеву, в которой описывается порядок пребывания трудмобилизованных корейцев, немцев, финнов и представителей других этносов в Тульском угольном бассейне: «При проверке работы судебных органов Тульской области по делам о нарушениях трудовой дисциплины на предприятиях Подмосквовного угольного бассейна установлено, что *особый режим содержания для работающих в шахтах не соблюдался...*» (курсив наш – В. Х.)¹⁰⁶.

Или, в приказе от 12.07.1943 г. по СУ № 2 ОСМЧ «Строитель» (г. Беговат, выше упомянутый металлургический завод), куда были мобилизованы корейцы, отмечается дезертирство, а также тот факт, что «начальники колонн, командиры отрядов, в обязанности которых входит постоянно бывать с трудармейцами, даже не знают, когда целые взводы у них внезапно исчезают»¹⁰⁷. Очевидно, что в условиях колючей проволоки и военизированной охраны исчезновение «целых взводов» едва ли было возможно.

Как объяснить, что из восьми трудармейцев шестеро не подтверждают факта охраны; один (Чжен Ин-Су) называет одного оперуполномоченного, который «никогда не появлялся»; и один (В. Г. Пак) называет одного сержанта НКВД на 200 бойцов строительной колонны?¹⁰⁸ И как объяснить архивные документы, согласно которым по отношению к корейцам «особый режим содержания» не соблюдался, вследствие чего «целые взводы» выпадали из поля внимания? Как нам представляется, *отчасти* это объясняется сокращением штатного состава в строительных и рабочих колоннах в связи с нехваткой пополнения в армии и рабочей силы в тылу. Так, ГКО СССР в Постановлении № 1475с от 21 марта 1942 г. обязует наркомат обороны «изъять из рабочих колонн... весь старший, средний и младший начальствующий состав, за исключением начальствующего состава колонн, работающих в системе НКВД»¹⁰⁹. На основе этого

постановления вышел Приказ НКО № 0242 от 1942 г., согласно которому изъятый состав подлежал направлению в армию или демобилизации с последующей передачей заводам и стройкам¹¹⁰. В общей сложности во всех военных округах из рабочих колонн изымалось более 173 тыс. человек рядового состава, годового к строевой службе в возрасте до 45 лет включительно¹¹¹.

Ещё раз оговоримся, что условия пребывания корейцев в различных рабочих и строительных колоннах могли быть *разными*. Поэтому выработка более полных представлений о них нуждается в дальнейшей работе как с архивными документами, так и с информантами – бывшими трудармейцами.

3. Условия труда и быта корейцев-трудармейцев (жильё, рацион, работа, связь с родными местами, трагические случаи).

Жильё. Все авторы и бывшие трудармейцы указывают на три основных типа жилья: бараки с нарами (Г. М. Ким, В. Г. Пак, Ч. Угай, С. И. Хегай), землянки (Чжен Ин-су) и кибитки или вагончики (Чжен Ин-су, С. И. Хегай). Некоторые трудмобилизованные жили на квартирах или в домах (Е. Н. Тянь, А. И. Ким). Размещение в бараках в Ухто-Ижемском лагере Коми АССР, по данным трудармейцев, было следующим: на участке В. Г. Пака в трёх бараках с двухъярусными нарами было размещено 200 человек (т.е. по 65-66 чел. в бараке)¹¹²; Черсик Угай указывает, что на 84-й буровой было размещено 100 человек в двух бараках (т.е. по 50 чел. в бараке); С. И. Хегай был размещён в большом бараке, где находилось 100 человек; а в бараке А. И. Кима жило 20 человек. В бараке К. А. Кима, мобилизованного в Джизак, жили 30 человек¹¹³.

Рацион. Предстоит выяснить, отличались ли нормы содержания корейцев-трудармейцев на различных объектах или были едиными. В постановлении ГКО № 2414с от 14 октября 1942 г. «О мобилизации в Узбекской, Казахской, Киргизской, Таджикской и Туркменской ССР военнообязанных для работы в промышленности и строительстве железных дорог и про-

мышленных предприятий», в котором объявлялась мобилизация корейцев, в п. 9 предусмотрены следующие нормы питания трудармейцев: «Обеспечить питание мобилизованных продовольственными фондами по нормам для рабочих предприятий оборонной промышленности»¹¹⁴. Если говорить о корейцах, мобилизованных на строительство металлургического завода в Узбекистане, то в приказе ташкентского облвоенкома по их мобилизации записано: «Передаваемые будут получать все виды содержания на общих основаниях с рабочими Наркомстроя» (курсив наш – В. Х.)¹¹⁵.

По данным трудармейцев Ухто-Ижемского лагеря НКВД, они «в лучшем случае получали пайку – 400 граммов хлеба» (П. Ким), 700-750 г (С. И. Хегай, М. Н. Хан). Детальную картину даёт Угай Черсик: за 100% выполнения нормы выработки (плана) полагалось 550 г хлеба, за 125% – 650 г, за 150% – 750 г. Близкие цифры называют А. И. Ким (500-600 г за норму и «дополнительное питание» – 100-150 г) и В. Г. Пак (при выполнении нормы на 100% – 550 г, на 110% – 650 г, на 125% – 750 г)¹¹⁶. За невыполнение нормы следовали штрафы. Кормили дважды в день. Наши респонденты, кроме хлеба, упоминают щи из кислой капусты, овсяную кашу, запеканку из крупы («премиальные бабки»), картофель, свеклу. Небольшим подспорьем был привезённый с собой рис, овёс из конюшни (в обмен на деньги или вещи), грибы и ягоды летом, редкие посылки и денежные переводы из дома. Конечно, всё это носило эпизодический характер. Поскольку нормы питания были крайне малыми, многие корейцы находились на грани истощения.

В методологическом отношении низкие нормы питания трудармейцев нельзя рассматривать как изолированное явление, вне контекста военно-ориентированной экономики, а также потерь 62-63% валовой продукции сельского хозяйства в 1941–1942 гг. (по сравнению с 1940 г.) вследствие оккупации Белоруссии, Украины, Молдавии, Северного Кавказа и некоторых центральных областей РСФСР¹¹⁷, в результате чего были

введены лимитированные нормы потребления продуктов питания. Если всё производство выросло за первые три года войны, то производство предметов потребления (особенно, масла, сахара, рыбопродуктов и т.д.) упало почти вдвое¹¹⁸. На государственном нормированном снабжении в период войны находилось около 77 млн. человек¹¹⁹.

Приводя тяжёлые условия жизни корейцев-трудармейцев (истощение, цинга, водянка и т.д.), Н. Ф. Бугай отмечает контекст военного времени: «К сожалению, в таких условиях находилось почти всё население страны»¹²⁰. В годы войны голод был спутником миллионов людей¹²¹.

Характер и условия труда. Из опубликованной литературы, а также воспоминаний трудармейцев можно вывести, что они работали на строительстве заводов различного профиля, ГЭС, автомобильных и железных дорог, оборонительных сооружений и объектов культурного назначения; на рубке и сплаве леса, заготовке корма скоту, в карьерах и гипсовых каменоломнях, в шахтах, на нефтяных буровых, на заготовке древесного угля; рабочими, пожарниками, охранниками, автослесарями, поварами, заведующими промышленными и продуктовыми складами (каптёрками), связистами¹²².

Работали трудармейцы по 11-12 часов в сутки. Рядом с трудармейцами работали не только заключённые и «спецконтингент», но и местные жители, в основном женщины и подростки. Так, Чжен Ин-су, работавший на лесоповале в Алтайском крае, пишет: «Валили лес в основном местные жители, большинство из которых были женщины. Среди них были и подростки. Все они приезжали зимой на санях, а летом на бричках, уезжали ночевать в село»¹²³. В Коми АССР на лесоповале и сплаве леса, наряду с трудармейцами (корейцами и др.) также работали местные жители. Так, в 1942 г. в лес было направлено около 10 тыс. человек из числа местных жителей. За этот же год на сплаве работали 6,5 тыс. человек. В последующие годы число мобилизованных на сезонные работы лесной промышленности практиче-

ски сохранялось (например, в 1944 г. в лесную промышленность было мобилизовано 12 714 местных жителей). Среди них были 14-летние подростки, старики старше 55 лет, женщины старше 50 лет и домашние хозяйки с малолетними детьми¹²⁴.

По воспоминаниям бывших трудармейцев Ухто-Ижемского лагеря Коми АССР, многие из них из-за постоянного голода и тяжёлой работы превращались в «доходят». Известны жалобы на имя начальника лагеря, генерал-лейтенанта С. Бурдакова, «что уже не в силах работать и жить в таких условиях»¹²⁵. По документам архивов Коми, в январе 1944 г. корейцы устроили забастовку. В течение двух дней до 200 человек не выходили на работу из-за ненормальных жилищно-бытовых условий. После ареста 7 руководителей забастовки работа была возобновлена¹²⁶. По воспоминаниям С. И. Хегая, когда его отправили на производство древесного угля, он также в течение 6 дней не выходил на работу¹²⁷.

Ещё раз обратим внимание на то, что увеличенный трудовой день, низкие нормы питания и тяжёлые бытовые условия в годы войны наблюдались по всей стране. Поэтому в оценке трудармии, наряду с критическим отношением к дискриминационной мобилизации по этническому признаку и отправке в исправительно-трудовые лагеря НКВД, должен присутствовать *контекст исторической реальности*. Об этом приходится говорить, поскольку в некоторых публикациях ощущение реальности и чувство меры теряются. Так, Л. Б. Хван пишет, что жизнь корейцев-трудармейцев «ничем не отличалась от жизни заключённых истребительно-концентрационных лагерей»¹²⁸. Такое заявление представляется нам кощунством – перед памятью 11 миллионов расстрелянных, повешенных, казнённых в газовых камерах; умерших в медицинских экспериментах, от пыток и невероятного физического истощения узников нацистских концентрационных лагерей.

Связь с родными местами. Эта связь зависела от мест дислокации трудармейцев. Тем, кто работал в своих республиках, было

легче. Так, по словам Е. Н. Тяна, колхоз им. ОГПУ, где он работал секретарём парткома, отправлял своим односельчанам, мобилизованным на строительство ГЭС на р. Бозсу и «Чирчикстрой», по 10-15 мешков муки. Как мы уже упоминали, корейцы, мобилизованные в Ангрен и Джизак, периодически сбегали в свои колхозы¹²⁹.

Тяжелее пришлось тем, кто оказался вдали от родных мест. В приведённых выше воспоминаниях (в версии Л. Хван) Кима Петра из Ухто-Ижемского лагеря есть фраза: «Ничего не знали о родных»¹³⁰. По словам же других трудармейцев из того же лагеря, они имели связь (хоть и не постоянную) с родными местами. Так, Ч. Угай вспоминает, что некий Ким Максим получил в Ухте денежный перевод из колхоза «Политотдел»; С. Хегай дважды получал посылки по 8 кг риса; по его же словам, рисовые посылки (правда, «облегчённые», поскольку перевозивший человек взял из них свои «комиссионные») получили также 17 человек из колхоза «Полярная звезда»¹³¹; К. М. Ли получил телеграмму от дяди о болезни родителей, а А. И. Ким – три письма и денежный перевод на сумму 800 рублей от матери¹³². Чжен Ин-су, мобилизованный на лесозаготовки в Алтайский край, также вспоминает: «Первое время не было писем из дома, но потом переписка наладилась. Даже посылки стали получать регулярно»¹³³.

Трагические случаи. В местах пребывания трудармейцев имели место и трагические события: известны случаи убийства из-за денег и золотых изделий¹³⁴, называют смерть от голода или болезней¹³⁵ и т.д. Эти факты требуют внимательного обращения с собой и ни в коем случае не должны быть предметом спекуляций. Также нельзя фальсифицировать причины трагедий и гипертрофировать их масштаб; факты не должны подменяться эмоциями и воображением.

Так, в воспоминаниях Ким Хак Сена (в версии Л. Хван) есть описание следующего события: «В начале января 1944 г. в запертом охраной бараке произошёл пожар, сгорело несколько сот

человек»¹³⁶. Возникает вопрос: а по сколько человек проживало в трудармейских бараках? По приведённой выше информации: от 20 до 200 человек. В помещении, в котором произошёл пожар, по словам В. Г. Пака, жило «более 150 человек»¹³⁷. С. И. Хегай, посетивший этот барак после пожара, говорит, что он был рассчитан на 80-90 человек¹³⁸. При всём разбросе цифровых значений, число в *несколько сотен* погибших никак не стыкуется с реальным количеством мест в бараках, особенно если учесть, что большая часть осталась в живых. Неслучайно Ч. Угай и С. И. Хегай говорят о более чем 20 погибших. К. М. Ли, принимавший участие в тушении пожара, вспоминает нескольких¹³⁹. В. Г. Пак называет цифру в 50 человек¹⁴⁰.

Был ли барак, где произошла трагедия, *заперт охраной*? Ч. Угай подробно описал данный случай, и картина вырисовывается иная. Этот барак прежде был овощехранилищем с 4-мя выходами. К приезду корейцев его переоборудовали в «жилое» помещение: соорудили нары, провели газ и заколотили три выхода. Во время пожара образовалась толчая, и хотя дверь была *свободной*, этого прохода было недостаточно, чтобы быстро выпустить всех людей из барака¹⁴¹. О том, что была «лишь одна входная» дверь и поэтому «из-за давки из него не могли выбраться» люди, пишет и В. Г. Пак¹⁴².

4. Об оценке вклада трудармейцев. Этот вопрос также находится в плоскости дальнейшей разработки. Он имеет несколько аспектов: 1) оценка самого вклада корейцев-трудармейцев в развитие экономики страны в годы войны, а тем самым и в победу; и 2) изучение вопроса о том, как был оценён их вклад страной, а также вновь образовавшимися государствами после распада СССР.

Г. М. Ким в своём докладе говорит, что корейцев-трудармейцев, «почти всех их как недостойных не наградили даже медалью "За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–45 гг."»¹⁴³. Сам Г. М. Ким получил эту медаль лишь в начале 1992 г., спустя 46 лет. Без специального исследования трудно

сказать, по каким причинам те или иные трудармейцы удостоивались или не удостоивались наград, но в моём домашнем архиве есть копии удостоверений А. И. Кима, проработавшего в том же Ухто-Ижемском лагере, на медали «20 лет победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «30 лет победы...», «40 лет победы...» и «50 лет победы...»¹⁴⁴. Тянь Ен Дин получил медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» в 1945 г.¹⁴⁵ Корейцы-трудармейцы, работавшие в пределах республики, получали почётные грамоты Верховного Совета УзССР. Об этом, в частности, говорит наградной лист за участие в строительстве ГЭС на реке Бозсу, в котором среди 507 представленных к награде 46 – корейцы¹⁴⁶. Другие корейцы награждались наградными значками наркоматов¹⁴⁷. Списки корейцев, представленных к медали «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» или награждённых ею, работавших на нефтепромысле Байчунаса, автотранспортной конторы объединения «Казахнефть», а также в строительных колоннах 3-го СУГУАС НКВД, опубликованы в 3-м томе «Истории корейцев Казахстана»¹⁴⁸.

Помимо вопроса о наградах, существует вопрос об определении *статуса* труда трудармейцев в документах СССР и постсоветских государств, а также следствий из этого определения (зачёт трудового стажа, льготы, компенсации и т.д.)¹⁴⁹.

В изучении участия корейцев в трудовой армии сделаны только первые шаги. В качестве специализированных направлений исследований могут стать следующие аспекты темы: 1) сбор и систематизация источников (постановлений, инструкций, отчётов, рапортов, справок, докладных записок, протоколов совещаний, писем); 2) определение количества корейцев-трудармейцев, мест их дислокации и направлений деятельности (по годам, регионам и производственным объектам); 3) описание системы мобилизации корейцев, структуры строительнорабочих колонн и батальонов и управления ими; 4) сравнительный анализ условий пребывания трудармейцев на различных

объектах; 5) оценка вклада корейцев-трудармейцев в победу во Второй мировой войне и оценка их вклада государством.

Если говорить о зарубежных исследователях, то здесь нужно упомянуть работу Поля Отто¹⁵⁰. Учёный не пишет непосредственно об участии корейцев в трудовой армии, но подробно описывает участие этнических немцев, что проливает свет на сущность трудовой армии как таковой.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Параграф выполнен на основе материалов, собранных в рамках исследовательских проектов «Soviet Koreans in the Labor Army During World War II» (Academy of Korean Studies, 2004), «Historiography of Central Asian Koreans' Studies: Evolution, Methodology and Problems» (Korea Foundation, 2006) и статьи «Корейцы в "трудовой армии" в годы второй мировой войны: историографический обзор» // Известия корееведения в Центральной Азии. Вып. 7 (15). – Алматы: Центр корееведения КазНУ, 2008. – С. 145-178.

² Пак Б. Д., Бугай Н. Ф. 140 лет в России. Очерк истории российских корейцев. – М., 2004. – С. 312-313.

³ Гончаров Г. «Трудовая армия» периода Великой Отечественной войны: российская историография // Экономическая история. Обозрение. Вып. 7. – М., 2001. – С. 155.

⁴ См. доклады Н. Ф. Бугая, Р. Бикматова, К. Заболотской, П. Ремпеля в сб.: Немецкий российский этнос: вехи и истории. – М., 1994; Кириллов В. Спецотряд № 18-74 (судьбы немцев-тагильчан) // История репрессий на Урале в годы советской власти. – Екатеринбург, 1994; Шеффер Е. Немецкая трудармия Свердловской области // 50 лет Победы в Великой Отечественной войне. – Екатеринбург, 1995; Герман А., Курочкин А. Немцы СССР в «трудовой армии» (1941–1945 гг.). – М., 2000; и др.

⁵ Узбекистан в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). – Т.: Фан, 1966; Вклад трудящихся Узбекистана в победу в Великой Отечественной войне. – Т.: Фан, 1975; Узбекская ССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). – Т.: Фан. Т. 1-3. 1981–1985.

⁶ Ким Б. Ветры наших судеб: Советские корейцы. История и современность. – Т., 1991; Ким Г. Н. и Мен Д. В. История и культура корейцев Казахстана. – Алматы, 1995; Кан Г. В. История корейцев Казахстана. – Алматы, 1995; Ким Г. М. Корейцы-трудармейцы в годы Великой Отечественной

войны // Известия корееведения Казахстана. Вып. 6. 1999; *Хван Л. Б.* Корейцы Каракалпакстана: вчера и сегодня. – Нукус, 2004; *Угай Ч.* Корейцы России в годы войны 1941–1945 гг. // *War and Overseas Koreans.* – Seoul: HUFSS, 2004; *Бугай Н. Ф.* «Совершенно секретно»: информация НКГБ Союза СССР (корейцы в рабочих колоннах и батальонах) // *Пак Б. Д., Бугай Н. Ф.* 140 лет в России. Очерк истории российских корейцев. – М., 2004; *Он же.* Российские корейцы в трудовых колоннах и рабочих батальонах: выполнение планов НКВД // 1937 год. Российские корейцы: Приморье – Центральная Азия – Сталинград (депортация). – М., 2004; *Khan V. S.* Uzbekistani Koreans in the Labor Army during World War II (Historiography of the Problem) // *International Journal of Central Asian Studies.* Vol. 11. 2006.

⁷ *Ким Б.* Ветры наших судеб: Советские корейцы. История и современность. – Т., 1991. – С. 32-33.

⁸ *Бугай Н. Ф.* Конец 30-х – 40-е годы. Европейский Север: депортация народов // Труды Института языка, литературы и истории. Вып. 52. – Сыктывкар, 1991. – С. 92.

⁹ *Ким Г. Н. и Мен Д. В.* История и культура корейцев Казахстана. – Алматы, 1995. – С. 125, 142.

¹⁰ В статье использованы следующие сокращения названий архивов: ЦГА РУз – Центральный государственный архив Республики Узбекистан, ГАТО – Государственный архив Ташкентской области, ЦГА РК – Центральный государственный архив Республики Казахстан, ЦГА РКК – Центральный государственный архив Республики Каракалпакстан, ГААО – Государственный архив Атыраузской области, ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации, РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории, РГВА – Российский государственный военный архив, КРАОПДФ – Коми республиканский архив общественно-политических движений и формирований.

¹¹ *Кан Г. В.* История корейцев Казахстана. – Алматы, 1995. – С. 130-131.

¹² *Ким Г. М.* Корейцы-трудоармейцы в годы Великой Отечественной войны // Известия корееведения Казахстана. Вып. 6. 1999.

¹³ Подобное различие по отношению к немцам делают А. Курочкин, Н. Палецких, А. Сулов, в то время как Н. Бугай и П. Ремпель не выделяют «трудоармию» из всего мобилизованного на трудовой фронт населения.

¹⁴ История корейцев Казахстана. Сборник архивных документов. Т. 3. – Алматы-Сеул, 2000. – С. 177-182.

¹⁵ *Хван Л. Б.* Правда о трудовой армии // Корё синмун. № 13, 14. 2003; № 1, 3. 2004.

¹⁶ *Хван Л. Б.* Корейцы Каракалпакстана: вчера и сегодня. – Нукус, 2004.

¹⁷ *Хван Л. Б.* Трудовая армия: второй удар судьбы по корё сарам (по материалам истории корейцев Каракалпакстана) // http://world.lib.ru/k/kim_o_i/u2-1.shtml

¹⁸ *Угай Черсик.* Корейцы России в годы войны 1941–1945 гг. War and Overseas Koreans. – Seoul: HUFSS, 2004.

¹⁹ *Бугай Н. Ф.* Конец 30-х – 40-е годы. Европейский Север: депортация народов // Труды Института языка, литературы и истории. Вып. 52. – Сыктывкар, 1991. – С. 92; *Он же.* «Совершенно секретно»: информация НКГБ Союза СССР (корейцы в рабочих колоннах и батальонах) // Пак Б. Д., Бугай Н. Ф. 140 лет в России. Очерк истории российских корейцев. – М., 2004; *Он же.* Российские корейцы в трудовых колоннах и рабочих батальонах: выполнение планов НКВД // 1937 год. Российские корейцы: Приморье – Центральная Азия – Сталинград (депортация). – М., 2004.

²⁰ *Valeriy S. Khan.* Uzbekistani Koreans in the Labor Army during World War II... pp. 59-71.

²¹ *Хван Л. Б.* Корейцы Каракалпакстана: вчера и сегодня. – С. 18.

²² Там же.

²³ Там же.

²⁴ Что касается трудармии как правового/хозяйственного субъекта, то «ни в одном официальном документе периода 1941–1945 гг. понятие "трудовая армия" не встречается». – *Гончаров Г. А.* Указ. соч. – С. 154. Неслучайно исследователи часто используют термин «трудовая армия» в кавычках. Термин «отправитель» также страдает неопределённостью: Каракалпакский обком партии, куда была направлена просьба треста «Коспашуголь», не является «отправителем», поскольку мобилизация в рабочие и строительные колонны (батальоны) осуществлялась через военкоматы по линии народного комиссариата обороны.

²⁵ *Дядюра Л. П.* Труженики Узбекистана на предприятиях и стройках РСФСР в дни войны // Общественные науки в Узбекистане. № 5, 1985. – С. 21-24.

²⁶ *Хван Л. Б.* Трудовая армия: второй удар судьбы по корё сарам (по материалам истории корейцев Каракалпакстана) // http://world.lib.ru/k/kim_o_i/u2-1.shtml

²⁷ *Хван Л.* Корейцы Каракалпакстана: вчера и сегодня. – С. 18.

²⁸ См.: *Новик И. Б., Уёмов А. И.* Моделирование и аналогия // Материалистическая диалектика и методы естественных наук. – М., 1968. – С. 290; *Кондаков Н. И.* Логический словарь-справочник. – М., 1975. – С. 38.

²⁹ *Первая посылка:* средневековый палач требовал у родственников приговорённого к повешению мыло для смазывания верёвки, чтобы смерть

обречённого была менее мучительной. *Вторая посылка (процедура отожествления)*: угольный трест «Жоспашуголь» – аналог средневекового палача; рабочие, прибывшие в этот трест из Каракалпакской АССР – аналог приговорённых к повешению, Каракалпакский обком партии – аналог родственников этих рабочих; а просимые трестом продукты питания – аналог мыла для смазывания верёвки.

³⁰ Конституция (Основной Закон) СССР. Утверждена Чрезвычайным VIII съездом Советов Союза ССР 5 декабря 1936 года // <http://www.hist.msu.ru/ER/Text/cnst1936.htm>

³¹ *Хван Л.* Корейцы Каракалпакстана: вчера и сегодня. – С. 18.

³² А как быть с десятками миллионов солдат, мобилизованных на фронт, которые также были «оторваны от семей» и брошены в пекло смертельных боёв, откуда миллионы живыми не вернулись?

³³ История рабочего класса Узбекистана. Т. II. – Ташкент, 1965. – С. 96.

³⁴ Правда, можно и нужно обсуждать вопрос о том, как она проводилась; насколько продуманы были условия труда и быта мобилизованных и т.д.

³⁵ *Хван Л. Б.* Корейцы Каракалпакстана: вчера и сегодня. – С. 16.

³⁶ *Хван Л. Б.* Трудовая армия: второй удар судьбы по корё сарам... [Электронный ресурс].

³⁷ См.: *Вознесенский Н. А.* Избранные произведения, 1931–1947. – М., 1979. – С. 505–506; *Чунтулов В. Т., Кривоцова Н. С., Чунтулов А. В., Тюшев В. А.* Экономическая история СССР. – М., 1987. – С. 251–252.

³⁸ *Петров Г. И.* Советский государственный аппарат в годы Великой Отечественной войны // Правоведение. № 3, 1975. – С. 18, 22; История КПСС. 6-е изд. – М., 1982. – С. 456.

³⁹ *Петров Г. И.* Указ. соч. – С. 18–24.

⁴⁰ *Вознесенский Н. А.* Указ. соч. – С. 506.

⁴¹ *Чунтулов В. Т., Кривоцова Н. С., Чунтулов А. В., Тюшев В. А.* Указ. соч. – С. 252.

⁴² *Кан Г. В.* История корейцев Казахстана. – Алматы, 1995. – С. 130–131.

⁴³ ЦГА РК. Ф. 1146, оп. 1, д. 283, л. 604. – по: *Кан Г. В.* Указ. соч. – С. 131.

⁴⁴ Там же. – С. 131.

⁴⁵ Там же. Ф. 1146, оп. 1, д. 267, л. 32.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ *Кан Г. В.* Указ. соч. – С. 131.

⁴⁸ Там же. – С. 42.

⁴⁹ РГАСПИ. Ф. 644, оп. 1, д. 64, л. 24.

⁵⁰ Приказы НКО СССР за 1942 г. // <http://www.soldat.ru/doc/nko/text/1942-0974.html>

⁵¹ Надо отметить, что автор настоящей статьи ранее также придерживался данной точки зрения. – См.: *Valeriy S. Khan. Uzbekistani Koreans in the Labor Army during World War...* p. 59.

⁵² Кроме данного Указа, выходили и другие решения по мобилизации: Постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) № 597 от 13.04.1942 г. «О порядке мобилизации на сельскохозяйственные работы в колхозы, совхозы и МТС трудоспособного населения городов и сельских местностей»; Постановление СНК СССР от 10.08.1942 г. «О порядке привлечения граждан к трудовой повинности в военное время» и другие.

⁵³ Ведомости Верховного Совета СССР. № 6, 1942. – С. 148.

⁵⁴ *Петров Г. И.* Советский государственный аппарат в годы Великой Отечественной войны // Правоведение. № 3, 1975. – С. 23.

⁵⁵ РГАСПИ. Ф. 644, оп. 1, д. 25, л. 12.

⁵⁶ РГВА. Ф. 4, оп. 14, д. 2739, л. 5-6. – См.: *Русский архив: Великая Отечественная*. Т. 13 (2-2). – М.: Терра, 1997. – С. 394.

⁵⁷ РГАСПИ. Ф. 644, оп. 1, д. 64, л. 37.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Там же. – л. 38.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ *Бугай Н. Ф.* «Совершенно секретно»... – С. 314.

⁶² *Ким Г. Н. и Мен Д. В.* Указ. соч. – С. 142; *Базанова Ф. Н.* Указ. соч. – С. 93.

⁶³ ГАРФ. Ф. Р-9479, оп. 1, д. 2011, л. 254-255. – По: *Бугай Н. Ф.* Указ. соч. – С. 314.

⁶⁴ Вероятно, речь идёт о ветке Коксу–Талды-Курган с ответвлением на посёлок Текели, которая была построена в 1943 г. // *Семафор*. № 1 (2), февраль 2001. – С. 30.

⁶⁵ Постановления ГКО за 1943 г. // <http://www.soldat.ru/doc/gko/gko1943.html>

⁶⁶ ГААО. Ф. 198, оп. 1, д. 261, 294. – По: *История корейцев Казахстана*. Сб. архивных документов... – С. 177-182.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ ГААО. Ф. 146, оп. 1, д. 1227; ф. 146, оп. 32, д. 233; ф. 198, оп. 1, д. 233. – По: *История корейцев Казахстана*. Сб. архивных документов... – С. 186-187, 189-192.

⁶⁹ РГАСПИ. Ф. 644, оп. 1, д. 181, л. 164.

⁷⁰ ГАТО. Ф. 652, оп. 1, д. 367, л. 3.

- ⁷¹ Там же. Ф. 657, оп. 1, д. 4, л. 37-39.
- ⁷² Там же, д. 6, л. 56.
- ⁷³ Там же.
- ⁷⁴ Там же. Ф. 652, оп. 1, д. 367, л. 132.
- ⁷⁵ ЦГА РУз. Ф. 837, оп. 1, д. 3746, л. 375-387, 388-392.
- ⁷⁶ Интервью с К. А. Кимом. Полевые записи, г. Ташкент, 2004 г.
- ⁷⁷ Интервью с Е. Н. Тяном. Полевые записи, г. Ташкент, 2004 г.
- ⁷⁸ Бугай Н. Ф. «Совершенно секретно»... – С. 324.
- ⁷⁹ ГАРФ. Ф. Р-9479, оп. 1, д. 2011, л. 254-255. – По: Бугай Н. Ф. «Совершенно секретно»... – С. 314.
- ⁸⁰ Там же, д. 1489, л. 242. – По: Бугай Н. Ф. Указ. соч. – С. 325. В другой своей статье с ссылкой на тот же документ Н. Ф. Бугай проводит по «Щекинуглю» цифру в 157 человек. – По: Бугай Н. Ф. Российские корейцы в трудовых колоннах и рабочих батальонах... – С. 252.
- ⁸¹ Там же, д. 1489, л. 243-246. – По: Бугай Н. Ф. «Совершенно секретно»... – С. 316.
- ⁸² Бугай Н. Ф. «Совершенно секретно»... – С. 315-316.
- ⁸³ ГАРФ. Ф. Р-9479, оп. 1, д. 1489, л. 249. – По: Бугай Н. Ф. «Совершенно секретно»... – С. 316.
- ⁸⁴ ГАРФ. Ф. Р-9401, оп. 1, д. 2064, л. 92. – По: Хроника политических репрессий в Коми крае. 1918–1960 г. // <http://www.pokayanie-komi.ru/>; ГАРФ. Ф. Р-9401, оп. 1, д. 2065, л. 214. – По: Бугай Н. Ф. «Совершенно секретно»... – С. 316; Он же. Конец 30-х – 40-е годы. Европейский Север: депортация народов // Труды Института языка, литературы и истории. Вып. 52. – Сыктывкар, 1991. – С. 92.
- ⁸⁵ Бугай Н. Ф. «Совершенно секретно»... – С. 316.
- ⁸⁶ Бугай Н. Ф. Конец 30-х – 40-е годы. Европейский Север: депортация народов // Национальные отношения в Коми АССР: история и современность. Вып. 1. Труды Института языка, литературы и истории. Вып. 52. – Сыктывкар, 1991. – С. 92.
- ⁸⁷ Чжен Ин-Су. На лесоповале // Чен Н. Дети своего народа: Книга о приморских корейцах. – Т., 2003. – С. 29-30.
- ⁸⁸ Ким Брут. Указ. соч. – С. 32-33.
- ⁸⁹ Хван Л. Б. Корейцы Каракалпакстана: вчера и сегодня. – С. 18.
- ⁹⁰ Бугай Н. Ф. «Совершенно секретно»... – С. 309.
- ⁹¹ См.: Ким Г. М. Указ. соч. – С. 41; Хван Л. Указ. соч. – С. 19-20.
- ⁹² Полевые записи, Ташкент, 2004 (интервью с Ч. Угаем, С. И. Хегаем,

А. И. Кимом, К. М. Ли, Е. Н. Тяном и К. А. Кимом); *Чжен Ин-Су*. На лесоповале... – С. 29-30.

⁹³ *Хван Л.* Указ. соч. – С. 19-20.

⁹⁴ *Бугай Н. Ф.* «Совершенно секретно»... – С. 315.

⁹⁵ ГАТО, ф. 657, оп. 1, д. 9, л. 9.

⁹⁶ Трудармейцы – депортация немцев Поволжья // <http://www.karlag.kz/art.php?id=76>

⁹⁷ Полевые записи, г. Ташкент, 2004 г.

⁹⁸ Полевые записи, г. Ташкент, 2004 г. 29 января 2008 г. я позвонил С. И. Хегаю, чтобы ещё раз уточнить вопрос о военизированной охране и заграждениях на участках Ухто-Ижмского лагеря, где работали корейцы. Его ответ был категоричен: «Где мы работали, не было такого. Зачем придумывать? Чего не было, того не было».

⁹⁹ Полевые записи, г. Ташкент, 2004 г.

¹⁰⁰ Полевые записи, г. Ташкент, 2004 г.

¹⁰¹ *Пак В. Г.* Узбекистан стал родиной // *Чен Н.* Дети своего народа: Книга о приморских корейцах. – Т., 2003. – С. 33.

¹⁰² *Чжен Ин-Су*. На лесоповале // *Чен Н.* Указ соч. – Т., 2003. – С. 29.

¹⁰³ Там же. – С. 29-30.

¹⁰⁴ Полевые записи, г. Ташкент, 2004 г. По словам Е. Н. Тяна, руководители колхозов часто прикрывали самовольных возвращенцев, поскольку сами были заинтересованы в дополнительных рабочих руках.

¹⁰⁵ Полевые записи, г. Ташкент, 2004 г.

¹⁰⁶ *Бугай Н. Ф.* «Совершенно секретно»... – С. 315.

¹⁰⁷ ГАТО. Ф. 657, оп. 1, д. 13, л. 5.

¹⁰⁸ Наличие людей в погонах вполне объяснимо, так как строительные и рабочие колонны (батальоны) являлись военизированными структурами, созданными по мобилизации по линии наркомата обороны.

¹⁰⁹ РГАСПИ. Ф. 644, оп. 1, д. 25, л. 11.

¹¹⁰ РГВА. Ф. 4, оп. 11, д. 70, л. 4-7.

¹¹¹ РГВА. Ф. 4, оп. 11, д. 70, л. 8-45.

¹¹² *Пак В. Г.* Узбекистан стал... – С. 33.

¹¹³ Полевые записи, г. Ташкент, 2004.

¹¹⁴ РГАСПИ. Ф. 644, оп. 1, д. 64, л. 39.

¹¹⁵ ГАТО. Ф. 652, оп. 1, д. 367, л. 3.

¹¹⁶ *Хван Л. Б.* Указ. соч. – С. 19; Полевые записи, г. Ташкент, 2004 г.; *Хан М. Н.* 60-летие трагической депортации корейского населения из

районов Дальнего Востока // Дорогой горьких испытаний. – М., 1997. – С. 59; Пак В. Д. Узбекистан стал родиной... – С. 33.

¹¹⁷ БСЭ. Т. 4. – М., 1971. – С. 402.

¹¹⁸ Чунтулов В. Т., Кривцова Н. С., Чунтулов А. В., Тюшев В. А. Экономическая история СССР. – М., 1987. – С. 255.

¹¹⁹ Там же. – С. 258.

¹²⁰ Бугай Н. Ф. «Совершенно секретно»... – С. 317.

¹²¹ Писательница Светлана Алексиевич записала более ста рассказов жителей Белоруссии о своём детстве в военные годы, вышедших под названием «Последние свидетели». Вот некоторые из них: *Зина Косяк* (после эвакуации в Мордовию): «Весной в радиусе нескольких километров... не распускалось ни одно дерево, мы съедали все почки. Ели траву, всю подряд ели»; *Зина Гурская*: «Голодали так, что мать за зиму сварила все кожухи и кнут»; *Валя Матюшкова* (после распределения в детский приёмник): «Кормили плохо, давали какой-то хлеб, от него так распухал язык, что мы не могли говорить. Думали только о еде. ... Маленькие пролезали под проволокой и удирали в город. Цель у нас была – помойки. Какая большая радость, если найдёшь шкурку от селёдки или картофельные очистки. Очистки ели сырыми». – См.: Алексиевич С. У войны не женское лицо. Документальная проза. – М.: «Правда», 1988. – С. 285, 333, 336.

¹²² Труд трудармейцев был дифференцированным. Они время от времени проходили комиссию, которая делила всех по трудоспособности на три категории: ЛФТ – лёгкий физический труд, СФТ – средний физический труд и ТФТ – тяжёлый физический труд.

¹²³ Чжен Ин-су. На лесоповале... – С. 30.

¹²⁴ Турубанов А., Макеева Е. Лесной комплекс Коми АССР // http://www.rkomi.ru/kp/txt/09_691.html

¹²⁵ Пак В. Г. Узбекистан стал родиной ... – С. 34.

¹²⁶ КРГАОПДФ. Ф. 1, оп. 3, д. 1079, л. 118.

¹²⁷ Полевые записи, г. Ташкент, 2004 г.

¹²⁸ Хван Л. Указ. соч. – С. 19.

¹²⁹ Полевые записи, г. Ташкент, 2004 г.

¹³⁰ Хван Л. Указ. соч. – С. 19.

¹³¹ Х. Г. Хван, проработавший в Ухто-Ижемском лагере, вспоминает, что в эшелоне, направлявшемся в Ухту, было 17 человек из «Полярной Звезды». – См.: В трудармии // Чен Н. Дети своего народа: Книга о приморских корейцах. – Т., 2003. – С. 180. Из этого следует, что все корейцы из «Полярной Звезды» (17 человек), прибывшие одним эшелонам, получили продуктовые посылки.

- ¹³² Полевые записи, г. Ташкент, 2004 г.
- ¹³³ Чжен Ин-Су. Указ. соч. – С. 30.
- ¹³⁴ Интервью с Угаем Черсиком. – Полевые записи, г. Ташкент, 2004 г.
- ¹³⁵ Пак В. Д. Узбекистан стал родиной ... – С. 34. Правда, С. И. Хегай говорит, что он не слышал о таких случаях. Поэтому информация о тех или иных причинах смерти требует дополнительной проверки, включая привлечение архивных документов.
- ¹³⁶ Хван Л. Указ. соч. – С. 20.
- ¹³⁷ Пак В. Д. Указ. соч. – С. 34.
- ¹³⁸ Полевые записи, г. Ташкент, 2008 г.
- ¹³⁹ Полевые записи, г. Ташкент, 2004 г.
- ¹⁴⁰ Пак В. Д. Указ. соч. – С. 34.
- ¹⁴¹ Полевые записи, г. Ташкент, 2004 г.
- ¹⁴² Пак В. Д. Указ. соч. – С. 34.
- ¹⁴³ Ким Г. М. Указ. соч. – С. 44.
- ¹⁴⁴ Архив автора.
- ¹⁴⁵ Полевые записи, г. Ташкент, 2004 г.
- ¹⁴⁶ ЦГА РУз. Ф. 837, оп. 1, д. 3746, л. 375.
- ¹⁴⁷ Там же, л. 388.
- ¹⁴⁸ История корейцев Казахстана. Сборник архивных документов. Т. 3... – С. 189-192.
- ¹⁴⁹ См.: Бугай Н. Ф. Российские корейцы в трудовых колоннах и рабочих батальонах... – С. 255-256.
- ¹⁵⁰ *Otto Pohl J. Soviet Apartheid: Stalin's Ethnic Deportations, Special Settlement Restrictions, and the Labor Army: The Case of the Ethnic Germans in the USSR // Human Rights Review. 2012. Vol. 13: 205-224.*

§ 2. Корейцы на фронтах войны

В большинстве случаев корейцев на фронт не брали. С началом Второй мировой войны их, как и другие народы, находящиеся на учёте НКВД, мобилизовали в так называемую трудовую армию. Даже когда страна попала в беду и решался вопрос о судьбе Отчизны, Сталин лишил корейцев возможности выполнить свой гражданский долг, напоминая корейцам об их «неблагонадёжности». Но ведь корейцы рвались не на тёплые места, а в пекло боёв. Запретив брать корейцев в действующую армию, сталинский режим нанёс глубочайшее оскорбление достоинству всех советских корейцев. Но корейцы молча перенесли и эту пощёчину. Никто не роптал, смиряясь с судьбой. Да и не время было для обид, претензий и дискуссий. На карту была поставлена судьба страны. Главное теперь заключалось в помощи фронту.

И всё же корейцам, прежде всего молодёжи, удалось принять участие в боях на фронтах Второй мировой войны. Одни попадали в Советскую армию, изменив свои фамилии. Другие – студенты вузов прифронтовых городов – оказывались на передовой вместе со своими однокурсниками. Тогда зачастую уходили на фронт всем курсом. Третьи, обивая пороги военкоматов, райкомов комсомола и других организаций, всеми правдами-неправдами всё же добивались отправки на фронт. Четвёртые призывались в качестве специалистов. В действующую армию удавалось попасть, прежде всего, тем корейцам, которые в силу различных обстоятельств оказались в разных городах России. Они были оторваны от основной массы корейцев, проживавших до 1937 г. компактно на Дальнем Востоке, а затем депортированных в Центральную Азию, и потому не попали под выселение.

Первым, кто коснулся темы участия корейцев на фронтах войны, был *Ким Сын Хва* в книге 1965 года¹. Он приводит пять

примеров участия корейцев в битвах. Это Валентин Иванович Цой, воевавший в дивизии народного ополчения Ленинграда; Степан Николаевич Тэн, воевавший в разведке, командовавший взводом, ротой, батальоном; пулемётчик Михаил Тэн (информацию о нём Ким Сын Хва берёт из корреспонденции ТАСС от 13 января 1942 г; Александр Мин, удостоенный высшей награды Родины за боевые заслуги – звания Героя Советского Союза, именем которого названы одна из улиц г. Ташкента и парк в г. Аккургане (Узбекистан)².

Ким Сын Хва также упоминает о командире подводной лодки Алексее Хане:

«Замечательный героизм и отвагу проявил командир подводной лодки Алексей Хан. Его лодка потопила 10 неприятельских кораблей и повредила несколько судов.

В начале войны Алексей Хан обратился в военкомат с заявлением, в котором писал: «Прошу принять меня добровольцем в РККА и направить на фронт. Заверяю вас, что честно и самоотверженно буду защищать любимое Отечество, буду до последней капли крови бить врагов, которые сунули своё свиное рыло на нашу Советскую землю».

Действительно, Хан героически сражался с фашистами. Отвага и мужество Хана, прошедшего славный боевой путь, неоднократно отмечались орденами и медалями. Ему было присвоено высокое звание Героя Советского Союза³.

Фигура Алексея Хана является загадочной в историографии участия корейцев в Великой Отечественной войне. В. Д. Ким, адвокат из Аккургана, по его словам, делал запрос в Министерство обороны РФ, и получил ответ, что такого командира подводной лодки и Героя Советского Союза в архивах не числится. Об Алексее Хане нет никакой информации и в наиболее полном справочнике о корейцах – участниках Великой Отечественной войны⁴. С другой стороны, Ким Сын Хва – историк, добросовестный учёный, работавший в архивах. Откуда он взял Алексея Хана?

О других участниках боёв кратко упоминает журналист *Ким Брутт*, в частности, об 11 корейских юношах, которые ушли добровольцами на фронт из казахстанского города Гурьев. Домой возвратились лишь трое. Из них старший сержант Пак Тхя Гир, командир отделения понтонного полка, позже доцент Ташкентского государственного университета. Он участвовал в прорыве Ленинградской блокады, освобождении Прибалтики, Польши, войну закончил в Германии. За ратный труд награждён орденами Славы 3-й степени и Отечественной войны 2-й степени, многими медалями, включая польскую медаль «За Варшаву»⁵.

Кроме книг Ким Сын Хва и Кима Брутта, какой-либо историографии по участию корейцев на фронтах войны в советский период не было.

В постсоветский период информация о корейцах – участниках Великой Отечественной войны значительно увеличивается. Ким Брутт, в справочнике «Корейцы Узбекистана: кто есть кто» (1999 г.) помимо упоминавшегося Пак Тхя Гира, пишет и о других участниках. Это разведчики Ким Анатолий Борисович и Ан Сен Гын; Пак Иван Яковлевич – командир батареи, а затем – начальник штаба дивизиона, помощник начальника штаба полка.⁶

Мне также довелось писать о корейцах – участниках войны. Ниже приводится сокращённый вариант газетного интервью, которое я взял у Ким Пен Гера (Кима Владимира Николаевича) в 1994 г. в Ташкенте:

«Война меня застала в детском доме г. Свердловска, где я учился и жил, потеряв родителей в раннем возрасте. В июле 1941 г. после окончания 8-летней школы, по рекомендации райкома комсомола я подал документы в военную школу лётчиков. Но на отборочной комиссии мне отказали в приёме, сославшись на ранний возраст, хотя моего товарища, который был младше меня, приняли. Я чувствовал какую-то несправедливость, но объяснить её не мог. Полгода я ходил в военко-

мат с просьбой отправить на фронт, но всегда получал отказ.

6 марта 1942 г. меня направили в трудовой батальон, где были поляки и русские, чьи родители были репрессированы. Стало ясно, что я как кореец тоже отношусь к неблагонадёжным.

Я обратился к директору детского дома, который пользовался большим авторитетом в городе, а также к командиру трудового батальона, который хорошо ко мне относился. Кроме того, каждую неделю я ходил в военкомат и всем там надоедал.

И вот, в сентябре 1942 г. меня направили в военное училище лейтенантов, а в феврале 1943 г. всех курсантов отправили на Воронежский фронт. Мне присвоили звание сержанта и назначили командиром пулемётного расчёта. 5 сентября 1943 г. во время наступления около села Михайловка Курской области я получил тяжёлое ранение. По выздоровлении меня направили на фронтовые курсы младших лейтенантов 1-го Украинского фронта. Войну я закончил в Восточной Пруссии, а демобилизовался в 1947 г.». За боевые заслуги Ким Пен Гер был награждён орденом Отечественной войны 1-й степени, медалью «За отвагу» и другими наградами⁷.

Ким Брутт первым приводит примеры того, как корейцы, чтобы попасть на фронт, меняли фамилию. Так, под фамилией «Садыков» добровольцем на фронт ушёл Ким Анатолий Борисович, воевавший в качестве разведчика в частях 1-го и 4-го Украинских фронтов. Войну закончил в Праге, награждён орденами Отечественной войны 2-й степени, Славы 3-й степени, медалью «За отвагу», а также медалью Чехословакии⁸.

О казахстанских корейцах – участниках войны упоминают казахстанские справочники. Цой Губе воевал командиром отделения автомобильного полка. Награждён медалями: «За взятие Вены», «За взятие Будапешта», «За освобождение Белграда», «За оборону Москвы», «За победу над Германией»⁹. С 1943 по 1944 гг. в рядах Красной Армии находился и Магай Алексей Борисович¹⁰. В последний год войны был призван Афанасий Михайлович Ким, работавший в Чкаловской области¹¹. Герман

Сергеевич Хан воевал в зенитно-артиллерийском полку на 1-м Прибалтийском фронте¹².

Был на фронте и мой дядя – брат мамы – Ким Са Ен (Ким Николай). В 1941 г., после окончания лётной школы, он вместе с другими выпускниками был отправлен на фронт. В одном из боевых вылетов он и его командир оказались в окружении 4 немецких самолётов. Приняли решение – идти на таран. Протаранив вражеский самолёт, на выведенной из строя машине, под обстрелом преследующих немцев, они стали выходить из боя. Их, чудом оставшихся в живых, подобрали тяжелоранеными. За фронтовые заслуги Ким Са Ен был награждён 4 боевыми наградами.

Корейцы воевали не только на западном направлении (в войне с Германией), но и на восточном – в войне с Японией. Юрий Данилович Тен по личной просьбе был призван в армию в марте 1945 г., служил в Тихоокеанском флоте, участвовал в войне с Японией, освобождал Корею; награждён орденами Красного Знамени, Отечественной войны 1-й и 2-й степеней¹³.

Была ещё группа корейцев, воевавших в секретной разведке против Японии. Все они давали подписку о неразглашении тайны и никогда не носили наград. Лишь когда их дела были рассекречены, стала известной их деятельность в годы войны. По данным Кзыл-Ординского военкомата, только из этой области таких было 7 корейцев. Кан Бон Ен был призван в 1943 г. и направлен в школу военной разведки на Дальнем Востоке. По заданию командования он проникал через границу в Северную Корею и собирал информацию об японцах, в том числе о японских военных частях. Не раз выполнял задания на территории Северной Кореи и Ким Ен Нам, награждённый орденом Красного Знамени и медалью «За победу над Японией»¹⁴. Дё Ман Гын в 1941 г. был призван из Кзыл-Ординской области Казахстана и прослужил один год лейтенантом в политуправлении Дальневосточного фронта, который удерживал Японию от нападения на СССР. В 1942 г. был демобилизован, но в конце вой-

ны снова призван и направлен преподавателем восточных языков в Канскую школу военных переводчиков. Здесь проходили профессиональную подготовку разведчики, которых забрасывали в тылы Квантунской армии – Корею и Китай¹⁵. Ю Сен Чер, призванный в армию в 1941 г., учился в военной спецшколе, отправлялся на задания в Маньчжурию, работал военным переводчиком; награждён орденом Отечественной войны 2-й степени, а также орденом Красного Знамени Монголии¹⁶.

В войне участвовали и женщины-корейки. Так, Анастасия Ивановна Ким была зенитчицей, Евгения Николаевна Люгай служила в эвакуационном пункте¹⁷, а сержант медицинской службы В. Лим спасла не один десяток солдатских жизней¹⁸. В 2002 г. вышла автобиография В. А. Хан-Фиминой, где она пишет о своём участии в войне. В годы войны она была санитарным инструктором пулемётной роты 122-го стрелкового полка 201-й стрелковой дивизии 2-й ударной армии в Ленинграде¹⁹.

В последние годы группой учёных и журналистов (Шин Д. В., Пак Б. Д., Цой В. В.) была проведена огромная работа по выявлению всех корейцев – участников боевых действий в войне, по результатам которой в Москве опубликована большая книга со списком этих солдат. На основе архивных документов и воспоминаний авторы выявили 372 советских корейца, воевавших на фронтах Второй мировой войны²⁰. На основе этого материала возможна дальнейшая работа с текстом: распределение по местам призыва, родам войск, званий, наград и т.д. Возможно, эта работа будет проведена при новом издании монографии или другими исследователями.

Тема участия советских корейцев в боевых действиях не исчерпывается фронтами Второй мировой войны. Как известно, советские корейцы участвовали и в Корейской войне – на стороне Северной Кореи. Наиболее плодотворно эту тему разрабатывал А. Н. Ланьков. Его работы связаны с описанием участия советских корейцев и в послевоенной жизни КНДР²¹.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Ким Сын Хва*. Очерки по истории советских корейцев. – Алма-Ата, 1965. – С. 230-232.
- ² *Ким В. Д.* Эшелон–58. – Т., 1995. – С. 74-75. Недавно стало известно ещё об одном Герое Советского Союза – Киме Евгении Ивановиче, разведчике-нелегале послевоенного времени, сотруднике внешней разведки СССР. – *Ким В.* В чужой стране занял высокий пост. [Электронный ресурс] URL: <https://koryo-saram.ru/v-chuzhoj-strane-zanyal-vysokij-post/> (25.11.2020).
- ³ *Ким Сын Хва*. Указ. соч. – С. 230.
- ⁴ *Шин Д. В., Пак Б. Д., Цой В. В.* Советские корейцы на фронтах Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. – М., 2011.
- ⁵ *Ким Брутт*. Ветры наших судеб: советские корейцы. История и современность. – Т., 1991. – С. 30-31; *Ким Брутт*. Корейцы Узбекистана: кто есть кто. – Т., 1999. – С. 91.
- ⁶ *Ким Брутт*. Корейцы Узбекистана: кто есть кто. – Т., 1999. – С. 40.
- ⁷ Хан В. С. Они защищали Родину // Корё Ильбо, 7 мая 1994 г.
- ⁸ *Ким Брутт*. Корейцы Узбекистана: кто есть кто. – Т., 1999. – С. 15, 40, 88.
- ⁹ Без гнева и печали (о корейцах Приаралья). – Тараз, 2003. – С. 84.
- ¹⁰ Корейцы Жамбылской области: люди конкретных дел. – Тараз, 2005. – С. 190.
- ¹¹ Без гнева и печали... – С. 84.
- ¹² Корейцы Казахстана: кто есть кто. – Алматы, 2005. – С. 482.
- ¹³ Советские корейцы Казахстана. – Алма-Ата, 1992. – С. 11.
- ¹⁴ Без гнева и печали (о корейцах Приаралья). – Тараз, 2003. – С. 83-84.
- ¹⁵ Там же. – С. 87.
- ¹⁶ *Ким Брутт*. Корейцы Узбекистана: кто есть кто. – Т., 1999. – С. 131.
- ¹⁷ Без гнева и печали (о корейцах Приаралья). – Тараз, 2003. – С. 84.
- ¹⁸ *Черныш П. М., Хан В. Н.* Корейцы Костанайской области. – Костанай, 2000. – С. 150.
- ¹⁹ Хан-Фимина В. А. Судьба российской кореянки. – М.: Междунар. обществ. орг. корейцев «Единство», 2002. – 210 с.
- ²⁰ *Шин Д. В., Пак Б. Д., Цой В. В.* Советские корейцы на фронтах Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. – М., 2011.
- ²¹ *Ланьков А. Н.* КНДР вчера и сегодня. Неформальная история Северной Кореи. – М., 2005.

§ 3. В колхозах и совхозах

Ещё одной слабо разработанной темой является деятельность корейских колхозов и совхозов в годы войны. Основная информация по этой теме в советский период дана в работах о корейских колхозах, вышедших в 1950-е и 1960-е годы, в книге Ким Сын Хва (1965), в работе Г. Кима (1989)¹. Данный параграф должен был быть отнесен к советской историографии, но он окажется разделённым во временном аспекте. Это оправдано, когда материал по каждому периоду достаточно богат, чтобы можно было написать самостоятельные разделы по советской и постсоветской историографии корейских колхозов во время войны. Но в связи с неразработанностью темы я решил не дробить подпараграф, а также сам параграф, связанный с войной, сохраняя его тематическую цельность.

Указанные работы дают информацию о посевных площадях корейских колхозов в годы войны, производительности труда, награждённых, помощи фронту.

В связи с мобилизацией взрослого мужского населения в трудовую армию, корейские колхозы опустели. Мужчин на колхозных полях заменили старики, женщины и подростки. Несмотря на катастрофическую нехватку рабочих рук и техники, органы власти увеличивали в корейских колхозах посевные площади. За время войны (1941–1945 гг.) корейским колхозам «Авангард», «Большевик», «Гигант» (Казахстан) более чем в 3,5 раза увеличили посевные площади, «3-й Интернационал» (Казахстан), колхозам «Северный маяк» и «Политотдел» (Узбекистан) – более чем в 4 раза, а «Полярная звезда» и «имени Ленина» (Узбекистан) – более чем в 5 раз. За четыре года войны колхоз «Полярная звезда» поднял 1080 га целины.

Благодаря самоотверженному труду колхозников были значительно увеличены прежние показатели по валовому сбору и урожайности. Если в 1941–1943 гг. колхоз «Полярная звезда»

с каждого гектара сдавал в среднем по 23,6 ц хлопка, то в 1944–1946 гг. – 39,4 ц².

На всю страну прославился рисовод из колхоза «Авангард» Кзыл-Ординской области Ким Ман Сам, который в 1942 г. достиг мирового рекорда урожайности риса – свыше 150 ц/га. Такого урожая в последующие годы никто больше не получал. За внедрение передовых методов агротехники, обеспечивающих высокую урожайность риса, ему в 1946 г. была присуждена Государственная премия СССР, а в 1948 г. присвоено звание Героя Социалистического Труда – высшая награда в СССР за трудовые достижения.

Вклад корейцев в дело победы проявлялся многообразно. Организация массовых воскресников, взносы в фонд обороны страны, сбор средств на постройку самолётов, танков и бронепоездов, подарки для фронтовиков, помощь семьям советских воинов и многое другое – всё это свидетельствует о патриотизме корейцев и их горячем желании внести свой вклад в защиту своей новой Советской Родины.

Так, только в 4 корейских колхозах Кзыл-Ординской области Казахстана («Большевик», «Гигант», «Кантонская коммуна» и «Авангард») в течение двух-трёх дней после обсуждения призыва москвичей и ленинградцев о помощи фронту внесли более 350 000 рублей деньгами и на 105 000 рублей облигаций и сдали в фонд обороны 6 000 пудов риса и 18 000 штук различных вещей. Председатель колхоза «Дальний Восток» Каратальского района Казахстана Шин Хен Мун внёс в фонд обороны 120 000 рублей.

В 1942 г. тракторист колхоза «III Интернационал» Лим Павел внёс в фонд обороны, на строительство боевого самолёта, из своих личных сбережений 303 тыс. рублей. В 1943 г. в колхозе «Путь к социализму» на военный заём подписались все колхозники (210 человек): наличными было внесено 3,7 тыс. рублей и 90,5 тыс. – в кассу Госбанка. В колхозе «Восточный партизан»

на военный заём 1943 года были охвачены все 452 колхозника; подписная сумма составила 250 тыс. рублей. В колхозе им. Молотова на заём подписалось 665 человек, подписная сумма составила 300 тыс. рублей. Колхозники колхоза «Политотдел» внесли в фонд обороны 71 500 рублей, колхоза «Новый путь» – 33 279 рублей, колхоза «Красный партизан» – 12 270 рублей. В этом движении участвовали даже дети. Так, ученица 7 класса колхоза им. Свердлова сдала в фонд обороны два больших серебряных кольца³.

В 1943 г. пять корейских колхозов Узбекистана – «Полярная звезда», им. Ленина, «Правда», им. Свердлова и «Северный маяк» – внесли в фонд Красной Армии 6 млн. рублей и отправили в подарок Красной Армии 695 посылок. Председатель колхоза «Северный маяк» Чирчикского района Ташкентской области С. Г. Цой вместе со своей семьёй внёс на строительство самолёта 1 млн. рублей⁴. В телеграмме, адресованной Верховному Главнокомандующему он писал: «Я вношу на строительство звена самолётов «Колхозник Узбекистана» 1 миллион рублей из своих личных сбережений. Прошу мой заказ для Красной Армии передать одному из авиационных заводов, а коллектив рабочих этого завода прошу ускорить строительство самолётов и быстрее передать их в действующую армию для нанесения сокрушительных ударов по гитлеровским захватчикам»⁵. Такого личного большого взноса во время войны никто не вносил.

Наряду с денежными средствами корейцы Узбекистана, как и другие трудящиеся республики, отправляли на фронт одеяла, телогрейки, полушубки, шапки, шарфы, варежки, носки и другие вещи.

Несмотря на политический статус корейцев как депортированного народа, достижения корейцев не могли остаться незамеченными. Корейцы, причём массово, начинают получать правительственные награды. Только в одном Каратальском районе Казахстана из 3 861 награжденного в 1946–1947 гг. ме-

далью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» было свыше 1000 корейцев⁶.

Период войны – особое время в истории нашей страны. Весь народ, от мала до велика, поднялся на борьбу с захватчиком. Каждый считал своим долгом внести свой вклад в дело победы. И победа добывалась не только на фронтах войны – она ковалась и в тылу, в шахтах, в научных лабораториях, на заводах и колхозных полях. Это время отмечено особым массовым трудовым героизмом. Достаточно сказать, что с 1942 по 1945 гг. производительность труда в стране выросла в среднем более чем на 40%. Трудились не покладая рук, до изнеможения, практически все, в том числе и корейцы. Такой моральный подтём и такой трудовой героизм сохранился и в послевоенное время, когда страну нужно было возрождать из пепла.

В трудные для Родины годы корейцы сумели забыть, подавить в себе чувство унижения и обиды. Это очень важно для понимания самоотверженного труда корейцев. Подобное стало возможным, потому что в своей массе корейцы связывали случившееся с ними с недоразумением, ошибкой, порой даже пытались оправдать целесообразность жёстких мер, так как находились в плену сталинских домыслов о притаившихся повсюду врагах социализма. Они по-прежнему верили в незапятнанность Сталина и в то, что живут в самой справедливой стране.

Кроме того, для корейцев, лишённых возможности воевать на фронте, их труд на земле был единственной возможностью реализовать себя и добиться общественного признания. И они полностью отдавали себя этому труду.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ким Г. Н. Социально-культурное развитие корейцев Казахстана // Общественные науки. Информационное издание АН Казахской ССР. – Алма-Ата, 1989.

- ² Экономика передового колхоза «Полярная звезда». Под ред. Н. Е. Омелина. – Т.; 1954. – С. 44.
- ³ *Ким П. Г.* Корейцы Республики Узбекистан: История и современность. – Т., 1993. – С. 76-78.
- ⁴ *Ким Сын Хва.* Указ. соч. – С. 235-236.
- ⁵ Цит. по: *Ким П. Г.* Указ. соч. – С. 76.
- ⁶ *Ким Г. Н.* Социально-культурное развитие корейцев Казахстана // Общественные науки. Информационное издание АН Казахской ССР. – Алма-Ата, 1989. – С. 31.

Глава IX. КУЛЬТУРА

§ 1. Языкознание

В отношении корё сарам лингвистические изыскания, как и в советский период, проводятся в сопоставительном анализе «русский язык – корейский язык», однако направление этих изысканий меняется и приобретает ярко выраженный вектор.

В работах советского периода речь прежде всего шла о *русском языке – русских переводах с корейского* (М. И. Хегай), *русской речи корейцев* (О. М. Ким). В постсоветский период мы наблюдаем разворот в сторону корейского языка, а именно *корё мар* – диалекта, носителями которого были корейцы Центральной Азии (как и корё сарам в целом, потомки выходцев из северных провинций Кореи), в отличие от сеульского стандарта, на котором говорили сахалинские корейцы, выходцы и потомки южных провинций Кореи.

Одними из первых работ в этом направлении стали статья американского лингвиста *Росса Кинга* (1987) и книга *Ко Сонг Му*, опубликованная в том же году¹. Книга содержит специальный раздел «Язык и коммуникация», где затрагиваются такие вопросы, как общая характеристика корё мар, его фонетические особенности, ташкентский говор, словарь, влияние русского и тюркских языков и заимствования из них, изучение корейского языка в школах, корейская пресса и радио. Можно также упомянуть статью Хур Сенг Чуля о языковой ассимиляции советских корейцев². Позже на тему корё мар Россом Кингом в Гарвардском университете была защищена докторская диссертация и опубликован ряд статей³. Казахстанская исследовательница корё мар Н. С. Пак, занимающаяся корейским язы-

ком, функционирующим на территории СНГ, связывает начало изучения корё мар с именем Квак Чхун Гу.

В ряду центральноазиатских учёных необходимо выделить *Нелли Сергеевну Пак*, которая занимается этой темой с начала 1990-х гг.

В 1992 г. она опубликовала статью «Возродим КОРЁ МАР»⁴. Автор ставит вопрос – какой язык изучать корё сарам: пхеньянский или сеульский? Её ответ лежит в плоскости третьего решения: корё сарам нужно изучать *своих* предков – *корё мар*, который «функционирует в настоящее время в основном в устной речи»⁵. Характеризуя этот диалект, Н. Пак, пишет, что «... он сохранил, вследствие длительной изоляции, значительный слой исконно корейской лексики, утраченной на полуострове. Корё мар включает в себя диалектные особенности северохамгёнского диалекта, которые в течение 130-летнего самостоятельного функционирования на территории русского Дальнего Востока приобрели норму»⁶. Автор подчёркивает роль переселения 1937 г., после которого все корейские школы были переведены на русский язык обучения: «До 1937 года, до депортации корейцев в Среднюю Азию и Казахстан, *корё мар* имел достаточно высокий социальный статус; он являлся средством публичной речи, печати, радио, т.е. он выполнял все функции, свойственные любому литературному языку»⁷.

При всём том, что история не любит сослагательного наклонения, всё же зададимся вопросом: какими были бы корё сарам, если бы они продолжали учиться в школах с корейским языком обучения? Как бы, например, решался вопрос с преподавательскими кадрами и учебной литературой? И были бы корейцы в этом случае билингвами? Ведь именно невладение корейским языком создаёт демаркационную линию между корё сарам и населением Корейского полуострова.

Н. С. Пак считает (или считала) необходимым возрождение корё мар (этой же позиции придерживался Ко Сонг Му). Так, в 1992 г. она писала: «...Для сохранения уникальности языка

советских корейцев необходимо стремиться упрочить и расширить функциональный статус корё мар. Естественно, речь идёт о функционировании в рамках бывшего СССР. Он должен удовлетворять все коммуникативные потребности нашей этнолингвистической общности и стать средством официально-делового общения, а не только бытового, каким он является на сегодняшний день»⁸.

Как показало время, такой проект был утопичен. Корё мар в качестве объекта изучения вызывает интерес лишь у зарубежных лингвистов (например, у Росса Кинга) как умирающий язык. Поскольку он существует в основном лишь в устной речи нынешних бабушек и дедушек, с их уходом из жизни его невозможно будет восстановить – среднее поколение, не говоря о молодёжи, знает его фрагментарно и использует в качестве вставок в русскую речь. Полноценную речь на корё мар (с минимальными русскими вставками) можно услышать очень редко.

В последующих работах Н. С. Пак расширяет рамки изучения корё мар, делая предметом изучения не только лексику, но и фонетику, морфологию, словесные комбинации и т.д., обращая внимание на сходство и различия между корё мар и корейским языком, понимая под последним сеульский стандарт⁹. В частности, она обращается к терминологии родства, принятого в корё мар¹⁰. В 2004 г. ею защищается докторская диссертация «Проблема исчезновения миноритарных языков», в которой затрагивается и судьба корё мар¹¹.

В диссертации Н. С. Пак различает корё мар и диалект юкчин, которые порой отождествляют. Она пишет, что корё мар представляет собой коммуникативную систему, сформированную на основе двух диалектов (юкчин и менчхон) и не имеющую стандарта¹². Диалект юкчин, с точки зрения исследовательницы, прошёл следующие этапы изменений. *Первый этап* связан с переселением жителей различных регионов Кореи в северную провинцию Хамгёндо для укрепления северных границ, что на основе смешения диалектов сформировало особой

говор юкчин. *Второй этап* связан с переселением корейцев в Россию. Переселенцы первой волны были с региона распространения юкчин, мигранты же других волн включали в себя и носителей диалекта мёнчхон. *Третий этап* связан с переселением в Центральную Азию, причём число носителей мёнчхон преобладало. Здесь и завершается формирование корё мар¹³. Автор приводит большое количество лексических заимствований с других языков и способы словообразований.

Первой работой, непосредственно посвящённой социолингвистическому анализу корё мар является диссертация Сон Светланы Юлиевны, защищённая в 1999 г.¹⁴ Диссертант провела обширное исследование (850 анкетированных) в различных регионах (город, село) Казахстана. Основной тезис С. Ю. Сон: в корейской диаспоре Казахстана произошла смена родного языка, и второй тезис – наиболее устойчивой сферой сохранения родного языка являются ситуации эмоционального напряжения, в отличие от ситуаций, связанных с выполнением интеллектуальных операций¹⁵. Результатом смены языка является «смерть языка», однако автор воздерживается от такого диагноза¹⁶. Несмотря на смену языка, увеличение монолингвов с русским языком и роста «искусственного билингвизма» (южнокорейский как иностранный), диссертант считает, что корё мар имеет шансы к сохранению, но в местах компактного проживания корейцев¹⁷.

Другой диссертацией по социолингвистике, но защищённой уже в Узбекистане, стала работа южнокорейской исследовательницы Дё Юн Хи¹⁸. Важнейшим фактором, повлиявшим на языковые процессы среди корейцев Узбекистана, диссертант считает отрыв от исконных мест расселения и разрыв связей с материнским этносом¹⁹. Другими параметрами она называет число языков – членов языковой ситуации, отношение к каждому из них членов малой этнической группы, престижность и социальная перспективность этих языков²⁰. Автор проанкетировала 867 респондентов в 1997–1999 гг., разделённых на три

возрастные группы – старшую, среднюю и младшую – и показала, что языковые процессы в этих трёх группах не изоморфны и существенно различаются. Языковая ситуация корейцев Узбекистана также даётся в диссертации в сравнительном анализе языковых ситуаций, сложившихся среди корейцев Китая, Америки и Японии.

В начале 2000-х гг. публикуется ряд работ Г. Н. Кима по корё мар, который, в отличие от Н. С. Пак, не видит перспективы у идеи возрождения этого диалекта: «Корё мар практически не знает письменной формы, не звучит в эфире и на театральной сцене, не используется в средствах массовой информации, не преподаётся в школах – он вымирает. Пройдёт десять-пятнадцать лет, и не останется носителей этого лингвистического уникама. Возможна ли реанимация корё мар? Нет, или скорее нет, чем да»²¹. Для обоснования данного вывода автор использует концепцию немецкого лингвиста Х. Клосса: «В соответствии с социолингвистической терминологией, предложенной Х. Клоссом, можно говорить о корё мар как специфической форме "неприкрытого диалекта". <...> В отличие от диалектов Корейского полуострова, имеющих "крышу" и прикрытие со стороны литературного корейского языка, диалекты корейцев России и Казахстана, оторванных от языкового ядра, такой защиты были лишены»²².

Конечно, здесь возникает ряд вопросов. Почему речь идёт только о диалектах России и Казахстана? Или диалект, используемый корейцами Узбекистана, самой большой общиной корё сарам в СССР/СНГ, не относится к корё мар? И применима ли концепция «неприкрытого диалекта» к языку сахалинских корейцев, не относящемуся к корё мар при том, что сахалинцы являются корейцами России?

Г. Н. Ким, приводя данные по языковой компетенции корейцев Казахстана, согласно которым 90-95% корейцев свободно владеют русским языком, 2-3% – казахским, обращает внимание на субъективный фактор языковой русификации корей-

цев, а именно их осознанную интенцию: «Изменение языковой компетенции в значительной степени зависело от самих советских корейцев, которые не отличались активным стремлением к сохранению и развитию языкового и культурного наследия. Корейцы демонстрировали устойчивый интерес к овладению русским языком в совершенстве, что открывало возможности к получению знаний, образования; достижению успехов в трудовой деятельности, повышения социально-культурного статуса как на индивидуальном уровне, так и в масштабе всего этноса. Такой ускоренный по сравнению с другими национальными меньшинствами переход на языковой код доминирующего иноэтнического окружения характерно в целом для всех зарубежных корейских диаспор, отличающихся высокой степенью аккультурации и языковой ассимиляции. Однако при этом зарубежные корейцы устойчиво сохраняют свою этническую самоидентификацию и не ассимилируются в численно превосходящей инонациональной среде»²³.

Автор подчёркивает не только снижение численности корейцев, знающих корейский язык, но и снижение доли тех, кто признаёт этот язык родным. «... Следует подчеркнуть, что признание его родным не означало владения им и использования в повседневной жизни. Язык, как известно, не только универсальное средство коммуникации, передачи информации и т.д. Он является неотъемлемым атрибутом и символом этнического самосознания, и поэтому в признании корейского языка в качестве родного сыграли именно этнопсихологические факторы, проявилась этническая самоидентификация по формуле «я – кореец; корейский – мой родной язык»²⁴.

Говоря о дифференциации языковой компетенции по социальной принадлежности, Г. Ким пишет: «... В первичном делении на две группы – умственного и физического труда, безусловно, первая уступает второй в степени сохранения навыков корейского языка. Физическим трудом корейцы были заняты в основном в аграрном секторе, а, как известно, именно село

является тем этногетогенным резервуаром, в котором лучше, чем в национально-смешанном городском "котле", сохраняются этническая культура и язык»²⁵.

Автор поднимает вопрос о статусе корейского языка (не корё мар) среди корейцев Казахстана. Если в начале 1990-х наблюдался очевидный рост курсов корейского языка и охват ими корейского населения, то позднее «этап бума корейского языка резко спал. Если раньше кружки по изучению корейского языка не могли принять всех желающих, то теперь многие сомневаются в целесообразности его изучения. И, как ни странно, именно родители-корейцы считают, что не стоит тратить время и силы своих детей на изучение корейского языка, поскольку он сегодня не востребован»²⁶. Например, летом 1999-го – абитуриентов в корейскую группу университета мировых языков – 0». «...Лучшие знатоки корейского языка после окончания вуза уходят зачастую работать переводчиками или сотрудниками на фирмы или в церкви, ибо заработная плата вузовского преподавателя намного ниже, чем у переводчика»²⁷.

Два года спустя Г. Н. Ким публикует в серии «Популярное корееведение» книжку «Рассказы о родном языке»²⁸, которая, помимо авторского материала, включала в себя статьи О. М. Ким и Росса Кинга, которые заложили основы изучения корё мар (странно, что в книжку не были включены работы Н. С. Пак).

В Узбекистане исследования в области лингвистики проводились С. С. Цой, И. С. Львовой, Е. В. Цхай²⁹. Проблемы корейского языка освещались и другими учёными³⁰. Однако данные исследования посвящены не собственно *корё мар*, а стандартному сеульскому языку, который в молодёжной, обучающейся корейскому языку, среде вытеснил *корё мар*.

В 2014 г. выходят статьи автора настоящей книги и В. Нама, выполненные на основе проекта «Корейское образование в Узбекистане»³¹. В рамках проекта было опрошено 140 человек, а само исследование проводилось в местах обучения корейскому языку (университеты, частные учебные заведения, курсы,

кружки). В этих работах освещены такие вопросы, как степень квалификации преподавателей и степень усвояемости языка представителями различных этнических групп, мотивация в изучении корейского языка.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ King J. P. R. An Introduction to Soviet Korean // Language Research. Vol. 23, No 2, June 1987, pp. 233-244; *Kho Songmo*. Koreans in the Soviet Central Asia / Studia Orientalia. Vol. 61, Helsinki: Finnish Oriental Society, 1987.

² Hur Seung-Chul. Aspects of the Linguistic Assimilation of Soviet Koreans // The Journal of Slavic Studies. Seoul. Vol. 3, 1988, pp. 123-139.

³ Russian Sources on Korean Dialects. PhD. Dissertation. Harvard University, 1991. King J. R. P. A Soviet Korean Grammar from 1930 // Hankwukmal Kyoyuk 3 (Korean Language Education). – Seoul, 1991, No 3. – С. 153-178; Archaisms and Innovations in Soviet Korean Dialects // Language Research, Vol. 28, No 2, June 1991, pp. 201- 223.

⁴ Пак Н. С. Возродим КОРЁ МАР! // Общество корееведов Казахстана. Бюллетень № 1. 1992.

⁵ Там же. – С. 12.

⁶ Там же. – С. 13.

⁷ Там же.

⁸ Там же. – С. 14.

⁹ «Сравнительное изучение терминов Юкчин диалекта и стандартного корейского показывает общие черты большинства терминов. Наряду с общими терминами ... есть лексические, фонетические и морфологические различия. Диалектные особенности описываемых терминов могут быть объяснены архаическим использованием ряда лексем и языковыми процессами особенно фонетических и морфологических словесных комбинаций». – Pak Nelli. Korean Kinship Terminology (Yukchin Dialect of Kore Mar) // Известия корееведения Казахстана. Вып. 1, 1996. – С. 94. См. также: Пак Н. С. Тенденции развития Корё мар // Известия НАН Республики Казахстан. Сер. общ. наук. – Алматы, № 6, 1995. – С. 21-29.

¹⁰ Pak Nelli. Korean Kinship Terminology (Yukchin Dialect of Kore Mar) // Известия корееведения Казахстана. Вып. 1, 1996.

¹¹ Пак Н. С. Проблема исчезновения миноритарных языков. Автореф. дисс... док. филол. н. – Алматы, 2004. – 51 с.

¹² Там же. – С. 5.

¹³ Там же. – С. 28-29.

- ¹⁴ Сон С. Ю. Социолингвистический анализ функционирования корё мар и русского языка в корейской диаспоре Казахстана. Автореф. дисс... канд. филол. н. – Алматы, 1999. – 33 с. См. также её работы: Сон С. Ю. Заметки о корейском языке (корё мар) в Казахстане // Вестник КазГУ. Сер. филол. № 7. 1999. – С. 84-86; Основные особенности взаимодействия корейского и русского языков в корейской диаспоре Казахстана // Вестник КазГУ. Сер. филол. № 25. 1997. – С. 119-123.
- ¹⁵ Сон С. Ю. Указ. соч. – С. 3.
- ¹⁶ Там же. – С. 7.
- ¹⁷ Там же. – С. 26.
- ¹⁸ Дё Юн Хи. Языковая ситуация корейцев Узбекистана. Дисс... канд. филол. н. – Т., 2002. – 155 с.
- ¹⁹ Там же. – С. 8-9.
- ²⁰ Там же. – С. 9.
- ²¹ Ким Г. Н. О «родном языке» корейцев Казахстана // Известия корееведения Казахстана. Вып. 8. 2001. – С. 22.
- ²² Там же.
- ²³ Там же. – С. 23.
- ²⁴ Там же. – С. 24.
- ²⁵ Там же. С. 24-25.
- ²⁶ Там же. С. 30.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ Ким Г. Н. Рассказы о родном языке. – Алматы: Казак университети, 2003.
- ²⁹ Цой С. С. О некоторых аспектах фонетики русского и корейского языков // Узбекистан – Корея: научное и культурное сотрудничество. – Т., 2000; Методы обучения произношения звуков корейского языка. – Там же; История корейского языка и литературы в Узбекистане / Под общ. ред. проф. Б. С. Ли, И. С. Львова, Е. В. Цхай. Формы и методы совершенствования изучения корейского языка в Республике Узбекистан // Известия корееведения в Казахстане. Вып. 19. – Алматы, 2012. – С. 274-284.
- ³⁰ Ким Андрей. Проблемы корейской филологии в Узбекистане // Korean Studies. Journal of the Central Asian Association for Korean Studies. Vol. 1, N 1. 2001. – С. 5-20; Хан С. М. Язык – душа народа // Десять лет спустя. – Ташкент-Сеул, 2001.
- ³¹ Хан В. С. Изучение корейского языка в Узбекистане в советский и постсоветский периоды (опыт социологического исследования) // Известия корееведения в Центральной Азии. Вып. 21. – Алматы: Центр корееведения КазНУ, 2014. – С. 62-78; 한 발레리, 남 빅토르. 우즈베키스탄의 한국어 교육사 // 다문화와 디아스포라 연구. 제5호, 2014, pp. 111-130.

§ 2. Литературоведение

Литературе корё сарам посвящён ряд работ литературоведов, писателей, историков, философов (Ананьева С. В., Кан А., Ким Г. Н., Ким Фил Янг, Ко Сонгму, Миркурбанов Н. М., Хан В. С., Сафронова Л. В., Сундеткалиева К. А., Темирболат А. Б., Ян Вон Сик и др.).

Сам по себе вопрос, что понимать под литературой корё сарам, не является однозначным. Так, в коллективной монографии «Литература народов Казахстана», вышедшей в 2004 г., соответствующий раздел назван «Корейская литература»¹. Профессор Хельсинского университета Ко Сонг Му определял литературу корё сарам как *советскую корейскую литературу*². А вот профессор Ташкентского государственного педагогического университета Н. М. Миркурбанов считает, что нужно говорить о литературе русскоязычных корейцев или литературе русских писателей, корейцев по национальности³.

Действительно, о какой литературе идёт речь:

- (1) о литературе, созданной корейцами (людьми, принадлежащими к определённой этнической группе – согласно паспорту, самосознанию или иному основанию);
- (2) литературе, написанной на корейском языке;
- (3) литературе (независимо от языка написания), которая тематически и по своей эстетике близка к традиционной корейской литературе?

Каждое из этих определений требует своего уточнения. Так, если говорить о первом определении, то корейцы-писатели, проживавшие в СССР, были разными – это и те, чья идентичность базировалась на традиционной корейской культуре, и кто писал на корейском языке, и те русскоязычные писатели, кого можно было причислить к *Homo Sovieticus*, и северные корейцы, не вернувшиеся после советской учёбы в КНДР. По мировоззрению, ментальности и эстетическим ориентациям это

различные категории людей, что отразилось и на их творчестве.

Кроме того, возникает вопрос: отнесение литературы к этнической по генетической принадлежности писателей – это универсальный принцип или его нужно применять лишь к определённым этническим группам? Представителем какой литературы, английской или фламандской, нужно называть Даниеля Дефо, потомка фламандского иммигранта Фо? Является ли Александр Грин представителем польской литературы, поскольку родился в семье польского шляхтича, или всё же русской? Представителями какой литературы считать Самуила Маршака, Осипа Манделштама, Бориса Пастернака, Владимира Войновича, Даниила Гранина, Иосифа Бродского – русской, советской или еврейской? Так, покидая СССР в 1972 г., Иосиф Бродский писал Л. И. Брежневу: «...Я принадлежу к русской культуре, я сознаю себя её частью, слагаемым, и никакая перемена места на конечный результат повлиять не сможет. <...> Я принадлежу русскому языку, а что касается государства, то, с моей точки зрения, мерой патриотизма писателя является то, как он пишет на языке народа, среди которого живёт, а не клятвы с трибуны.

...Переставая быть гражданином СССР, я не перестаю быть русским поэтом.

...Я прошу дать мне возможность и дальше существовать в русской литературе, на русской земле»⁴.

И как быть с теми, кто родился в межнациональном браке – Виктором Цоем, Юлием Кимом, Валерием Паком и др.?

Вопрос – какую литературу они представляют? – является непростым, порой мучительным, и для самих корейских писателей, что неоднократно звучит в их признаниях и отражено в их творчестве. Однако данный вопрос, имеющий важнейшее отношение к осмыслению сущностных оснований феномена словесного творчества корё сарам, не ставится в рамках тех исследований, которые посвящены данному феномену. Если взять все существующие исторические и литературоведческие рабо-

ты по этому вопросу, то под корейской литературой в царской России, СССР и СНГ понимается всё то, что написано в рамках художественного творчества корейцами, без каких-либо оговорок. Другими словами, людьми по рождению, паспорту или другим основаниям идентифицирующими себя корейцами или идентифицируемых другими в качестве таковых.

В советский период единственным объектом творчества советских корейцев со стороны литературоведения являлось творчество Анатолия Кима. В силу того, что писатель к тому времени уже долгое время жил в России и представлял российскую литературу, о чём он сам неоднократно заявлял, мы не включаем его творчество в «литературу корейцев Центральной Азии», которые являются предметом нашего исследования. Как определяет себя сам Анатолий Ким: «Я русский писатель корейского происхождения»⁵.

Если говорить об изучении литературы собственно корейцев Центральной Азии, то оно начинается в 1980-х.

Эту литературу можно рассматривать двояко: 1) как диспорное явление, т.е. как литературу, представленную различными именами, но при этом имеющую признаки, делающие её чем-то целым, и 2) как творчество отдельных писателей.

Если говорить об этой литературе как о чём-то целом, то первым профессиональным обращением к ней стала монография профессора Хельсинского университета Ко Сонг Му «Корейцы в советской Центральной Азии», вышедшая в Финляндии, в которой имеется соответствующий раздел «Корейская литература»⁶. Несмотря на то, что данный раздел являлся пионерским и изначально мыслился как историко-обзорный (исходя из структуры и задач всей книги), он занял 33 страницы мелким шрифтом, основан на внушительной эмпирической базе и включает себя ряд серьёзных выводов.

Ко Сонг Му называет литературу советских корейцев *советской корейской литературой*, аргументируя тем, что она, будучи частью советской литературы и не имевшая более чем полвека

каких-либо контактов с Кореей, отличается и от литературы Кореи, и от корейской литературы в Китае, Японии или США⁷. Причём, как выяснится позже, под ней автор понимает прежде всего литературу, написанную на *корейском языке*. В книге даётся информация о 22 писателях и поэтах, творивших в Центральной Азии между 1938 и 1979 гг. – их биографии и названия произведений, и формулируются их следующие общие черты на основании биографических данных:

- за исключением нескольких случаев, большинство писателей родились около 1910 г., что означает, что они застали Октябрьскую революцию и социальные преобразования в своём детстве;

- многие из них закончили педагогические институты;
- все, за исключением одной писательницы, мужчины⁸.

Перечень анализируемой литературы осуществляется Ко Сонг Му на основе антологии произведений корейских авторов «Свет Октября», выпущенной в 1971 г. на корейском языке. Все художественные произведения он делит на поэмы и рассказы, причём поэмы численно доминируют. Тематически они делятся на 6 направлений:

- корейские темы (сюда он относит поэмы двух авторов);
- ленинизм, СССР как родина и Вторая мировая война (41 поэма, 1 роман и 1 новелла восемнадцати авторов);
- опыт проживания корейцев на Дальнем Востоке (10 поэм, 3 коротких рассказа и 1 новелла восьми авторов);
- опыт проживания в Центральной Азии (17 поэм, 1 короткий рассказ, 2 новеллы и 2 песни десяти авторов);
- лирика (12 поэм и 1 новелла восьми авторов);
- детские песни (2 поэмы одного автора)⁹.

Автор обращает внимание на то, что некоторые темы, такие как Вторая мировая война, очень слабо представлены, в то время как это важнейшая тема для СССР.

Подытоживая этот период, Ко Сонг Му пишет, что «нельзя сказать, что корейская литература в Центральной Азии имела

благоприятные условия для дальнейшего развития. Старение старшего поколения и отсутствие и недостаток нового означают, что развитие местной корейской литературы будет всё более слабым. Эти произведения представляют литературную традицию социалистического реализма; это означает, что те читатели, кто не привык к ней, может находить её отличной от более знакомых литературных стилей»¹⁰.

Ко Сонг Му задаётся вопросом: как много корейцев могут читать на корейском новеллы о жизни корейцев на Дальнем Востоке? Учитывая, что корейцы до 40 лет плохо знают корейский письменный и что подписка на корейскую газету «Ленин кичи» составляет 9 603, число тех, кто интересуется корейскоязычной литературой не должно превышать нескольких процентов. Это означает, что тема жизни корейцев на Дальнем Востоке постепенно исчезнет, в то время как темы, связанные с СССР и Центральной Азией как родным домом, будут увеличиваться¹¹.

Далее Ко Сонг Му анализирует литературу 1980-х гг. Писателей и поэтов этого периода он делит на три страги: 1) дальневосточное поколение; 2) новые иммигранты из Северной Кореи, кто остался в 60-е гг. и поселился в Центральной Азии; 3) центральноазиатское поколение.

В эти годы поэзия так же доминирует над прозой. Проза преимущественно представлена малыми формами, полноценные и даже средние по объёму романы на корейском языке практически отсутствуют. Ко Сонг Му знакомит с творчеством 14 новеллистов – на основе краткого описания фабул произведений и литературных рецензий, опубликованных в газете «Ленин кичи». Хотя тема событий на Дальнем Востоке в 1918–1922 гг. является важной для корейцев, принявших участие в установлении Советской власти на Дальнем Востоке и даже должна стать классической, она недостаточно отражена в творчестве советских корейцев, в то время как её развитие позволило бы лучше понять жизнь корейцев в 1910–1920 гг. и опреде-

лить их нынешнее положение в русле исторической непрерывности¹². Автор перечисляет (без описания) произведения корейских авторов, вышедшие в 1985 г. и посвящённые 40-летию победы во Второй мировой войне, а также рассказы для детей.

Далее Ко Сонг Му приводит информацию о поэмах/стихотворениях корейских авторов, которые делит на 5 категорий:

- 1) Дальний Восток (3 произведения двух авторов);
- 2) Советский Союз и Вторая мировая война (16 произведений десяти авторов);
- 3) Природа и жизнь в Средней Азии (19 произведений десяти авторов);
- 4) Повседневная жизнь и вопросы морали, лирика и т.д. (66 произведений восемнадцати авторов);
- 5) Песни и стихи для детей (9 произведений пяти авторов).

Ко Сонг Му подчёркивает, что в 1980-е гг. корейские поэты в основном писали о вопросах повседневной жизни, социальных и моральных проблемах, и связывает это с особенностью исторической ситуации в СССР, когда «каждый в Советском Союзе должен был показать свою ответственность и творческий подход»¹³.

Автор обращает внимание, что корейские поэты в основном локализованы в Казахстане, объясняя это связью между литературным творчеством и наличием в республике корейской газеты и корейского театра, в отличие от Узбекистана.

Далее он пишет, что на ниве поэзии ежегодно появляются новые корейские имена. Однако, по мнению критиков, не все их произведения можно назвать собственно поэтическими, поскольку они больше являются информативными сообщениями, не выражают эмоционального состояния авторов и не могут донести никаких эмоций до читателя.

Анализируя сложившуюся ситуацию в литературе корё сарам и её перспективы, Ко Сонг Му констатирует, что «корейская литература в Центральной Азии не может в целом быть отделена от казахстанской литературы, которая, в свою очередь,

является частью советской литературы. Это дефиниция определяет границы и возможности литературы корё сарам»¹⁴.

Автор видит три основные проблемы корейской литературы в Центральной Азии. *Первая* – это проблема издания, поскольку в условиях плановой работы издательств литераторы вынуждены ждать своей очереди. Корейский автор имеет шанс выпустить свой сборник лишь один раз в 10 лет. *Вторая* проблема, которая имеет более серьёзное значение для будущего корейской литературы, это исчезновение корейского языка и корейской культуры. Ко Сонг Му, идентифицирующий корейскую литературу по факту употребления корейского языка, задаётся вопросом: «Как может выжить литература нации без соответствующего обучения языку?», и даёт ответ: «Естественно, не может». И далее: «Будущее корейской литературы в Центральной Азии должно рассматриваться под угрозой до тех пор, пока соответствующие меры срочно не будут предприняты. Если ситуация не будет меняться, можно ожидать, что через 10 лет корейская литература начнёт постепенно исчезать»¹⁵. *Третья* проблема, которая препятствует развитию корейской литературы, это табу на обсуждение переселения 1937 г. Корейские писатели в своём творчестве отражают либо свой жизненный опыт на Дальнем Востоке, либо в Центральной Азии; а освещение процесса, соединяющего оба опыта, было запрещено.

Сегодня, отмечает Ко Сонг Му, корё сарам, после полувекового проживания в Центральной Азии, находятся в процессе становления центральноазиатами, и «когда они смогут написать о том, как они стали центральноазиатами, их литература будет обладать чертами литературы Центральной Азии. А иначе желание центральноазиатской генерации корейцев знать своё прошлое будет не удовлетворено. Есть поэмы, воспевающие природу региона, но всего лишь несколько произведений, описывающих современную жизнь в многонациональном Казахстане. Может быть, это из-за того, что большинство писателей принадлежат к дальневосточному поколению, которое

само не могло легко адаптироваться к совершенно отличному образу жизни в Центральной Азии. Поскольку молодое поколение корейцев, родившихся и выросших в Центральной Азии, не получило образование на родном языке и не имело шанса узнать, как они стали центральноазиатами, нельзя ожидать, что будущее корейской литературы будет гарантировано»¹⁶.

Другой работой, посвящённой литературе (поэзии) советских корейцев, стала статья (а впоследствии и ряд других публикаций), написанная Ким Филл Янгом, также выходцем из Южной Кореи, и опубликованная в 1998 г.¹⁷ Несмотря на то, что статья вышла спустя 10 лет после выхода выше приведённого раздела Ко Сонг Му и что Ким Филл Янг много лет прожил в Казахстане, данная статья не только не внесла ничего нового в понимание литературы корё сарам, но по своему уровню является шагом назад, сравнительно с работой Ко Сонг Му. Концептуальный литературоведческий аппарат в статье практически отсутствует, в результате чего её аналитический уровень весьма поверхностен; обобщения банальны и неприятны – автор просто ретранслирует или суммирует содержание приводимых произведений. Так, приводя стихотворение Джо Джонъбонъя «Идите же вперёд», Ким Филл Янг констатирует в нём «твёрдое убеждение в новую Родину и в её будущее» и веру поэта «в партию, его готовность служить ей в строительстве новой Родины»¹⁸. А приводя стихотворение Хан Юнхо «Решение комсомольца», где герой после долгих раздумий решает: «Я пойду к залежной земле! ...К земле, которую долго искал», – он резюмирует, что в произведении «...подтверждается становление земли переселения в настоящую новую Родину»¹⁹. По поводу стиха Ким Джонсье о комсомольце, звеньевом Чольсу, который не спит, боясь опоздать с посевом, Ким Филл Янг заключает: «Но даже распахав весь участок звена, его душа не может успокоиться»²⁰. А суть стихотворения Джон Джонъбонъя «Чувствуя человеческую гордость» он видит в том, что «люди торопятся на работу, чтобы достичь новых результатов нового дня»²¹.

А вот что действительно волнует Ким Филл Янга, это то, что в поэзии на страницах «Ленин кичи» «невозможно найти изображения тоски по действительной родине или сентиментальных воспоминаний»²², из чего можно сделать вывод, что *действительной* родиной советских корейцев он считает Корею.

Говоря о художественной ценности стихотворных произведений корейцев Центральной Азии, Ким Филл Янг пишет: «... Почти все они не только не имеют поэтического напряжения, а топчутся на уровне пробных работ»²³. Тем не менее, он считает, что им должно «дать позитивную оценку, так как именно их произведения являлись аспектом, вносящим вклад в сохранение родного языка и национальной самобытности»²⁴. Таким образом, если следовать логике автора, «позитивно» нужно оценивать любые произведения на корейском языке, независимо от их качества. Это, конечно, право автора. Вот только какое отношение такие произведения имеют к *литературе*, если под последней понимать высокое искусство? Иначе к ней можно отнести все опусы многочисленных графоманов.

Если Ко Сонг Му и Ким Филл Янг являются выходцами из Южной Кореи, то Ян Вон Сик – северный кореец, не вернувшийся в КНДР после учёбы в СССР (во ВГИКе), поэт и писатель, режиссёр, член Союза кинематографистов СССР, Союза писателей СССР, Союза писателей Казахстана. Ему принадлежит несколько работ²⁵, в целом повторяющихся, посвящённых литературе корё сарам, причём он фокусирует внимание на литературе корейцев Казахстана²⁶.

Эту литературу Ян Вон Сик определяет так: «Литературу корейцев Казахстана по своей природе нельзя называть иначе, как советско-корейской литературой, так как и после распада Советского Союза она обособленно не существовала ни в Казахстане, ни в СНГ. ... Советско-корейская литература по своей идейно-политической, историко-географической сути тесно связана с русской, затем с советской и с самой корейской (то есть относящейся к исторической родине советских корей-

цев) литературой. Как и в целом советская литература, она основывалась на социалистическом реализме и наследовала традиции корейской пролетарской литературы 20–30-х годов прошлого века»²⁷.

Данное определение мне представляется логически противоречивым и не точным.

Во-первых, в форме государственности Казахстан представлен и как Казахская ССР в составе СССР, и как суверенная Республика Казахстан. Если литературу корейцев Казахстана определять в качестве советско-корейской литературы, как это делает Ян Вон Сик, что оправдано по отношению к корейцам советского Казахстана, то относится ли к ней литературное творчество корейцев, ныне проживающих в независимом Казахстане?

Во-вторых, устанавливая родственные отношения советско-корейской литературы Казахстана с русской, советской и корейской литературами, автор почему-то ограничивается «идейно-политической и историко-географической» составляющими. Однако литература как *художественное* творчество не сводится к ним. Помимо этих внешних средств идентификации литературных произведений существуют и внутренние инструменты их анализа (структурный, семиотический, стилистический и т.д.), а также анализ социального функционирования текста²⁸. Кроме того, социалистический реализм как метод нельзя шаблонно применять к оценке всей советской литературы. Последняя, как показывают исследования, достаточно сложное явление, с различными этапами и многообразием стилевых направлений, которое нельзя вместиť в прокрустово ложе социалистического реализма, а точнее, упрощённого его понимания²⁹. Показательно в этом отношении сравнительно недавнее диссертационное исследование Н. В. Шалагинова, где одним из основных положений, вынесенных на защиту, является следующий тезис: «Художественным средоточием социалистического реализма не могут быть признаны ни большая часть отечественной литературы советского периода, ни «лакировоч-

ные» подделки сталинской эпохи»³⁰. Парадокс заключается в том, что попытка свести советскую литературу к упрощённо-идеологизированному явлению, как это делает Ян Вон Сик, сама является проявлением упрощённой идеологизации.

В-третьих, все ли произведения, написанные на корейском языке и посвящённые корейским сюжетам, можно отнести к традиции корейской пролетарской литературы 20–30-х гг. XX века (например, лирику или сказки)?

Говоря о том, что литература «должна ... помогать народу понимать самого себя, укреплять веру и развивать в нём стремление к истине, бороться с недостатками в обществе и людях; уметь найти хорошее в них, возбуждать в их душах мужество, стыд, гнев; ... сделать всё для того, чтобы люди стали благородно сильными и могли одухотворять свою жизнь лучшими передовыми идеями»³¹, Ян Во Сик считает, что всё это не было присуще литературе советских корейцев: «Такую благородную миссию национальная литература корейцев бывшего Союза в полной мере не смогла выполнять и во многом не соответствовала уровню развития духовной культуры своего народа»³².

Причину этого автор видит в «ограниченных возможностях в жизненном и творческом пространстве»:

«Во-первых, у корейских писателей (под термином «корейский писатель» подразумевается корейскоязычный писатель – В. Х.) не было самых элементарных условий для творчества, собственного периодического печатного издания, где они могли бы публиковать свои произведения.

Во-вторых, не было профессиональных корейскоязычных критиков, которые формировали бы ориентиры для творчества писателей.

В-третьих, на творческом процессе сказалась языковая проблема в том плане, что писать-то писали на корейском языке, но прочесть, понять эти произведения и оценить могли немногие. Даже с хорошо написанными произведениями русскоязычный читатель не имел возможности познакомиться в силу

отсутствия профессионального перевода произведений с корейского языка»³³.

Приведённый отрывок так же противоречив и неясен. В начале автор пишет, что национальная литература корейцев бывшего Союза не могла исполнять благородную миссию литературы в полной мере. Далее он уточняет, что под термином «корейский писатель» разумеет корейскоязычного писателя. Но национальная литература корейцев бывшего Союза и корейскоязычная литература – разные по объёму понятия; первое шире второго. Иначе говоря, если советская корейскоязычная литература сталкивалась с определёнными проблемами, то это не означает, что с ними сталкивалась *вся* литература советских корейцев.

Что касается узости читательской аудитории, то общего указания на наличие языковой проблемы недостаточно – здесь нужен конкретный анализ динамики её падения с учётом временных периодов, возрастного ценза аудитории, широты её охвата подпиской и т.д. Кроме того, для того, чтобы читать художественные произведения, вовсе необязательно знать язык, на котором они написаны. Так, русскоязычные корейцы имели доступ ко всей мировой литературе, не зная английского, немецкого или французского. И наоборот, произведения Анатолия Кима были переведены на различные языки. А проблема аналогичного читательского доступа к корейскоязычной литературе, написанной советскими корейцами, – это скорее проблема самой Корейской секции Союза писателей Казахстана, которая не смогла обеспечить переводы произведений своих членов на русский язык.

И совершенно не понятен пассаж, что национальная литература корейцев бывшего Союза «во многом не соответствовала уровню развития духовной культуры своего народа». Вся литература или какие-то конкретные произведения? Под народом понимаются советские корейцы или корейцы Кореи? Как и кем замерялся уровень духовного развития народа? Как и кем

должно определяться соответствие между состоянием литературы и уровнем духовного развития народа? Не говоря уже о том, что сам пассаж написан в традициях советских идеологизированных штампов.

Отдельное внимание Ян Вон Сик уделяет цензуре и идеологии:

«Корейским авторам не были предоставлены даже обычные права, которыми пользовались русские и казахские писатели. Например, корейским писателям запрещалось употреблять слово "родина" без приставки "советская". Если же корейский писатель не использовал эту приставку, то цензурой это воспринималось как национальное проявление, ностальгия по родине. Поэтому корейские писатели имели право воспевать только советскую действительность.

Корейские писатели всегда затруднялись по поводу того, какие фамилии давать отрицательным героям. Если в прозе корейских авторов отрицательные герои носили русскую или казахскую фамилию, то такое произведение воспринималось цензурой как вызов русскому или казахскому народу.

Поэтому корейским писателям следовало быть предельно осторожными, чтобы не допустить чего-нибудь недозволенного.

Подобная осторожность во многом ограничивала корейских писателей в создании в своих произведениях того или иного образа, в построении социально-философской коллизии. По этой причине в произведениях корейских авторов больше уделялось внимания малозначительным бытовым сюжетам, теме узкосемейной драмы».

... Так же, как с оглядкой жил корейский народ, так и корейские писатели – могли писать с оглядкой»³⁴.

Цензура и идеологический контроль висели над каждым советским писателем. Непонятно только одно: почему именно корейскоязычные авторы испытывали из-за этого сложность «в построении социально-философской коллизии»? Или произведения А. Кима, Ч. Айтматова, Б. Пастернака, В. Рас-

путина и многих других авторов, наполненные социально-философскими коллизиями, не подвергались цензуре? И почему бытовые сюжеты и семейные драмы обязательно должны быть малозначительными? А ведь на них основано большинство произведений мировой классики. Значительное, общечеловеческое и вселенское необязательно должно быть связано с эпическими и многотомными романами, они могут отражаться и в «малом», «бытовом», «семейном».

Затрагивает Ян Вон Сик и тему русскоязычных писателей: «Некоторые из них считают, что не имеет значения, на каком языке писатель выражает свою мысль, главное – о чём и как писать. Другие утверждают, что язык – это главное в литературе. Думается, каждый прав по-своему». И далее: «Те, кто считает язык самым главным в литературе, абсолютно правы в том плане, что самые тончайшие аспекты характера, поведения, чувств, психологии, привычки того или иного человека и целого народа можно описать в полной мере только на том языке, на котором говорит герой произведения»³⁵. Ну, а как быть, если герой произведения, как и в целом народ, говорит на русском языке, поскольку корейцы трансформировались в русскоязычную группу?

Говоря о судьбах корейской литературы, Ян Вон Сик пишет: «Если сейчас... не принять кардинальные меры в этом плане, то очень скоро исчезнут люди, творящие на корейском языке, и вряд ли ещё в скором будущем появится человек, родившийся в Казахстане, Узбекистане, России, который будет способен писать на корейском языке так же талантливо и интересно, как пишет на русском языке Анатолий Ким»³⁶. К сожалению, автор не пишет, о каких кардинальных мерах речь идёт и кто будет потребителем корейскоязычной литературы. Ниже он пишет о необходимости создания благоприятной языковой среды как фактора «плодотворного развития национальной литературы», однако в рамках сложившихся реалий и основных трендов языкового развития корейцев СНГ возрождение и упрочение корейскоязычной литературы маловероятно.

В 2005 г. в том же журнале «Известия корееведения в Центральной Азии» выходит вторая статья Ян Вон Сика «Литература корейцев Казахстана»³⁷, которая во многом повторяет статью 2002 года. В ней даются краткие дополнительные сведения о корейских авторах Казахстана, корейском театре, переводах. Обобщая творчество казахстанских корейских литераторов, Ян Вон Сик делает интересный вывод: «Автобиографизм – отличительная черта произведений современных корейских писателей»³⁸.

В последние десять лет появляются литературоведческие и, что важно подчеркнуть, профессиональные работы по творчеству отдельных корейских писателей – Анатолия Кима, Михаила Пака, Ян Вон Сика, Станислава Ли, Александра Кана, Владимира Кима, написанные, как правило, представителями других национальностей³⁹.

В 2009 г. вышла статья Г. Н. Кима «Этапы развития художественной литературы корейцев СССР и СНГ», которая, по словам автора, основана на докладе, зачитанном на конференции в Пусане за три года до выхода статьи (правда, материалы конференции тоже почему-то датируются 2009 годом).

История корейской литературы в статье подчинена этапам политической истории (см. таблицу 9.1).

Таблица 9.1

Период советизации на Дальнем Востоке. 1917–1937.	1922–1937. Период зарождения и развития корейской пролетарской литературы.
Период депортации, репрессий и адаптации в Средней Азии. 1937–1953.	1937–1953. Период репрессий и насаждения социалистического реализма.
Период отхода от сталинизма и короткой хрущёвской «оттепели». 1953–1964.	1953–1964. Период десталинизации и появления русскоязычной корейской литературы.
Период брежневского развитого социализма. 1964–1985.	1964–1985. Период апогея литературного творчества советских корейцев.

Период перестройки, демократизации и гласности Горбачёва. 1985–1991.	1985–1991. Период этнического ренессанса.
Период становления суверенных государств постсоветского пространства.	1991–2012. Период поисков утраченного дома и трансформации идентичности.

Хотя Г. Ким данную публикацию поместил в рубрику «Литературоведение», мне представляется, что статья не имеет отношения к этой области научного знания, а предложенная периодизация – политизирована и искусственна.

Во-первых, любой литературовед и искусствовед знает, что развитие художественного творчества, помимо того, что оно существует в рамках определённого исторического времени, обладает своей внутренней логикой развития. Поэтому оно часто «выпадает» из эпохи, забегает вперёд. Художественное творчество не изоморфно политическому времени. Это важнейший методологический принцип литературоведческого и искусствоведческого анализа. Интересно, а означенные этапы развития корейской литературы каким-то образом соответствуют этапам общего развития советской литературы? Если да, то означает ли это, что творчество А. Грина, Б. Пастернака, А. Ахматовой, М. Булгакова в 1922–1937 гг. относится к периоду зарождения и развития пролетарской литературы? Если нет, то это уникальное явление корейской литературы? Тогда это надо доказать. Такой же вопрос можно задать и относительно других периодов.

Во-вторых, под апогеем обычно понимается высшая точка, предельная степень развития чего-то, например, в выражении «в апогее славы» (зените славы). Никакое творчество не может постоянно находиться в апогее; после апогея наступает спад, упадок, движение к творческому закату. Г. Ким называет апогеем литературного творчества советских корейцев 1964–1985 годы. А потом что – спад? Нет, период этнического «ренессанса» (?). Но ренессанс также является расцветом. Это значит, выше апо-

гея? Но выше апогея ничего не может быть по определению.

В-третьих, Г. Ким очень узко, идеологизированно понимает социалистический реализм, о чём говорит название периода – «Период репрессий и насаждение социалистического реализма» (1937–1953), в духе идеологических штампов конца 1980-х–1990-х гг. Выше я уже приводил современное понимание соцреализма в профессиональном литературоведении⁴⁰. К какому течению мы отнесём «Тихий Дон», написанный с 1925 по 1940 гг.? Насаждали, насаждали соцреализм, и писатель получил ... Нобелевскую премию.

И таких вопросов можно задать много.

Важным этапом в понимании литературы корё сарам стали книги, статьи и доклады писателя *Александра Кана*, наиболее системно подошедшего к этому феномену, и чьи работы задали новый ракурс в понимании этой литературы⁴¹.

В 2007 г. в журнале «Известия корееведения в Центральной Азии» выходит статья А. Кана «Третий Гамлет». Современную литературу корейцев СНГ автор делит на следующие направления.

Литература архаики. К ним относятся произведения корейскоязычных и русскоязычных авторов, которые «в своём творчестве обращались к истокам и традициям древней литературы»⁴². В основном, это поэзия, обращённая к классическому корейскому поэтическому жанру *сичжо*, в свою очередь уходящему своими корнями к древнекитайской поэзии, а именно – конфуцианской и даосистской, основное содержание которой составляют, соответственно, конфуцианское служение и даосское созерцание⁴³.

С точки зрения А. Кана, современный контекст, в котором оказались корейские диаспоры, таков, что конфуцианское служение для них более чем риторично и даже трагикомично, если учесть, что «во главе многих национальных центров или ассоциаций стоят нувориши, а в прошлом партийные деятели»⁴⁴. Так же обстоит дело и с даосским бездейственным

созерцанием в современном агрессивном мире. Вывод автора: «В результате такой тотальной редукции современные образцы "дальневосточной поэзии" просто скукоживаются и превращаются в одно банальное, заунывное оплакивание утраченных культурных ценностей»⁴⁵.

К поэзии архаики А. Кан относит казахстанского поэта Станислава Ли, пишущего в стиле сичжо и в чьём творчестве проглядывают ностальгические ноты по прошлому и вопрошание по поводу ценностных ориентиров современного мира, лишившего лирического героя того, что ему было дорого. А. Кан пишет: «... Очевидно, во всем виноват внешний, чужеродный мир, который <...> лишил лирического героя как возможности конфуцианского служения, так и осуществления промысла Дао. Тот самый внешний мир, в который корейские поэты других художественных традиций, мастерством и духом покрепче, прекрасно понимая, что архаика приводит к самоугасанию, к "поэтическому харакири", – устремились рьяно и давно, пытаясь в нём безоглядно раствориться»⁴⁶.

Литература ассимиляции. К этой литературе, несущей отпечаток внешнего, иноэтнического окружения и образов этого окружения (России, Средней Азии), А. Кан относит творчество российской поэтессы Дианы Кан. Главные темы её произведений – красоты русской природы, русский патриотизм, среднеазиатские корни поэтессы и, в конечном счёте, евразийство⁴⁷.

Литература сопротивления. К ней Александр Кан относит собственное творчество. Это литература инородца, живущего в мире, «где всё для тебя чужое и никогда не станет родным», перед которым встаёт гамлетовский вопрос: «Быть или не быть?». Применительно к выбору писателя, этот вопрос трансформируется в «писать или не писать?». Далее автор показывает, как перипетии его жизни отразились на эволюции лирического героя его произведений (Гамлет стенающий – Гамлет сражающийся – Гамлет кающийся и всепрощающий).

Такого рода литературу А. Кан называет ни русской, ни ко-

рейской, а диаспорной – литературой «Третьего Гамлета», или – литературой подлинной самоидентификации в многополярной мире.

Если всмотреться внимательно, классификация А. Кана основана на подходе, напоминающем гегелевскую триаду «тезис–антитезис–синтез» (отрицание отрицания), хотя, в отличие от Гегеля, для которого элементы триады – это ступени развития, литературные направления, выделенные А. Канном, не являются чётко зафиксированными этапами во времени. Тем не менее, триадность классификации А. Кана налицо. Литература архаики выступает как *тезис*. Литература ассимиляции, отказывающаяся от прежних истоков и ориентирующаяся на эстетические образцы окружающей этнокультурной реальности, отличной от традиционных корейских художественных образцов, прямо противоположна литературе архаики и тем самым выступает как *антитезис*. Данное противоречие снимается в литературе, заявляющей себя в качестве диаспорной и являющейся *синтезом* корейского и не-корейского. Принцип триады прослеживается и в эволюции лирического героя А. Кана. Гамлет стенающий – *тезис*, Гамлет сражающийся – его полная противоположность, *антитезис*, и Гамлет кающийся и всепрощающий – *синтез*.

В 2010 г. выходит книга А. Кана «Книга белого дня»⁴⁸. В ней автор выстраивает более сложную структуру литературы советских и постсоветских корейцев: литература как спасение, ущербная литература, литература нулевого бытия, литература как обретение новой родины, литература о депортации (литература «вдоха и выдоха»), литература любви и отчаяния, литература потустороннего выхода, литература стыда и томления, литература как заложница крови, литература как убежище и ловушка, литература как экспансия, литература как апофеоз частиц, литература как возвращение.

В центре книги некий герой, прототипом которого является герой классического корейского романа Хон Гиль Дон, незаконнорожденный, сбежавший из семьи и ставший главарём

шайки разбойников, защитник простого народа, которого часто называли корейским Робин Гудом. Этот герой существует в нескольких ипостасях. В одной ипостаси это некое личностное воплощение покинувших родину корейских переселенцев и перебравшихся в Россию со всеми их жизненными перипетиями – речь идёт о всех поколениях корейцев. Каждый исторический период – в царской России, СССР и СНГ – это своеобразные вехи жизненного пути этого героя. В другой ипостаси это писатели-корейцы, чьи произведения выстраиваются в ряд, где герои и их жизни – отражение отрезков жизненного пути главного героя. И в третьей ипостаси – это сам Александр Кан. С одной стороны, книга пытается, и это главная задача А. Кана, выстроить историю корейской литературы в сюжетную линию, где на каждом повороте (историческом времени, произведении того или иного писателя) развёртывается своя драма, свои страсти, при этом подчиняющиеся некоей логике (цели) путешествия героя. Безусловно, замысел заманчивый. Но в нём таится искусственность, что ведёт автора к построению промежуточных звеньев (встраиванию дополнительных зигзагов), чтобы обеспечить логичность перехода от творчества одного писателя к творчеству другого. Будучи написана талантливым писателем, книга увлекает и читается с интересом. Это интересно и для профессионального литературоведа, поскольку при разборе каждого произведения А. Кан писательским взглядом видит то, что может быть не видно учёному. Однако остаётся вопрос: насколько сюжетная линия книги соответствует действительной истории корейской литературы? Конечно, можно говорить об экзистенциальном и авторском её видении, но тогда мы не избежим ловушки релятивизма.

Если говорить о словесности, нужно напомнить и о журнально-газетных СМИ. До сих пор вышел лишь один сборник, посвящённый им⁴⁹. Можно также назвать ряд статей, в основном, опубликованных в тех же газетах⁵⁰. Научный анализ деятельности корейских СМИ ещё ждёт своих исследователей.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Литература народов Казахстана. – Алматы, 2004.
- ² *Kho Songtoo*. Koreans in Soviet Central Asia. – Helsinki, Studia Orientalia. Vol. 61, 1987, p. 159.
- ³ *Миркурбанов Н. М.* Художественная концепция мира и человека в прозе русскоязычных корейцев. [Электронный ресурс] URL: <http://koryo-saram.ru/mirkurbanov-m-n-hudozhestvennaya-kontsepsiya-mira-i-cheloveka-v-proze-russkoazychnyh-korejsev/> (20.12.2019).
- ⁴ Письмо Иосифа Бродского Л. И. Брежневу. [Электронный ресурс] URL: <http://brenik.livejournal.com/3351427.html> (20.12.2019).
- ⁵ *Анатолий Ким*: Я русский писатель корейского происхождения. [Электронный ресурс] URL: <http://koryo-saram.ru/anatolij-kim-ya-russkij-pisatel-korejskogo-proishozhdeniya/> (20.11.2019).
- А алма-атинский писатель Александр Кан определяет себя так: «Я не могу назвать себя русским писателем, так как пишу на темы, волнующие корейскую диаспору, поэтому я скорее русскоязычный диаспоральный писатель». [Электронный ресурс] URL: <http://koryo-saram.ru/korejskaya-diaspora-sudba-i-literatura/> (20.11.2019).
- ⁶ *Kho Songtoo*. Koreans in Soviet Central Asia. – Helsinki, Studia Orientalia. Vol. 61, 1987. В 1990 г. книга также вышла в Южной Корее на корейском языке.
- ⁷ Там же. – С. 159.
- ⁸ Там же. – С. 168.
- ⁹ Там же. – С. 168-171.
- ¹⁰ Там же. – С. 172.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Там же. – С. 176.
- ¹³ *Op. cit.*, p. 180.
- ¹⁴ *Op. cit.*, p. 181.
- ¹⁵ Там же. – С. 184.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ *Ким Филл Янг*. Литература советских корейцев в газете «*Ленин кичи*» // Известия корееведения Казахстана. 1998. Вып. 3.
- ¹⁸ Там же. – С. 39.
- ¹⁹ Там же. – С.40-41.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Там же. – С. 41.

²² Там же. – С. 40.

²³ Там же. – С. 42.

²⁴ Там же.

²⁵ *Ян Вон Сик*. О литературе корейцев Казахстана // Известия корееведения Казахстана. Вып. 9. 2002. – С. 99-117; *Он же*: Литература корейцев Казахстана // Известия корееведения в ЦА. Вып. 3. 2005. – С. 118-143.

²⁶ Автор объясняет это тем, что советско-корейская литература «в основном базировалась именно на казахстанской земле, поскольку только в Казахстане корейские писатели имели свою писательскую организацию – корейскую секцию при Союзе писателей СССР и Казахстана, литературные же произведения на корейском языке в основном печатались в Казахстане в издательстве «Жазушы» и в газете «Ленин кичи» («Корё ильбо»)), – *Ян Вон Сик*. О литературе корейцев Казахстана // Известия корееведения Казахстана. Вып. 9. 2002. – С. 99.

²⁷ Там же.

²⁸ *Борев Ю. Б.* Эстетика. – М., 1988. – С. 456.

²⁹ См.: История русской литературы XX века (советский период): Учебное пособие / Е. А. Жиндеева, Н. В. Карабанова и др. – Саранск, 2014.

³⁰ *Шалагинов Н. В.* Русская литература социалистического реализма и проблема ее генезиса. – Автореф... канд. филол. н. – Нижний Новгород, 2006. – С. 3.

³¹ *Ян Вон Сик*. О литературе корейцев Казахстана // Известия корееведения Казахстана. 2002. Вып. 9. – С. 108.

³² Там же.

³³ Там же.

³⁴ Там же. – С. 109.

³⁵ Там же. – С. 110.

³⁶ Там же. – С. 111.

³⁷ *Ян Вон Сик*. Литература корейцев Казахстана // Известия корееведения в Центральной Азии. Вып. 3. 2005. – С. 118-143.

³⁸ Там же. – С. 131.

³⁹ *Когай Э.Р.* Метафора как универсальное средство создания индивидуально-авторской картины мира в творчестве А. Кима. Дисс... канд. филол. н. – Алматы, 1996. – 217 с.; *Сафронова Л. В., Темирболат А. Б.* Художественное своеобразие прозы А. Кима // Известия корееведения в Центральной Азии. Вып. 3 (11). 2005. – С. 101-117; *Темирболат А. Б.* Пространство и время в структуре романа М. Пака «Смеющийся человек Хондо» // Известия корееведения в Центральной Азии. Вып. 4.

2006. – С. 152-167; Сафронова Л. В. Проблема автора и функциональность виртуального персонажа-симулякра в романе А. Кима «Онлирия» // Известия корееведения Казахстана. Вып. 4 (12). 2006. – С. 144-151; Сафронова Л. В. Ритмическая композиция рассказа А. Кима «Дядя» // Известия корееведения Казахстана. Вып. 6 (14). 2007. – С. 214-219; Сундеткалиева К. А. Ключевые идеи корейской поэзии Казахстана // Известия корееведения в Центральной Азии. Вып. 6. 2007. – С. 309; Ананьева С. В. Корейская драматургия Казахстана: от реализма – к метафизике и исторической травме // Известия корееведения в Центральной Азии. Вып. 6. 2007. – С. 256-263; Корзун А. В. Художественные особенности ранних рассказов А. Кима // Корееведение Казахстана. Вып. 4. 2016. – С. 61-77; Чекулина Н. А. Образ Канг Чоля в романе Ёнг Тхека «Кимы» // Корееведение Казахстана. Вып. 4. 2016. – С. 145-159.

⁴⁰ Шалагинов Н. В. Русская литература социалистического реализма и проблема её генезиса. Автореф. канд. филол. н. – Нижний Новгород, 2006. – С. 3.

⁴¹ Кан А. Третий Гамлет // Известия корееведения в Центральной Азии. Вып. 6. 2007. – С. 203-213; Он же: Книга белого дня. – Тараз, 2010.

⁴² Кан А. Указ. соч. – С. 204.

⁴³ Там же. – С. 205.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же. – С. 205-206.

⁴⁶ Там же. – С. 206.

⁴⁷ Там же. – С. 207.

⁴⁸ Кан А. Книга белого дня. – Тараз: Сенім, 2010. – 461 с.

⁴⁹ Время газетной строкой. – Алматы: Корё ильбо, 1998.

⁵⁰ Ким Б. «Корё синмун» – газета корейцев Узбекистана // Десять лет спустя. – Ташкент-Сеул, 2001. – С. 118-127; Сон В. «Ленин кичи» в истории нашей [Электронный ресурс] URL: <http://koreilbo.com/index.php/news-social-ru/1963-lenin-kichi-v-istorii-nashej> (28.10.2020); Хан В. С. Ташкентский корпункт «Корё ильбо» в 1994–1995 годах [Электронный ресурс] URL: <https://koryo-saram.ru/tashkentskij-korpunkt-kore-ilbo-v-1994-1995-gg/> (28.10.2020).

§ 3. Искусствознание

Искусствознание предполагает научный анализ различных видов искусства – музыки, живописи, скульптуры, театра и кино, танца и т.д. Однако это область знания, применительно к культуре корё сарам, наименее разработана, если говорить о постсоветском времени. Если в советский период защищались диссертации по музыкальной культуре корё сарам (Тен Чу), корейскому театру (И. Ким), то после распада СССР такого рода научных работ мы не встречаем. А по некоторым видам искусства нет ни одной статьи.

Музыкальная культура корё сарам

Музыкальная культура корё сарам – наиболее разработанная область искусствознания, посвященная художественному творчеству корё сарам. В советское время ей были посвящены кандидатская диссертация и ряд статей Тен Чу (Казахстан).¹

В начале 1990-х годов вышел ряд статей *Ким Миры Ревиновны*, посвящённых музыкальной культуре корё сарам.

В первой статье на основе полевых материалов, собранных в 1991–1992 гг. (информанты – пожилые корейцы) в г. Уш-Тобе и прилегающих к нему совхозах Талды-Курганской области, автор делает вывод об абсолютном преобладании песенных жанров: «Собранный материал свидетельствует о преобладании песенных жанров при полном отсутствии традиционного музыкального музицирования»². Автор предпринимает попытку классификации жанровых подгрупп песенного творчества корё сарам. «Корейское народно-песенное творчество подразделяется на несколько жанровых подгрупп: песни лирические, бытовые, трудовые, исторические, революционные, песни литературного происхождения. Вероятно, такая классификация во многом относительна, <...> т.к. некоторые песни, теряя своё прикладное значение, переходят из одного жанра в другой;

многие песни совмещают в себе черты нескольких жанровых подгрупп»³.

Во второй статье М. Р. Ким даёт некоторую информацию о местах проведения полевых исследований, группах респондентов и методе исследования. Полевой материал был собран в г. Уш-Тобе и прилегающих к нему совхозах Талды-Курганской области, пос. Бахбахты Алма-Атинской области, г. Тылды-Курган и Алма-Аты. Было собрано 350 песен. Исследование проводилось в виде анкетирования. Возрастной состав информантов – от 24 до 83 лет. Среди них молодые исполнители до 30 лет составили 6%, от 40 до 60 лет – 12%, старше 60 лет – 82%⁴.

Начинается статья со следующей ремарки: «И сейчас, в условиях смены политической ориентации, появилась возможность говорить о том, какой невосполнимый урон нанесла политика моделирования "советской общности" развитию национальных культур, в том числе и корейской»⁵. Что имела в виду автор? Или эта дань времени? Поскольку весь последующий содержательный и профессиональный анализ ничего не говорит о «невосполнимом уровне», наоборот – о разнообразии песенных жанров, появлении инноваций, взаимодействии национальных культур и т.д.

Можно согласиться с автором в том, что «музыкальная культура корё сарам стала самостоятельной ветвью народного творчества и потому требует фундаментальных исследований в широком историческом и социальном контексте»⁶. Забегая вперёд, скажем, что подобные исследования уже проводятся. Это докторская диссертация и монография, выполненные южнокорейской исследовательницей и композитором Ким Бо Хи.

По результатам исследования М. Р. Ким приходит к следующим выводам:

1. Сфера бытования корейского традиционного фольклора в основном ограничена старшей возрастной группой, обусловлено это тем, что именно у них она вызывает знакомые ассоциации, резонирует в сознании с жизненным опытом, а также

слуховое восприятие подготовлено атмосферой традиционной культуры.

2. Молодое поколение, в основной массе утратив язык, не зная традиций, не имея опыта в восприятии народной музыки, не проявляет интереса к фольклору.

3. Язык является важнейшим фактором в функционировании фольклора, особенно в таком жанре, как песня. Для сохранения традиционной культуры большую общую значимость приобретает стимулирование изучения родного языка.

4. Наиболее активно и органично функционирует песенный фольклор в сельской местности, в местах компактного проживания.

5. Общение с культурой в целом, а не с отдельными её составляющими, позволит сохранить фольклорную традицию и обеспечит передачу от поколения к поколению⁷.

Автор возвращается к теме классификации песенных жанров корейцев, различая «с одной стороны, бытование традиционных жанров, таких как *тхарен*, *пхансори*; с другой – возникновение новых песенных жанров, связанных с изменениями в социальной жизни»⁸. Сама классификация остаётся прежней, только бытовые песни заменяются на обрядовые. В другом месте автор пишет о семейно-обрядовых песнях.

Говоря о трудовых песнях М. Р. Ким отмечает: «Прикладная функция трудовых песен определила их стилевые особенности. Это двухдольность – редко встречающееся явление в традиционной корейской музыке, размеренность, простота мелодического изложения, одноплановость музыкального характера»⁹. Означает ли это, что ритмичность трудовых операций стала отличаться от того, что присутствовало в Корее или на Дальнем Востоке, что и обусловило распространение двухдольности?

Отдельно М. Р. Ким останавливается на взаимодействии музыкальных культур: традиционной корейской и советской, русской, казахской. Прежде всего это новая социально обусловленная тематика, кристаллизация определённых жанро-

вых признаков (появляются революционные, партизанские песни, частушки, песни колхозного труда, не характерные для традиционной музыкальной культуры). Это также выразилось в «возникновении общих стилевых примет (формируется новый тип мелодики, активная ритмическая организованность, новое ладовое мышление, выводящее за пределы строгой пентатоники»¹⁰.

Автор отмечает, что тесное взаимодействие с соседствующими культурами явилось причиной проникновения в корейское музыкальное творчество русских музыкальных инструментов: гармони, мандолины, балалайки; а также бытования русских, казахских народных мелодий с корейскими текстами. Так, среди корейцев Казахстана популярны русские песни «По муромской дороге», «Крутится, вертится шар...», казахская народная песня «Карлыгаш». Однако автор напоминает, что «это только внешняя сторона взаимодействия. На самом деле проникновение происходит гораздо глубже на уровне ладово-гармонического мышления, мелодико-ритмических структур, что должно стать предметом глубокого музыковедческого анализа на основе широкого сравнительно-исторического изучения материала»¹¹.

В заключение автор определяет основные проблемы, задачи, направления предметного поля будущих исследований музыкального творчества корё сарам. Это:

- сбор и изучение современной народной песни;
- функционирование песенной культуры в корейской диаспоре;
- механизм трансляции;
- определение жанра и классификация;
- локальные и региональные особенности;
- феномен межнационального;
- традиции и инновации;
- проблемы стиля;
- поиск системы записи, адекватно отражающей материал¹².

Важным событием в изучении музыкальной культуры корё сарам стали докторская диссертация (PhD), монография и статьи южнокорейского композитора и музыковеда Ким Бохи.¹³ Она неоднократно приезжала в Узбекистан, где записывала песни, созданные старшим поколением корё сарам, изучала ноты в архиве Союза композиторов Узбекистана.

Корейцы в визуальном искусстве

Как выше отмечено, в советский период была защищена диссертация И. Кима по корейскому театру и издана монография¹⁴. Этим традиция изучения театрального искусства корейцев прерывается, если не считать коротких заметок в прессе, блогах и социальных сетях. Если говорить о кино, то в последние годы появились корейцы-режиссёры, сумевшие заявить о себе (Руслан Пак, Ольга Хан) на кинофестивалях. Их творчество ещё ждёт своих исследователей.

Особый интерес для искусствоведческого анализа представляют корейцы-художники. В советский и постсоветский периоды профессионально состоялись несколько десятков художников. Этот феномен тоже предстоит ещё осмыслить. «Жёсткий исторический опыт, – пишет Р. В. Еремян, – обернулся неожиданным итогом: среди народа, который в анкетах указывал профессию каменщика, плотника, шахтёра, рабочего по заготовке саксаула, хлопкороба и рисовода, насчитывается огромное число художников, и особенно большое – в Узбекистане»¹⁵. Книга Р. В. Еремян до сих пор остаётся единственной большой работой по творчеству корейских художников.

Среди современных искусствоведов хотелось бы отметить В. Карасёва, написавшего о нескольких корейских художниках. Вот заметка о художнице Марии Ли-Сафи на его странице в Фэйсбуке:

«Художники-импрессионисты раскрасили мир таким множеством оттенков, так сместили контуры предметов, вдохнув в них трепетание жизни, что реальный мир перед нашими гла-

зами раскрылся, расцвёл, стал зыбким, неистовым, вечно меняющимся, мы заново открыли его для себя. При этом хочу заметить, что Восток уже давно открыл для себя многообразный мир переплетений чувств, законов духовности, игры интеллекта, поэтику большой философии. Точно так же преобразуют наше сознание работы Марии Ли-Сафи. Она идёт оригинальным путём, не копируя предшественников и не подражая им, создавая на своих полотнах и графических листах мир новой поэтики. Ещё недавно было невообразимо соединить хорошую живопись с декоративностью, с арабесками. В работах Ли-Сафи мы видим иное. Найдя для себя раз определённую манеру, Мария стала отрабатывать в творчестве только это направление – ажурность и цветовое многообразие исполнения. Это было достаточно далеко от прикладного искусства, но в том же тоне ощущения от изображаемого. Поэтому её картины кажутся более доступными пониманию любого человека. Но на самом деле это, опять же, далеко не всё так просто!»¹⁶

В книге Еремян все иллюстрации были чёрно-белые. Думаю, настало время издания большого цветного аннотированного каталога корейских художников Узбекистана.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Тен Чу*. Новые песенные жанры советских корейцев // *Музыказнание*. – Алма-Ата, Вып. 7. 1971. – С. 39-48; *Песенная культура советских корейцев* // *Известия АН КазССР. Серия филологическая*. – Алма-Ата. № 2. 1976. – С. 62-68; *Песенная культура советских корейцев*. Автореф. дисс... канд. искусствоведения. – Л., 1978.

² *Ким М. Р.* Песенная культура корё сарам (на примере Казахстана) // *Общество корееведов Казахстана*. Бюллетень № 1, 1992. – С. 15.

³ Там же.

⁴ *Ким М. Р.* Музыкальная культура корё сарам // *Известия о корееведении в Казахстане и Средней Азии*. № 4. 1993. – С. 32.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же. – С. 33.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. – С. 35.

¹¹ Там же. – С. 36.

¹² Там же.

¹³ 김보희. 잊혀진 고려인의 노래. 도서출판 가온, 서울, 2006. – 172 p.

¹⁴ Ким И. Ф. Советский корейский театр. – Алма-Ата: Өнер, 1982. – 204 с.; Ким И. Ф. Формирование и развитие советского корейского профессионального театра: Автореф. дисс... канд. искусствоведения. – Т., 1987. – 19 с.

¹⁵ Еремян Р. В. Корейские художники Узбекистана. – Т.: Узбекистан, 2001. – 304 с.

¹⁶ Ли-Сафи Мария [Электронный ресурс] URL: <https://www.facebook.com/liskazka> 21 сентября 2017 г. (28.10.2020).

§ 4. Этнография

После работ Р. Джарылгасиновой, Я. Ионовой и В. Цоя этнография корё сарам перестаёт быть предметом академических исследований. Тем не менее, по вопросам кухни, обрядов и антропоники выходит значительное количество популярных брошюр, изданных корейскими культурными центрами и их активистами. Однако и среди них можно выделить работы, имеющие академическое значение.

Обычаи и обряды

Одной из первых работ, вышедших после распада СССР, является небольшая книга Л. В. Мин «Семейные традиции и обычаи корейцев, проживающих в Казахстане»¹. Автор впервые вводит понятие «четыре стола», вызвавшее критику со стороны пожилых корейцев.

Вопросам семейных устоев, обычаев и обрядов корё сарам (на материале корейцев Кыргызстана) посвящён ряд работ кыргызского журналиста Г. Н. Ли².

В 2007 г. Ассоциацией корейцев Казахстана выпускается книга «Корейские обычаи и традиции»³. В 2016 г. аналогичную книгу выпустила Ассоциация корейских культурных центров Узбекистана⁴.

Хотелось бы отметить ряд работ, написанных Г. Н. Ли, сначала в «Энциклопедии корейцев России»⁵, а затем в отдельно изданной книге⁶. В книге подробно описываются семейные традиции корейцев. Достаточно обратиться к названиям глав: «Пэкиль – 100 дней ребёнку», «Толь-чжанчи – годовщина ребёнка», «Сватовство», «Свадьба в доме у невесты», «Свадьба в доме у жениха», «Совместно проводимая свадьба», «Послесвадебные церемонии», «Хвангаб – 60-летие», «Кохи – 70-летие», «Чжугын наль – день смерти и похорон», «Деся – первые поминки и тольтеся – вторые поминки», «Самнён деся – третьи поминки», «Вы-

полнение обряда хон», «Мёнчжон – надписи на погребальном полотне». В приложениях даны корейские праздники, рецепты корейской кухни корейцев СНГ, хангыль и корёмаль корейцев СНГ, поны корейцев в отношении 50 фамилий. Конечно, это огромный шаг в этнографии корейцев. На данный момент это самая обстоятельная монография по этнографии корё сарам.

У корё сарам сформировалась собственная культура, которая у некоторых авторов вызывает порицание. Разница в обычаях, моделях поведения и общения вовсе не означает некую ущербность корё сарам. Это естественный результат, сопутствующий формированию нового этноса, коим и являются корейцы СНГ. Обладая собственной культурой, корё сарам вовсе необязательно подражать культуре Корейского полуострова, обрекая тем самым себя на комплекс неполноценных корейцев⁷. В этом смысле, странными, по крайней мере, выглядят некоторые рекомендации адептов по «возрождению корейской обрядности», которым «должны» следовать наши корейцы. Так, Г. Н. Ли в своей книге «Корейцы в Кыргызстане» сетует на то, что, поскольку нынешнее поколение не знает традиционной обрядности, корейского языка (?) и соответствующей литературы (?), «с такими обрядами жизненного цикла, как рождение, свадьба, юбилеи (60-летие), похороны и поминки – корейцы знакомятся через устное творчество», а «праздничные мероприятия в условиях Кыргызстана проходят неинтересно»⁸. Не думаю, что идея проводить семейные мероприятия по книгам (более интересно?) вызовет энтузиазм среди наших корейцев. Современная практика обрядности, поведения и общения корё сарам, с точки зрения Г. Ли, ущербна. Достойным же является следование традициям, принятым в Корее. Наши дети, рассуждает автор, не зная корейской культуры, тем самым не знают «правил поведения в обществе»⁹. И вот, автор рекомендует нам при праздновании Нового года по лунному календарю «ежедневно готовить новые блюда в течение 15 дней первого месяца»¹⁰, при опоздании на собрание «извиниться за опо-

здание и поясным поклоном приветствовать всех собравшихся, получая от присутствующих еле заметные поклоны или одобрительные взгляды»¹¹ и т.п.¹²

В последние годы стала формироваться тенденция отхода от традиционного этнографического описания обрядности корё сарам. Зачинателем нового подхода стала *Людмила Пак*, подготовившая диссертацию и опубликовавшая ряд статей по свадебной обрядности корейцев Узбекистана. В своих исследованиях Л. Пак применяет теорию графов и теорию множеств для построения динамической модели свадебного церемониала. Так, она пишет: «Сама традиционная свадебная обрядность состоит из множества элементов, которые можно показать с помощью теории графов. Попытка разработки теории графов была сделана П. Марандой. Для выявления свойств и родства, отношений действующих лиц различных обрядов, использованы математические методы для обоснования, где эти отношения (т.е. коммуникации) можно представить в виде определённых формул и позиций»¹³.

Религиозные верования

В 1990-е гг. вопросы религиозности корейцев активно изучает казахстанская исследовательница *Галина Моисеевна Ким*¹⁴.

Говоря о религиозности корё сарам, Г. М. Ким обращается к традиционному сознанию корейского крестьянства, которое функционировало в рамках жёсткой социальной стратификации, регламентации всех сторон общественной жизни, дифференциации знаков почтения, религиозной системы конфуцианства (сакрализация образа *вана*) и принятия идеи космического порядка.

Указывая на нормы традиционного корейского общества, автор пишет: «...Социальная память, социальная психология от поколения к поколению транслировала определённые жёсткие социальные стереотипы – в крестьянине была выработана привычка к полному повиновению»¹⁵.

В силу изоляции в обществе господствовали архаичные формы социальных структур и регламентация частной жизни: «Для социальной психологии крестьян, была характерна тенденция к сохранению констант во всех сферах жизни»¹⁶. К этому необходимо добавить институт рабства. Таким образом, формирование психологии корейских крестьян происходило в условиях политической, экономической и социальной несвободы.

«Ещё одним социально-психологическим индикатором феодальной по сути психологии корейских крестьян, – отмечает Г. Ким, – являлись их царистские иллюзии. Их идеалом было эгалитарное государство с просвещённым правителем во главе. Они не мыслили идеальное государственное устройство без справедливого государя»¹⁷. Поэтому «...в социально-психологическом плане сознание корейских переселенцев можно определить, как феодальное, традиционно-консервативное. Его отличительные черты – покорность, пассивность, потребность в авторитете. В целом эти моменты являются универсальными для традиционалистского, патриархально-родового уклада»¹⁸. Поэтому, с точки зрения автора, сталинская система не была для советских корейцев чем-то неожиданным: «Сталинская система без особого труда подчинила себе преобладающее большинство населения страны, в том числе корейского. Культ личности нашёл опору в массах, привыкших осознавать себя подневольными государства»¹⁹.

Сам культ личности, веры в царя, был продолжением веры в Бога. Как тонко подмечает автор, «образ трансцендентного личного бога, который проповедовало христианство (как известно, в конфуцианстве такового не было, Дао – безличная сила, возвышающаяся над богами), был заменён на реальный образ всеильного вождя, осуществляющего рациональное бюрократическое управление»²⁰.

Мы уже говорили, что, проводя в конце 1950-х гг. полевые исследования среди корейцев Казахстана и Узбекистана, Ю. В. Ионова пришла к выводу: «Религиозные воззрения ве-

рующих корейцев трудно отнести к какой-нибудь определённой религии. Верующий кореец, молясь, обращается к Будде, к духу гор, к душе предка, на могилах умерших верующие корейцы ставят русский крест.

В домах даже очень старых людей мы не видели ни алтарей, ни икон, ни каких-либо других символов веры. Среди корейцев никогда не наблюдалось религиозного фанатизма, среди них мирно уживались шаманизм, буддизм, конфуцианство, христианство.

Абсолютное большинство корейцев – убеждённые атеисты. Распространению атеизма способствует высокий экономический и культурный уровень, достигнутый ими за годы Советской власти»²¹.

В данном случае основные характеристики религиозности советских корейцев у Ю. В. Ионовой и Г. М. Ким значительно различаются. С одной стороны, имеет место традиционное (религиозное по своей сути сознание корейских переселенцев (Г. М. Ким), а с другой стороны – массовый атеизм (Ю. В. Ионова). Чтобы снять это расхождение, необходимо продолжить изучение этого вопроса.

Спустя достаточно длительный период, уже молодые исследователи обращаются к теме религиозной идентичности корейской диаспоры Центральной Азии.

В 2012 г. выходит статья М. Д. Тена «Религиозная идентичность этнического меньшинства в условиях полиэтнической среды Узбекистана (на примере корейской диаспоры)», по результатам социологического исследования, которое включило в себя анкетирование (500 анкет) и 21 интервью²².

Объясняя причины популярности миссионерских церквей, автор называет следующие причины:

- эти церкви были представлены этническими корейцами, будь то южнокорейцы или корейцы США;
- модернизация церковных традиций, песен в современных ритмах, что способствовало привлечению молодёжи;

– денежные фонды – хороший ремонт офисов, современное музыкальное оборудование, кухни, столовые и т.д.; «этот западный лоск не мог не привлекать прихожан, видевших в миссионерских церквях островки благополучия»;

– миссионерские церкви восполняли, особенно у молодёжи тот духовный вакуум, который образовался вместе с распадом Советского Союза;

– миссионерские церкви были местом, где имелась возможность проводить свой досуг, общаясь с ровесниками, причём это касалось не только молодёжи, но и стариков, которые находили здесь спасение от одиночества²³.

Можно здесь добавить, что молодёжью эти церкви рассматривались как путёвка в Южную Корею или США, а пасторы воспринимались как западные учителя, которые лучше знают, как надо жить.

Автор видит в этих церквях возможный негатив – идеологическую обработку, но не указывает, в чём она заключается. Негатив также усматривается с этической стороны: «вступление в ряды секты обязывало преклоняться перед пасторами из Южной Кореи и США. <...> Это унижало человеческое достоинство прихожан. С другой стороны, в условиях экономического кризиса и разрухи деятельность таких "добрых" пастырей действительно могло выглядеть как нечто божественное»²⁴.

В этом же году выходит статья Г. Н. Кима, основанная на пилотном исследовании²⁵.

Антропонимика

Первыми вопрос о специфике имен корё сарам поднимают Р. Ш. Джарылгашинова и Ю. В. Ионова²⁶. В их работах обращается внимание на особенности традиционной корейской антропонимической модели (фамилия + имя), русификация корейских имён, новые формы фамилий путём прибавления суффикса «-гай» (Югай, Огай, Егай и т.д.), появление интернациональных имён (Эдуард, Анжелика и т.д.), появление отчеств

(возникновение трёхчленной модели), наречение детей именами с одинаковой начинающейся буквы.

В 1980 г. появляется статья О. Н. Ким²⁷. Автор обращает внимание на то, что при наречении русским или интернациональным именем, родители часто дают «звучные» имена: Изабелла, Аделаида, или имена с политическим значением (братья Серп и Молот, Красарма и др.). В статье приводится список из 129 фамилий, зафиксированных автором в Ташкентской области: Ан, Бен, Бун, Бя, Бягай, Ви Вигай, Вон, Вя, Дегай, Ден, Дё, Дёгай, Дигай, До, Догай, Дон, Ду, Дугай, Дю, Дюгай, Дягай, Егай, Ем, Ем,²⁸ И, Игай, Им, Ка, Кагай, Кам, Кан, Квак, Квок, Квон, Ки, Кигай, Ким, Кил гай, Ко, Коган, Кон, Ку, Кугай, Кук, Кун, Лем, Ли, Лигай, Лим, Логай, Лю, Лян, Ма, Магай, Мен, Мин, Мун, Мян, Нам, Негай, Ни, Нигай, Ни-Ли, Но, Ногай, Ню, О, Огай, Ок, Пак, Пан, Пок Пун Пя, Пягай, Пяк, Пян, Рем, Сельгай, Сон, Сим, Сон, Тен, Тё, Тин, То, Тхай, Тхя, Тхягай, Тхяк, Тю, Тюгай, У, Угай, Фен, Фи, Фигай, Фильгай, Шагай, Шек, Шим, Шин, Шогай, Ха, Хагай, Хам, Хван, Хе, Хегай, Хен, Хо, Хон, Ча, Чагай, Чон, Чжен, Чу, Чугай, Цай, Цой, Э, Эгей, Эм, Ю, Югай, Юк, Юн, Ян.

К теме антропонимии корейцев Казахстана обращается и Г. Н. Ким²⁹. В статье даётся список фамилий, которые автор называет самыми распространёнными, однако не говорится, на основании чего сделан такой вывод: Ан, Де, Дин, Дю, Ем, Кан, Кван, Квон, Ким, Кон, Ли, Лим, Лян, Мин, Мун, Нам, Ни, Ним, Ню, Пак, Пан, Пен, Пян, Сим, Сон, Те, Тен, Ти, Тхя, Тэн, Тю, Тян, Хан, Хван, Хе, Хен, Цай, Цой, Цхай, Чен, Чжан, Чжен, Шек, Шим, Шин, Эм, Юн, Ян.

Как и предшествующие исследователи Г. Ким отмечает, что «с 60-х гг. начинается массовое увлечение звучными европейскими именами, многие из которых не были распространены среди русского населения: Брутт, Карл, Марс, Октавиан, Рудольф, Венера, Эдита, Эмилия и др. Это явление до сих пор не объяснено. Оно, вероятно, связано с такой древней корейской

традицией, как соблюдение одинаковых слогов в именах братьев и сестёр. При этом чаще одинаковым является первый слог, например, Ман Сам, Ман Гым, Ман Ир. Придерживаясь этой традиции, советские корейцы называли своих детей именами начинающимися с одной и той же буквы, и, по-видимому, традиционных русских имён оказалось недостаточно, поэтому корейцы зачастую обращались к европейским именам. Русский язык при этом выполнял функцию языка-посредника. Приведём примеры. В Каратальском районе Талдыкорганской области в семье механизатора Хе Вон Хака дочерей назвали: Эдда, Эдита, а сыновей – Антон, Андрей, Афанасий»³⁰. Здесь Г. Ким смешивает две разные вещи: наречение «звучными» именами и соблюдение одинаковых слогов в именах братьев и сестёр. Какое отношение одинаковые слога имеют к именам Брутт, Карл, Марс, Октавиан, Рудольф, Венера? Мне представляется, что ключ к объяснению этого феномена лежит в отношении к наречению имени в традиционном, в данном случае корейском, обществе и его магических функциях.

Составление полного именника корё сарам может быть предметом самостоятельного исследовательского проекта.

Кухня

Говоря о кухне, можно упомянуть книгу Т. С. Чена и П. А. Пак Ира, «Традиционная корейская кухня», опубликованную в Алматы³¹. О какой традиционной кухне идёт речь? Если обратиться к используемой литературе, то авторы приводят одну кулинарную книгу (блюда из говядины), изданную в Сеуле (1988), и две книги (блюда из бобовых, злаков, овощей, грибов и трав), изданные в Пхеньяне (1985, 1986). Казалось бы, в них говорится о блюдах, приготовляемых в Северной и Южной Корее, однако фотографии блюд и их названия, а также интервью с казахстанскими поварами и указание имён казахстанских женщин, приготовлявших блюда, приводит к мысли, что речь идёт кухне казахстанских корейцев.

Описание корейских блюд приводится и в книге Цоя Ен Гына и Яна Вон Сика «Корейские обычаи и традиции», изданной в 2007 г. в Алматы³². В книге постоянно путается культура Кореи и культура корейцев Казахстана. Так, при описании блюда «хе» даётся технология приготовления известного блюда советских корейцев (маринованная в уксусе рыба или мясо), в то время как в Корее под «хе» («хве») понимается сырая рыба (японское «сащими»), которая подаётся в японских ресторанах. И наоборот, даются блюда, популярные в Южной Корее, но до недавнего времени малоизвестные среди корейцев СНГ, например, *пилькоги* – говядина, приготовленная на решётке.

Представляет интерес раздел о рецептах корейской кухни в книге Г. Н. Ли «Обычаи и обряды корейцев СНГ». Автор даёт 23 корейских блюда, популярных среди корейцев СНГ (варёный рис паби, суп сираг дямури, соевая паста дяй, кочи дяй, димпхени, сири тог, салат морковь-ча, салат мепи-ча, салат кади-ча, кади-хе, чимчи, муки чимчи, закуска мультыги-хе, пшеничное пегодя, сар пегодя, дыби, дирим губи, муги, пук-дяй, дыби дяй, камди, чаль-тог, кукси), причём на основе рецептов, полученных от информантов (последние фигурируют под настоящими именами). Что очень важно, наименования даны так, как их произносят корё сарам (разве что «чаль-тог» наши корейцы называют *чартаги*)³³. Хотелось бы отметить, что ещё нет полного сборника рецептов блюд корейцев СНГ, являющихся проявлением диаспоральной культуры евразийских корейцев, и это может быть содержанием отдельного этнографического проекта.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Мин Л. В. Семейные традиции и обычаи корейцев, проживающих в Казахстане. – Алма-Ата, 1992.

² Ли Г. Н. Корейцы в Кыргызстане. – Бишкек: НТО «Ква Хак», 1998; Ли Г. Н. Семейные устои корейцев Корё сарам. – Бишкек, 2002.

- ³ Цой Ен Гын, Ян Вон Сик. Корейские обычаи и традиции. – Алматы, 2007.
- ⁴ Обряды, традиции и ритуалы корейцев Узбекистана. – Т., 2016. – 76 с.
- ⁵ Ли Г. Н. Обряды и обычаи корейцев России и СНГ // Энциклопедия корейцев России. – М., 2003. – С. 252-353.
- ⁶ Ли Г. Н. Обряды и обычаи корейцев СНГ. – Т., 2014. – 380 с., илл.
- ⁷ См.: Хан В., 1993; Khan, Valeriy S., 1996, pp. 82-85; Khan, Valeriy S., 1998, pp. 73-76.
- ⁸ Ли Г. Н. Корейцы в Кыргызстане, 1998. – С. 162, 113.
- ⁹ Там же. – С. 200.
- ¹⁰ Там же. – С. 188.
- ¹¹ Там же. – С. 199.
- ¹² Хан В. С., Ким Г. Н. Актуальные проблемы и перспективы корейской диаспоры Центральной Азии // International Journal of Central Asian Studies. Vol. 5, 2000, pp. 55-56.
- ¹³ Пак Л. В. Свадебная обрядность корейцев Узбекистана: попытка анализа активной модели (по теории графов и множеств) // Общество, гендер и семья в Центральной Азии. № 2, 2020. – С. 69.
- ¹⁴ Ким Г. М. К вопросу о социальной психологии преобладающего большинства корейского населения в годы тоталитарного режима // News on Korean Studies in Kazakstan and Central Asia. Vol. 4. № 3. Almaty–Helsinki: Yliopistolaino, 1993. – С. 46-53; Об изучении состояния религиозности корейского населения г. Алматы // Известия НАН Республики Казахстан. Серия общественных наук. № 6, 1995; К вопросу о состоянии религиозности среди корейцев, посещающих протестантские церкви (Казахстан) // Известия корееведения Казахстана. Вып. 1. – Алматы: Гылым, 1996; Глоссолалия как элемент культовой практики в корейской пресвитерианской харизматической церкви // Известия корееведения Казахстана. Вып. 3. – Алматы, 1998.
- ¹⁵ Ким Г. М. К вопросу о социальной психологии преобладающего большинства корейского населения в годы тоталитарного режима // News on Korean Studies in Kazakstan and Central Asia. Vol. 4, № 3. Almaty–Helsinki: Yliopistolaino, 1993. – С. 47.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Там же. – С. 48.
- ²⁰ Там же. – С. 50.

- ²¹ *Ионова Ю. В.* У корейцев Средней Азии // Ионова Ю. В. Этнография Кореи (избранные статьи). – М.: Институт востоковедения РАН, 2011. – С. 269.
- ²² *Тен М. Д.* Религиозная идентичность этнического меньшинства в условиях полиэтнической среды Узбекистана (на примере корейской диаспоры) // Известия корееведения в Центральной Азии. Вып. 19. 2012.
- ²³ Там же. – С. 142-143.
- ²⁴ Там же. – С. 143-144.
- ²⁵ *Kim G.* Ethnicity, Identity, and Attitude to Religions of the Central Asian Koreans: Some Results of a Pilot Survey among Korean Minority Students // The Journal of Northeast Asian History Volume 9 Number 1 (Summer 2012), 67-90.
- ²⁶ *Джарылгасинова Р. Н.*: Антропонимические процессы у корейцев Средней Азии и Казахстана // Личные имена в прошлом, настоящем и будущем. (Проблемы антропоники). – М.: Наука, 1970. – С. 139-149; К характеристике современной антропонимической модели корейцев, проживающих в сельских районах Узбекской ССР // Ономастика Средней Азии. – М.: Наука, 1978. – С. 203-205; Основные тенденции этнических процессов у корейцев Средней Азии и Казахстана // Этнические процессы у национальных групп Средней Азии и Казахстана. – М., 1980. – С. 43-73. Ионова Ю. В. Корейцы // Народы Средней Азии и Казахстана. – М.: АН СССР, 1963. Т. II. – С. 564-581.
- ²⁷ *Ким О. М.* К изучению антропонимии корейцев СССР // Ономастика Востока. – М.: «Наука» ГРВЛ, 1980. – С. 59-62.
- ²⁸ Фамилия Ем значитсся дважды.
- ²⁹ *Ким Г.* Традиции и инновации в антропонимии корейцев Казахстана [Электронный ресурс] URL: http://world.lib.ru/k/kim_o_i/t56.shtml (20.12.21019).
- ³⁰ Там же.
- ³¹ *Чен Т. С., Пак Ир П. А.* Традиционная корейская кухня. – Алматы, 1994.
- ³² *Цой Ен Гын, Ян Вон Сик.* Корейские обычаи и традиции. – Алматы, 2007.
- ³³ *Ли Г. Н.* Обряды и обычаи корейцев СНГ. – Т.: Узбекистон миллий энциклопедияси, 2014. – С. 23-246.

Глава X. ЭТНОСОЦИОЛОГИЯ

§ 1. Этнокультурная идентичность

Исследование 2000–2001 гг.

В 70-х годах прошедшего века на базе разработанной в Институте этнографии АН СССР методики И. Г. Югаем было проведено этносоциологическое исследование¹, посвящённое изучению этнической идентичности корейцев Узбекистана и лёгшее в основу его диссертации².

В постсоветский период первым к теме этнокультурной идентичности обращается *Валерий Сергеевич Хан* (автор настоящей монографии). Основные направления изучения этой темы были сделаны в докладе «К вопросу об этнокультурной идентичности корейцев Узбекистана (по данным социологического исследования)» в Бишкеке в 2003 г., хотя сам вопрос поднимался раньше³.

Само исследование было проведено в 2000–2001 гг. и опубликовано на корейском языке⁴. В рамках данного исследования, в 2001–2002 гг. мною было проведено анкетирование среди корейцев г. Ташкента и Ташкентской области с целью изучения этнокультурной идентичности корейцев Узбекистана. Была составлена анкета из 10 разделов, включившая в себя 70 вопросов. Анкетирование проводилось в три этапа⁵, в ходе которых было опрошено около 400 респондентов-корейцев.

После каждого этапа анкетирования производился сопоставительный анализ с результатами предыдущего этапа. Максимальный разброс значений не превышал 8%, а в большинстве случаев составлял 1-3%, что не меняет общей картины ответов.

Разработанная анкета охватила более широкий круг вопро-

сов, нежели в исследовании И. Югая (в частности, это отношение корё сарам к другим этническим группам, к корейцам Севера и Юга, корейским организациям, деятельности корейских посольств, выбору брачного партнёра и т.д.).

Сопоставление с исследованием И. Югая позволяет говорить об изменениях в этническом самосознании корейского населения Узбекистана за прошедшие годы.

В докладе были поставлены такие вопросы: существует ли единая корейская идентичность? Кто для нас корейцы, проживающие на Севере и Юге Корейского государства и в других странах? Вопросы не случайны. Так, проведённый анкетный опрос выявил ощущение существенной разницы между «нами» и «ими». Около 20% опрошенных узбекистанских корейцев считают, что другие корейцы – это близкие соплеменники, около 40% – что дальние соплеменники, и около 40% – что это просто иностранцы⁶.

Если всё это так, как отвечали респонденты, то являемся ли мы все корейцами? Большинство отвечало, что ощущают себя таковыми (т.е. корейцами). Однако анкетирование выявило наличие прослойки лиц, либо не ощущающих себя корейцами (около 6%), либо затрудняющиеся ответить, кто они – корейцы или нет (около 7%). Таким образом, почти для 13% опрошенных констатация однозначной принадлежности к корейскому этносу оказалась проблематичной. Исследование И. Югая также зафиксировало наличие такой прослойки (4,9%)⁷.

Для большинства узбекистанских корейцев быть корейцем означает иметь родителей корейцев. Этот фактор на первое место среди других маркеров идентификации поставили около 70% опрошенных. Однако выяснилось, что констатация генетической принадлежности к корейскому этносу является недостаточной для идентификации узбекистанских корейцев. Потребовалась её детализация, которая показала, что более 50% опрошенных причисляют себя к русским корейцам и более 30% – к узбекским. Причём, более 40% анкетировуемых домини-

рующим в своей этнической природе назвали не корейское начало, а русское или узбекское⁸.

Столь неоднозначная самоидентификация корё сарам вытекает из смешанного характера их культурного генофонда. Из него вытекают и другие особенности идентификации корё сарам. Например, узбекистанские корейцы предпочитают полиэтничное окружение (более 80%) корейскому. Иными словами, они предпочитают атмосферу взаимодействия различных культур, нежели монополии одной культуры, поскольку сами являются продуктом полиэтничного окружения и синтеза разных культур. Отсюда и спокойное отношение к межнациональным бракам: чуть более 30% респондентов отнеслось к этому отрицательно, в то время как остальные – либо положительно, либо нейтрально («никак»).

Одним из важных индикаторов этнической идентичности часто называют язык. В исследовании И. Югая корейский язык занял первое место среди факторов, на основе которых корейцы Узбекистана «наиболее явственно ощущают свою принадлежность к корейской национальности»⁹. Однако в настоящее время язык перестаёт быть столь доминирующим маркером идентификации. Хотя в той или иной форме около половины опрошенных указали язык в качестве идентифицирующего фактора, но на первое место его поставили менее 10% опрошенных.

Является ли корейский язык для нас родным? По данным Всесоюзной переписи населения¹⁰, 55,8% корейцев Узбекистана назвали корейский язык в качестве такового. Однако назвать язык родным и объективный родной язык – две разные вещи, что было подтверждено проведённым нами анкетированием. На вопрос: «На каком языке вы думаете?» – более 85% наших респондентов назвали в качестве такого языка – русский.

В исследовании И. Югая корейский язык занял ведущее место в системе элементов этнической идентификации анкетирруемых. В связи с этим он пишет: «Практически всё взрослое корейское население Узбекистана, независимо от социально-

профессиональной принадлежности, пола и возраста, типа этнической среды, положительно ответили на вопрос о том, должны ли люди владеть языком своей национальности»¹¹. Результаты нашего анкетирования уже дают другую картину. Большинство (но уже не абсолютное, около 75%) анкетиремых так или иначе хотели бы знать корейский язык. Но точно так же предметом предпочтений стал и английский язык (также около 75%). Когда же встал вопрос о том, какой язык наши респонденты хотели бы знать в первую очередь (по пятибалльной шкале), корейский язык выбрали лишь половина опрошенных. Близкие позиции (около 45%) занял английский язык.

Говорят: «Послушай, какие песни поёт человек, и ты поймешь его душу». Более 80% наших опрошенных поют русские песни, и лишь около 20% – корейские¹². Но близкую цифру дали и песни на английском языке. При выяснении же предпочтительности тех или иных песен, число людей, поставивших корейские песни на первое место, упало более чем в два раза.

Ещё более ярко выраженная ситуация с предпочтениями корейцев Узбекистана наблюдается в области литературы. Знакомство с корейской литературой обнаружило лишь около 2% опрошенных.

Среди своих любимых праздников (в анкете было указано 13 праздников) узбекистанские корейцы на 1–2-е места поставили Новый год (более 80%). За ним идёт 8 марта, праздник, отсутствующий в Южной Корее (более 30%). На такие же исконно корейские праздники, как Чусок и Оволь Тано, указали менее 7% опрошенных¹³.

Отношение к корейским традициям и обычаям у узбекистанских корейцев также неоднозначно. Более 30% опрошенных всегда им следуют. Небольшая прослойка (около 3%) никогда им не следует. Основная же масса корейцев (более 60%) следует им иногда. Но также иногда они следуют русским и узбекским обычаям (также около 60%). На вопрос: «Как вы отнесётесь к тому, что ваши дети в будущем не будут следовать

корейским обычаям?» – ответы распределились поровну: 50% отнесли к этому отрицательно, остальные либо положительно, либо нейтрально («никак»).

Таким образом, результаты анкетирования показали, что в начале 2000-х гг. «корейское» начало не являлось доминантой в этнокультурной идентичности корё сарам¹⁴. Кроме того, у различных социальных слоев корейской диаспоры степень и уровень проявления этого начала совершенно различны. Всё это позволяет говорить о полифоническом характере диаспоральной идентичности корё сарам.

Исследование 2010 года

В 2010–2011 гг. по гранту Фонда зарубежных исследований было проведено этносоциологическое исследование «Идентичность и адаптивность корейцев Узбекистана в переходный период». В исследовательской группе состояли 8 человек. Были использованы такие методы исследования, как анкетирование, интервью, фокус-группы.

Была составлена анкета, включившая в себя 9 блоков из 83 вопросов. Анкетирование в основном проводилось в г. Ташкенте и Ташкентской области, а также с представителями Джизакской, Кашкадарьинской и Сырдарьинской, Ферганской и Андижанской областей, временно находящихся в Ташкенте. Число анкетированных составило 1 191 чел., из них женщин – 59,1%, мужчин – 40,9%; 5 возрастных групп (16-25 лет, 26-35, 26-45, 46-55, 56-65).

Были также проведены 12 интервью и собрано 9 фокус-групп.

В одном из блоков анкеты были вопросы об идентичности респондентов. На вопрос, ощущают ли респонденты себя корейцами, 74,6% опрошенных ощущают себя корейцами, 13,8% – нет, и 11,6% – в некоторой степени. Однако этническое самоощущение может отличаться от маркеров этнической идентичности.

Родным языком (языком, на котором они думают) является русский язык (80,4%).

Что касается корейского языка, 78,7% опрошенных хотели бы его изучать. Желание изучать язык наиболее сильно проявляется у молодёжи, а затем постепенно падает по мере роста возрастной шкалы: 88,4% (16-25 лет), 82,5% (26-35 лет), 80,4% (36-45 лет), 72,2% (46-55 лет), 69% (56 лет и выше).

Однако желание и реальные шаги – разные вещи. Поэтому на вопрос: «Предпринимаете ли Вы попытки изучать корейский язык?» – 54,9% ответили «да» и 45,1% – «нет». Надо отметить, что анкетирование проводилось в местах компактного нахождения корейцев (в корейских культурных центрах, корейских колхозах, корейских отделениях вузов и Центре корейского образования), где нацеленность на изучение корейского языка более или менее высокая.

В основном люди пытаются учить язык самостоятельно (69,2%), что связано с занятостью, расстоянием и отсутствием профессиональных курсов в областях.

Здесь нужно отметить, что на корейские культурные центры, которых в республике 25 и которые охватывают широкие слои корейцев, приходится незначительное число посетителей, владеющих корейским языком.

Почему большое число корейцев (45,1%) не предпринимают попыток изучения корейского языка (вопрос «Если "нет", то почему?»)? Основные причины нежелания изучать корейский язык – в его невостребованности в современной жизни корейцев Узбекистана, и такое же ощущение этой невостребованности в будущем. Причём исследование проводилось до того бумажного устройства на работу в Южной Корее, который имеет место в последнее десятилетие. Вполне возможно, что подобное же анкетирование, проведённое сегодня, дало бы иную картину с ответами.

Следуют ли корейцы Узбекистана корейским обычаям?

Таблица 10.1.

Каким национальным обычаям Вы следуете (в %)

	Корейские обычай	Русские обычай	Узбекские обычай	Другие (христианские, татарские, американские)
Всегда	57,4	10,7	5,4	0,5
Никогда	2,8	23,4	44,3	92,7
Иногда	39,8	65,8	50,3	6,8

Данные таблицы 10.1 указывают на три тенденции: 1) лишь 2,8% опрошенных не следуют корейским обычаям; 2) на обычаях корейцев существенно сказываются обычаи иноэтнического окружения; 3) появилась прослойка корейцев, начавшая следовать новым обрядам вновь прибывающих иностранцев (корейских и американских протестантов).

Эта неоднозначность идентичности корё сарам проявляется и в отношении к вопросу, будут ли их дети справлять корейские обычаи (вопрос E13). 22,7% ответили положительно, 33,8% – нейтрально и 43,6% – отрицательно. Наибольшее отрицание было высказано в самой старшей возрастной группе (свыше 56 лет) – 52,4% и меньшее в самой молодой группе (16-25 лет) – 37,7%. В остальных группах отрицательное отношение высказывали от 40 до 44,6%.

Ещё одним маркером этнической идентичности являются праздники. И здесь корё сарам демонстрируют приверженность к различным праздникам: корейским, русским, советским, узбекским, международным и др. Если же говорить о предпочтениях, то пальму первенства занимает Новый год по Григорианскому календарю (88,7%).

Поликультурная идентичность проявляется и в песенной культуре корё сарам. Когда респондентам было предложено назвать конкретных а) исполнителей/ансамбли и 2) песни, то предпочтения были высказаны следующим образом: русско-советские певцы/ансамбли и песни – 63,4% и 56,4%, соответ-

ственно; зарубежные – 38,1% и 40,8%; корейские – 19,4% и 22,6%; узбекские – 8,8% и 5,6%.

Ещё большие предпочтения к русско-советской и зарубежной культуре были высказаны в отношении литературы (вопрос: «Назовите 3 Ваших любимых писателя и поэта?»): русско-советские имена – 68,3%; зарубежные – 46,4%; корейские – 9,1%; узбекские – 3,5%. В отличие от песен и мелодий, литературные произведения требуют перевода. Корейская литература практически не представлена для русскоязычного читателя, что и сказывается в литературных предпочтениях корё сарам.

Что касается южнокорейских фильмов, то они широко представлены в русском переводе на видеорынке Узбекистана, а также на местном и российском телевидении, что сразу сказалось на их популярности.

Традиционно национальные средства массовой информации считаются очагами национальной культуры. В Узбекистане они представлены газетой «Корё синмун» и телепередачей «Чинсэн». Большинство корейцев (79,4%) слышали о «Корё синмун», а 20,6% – нет. Однако 41,4% не читают её, редко читают – 26,7%; часто – 17,4%; всегда – 14,5%. Такая ситуация говорит о необходимости поддержки и развития газеты.

Ситуация с программой «Чинсэн». Почти половина опрошенных (45,5%) о ней не слышали. Не смотрят ее 57,4%, редко смотрят – 21,3%, часто – 11,6% и всегда – только 9,7%.

Так, на вопрос «Кто для Вас зарубежные корейцы?», 33,1% респондентов ответили – «просто иностранцы», 37,8% – «далёкие соплеменники» и 29% – «близкие соплеменники».

Исследование М. Д. Тена

Диссертация М. Д. Тена – первая диссертация, посвящённая вопросам идентичности корё сарам (на материалах корейцев Узбекистана)¹⁵. Диссертант провёл анкетный опрос, который охватил 500 человек в г. Ташкенте и Ташкентской области,

опросил методом глубинного интервью 21 корейца и провёл 3 экспертных интервью.

В процессе исследования М. Тен пришел к следующим выводам:

– трансформация этнокультурной идентичности диаспоры происходит вследствие воздействия на нее внешних и внутренних факторов. При этом изменение этнокультурной идентичности является процессом, имеющим объективную и субъективную стороны. Объективные процессы развития этничности представлены самим ходом исторического процесса, с его стихийностью и непредсказуемостью. Субъективизм представлен процессом «воображения», «искусственного созидания», которые являются продуктом деятельности интеллектуалов, политиков и общественных деятелей. В результате воздействия различных факторов формируется многоуровневая структура диаспорной этнокультурной идентичности;

– степень изменения маркеров этнокультурной идентичности зависит от удалённости от этнического ядра. Чем ближе этническое ядро, тем сильнее происходит «культурная подпитка» этнической диаспоры, тем более она устойчива к воздействию внешних факторов трансформации. На удалении от этнического ядра «культурная подпитка» снижается, так же как и уровень устойчивости к внешним факторам воздействия;

– традиционная культура этнической диаспоры также подвергается трансформации и аккультурации в виде заимствования черт культуры иноэтнического окружения. Изменяются все стороны традиционной жизни диаспоры, начиная с элементов материальной культуры и заканчивая формами духовной жизни;

– в процессе изменения этнокультурной идентичности диаспора может создавать свои собственные уникальные элементы культуры, не свойственные ни культуре исторической родины, ни культуре иноэтнического окружения;

– значительное изменение этнических маркеров не ведёт к

полной ассимиляции. Более того, при определённых историко-политических условиях традиционная идентичность этнической диаспоры может актуализироваться;

– изменение маркеров этнокультурной идентичности замедляется в районах компактного проживания этнической диаспоры. При дисперсной локализации этнической группы трансформация происходит быстрее¹⁶.

Опрос М. Тена зафиксировал, что хотя большинство респондентов следуют корейским обычаям (рождение ребёнка, свадьба, хангаб, похоронно-поминальная обрядность), некоторые обычаи теряют своё значение. Так, 21,6% молодых людей указали, что лишь частично соблюдают сватовство по корейским обычаям, а 5% указали, что не соблюдают. В сравнении с представителями средней и старшей возрастных групп это сильное изменение. Например, среди представителей старшего поколения доля соблюдающих данный обряд составляет 91,1%¹⁷.

Несмотря на распад СССР, многие корейцы до сих пор ощущают свою сопричастность к нему и его правопреемнице – Российской Федерации. При ответе на вопрос, за команду какой страны респонденты болеют во время просмотра спортивных соревнований, большинство отметили Россию (57,8%). За Узбекистан болеют 38,6% респондентов и 28,8% опрошенных болеют за Корею. Россия, как преемница СССР, в сознании многих корейцев Узбекистана продолжает оставаться «своей» страной. В ходе интервью исследования некоторые респонденты, говоря о российских спортсменах, по привычке произносят «наши». При этом важно заметить, что на долю болеющих за Узбекистан и Корею также приходятся значимые показатели¹⁸.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Югай И. Г. Об этнической идентификации советских корейцев (по материалам конкретно-социологических исследований) // Известия о корееведении в Казахстане и Средней Азии. – Алматы-Хельсинки. №4, 1993.

² Югай И. Г. Развитие современных языковых процессов в инонациональной среде: Автореф. дисс... канд. истор. наук. – М., 1982. – 22 с.

³ Хан В. С. К вопросу об этнокультурной идентичности корейцев Узбекистана (по данным социологического исследования) // История, культура и быт корейцев Казахстана, Кыргызстана и Узбекистана. – Бишкек, 2003; Khan, V. The Korean Minority in Central Asia: National Revival and Problem of Identity // "International Journal of Central Asian Studies". Vol. 3. 1998, pp. 66-77.

⁴ 중앙아시아 한인들의 정체성 문제 // 귀 희 영, Valery Han, 반 병 룰. «우즈베키스탄 한인의 정체성 연구», 한국정 신문회연 구원, 2001.

⁵ На первом этапе (2000 г.) в анкетировании принимали участие южнокорейские учёные Квон Хи Ёнг (Академия корейских исследований, Пундан) и Бан Бюнг Юль (Университет зарубежных исследований, Сеул).

⁶ Хан В. С. К вопросу об этнокультурной идентичности корейцев Узбекистана (по данным социологического исследования) // История, культура и быт корейцев Казахстана, Кыргызстана и Узбекистана. Материалы международной научной конференции. Бишкек, 6 февраля 2003 г. – Бишкек: Бишкекский гуманитарный университет, 2003. – С. 74.

⁷ Югай И. Г. Об этнической идентификации советских корейцев (по материалам конкретно-социологических исследований) // Известия о кореевведении в Казахстане и Средней Азии. – Алматы-Хельсинки. № 4. 1993. – С. 29.

⁸ Такая ситуация характерна не только для корейцев СНГ. Однажды я познакомился с Эрнестом Чангом, выпускником Гарварда. Первая наша встреча была случайной, на улице в Ташкенте. Когда я спросил его, кореец ли он, Эрнест ответил, что он американец. На моё уточнение, является ли он американским *корейцем* (American Korean), Эрнест, в свою очередь, уточнил, что он корейский *американец* (Korean American), тем самым подчеркнув, что в его самоидентификации самым важным является то, что он американец, и уж на втором плане его этнические корни. Как и у большинства нашей молодёжи, познания Эрнеста в области корейского языка оставляли желать лучшего, хотя его родители – непосредственные выходцы из Кореи.

⁹ И. Г. Югай. Указ. соч. – С. 26.

¹⁰ «Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 г. Распределение населения отдельных национальностей по полу, состоянию в браке, уровню образования, родному языку и второму языку народов СССР по Республике Узбекистан». – Т., 1991. – С. 26.

¹¹ Югай И. Г. Указ. соч. – С. 30.

¹² «Сфера бытования корейского традиционного фольклора, – пишет М. Ким, – в основном ограничена старшей возрастной группой. ...Молодое поколение, в основной массе, утратив язык, не зная традиций, не имея опыта в восприятии народной музыки, не проявляет интереса к фольклору». – Ким М. Р. Музыкальная культура корё сарам // Известия о кореевдении в Казахстане и Средней Азии, – Алматы-Хельсинки. № 4, 1993. – С. 32.

¹³ Аналогичная ситуация зафиксирована и У. Паттерсон среди американских корейцев: «Корейцы второго поколения в основном отмечают только американские праздники». – *Patterson, W. To be Korean or American. Negotiating Korean Identity among Koreans in Hawaii, 1903-1945.* – “Korean Identity in the New Millennium”. June 27-29. 2000. Pundang, Academy of Korean Studies. Panel 6. – P. 11.

¹⁴ Касаясь проблемы сохранения традиционных ценностей среди американских корейцев различных поколений, У. Паттерсон заключает: «В конфликте между соблюдением корейских ценностей или принятием американских ценностей первое поколение в целом не добилось успеха в том, чтобы их дети – второе поколение – следовало корейским ценностям». – *Patterson W.* Указ. соч. – С. 29.

¹⁵ *Тен М. Д.* Формирование, развитие и трансформация этнокультурной идентичности корейцев Узбекистана: Дисс... канд. истор. н. – Т., 2011. – 253 с.

¹⁶ Там же. – С. 10.

¹⁷ Там же. – С. 131.

¹⁸ Там же. – С. 142.

§ 2. Межнациональные браки

Одним из факторов трансформации традиционной и гомогенной этнокультурной идентичности корё сарам стали межнациональные браки. Инициатором их изучения стала казахстанская исследовательница *Наталья Борисовна Ем*. С 1997 по 2004 годы она опубликовала серию статей по этой теме¹, а в 2004 г. защитила кандидатскую диссертацию².

Автор изучила записи архива ЗАГСа различных городов Казахстана (Алматы, Кызылорды, Талдыкоргана, Уштобе) различных лет (начиная с 1940-х годов). Выбор урбанистических ареалов был вызван тем, что «именно города, кроме нивелирования национальных различий в культуре, выполняли важнейшую функцию центров консолидации наций, именно в городе, среди вчерашних сельских мигрантов, происходили смешение локальных диалектов и бытовых поведенческих норм, заимствования в пище и одежде, и именно в городах происходила перестройка структуры этнического самосознания и даже смена этнической самоидентификации»³.

Данные записей ЗАГСа показывают, что наибольшее количество браков корейцы заключают с русскими. Автор связывает это обстоятельство с особенностями русских как возможных брачных партнёров, так как считает, что рост межнациональных браков связан, прежде всего, не с национальной палитрой, а с наличием тех национальностей, которые мобильны в создании таких браков. «На долю национально-смешанных семей, – пишет Н. Ем, – сильнее всего влияет не этническая мозаичность (количество этнических групп, которые входят в состав населения), а представительство в населении города национальностей, играющих наиболее активную роль в развитии межнациональной брачности, в данном случае – русских»⁴.

Были также выявлены предпочтения корейцев в отношении различных этнокультурных групп в разрезе полов. «Если

в браки с "европейцами" у корейцев в равной степени вступают как мужчины, так и женщины, то в браки с представителями мусульманских народов вступают, как правило, только кореянки»⁵.

Причём, если в 1940–1950-е гг. кореянки практически не вступали в национально-смешанные браки, в 1970–1980-е гг. число национально-смешанных браков с их участием не просто увеличивается, но почти догоняет число таких браков мужчин-корейцев⁶.

Рассматривая различные причины роста межнациональных браков среди корейцев, Н. Ем, приходит к выводу, что «рост численности национально-смешанных браков – одно из следствий стирания традиционного образа жизни. Наиболее характерная черта традиционной системы межличностных отношений – зависимость отдельного человека от родственных и соседских связей, имеющая как социально-психологическое, так и экономическое выражение»⁷. Причём это влияние больше сказывается на девушках и меньше – на юношах. Но эта ситуация, начиная с 1960-х гг., меняется по мере повышения образовательного и профессионального уровня женщин⁸.

Автор затрагивает и возрастной аспект межнациональных браков. В них чаще вступают люди более взрослые. Часто это люди, имеющие большой опыт межнационального общения, например, прошедшие службу в армии⁹. «В однонациональные браки, – пишет Н. Ем, – чаще вступают ровесники, разница в возрасте к-рых не превышала двух лет. Разновозрастные браки, где жених заметно старше невесты или невеста старше жениха, чаще встречаются среди межнациональных»¹⁰.

Говоря о разводах, автор указывает на то, что в 1950–1970-х гг. уровень разводов в межнациональных браках был значительно выше, чем в однонациональных. «К 1980-м годам эти два показателя становятся примерно одинаковы. <...> Экономическая независимость взрослых членов семьи или супругов создаёт основы равноправия в решении важных семейных дел». Рань-

ше инициатором развода был только мужчина, а теперь ими становятся и женщины. Соглашаясь с тем, что экономическая независимость женщин является важной составляющей причин разводов, я думаю, к ней нельзя сводить эти причины.

Во-первых, идея гендерного равноправия является принципиальной в советской идеологии. Суды, рассматривающие разводы или иные аспекты отношений в семье, всё чаще встают на сторону женщин, что придаёт им уверенности в бракоразводных процессах. *Во-вторых*, в советском государстве была создана сильная система социальной защиты и социальных услуг (бесплатное образование и медицина, детские ясли и сады, летние лагеря, всевозможные льготы), что, снова же, меняло возможности разведённой женщины. *В-третьих*, разведённая женщина перестала рассматриваться обществом как существо второго сорта; наоборот, матери-одиночки часто становились объектом заботы и льгот. И, *в-четвёртых*, разведённые или брошенные женщины перестали рассматриваться как люди, которым уже не суждено выйти замуж вторично, причём быть счастливыми в новом браке. Последнее очень важно, поскольку создавалась новая ситуация, когда для разведённых женщин (и даже с детьми) по-прежнему оставались перспективы счастливого замужества. В этой ситуации развод переставал рассматриваться как крайняя мера, после которой «вся жизнь сломана».

Национальность в межнациональных браках чаще бралась по отцу, что отмечает автором.

Какая культура является доминирующей в межнациональном браке: корейская, русская, иная? Автор считает взгляд на ассимиляцию в межнациональных браках несостоятельным и предпочитает говорить о теории межэтнической интеграции¹¹.

В Узбекистане межнациональные браки среди корейцев изучались *Мариной Ивановной Козьминой*, которая опубликовала ряд статей по этой теме¹². Что очень важно, наряду с работа-

ми, непосредственно посвященными межнациональной брачности в Узбекистане, М. Козьминой принадлежит статья по историографии этого вопроса¹³, которая содержит и критику. Так, в отношении работ Г. Ли автор пишет: «Они написаны по принципу "сборной солянки", отличаются эклектизмом, непоследовательностью и отсутствием системности, а выводы её довольно претенциозны. Автор зачастую даёт свои предписания по поводу семейно-брачных отношений в качестве нормативных, не учитывая разнообразия, сложившегося в той или иной семье, роду, общине или ареале»¹⁴.

В своих работах М. Козьмина фиксирует рост межнациональных браков среди корейцев. Она приводит следующие расчёты.

Число вступивших в брак в 2012 г. в Узбекистане корейцев составило 1 719 человек, мужчин – 1 001, а женщин – 718. Даже если все корейки вышли замуж за корейцев, можно сделать вывод, что 283 мужчин вступило в межнациональный брак, что составляет 28,3%. Однако, если учесть, что рост межнациональных браков растёт и среди кореенок, то процент межэтнической брачности среди корейцев окажется ещё выше.

Число вступивших в брак в 2008 г. в Узбекистане корейцев составило 2 243 человека, мужчин – 1 354, а женщин – 889. Даже если все корейки вышли замуж за корейцев, можно сделать вывод, что 465 мужчин вступило в межнациональный брак, что составляет 34,3%.

В 1998 г. число вступивших в брак в Узбекистане мужчин-корейцев 1 100, а женщин-кореенок – 1 065, т. е. по меньшей мере 35 мужчин вступило в межнациональный брак. Таким образом, количество корейцев, вступивших в межнациональные браки с 1998 по 2012 гг., резко увеличилось.

Если говорить о Ташкенте, то число вступивших в брак в 2012 г. в г. Ташкенте мужчин-корейцев – 621, а женщин-кореенок – 409, т.е. по меньшей мере 212 мужчин вступили в межнациональный брак. Число вступивших в брак в 2008 г. в

г. Ташкенте мужчин-корейцев – 944, а женщин-корейнок – 523, т.е. по меньшей мере 421 мужчина вступил в межнациональный брак. По сравнению с 1998 г. число вступивших в брак в г. Ташкенте мужчин-корейцев – 396, а женщин-корейнок – 403. Количество мужчин-корейцев, вступающих в межнациональные браки, преобладает. С 1998 по 2012 гг. по г. Ташкенту, как и по Узбекистану в целом, наблюдается динамика увеличения количества межнациональных браков¹⁵.

Тема межнациональной брачности присутствовала и в социологических исследованиях автора настоящей книги и его статьях. В исследовании 2000–2001 гг., охватившем 400 человек, был специальный вопрос об отношении респондентов к межнациональным бракам. 30% опрошенных отнеслись отрицательно к межнациональным бракам, остальные – либо положительно, либо нейтрально¹⁶.

В упоминаемом выше социологическом исследовании по идентичности корё сарам в 2010–2011 гг. – 47,6% опрошенных отнеслись к межнациональным бракам нейтрально, 31,1% – больше положительно, чем отрицательно, и 21,2% – больше отрицательно, чем положительно.

В исследовании М. Тена опрос показал, что большинство респондентов (43,8%) относится к смешанным бракам положительно, причём мужчины чаще одобряют такие браки (50,2%), нежели женщины (40%).

Для 86% респондентов наиболее предпочтителен брак с корейцем/корейкой. По возрастным группам этот показатель варьируется в пределах 84–87%. На втором месте, хотя не со столь значительными цифрами, следует брак с русским/русской – 3,4%. Кроме того, присутствует определённый процент тех, для кого браки с русскими и корейцами равны по предпочтению – 1,2%.

Для корейской молодёжи вступление в межнациональный брак уже не видится проблемой. Для 33,3% молодых корейцев нет разницы, вступят ли они в брак с корейцем/корейкой или

нет. Они понимают, что межнациональный брак может быть удачным, но при этом внутренне они склоняются в сторону представителей своего этноса.

Как показали интервью, старшее поколение принимает межнациональный брак, потому что «детям всё равно не запретишь». Хотя представители старшего поколения единодушно говорили, что в своё время они не могли представить себе брак с некорейцами. Данные опроса показали, что 71,2% опрошенных состоят (состояли) в браке с представителями своего этноса. С русскими в браке состоят 1,8%, с узбеками – 0,8%.

Опрос среди не состоявших в браке показал, что большая часть корейской молодёжи намеревается вступить в брак с корейцем/корейкой (70%)¹⁷.

В Кыргызстане вопросы брака и семьи корейцев рассматривались в работах Г. Н. Ли, но они не имеют научной ценности, поскольку представляют некоторые известные всем сведения о традиционной корейской семье, семейных обрядах жизненного цикла, а также различного рода назидания относительно супружеской неверности, опасности венерических заболеваний и т.д.¹⁸

В последние годы в качестве межнациональных рассматриваются браки корё сарам не только с гражданами СНГ, но и с гражданами Южной Кореи¹⁹. Известны случаи выхода корейских девушек за граждан Австрии, Великобритании, США и гражданских браков с мужчинами различных стран.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Ем Н.* К проблеме национально-смешанных браков (по результатам актовых записей горархива ЗАГС Алматы) // Известия корееведения Казахстана. Вып. 2. – Алматы, 1997; К проблеме межнациональной брачности // Сотрудничество. Материалы международной научно-практической конференции. Ч. 2 – Алматы, 1997; Изменения в социальных характеристиках корейского этноса и влияние его на динамику национально-

смешанных браков в период урбанизации 70-80-х гг. XX века // Известия корееведения в Центральной Азии. Вып. 1-2. 2005. – С. 9-26. См. также: *Ким Г. Н.* Межнациональные браки среди корейцев г. Алматы // Материалы международной конференции. – Тэгу: Университет Кемёнг, 1998; *Ким Г. Н.* Межэтнические браки среди корейского населения г. Алматы, Казахстан // Korea Forum. (Osnabrueck). № 1. 1999.

² *Ем Н. Б.* Межнациональные браки корейцев Казахстана в 30-90-е годы XX века (историко-демографический аспект). – Автореф. дисс... канд. истор. н. – Алматы, 2004.

³ *Ем Н.* К проблеме национально-смешанных браков (по результатам актовых записей горархива ЗАГС Алматы) // Известия корееведения Казахстана. Вып. 2. – Алматы, 1997. – С. 41.

⁴ Там же. – С. 43-44.

⁵ Там же. – С. 45.

⁶ Там же.

⁷ Там же. – С. 45-46.

⁸ Там же. – С. 46.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. – С. 49.

¹² *Kozmina M.* Globalization as a factor of increase of international marriages and making of heterogeneous society // International conference on Central Asia and globalization. 13-14 июля 2009. – Бишкек. – С. 67-68. *Козьмина М.* Межэтническая брачность корейцев Центральной Азии: факторы, состояние и тенденции // Востокведение. № 1. 2009. – С. 83-88; *Она же:* Опыт социологического исследования межнациональной брачности среди корейцев Узбекистана. Материалы 6-ой международной конференции «Корейцы Узбекистана: достижения, проблемы, перспективы развития», посвящённой 75-летию проживания корейцев в Узбекистане. 10–11 ноября 2012. Ташкент // Вестник Гинбо. № 2. 2012. – С. 133-138; Межэтнические браки среди корейцев Узбекистана и Казахстана. Материалы 1-й международной конференции // «Корейская диаспора на территории России». 17–19 июня 2013 г. – С. 103-111; К вопросу об общих инвариантах в культуре узбеков и корейцев // Марказий Осиё ва Корея: кадимда ва хозирги кунда. Илмий семинар материаллари. 31 мая 2013. Тошкент. – Т., 2013. – С. 64-68; Об этнокультурной идентичности межнациональных браков в корейской диаспоре Узбекистана (по данным полевого исследования) // Международная научно-практическая конференция, посвящённая 150-летию добровольного переселения корейцев в Россию. 19 апреля 2014 г., г. Новосибирск. – Новосибирск, 2014. – С. 113-121.

- ¹³ Козьмина М. Об историографии семейно-брачных отношений корейцев Центральной Азии // Известия корееведения Казахстана. Вып. 6 (14), 2007.
- ¹⁴ Там же. – С. 307.
- ¹⁵ Козьмина М. И. Об особенностях межнациональных браков корейцев Узбекистана // Корё Сарам. К 150-летию переселения корейцев в Россию. – М., 2014. – С. 202.
- ¹⁶ Хан В. С. К вопросу об этнокультурной идентичности корейцев Узбекистана (по данным социологического исследования) // История, культура и быт корейцев Казахстана, Кыргызстана и Узбекистана. Материалы международной научной конференции. Бишкек, 6 февраля 2003 г. – Бишкек, 2003. – С. 73.
- ¹⁷ Тен М. Д. Формирование, развитие и трансформация этнокультурной идентичности корейцев Узбекистана: Дис... канд. истор. н. – Т., 2011. – С. 134-135.
- ¹⁸ Ли Г. Н. Семейные устои корейцев Корё Сарам. – Бишкек, 2002.
- ¹⁹ Курманбекова К. Отношение современных казахстанских девушек к межэтническому браку с гражданином Южной Кореи // Известия корееведения в Центральной Азии. Вып. 21. 2014. – С. 289-291; *Yem Natalya and Epstein Stephen J.* Social Change and Marriage Patterns among Koryo Saram in Kazakhstan, 1937–1965 // *Seoul Journal of Korean Studies* 28, № 2 (December 2015): 133-152.

Глава XI. КОРЕЙЦЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В СПРАВОЧНО-БИОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

В 1990-х – начале 2000-х в Казахстане, Узбекистане, Кыргызстане и России появляется ряд публикаций о корейцах справочно-биографического жанра, который ранее отсутствовал. Их можно подразделить на два вида:

- работы о республиканских диаспорах в целом;
- работы, описывающие корейские общины по какому-либо признаку – территориальному или корпоративному.

В России в 2003 г. публикуется большая «Энциклопедия корейцев России» из 1 438 страниц. Правда, она не вполне отвечает требованиям этнической энциклопедии; достаточно сказать, что там много статей по естественно-техническим наукам (написанных руководителями проекта).

В Кыргызстане как таковых справочников по корейцам не выходило. Но определённую информацию об истории корейской организации республики и известных её представителях можно почерпнуть из ряда книг¹. Их нельзя назвать справочниками, но общий объём сведений позволяет говорить о возможности составления такого справочника.

§ 1. Корейцы Казахстана

Пионерами в выпуске такого рода справочников стали казахстанские корейцы. Первым в этом ряду стал энциклопедический справочник «Советские корейцы Казахстана» (составители Мен Д. В., Квон Л. А., Ким З. В., Пан Н. Г.), вышедший большим тиражом (15 000 экз.) в 1992 г.² Справочник включал

предисловие, два основных раздела («Герои ратных подвигов и мирного труда» и «Заслуженные работники народного хозяйства»), приложение («Демографическая характеристика корейцев Казахстана») и алфавитный указатель.

Первый раздел делится, в свою очередь, на подразделы «Участники гражданской и Великой Отечественной войн», «Герои Социалистического Труда», «Матери-героини», «Депутаты Верховного Совета СССР и Казахской ССР».

Второй раздел также имеет дробную структуру: «Промышленность», «Сельское хозяйство», «Строительство и архитектура», «Торговля, общепит, бытовое обслуживание», «Народное образование», «Здравоохранение», «Наука», «Литература», «Искусство», «Финансы и государственное страхование», «Юстиция», «Культура и спорт».

Всего справочник включает 362 биографии известных людей³.

По данным справочника, среди корейцев республики 67 Героев Социалистического Труда – все труженики сельского хозяйства. О признании роли корейцев в сельскохозяйственном производстве говорят и занимаемые ими должности в этой области: 15 колхозов и 11 совхозов республики возглавляли корейцы (см. Приложение, таблица)⁴.

Справочник даёт следующие сведения о корейцах-казахстанцах, занимавших высокие должности в различных отраслях народного хозяйства:

– в области сельского хозяйства: начальник Управления птицеводства Министерства сельского хозяйства СССР (Пак А. А.), замминистра мясной и молочной промышленности Казахской ССР (Хван В. И.), генеральный директор Кустанайского производственного объединения по птицеводству (Ли Ф. И.), генеральный директор Кокчетавского производственного объединения по птицеводству (Цой Н. П.) и другие;

– в области промышленности и транспорта: замминистра автодорог Казахской ССР (Хегай А. Ю.), директор Джекказган-

ского медеплавильного завода (Ли И. Е.), директор экспериментального завода коммунального оборудования (Ли Г. Н.), управляющий треста Алма-Атастрой (Хегай А. Ю.), начальник производственного объединения «Казселезащита» (Хегай А. Ю.); начальник Риддерского рудника (Цой Н. Д.) и другие;

– в области финансов и страхования: зам. начальника Главного управления Госстраха Казахской ССР (Ким Г. В.), зав. финансовым отделом Мангышлакской области (Пак А. П.), зам. управляющего Казахской республиканской конторы Стройбанка СССР (Цай К. А.), зам. председателя правления Казахского республиканского банка Промстройбанка СССР (Цай К. А.) и другие;

– в области здравоохранения: начальник отдела науки Минздрава Казахской ССР (Цой И. Г.), главный акушер-гинеколог Целиноградского крайздравотдела (Цай Н. И.), главный акушер-гинеколог Акмолинского облздравотдела (Пак М. Н.), главный хирург Алма-Атинского облздравотдела (Нигай Г. А.), главный хирург Целиноградского облздравотдела (Цой Г. В.), главный хирург Кзыл-Ординского облздравотдела (Ким М. Н.), главный хирург Джамбульского облздравотдела (Пак Н. Р.), главный врач Кзыл-Ординского областного тубдиспансера (Угай Д. Д.) и другие;

– в области науки и высшего образования: зам. президента АН Казахской ССР (Пак И. Т.), председатель Совета по изучению производительных сил при Президиуме АН Казахской ССР (Ким И. Л.), ректор Карагандинского кооперативного института (Ли В. Д.), проректор Карагандинского кооперативного института (Цхай С. М.), проректор Целиноградского пединститута (Ли Н. Н.), проректор Алма-Атинской Высшей партийной школы (Хан Г. Б.), проректор Алма-Атинского зооветеринарного института (Хван М. В.), проректор Казахского института физической культуры (Хван М. У.), директор Казахского научно-исследовательского института судебных экспертиз Минюста Казахской ССР (Хван В. А.), зам. директора

Алтайского горно-металлургического института (*Хан О. А.*), зам. директора Института геологических наук АН Казахской ССР (*Ли В. Г.*), зам. директора Института металлургии и обогащения АН Казахской ССР (*Ни Л. П.*), зам. директора Института математики и механики АН Казахской ССР (*Пак И. Т.*), зам. директора Института философии и права АН Казахской ССР (*Югай Г. А.*), зам. директора Научного центра региональных проблем питания АМН СССР (*Цой И. Г.*), зам. директора Института клинической и экспериментальной хирургии Минздрава Казахской ССР (*Нигай Г. А.*), зам. директора Кзыл-Ординского пединститута (*Ким Е. И.*), зам. директора Казахского научно-исследовательского ветеринарного института (*Хван М. В.*), зам. директора Корейского пединститута в Кзыл-Орде (*Ни П. Ф.*), зам. директора Угольного института (*Ким О. В.*), зам. начальника Карагандинской Высшей школы МВД СССР (*Ким В. А.*).

Корейцы также были деканами – Алма-Атинского института народного хозяйства (*Ли В. Д.*), Казахского государственного университета (*Хван В. А.*), Казахского педагогического института (*Ни П. Ф.*), Кзыл-Ординского педагогического института (*Ким Е. И.*), Корейского педагогического института в Кзыл-Орде (*Ни П. Ф.*), Талды-Курганского педагогического института (*Когай Р. Д.*).

Они заведовали кафедрами – в Алма-Атинской высшей партийной школе (*Хан Г. Б.*), Алма-Атинском зооветеринарном институте (*Хван М. В.*), Алма-Атинском институте инженеров железнодорожного транспорта (*Пак М. А.*), Алма-Атинском институте народного хозяйства (*Ким И. Л., Ли В. Д.*), Алма-Атинском юридическом институте (*Хван В. А.*), Карагандинском кооперативном институте Центросоюза СССР (*Цхай С. М.*), Карагандинском политехническом институте (*Ким В. А.*), Кзыл-Ординском педагогическом институте (*Ким Е. И., Пак М. А.*), Казахском государственном университете (*Ким В. А., Ким Е. И., Пак С. П.*), Казахском педагогическом институте (*Ни П. Ф.*), Ка-

захском институте физической культуры (Хван М. У.), Корейском педагогическом институте в Кызыл-Орде (Ни П. Ф.), Усть-Каменогорском строительно-дорожном институте (Хан О. А.), Целиноградском медицинском институте (Цой Г. В.), Целиноградском сельскохозяйственном институте (Ли Н. Н.).

Если говорить о НИИ и научно-исследовательских лабораториях вузов, то корейцы работали:

– зав. отделами в Институте философии и права (Ким В. А., Югай Г. А.), Институте экономики АН КазССР (Шим П. С.), Казахского НИИ животноводства (Пак Д. Н.);

– зав. отделениями в КазНИИТ (Низгай Г. А.) и Институте зоологии АН КазССР (Пак С. М.);

– зав. секторами в Институте горного дела (Цой Самен);

– зав. лабораториями во Всесоюзном институте методики и разведки (Ли В. Г.), ВНИИ цветмета (Хан О. А.), Институте геологических наук АН КазССР (Ли В. Г.), Институте зоологии АН КазССР (Пак С. М.), Институте горного дела (Цой Самен); Институте математики и механики АН КазССР (Ким Е. И., Пак И. Т.), Институте металлургии и обогащения АН КазССР (Ни Л. П.), Казахском государственном университете (Пак С. П.), Казахском научно-исследовательском ветеринарном институте (Хван М. В.), Усть-Каменогорском строительно-дорожном институте (Хан О. А.).

Итого, по справочнику, количество высоких должностных позиций в системе науки и высшего образования, занимаемых корейцами, выглядит следующим образом:

– 1 ректор и 8 проректоров (зам. директоров, зам. начальников), 6 деканов и 19 заведующих кафедрами высших учебных заведений;

– 1 директор и 9 заместителей директоров, 4 заведующих отделами, 2 заведующих отделениями и 1 заведующий сектором научно-исследовательских институтов;

– 11 заведующих лабораториями НИИ и вузов.

Данный список нельзя назвать полным, что выявляется при

знакомстве с другими справочниками. В области искусства и спорта справочник указывает следующих людей:

– в области искусства: главный художник Талды-Курганского облмуздрамтеатра (Кан Г. М.); художественный руководитель Республиканского корейского драматического театра (Ким В. Е.); концертмейстер национального оркестра Казрадио и оркестра им. Курмангазы (Кан П. П.) и другие;

– в области спорта: старший тренер по боксу Казахской ССР (Цхай Ю. А.), тренер сборной команды СССР и национальной команды Республики Корея по боксу (Цхай Ю. А.), тренер футбольной команды Алма-Аты «Динамо» (Чен Ир-Сон), старший тренер футбольных команд Ташкентской области «Политотдел», Целиноградской области «Целинник», Алма-Аты «Кайрат» (Чен Ир-Сон), советник по футболу в Республике Бенин (Чен Ир-Сон), старший тренер сборной команды Казахской ССР и председатель Федерации Казахской ССР по конькобежному спорту (Хван М. У.), старший тренер сборной команды Казахской ССР по велосипедному спорту (Хван М. У.), председатель Главного тренерского совета Казахской ССР (Хван М. У.).

Многие корейцы Казахстана были удостоены различных почётных званий как республиканского, так и союзного уровня. В тексте справочника указано 172 корейца, награждённых почётными званиями. Из них 4 удостоены звания «народный» (Казахской ССР) и 168 – звания «заслуженный», в том числе 4 – СССР, 2 – УзССР, 1 – РСФСР⁵ и 161 – Казахской ССР по 35 номинациям.

Если подытожить данные справочника, то на его основе среди корейцев Казахстана были выявлены: 1 Герой Советского Союза; 67 Героев Социалистического Труда; 1 министр и 3 замминистра Казахской ССР; 1 депутат Верховного Совета СССР и 14 депутатов Верховного Совета Казахской ССР; 1 депутат областного, 10 депутатов городских и 10 депутатов районных Советов; 172 удостоены почётных званий республики и СССР; 9 – Государственной премии СССР, 3 – премии Совета министров

СССР и 7 – Государственной премии Казахской ССР; 2 члена-корреспондента АН Казахской ССР; 36 докторов наук⁶ в области биологии, геологии, горного дела, истории, литературы, математики, медицины, сельского хозяйства, физики, философии, химии, экономики и юриспруденции.

Будучи первым, справочник «Советские корейцы Казахстана» не избежал проблемы полноты. Поэтому неудивительно, что вскоре вслед за ним стали выходить более детальные справочники, построенные по отраслевому или территориальному принципу.

В 1991 г. вышел справочник «Корейцы в науке Казахстана», изданный Ассоциацией корейцев Казахстана и Корейским научно-техническим обществом «Кахак» (составители *Пак И. Т.* и *Багаутдинов Г. Н.*). Он включил в себя:

- 321 персоналию;
- список из 133 монографий, написанных казахстанскими корейцами⁷;
- список лауреатов Государственных премий СССР (6) и КазССР (2);
- список заслуженных деятелей науки Республики Казахстан – 6 человек⁸;
- список действительных членов (1) и член-корреспондентов АН СССР (1)⁹ и АН Республики Казахстан – 1 академик и 1 член-корреспондент АН КазССР;
- список действительных членов и член-корреспондентов других общественных академий – 3 академика и 1 член-корреспондент Российской Академии естественных наук, 3 академика Народной Академии «Экология», 1 член Нью-Йоркской Академии, 1 академик АН Высшей школы и 1 член-корреспондент Академии транспорта;
- список докторов наук – 55 человек;
- справку о корейском научно-техническом обществе «Квахак».

Несмотря на то, что справочник называется «Корейцы в нау-

ке Казахстана», в нём есть специальный раздел «Литературное творчество корейцев», в котором представлено 21 имя. За исключением *Пак Ира П. А.*, имеющего степень кандидата философских наук, все остальные – писатели, поэты, драматурги. Кроме того, в книге упомянут ряд людей (металлургов, геологов, архитекторов, строителей, рационализаторов, передовиков сельскохозяйственного производства; всего – 13 человек), не имеющих учёных степеней и деятельность которых не связана непосредственно с вузовской или академической наукой. Однако их работа связана со сложными сооружениями и технологическими процессами, предполагающими высокую квалификацию. Если исключить их и литераторов, то наука Казахстана, по данному справочнику, будет представлена 288 корейцами, из которых 280 – обладатели научных степеней¹⁰.

Корейцы занимали такие высокие посты, как заместитель Президента АН Республики Казахстан (*Пак И. Т.*), вице-президент Международной Академии энергетики (*Пак С. П.*), вице-президент Народной Академии Казахстана «Экология» (*Цой С. В.*).

На основе анализа текста справочника автором были рассчитаны следующие данные по руководящим постам, занимаемым корейцами в системе науки и образования Казахстана:

– в вузах: 2 ректора, 9 проректоров (зам. начальников, зам. директоров), 4 декана, 31 заведующий кафедрами.

– в НИИ и научных центрах: 2 директора, 11 заместителей директоров, 8 заведующих отделами, 1 заведующий сектором, 7 заведующих лабораториями¹¹.

По сравнению с «Советскими корейцами Казахстана», в новом справочнике появились новые имена:

- среди ректоров вузов – *Цой В. И.*;
- проректоров – *Ни В. В.*, *Ким К. И.*, *Пак Ю. Н.*;
- деканов – *Кан Г. В.*, *Ни В. Х.*, *Цой В. А.*;
- заведующих кафедрами – *Ан Ф.*, *Гиин Тен Юр*, *Кан Г. В.*, *Ким Гашен*, *Ким Л. В.*, *Ким Ю. М.* (2 человека) *Ли В. Я.*, *Ли О. Г.*,

Ни В. В., Ногай А. С., Пак М. А., Пак М. И., Пак Такйхва, Тянь А. Д., Цой В. А., Цой Л. И., Шим А. Я., Югай О. К.

Если говорить о НИИ и научно-исследовательских лабораториях вузов, то это:

– зав. отделами – *Ким Г. Н., Квон Л. А.* (2 человека), *Хан Ю. А., Хегай В. Б., Югай В. Е.*;

– зав. секторами – *Пак Б. А.*;

– зав. лабораториями – *Ли А. Б., Цой А. Н., Ким В. А., Ким Г. Е.*

В новый справочник по какой-то причине не вошли: 1 директор НИИ (*Хван В. А.*), 1 заместитель директора вуза (*Ни П. Ф.*), 3 декана (*Когай Р. Д., Ни П. Ф., Хван В. А.*) и 2 заведующих кафедрами (*Пак М. А., Хван В. А.*), упомянутые в справочнике «Советские корейцы Казахстана».

Кроме того, в новом справочнике у многих учёных не нашли отражение занимаемые ими позиции: *Хван М. В.* – зам. директора КазНИВИ, *Нугай Г. А.* – зам. директора Института клинической и экспериментальной хирургии Минздрава Казахской ССР, зав. отделениями КазНИИТ, *Цой И. Г.* – зам. директора Научного центра региональных проблем питания АМН СССР, *Ли Н. Н.* – проректор Целиноградского пединститута, *Ли В. Д.* – декан Алма-Атинского института народного хозяйства, *Пак Д. Н.* – зав. отделом Казахского НИИ животноводства, *Ким В. А.* – зав. отделом Института философии и права, заведующие кафедрами – *Пак М. А., Хан О. А., Цой Г. В.* и заведующие лабораториями – *Ли В. Г., Ни Л. П., Пак И. Т., Пак С. П., Хан О. А., Хван М. В., Цой Самен.*

Если обобщить данные обоих справочников, то картина занимаемых корейцами должностей в системе высшего образования и научно-исследовательских институтов будет следующая:

– вузы: 2 ректора, 11 проректоров (зам. начальников, зам. директоров), 9 деканов, 38 заведующих кафедрами;

– НИИ и научные центры: 2 директора, 14 заместителей директоров, 10 заведующих отделами, 2 заведующих отделениями.

ми, 2 заведующих секторами, 15 заведующих лабораториями.

В справочнике имеется ряд неточностей, связанных с различием между списками, данными в Приложении, и основным текстом.

В списках различных академий (Российская академия естественных наук, Народная Академия «Экология», АН Высшей школы и т.д.) почему-то не указаны Академия медицинских наук Республики Казахстан (*Цой Гилен Васильевич*), Гуманитарная Академия наук Республики Казахстан (*Лигай Мария Алексеевна*), Международная академия энергетики им. А. Эйнштейна (*Пак Сергей Павлович*), хотя в тексте справочника данная информация имеется. Из списка членов Академии естественных наук выпал *Хван Михаил Васильевич*, а из списка членов Международной академии информатизации – *Пак Иван Тимофеевич*. Таким образом, количество казахстанских корейцев – членов различных академий – по тексту составляет не 11 человек, как в списке, а 16.

Хотя в списке докторов наук указано 55 человек, по тексту их насчитывается больше. В списке не оказались: доктор физико-математических наук *Ким Юрий Александрович*, доктор геолого-минералогических наук *Цай Дамир Терсынович*, доктор технических наук *Ким Пынгувич*, доктор химических наук *Мун Алексей Инсенович*, доктор сельскохозяйственных наук *Ли Герман Леонтьевич*. Кроме того, в списке указан *Ким Владимир Александрович*, в то время в тексте таковых двое – доктор юридических наук и доктор педагогических наук. Таким образом, общее число докторов наук по тексту и списку составляет 61 человек. Как мы видим, эта цифра значительно отличается от числа докторов наук (36), представленных в справочнике «Советские корейцы Казахстана». В отличие от последнего, где выделены только доктора наук, в справочнике «Корейцы в науке Казахстана» даётся информация и о 215 кандидатах наук, а также о 5 обладателях дипломов докторов Европейского университета (*Ким Владимир Андреевич*, *Ким Эдуард Вис-*

сарионович, Ким Эллада Фридриховна, Пак Алексей Тимофеевич, Ян Вон Сик).

В именном указателе нового справочника дан *Ким Константин Иванович*, тогда как в тексте таковых двое – кандидат медицинских наук и кандидат философских наук. Надо также отметить, что три кандидата наук – *Ли Тен Хан, Ни Павел Филиппович* и *Хван Василий Андреевич* – из «Советских корейцев Казахстана» не вошли в справочник «Корейцы в науке Казахстана».

В именной указатель нового справочника не вошли *Ан И. П.* (медик), *Ан М., Тен Н., Цай Л. А.* (кандидаты технических наук, ученые-горняки), *Ким Л. В.* (кандидат технических наук, специалист в области сейсмостойкого строительства), *Ким Т.* (кандидат биологических наук), *Пак М.* (прозаик), хотя о них имеется информация в тексте. В именном указателе также указаны *Пен Эдуард Николаевич, Шин Пен, Цой Дамир Терентьевич* и *Цой Юрий Алексеевич* (последний представлен и в списке докторов наук), о которых отсутствуют биографические справки в тексте. Дважды в именном указателе указаны *Ким Ольгерд Васильевич* и *Ли Николай Николаевич (Ли Чан Вон)*. Дважды в тексте в разных местах даются справки о *Киме Альберте Гавриловиче* и *Цхае Сергее Мифодьевиче*.

Если соединить данные справочника «Советские корейцы Казахстана» и «Корейцы в науке Казахстана» об остепенённых учёных, то получим 61 доктора науки, 218 кандидатов наук и 5 обладателей дипломов докторов Европейского университета.

К недостаткам справочника также надо отнести полное несовпадение номеров страниц в именном указателе и страниц в тексте, а также разное написание имён.

В 2002 г. выходит объёмистый, на 624 страницы, справочник «Корейцы Казахстана в науке, технике и культуре», подготовленный Корейским научно-техническим обществом «Кахак». ¹² Он включил в себя биографические справки о 613 персоналиях, а также списки академиков (1) и членов-

корреспондентов (1) АН СССР¹³, академиков НАН (2) Республики Казахстан, членов-корреспондентов НАН Республики Казахстан (1), членов других академий наук (29), заслуженных деятелей науки и техники (7), лауреатов Государственных премий СССР и Республики Казахстан (11), лауреатов других премий (2), народных артистов Казахской ССР и Республики Казахстан (5), заслуженных деятелей искусств (9), заслуженных артистов (19), заслуженных работников (45), заслуженных тренеров СССР и Казахстана, докторов наук (80).

Несмотря на то, что список докторов наук включил в себя 80 человек, в тексте их насчитывается 83. В список почему-то не попали *Ким Василий Анатольевич*, доктор технических наук; *Ни Виктор Васильевич*, доктор транспорта и *Тен Виктор Семёнович*, доктор исторических наук, хотя они представлены в основном тексте. На основе данных справочника автор рассчитал общее количество обладателей учёных степеней – 83 доктора наук, 378 кандидатов наук, 7 обладателей диплома доктора Европейского университета (*Кан Полина Алексеевна*, *Ким Афанасий Григорьевич*, *Ким Эллада Фридриховна*, *Пак Алексей Тимофеевич*, *Цой Геннадий Валентинович*, *Цой Эдуард Иннокентьевич*, *Ян Вон Сик*) и 1 доктор Западного Университета им. Кеннеди (*Ким Владимир Сергеевич*).

В новый справочник не вошли доктора и кандидаты наук, вошедшие в справочник «Корейцы в науке Казахстана»: *Ли Герман Леонтьевич* – доктор сельскохозяйственных наук, *Гиин Тен Юр* – кандидат технических наук, *Ким Иосиф Федорович* – кандидат искусствоведения, *Ким Леонид Альбертович* – кандидат технических наук, *Ким Л. В.* – кандидат технических наук, *Ким Людмила Викторовна* – кандидат экономических наук, *Ли Чен Чир* – кандидат экономических наук, *Пак Михаил Алексеевич* – кандидат медицинских наук, *Пак Э. Ф.* – кандидат технических наук, *Сон Ен Ай* – кандидат медицинских наук, *Хван Галина Васильевна* – кандидат медицинских наук, *Цой Анатолий* – кандидат технических наук, *Цой Мирон* – кандидат

физико-математических наук. Из «Советских корейцев Казахстана» в новый справочник не вошёл *Ан М.*, кандидат технических наук.

В справочник «Корейцы Казахстана в науке, технике и культуре» не вошли также *Цой Дамир Терентьевич*, представленный во введении к «Корейцам в науке Казахстана» как «крупный учёный в области биологических наук»¹⁴ и *Пан Александр Тенхоевич*, исследователь в области медицины.

Если суммировать данные трёх справочников («Советские корейцы Казахстана», 1992; «Корейцы Казахстана в науке Казахстана», 1997; «Корейцы Казахстана в науке, технике и культуре», 2002) об остепенённых учёных, то число обладателей учёными степенями будет выглядеть следующим образом: 84 доктора наук, 391 кандидат наук, 9 обладателей диплома доктора Европейского университета и 1 доктор Западного Университета им. Кеннеди.

Произошли изменения и в других списках по сравнению с предшествующими справочниками.

Список лауреатов Государственной премии СССР и Государственной премии Республики Казахстан пополнился лауреатом премии Ленинского комсомола СССР – *Мун Гон Дя*. Из лауреатов премии Совета Министров СССР в списке «лауреаты других премий» указан только *Хегай Алексей Юрьевич*; почему-то выпал доктор физико-математических наук *Ни Александр Леонидович*, хотя эта информация в основном тексте есть.

Список членов различных академий пополнился следующими именами: Академия гуманитарных наук (*Ким Владимир Александрович*), Академия естественных наук РК (*Ким Ольгерд Васильевич*, *Ли Вячеслав Николаевич*, *Пак Анатолий Иванович*), Академия минеральных ресурсов РК (*Ким Юрий Иванович*, *Ли Виктор Доикович*), Академия профилактической медицины Казахстана (*Цой Игорь Гиленович*), Балтийская педагогическая академия (*Ли Афанасий Дмитриевич*), Международная академия горных наук (*Ким Ольгерд Васильевич*), Международная

академия информатизации (*Кан Кирилл Анатольевич, Когай Галина Давыдовна, Когай Леонид Иванович, Цой Алексей Данилович, Цой Валерий Иванович*), Международная академия инвестиций и экономики строительства (*Ким Илья Владимирович*), Международная академия наук высшей школы (*Ли Виктор Доикович*), Международная академия наук о природе и обществе (*Пак Иван Тимофеевич, Хан Гурий Борисович*), Международная академия наук педагогического образования (*Ли Татьяна Владимировна*), Международная академия наук по экологии и безопасности жизнедеятельности (*Ли Евгений*), Международная инженерная академия (*Лян Анатолий Николаевич*), Международная экономическая академия Евразии (*Цой Валерий Иванович*), Народная академия Казахстана «Экология» (*Цхай Сергей Мефодьевич*), Нью-Йоркская Академия наук (*Пак Алла Михайловна*), Российская Академия естественных наук (*Цой Алексей Данилович, Югай Герасим Андреевич*), Уральская академия геологических наук (*Ким Юрий Иванович*).

Из списка членов различных академий выпала *Ким Дека Гионовна* (Нью-Йоркская Академия наук), хотя эта информация в её биографии в основном тексте имеется.

В список членов различных академий почему-то не вошли *Лю Борис Николаевич* (Международная академия информатизации), *Пак Сергей Павлович* (Академия наук высшей школы, Международная академия энергетики им. А. Эйнштейна) и *Цой Самен Викторович* (Народная академия Казахстана «Экология»). В их биографиях в тексте эта информация также не отражена, хотя она имеется в справочнике «Корейцы в науке Казахстана».

Таким образом, по тексту и спискам справочников «Корейцы в науке Казахстана» и «Корейцы Казахстана в науке, технике и культуре» общее число казахстанских корейцев, членов различных академий, составляет 33 человека (без учёта членства в Национальной Академии наук Республики Казахстан).

В список заслуженных деятелей науки (науки и техники) до-

бавился *Цой Пётр Ильич* (заслуженный деятель науки РСФСР), и их общее количество достигло 7.

В список заслуженных деятелей искусств добавились *Ли Олег Софронович* и *Хан Дэ Ён* (Хан Дин), их общее количество достигло 9.

В список народных артистов КазССР (РК) вошла *Ким Римма Ивановна*, их общее количество достигло 5.

В список заслуженных артистов вошли *Ким Зоя Викторовна*, *Ли Людмила Мунсековна* и *Цой Татьяна Сергеевна*, но выпали *Ким Павел Александрович* (хотя в его биографии в тексте справочника это звание отмечено), а также *Ким Римма Ивановна* (в связи с получением ею звания «народная артистка»). Таким образом, общее число заслуженных артистов стало 19, без учёта *Ким Дина* и *Ким Риммы Ивановны*, получивших звание «народного» и *Нам Людмилы Валентиновны*, солистки ГАБТа, получившей звание «заслуженной артистки РСФСР» от России и никогда не работавшей на сценах Казахстана.

В списке «Заслуженные тренера Казахской ССР/Республики Казахстан» также появились новые имена: *Огай Николай Александрович*, *Пак Владимир Ильич*, *Цой Феликс Тихонович*, *Шегай Михаил Иванович*. Таким образом, их общее число достигло 6.

Совершенно непонятным образом подобраны персоналии в списке «Заслуженные работники». Многие из тех, кто был отмечен в «Советских корейцах Казахстана», не попал в новый справочник.

Так, из заслуженных агрономов КазССР в новый справочник попали *Ли Тен Хан*, *Хан В. К.*, *Хван А. И.*, в то время как *Тен Ин Гер*, *Хван Н. Г.*, *Цзю Сын Ен* и *Цой Валентин П.* не попали.

Из врачей в список «заслуженных» вошли *Ким М. Н.*, *Пак В. Х.*, *Тен Ок Гым*, *Цай Н. И.* и *Цой Г. В.* В список не попал *Нигай Г. А.*, хотя информация о звании в его биографии в тексте есть. А *Пак Н. Р.*, *Угай Д. Д.*, *Цой Л. И.*, *Цхе Р. А.* в справочник вообще не попали.

Из зоотехников в список «заслуженных» вошли *Ким В. Х.* и

Цой Л. А., в то время как *Ли Ен Бем*, *Сон А. Н.*, *Хегай Н. С.* и *Цай Г. А.* в справочник не попали.

Из металлургов в список «заслуженных» попали *Ли Е. И.* и *Ли М. Б.*, в то время как *Кван А.*, *Ким А. К.*, *Ли М. В.* и *Шин В. С.* в справочник не попали.

Из работников культуры в список «заслуженных» вошли *Ким К. А.*, *Тен Чу* и *Хан Г. Б.*, в то время как *Кан Б. П.*, *Ким П. Т.*, *Ли Чун Гын*, *Хан Санук*, *Цой Д. Д.*, *Цой Ун Хак* и *Цой Юн Де* в справочник не попали. В список не вошёл и *Цхай Ю. А.*, хотя информация о звании в его биографии в тексте есть.

Из заслуженных работников промышленности в список «заслуженных» вошёл *Ким С. М.*, а *Ким Л. Ч.* вообще в справочник не попала.

Из заслуженных работников сельского хозяйства в список «заслуженных» попали только *Ан Г. Н.* и *Ким В. И.*, в то время как *Ан Ин Бяк*, *Ким А. А.*, *Ким Пан Сон*, *Ким Чен Нок*, *Когай С. И.*, *Ли Г. Н.*, *Пан Хо Бем*, *Сон Е. М.*, *Тё М. Б.*, *Трухин П. А.*, *Тян Н. И.* и *Шим Дян Нен* вообще в справочник не попали.

В список «заслуженных учителей школы» вошли только *Кан С. А.*, *Сон Ексан*, *Хван И. Н.*, *Цой П. К.* и *Югай А. С.*, в то время как много других заслуженных педагогов (*Ким Г. С.*, *Ким И. В.*, *Ким Л. И.*, *Ким Н. Б.*, *Ким С. Б.*, *Нам А. А.*, *Нам Г. А.*, *Ни М. А.*, *Пак А. М.*, *Пак В. Г.*, *Пак Г. Н.*, *Пак М. А.*, *Пак О. Д.*, *Пак Цын Сек*, *Тян Н. Г.*, *Хан Е. С.*, *Хан К. Е.*, *Шегай Б. Г.*) в справочник не попали.

В список «заслуженных экономистов» вошли *Ким Г. В.*, *Пак А. П.* и *Цай К. А.*, а *Нам Ян Гук Б.*, *Пак А. И.* и *Юн А. П.* вообще в справочник не попали.

В списки «заслуженных» «Корейцев Казахстана в науке, технике и культуре» не попал никто из заслуженных ветеринарных врачей (2), горняков (1), землеустроителей (1), мастеров земледелия (2), мастеров социалистического земледелия (1), механизаторов (2), механизаторов социалистического сельского хозяйства (2), работников жилищно-коммунального хозяй-

ства и службы быта (1), работников МВД КазССР (1), работников профессионально-технического образования (2), работников торговли и питания (1), строителей (4), учителей (4), шахтёров (3) и энергетиков (1), вошедших в справочник «Советские корейцы Казахстана».

В списки «заслуженных» справочника «Корейцы Казахстана в науке, технике и культуре» вошли новые люди, отсутствовавшие в соответствующих списках или текстах предшествующих справочников. Это: заслуженный учитель РСФСР *Хан Галина Харитоновна*, заслуженный энергетик РСФСР *Цой Алексей Данилович*, заслуженный агроном Казахской ССР *Цой Николай Петрович*, заслуженный архитектор Казахской ССР *Ким Владимир Николаевич*, заслуженный деятель науки Казахской ССР *Цой Пётр Ильич*, заслуженный деятель науки и техники Республики Казахстан *Пак Иван Тимофеевич*, заслуженный работник Республики Казахстан *Ли Иннокентий Петрович*, заслуженный юрист Республики Казахстан *Ким Юрий Алексеевич*.

Однако к этому списку также есть вопросы. Во-первых, в нём есть люди, которых с натяжкой можно отнести к казахстанцам. Так, *Цой Алексей Данилович*, хотя и окончил школу в Казахстане, учился в институте в Одессе и всю жизнь прожил в Москве. Во-вторых, *Цой Николай Петрович* в данном справочнике указан как «заслуженный агроном», а в справочнике «Советские корейцы Казахстана» – как «заслуженный работник сельского хозяйства».

По каким-то причинам ряд людей, подпадающих под то, чтобы быть в справочнике и вошедших в «Советские корейцы Казахстана» и/или «Корейцы в науке Казахстана», не вошли в новый справочник. Это: архитектор *Ви Виктор*, поэты *Кан Тай Су*, *Ли Станислав* и *Хан Анатолий*, писатель *Ким Ги Чером*, драматург *Лим Ха*, критик *Хан Сан Ук*, металлурги – *Кан Алексей*, *Ким Анатолий Константинович* и *Ли Михаил Виссарионович*, директор библиотеки АПИЯ *Ли Екатерина Гавриловна*, которые вошли в «Корейцы в науке Казахстана», но не попали в

«Корейцы Казахстана в науке, технике и культуре», и в то же время другие архитекторы, металлурги, библиотекари, поэты и писатели попали. К тому же в новом справочнике есть соответствующие разделы «Химия, металлургия», «Архитектура, строительство, энергетика, транспорт», «Культура, искусство, литература, спорт», под которые данные люди подпадают.

В новом справочнике у 17 человек написание имён отличается от их написания в «Корейцах в науке Казахстана».

Таблица 11.1.

«Корейцы Казахстана в науке, технике и культуре»	«Корейцы в науке Казахстана»
<p>Квон Светлана Сергеевна Ким Ги Шеен Ким Кван Хен Ким Дека Гиюновна Ли Моисей Бягенович Нигаи Нэлла Григорьевна Огай Евгений Кипониевич Огай Осип Гифунович Пак Аделина Васильевна Пан Никифор Данилович Пан Николай Григорьевич Сон Виктор Дяннамович Тхай Дян Чун Хегай Ирина Викторовна Цай Дамир Терентьевич Цой Любовь Семеновна Югай Владимир Енгенович</p>	<p>Кван С. С. Ким Гашен Ким Гван Хен Ким Декабрина Гиюновна Ли Можей Бягенович Нигаи Нелли Григорьевна Огай Евгений Гипонович Огай Ося Пак Ада Васильевна Пак Никифор Данилович Пак Николай Григорьевич Сон Виктор Диннамович Тхя Дян Чун Хигай Ирина Викторовна Цай Дамир Терсьнович Цой Людмила Семеновна Югай Владимир Евгеньевич</p>

Если справочники «Корейцы в науке Казахстана» и «Корейцы Казахстана в науке, технике и культуре» построены по корпоративному принципу (областям деятельности), то вышедший в 2005 г. справочник «Корейцы Жамбылской области:

люди конкретных дел» (гл. редактор *А. И. Пак*) относится к региональному типу справочников.

Несмотря на название, в книге много такого, что не имеет к нему отношение.

Во-первых, это дизайн обложки. На первой странице – коллаж с изображением Будды, пагоды, одного из королевских дворцов в Корее и вида современного корейского города. На оборотной стороне – коллаж с портретом А. Мина (два года жившего, с 1937 по 1939, в г. Аральске), Героя Советского Союза, Указом Президиума Верховного Совета СССР о его награждении, мемориальным памятником, экспозицией с фотографией Мина из Центрального государственного музея Казахстана и видом улицы его имени в Ташкенте. На втором листе обложки – внутренний дворик традиционного корейского строения (либо части королевского дворца, либо монастыря) и вид горной речки, вероятно корейской (последняя страница). Какое отношение всё это имеет к корейцам Жамбылской области, к их «конкретным делам»?

Во-вторых, наряду с разделами, имеющими непосредственное отношение к названию, книга содержит такие разделы, как «Культура Кореи» (с параграфами «История», «Традиции», «Праздники», «Музыка», «Литература», «Живопись», «Архитектура», «Спорт»), «Религии», «Вкратце о происхождении корейских фамилий», «В мире мудрых мыслей».

Особенно недоумение вызывает раздел «В мире мудрых мыслей», представляющий собой эклектический набор высказываний из А. Аверченко, Авиценны, М. Аврелия, П. Абеляра, Аристотеля, Библии, А. Бирса, Будды, Н. Гарин-Михайловского, Гесиода, В. Данилевского, А. Доде, П. Ковалевского, Д. Коллинза, Конфуция, А. Кунанбаева, Лао-Цзы, Г. Мопассана, Пифагора, Г. Сенкевича, Соломона, Солона, Э. Фаге, Фалеса, Эдисона.

Вот некоторые из премудростей: «...И нет у человека премущества перед скотом, потому что всё суета! Всё идёт в одно место: всё произошло из праха и всё возвратится в прах»

(Библия)¹⁵; «Что золотое кольцо у свиньи, то женщина красивая и безрассудная» (Библия)¹⁶; «Уродство – это божий дар некоторым женщинам, благодаря чему они имеют возможность вести добродетельный образ жизни, не умерщвляя плоти» (А. Бирс)¹⁷; «Когда легче всего сносить несчастье? – Когда видишь, что твоим врагам ещё хуже» (Фалес)¹⁸. Весьма странные сентенции для книги, чей предмет – корейцы Жамбылской области.

Прямо или косвенно к теме, заявленной в названии книги, относятся разделы «История становления культурного Центра корейцев Жамбылской области», «Корейцы в зеркале статистики», «Биографические сведения» и списки людей, достигших значительных успехов: академиков АЕН РК (1), Героев Социалистического Труда (1), заслуженных артистов (1), заслуженных работников (16), заслуженных тренеров СССР и Казахстана (2), награждённых орденами СССР и Казахстана (20), почётных работников и отличников здравоохранения, образования и ряда отраслей народного хозяйства (28), докторов (1) и кандидатов наук (40).

Всего в книге даны биографические справки на 143 имени. Впрочем, справки носят разнородный характер. Некоторые из них представляют собой сухое перечисление жизненных вех, некоторые – производственные характеристики с описанием личных качеств характеризуемого, а некоторые – заметки публицистического характера. Иногда окрашены излишней патетикой, не свойственной изданиям справочного характера.

Например, краткая биография Ким Надежды (1930 г.рожд., неполное среднее образование, продавец хозяйственного магазина) начинается так:

«Переселение в 1937 г. в концентрированном виде воплотило судьбу народов страны тоталитарного режима, которые в той или иной степени, в открытой или явной форме были подвергнуты пересадке с одной почвы на другую, отличающиеся как берега Тихого океана.

В таких условиях семья Ким Надежды в числе 18,5 тысяч

других корейских семей была депортирована в город Кызыл-Орду Казахской ССР»¹⁹.

Или биография Ким Николая Инсеновича (1930 г.р., начальное образование, водитель автобазы № 16):

«День 21 августа 1937 г. навсегда вошёл в анналы истории. Эта дата принятия руководством СССР решения о массовом насильственном переселении корейцев с дальневосточного края в Казахстан и Узбекистан. Это начало разработки и апробация механизмов переселения "неудобных народов" в условиях современной истории.

В этот период, в числе 200 тысяч корейцев семья Ким Н. И. была депортирована в Казахстан на станцию Дурсалы Кармакчинского района Кызыл-Ординской области»²⁰.

Приведённая выше преамбула о депортации полностью или частично воспроизводится и в других биографических справках. Так, в биографии Ким Эльзы Валентиновны (1934 г.р., преподаватель технологического института) мы снова читаем:

«День 21 августа 1937 г. навсегда вошёл в анналы истории. Эта дата принятия руководством СССР решения о массовом переселении корейцев с Дальневосточного края в Казахстан и Узбекистан. Это насильственное перемещение с одного края света на другой нарушило "корневую систему", питающую "душу" этноса. Таким образом, в числе 200 тысяч корейцев Ким Э. В. с семьёй была депортирована в с. Мерке Жамбылской области»²¹.

Или в биографии Тё Анатолия Николаевича (1933 г.р., главврач больницы села Октябрьское):

«Истинная значимость происходящих событий познаётся через призму лет. И в подобных случаях "времени связующей нитью" являются знаковые рубежи в жизни общества или отдельной личности. Таковым значительным событием в жизни семьи Анатолия Николаевича и всей корейской диаспоры стал 1937 г., который навсегда вошёл в анналы истории. Эта дата принятия руководством СССР решения о массовом на-

сильственном переселении корейцев с Дальневосточного края в Казахстан и Узбекистан. Это начало разработки и апробация механизмов переселения "неудобных народов" в условиях современной истории.

В результате этого беспрецедентного акта, не имеющего аналогов в человеческой истории, семья Тё А. Н. была депортирована в Казахстан»²².

Или в биографии Югая Иннокентия Петровича (1929 г.р., преподаватель технологического института):

«День 21 августа 1937 г. навсегда вошёл в анналы истории. Эта дата принятия руководством СССР решения о массовом насильственном переселении корейцев с дальневосточного края в Казахстан и Узбекистан. Это начало разработки и апробация механизмов переселения "неудобных народов" в условиях современной истории.

В результате преступной ошибки "отца народов" – Сталина в решении национального вопроса, в числе 200 тысяч корейцев была депортирована и семья Югай И. П.»²³.

Почти слово в слово повторяются не только преамбулы, а целые биографические справки.

Так, в справке Ким Натальи Ирлеевны (1935 г.р., школьный учитель), написано:

«Для неё каждый урок был премьерой. Она всегда мобилизовывала весь свой педагогический и психологический арсенал, чтобы легко и непринуждённо вести своих учеников в мир математических знаний. Она, как и поэт, оставляла о себе "нерукотворный памятник" в душе своих воспитанников, учила их самым высоким и прекрасным человеческим чувствам: великодушию, благородству, уважению к людям, будила их ум и сердце, учила самому высокому предназначению на земле: быть Человеком с большой буквы.

Наталья Ирлеевна вкладывала в свой труд настоящую поэзию, памятуя, что жизнь человеческая соизмеряется не прожитыми годами, а содержанием, тем следом, который он оставля-

ет после себя, и несла знания в ученические классы, как говорят, "на вытянутых руках"»²⁴.

Теперь читаем биографическую справку Югая Иннокентия Петровича, 1929 г.р., преподавателя технологического института (*курсивом* выделены повторы из справки Ким Н. И.):

«Югай И. П. относился к числу тех учителей, которые, как и поэт, оставляют о себе "нерукотворный памятник" в душе своих воспитанников, его тоже называют "всякий сущий в ней язык". Он учил своих учеников самым высоким и прекрасным человеческим чувствам: благородству и великодушию, уважению к людям, будил их ум и сердце, учил самому высокому предназначению на земле: быть Человеком с большой буквы.

...Он ...был влюблён в свою науку и нёс её вместе с нравственными постулатами в классные и студенческие аудитории, в сознание учеников и студентов, что называется "на вытянутых руках".

Иннокентий Николаевич вкладывал в свой труд настоящую поэзию, памятуя о том, что жизнь человеческая соизмеряется не прожитыми годами, а содержанием, тем следом, который он оставляет после себя.

Для него каждый урок или лекция – были премьерой. И он всегда мобилизовывал себя, приводя в боевую готовность весь свой педагогический и психологический арсенал, чтобы легко и непринуждённо вести своих воспитанников в мир математических открытий»²⁵.

Многие биографические справки насыщены гипертрофированной эмоциональной лексикой (опять же, повторяющейся из справки в справку). Так, в биографии Ли Константина Васильевича (1952 г.р., директор «Водоканалстроя») мы читаем:

«Время было сложное и многотрудное. Голод и нищета буквально витали над крышей дома и, как ползучая экспансия, всегда были на пороге. Семья из шести человек (четверо детей) мужественно перенесла годы сталинских репрессий, а также послевоенные годы, в холоде выстояли, в голоде – выдержали,

смерти – в глаза смотрели. И несмотря на трудности исторического периода, семья преодолела все превратности судьбы»²⁶.

В биографии Пак Елены Михайловны (1916 г.р., бухгалтер) снова читаем:

«Голод и нищета буквально витали над крышей её дома, однако, преодолев все превратности судьбы, она стойко переносила трудности данного периода»²⁷.

Для многих биографических справок характерна несоразмерность масштабов оценки статуса персоналий и степеней сравнения. Так, в характеристике Кима Н. И. (1930 г.р., начальное образование, водитель автобазы № 16) читаем:

«... Ким Н. И. относился к той великой кагорте большевиков-ленинцев, для которых высшим мерилом нравственной чистоты была социалистическая справедливость и правда жизни. Для молодёжи он был маяком и примером для подражания. Девизом его жизни было изречение: "Его отсутствие ощутимо, а присутствие необходимо»²⁸.

В список кандидатов наук вошли новые люди, которых не было в предшествующих справочниках. Это: кандидаты технических наук *Кван Юрий Реммирович, Ким Борис Николаевич*; кандидаты сельскохозяйственных наук *Койбакова (Ким) Елизавета Сергеевна, Лигай Виктор Сергеевич*, экономических наук – *Хан Леонид Игнатъевич, Герой Социалистического Труда*; химических наук – *Цой Ирина Геннадиевна*.

Справочник вносит дополнительную информацию о Героях Социалистического Труда. Оказывается, что вышеупомянутый *Хан Леонид Игнатъевич* является обладателем этого звания (дата присвоения – 17 июля 1951 г.)²⁹, что не отражено в списке Героев Труда в «Советских корейцах Казахстана». Таким образом, общее число корейцев-казахстанцев, Героев Социалистического Труда, становится не 67, а 68. Однако сами составители справочника нигде не оговаривают, что информация о Хане Л. И. вносит важное изменение в список корейцев-Героев.

В списке «заслуженных работников» фигурируют новые

имена, отсутствующие в предшествующих справочниках. Это: заслуженный энергетик СССР *Ни Афанасий Илларионович*, заслуженный связист Республики Казахстан *Шегай Валерий Валентинович*.

Есть несоответствие между названиями званий в этом и в других справочниках. Так, в «Корейцах Жамбылской области» *Тян Наталья Гавриловна* имеет звание «заслуженный учитель Казахской ССР», тогда как в «Советских корейцах Казахстана» – «заслуженный учитель школы Казахской ССР».

В списке «заслуженных работников» фигурирует имя *Кима Владимира Александровича*. Однако в его биографии, как в данном справочнике, так и в предыдущих, такой факт отсутствует. Какое звание и когда оно присуждено – эта информация нигде не проходит.

Есть несоответствие между именами в биографических справках и именном указателе. Так, *Ким Фёдор*, кандидат технических наук, в справке имеет отчество «Иванович», а в именном указателе – «Михайлович». *Тян Наталья*, заслуженный учитель, в справке имеет отчество «Гавраловна», а в именном указателе – «Гавриловна».

В 2005 г. вышел справочник «**Корейцы Казахстана: кто есть кто**». Книга включила в себя следующие разделы: «Политика, Государственное управление», «Общественные объединения», «Наука, Образование», «Культура, Искусство, СМИ, Спорт», «Здравоохранение», «Бизнес и Производство» и именной указатель.

Справочник содержит 448 персоналий³⁰, что заметно меньше, чем в «Корейцах Казахстана в науке, технике и культуре» (613). Как отмечено в аннотации к книге: «В ней представлены социально-активные персоналии, независимо от почётных званий и учёных степеней, общественного положения и социальной принадлежности, плодотворно [заняты в – В. Х.] разнообразных сферах деятельности»³¹.

В 2017 г. вышла фундаментальная «Энциклопедия корейцев Казахстана»: 768 страниц, 3 500 статей, около 1 500 персоналий. В ней помещены «биографические статьи-справки о заслуженных людях-корейцах: национальных героях и выдающихся личностях Кореи, Героях Советского Союза и Социалистического Труда, лауреатах государственных премий, государственных и общественных деятелях, депутатах различного уровня, учёных, кавалерах орденов, удостоенных званий специалистов, представителях творческой интеллигенции, спортсменах, руководителях организаций, учреждений, департаментов, управлений и ведомств»³².

По понятным причинам настоящая монография не содержит анализ Справочника 2005 года и Энциклопедии. Проведение скрупулёзного анализа, который был проведён в отношении предшествующих справочников потребовал бы значительного времени. Возможно, он будет проделан позже, а может, это сделают другие исследователи.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ли Г. Н. Корейцы в Кыргызстане. – Бишкек, 1998. – 298 с.; Дорога жизни через поколение. – Бишкек, 2008. – 520 с.; Корейцы Кыргызстана: история и современность. – Бишкек, 2019. – 397 с.

² Советские корейцы Казахстана: Энциклопедический справочник / Сост. Д. В. Мен и др. – Алма-Ата, 1992.

³ Авторы справочника в список выдающихся представителей корейской диаспоры Казахстана неоправданно, на наш взгляд, включили: *Анатолия Андреевича Кима* – известного московского писателя, *Людмилу Валентиновну Нам* – солистку ГАБТа, *Максима Павловича Кима* – академика АН СССР, *Георгия Фёдоровича Кима* – члена-корреспондента АН СССР, зам. директора Института востоковедения СССР, и *Владимира Фёдоровича Ли* – директора центра Азиатско-Тихоокеанских исследований Дипломатической Академии МИД России, которых нужно относить к корейцам России.

⁴ Эти данные требуют дополнения. Так, в самом справочнике указывает-

ся *Ли Ф. И.*, возглавлявший колхоз в Кокчетавской области, правда, при этом не даётся название колхоза (С. 25).

⁵ Речь идёт о *Нам Людмиле Валентиновне*, которая родилась и окончила школу в Казахстане, получила музыкальное образование в РСФСР и всю дальнейшую жизнь проработала в ГАБТе. Её правильнее относить к корейцам России, нежели Казахстана.

⁶ Справочник не содержит списка кандидатов наук. Но в самом тексте упоминаются 10 кандидатов наук: *Ким Гавриил Васильевич, Ли Тен Хан, Ни Павел Филиппович, Пак Николай Романович, Тен Чу, Хан Иннокентий Павлович, Хван Александр Иванович, Хван Василий Андреевич, Хван Май Унденович и Цой Николай Дмитриевич*.

⁷ Наряду с трудами казахстанских корейцев, сюда вошли работы *Максима Павловича Кима, Георгия Фёдоровича Кима, Владимира Фёдоровича Ли и Герасима Андреевича Югя*, которых нужно относить к корейцам России.

⁸ По сравнению со справочником «Советские корейцы Казахстана», новый справочник пополнился двумя фамилиями – это *Хан Октябрь Александрович*, заслуженный деятель науки Республики Казахстан, и *Пак Иван Тимофеевич*, заслуженный деятель науки и техники Республики Казахстан.

⁹ Речь идёт о *М. П. Киме* и *Г. Ф. Киме*, которые избирались в АН СССР от РСФСР.

¹⁰ Вполне возможно, что остальные тоже имеют степени, но это не отражено в тексте.

¹¹ Мы опустили имена *Г. Ф. Кима* и *В. Ф. Ли*, которые занимали руководящие посты в российских учреждениях.

¹² *Корейцы Казахстана в науке, технике и культуре*. – Алматы: Корейским научно-техническим обществом «Кахак», 2002. – 624 с.

¹³ Речь идёт о *Максима Павловиче Киме* и *Георгии Фёдоровиче Киме*, которых нужно относить к корейцам РСФСР, а не Казахстана.

¹⁴ *Корейцы в науке Казахстана*. – Алматы: АКК, КНТО «Кахак», 1997. – С. 16. Несмотря на то, что *Цой Д. Т.* представлен как «крупный учёный в области биологических наук», в самом справочнике биографическая справка о нём отсутствует.

¹⁵ *Корейцы Жамбылской области: люди конкретных дел*. – Тараз, 2005. – С. 85.

¹⁶ Там же. – С. 87.

¹⁷ Там же. – С. 91.

¹⁸ Там же. – С. 100.

¹⁹ Там же. – С. 141.

- ²⁰ Там же. – С. 144-145.
- ²¹ Там же. – С. 166.
- ²² Там же. – С. 249-250.
- ²³ Там же. – С. 315.
- ²⁴ Там же. – С. 142-143.
- ²⁵ Там же. – С. 316.
- ²⁶ Там же. – С. 180.
- ²⁷ Там же. – С. 221.
- ²⁸ Там же. – С. 145. В тексте сохранена оригинальная орфография.
- ²⁹ Там же. – С. 266.
- ³⁰ Именной указатель включил 449, однако одна женщина – *Шегай Валентина Станиславовна* – указана дважды: в разделе «С» как Станиславовна и в разделе «Ш» как Шегай Валентина.
- ³¹ Корейцы Казахстана: кто есть кто. – Алматы, 2005. – С. 2.
- ³² Энциклопедия корейцев Казахстана. – Алматы, 2017. – С. 7.

§ 2. Корейцы Узбекистана

Первой узбекистанской работой справочно-биографического характера стала брошюра *Алексея Алексеевича Кана «Корейцы Андижанской области»*, вышедшая тиражом в 500 экземпляров в 1997 г. Автор – доктор биологических наук, профессор, заведующий кафедрой защиты растений Андижанского сельскохозяйственного института.

Брошюру нельзя назвать справочником в строгом смысле этого слова, как и научно-популярным изданием; большую её часть составляют биографические очерки-рассказы. Несмотря на то, что автор является учёным, текст брошюры насыщен множеством эмоционально окрашенных клише, содержание которых носит исключительно аксиологический характер, а потому трудно соотносимо с фактуальной реальностью.

Иногда это доходит до гротескных форм – драматизации, пафосного оптимизма. Так, затрагивая постановление СНК СССР и ЦК ВКП «О выселении корейского населения из пограничных районов Дальневосточного края», автор пишет: «... Не найти второго такого постановления в цивилизованном мире, в сообществе людей»¹. Там же: «История корейцев в Средней Азии, она до боли в сердце грустна в прошлом и радостна в недалёком прошлом, настоящем и светлом будущем»². Или: «Светла и радостна жизнь корейского народа в братской семье Узбекистана»³. И далее: «Слышало ли о беде корейцев правительство бывшего Союза, если даже и слышало, то делало вид, что члены правительства глухи к людскому горю, но бог услышал и его стон раздавался, как эхо в тиши ночной»⁴.

Стремление автора максимально выразить своё эмоциональное отношение к предмету описания (времени, фактам, политике и т.д.) приводит его к прямому искажению исторических фактов. Так, говоря об адаптации корейцев на новых местах, А. Кан пишет, что она «унесла сотни тысяч (курсив мой – В. Х.)

жизней из-за несправедливости со стороны властей бывшего Союза ССР»⁵, в то время как с Дальнего Востока в Казахстан и Узбекистан *всего* было переселено около 180 тысяч корейцев.

Тем не менее, брошюра содержит ценный эмпирический материал, почерпнутый как из архивов Андижанской области⁶, так и личных встреч автора с корейцами, жителями региона.

Во-первых, данные брошюры позволяют проследить динамику численности корейского населения области. Если в 1991 г. в области проживало 4 186 корейцев⁷, то на 1997 г. автор даёт цифру «более трёх тысяч». Таким образом, сокращение корейского населения области за 7 лет независимо произошло более чем на 25%⁸. Этими цифрами в целом можно оперировать как доверительными, так как, по данным Государственного департамента статистики при Министерстве макроэкономики и статистики Республики Узбекистан, на 01.01.2001 г. численность корейского населения области составила уже 2 836 человек, что фиксирует снижение, по сравнению с 1991 г., более чем на 32%.

Во-вторых, и это главное, биографические сведения, представленные А. Каном, ценны своей представительной выборкой. Автор в своей брошюре упоминает 188 корейцев (171 с именами и 17 без имён), что составляет около 6% корейского населения области. А если брать выборку в разрезе семей, то автором упоминается 90 семей, или 30% от их общего количества (300 семей)⁹. По 36 персоналиям приведены развернутые биографии. В силу представительности выборки, имеющиеся данные могут отражать ситуацию не только в корейской общине Андижанской области. Если принять эти данные как типичные для корейских региональных общин вообще и проецировать их на другие области, они могут быть показательными для корейской диаспоры республики в целом.

На основе биографических сведений, имеющихся в брошюре, мною рассчитано, что из 188 корейцев, упомянутых в брошюре, 94 – с высшим образованием (включая 1 доктора наук и

7 кандидатов¹⁰), 5 – с неоконченным высшим и 39¹¹ – со средним специальным образованием.

Таким образом, среди лиц, представленных в брошюре, процент обладающих высшим образованием составляет 50, или 3,1% от общего числа корейцев, проживающих в Андижанской области, т.е. 31 человек на каждую тысячу. И хотя А. А. Каном охвачены не все корейцы-андижанцы с высшим образованием, это тоже очень высокий показатель, учитывая, что в эту тысячу входят и несовершеннолетние. Данная цифра значительно возрастет, если исключить молодёжь, не достигшую 20-21 года, возраста окончания вузов.

На основе сведений, имеющихся в брошюре, был составлен ареал получения высшего образования и среднего специального образования корейцами – жителями Андижанской области. Он охватил 19 городов в Узбекистане, Казахстане, Кыргызстане, России, Украине и Японии.

Таким же разнообразием отличается и профиль вузов и техникумов – 39 вузов и 10 техникумов.

На основе биографических данных, представленных в брошюре, я составил следующий список занимаемых корейцами области ответственных должностей в различные периоды.

В административно-управленческой области: зам. хокима г. Асака – 1, зав. отделом обкома партии – 1, зам. зав. отделом обкома партии – 1, второй секретарь Балыкчинского райкома партии – 1, зав. отделом Андижанского горисполкома – 1, зав. отделом райкома партии – 1, зав. отделом райисполкома – 1.

В области производства, строительства и торговли: генеральный директор Андижанского производственного объединения по производству мяса птиц – 1, председатели колхозов – 3, зам. начальника производственного управления сельского хозяйства Мархаматского района – 1, зам. управляющего трестом «Облколхозстрой» – 1, зам. начальника управления торговли Андижанского облисполкома – 1, зам. директора механического завода – 1, главный инженер завода «Автотрак-

тордеталь» – 1, главный инженер стройкомитета «УзДЭУав-то» – 1, директор племенной конюшни – 1, начальник СМУ – 1, начальник ПМК – 1, директор МТС – 1, зав. торговой базой сельхозтехники – 1.

В области экономического планирования и учета: главный экономист-плановик области – 1, главный контролер-ревизор КРУ по Андижанской области – 1, главный бухгалтер Межколхозного совета по орошению и освоению земель Центральной Ферганы – 1, зам. начальника областной налоговой инспекции – 1, зам. начальника инспекции Джалалкудукского района – 1, зав. городским финотделом Андижана – 1.

В области медицины: зам. главного врача областной больницы – 1, зав. отделом физиотерапии областной больницы – 1, зав. отделом психиатрической больницы – 1.

В области высшего и среднего образования: зав. кафедрой Андижанского сельхозинститута – 1, зав. кафедрой русского языка и литературы Андижанского мединститута – 1, зав. кафедрой патологической анатомии Андижанского мединститута – 1, директора школ – 2, директор экономико-юридического лицея-интерната – 1.

В области спорта: генеральный директор спорткомплекса «Дружба народов» – 1, главный тренер женской команды УзССР и тренер сборной СССР по хоккею на траве – 1, начальник футбольной команды Андижана – 1, тренер по гандболу Школы высшего спортивного мастерства – 1.

В области культуры: главный художник Андижанского драмтеатра им. Навои – 1, директор детского парка г. Андижана – 1.

В других областях: начальник отдела пожарной охраны УВД областного хокимиата – 1, зам. зав. облсобеса – 1.

В 2001 г. на правах рукописи публикуется брошюра *Владимира Дмитриевича Кима*, заведующего юридической консультацией Куйичирчикского района Ташкентской области, председателя Аккурганского корейского культурного центра¹²

«Аккурганский корейский культурный центр», в которой даются биографии корейцев – активистов и почётных членов правления центра, а также известных корейцев – аккурганцев, ушедших из жизни (всего 16)¹³. Среди них *Цой Хо Рим*, командир партизанского отряда в Приморье в годы интервенции, узник ГУЛАГа, прошедший в лагерях на Колыме 20 лет; *Ким Ким-Сон*, участник Второй мировой войны; *Лидай Семён Иванович*, направленный в 1940-х гг. в КНДР, где он занимал такие высокие должности, как начальник городского управления МВД г. Пхеньяна и начальник управления МВД провинции Южный Пхеньян. Более половины брошюры (с. 20-48) составляют фотографии, большая часть из которых – с участием автора.

Персональные сведения и биографические справки можно найти и в брошюре профессора кафедры русской и зарубежной литературы Каракалпакского госуниверситета им. Бердаха *Людмилы Борисовны Хван «Корейцы Каракалпакстана: вчера и сегодня»*¹⁴. В ней упомянут 131 кореец, что составляет 1,74% от общей численности корейской общины Каракалпакстана (7 500 человек, по данным автора). Представительность и характеристика корейской выборки в брошюре значительно шире, чем в издании В. Кима (Аккурганский район), однако уступают данным А. А. Кима по Андижанской области.

Если говорить о руководящем составе, то среди представителей корейской общины Каракалпакстана Л. Б. Хван упоминает 2 председателей колхозов, 10 директоров совхозов, 1 директора рыбного завода. Упоминается также один депутат Верховного Совета Каракалпакской АССР. Однако эти данные не дают полной картины ответственных должностных позиций, занимаемых корейцами республики.

В брошюре впервые приводятся данные о числе корейцев Каракалпакской АССР, награждённых медалью «За доблестный труд» в годы войны – 299 человек.

На основе текста брошюры автором было рассчитано число

корейцев Каракалпакстана, награждённых почётными званиями – 62 человека по 17 номинациям.

Перечисляя обладателей почётных званий, Л. Хван не оговаривает полноту данного списка. Если сравнить со списком каракалпакстанских корейцев, удостоенных почётных званий, в статье А. Тюгая (помещённой в справочнике Б. Кима «Корейцы Узбекистана. Кто есть кто», вышедшем в 1999 г.), то мы заметим разницу. Таковых знатных корейцев в списке Л. Хван фигурирует 62, а в списке А. Тюгая – 49. В списке Л. Хван отсутствуют заслуженный лесовод Пак И. Ф., заслуженные работники народного образования Ким А. Д., Ли А. И., заслуженный работник физкультуры и спорта Пак В. А., заслуженный учитель Цой Б. В., заслуженный экономист Цхай Н. Д. В свою очередь, в списке А. Тюгая отсутствуют заслуженные механизаторы Хван Би Нок, Шин Л. И., заслуженный работник торговли Ким В. М., заслуженный тренер Ким А. А., заслуженный работник здравоохранения Ким И. А., заслуженный ирригатор Пяк А. У., заслуженный строитель Цой А. В., заслуженный учитель Хван И. А., Ким Ду Чер, Ли Н. Г., Ким Э. А., Сон С. М., заслуженный экономист Огай Э. А., заслуженные работники автомобильного транспорта Ли В. А. и Хан В. Т. Если соединить оба списка, то общее число корейцев Каракалпакстана, удостоенных почётных званий, будет 68.

Автор упоминает также Александра Кима (жителя Кунграда) – участника фронта, награждённого боевой медалью «За боевые заслуги», о чём упоминает газета «Советская Каракалпакция» за 18 июля 1944 г.

Наиболее полным, отвечающим соответствующим требованиям, является справочник главного редактора газеты «Корё синмун» Брутта Кима «Корейцы Узбекистана. Кто есть кто. Справочное издание», вышедший в 1999 г. Справочник содержит 612 статей: по корейским организациям (колхозам, совхозам, культурным центрам, художественным коллективам и т.д.) – 66 и по персоналиям – 546.

Кроме того, в него включены: фото-вкладыши («Приморский период нашей истории», «После переселения», «Диаспора в лицах») и 5 приложений: статья *Ким Мен Гири* «Демографические особенности корейского населения Узбекистана», справка «Республика Корея – Республика Узбекистан: сотрудничество во имя будущего», список Героев Социалистического Труда – 135, список обладателей почётных званий Республики Узбекистан – 228 и список участников Корейской войны 1950–1953 гг. – 141.

Ниже даются списки корейских организаций и коллективов, нашедших отражение в справочнике Б. Кима.

Корейские организации, учреждения и коллективы
Корейские колхозы. «Вазир» (бывший «Коммунизм»), им. Бериуни (бывший им. Димитрова), «Гигант» (бывший «Правда»), «Гулистан» (бывший «Правда»), «Гулистан» (бывший «Заря коммунизма»), «Гулистан», «Дустлик» (бывший «Политотдел»), «Ийк ота?» (бывший «Ленинский путь»), им. Ким Пен Хва (бывший «Полярная звезда»), «Северный маяк», «Узбекистан», «Янги хаёт» (бывший им. Ленина), им. Ахмада Яссави (бывший им. Свердлова). Всего – 13 колхозов¹⁵.

Корейские общественные организации. Корейские общественные организации можно разделить на два типа: территориальные (универсальные) и профильные (специализированные). Оба типа нашли отражение в справочнике.

1. Территориальные организации:

– районные организации: Аккурганский ККЦ, Корейская секция Уртачирчикского районного межнационального культурного центра, Общественная организация корейцев Куиичирчикского района Ташкентской области «Тонгди»;

– городские организации: Алмалыкский ККЦ, Гулистанский ККЦ, Ташкентское городское корейское общество «Возрождение», Ташкентское городское корейское культурное общество, Чирчикский ККЦ, Национально-культурное общество «Чосон» (г. Навои);

– областные организации: Андижанский ККЦ, Ассоциация корейцев Сырдарьинской области, Бухарский ККЦ, Кашкадарьинский ККЦ, Наманганский ККЦ, Самаркандский ККЦ, Сурхандарьинский ККЦ, Хорезмский;

– межрегиональные организации: ККЦ «Кванбок», Янгиерская межрайонная культурная ассоциация корейцев Узбекистана;

– республиканские организации: Ассоциация корейских культурных центров Республики Узбекистан, Ассоциация корейцев Республики Каракалпакстан¹⁶, общественная организация корейской молодёжи Узбекистана «Коченрён».

2. Профильные организации:

– Ассоциация милосердия ветеранов Кореи;

– Ассоциация преподавателей корейского языка Республики Узбекистан;

– Научно-техническое общество «Тинбо»;

– Ташкентское городское корейское общество милосердия.

Корейские художественные коллективы. В справочник включены как ранее существовавшие, так и нынешние коллективы – как профессиональные, так и самодеятельные.

Театральные коллективы: Гурленский межрайонный корейский театр, Народный театр колхоза «Полярная звезда», Ташкентский областной корейский театр, Корейский курс актёрского факультета Ташкентского института искусств.

Эстрадно-фольклорные коллективы: Корейский ансамбль песни и танца «Каягым», Корейский ансамбль при Узгосэстраде, Фольклорный ансамбль «Ниль нири», ВИА «Торади», Хор ветеранов колхоза им. Беруни (быв. им. Димитрова), Корейский ансамбль колхоза «Политотдел» «Чен-Чун», Корейский ансамбль песни и танца Узгосфилармонии «Чен-Чун».

Детские коллективы: Детский хореографический ансамбль «Жемчужина», Детский корейский ансамбль «Тиндалля», Корейское детско-творческое объединение «Сяммуль»,

Образовательные учреждения представлены в справоч-

нике как вузовскими подразделениями, так и школами различных типов:

– отделение корейского языка и литературы при факультете иностранных языков Ташкентского государственного педагогического университета им. Низами;

– факультет корееведения Ташкентского государственного института востоковедения;

– корейская воскресная школа при Республиканском центре детского художественного творчества;

– школа корейского языка им. Сечжона;

– школа № 19 Юкориичирчикского района.

Корейские средства массовой информации: корреспондентский пункт газеты «Корё ильбо» в Ташкенте, газета «Корё синмун», корейская телевизионная программа «Чинсэн».

Смешанные организации. В справочнике также отражены организации, созданные не по этническому принципу, но которые создавались с активным участием корейцев и связаны с сотрудничеством со странами Корейского полуострова и корейскими зарубежными диаспорами. К ним можно отнести: Общество содействия узбекско-корейскому экономическому и культурному сотрудничеству, Ассоциацию таэквондо Республики Узбекистан, Узбекскую федерацию корейской борьбы сирым, Центр развития таэквондо Республики Узбекистан.

Персоналии

Статьи по персоналиям дают широкую панораму достижений корейцев в различных областях народного хозяйства и общественно-политической жизни.

Всем известен вклад корейцев в сельское хозяйство Узбекистана. Достаточно сказать, что все 135 корейцев, Героев Социалистического Труда, упомянутые в справочнике, получили это звание за достижения в сельском хозяйстве.

В справочнике указаны руководители сельскохозяйственного производства.

Председатели колхозов:

– «Полярная звезда» (с 1974 г. им. Ким Пен Хва) – *Ли Бон Хо, Ким Пен Хва, Тё А. Е.*;

– «Правда» Верхнечирчикского района (Юкоричирчикского) Ташкентской области – *Пак С., Пак А., Шегай Сан Се, Ан В., Цой А. И., Цой И. А., Югай Б. И., Хван М. Б.*;

– «Северный маяк» Среднечирчикского района Ташкентской области – *Цой С Г., Ни А. В., Когай С. С.*;

– «Советская Каракалпакия» – *Шегай Р. А.*;

– «Сталинская конституция» – *Ким Гван Тхэк*;

– «Ташаул» (до 1992 г. «Ленинград») – *Ким А. С.*;

– «Узбекистан» Верхнечирчикского (Юкоричирчикского) района – *Пак Дон Хыб, Цой А. Р., Ким Сан Бин.*

Директора совхозов:

– им. Аль-Хорезми – *Ким Н. В.*;

– им. 40 лет Октября Бекабадского района – *Тен А. В.*;

– им. 50-летия ВЛКСМ Нукусского района ККАССР – *Ким К. С.*;

– им. Чапаева Ленинабадского района ККАССР – *Хе Нам Гык*;

– «Алтынкуль» Ленинабадского района ККАССР – *Ли Чун Бяк*;

– «Гульбах» Задарьинского Наманганской области – *Тен Хай-гюн*;

– «Майяб» Чимбайского района ККАССР – *Ким Бон Су*;

– «Маданият» Караузьякского района ККАССР – *Ким В. А.*;

– «Октябрь» Чимбайского района ККАССР – *Ким Моисей*;

– «Раушан» ККАССР (до 1957 г. им. Булганина) – *Ем А. С., Цой В. М., Пак Гук Нон*;

– «Янгиабд» Гурленского района Хорезмской области – *Пак И. Чун.*

Таким образом, по данным справочника с 1937 г. по конец 90-х гг. 84 корейца возглавляли 27 колхозов и 11 совхозов республики. Эти цифры являются не полными, так как автор

в предисловии «От составителя» пишет, что после переселения «на новых землях было создано 50 корейских колхозов, которые объединили около 6 тысяч семей. Остальные семьи были распределены по существовавшим 222 колхозам»¹⁷.

Помимо руководства колхозами и совхозами, корейцы занимали и другие должности в области сельского хозяйства и животноводства, такие как – начальник отдела зерновых культур Минсельхоза Республики Каракалпакстан (Тян Н. Н.), начальник облуправления хлебопродуктов Андижанской области (Пак Н. П.), зам. начальника Мархаматского райсельхозуправления (Пак Н. П.), генеральный директор Каттакурганского объединения по производству мяса птицы (Тен И. П.), генеральный директор Кувасайского птицеводческого объединения (Ли Ф. С.), директор Андижанского птицепремпродуктора (Ким Сун Нам, Ли Э.), директор Верхнечирчикского лубзавода (Тен А. В.), зам. генерального директора Газалкентского агрокомбината (Мун В. С.), что нашло отражение в справочнике.

Наряду с сельским хозяйством, корейцы внесли существенный вклад и в другие отрасли народного хозяйства. Они возглавляли крупные промышленные объединения, занимали высокие посты в различных секторах государственных структур.

В справочнике в биографических справках отражены следующие руководящие должности республиканского уровня, которые занимали корейцы: генеральный директор «Узавтосаноаттранс» (Ким Е. Х.), генеральный директор объединения «Узтрансгаз» (Те В. И.), первый заместитель генерального директора «Хаво Йуллари» (Тян В. Н.), председатель правления Совета директоров Узбекского межотраслевого объединения «Шодлик» (Огай В. В.), начальник республиканского объединения «Узпчелопром» (Юн М. И.), управляющий трестом «Узоргстроймелиорация» (Ем И. В.), заместитель председателя ассоциации «Узлегпром» (Ким Ф. Н.), заместитель председателя ассоциации «Узмашпром» (Хан А. М.), первый заме-

ститель председателя ассоциации «Узтрансстрой» (*Ким Л. П.*), первый заместитель председателя госконцерна «Узхлебпродукт» (*Тен Н. Д.*), первый заместитель председателя объединения «Узсельхозснабремонт» (*Ким А. П.*), заместитель генерального директора объединения «Узгазпром» (*Те В. И.*), первый заместитель генерального директора внешнеторгового объединения «Узинторг» (*Ли В. Ю.*), заместитель генерального директора торгово-промышленного объединения «Узбекистан» (*Хегай А. М.*).

На областном уровне это – директор внешнеэкономической ассоциации Ферганской области *Лян В. Р.*, председатель Нукусской городской палаты товаропроизводителей и предпринимателей *Пак К. А.*

Корейцы также занимали следующие должностные посты на республиканском уровне: начальник управления «Узбекбирляшув» (*Ким А. П.*), начальник управления «Узснабсельхозремонт» (*Ким А. П.*), управляющий трестом «Узпромвентиляция» (*Ким Ф. М.*), начальник управления Министерства строительства (*Ли А. Г.*), начальник Главного управления Министерства водного хозяйства (*Ли А. С.*), начальник Главного управления Министерства водного хозяйства (*Ли С. И.*), начальник управления Министерства автотранспорта (*Ли Н. С.*), начальник Главного планово-экономического управления Министерства сельского хозяйства (*Пан Т. А.*), начальник Главного планово-экономического управления Госагропрома Узбекистана (*Пан Т. А.*); начальник управления Министерства высшего и среднего специального образования (*Пан Ч. С.*), начальник управления делами Министерства народного образования (*Пан Ч. С.*), зам. начальника управления «Главсредазирсовхозстрой» (*Кан П. Х.*), зам. начальника управления Министерства энергетики и электрификации РУз (*Ким В. А.*), зам. начальника управления Минбыта ККАССР (*Ким Г. В.*), зам. начальника управления Министерства обороны РУз (*Хан В. М.*); начальник отдела ЦСУ при Совмине УзССР (*Угай Де Гук*), начальник от-

дела Министерства пищевой промышленности (Пан Ч. С.), начальник правового отдела Госснаба (Тё А. В.), начальник правового отдела Госплана (Тё А. В.).

Корейцами возглавлялись десятки промышленных объединений и предприятий по всей республике. Это управляющий трестом «Промвентиляция» (Лю Е. Г.), председатель АО «Стройконструкции и детали», г. Тахиаташ (Цхай Н. Д.), председатель Сурхандарьинского облобъединения «Агроснабремонт» (Ким Ен Мук), председатель правления АО «Ахангаранстройпластмасс» (Пяк Л. Х.) генеральный директор Ташкентского инструментального объединения (Хегай А. В.), генеральный директор Самаркандского ПО «Электробытмаш» (Чжен В. А.), генеральный директор ПО «Джизакнефтепродукт» (Огай А. И.), генеральный директор директор НПО «Узводприбомаш» (Сон А. Д.), генеральный директор Самаркандского областного пчелообъединения (Юн М. С.) и др.

Это директора Алмалыкского завода металлоконструкций (Ким Ф. М.), Андижанского завода «Ирмаш» (Пак В. Г.), Ахангаранского завода стройпластмасс (Пяк Л. Х.), Бахтинского завода железобетонных изделий (Ли А. Г.), Бекабадского завода нерудных материалов (Чагай И. Н.), Бухарского ремзавода (Ким Е. Ч.), Маргиланского завода металлоизделий (Ким М. Ч.), Нукусского авторемзавода (Пак Г.), Нукусского завода безалкогольных напитков (Ким В. М.), Нукусского хлебокомбината (Ким В. М.), МТС Бухарского района (Ким Е. Ч.), объединения «Каракалпаквторчермет» (Пак Г.), Ташкентского агрегатного завода (Тен Э. В.); Ташкентской фабрики спорттоваров (Тян Хак Пон), Тахиаташского ремонтно-механического завода строительных конструкций (Цхай Н. Д.), Термезского мелькомбината (Пан Хо Нам), Тойтепинского завода металлоконструкций (Шин В. В.), Самаркандского лифтостроительного завода (Тен П. С.), Джалалкудукского ватного объединения (Цо В. И.), Узбекского комбината тугоплавких и жаропрочных металлов, г. Чирчик (Пак В. И.); завода «Хлопкомаш» (Чжен В. А.).

Это заместители директоров: Алмалыкского горно-металлургического комбината (*Шегай Е. К.*), Ташкентского кожгалантерейного объединения (*Ким Ф. Н.*), завода ирригационного приборостроения (*Сон А. Д.*).

В отдельных отраслях корейцы занимали следующие должности.

Строительство и монтаж

Управляющие трестами: «Самаркандградострой» (*Тен Н. Д.*), «Химстрой» (Самарканд, *Ким А. А.*), «Сырдарьяводсовхозстрой» (*Ли А. С.*), «Янгиергидрострой» (*Пак П. Б.*), жилищного хозяйства г. Маргелана (*Лигай Л. И.*), начальник объединения «Ташоблагропромстрой-2» (*Хегай Т. А.*).

Заместители управляющих трестами: «Ташгорпромстрой» (*Ким А. К.*), «Приаралводстрой» (*Тен З. Я.*), первый зам. начальника управления треста совхозов «Голодностепстроя» (*Хегай А. М.*),

Начальники управления трестами: «Тахияташгидроэнергострой» (*Ким А. А.*), «Стальмонтаж», г. Самарканд (*Мин Н. А.*), «Узбекспецмонтажстрой», г. Ташкент (*Пак К. Г.*), «Джизакирсовхозстрой» (*Кан П. Х.*).

Начальник дорожно-строительного управления № 2 Хорезмской области (*Ким С. С.*), зам. начальника СМУ «Тахияташгидроэнергострой» (*Ким Г. С.*), начальник СМУ «Гидроэнергострой», г. Тахияташ (*Ким А. А.*), начальник Маргеланского РСУ (*Лигай Л. И.*), начальник СМУ треста «Талимарджангидрострой» (*Пак П. Б.*), начальник СМУ № 11, г. Фергана (*Ким В. А.*), начальник СУ, г. Фергана (*Легай О. А.*), начальник управления производственно-технической комплектации треста «Каракалпакремстроймелиорация» (*Пак Н. И.*), зам. генерального директора НТЦ «Узгосстроя» и Минстроя (*Лем Р. А.*), зам. начальника управления «Каракалпакирсовхозстрой» (*Пак Н. И.*), зам. начальника объединения «Аралсельхозводопроводстрой» (*Тен З. Я.*).

В различных городах корейцы возглавляли ПМК: ПМК «Гидромеханизация» (г. Тахиаташ, ККАССР) – *Цхай О. С.*; г. Бухара – *Ким Ф. М.*; г. Джизак – *Ким Ф. М.*, «Сантехмонтаж»; г. Андижан – *Ли Ю. В.*, г. Нукус – *Пак Н. И.*, ПМК № 21; г. Ташкент – *Хегай Т. А.*, «Узсельхозтехники»; Наманганская обл. – *Цой Н. П.*

Транспорт, энергетика и связь

Начальник Государственной инспекции по надзору за безопасностью полётов при Кабинете Министров Республики Узбекистан, первый зам. генерального директора национальной авиакомпании «Узбекистон хаво йуллари» (*Тян В. Н.*), генеральный директор авиакомпании «Трансазия» (*Ан К. А.*), командир лётного отряда пассажирских лайнеров Ил-62 (*Пан В. Д.*), руководитель полётов Ташкентского авиаобъединения им. Чкалова (*Ли Э. Ф.*), директор грузовой автостанции г. Бекабада (*Пяк В.*), зам. управляющего автотрестом, г. Нукус (*Ким Г. Н.*), директор Нукусского автобусного парка (*Ким Н. Г.*), директор автотранспортного предприятия, г. Самарканд (*Лем Сен Чер*), директор Алмалыкского автотранспортного предприятия (*Пак К.*), начальник Кунградской автобазы № 4 (*Ли В. А.*).

Зам. директора Тахиаташской ГРЭС (*Ким Г. С.*).

Начальник Сырдарьинского облуправления связи (*Хам В. В.*), председатель правления АО «Сырдарьятелеком» (*Хам В. В.*).

Геологоразведка. Зам. генерального директора Самаркандского производственного геологического объединения – *Цой Р. В.*

Потребсоюзы

Председатели: Ташкентского облпотребсоюза, председатель Пскентского райпотребобщества (*Ли А. В.*), Ленинского райпотребсоюза (*Пак Н. П.*).

Зам. председателей: Хорезмского облпотребсоюза (*Ли Н. Д.*,

Пан Хо Нам), Сурхандарьинского облпотребсоюза (*Пан Хо Нам*).

Финансы

Главный ревизор Госбанка Республики Узбекистан по Каракалпакии (*Пак Г. П.*), председатель ревизионной комиссии Республиканского потребсоюза (*Ли А. В.*), нач. отдела Госкомитета по ценам УзССР (*Пан Т. А.*), зам. начальника – директор расчётно-кассового центра Главного управления ЦБ РУз (*Юн Н. С.*), главный бухгалтер республиканского объединения «Узколхозстрой» (*Ким А. В.*), начальник КРУ Минфина Узбекистана по Навоийской области, зав. финотделом Навоийского горисполкома, зам. зав. облфинотделом Навоийской области (*Ким С. К.*).

С развитием банковской системы в период перестройки и независимости корейцы начинают занимать высокие должности и в этой сфере: зам. управляющего Национальным банком Республики Узбекистан (*Пак А. Т.*); зам. управляющего «Трастбанка» (*Пак В. Н.*); председатель правления «Инвестбанка» (*Дигай В. В.*); председатель правления «Узлегкомбанка» (*Ким А. К.*); председатель правления «Алокабанка» (*Ким К. А.*); зам. председателя правления «Инвестбанка» (*Пан Т. А., Дигай В. В.*); зам. председателя правления «Асака-банка» (*Ким А. К.*), зам. председателя правления дочернего банка Центральноазиатского банка сотрудничества и развития (*Пан Т. А.*).

На региональном уровне – начальник Ташгоруправления Промстройбанка, управляющий Алмалыкским отделением Стройбанка (*Тен В. А.*), зам. управляющего Кокандского отделения Госбанка (*Чжен Е. А.*).

Здравоохранение

Зам. начальника медицинского Управления Минобороны РУз (*Хан В. М.*), первый зам. зав. облздравотделом Самаркандской области (*Цой В. А.*), главный специалист Минздрава по гемо-

диализу (Пак Н. П.), главврач Аккурганской райбольницы (Лигай Т. А.), главврач раймедобъединения Гурленского района Хорезмской области (Ким И. Л.), главврач Туракурганского противотуберкулёзного диспансера (Пак М. Т.), главврач Тахиаташской горбольницы, главврач Каракалпакского республиканского онкодиспансера (Шек Б. А.), главврач роддома № 4 г. Самарканда (Цой В. А.), главврач Хорезмской областной детской больницы (Ким З. Т.), главный педиатр Мирабадского района г. Ташкента, главврач поликлиники Серглийского района г. Ташкента (Ан З. Д.), зав. отделением Республиканского онкоцентра (Ким С. Е.), зав. отделением Каракалпакского республиканского онкоцентра (Ким Л. А.).

Наука, образование и культура

Первые корейские диссертации появляются уже в начале 1950-х гг. В 1950 г. защищается кандидатская диссертация Тена А. Б. по экономике колхоза «Полярная звезда»¹⁸. Появляются исследования в области филологии (Хегай М. А.), физико-математических наук (Цай И. П., Цай А. Г.), химии (Пак Я. В.)¹⁹. С этого момента начинается активное заполнение корейцами академической ниши. Ими защищаются кандидатские и докторские диссертации в области физико-математических, геолого-минералогических, технических и сельскохозяйственных наук, географии, химии, биологии, медицины, фармации, ветеринарии, философии, истории, экономики, политологии, права, филологии, педагогики, искусствоведения. По данным каталогов Фундаментальной библиотеки АН РУз, с 1950 по 1990 гг. корейцами Узбекистана были защищены диссертации в области технических наук – около 30, в области естественных наук – более 95, в области общественных и гуманитарных наук – более 85, всего – более 210 диссертаций²⁰.

Среди учёных-корейцев были: член АН Узбекистана (Ким В. В.).

Справочник Ким Брутта о корейцах в вузах и НИИ.

В вузах:

– *ректора вузов* – Ташкентского института культуры (Хан С. М.), Ташкентского института инженеров ирригации и механизации сельского хозяйства (Эм В. А.);

– *проректора вузов* – Ташкентского института народного хозяйства (Ким В. В.), Ташкентского института востоковедения (Ким В. С.), Ташкентского аграрного университета (Лим С. Д.), Ташкентского электротехнического института связи (Сон В. М.), Самаркандского кооперативного института (Пак Н. И.), Сырдарьинского пединститута (Югай И. Г.), Ташкентского института культуры (Хан С. М.), Ташкентского аграрного университета (Хан Н. А.), СамГУ (Шек А. В.), Ташкентского института инженеров ирригации и механизации сельского хозяйства (Эм В. А.);

– *деканы* – Высшей партийной школы (Хан С. М.), факультета корееведения Ташкентского института востоковедения (Ким Мун Ук), СамГУ (Шек А. В.), Сырдарьинского пединститута (Югай И. Г.), Ташкентского электротехнического института связи (Сон В. М.), факультета иностранных языков Ташкентского педагогического университета (Югай И. Г.), факультета международных экономических отношений Ташкентского института востоковедения (Ким В. С.), по работе с иностранными студентами Ташкентского технического университета (Цой В. П.), физического факультета Каракалпакского госуниверситета (Кан М. А.), филологического факультета Наманганского пединститута (Цай А. В.), филологического факультета ТашГУ (Ким Л. Л.), географического факультета ТашГУ (Когай Н. А.);

– *зам. декана филологического факультета ТашГУ* (Хегай М. А.), ТППИ им. Низами (Эм З. Б.);

– *заведующие кафедрами*: Ангреноского филиала Ташкентского политехнического института (Ли В. А.), Андиджанского мединститута (Дон А. Н.), Андиджанского сельхозинститута (Кан А. А.), Андиджанского пединститута (Ким Л. Л.), Высшей партийной школы (Хан С. М.), ИПК Госстроя УзССР (Ли Б. С.),

Каршинского университета (Ким В. И.), Каршинского филиала ТИИМСХ (Ким Ман Гир), Наманганского пединститута (Цай А. В.), Нукусского университета (Хван Л. Б.), Самаркандского кооперативного института (Пак Н. И.), Ташкентского автодорожного института (Лем Сен Чер, Пак В. М., Тен В. С.), Ташкентского института востоковедения (Пак Н. В., Югай Л. П.), ТашГУ (Ким Л. Л., Ким О. М., Когай Н. А., Югай Л. П.), Ташкентского института культуры (Ким Н. С.), Ташкентского института инженеров ирригации и механизации сельского хозяйства (Пак Д. Н., Эм В. А.), Ташкентского института инженеров железнодорожного транспорта (Ким Лин Зу), Ташкентского педагогического института (Хегай М. А.), Ташкентского мединститута (Ким Э. Г., Лим Ген Чер), Ташкентского политехнического института (Хан С. А.), Ташкентского электротехнического института связи (Сон В. М.), Ферганского университета (Хен В. П.), Ферганского пединститута (Ким Л. Л.), Ферганского политехнического института (Хен В. П.);

В НИИ и проектных институтах:

– директора научно-исследовательских и проектных институтов – Института «УзгипроНИИполиграф» (Лю Г. Б.), НИИ института тугоплавких металлов и твёрдых сплавов (Шегай А. А.), Андижанского филиала проектного института «Узгипрозем» (Ни П. Е.);

– директора: научного центра Института экономики АН Узбекистана – (Лян Г. С.), Бухарского филиала НИИ хлопководства (Ким А. Г.), Андижанского филиала НПО «Хлопок» (Ким А. В.), Каракалпакского филиала Института труда и социальных проблем Республики Узбекистан (Огай О. А.);

– заместители директоров академических и проектных институтов – Института истории партии при ЦК КП Узбекистана (Ким П. Г.), НИИ экономики при Госплане УзССР (Ким В. С., Ли Б. С.), Центрального НИИхлопкопрома (Тен А. А.);

– заведующие отделами: НИИ экономики и нормативов при Госплане республики (Ли Б. С.), экспериментальной клиниче-

ской иммунологии ТашМИ (Цой М. Д.), селекции и генетики Анджижанского филиала НПО «Хлопок» – (Ким А. В.);

– *заведующий сектором НИИ экономики при Госплане УзССР* (Ким В. С.);

– *заведующие лабораториями: Анджижанского племптицере-продуктора* (Ли Э.), Кызылкумской пустынной станции (Ли А. Д.), Института микробиологии АН Узбекистана (Огай Д. К.), Института ядерной физики АН Узбекистана (Эм В. Т.), НИИ растениеводства АН Узбекистана (Ким Ю. М.), НПО Среднеазиатского НИИ ирригации (Хегай В. В.), Республиканского научно-исследовательского проектного института промышленной технологии (Когай М. П.), химии природных соединений ТашГУ (Тен Л. Н.).

В институтах повышения квалификации. Проректор, ИПК руководящих работников Госкомводхоза при Кабинете министров Узбекистана (Пак С. Д.), зам. директора ИПК финансово-банковских работников при Ташкентском финансовом институте (Пак А. В.).

В справочнике указывается следующие числа обладателей учёных степеней:

– докторов наук: химических – 2, исторических – 5, экономических – 10, технических – 1, филологических – 1, педагогических – 1, искусствоведения – 1, медицинских – 4, географических – 1, философских – 4, физико-математических – 2, геолого-минералогических – 1;

– кандидатов наук: геолого-минералогических – 1, химических – 12, сельскохозяйственных – 10, искусствоведения – 1, медицинских – 18, физико-математических – 8, филологических – 18, философских – 3, биологических – 8, юридических – 4, педагогических – 5, технических – 16, экономических – 11, исторических – 3.

В период независимости имеет место некоторый отток корейцев из сферы науки. Однако ряд корейцев остаётся в академической сфере. С 1991 по 2004 гг. ими было защищено 12 дис-

сертаций в области технических наук, 44 – в области естественных наук и 37 – в области общественных и гуманитарных наук, всего более 90 диссертаций²¹.

Широко корейцы были представлены и в системе просвещения, начиная от рядовых учителей и кончая директорами школ.

Справочник также отмечает заслуженных артистов и работников культуры Узбекистана: в области балета (*Егай В., Ким К. Н.*), эстрады (*Шин Г., Козгай О. Н.*), классической музыки (*Ким А. Б., Ли Н. Х.*), народного танца (*Ким Е. Н., Хван Ден Ук*), президента Ассоциации балльных танцев Республики Узбекистан (*Кан Р.*); художников (*Ан В., Кан Г. М., Ки Э., Ким Б. А., Ким Г. Н., Ли А. В., Пак Н. С., Шин Н. С., Шин И. и др.*); композиторов (*Ли Д. Н., Пак Ен Дин, Пак Э., Тен Ин Мук*), писателей и поэтов (*Те Мен Хи, Угай Де Гук, Ли В., Пак Б., Ким М. и др.*), режиссёров кино и телевидения (*Ким Г. Н., Эгай С. Б.*) и т.д.

Кроме того, отмечены академик Академии художеств РУз (*Шин Н. С.*), секретари правления Союза художников УзССР (*Пак Н. С., Шин Н. С.*), члены Академии художеств (*Ки Эдисон, Ким Г. Н., Ли А. В., Шин И. И.*), главные художники ТЮЗа (*Кан Г. М.*), Андижанского драматического театра (*Лигаи В. И.*), Бухарского музыкально-драматического театра (*Ким Б. А.*), главные балетмейстеры Бухарского музыкально-драматического театра (*Ким К. Н.*), Ташкентского государственного театра оперетты (*Лян А. Г.*).

В области **СМИ** в справочнике указываются: зам. директора Главной распорядительной дирекции Гостелерадиокомпании Республики Узбекистан (*Ли А. П.*), редактор программы «Чинсэн» Гостелерадиокомпании Республики Узбекистан (*Пак Р. И.*), генеральный директор Агентства финансовых новостей (*Дюгай А. П.*), генеральный директор газеты «Даракчи» (Самарканд, *Ким А. М.*), главный редактор редакции переводов УзА (*Дюгай П. В.*), главный редактор УзТВ по подготовке программ для ЦТ (*Нигаи И. О.*), главный редактор «Корё син-

мун» (Ким Б. И.), редакторы газет «Советская Каракалпакия» (Лю Г. И.), «Сырдарьинская правда» (Пак Л. Н.), «Рабочий Бекабад» (Пан В. Х.), заместители главных редакторов «Азия-Юнпресс» (Цой В. А.), «Правда Востока» (Лю Г. И.), «Народное слово» (Пак Л. Н.), «Вечерний Ташкент» (Пак Л. Л.), «Джизакская правда» (Дюгай П. В.), «Сельская правда» (Лю Г. И., Пак Л. Н.), «Сырдарьинская правда» (Магай В. И.), редактор отдела общественно-политической жизни «Народного слова» (Дюгай П. В.), зав. отделом «Правда Востока» (Пак Л. Н.), зав. корпунктом «Корё Ильбо» (Ким В. Н., Хан В. С.).

Спорт

Справочник даёт обширную информацию по корейцам, внесшим значительный вклад в развитие спорта в Узбекистане. Это:

в боксе – обладатели Кубка мира (Шин В. Н.), призёры чемпионата мира (Шин В. Н.), чемпионы СССР (Пак Ф. Ф.), обладатели Кубка СССР (Пак Ф. Ф.), призёры чемпионата СССР (Пак Ф. Ф., Шин В. Н.), чемпионы Узбекистана (Цой А. Д.), призёры чемпионата Узбекистана (Дин А. Д., Ким П. Г., Ян А. П.), чемпионы Вооружённых сил СССР (Тен Г. Б., Шин В. Н.), призёры чемпионата Вооружённых сил СССР (Ким П. Г., Лем Р. А.), чемпионы молодёжного чемпионата Европы (Пак Ф. Ф.);

в классической борьбе – призёры чемпионата СССР (Ли М. Н.), чемпионы Узбекистана (Ли М. Н., Пяк О. Л.);

в дзюдо – чемпионы Узбекистана и чемпионы молодёжного чемпионата СССР (Ан Н. Р.);

в самбо – призёры чемпионата мира (Ким Р. М.), чемпионы малого чемпионата мира (Ан М. Ф.), чемпионы Европы (Ан М. Ф.), призёры чемпионатов СССР (Ан М. Ф.), чемпионы Узбекистана (Ким Г. Г., Ким В. А., Ким Р. М., Ким Ю. С., Ли М. Д.), чемпионы Казахстана (Ким В. А.), призёры молодёжного чемпионата мира (Ким Р. М.), чемпионы молодёжного чемпионата СССР (Ким Г. Г., Ким Р. М.);

в каратэ – чемпионы СССР (*Ли М. Н., Ли Э. Н., Югай Н. А.*), призёры чемпионата СССР (*Ли А. В., Пяк О. Л.*), чемпионы Узбекистана (*Ли А. Ф., Ли А. В., Ли М. Н., Лигай В. В., Пяк О. Л.*), чемпионы молодёжного чемпионата СССР (*Ли А. В.*);

в таэквондо – призёры чемпионата мира (*Ким О. В., Ли Л. Ю.*), чемпионы Европы (*Ли Э. Н.*), призёры чемпионата Европы (*Ким А. Э., Ким О. В.*), чемпионы Узбекистана (*Ким А. Э., Ли А. В., Ни А. А., Тен А.*), чемпионы молодёжного чемпионата мира (*Ли Л. Ю.*);

в кураш – чемпионы Узбекистана (*Нугай И. О.*);

в тяжёлой атлетике – призёры чемпионата СССР (*Ан В. И., Лигай В. А.*), чемпионы Узбекистана (*Ан В. И., Лигай В. А., Лигай Ю. В.*), призёры чемпионата Узбекистана (*Ким Д. Ф.*);

в спортивной гимнастике – чемпион СССР (*Югай В. Г.*);

в футболе – чемпионы Узбекистана (*Ни С. В.*), чемпионы молодёжного чемпионата Европы (*Ан М. И.*);

в гандболе – призёры чемпионата Узбекистана (*Хам А. Е.*);

в баскетболе – призёры молодёжного чемпионата Узбекистана (*Ким А. Р.*);

в хоккее на траве – призёры Олимпийских игр (*Хам А. Е.*), призёры чемпионата мира (*Ли Л.*), призёры Кубка чемпионов Азии (*Ким Л. А., Эм И.* и др.), чемпионы СССР (*Хам А. Е.*), призёры чемпионата СССР (*Ким Л. А., Хам А. Е.*), чемпионы Узбекистана (*Ким Л. А., Хам А. Е.*);

в фехтовании – призёры чемпионата Казахстана, чемпионы Кубка Казахстана (*Ким М. Н.*);

в настольном теннисе – чемпионы Узбекистана (*Шин В. А.*);

в шахматах – чемпионы Узбекистана (*Ким О. С., Хегай А. Ч.*).

Наряду с личными спортивными достижениями, корейцы сыграли огромную роль в подготовке спортивных кадров. Достаточно сказать, что главными тренерами сборных команд Узбекистана были: по дзюдо – *Ан М. Ф.*, по таэквондо – *Ли Э. Н., Пяк О. Л.*, по самбо – *Ан М. Ф.*, по боксу – *Шин В. Н.*,

по тяжёлой атлетике – *Ким Д. Ф.*, по фигурному катанию – *Хван И. А.*, по хоккею на траве (женская команда) – *Хван И. А.*; главным тренером сборной команды Каракалпакии по тяжёлой атлетике – *Пак В. А.*; главным тренером сборных команд СССР: по таэквондо – *Пяк О. Л.*, по хоккею на траве (женская команда) – *Хван И. А.*; начальником сборной Узбекистана по гребле – *Ким М. Н.*, тренером-администратором Олимпийской сборной Узбекистана – *Ким М. А.*

Государственный тренер РУз по хоккею на траве – *Ким В. А.*

Корейцы также возглавляли сборные команды Ташкентской области по самбо – *Ким Г. Г.*, Андижанской области по тяжёлой атлетике – *Ким А. П.*, работали руководителями и старшими тренерами в республиканских спортклубах, республиканской школе высшего спортивного мастерства, республиканской школы олимпийского резерва и т.д. Они также возглавляли Республиканскую детскую спортивную школу (ДСШ) по игровым видам – *Ким В. А.*; ДСШ г. Нукуса – *Пак В. А.*

Корейцы занимали высокие административные спортивные посты, такие как: генеральный секретарь Национального Олимпийского комитета Республики Узбекистан – *Лидай В. В.*; заместитель председателя Государственного комитета по спорту Республики Узбекистан – *Фен В. В.*; генеральный секретарь Азиатского союза борьбы кураш – *Лидай В. В.*; генеральный секретарь Федерации дзюдо Республики Узбекистан – *Ким Ю. С.*, *Югай Л. П.*; генеральный секретарь – исполнительный директор Федерации шахмат Республики Узбекистан – *Ким Р. Б.*; президент Азиатской федерации таэквондо (ИТФ) – *Лидай В. В.*; президент Ассоциации таэквондо (ВТФ) Республики Узбекистан – *Пяк О. Л.*, *Ли А. В.*; зам. генерального директора Центра развития таэквондо (ИТФ) – *Югай Н. А.*; вице-президент Федерации дзюдо Республики Узбекистан – *Ан М. Ф.*; вице-президент Федерации сирым Республики Узбекистан – *Югай Н. А.*, *Ким В. А.*; директор Каракалпакского центра развития таэквондо – *Ким А. А.*;

зам. облспорткомитета Хорнзмской области – *Пак Э. В.*; Председатель Ферганского облспорткомитета – *Фен В. В.*; 1-й заместитель Бухарского облспорткомитета – *Чжен В. К.*; Начальник футбольных команд «Пахтакор», «Звезда» (Джизак), «Сохибкор» (Халкабад) – *Шегай Д. И.*

Органы власти

Корейцы широко были представлены в органах власти различного уровня.

В партийных органах корейцы занимали следующие посты:

Зав. сектором Рескома партии ККАССР (*Тюгай А. С.*).

На уровне обкомов партии:

Зав. отделом Андижанского обкома (*Ли А. И.*).

Зам. зав. отделами: Бухарского обкома (*Ким А. Г.*), Сырдарьинского обкома (*Ким Б. С.*), Хорезмского обкома (*Ким Н. В.*).

На уровне горкомов партии:

2-е секретари горкомов: Каттакурганского (*Ким Г. А.*), Маргиланского (*Лян Р.*), Ферганского (*Пак К. А.*).

Секретари: Наримановского горкома (*Шек А. А.*).

Зав. отделами: Алмалыкского горкома (*Ли Н. С.*, *Югай В. В.*), Ферганского горкома (*Пак К. А.*), Бекабадского (*Пан В. Х.*).

На уровне райкомов партии:

1-е секретари: Хивинского райкома (*Ли М. Д.*), Верхнечирчикского райкома (*Ким М. В.*),

2-е секретари райкомов: Аккурганского (*Дон А. Н.*, *Ким К. А.*), Среднечирчикского (*Ан Ф. Г.*, *Ким М. В.*, *Тян Н. Н.*), Верхнечирчикского (*Ким М. В.*), Нижнечирчикского (*Хегай А. И.*), Сиабско-го (*Ан В. А.*), Новбахорского (*Ким А. Г.*), Берунийского (*Пак В. Д.*), Балыкчинского (*Пак Н. И.*) Туракурганского (*Тен Хайгюн*), Янгиюльского (*Хегай А. И.*), Бектемирского (*Шегай В. А.*).

Секретари: Верхнечирчикского райкома (*Шек А. А.*), Гурленского, Кашкупырского, Ургенчского, Янгибазарского райкомов Хорезмской области (*Ким Н. В.*).

Исполнительная власть. На уровне исполкомов:

Председателей: Верхнечирчикского райисполкома (Ким М. В.), Туракурганского райисполкома (Тен Хайгюн), зам. председателей облисполкомов: Хорезмского (Ли М. Д.), Ферганского (Фен В. В.), Наманганского (Тен Хайгюн); зам. председателей горисполкомов: Алмалыкского (Югай В. В.), Кокандского (Чжен Е. А.), Термезского (Пан Хо Нам), Янгиерского (Огай К. Г.); зам. председателей райисполкомов: Среднечирчикского райисполкома (Когай С. С.), райисполкома г. Ташкента (Нам И. Д.).

На уровне хокимиатов они в основном занимали должности председателей райисполкомов (Верхнечирчикский район), заместителей хокимов Ферганской области (Фен В. В.), Сырдарьинской области (Хам В. В.), г. Алмалыка (Югай В. В.), в городах Чирчик, Янгиер, Нукус, Фергана – Ким Б. С.), начальников отделов хокимиатов (Куйичирчикский район – Ким А. И., г. Самарканд), зам. заведующих отделами.

Законодательная власть. Узбекистанские корейцы избирались также депутатами Советов различного уровня. Они были представлены в высшем законодательном органе страны – Верховном Совете СССР – Дюгай В. К., Кан А., Кан О Нам, Ли Л. и Цо В. Депутатами Верховного Совета Узбекистана избирались Шин Ден Дик, Ким Н. В., Ким Пен Хва, Кан П. Х., Ким П. Х., Пак Н. И., Тен И. П., Тен Х. Т., Хван Ман Гым; Верховного Совета Каракалпакстана – Кан А. Д., Ким А. А., Лю Г. И.

На уровне областей – были представлены в Советах народных депутатов Андижанской (Ким А. В., Пак Н. И.), Бухарской (Ким А. Г.), Самаркандской (Ким А. А., Ким Г. А.), Сырдарьинской (Ким Б. С.), Ташкентской (Ким Д. А., Ли А. В., Пак Н. И., Цой И. А., Эм Т. В.), Ферганской (Ли Ф. С., Лян Р., Пак К. А.) и Хорезмской (Ли М. Д.) областей.

На уровне городских Советов избирались депутатами в городах Андижан (Пак В. Г., Пак Н. И., Хегай П. П.), Ангрен (Югай Ю. А.), Алмалык (Кан Г. М., Югай В. В.), Ахангаран

(Пяк Л. Х.), Бекабад (Хван Г. Л.), Беруни (Пак В. Д.), Коканд (Чжен Е. А.), Маргилан (Ким М. Ч., Ли Е. П.), Навои (Тян В. Д.), Нукус (Ким В. Н.), Самарканд (Ким А. А.), Ташкент (Магай Б.), Талимарджан (Пак П. Б.), Тахиаташ (Ким Г. С., Цхай Н. Д., Цхай О. С.), Термез (Кан А. С., Пан Хо Нам), Фергана (Пак К. А.), Хива (Пак В. Б.), Чирчик (Пак В. И., Угай Чер Сик, Цой И. С.).

На уровне районных Советов – Бухарский район (Ким Е. Ч.), Среднечирчикский (Ан Ф. Г.), Верхнечирчикский районы (Ким Д. А.), райсовет г. Самарканда (Ким А. Ф.), Балыкчинский район Андижанской области (Пак Н. П.), Ленинский район Андижанской области (Ким А. В.), Пастдаргомский район Самаркандской области (Тен С. С.), Ленинабадский район ККАССР (Тян Н. И.), Текстильного района г. Бухары (Чжен В. К.).

В период независимости в Олий Маджлис избирался Ким С. С.

Если говорить о высших правительственных структурах, то корейцы занимали должности: заместителя премьер-министра Республики Узбекистан (Чжен В. А.); министров – председателя Государственного комитета по управлению государственным имуществом и приватизацией (Чжен В. А.), министра местной промышленности (Чжен В. А.), председателя Государственного комитета по рыбному хозяйству (Тен Х. Т.); заместителей министров – строительства (Тен Н. Д.), хлебопродуктов (Тен Н. Л.), плодоовощного хозяйства (Тен Х. Т.), по геологии и минеральным ресурсам (Цой Р. В.), труда (Ли Р. М., Республика Каракалпакстан), народного образования (Пак А. А., Республика Каракалпакстан), зам. председателя Государственного комитета профтехобразования (Пак А. А., Республика Каракалпакстан).

Помощник Председателя Верховного Совета Республики Узбекистан (Тен Хайгюн); зав. отделом наград Верховного Совета Республики Каракалпакстан (Тян Р. И.).

Чрезвычайный и полномочный посол РУз в РК (Фен В. В.).

В качестве примеров высоких должностей, занимаемых корейцами в правительственных структурах, можно также назвать следующие посты: заместитель начальника управления делами Кабинета министров Республики Узбекистан (Ким Б. С.), начальник финансового управления Минпроса УзССР (Нам И. Д.), начальник Главного управления торговли Министерства плодоовощной продукции Узбекистана (Ли А. П.), заместитель начальника Главного управления национального инвестиционного фонда приватизации Республики Узбекистан (Ким Г. С.), Главный государственный налоговый инспектор Республики Узбекистан (Ким В. А.), Главный инспектор Комитета государственного контроля при Президенте Республики Узбекистан (Ким А. В.), Председатель экспертной комиссии Госплана УзССР (Ким В. С.), Начальник отдела обеспечения контроля за оборотом наркотиков Национального центра по борьбе с наркотиками при Кабинете министров РУз (Ким П. Г.), заведующий техническим центром пресс-службы Президента Республики Узбекистан (Ким С. В.), Директор по внешнеэкономическим связям Главного управления торговли Министерства по делам обороны РУз (Ли А. Г.), Начальник управления производственно-технической комплектации Министерства строительства республики (Ли А. Г.), Начальник госинспекции по охране и рациональному использованию земельных ресурсов Андижанской области (Ни П. Е.); Советник министерства народного образования Караалпакстана (Тюгай А. С.), Главный специалист госинспекции по заготовке и качеству сельхозпродукции при Совмине Республики Каракалпакстан (Пак В. А.), нач. управления статистики г. Ташкента (Магай Б.).

В органах прокуратуры и судебных органах: прокуроры Республики Узбекистан и г. Ташкента (Нам Р. Ю.), отдела по надзору прокуратуры Республики Узбекистан (Югай К. М.), Нижнечирчикского района (Ким Ду Чир), Туракурганского

района Наманганской области (*Тен Хайгюн*), Ферганской облпрокуратуры (*Пак В. А.*), военный прокурор РУз и Туркестанского военного округа (*Ким А. Ф.*), зам. прокурора г. Навои (*Тен Син Нам*), зам. председателя Сырдарьинского областного суда (*Югай К. М.*), народный судья г. Ферганы (*Юн Э. В.*).

В органах МВД: нач. УВД г. Янгиера (*Ким Ю. Н.*), нач. штаба УВД Сырдарьинского областного хокимиата (*Ким Ю. Н.*), нач. штаба УВД Навоийской области (*Тё Г. В.*), зам. нач. ГУВД г. Ташкента (*Когай А. М.*, *Тё Г. В.*), нач. секретариата МВД Узбекистана (*Когай А. М.*), зам. нач. управления уголовного розыска МВД УзССР (*Тен Н. В.*), зам. нач. управления БХСС УзССР (*Тен Н. В.*), зам. нач. штаба МВД УзССР (*Тен Н. В.*), нач. управления МВД УзССР (*Цой Н. В.*), зам. нач. службы социально-го и финансового обеспечения МВД Узбекистана (*Цой Н. В.*), зам. нач. отдела Главного управления по борьбе коррупции МВД РУз (*Чжен Э. С.*), 1-й зам. нач. Ферганского областного УВД (*Тен Н. В.*), зам. нач. следственного отдела Ферганской облпрокуратуры (*Тен Н. В.*), нач. вневедомственной охраны Ташобласти (*Югай В. Г.*), нач. Куйичирчикского РОВД (*Югай В. Г.*), нач. отдела пожарной охраны УВД Андижанской области (*Лим К. П.*), нач. пожарной охраны г. Андижана (*Ли А. Д.*), нач. финансово-экономического управления МЧС Узбекистана (*Цой Н. В.*), нач. Хорезмской областной Госавтоинспекции (*Тян Р. И.*).

Корейцы участвуют в установлении экономических отношений с Кореей, в виде СП: генеральный директор узбекско-корейского СП «Тэдонган» – *Хван Т. Ч.*, генеральный менеджер представительства южно-корейской компании «Тэсан трейдинг», г. Ташкент – *Ким А. Р.*, генеральный менеджер южно-корейской корпорации «Кабул текстайл», г. Ташкент – *Ли В. А.*, зам. генерального директора узбекско-корейского СП «МОТО-ШНОР» – *Пак В. А.*, зам. генерального директора узбекско-корейского СП «Дружба» – *Тен В. Д.*, вице-президент узбекско-корейского СП «АНА Текстиль Ко ЛТД», г. Тойтепа, – *Пак В. Т.*,

советник генерального директора узбекско-корейского СП «УзДЭУэлектроникс» – Ли Б. С.

В системе образования: нач. областного управления профтехобразования Андижанской области (Ли А. И.), зав. Андижанского горно (Хегай П. П.), зам. завоблоно Наманганской области (Хегай Ч. С., Цай А. В.), зав. районо в Таш. области (Хван Г. Л.), директора школ, училищ и техникумов (19 человек). Среди них отличники: народного образования СССР (Ким И. Р., Нам И. Д., Цхай Т. Т.), просвещения СССР (Ким Ф. М., Хегай М. А.), среднего специального образования СССР (Ли А. Н.), здравоохранения СССР (Ким З. Т., Цой М. Д.), финансовой службы СССР (Ким С. К.), образования УзССР (Ким И. Н., Нам И. Д., Хван Л. П.), просвещения УзССР (Цхай Т. Т.).

Корейцы были обладателями следующий званий: Заслуженный агроном Узбекской ССР, Заслуженный артист Узбекской ССР, Народный артист Узбекской ССР, Заслуженный артист РСФСР, Заслуженный артист Узбекской ССР, Заслуженный архитектор Узбекской ССР, Заслуженный ветеринарный врач Узбекской ССР, Заслуженный врач Узбекской ССР, Заслуженный деятель науки Узбекской ССР, Заслуженный деятель искусств Узбекской ССР, Заслуженный землеустроитель Узбекской ССР, Заслуженный зоотехник Узбекской ССР, Заслуженный гидротехник Узбекской ССР, Заслуженный горняк Узбекской ССР, Заслуженный мастер земледелия Узбекской ССР, Заслуженный металлург Узбекской ССР, Заслуженный механизатор Узбекской ССР, Заслуженный механизатор социалистического сельского хозяйства Узбекской ССР, Заслуженный работник высшей школы Узбекской ССР, Заслуженный работник жилищно-коммунального хозяйства и службы быта Узбекской ССР, Заслуженный работник МВД Узбекской ССР, Заслуженный работник культуры Узбекской ССР, Заслуженный работник промышленности Узбекской ССР, Заслуженный работник профессионально-технического образования Узбекской ССР, Заслуженный работник сельско-

го хозяйства Узбекской ССР, Заслуженный работник торговли и питания Узбекской ССР, Заслуженный рационализатор Узбекской ССР, Заслуженный рыбовод Узбекской ССР, Заслуженный строитель Узбекской ССР, Заслуженный тренер Узбекской ССР, Заслуженный тренер Узбекской ССР, Заслуженный тренер СССР, Заслуженный учитель Узбекской ССР, Заслуженный шахтёр Узбекской ССР, Заслуженный экономист Узбекской ССР, Заслуженный энергетик Узбекской ССР, Заслуженный юрист Узбекской ССР, Народный артист Республики Каракалпакстан.

Среди корейцев Узбекистана – лауреаты: Ленинской премии (Пак Л. И.), Государственной премии СССР (Кан П. Х., Цой Р. П.), премии Совета министров СССР (Хван Ман Гым), премии ВДНХ СССР (Пак Ф. И.), премии Ушинского АПН СССР (Ким И. Н.), премии им. Крупской (Цай Л. П.), премии Всесоюзного общества изобретателей и рационализаторов (Хегай А. В.), Государственной премии им. Хамзы (Ким Гым Няи), Государственной премии им. Беруни (Пак Н. П.), Государственной премии им. Улугбека (Тен С. Л.), премии АН Узбекистана (Лем Р. А.), премии Ленинского комсомола Узбекистана (Тен Л. Н., Хегай В. В., ансамбль «Ченчун»).

Справочник носит не полный характер, в нём встречаются ошибки и неточности. Так, андижанский биолог А. А. Кан – не кандидат наук, как сказано в справочнике, а доктор наук (1994 г.). К тому же в биографической справке о А. А. Кане указывается, что им в 1997 г. выпущена брошюра о корейцах Андижанской области, и в ней автор подробно описывает события, связанные с защитой докторской диссертации.

В 2000-е гг. Научно-техническим обществом «Тинбо» (председатель – доктор химических наук Л. М. Юн) при Ассоциации корейских культурных центров была опубликована серия книг под общим названием «Наши герои», посвящённых известным представителям корейской общины Узбекистана. Вышло 5 томов, содержащих 174 статьи²².

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Кан А. А. Корейцы Андижанской области. – Андижон: «Андижон», 1997. – С. 3.
- ² Там же.
- ³ Там же. – С. 4.
- ⁴ Там же. – С. 8.
- ⁵ Там же. – С. 3.
- ⁶ К сожалению, автор не даёт ни одной ссылки на используемые им архивы.
- ⁷ См.: Ким П. Корейцы Республики Узбекистан. – Т.: «Узбекистан», 1993. – С. 174.
- ⁸ См.: Ким В. Д. Корейцы Узбекистана: прошлое и настоящее // История, культура и быт корейцев Казахстана, Кыргызстана и Узбекистана: Материалы Международной научной конференции. – Бишкек: Бишкекский гуманитарный университет. – С. 47.
- ⁹ Говоря о 300 семьях, автор рассматривает «семью» в разрезе родственных связей (родители – дети – внуки), а не в терминах ЗАГСа.
- ¹⁰ В конце брошюры (с. 62), в сводке об остепенённых специалистах А. А. Кан указывает 5 кандидатов наук, в то время как по тексту их насчитывается 7. Возможно, автор не включил в сводку тех, кто в настоящее время проживает в других странах СНГ. Кроме того, в сводке не указан Ким А. В. – кандидат сельскохозяйственных наук, зав. отделом Андижанского филиала НПО «Хлопок».
- ¹¹ Думается, что число корейцев со средним специальным образованием намного больше. В брошюру вошли люди, достигшие заметных успехов и их родственники, в то время как среднетехнический персонал оказался ею не охвачен.
- ¹² Ким В. Аккурганский корейский культурный центр. – Т., 2001 (на правах рукописи).
- ¹³ Те же данные содержатся в другой брошюре того же автора: Ким В. Дорогой светлых надежд. – Т., 2001 (на правах рукописи). – С. 1-26 (в разделе «Аккурганский корейский культурный центр»).
- ¹⁴ Хван Д. Корейцы Каракалпакстана: вчера и сегодня. – Нукус, 2004.
- ¹⁵ Данные колхозы представлены отдельными статьями. Наряду с этим, в тексте справочника упоминаются 27 колхозов и 11 совхозов, которыми руководили корейцы.
- ¹⁶ Статья «Каракалпакские корейцы» (с. 32-33) написана *Алексеем Тюгем*, зам. председателя Ассоциации корейцев Республики Каракалпакстан.

- ¹⁷ Ким Б. Корейцы Узбекистана. Кто есть кто. – Т., 1999 г. – С. 7.
- ¹⁸ Тен А. Б. Экономика передового колхоза «Полярная звезда». Дисс... канд. экон. н. – Т., 1950.
- ¹⁹ Цай И. П. О некоторых приближенных решениях основных задач статики упругого тела. Дисс... канд. физ.-мат. н. – Т., 1952; Хегай М. А. Лексические заимствования из русского языка в корейских переводах. Дисс... канд. филол. н. – М., 1953; Цай А. Г. Об одном классе точных решений в цилиндрических функциях уравнений равновесия упругого тела. Дисс... канд. физ.-мат. н. – Т., 1954; Пак Я. В. Сарбция и теплота набухания хлопковых волокон различного возраста: Дисс... канд. хим. н. – Т., 1954.
- ²⁰ Данная цифра является неполной, так как основана на данных по авторефератам диссертаций в Фундаментальной библиотеке АН Республики Узбекистан. Она не учитывает ряд диссертаций, защищённых за пределами республики. Кроме того, существует проблема полноты комплектации библиотек.
- ²¹ Данная цифра основана на данных каталогов Фундаментальной библиотеки АН Узбекистана.
- ²² Краткие очерки о выдающихся корейцах Узбекистана. – Т.: Истиклол, 2006. – 284 с.; Краткие очерки о выдающихся корейцах Узбекистана (книга вторая). – Т.: Истиклол, 2009. – 250 с.; Краткие очерки о выдающихся корейцах Узбекистана (книга третья). – Т.: Чинор ЭНК, 2012. – 167 с.; Краткие очерки о выдающихся корейцах Узбекистана (книга четвёртая). – Т.: Чинор ЭНК, 2015. – 208 с.; Краткие очерки о выдающихся корейцах Узбекистана (книга пятая). – Т.: Тасвир, 2017. – 208 с.

Глава XII.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АРХИВНЫХ ФОНДОВ ПРИ ИЗУЧЕНИИ КОРЕЙЦЕВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Работа в архивах – важнейшая часть исследований по истории российских и советских корейцев. По истории постсоветских корейцев архивные документы ещё не использовались.

При освещении истории корейцев наиболее задействованными и опубликованными оказались документы архивов России и Казахстана.

Если говорить о России, то многочисленные ссылки на документы российских архивов можно найти в работах *Н. Ф. Бугая, А. Т. Кузина, Б. Д. Пака, А. И. Петрова, Ю. И. Дин*¹. Кроме того, были опубликованы целые сборники документов².

В Казахстане значительные ссылки на архивные документы приводят *Г. В. Кан, Д. В. Мен, Г. Н. Ким, Р. К. Ан, В. Тен* и др.³ В 1995 г. Г. Кимом и Д. Меном был опубликован сборник документов по истории казахстанских корейцев, в 1998–2000 гг. изданы 3 тома архивных документов⁴.

Если говорить об Узбекистане, единственный сборник документов, относящихся к переселению 1937 г., был опубликован В. Д. Кимом⁵. Остальные документы можно обнаружить по ссылкам, которые дают авторы, работавшие в архивах, причём, в основном, они ограничиваются довоенным периодом и лишь отчасти военным периодом⁶. По остальной истории корейцев Узбекистана архивные материалы не привлекались. Поэтому ниже публикуемые фонды, содержащие документы по истории корейцев Узбекистана, касаются довоенного периода.

Фонды Узбекистана

Впервые работа с архивами начинается в кандидатской диссертации *П. Н. Кима* «Деятельность Коммунистической партии Узбекистана по организационно-хозяйственному укреплению корейских колхозов» (1937–1941 гг.)⁷. В частности, им были использованы следующие фонды:

– из ЦГАНХ СССР: **Фонд 5675** (оп. 1; д. 15, л. 11; д. 215, л. 10-11; д. 234, л. 91-94; д. 240, л. 10);

– из ЦГА Уз ССР: **Фонд Р-36** (оп. 1, д. 196, л. 4); **Фонд Р-90** (оп. 2, д. 121, л. 65); **Фонд Р-100** (оп. 1, д. 1, л. 26); **Фонд Р-837** (оп. 27, д. 58, л. 11; д. 70, л. 81, 151; д. 71, л. 2, 86; оп. 32, д. 589, л. 30; д. 989, л. 13; оп. 83, д. 1232, л. 5);

– из Партархива Ташкентского ОК КПУз: **Фонд 960** (оп. 1, д. 5, л. 80; оп. 5, д. 9, л. 83); **Фонд 96** (оп. 1, д. 4, л. 97; оп. 5, д. 13, л. 11, 12, 69); **Фонд 1** (оп. 1, д. 13, л. 30; оп. 5, д. 10, л. 3);

– из Партархива Института истории партии при ЦК КПУз: **Фонд 58** (оп. 14, д. 12, л. 428; д. 312, л. 424; д. 801, л. 96; д. 1431, л. 22; оп. 16, д. 857, л. 22; оп. 17, д. 336, л. 66-68);

– из Партархива Хорезмского ОК КПУз: **Фонд 2** (оп. 6, д. 11, л. 107);

– из Архива Минпроса УзССР (оп. 168, д. 8, л. 10-18; д. 76, л. 122).

Позже, в период перестройки, выдержки из отдельных документов архивов Узбекистана стали публиковаться в газете «Коре Ильбо». Однако это были единичные выдержки.

Усилиями ряда исследователей (*П. Г. Кима, В. Д. Кима, А. Джумашева, А. Рахманкулова, В. С. Хана*)⁸ ряд документов о корё сарам был введён в научный оборот, а часть из них опубликована.

Если говорить о широком введении архивных источников в годы независимости, то оно началось с книги *Кима Петра Героно-*

вича, председателя Ассоциации корейских культурных центров Узбекистана (1991–2000), историка, профессора-архивиста, долгое время работавшего в архивных органах Узбекистана, в том числе в Институте истории Компартии УзССР⁹. Прежде всего им был задействован **Фонд 100** Центрального государственного архива Узбекистана, в котором хранятся документы, связанные с переселением корейцев. В частности, были опубликованы документы или фрагменты документов из описи 1:

– д. 2 (л. 27, 30-32, 39-40, 51-52, 287-289, 360) и д. 4 (л. 3-4, 26-27, 39-40, 57, 137-138), содержащие письма корейских переселенцев и данные по их обустройству;

– д. 1, л. 29, содержащий образец справки на право места жительства для переселенцев, л. 68 – письмо переселенцев, л. 74-78 – о дислокации корейцев в июне 1938 г., л. 344 – о данных медицинского обследования среди корейцев.

Был также использован **Фонд 837** (оп. 32, д. 587, л. 1-7, 12), содержащий постановления, касающиеся переселения и размещения корейцев, и оп. 27, д. 39, л. 19 – о данных расселения корейцев в ноябре 1938 г.

В книге также приводятся документы партархива: **Фонд 58** (оп. 12, д. 15, л. 102; оп. 13, д. 1557, л. 7-8, 27; оп. 14, д. 312, л. 430, 494-499), **Фонд 652** (оп. 1, д. 50, л. 432), **Фонд 996** (оп. 4, д. 4, л. 22), а также документы из партархива Каракалпакстана: **Фонд 12** (оп. 1, д. 15, л. 18), **Фонд 1** (оп. 1, д. 5, л. 8) о различных аспектах обустройства корейских переселенцев, **Фонд 5** (оп. 15, д. 8, л. 5) – о медобслуживании корейцев.

Данные медицинского состояния переселенцев П. Г. Ким приводит, используя также Центральный государственный архив медицинской и технической документации Республики Узбекистан (ЦГМА и ТД РУз) – **Фонд 1** (оп. 1, д. 3084, л. 5-6).

П. Г. Ким приводит документы о работе корейских колхозов в годы Великой Отечественной войны и вкладе корейцев в общую победу.

Из ЦГА РУз: **Фонд 1619** (оп. 10, д. 588, л. 653, 835); **Фонд 2453** (оп. 1, д. 733, л. 41).

Из РА ИПСИ ЦС НДПУ: **Фонд 1** (оп. 2: д. 916, л. 47, 72; д. 1109, л. 24; д. 1064, л. 13; д. 1289, л. 2), **Фонд 96** (оп. 1, д. 316, л. 29).

По послевоенному периоду были использованы документы РА ИПСИ ЦС НДПУ, раскрывающих достижения корейских колхозов: **Фонд 96** (оп. 1, д. 838, л. 14; д. 769, л. 32); **Фонд 1924** (оп. 1, д. 62, л. 2-10); **Фонд 2489** (оп. 1, д. 31, л. 34; д. 35, л. 56, 134; д. 51, л. 92).

С точки зрения публикации архивных документов, особое место занимает книга *Владимира Дмитриевича Кима*, адвоката, председателя Аккурганского корейского культурного центра «Правда – полвека спустя». В собственном смысле слова это не авторская книга В. Д. Кима, а сборник архивных документов, собранных В. Д. Кимом в архиве МВД Республики Узбекистан.

В сборнике впервые публикуются документы о Союзе Корейцев в Туркестанской республике: **Фонд 432** (оп. 4, д. 7, л. 1-8, 10-12, 16, 21-22, 24).

Особое место в сборнике занимает **Фонд 432** (оп. 5), где собраны документы о переселении 1937 года, обустройстве корейцев, протоколы допросов и т.д.: д. **1**, л. 1, 18, 24-26, 30, 54-55, 57-59, 64-66, 69, 114, 240-241, 282-292, 566-567; д. **2**, л. 1-3, 15-16, 18-19, 22, 26, 55, 68-70, 96-99, 137, 155, 158, 160, 184, 220, 305-306, 320-324, 337, 345, 353, 494-495, 618, 655-656, 672, 674; д. **3**, л. 47; д. **4**, л. 1-3, 11, 15, 21-22, 27-30, 37, 209; д. **5**, л. 55, 61, 153, 209-213, 496; д. **6**, л. 8-11, 33-38, 183, 295, 299, 305-307, 310, 313; д. **8**, л. 158-162, 172-179, 203-205, 232; д. **9**, л. 139, 191, 253-255, 292, 301-303; д. **10**, л. 3-11, 22-29, 318, 329, 336, 351-352; д. **21**, л. 52; д. **24**, л. 57, 82-83, 86, 96-97, 99; д. **25**, л. 112-114, 163; д. **26**, л. 5, 8, 53, 55, 123-124, 146-148, 154, 157-158, 184.

Был также задействован **Фонд 105** (оп. 1, д. 10, л. 61-63, 70).

Приводятся документы также из **Фонда 8** (д. 3460, л. 3, 9, 32-33, 54-55), (д. СП-820, л. 1), (д. СП-925, л. 2), (д. СП-1097, л. 2), (д. СП-1098, л. 1), (д. СП-1099, л. 1), (д. СП-1108, л. 1), где хранятся постановления и протоколы заседаний «троек» по делам корейцев.

Большое количество новых архивных документов из фондов ЦГА (ныне – НА РУз), касающихся обустройства корейских переселенцев, приводятся в статье *Адолат Хушвактовны Рахманкуловой* «Документы ЦГА Узбекистана по истории депортации народов в Узбекистан в 1930-е гг. (на примере корейцев)»¹⁰. В статье используется в основном **Фонд 837** (оп. 32). Эта опись уже приводилась в работе П. Г. Кима (д. 587, л. 1-7, 12). Кроме этих документов, А. Рахманкулова использовала: д. **589** (л. 23-28); д. **590** (л. 7-9); д. **592** (л. 104, 125, 251, 253-254, 275); д. **593** (л. 11, 14-17, 33-34, 46, 91, 131, 139); д. **1223** (л. 1-56); д. **1224** (л. 11, 21-23, 26-28); д. **1225** (л. 84); д. **1226** (л. 5-7, 20); д. **1228** (л. 46-47); д. **1230** (л. 107).

Использованы также: **Фонд 314** (оп. 1, д. 2, л. 168, 170-171, 176, 241, 267, 268, 270, 282, 284), а также **Фонд 90** (оп. 8: д. 4469, л. 62-78; д. 4471, л. 198, 213; д. 4472, л. 5-7; д. 4466, л. 1-5; д. 5138, л. 2-7, 26).

Эти архивные документы А. Рахманкулова использовала и в другой своей работе¹¹.

Документы о переселении корейцев в Каракалпакстан приводятся в диссертации старшего научного сотрудника Института истории, археологии и этнографии Каракалпакского отделения АН РУз *Аскара Мамбетовича Джумашева*. В статье «К истории депортации дальневосточных корейцев в Каракалпакстан (1937–1938 гг.)», посвящённой обустройству корейцев в Каракалпакстане, он использует документы из ЦГА Республики Каракалпакстан: **Фонд 322** (оп. 1: д. 381, л. 1, 9, 144-145; д. 384, л. 68; д. 475, л. 144; д. 263, л. 92).

Автор настоящей книги использовал также архивы ЦГА, Ташкентского областного архива, российских архивов.

Центральный государственный архив Республики Узбекистан:

Фонд 90 (оп. 8, д. 5138, л. 2; д. 4466, л. 2-3; оп. 9, д. 131, л. 253; оп. 2, д. 123, л. 8; оп. 2, д. 123, л. 9 об.; оп. 2, д. 123, л. 48; оп. 2, д. 124, л. 25), **Фонд 314** (оп. 1, д. 9, л. 26-28; оп. 1, д. 26, л. 75; оп. 1, д. 26, л. 115), **Фонд 837** (оп. 32, д. 593, л. 11; оп. 32, д. 1224, л. 12; оп. 32, д. 1224, л. 22; оп. 32, д. 1230, л. 107; оп. 32, д. 1230, л. 107-108).

Государственный архив Ташкентской области (ГАТО):

Фонд 652 (оп. 1, д. 6, л. 56; оп. 1, д. 367, л. 3; оп. 1, д. 367, л. 132; оп. 1, д. 483, л. 18), **Фонд 658** (оп. 3, д. 21).

Коми республиканский государственный архив общественно-политических движений и формирований (КРГАОПДФ):

Фонд 1 (оп. 3, д. 1079, л. 118).

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ):

Фонд 644 (оп. 1, д. 64, л. 24; оп. 1, д. 64, л. 37; оп. 1, д. 181, л. 164).

Несмотря на то, что в Узбекистане проживает самая большая корейская диаспора, отдельный сборник или сборники архивных документов по её истории отсутствуют. Мне представляется, что это должно стать одной из первоочередных задач корейских организаций.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Бугай Н. Ф. К вопросу о депортации народов СССР в 30–40-е годы // История СССР. № 6. 1989. – С. 135-144; Кузин А. Т. Дальневосточные корейцы: жизнь и трагедия судьбы (документально-исторический очерк). – Южно-Сахалинск, 1993; Пак Б. Д. Корейцы в Советской России (1917 – ко-

нец 1930 гг.). – Иркутск, 1995; Российские корейцы в трудовых колоннах и рабочих батальонах: выполнение планов НКВД // 1937 год. Российские корейцы: Приморье – Центральная Азия – Сталинград (Депортация). – М., 2004. – С. 239-257; Пак Б. Д. Корейцы в Российской империи. Изд. 2-е, испр. – Иркутск, 1994; Петров А. И. Корейская диаспора на Дальнем Востоке России. 60–90-е годы XIX века. – Владивосток, 2000; Бугай Н. Ф. «Совершенно секретно»: информация НКГБ Союза СССР (корейцы в рабочих колоннах и батальонах) // Пак Б. Д., Бугай Н. Ф. 140 лет в России. Очерк истории российских корейцев. – М., 2004; Дин Ю. И. Корейская диаспора Сахалина: проблема репатриации и интеграция в советское и российское общество. – Южно-Сахалинск, 2015.

²Белая книга. О депортации корейского населения России в 30–40-х годах. Книга первая. / Авторы-сост. Ли У Хе, Ким Ен Ун. – М., 1992; Бугай Н. Ф. Л. Берия – И. Сталину: «Согласно Вашему указанию...». – М., 1995; Шин Д. В., Пак Б. Д., Цой В. В. Советские корейцы на фронтах Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. – М., 2011; Сон Ж. Г. Корейцы: миграция на пути длиной в полвека (1864–1918) // Миграция корейцев на русский Дальний Восток: российско-корейские отношения. 1821–1918 гг. Документальная история. / Составитель Ж. Г. Сон. – М., 2017; Миграция корейцев на русский Дальний Восток: российско-корейские отношения. 1821–1918 гг. Документальная история. / Сост. Ж. Г. Сон. – М., 2017. – 726 с.

³Ким Г. Социально-культурное развитие корейцев Казахстана (1946–1966 гг.). Дисс... канд. истор. н. – Алма-Ата, 1990; Тен В. А. Начальные страницы истории кустанайских корейцев. – Кустанай, 1994; Кан Г. В. История корейцев Казахстана. – Алматы, 1995. – 208 с.; Ким Г. Н.: История иммиграции корейцев. Книга первая. Вторая половина XIX в. – 1945 г. – Алматы, 1999; История иммиграции корейцев. Книга вторая. 1945–2000 гг. Ч. 2. – Алматы, 2006; Ан Р. К. Социально-экономическое развитие корейцев в Семиречье (1937–2003 гг. Исторический аспект). Дисс... канд. истор. н. – Алматы, 2004; Мен Д. В. Корея и корейская диаспора Казахстана: политический аспект. – Алматы, 2008.

⁴Ким Г. Н., Мен Д. В. История и культура корейцев Казахстана. – Алматы, 1995; История корейцев Казахстана. Сборник архивных документов. В 3-х томах. – Алматы-Сеул, 1998–2000.

⁵Правда – полвека спустя. – Т., 1999.

⁶Ким П. Н. Деятельность Коммунистической партии Узбекистана по организационно-хозяйственному укреплению корейских колхозов (1937–1941 гг.). Дисс... канд. истор. н. – Т., 1970; Ким П. Г. Корейцы Республики Узбекистан: История и современность. – Т., 1993; Джумашиев А. М. К истории депортации дальневосточных корейцев в Каракалпакстан

(1937–1938 гг.) // Известия корееведения в Казахстане. Вып. 9. – Алматы, 2002; Хан В. С. Корё сарам: кто мы? Очерки истории корейцев. – Бишкек, 2009.

⁷ Ким П. Н. Деятельность Коммунистической партии Узбекистана по организационно-хозяйственному укреплению корейских колхозов: Автореф. дисс... канд. истор. н. – Т., 1970.

⁸ См.: Ким П. Г. Корейцы Республики Узбекистан. – Т., 1993; Ким В. Д. Правда – полвека спустя. – Т., 1999; Рахманкулова А. Х. Документы ЦГА Узбекистана по истории депортации народов в Узбекистан в 1930-е гг. (на примере корейцев) // «Известия корееведения в Казахстане». Вып. 8. 2001; Джумашев А. М. К истории депортации дальневосточных корейцев в Каракалпакстан (1937–1938 гг.). // «Известия корееведения в Казахстане». Вып. 9. 2002.

⁹ Впоследствии этот институт, где расположен партийный архив, был переименован в Институт политических и социальных исследований Центрального Совета Народно-демократической партии Узбекистана (ИПСИ ЦС НДПУ), а архив ЦК Компартии – в Республиканский архив Института политических и социальных исследований Центрального Совета Народно-демократической партии Узбекистана (РА ИПСИ ЦС НДПУ). В настоящее время институт называется Институтом стратегических исследований при Президенте Республики Узбекистан, а архив переименован в Архив при Президенте Республики Узбекистан.

¹⁰ Рахманкулова А. Х. Документы ЦГА Узбекистана по истории депортации народов в Узбекистан в 1930-е гг. (на примере корейцев) // «Известия корееведения в Казахстане». Вып. 8. 2001.

¹¹ Рахманкулова А. Х. Из истории корейских переселенческих колхозов в Узбекистане (на основе документов архивов Узбекистана) // Известия корееведения в Центральной Азии. Вып. 3. 2005. – С. 76-77.

Глава XIII.

ЗАРУБЕЖНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ

Изучение корейцев Евразии в зарубежных странах – большая и отдельная тема. По ней на сегодняшний день вышло несколько десятков работ (книг и статей) на разных языках мира.

Если во второй половине XIX в. – первой половине 1930-х гг. корейцы так или иначе фигурировали в международной повестке дня, то после насильственного переселения память о них была предана забвению. Большинство жителей Корейского полуострова стало забывать о большой корейской диаспоре на просторах Евразии. Советские корейцы ещё раз напомнили о себе во время Корейской войны и некоторое время после неё – в качестве крупных руководителей армейских структур, партии и правительства. Но в целом, во второй половине XX века большинство корейцев Южной Кореи, как и население других стран, уже не знало о них. Только узкие специалисты изредка публиковали статьи о советских корейцах.

Сегодня изучение корейцев Евразии превратилось в широкое направление, привлекающее к себе исследователей Южной Кореи, Японии, Европы, Северной Америки. Случай русскоязычной корейской диаспоры, живущей без каких-либо связей с исторической родиной, сам по себе интересен. А с открытием «забытых» корейцев их изучение стало финансироваться различными фондами, что стало дополнительным стимулом для исследования этой диаспоры.

В первой половине XX века в Корею выходит ряд работ, посвящённых корейцам России, поскольку память о корейской эмиграции была свежа – начиная с 1860-х гг., корейцы непрерывно переселялись Россию, и этот поток прекратился только в 1930-х гг. Поэтому вопрос о том, как живут их соотечественники

в России, не мог не интересоваться корейцев. Однако в условиях японской цензуры вряд ли возможна была открытая информация о российских корейцах. Вторая мировая, а затем Корейская война также не были периодами, способствовавшие научным исследованиям. Но ситуация меняется в 1960-е гг. Появляются газетные статьи Ке Бон У о корейцах, проживающих в России¹, и книга Хён Гю Хвана, посвящённая зарубежным корейцам².

Однако наступление эпохи холодной войны и противостояние Северной и Южной Кореи, за которым стояли СССР и США, военная диктатура в Южной Корее и отсутствие дипломатических отношений между ней и СССР не способствовали созданию благоприятной почвы для изучения диаспоры советских корейцев. Критика культа личности Сталина и отход от сталинизма, последовавшая за этим репрессивная политика руководства КНДР против «группировки» советских корейцев и их возвращение в СССР породили непростые отношения между СССР и Северной Кореей, которые практически исключали контакты между советскими и северными корейцами.

Поэтому в 1970-е гг. изучение советских корейцев развивается (если можно употребить это слово) за пределами Корейского полуострова. В 1971 г. выходит обзорная статья Джона Стефана о корейцах в СССР³. Автор даёт общую картину переселения корейцев на Дальний Восток. Что касается переселения корейцев в Центральную Азию, Стефан просто констатирует факт переселения «от 100 до 200 тысяч корейцев», не указывая каких-либо причин. Говоря о войне, автор, ссылаясь на американские источники, пишет, что в составе Красной Армии в 1940 г. были созданы 2 корейские дивизии и 20 тыс. корейцев состояли в милиции на Дальнем Востоке; что тысячи корейцев воевали против Германии, сотни погибли, десятки были удостоены звания Героя Советского Союза. Далее Стефан даёт общую информацию об урбанизации и русификации нового поколения корейцев, их образованности и о том, что они смогли найти свою нишу.

Позже выходят статьи четы Гинзбургов, посвящённые языковым процессам среди корейцев, согласно переписям, и вопросу гражданства корейцев в дореволюционной России⁴.

Самыми серьёзными публикациями о корейцах Центральной Азии, написанными в период существования СССР, являются работы профессора Хельсинского университета *Ко Сонг Му*, включая монографию, изданную на корейском и английском языках⁵. В ней впервые, на добротном научном уровне, даётся комплексное освещение истории, образа жизни и культуры корё сарам. По широте охвата и глубине поднимаемых теоретических вопросов, а также по числу используемых источников, с ней не может сравниться ни одна из работ, посвящённых корейцам Центральной Азии, изданных до распада СССР. Она до сих пор не потеряла своей ценности. Достаточно сказать, что Ким Хюнг Чан опубликовал рецензию на книгу Ко Сонг Му под примечательным заголовком «К общей теории корейской диаспоры»⁶.

В 1987 г. в Университете Гавайи выходит сборник «Корейцы в Советском Союзе» под редакцией *Сух Дэ Сука*. По качеству анализа сборник серьёзно уступает книге Ко Сонг Му, и в ней множество фактических ошибок⁷. Например, *Шин Юн Ча* пишет, что при переписи населения численность корейского населения занижали вдвое. Она считает, что корейцев к 1970 году в СССР насчитывалось около 750 тысяч⁸.

После распада СССР исследователи, избравшие в качестве объекта исследований корейцев бывшего Союза, устремились в новые независимые государства, особенно южнокорейцы, поскольку прежде между Южной Кореей и СССР не было дипломатических отношений. Сразу отметим, что, наряду с академическими исследованиями, даже в солидных журналах появилось много путевых заметок⁹ с описанием Куйлюкского базара или говора корё сарам, что, вероятно, было обусловлено повышенным интересом к недавно «нашедшимся» соотечественникам.

Учёные, которых принято называть *senior researchers*, из-за языкового барьера предпочитали общаться с представителями старшего поколения местных корейцев, знающих корейский язык (таковых к моменту распада СССР насчитывалось не более 2%). В результате у них зачастую складывалось ложное представление относительно ценностных ориентаций и жизненных целей корейского социума. В их работах можно обнаружить множество ошибок как фактологического порядка, так и связанных с упрощёнными представлениями о процессах в СССР. Им также были недоступны русскоязычные источники – как литература, так и архивные документы¹⁰. Некоторые из них, опубликовавшие по результатам своих поездок книги, позднее меняли направление исследований. Некоторые же продолжали ездить в страны СНГ, нанимали переводчиков для перевода письменных источников, расширяли круг знакомств и тем самым становились действительными экспертами в этом вопросе. Наиболее продуктивным из таких учёных можно назвать профессора истории Университета зарубежных исследований (HUFS) Пан Бён Рюля.

До распада СССР большинство южнокорейцев, решивших получить зарубежное образование, обучались в докторантурах университетов США, в значительно меньшей степени – в Западной Европе. После распада Советского Союза появилась категория молодых южнокорейцев, получивших учёные степени в странах СНГ, в основном в России, и прежде всего в Москве и Санкт-Петербурге. Если говорить об изучении корё сарам, то среди таких учёных необходимо выделить *Сим Хон Ёнга*, защитившего кандидатскую диссертацию под руководством Н. Ф. Бугая. Его диссертацию отличает концептуальная глубина, хорошее владение архивными документами, и её (как и другие работы этого автора) можно рассматривать как следующий значимый этап после работ Ко Сонг Му¹¹.

Наряду с комплексными работами, выходит ряд статей, посвящённых различным аспектам тематики корё сарам, в част-

ности языку¹². Среди лингвистических работ необходимо выделить диссертацию и последующие работы американского (канадского) исследователя *Росса Кинга*¹³. Вместе с работами казахстанской исследовательницы Нелли Пак его работы можно считать лучшими по *корё мар*, языку корё сарам. Здесь нужно отметить также работу Хур Сенг Чуля о языковой ассимиляции советских корейцев¹⁴.

В 2000-е гг. из старшего поколения южнокорейских ученых по теме изучения корё сарам активно работали *Квон Хи Ёнг*, *Бан Бюнг Юль*, *Пак Хван* и др. В эти же годы появляется прослойка молодых южнокорейцев, избравших для своих диссертационных работ темы, связанные с изучением корё сарам. В отличие от предшественников, не знавших русского языка и писавших свои работы на основе вторичных и третичных источников, а после установления дипломатических отношений с Южной Кореей – на основе краткосрочных поездок в СНГ, – эти молодые южнокорейцы годами жили в странах СНГ, включая государства Центральной Азии, прекрасно изучили русский язык и работали с русскоязычными первичными источниками. Среди этих исследователей можно назвать *Дё Юн Хи*¹⁵ и *Джанг Джун Хи* (много лет проживших в Узбекистане)¹⁶, *Ким Санг Чоля*¹⁷ и японку *Нацуко Оку*¹⁸ (живших в Казахстане), *Пэк Тхе Хёна*¹⁹, до сих пор живущего в Кыргызстане.

Характерной особенностью их работ является то, что они выполнены в вузах и научно-исследовательских институтах СНГ, под руководством местных учёных (Н. Ф. Бугая, Г. Н. Кима, И. Джаббарова), т.е. в определённой (советской/постсоветской) академической традиции и на основе советских/постсоветских источников.

Сегодня появляется новое поколение зарубежных исследователей, изучающих корё сарам. Говоря о последних годах, среди южных корейцев следует выделить *Хон Ун Хо*²⁰ и *Юн Сан Вона*²¹. Сравнительно недавно Юн Сан Вон создал Центр по изучению корё сарам в университете Чонджу.

За пределами Кореи также существует группа учёных, проявляющих интерес к изучению корё сарам. Это *Стивен Ли* из Университета Калифорния в Беркли, *Маттео Фумагали* из Шотландии, *Ли Иреля* из Японии. *Пола Отто* из Американского университета в Ираке интересуется тема переселения корейцев и их участия в трудовой армии²², а *Александра Дайнера* из университета Канзас – вопрос понимания родины в свете трансформирующейся идентичности корейцев²³. Среди американских молодых исследователей следует отметить *Закария Адамса*, который выбрал корё сарам в качестве объекта дипломной работы, будучи ещё студентом Университета Канзаса, а затем и магистерской диссертации в Университете Техаса²⁴. Он активно участвует на многих конференциях, посвящённых советским и постсоветским корейцам.

Среди молодых исследователей выделяется прослойка магистрантов и докторантов (*Пак Светлана*²⁵, *Ким Вика*²⁶, *Ан Евгения* и др.), выходцев из стран СНГ, но получивших образование, а значит и методологическую подготовку в странах Запада. Их работы публикуются в основном на иностранных языках. В Узбекистан также приезжают магистранты из Австралии, Гонконга, живо интересующиеся историей и культурой корё сарам.

Сегодня количество публикаций о евразийских корейцах становится столь обширным, что необходимо отдельное издание, чтобы выйти на аналитическую историографию в этой растущей области, или серия статей, что не может быть осуществлено в рамках данной монографии. Автор надеется, что в будущем ему представится возможность реализовать эту задумку.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ 뒤바보(계봉우, "俄領實記", 獨立新聞(上海版), N 48, 1920. 2.20; N 62, 1920. 4. 12. (Записки о корейцах, проживающих в России) // Независимая газета, с № 48, 20 февраля 1920 г., по № 62, 12 апреля 1920, Шанхай.

² 현규환, *한인유이민사*. 서울, 1967. (Хён Гю Хван. История миграции корейцев за рубеж. – Сеул, 1967). О публикациях 1960-х годов подробно см. в: подробно см. в книге: Хан В. С., Сим Хо Ёнг. Корейцы Центральной Азии: прошлое и настоящее. – М.: МБА, 2014.

³ *Stephan, J.* The Korean Minority in the Soviet Union // *Central Asian Review (Mizan)*. Vol. 19, № 3, 1971, pp. 138-150.

⁴ *Ginsburgs G. & Ginsburgs H.* A Statistical Profile of the Korean Community in the Soviet Union // *Asian Survey*. Vol. XVII, № 1. 1977, pp. 964-965; *Ginsburgs G.* The Citizenship Status of Koreans in the Pre-Revolutionary Russia and the Early Years of the Soviet Regime. – “Korean Affairs”. Vol. V. № 2. 1975, pp. 1-20; *Ginsburgs G.* The Citizenship Status of Koreans in the USSR: Post-World War II Development // *Korean Affairs*. Vol. VI, № 1. 1976, pp. 1-17.

⁵ *Kho Songmoo.* Rice Cultivation by Koreans in Soviet Central Asia “AKSE Newsletter”. 1986, № 9, p. 12; *Kho Songmoo.* Koreans in the Soviet Union. – “Korea and World Affairs”. 1990, vol. 14, № 1, pp. 137-175; *Kho Songmoo.* Koreans in the Soviet Central Asia. Helsinki, 1987; 고송무, *쏘련의 한인들*, 서울, 1990.

⁶ *Kim Hyun-Chan.* Toward a Genreal Theory of Korean Diaspora // *Korea and World Affairs*. Fall 1989, p. 543-550. См. также: *Puchek V.* A Review of the Song-moo Kho’ Book. – “Asian and African Studies”. Bratislava-London, 1989, vol. XXIV, pp. 543-551.

⁷ *Koreans in the Soviet Union.* Ed. by Suh Dae-Sook. Paper of the Center for Korean Studies. № 12, University of Hawaii. Honolulu, 1987.

⁸ Там же. – С. 65.

⁹ *Kim Kyu-Thaik.* Koreatown in Tashkent // *Korea Journal*. Vol. 18. № 9, 1978, pp. 67-70.

¹⁰ См.: 이광규, 전경수, [쏘련 한인 : 인류학적 연구], 서울, 1993 (Ли Гван Гю, Джён Кёнг Су. Советские корейцы: этнографическое исследование. – Сеул, 1993).

О книге Ли Гван Гю и Джён Кёнг Су подробно см. в книге: Хан В. С., Сим Хо Ёнг. Корейцы Центральной Азии: прошлое и настоящее. – М.: МБА, 2014.

¹¹ *Сим Хон Ёнг.* Корейский этнос в системе межнациональных отношений СССР. Дисс... на канд. Полит. наук. – М., 1998.

¹² *Hur Seung-Chul.* Aspects of the Linguistic Assimilation of Soviet Koreans. // *The Journal of Slavic Studies*. Seoul, 1988, vol. 3, pp. 123-139.

¹³ *King J. P. R.* An Introduction to Soviet Korean // *Language Research*. Vol. 23, № 2, June 1987; *King J. R. P.* A Soviet Korean Grammar from 1930. – “Korean Language Education”. Seoul, 1991, № 3.

- ¹⁴ *Hur Seung-Chul*. Aspects of the Linguistic Assimilation of Soviet Koreans. // *The Journal of Slavic Studies*. Seoul, 1988, vol. 3, pp. 123-139.
- ¹⁵ *Дё Юн Хи*. Языковая ситуация корейцев Узбекистана Дисс... канд. филол. н. – Т., 2002.
- ¹⁶ *Джанг Джун Хи*. Похоронно-поминальные обычаи и обряды корейцев Узбекистана (на материалах Ташкентского вилоята). Дисс... канд. истор. н. – Т., 2006.
- ¹⁷ *Kim Sang Chol*. Migration History of Ethnic Koreans in Central Asia // *Newsletter of Korean Studies in Central Asia*. Vol. 1-2, 2005, pp. 46-53; *Kim Sang Cheol*. Some historio-cultural considerations for better understanding Central Asia in terms of Area studies in Korea: Focused on Similarities and Differences of major indigenous group // *Newsletter of Korean Studies in Central Asia*. Vol. 6 (14), 2007, pp. 71-82.
- ¹⁸ *Oka Natsuko*. The Korean Diaspora in Nationalizing Kazakhstan: Strategies for Survival as an Ethnic Minority // *Koryŏ Saram: Koreans in the Former USSR*. Korean and Korean American Studies Bulletin. Vol. 12, NOS 2/3. – New Haven: East Rock Institute, 2001, pp. 89-113.
- ¹⁹ *Пэк Тхе Хен*. «Кобонджиль» корейцев в Центральной Азии. Дисс... канд. истор. н. – Бишкек, 2002; *Vack Tae Hyeon*. The Social Reality Faced by Ethnic Koreans in Central Asia // *Koryŏ Saram: Koreans in the Former USSR*. Korean and Korean American Studies Bulletin. Vol. 12, NOS 2/3. – New Haven: East Rock Institute, 2001, pp. 45-88.
- ²⁰ *Хо Ун-хо, Юн Сан-вон*. 1937: национальная политика СССР и принудительное переселение корейцев // 1937: русскоязычные корейцы – прошлое, настоящее, будущее. – М., 2018. – С. 81-93; *홍웅호*. 민족자결의 원칙과 소비에트러시아 민족정책의 변화 // 러시아지역 해외한인연구 I. 서울, 2019. Pp. 15-38; *홍웅호*. 강제이주 직후 카자흐스탄 고려인 사회 // 러시아지역 해외한인연구 I I. 서울, 2019. Pp. 109-138; *홍웅호*. ‘레닌기치’를 통해 본 1954년 이전 고려극장과 고려인들의 문화 // 러시아지역 해외한인연구 III. 서울, 2019. Pp. 151-176; *홍웅호*. ‘레닌기치’를 통해 본 중앙아시아 고려인들의 독립운동 인식: 3.1운동과 8.15해방에 대한 인식의 변화를 중심으로 // 러시아지역 해외한인연구 IV. 서울, 2019. Pp. 15-42; *홍웅호*. 구술을 통해 본 사할린 한인의 역사와 삶 // 러시아지역 해외한인연구 V. 서울, 2019. Pp. 127-164.
- ²¹ *윤상원*. 1937년 강제이주를 둘러싼 소련의 변경정책과 한인정책 // 러시아지역 해외한인연구 I. 서울, 2019. Pp. 71-104; *윤상원*. 러시아혁명과 연해주해방전쟁 그리고 한인 // 러시아지역 해외한인연구 I I. 서울, 2019. Pp. 43-78; *윤상원*. 내전 후 연해주에서 사회주의 건설과 한인 // 러시아지역 해외한인연구 I I. 서울, 2019. Pp. 79-108; *윤상원*. 1920-30년대 러시아 연해주 한인들의 민족해방운동 인식: 3.1운동을 중심으로 // 러시아지역 해외한인연구 III. 서울, 2019. Pp. 177-204; *윤상원*. 한국인과 고려인의 상호인식과 ‘고려인 지원정책’의 허와

설 // 러시아지역 해외한인연구IV. 서울, 2019. Pp. 151-178; 윤상원. 세계 각지로 재이산한 '고려사람' // 러시아지역 해외한인연구V. 서울, 2019. Pp. 165-184.

²² *Otto, Pohl J.* Soviet Apartheid: Stalin's Ethnic Deportations, Special Settlement Restrictions, and the Labor Army: The Case of the Ethnic Germans in the USSR // *Human Rights Review*. 2012. Vol. 13: 205-224.

²³ *Diener, A.* Homeland Conceptions and Ethnic Integration Among Kazakhstan's Germans and Koreans. The Edwin Mellen Press. NY, 2004, 179 p.

²⁴ *Адамс М. Захарий.* Предполагаемая родина: диаспорная идентичность корейцев в Центральной Азии и вопросы их принадлежности к Южной Корее // *Известия корееведения в Центральной Азии*. Вып. 21. 2014. – С. 106-117; *Membering Koryo Saram: Territory, Identity, and the Korean Diaspora // 1937: русскоязычные корейцы – прошлое, настоящее, будущее.* – М., 2018. – С. 528-541.

²⁵ *Kim, C. Y., Pacher, A.* Why Identities? Symbolic Interaction and Diasporas // *1937: русскоязычные корейцы – прошлое, настоящее, будущее.* – М., 2018. – С. 496-508.

²⁶ *Kim, V. V.* Korean Diaspora in Uzbekistan: Pre-requisites, Process and Aftermath of Forced Migration in 1937 // *1937: русскоязычные корейцы – прошлое, настоящее, будущее.* – М., 2018. – С. 276-288.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Несмотря на объём книги – более 600 страниц, – казалось, большой труд, – меня не покидает чувство неудовлетворённости. Некоторые темы и вовлечённые в оборот публикации проанализированы достаточно подробно – участие корейцев в трудовой армии, кобонди. Но некоторые подверглись лишь описанию – какие-то в большей степени, какие-то в меньшей (например, работы по искусствознанию, религиозности корейцев, языку, зарубежные исследования). А некоторые темы и освещающие их работы – остались вообще за бортом. Так, например, случилось с историей корейского движения, взаимоотношениями корейцев Центральной Азии с Кореей, этнопсихологией и др. Конечно, не по всем темам есть одинаковое количество публикаций, что сказывается на уровне историографического описания/анализа этих тем. Да и качество публикаций весьма разное.

Тем не менее, значительное количество публикаций остались не охваченными, хотя список использованной литературы насчитывает более 630 наименований. Это ещё раз подтверждает то, о чём говорилось в начале книги: количество накопившихся публикаций по истории и культуре наших корейцев столь велико, что охватить их все в рамках одной работы не представляется возможным. Нужны отдельные историографии – по российским корейцам, по корейцам Казахстана, по корейцам Узбекистана, сахалинским корейцам, русскоязычной корейской диаспоре в Корее. Нужны историографии по периодам – дальневосточному периоду, 1937–1938 гг., военному периоду и т.д. Нужны тематические историографии. Только так возможно оформление историографии истории и культуры корейцев Евразии в научную дисциплину.

Значимость историографии в том, что, оглядываясь на пройденный путь, та или иная наука проводит очень важную теоретическую работу по осмыслению этого пути, выработанных методологических подходов и понятий, инвентаризации тематического поля, освобождению от мифов и ложных авторитетов, фиксации белых пятен и проблемных точек, выработке перспективных направлений исследований. Без такого рода систематизации и критического самоанализа становящееся научное знание (а корееведческая диаспорология ещё молодая наука) превращается в некую «мешанину», где научное соседствует с псевдонаучным или обыденным, рациональное с иррациональным, категориальное мышление с эклектикой, а стремление к истине с обычной корыстью. В конечном счёте, это сказывается не только на науке, но и на корейском движении, когда те или иные акции в этом движении основываются не просто на обыденном понимании истории корейцев, а на том, как её понимают руководители тех или иных центров и ассоциаций – зачастую через призму личных карьерных интересов. Нам ещё предстоит оценить сложившееся в корейском движении отношение к науке и последствия, к которым оно привело.

Хочу заметить, что знакомство с множеством публикаций и их анализ – а в этом суть историографии – приводит к выводу, что с самого начала в науке о корейцах Евразии сложились нормы и стереотипы антинаучные по своей сути. *Во-первых*, это ложный стереотип, что корейцы лучше знают свою историю, чем некорейцы. И хотя, как выразился один корейский учёный, «корееведение у меня в крови», хочу заверить: научные знания определяются не генами. *Во-вторых*, это немыслимая ситуация, когда истинность или неистинность суждений в области истории корейцев – в области науки! – определяется на заседаниях руководящих органов корейских ассоциаций или отчётно-выборных конференциях на манер Новгородского вече или колхозного собрания. И *в-третьих*, отсутствие критицизма – без чего никакая наука не может развиваться.

Последнее проявляется (1) в корпоративном принципе, когда корейские учёные не критикуют друг друга (мол, нас мало, мы должны держаться вместе); (2) в конфуцианско-среднеазиатском принципе, когда молодые не смеют критиковать старших. А если последние ошибаются? И ошибаются весьма серьёзно, и при этом покидать свои должностные позиции не собираются? Вот и получается, что на протяжении многих лет они глаголят несуразные с точки зрения науки вещи, а корейские активисты им внимают, как истинам в последней инстанции, в то время как за дверьми корейских центров – в университетах, академических институтах – таких оракулов просто поднимут на смех. В корейской среде появились свои «доктора наук» и «академики», неизвестные в качестве таковых за пределами этой среды. В других национально-культурных центрах я такого не наблюдал. И (3) отсутствие критицизма – важнейшего свойства научного мышления – проявляется в политической и идеологической зашоренности корейских учёных Центральной Азии, когда они не могут выйти за рамки политико-идеологических парадигм, господствующих в странах их проживания.

Одно из проблемных мест в изучении нашей истории и культуры – сугубый эмпиризм и описательность. Практически никто не занимается разработкой концептуального аппарата, применением известных методологических практик.

В конце глав и параграфов я попытался наметить некоторые направления и мало разработанные темы, на которые нужно обратить внимание и которые могут стать темами будущих исследований. И есть надежда, что, быть может, общими усилиями и будет написана большая историография истории и культуры корейцев Евразии.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

Книги, брошюры и статьи

1. *Авдашкин А. А.* Диаспора: происхождение и развитие понятия // Социум и власть. 2013. № 2 (40). – С. 107-111.
2. *Аветян Н. С.* Диаспоры в современном мире: эволюция явления и понятия // Наука и общество: история и современность: материалы международной научно-практической конференции г. Минск, 16–17 октября 2014 г. / Ред. кол.: Котляров И.В. (гл. ред.). – Минск: Право и экономика, 2014. – С. 545-549.
3. *Агроуказания по культуре риса на 1941 год.* – Алма-Ата: Каз. ОПИЗ, 1941. – 24 с.
4. *Адамс З.* Предполагаемая родина: диаспорная идентичность корейцев в Центральной Азии и вопросы их принадлежности к Южной Корее // ИКЦА. Вып. 21. 2014. – С. 106-117.
5. *Алексиевич С.* У войны не женское лицо. Документальная проза. – М.: «Правда», 1988. – 464 с.
6. *Альбаум Л. И.* Живопись Афрасиаба. – Т.: Фан, 1975. – 113 с.
7. *Ананьева С.В.* Корейская драматургия Казахстана: от реализма – к метафизике и исторической травме // ИКЦА. Вып. 19, 2012. – С. 256-263.
8. *Ананьева С.В.* Корейская литература Казахстана и Узбекистана в условиях цивилизационно-культурного пограничья // ИКЦА. Вып. 21, 2014. – С. 194-201.
9. *Андерсен Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Пер. с англ. В. Николаева. — М.: Кучково поле, 2016. – 416 с.
10. *Аносов С.* Корейцы в Уссурийском крае. – Владивосток: Книжное дело, 1928. – 86 с.
11. *Артёмова О. Ю.* Колено Исава. Охотники, собиратели, рыболовы. Опыт изучения альтернативных социальных систем. – М.: Смысл, 2009. – 560 с.
12. *Арутюнов С. А.* Классификационное пространство этнической типологии // СЭ. 1986. № 4. – С. 58-64.
13. *Арутюнов С. А.* Диаспора — это процесс // ЭО. № 2, 2000. – С. 74-78.
14. *Ата-Мирзаев О., Гентшике В., Муртазаева Р., Салиев А.* Историко-демографические очерки урбанизации Узбекистана. – Т.: Университет, 2002. – 128 с.
15. *Ахвердян В. Т.* Политическая интеграция Республики Армения в наднациональные структуры // Научная мысль Кавказа. № 3, 2008. – С. 59-63.
16. *Бабичев И. И.* Участие китайских и корейских трудящихся в гражданской войне на Дальнем Востоке. – Т.: Госиздат УзССР, 1959. – 83 с.
17. *Базанова Ф. Н.* Формирование и развитие структуры населения Казахской ССР: Национальный аспект. – Алма-Ата: Казахстан, 1987. – 152 с.
18. *Батыров А., Пак М. С.* Продольно-поперечная обработка хлопчатника (колхоз имени Жданова). – Т.: Госиздат УзССР, 1955. – 16 с.

19. Без гнева и печали (о корейцах Приаралья). – Тараз: Жамбылский издательский центр «Сенім», 2003. – 224 с.
20. Белая книга. О депортации корейского населения России в 30–40-х годах. Книга первая. Авторы-составители Ли У Хе, Ким Ен Ун. – М.: Интерпракс, 1992. – 208 с.
21. Берлибаева А. Б. Корейская диаспора Казахстана в ракурсе международных отношений // ИКЦА. Вып. 6, 2007. – С. 268-274.
22. Бичурин Н. Я. (Иакинф). Сборник сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. – М.-Л.: Изд. АН СССР, 1950. Т. II. – 335 с.
23. Большаков О. Г. К истории Таласской битвы (751 г.) // Страны и народы Востока. – М.: Наука. Вып. 22, 1980. – С. 132-135.
24. Бондырева С. К., Колесов Д. В. Миграция (сущность и явление): Учебно-методическое пособие. – М., Воронеж: НПО «Модэк». 2004. – 294 с.: илл., таб.
25. Бондаренко В. Образ человека. Послесловие // Ким А. Собиратели трав. – М.: Известия, 1983. – С. 562-573.
26. Борев Ю. Б. Эстетика. – М.: Политиздат, 1988. – 456 с.: илл.
27. Бромлей Ю. В. Опыт типологизации этнических общностей // СЭ. № 5, 1972. – С. 61-81.
28. Бромлей Ю. В. Еще раз о типологизации этносоциальных общностей // СЭ. № 5, 1986. – С. 59-66.
29. Брусина О. И. Славяне в Средней Азии. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2001. – 240 с.: илл., карты.
30. Бугай Н. Ф. К вопросу о депортации народов СССР в 30-40 годы // История СССР. № 6, 1989. – С. 135-144.
31. Бугай Н. Ф. Конец 30-х – 40-е годы. Европейский Север: депортация народов // Труды Института языка, литературы и истории. Вып. 52. – Сыктывкар, 1991. – С. 84-97.
32. Бугай Н. Ф. А. Берия — И. Сталину: «Согласно Вашему указанию...». — М.: АИРО/XX, 1995. — 320 с.
33. Бугай Н. Ф. Корейское этническое меньшинство в российской историографии // Вера и жизнь. 1 января 2001 г. № 16. – С. 14-27.
34. Бугай Н. Ф. Российские корейцы в трудовых колоннах и рабочих батальонах: выполнение планов НКВД // 1937 год. Российские корейцы: Приморье – Центральная Азия – Сталинград (Депортация). – М.: «Первое марта», 2004. – С. 239-257.
35. Бугай Н. Ф. «Совершенно секретно»: информация НКГБ Союза СССР (корейцы в рабочих колоннах и батальонах) // Пак Б. Д., Бугай Н. Ф. 140 лет в России. Очерк истории российских корейцев. – М., 2004. – С. 311-317.
36. Бугай Н. Ф. Проблема российских корейцев в социально-«географическом синтезе» (вопросы историографии). Часть 1 // ИКЦА. № 4 (12), 2006. – С. 11-48.
37. Бугай Н. Ф. Корейцы СНГ: общественно-«географический синтез» (начало XXI века). – Москва: Гриф и К, 2007. – 360 с.
38. Бугай Н. Ф. 150 лет добровольному переселению корейцев в России: транс-

- формации этнической общности (историография проблемы) // Историческая и социально-образовательная мысль. № 1 (23), 2014. – С. 16-27.
39. В борьбе за комплексное развитие хозяйства. (Парт. Организация колхоза «Полиототдел» Верхне-Чирчик. р-на). – Т.: Госиздат, 1961. – 24 с.
40. *Вагин В. И.* Корейцы на Амуре // Сборник историко-статистических сведений о Сибири и сопредельных ей стран. Т. 1. – СПб., 1875. – С. 1-29.
41. Вклад трудящихся Узбекистана в победу в Великой Отечественной войне / Отв. ред. Ш. Х. Иноятов – Т.: Фан, 1975. – 268 с.: илл.
42. *Вознесенский Н. А.* Избранные произведения, 1931–1947. – М.: Политиздат, 1979. – 613 с.
43. *Волкова Т. В.* Российские корейцы. К вопросу о самоидентификации // ИКЦА. Вып. 9 (17), 2010. – С. 260-285.
44. *Ворожницеза О.М.* Традиционные ценности корейцев СНГ в обрядах перехода // Вестник Томского ГУ. Вып. 359, 2012.– С. 83-86.
45. Время газетной строкой / Под ред. проф., д-ра истор. наук С. К. Козыбаева. – Алматы: Корё ильбо, 1998. – 126 с.
46. Всесоюзная перепись населения 1926 г. – М., 1928. Т. 8. Казахская АССР. Киргизская АССР; Т. 15. Узбекская ССР.
47. *Генинг В. Ф.* Этнический процесс в первобытности. – Свердловск: Уральский госуниверситет, 1970. – 127 с.
48. *Герман А., Курочкин А.* Немцы СССР в «трудовой армии» (1941–1945 гг.). – М.: Готика, 1998. – 208 с.
49. *Гончаров Г.* «Трудовая армия» периода Великой Отечественной войны: российская историография // Экономическая история. Обзорение. Вып. 7. – М., 2001. – С. 154-162.
50. *Грушевицкая Т.Г., Садохин А.П.* Этнология. – М.: Academia, 2001. – 304 с.
51. *Данилов В. П.* Коллективизация: как это было // Страницы истории советского общества: Факты, проблемы, люди. – М., Политиздат, 1989. – С. 315-346.
52. Десять лет спустя (К 10-й годовщине Ассоциации культурных центров Узбекистана) / Отв. ред. В. С. Хан. – Т.: АККЦ РУз, 2001. – 167 с.
53. *Джарылгасинова Р. Ш.* Культура и быт корейцев совхоза «Раушан» Кунградского района Кара-Калпакской АССР // Краткие сообщения Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. – М.: Изд. АН СССР, 1960. Т. XXXV. – С. 54-63.
54. *Джарылгасинова Р. Ш.* К вопросу о культурном сближении корейцев Узбекской ССР с соседними народами // СЭ. № 5, 1966. – С. 3-14.
55. *Джарылгасинова Р. Ш.* Традиционное и новое в семейной обрядности корейцев Средней Азии // История, археология и этнография Средней Азии. – М.: Наука, 1968. – С. 343-349.
56. *Джарылгасинова Р. Ш.* Антропонимические процессы у корейцев Средней Азии и Казахстана // Личные имена в прошлом, настоящем и будущем. (Проблемы антропонимики). – М.: Наука, 1970. – С. 139-149.
57. *Джарылгасинова Р. Ш.* Новое в культуре и быту корейцев Средней Азии и Казахстана (на примере сельского населения) // СЭ. № 6, 1977. – С. 59-70.

58. *Джарылгасинова Р. Ш.* К характеристике современной антропонимической модели корейцев, проживающих в сельских районах Узбекской ССР // Ономастика Средней Азии. – М.: Наука, 1978. – С. 203-205.
59. *Джарылгасинова Р. Ш.* Основные тенденции этнических процессов у корейцев Средней Азии и Казахстана // Этнические процессы у национальных групп Средней Азии и Казахстана. – М.: Наука, 1980. – С. 43-73.
60. *Джарылгасинова Р. Ш.* Российское (советское) этнографическое корееведение // Российское корееведение. Альманах. Вып. 1, 1999. – С. 46-71.
61. *Джумашев А. М.* К истории депортации дальневосточных корейцев в Каракалпакстан (1937–1938 гг.) // ИКК. Вып. 9, 2002. – С. 19-23.
62. Десять лет спустя (К 10-й годовщине Ассоциации культурных центров Узбекистана) / Отв. ред. В. С. Хан. – Т.: АККЦ РУз, 2001. – 167 с.
63. *Дин Ю. И.* Корейская диаспора Сахалина: проблема репатриации и интеграция в советское и российское общество. – Южно-Сахалинск: Сахалинская областная типография, 2015. – 332 с.: илл.
64. Дорогой горьких испытаний: К 60-летию депортации корейцев России / [Редкол.: М. Н. Пак и др.]. – М.: ТОО «Экслибрис-пресс», 1997. – 286 с.: илл.
65. *Дядюра А. П.* Труженики Узбекистана на предприятиях и стройках РСФСР в дни войны // ОНУ. № 5, 1985. – С. 21-24.
66. *Дятлов В. И.* Диаспора: попытка определить в термине и понятии // Диаспоры. № 1, 1999. – С. 8-23.
67. *Закирова Е. Н.* Принудительное переселение корейцев из регионов РСФСР в Среднюю Азию и Казахстан // 1937 год: русскоязычные корейцы – прошлое, настоящее, будущее. – М.: Аквариус, 2018. – С. 172-185.
68. Заринов И. Ю. Время искать общий язык // ЭО. № 2, 2000. – С. 3-18.
69. *Ем Н. Б.* К проблеме национально-смешанных браков (по результатам актовых записей горархива ЗАГС г. Алматы) // ИКК. Вып. 2, 1997. – С. 40-51.
70. *Ем Н. Б.* Изменения в социальных характеристиках корейского этноса и влияние его на динамику национально-смешанных браков в период урбанизации 70–80-х гг. XX века // ИКЦА. Вып. 1-2 (10), 2005. – С. 9-26.
71. *Еремян Р. В.* Корейские художники Узбекистана. Вып. 1. – Т.: Узбекистон, 2001. – 304 с.: илл.
72. *Иноятов Х., Нуруллин Р.* Восхождение (Исторический очерк о колхозе «Полярная звезда»). – Т.: Узбекистан, 1970. – 56 с.: илл.
73. *Ионова Ю. В.* Корейцы // Народы Средней Азии и Казахстана. – М.: АН СССР. Т. II, 1963. – С. 564-581.
74. *Ионова Ю. В.* У корейцев Средней Азии // Краткие сообщения Института этнографии. – М., ИЭ АН СССР. Вып. 38, 1963. – С. 23-34.
75. *Ионова Ю. В.* Погребальные обряды корейцев // Культура народов зарубежной Азии (Сборник МАЭ, т. XXIX). – Л.: Наука, 1973. – 80-94 с.: илл.
76. *Ионова Ю. В.* У корейцев Средней Азии // Ионова Ю. В. Этнография Кореи (избранные статьи). – М.: Институт востоковедения РАН, 2011. – С. 256-271.
77. История корейцев Казахстана. Сб. архивных документов. Т. 1. – Алматы-Сеул: Алматинский центр просвещения Республики Корея, 1998. – 268 с.

78. История корейцев Казахстана. Сб. архивных документов. Т. 2. – Алматы-Сеул: Алматинский центр просвещения Республики Корея, 1999. – 332 с.
79. История корейцев Казахстана. Сб. архивных документов. Т. 3. – Алматы-Сеул: Алматинский центр просвещения Республики Корея, 2000. – 278 с.
80. История КПСС. 6-е изд. – М.: Политиздат, 1982. – 784 с.
81. История рабочего класса Узбекистана. Т. II. – Т.: Наука, 1965. – 379 с.
82. История русской литературы XX века (советский период): Учебное пособие / Е. А. Жиндеева, Н. В. Карабанова и др. – Саранск: Мордовский гос. пед. ин-т им. М. Е. Евсевьева, 2014. – 236 с.: илл., табл.
83. *Исхаков Ф. Б., Ким М. В.* Люди счастливой судьбы (О тружениках колхоза «Полярная звезда»). – Т.: Узбекистан, 1972. – 103 с.: илл.
84. Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 г. Распределение населения отдельных национальностей по полу, состоянию в браке, уровню образования, родному языку и второму языку народов СССР по Республике Узбекистан. – Т., 1991. – 26 с.
85. *Казак В.* Лексикон русской литературы XX века / Пер. с нем. – М.: РИК «Культура», 1996. – 491 с.
86. *Кан А. А.* Корейцы Андижанской области. – Андижан: Андижон, 1997. – 68 с.
87. *Кан А.* Третий Гамлет (мировые диаспоры 21 века: опыт литературного осущестления маргинального героя) // ИКЦА. Вып. 6, 2007. – С. 203-213.
88. *Кан А.* Книга белого дня. – Тараз: Сенім, 2010. – 461 с.
89. *Кан Г. В.* История корейцев Казахстана. – Алматы: Ғылым, 1995. – 208 с.
90. *Кан Г. В.* Предыстория корейцев в Казахстане // ИКК. Вып. 1, 1996. – С. 5-14.
91. *Кан Г. В.* Рассказы о родной истории. – Алматы: Ассоциация корейцев Казахстана, 2006. – 128 с.
92. *Кан Г. В., Ан В. С., Ким Г. Н., Мен Д. В.* Корейцы Казахстана. Иллюстрированная история. – Сеул: STS, 1997. – 275 с.: илл.
93. *Кан Тю-Хон.* Наш опыт выращивания высоких урожаев картофеля и овощей. (Колхоз «Ленинский путь» Каратаал. р-на). – Алма-Ата: Главное управление сельскохозяйственной пропаганды, 1954. – 24 с.: табл.
94. *Ким А.* Избранное. – М.: Советский писатель, 1988. – 720 с.
95. *Ким А.* Проблемы корейской филологии в Узбекистане // Korean Studies. JSAKS. Vol. 1. N 1, 2001. – С. 5-20.
96. *Ким А. С.* Транснациональность диаспоральных процессов // Научная мысль Кавказа. № 4, 2006. – С. 27-32.
97. *Ким Б. И.* Ветры наших судеб: Советские корейцы. История и современность. Т.: Узбекистан, 1991. – 180 с.
98. *Ким Б. И.* Корейцы Узбекистана. Кто есть кто. Приложение 1. – Т., 1999. – 177 с.: илл.
99. *Ким Б. И.* «Корё синмун» – газета корейцев Узбекистана // Десять лет спустя. – Ташкент-Сеул, 2001. – С. 118-127.
100. *Ким Б., Ким М.* Хван Ман Гым: через Олимп и Голгофу. – Т.: Baktria Press, 2019. – 176 с.: илл.

101. *Ким В. Д.* Туманган – пограничная река. – Т.: Ўзбекистон, 1994. – 152 с.
102. *Ким В. Д.* Эшелон–58. – Т.: Ўзбекистон, 1995. – 82 с.
103. *Ким В. Д.* Правда – полвека спустя. – Т.: Ўзбекистон, 1999. – 248 с.
104. *Ким В. Н.* Ушедшие вдаль. – Санкт-Петербург, 1997. – 223 с.
105. *Ким В. Н.* Ушедшие вдаль. – Т.: Истиклол, 2013. – 272 с.
106. *Ким Г. М.* К вопросу о социальной психологии преобладающего большинства корейского населения в годы тоталитарного режима // NKSKCA. Vol. 4. № 3, 1993 – С. 46-53.
107. *Ким Г. М.* Об изучении состояния религиозности корейского населения г. Алматы // Известия НАН РК. Серия общест. наук. 1995, № 6. – С. 34-41.
108. *Ким Г. М.* К вопросу о состоянии религиозности среди корейцев, посещающих протестантские церкви (Казахстан) // ИКК. Вып. 1, 1996. – С. 76-80.
109. *Ким Г. М.* Глоссолалия как элемент культовой практики в корейской пресвитерианской харизматической церкви // ИКК. Вып. 3, 1998. – С. 28-35.
110. *Ким Г. М.* Корейцы-трудоармейцы в годы Великой Отечественной войны // ИКК. Вып. 6, 1999. – С. 40-45.
111. *Ким Г. Н.* К историографии развития духовной культуры корейцев Казахстана // Вопросы истории и историографии культуры Казахстана. – Алма-Ата: КазГУ, 1987. – С. 47-54.
112. *Ким Г. Н.* Социально-культурное развитие корейцев Казахстана. Научно-аналитический обзор / Общественные науки. Информационное издание АН Казахской ССР. – Алма-Ата: Наука, 1989. – 60 с.
113. *Ким Г. Н.* Антропонимия корейцев // Имена народов Казахстана. – Алма-Ата, 1990. – С. 77-90.
114. *Ким Г. Н.* Корейцы Казахстана и Средней Азии в зарубежных исследованиях. Рефер. сборник. Вып. 32. – Алма-Ата: Ғылым, 1990. – 53 с.
115. *Ким Г. Н.* История, культура и язык корё сарам в советской литературе // Perspektive. N 12, 1992. – С. 63-72.
116. *Ким Г. Н.* Корейцы за рубежом: прошлое, настоящее и будущее (историография и библиография). – Алматы: Ғылым, 1995. – 203 с.
117. *Ким Г. Н.* Новая литература о корё сарам // ИКК. Вып. 2, 1997. – С. 24-39.
118. *Ким Г. Н.* История иммиграции корейцев. Книга первая. Вторая половина XIX в. – 1945 г. – Алматы: Дайк-Пресс, 1999. – 424 с.
119. *Ким Г. Н.* История иммиграции корейцев. Книга вторая. 1945–2000 годы. Часть 1. – Алматы: Дайк-Пресс, 2006. – 428 с.
120. *Ким Г. Н.* История иммиграции корейцев. Книга вторая. 1945–2000 годы. Часть 2. – Алматы: Дайк-Пресс, 2006. – 396 с.
121. *Ким Г. Н.* Межэтнические браки среди корейского населения г. Алматы, Казахстан // Korea Forum. (Osnabrueck) № 1, 1999. – С. 39-41.
122. *Ким Г. Н.* Корё сарам: историография и библиография. – Алматы: Қазақ университеті, 2000. – 325 с.
123. *Ким Г. Н.* Рассказы о родном языке. – Алматы: Қазақ университеті, 2003. – 288 с.

124. *Ким Г. Н.* Корейская диаспора в стратегическом партнерстве Казахстана и Южной Кореи // ИКЦА. Вып. 9 (17), 2010. – С. 39-47.
125. *Ким Г. Н., Кинз Дж. Р. П.* История, культура и язык корё сарам. (Историография и библиография). – Алматы: Центр востоковедения Национальной Академии Казахстана, 1993. – 128 с.
126. *Ким Г. Н., Мен Д. В.* История и культура корейцев Казахстана. – Алматы: Ғылым, 1995. – 347 с.
127. *Ким Г. Н., Хан В. С.* Актуальные проблемы и перспективы корейской диаспоры Центральной Азии // ИКК. Вып. 6, 1999. – С. 27-39.
128. *Ким Г. Н., Хан В. С.* Десять лет спустя // Ассоциация корейцев Казахстана. – Алматы: АКК, 2000. – С. 185-210.
129. *Ким Г. П.* Трагические страницы депортации корейцев в Казахстан // 1937 год: русскоязычные корейцы – прошлое, настоящее, будущее. – М.: Аквариус, 2018. – С. 199-208.
130. *Ким Ен Ун.* Переселение корейцев в Россию: начало и этапы // Энциклопедия корейцев России. Под ред. Б. Цоя. – М.: РАЕН, 2003. – С. 113-122.
131. *Ким И. Ф.* Советский корейский театр. – Алма-Ата: Өнер, 1982. – 204 с.
132. *Ким Мен-Гир.* Страницы Дальневосточной истории корейцев. Часть 1 // ИКК. Вып. 1, 1996. – С. 15-27.
133. *Ким Мен-Гир.* Демографические особенности корейского населения Узбекистана // Ким Б. Корейцы Узбекистана. Кто есть кто. Приложение 1. – Т., 1999 – С. 135-145.
134. *Ким М. Р.* Песенная культура корё сарам (на примере Казахстана) // Общество корееведов Казахстана. Бюллетень № 1, 1992. – С. 15-16.
135. *Ким М. Р.* Музыкальная культура корё сарам // ИККСА. № 4, 1993. – С. 32-38.
136. *Ким О. Г.* Мировые идеи в корейских и русских паремиях: философский анализ. – Алматы: Sansam, 1994. – 256 с.
137. *Ким О. М.* О языке корейцев СССР // Учёные записки Ташкентского Средне-Азиатского государственного университета. Вып. 202. – Т., 1962. – С. 87-93.
138. *Ким О. М.* К изучению антропонимии корейцев СССР // Ономастика Востока. – М.: Наука, 1980. – С. 59-62.
139. *Ким П. Г.* Социально-политический портрет корейцев Узбекистана. Ташкент, 1991. (на кор., англ. и рус. языках)
140. *Ким П. Г.* Корейцы Республики Узбекистан: История и современность. – Т.: Ўзбекистон, 1993. – 176 с.
141. *Ким П. Г.* О корейской диаспоре Узбекистана // ИКК. Вып. 6, 1999. – С. 46-56.
142. *Ким П. Г., Ким В. Д.* Ассоциации корейских культурных центров – 10 лет // Десять лет спустя. – Ташкент-Сеул, 2001. – С. 16-25.
143. *Ким Пен Хва.* На пути к изобилию. Опыт развития колхозов «Полярная звезда» Урта-Сарайского района Ташкентской области. – Т.: Госиздат УзССР, 1954. – 68 с.
144. *Ким Пен Хва.* Опыт выращивания высоких урожаев хлопка. Колхоз «Полярная звезда» Средне-Чирчикского района Ташкентской области. – М.: Государственное изд-во сельскохозяйственной литературы, 1953. – 48 с.

145. Ким Пен Хва и колхоз «Полярная звезда». – М.: Институт востоковедения РАН, 2006. – 288 с.: ил.
146. Ким П. Н. Хозяйственное устройство корейских переселенцев в Каракалпакской АССР. 1937-1939 // Вестник Каракалпакского филиала АН УзССР. Вып. 4. – Т., 1971. – С. 63-67.
147. Ким С. Исповедь сорён сарам – советского человека // Дружба народов. № 4, 1989. – С. 188-195.
148. Ким С. Ф. История советских корейцев. – Т. – 24 с.
149. Ким Сын Хва. Очерки по истории советских корейцев. – Алма-Ата: Наука, 1965. – 252 с.
150. Ким Филл Янг. Литература советских корейцев в газете «Ленин кичи» // ИКК. – Вып. 3, 1998. – С. 35-43.
151. Кириллов В. Спецотряд № 18-74 (судьбы немцев-тапильчан) // История репрессий на Урале в годы советской власти. – Екатеринбург: УрГУ, 1994. – С. 111-113.
152. Кляшторный С. Г., Султанов Т. И. Казахстан: летопись трех тысячелетий. – Алма-Ата: Рауан, 1992. – 383 с.
153. Книга памяти. Архивные списки депортированных российских корейцев в 1937 году. Часть 1. – М.: Ассоциация корейцев России, 1997. – 276 с.
154. Ковжасарова Ж. У. Корейцы в Прикаспии. – Алматы, 1997. – 81 с.
155. Козан М. Э. Социально-этнические детерминанты национальной ориентации этнодисперсной группы в большом городе // СЭ. № 4, 1990. – С. 32-42.
156. Козлов В. И. О понятии этнической общности // СЭ. № 2, 1967. – С. 110-111.
157. Козлов В. И. Этнос и экономика. Этническая и экономическая общности // СЭ. № 6, 1970. – С. 47-60.
158. Козлов В. И. От первобытности до современности // СЭ. № 4, 1986. – С. 64-69.
159. Козлов В., Сон Дин Фа, Исхаков Р. В борьбе за комплексное развитие хозяйства. – Т.: Госиздат УзССР, 1961. – 24 с.
160. Козьмина М. И. Об историографии семейно-брачных отношений корейцев Центральной Азии // ИКК. Вып. 6 (14), 2007. – С. 304-308.
161. Козьмина М. И. Межэтническая брачность корейцев Центральной Азии: факторы, состояние и тенденции // Востоковедение. № 1. 2009. – С. 83-88.
162. Козьмина М. И. Об особенностях межнациональных браков корейцев Узбекистана // Корё Сарам. К 150-летию переселения корейцев в Россию. – М.: ООО «Айванлайн», 2014. – С. 202.
163. Колхозы. – Большая Советская Энциклопедия. Т. 12. – М., 1973. – С. 473-477.
164. Кондаков Н. И. Логический словарь-справочник. – М.: Наука, 1975. – 720 с.
165. Кондратьева Т. С. К вопросу о понятии «диаспора»: Дискуссия в научном сообществе // Диаспоры в Европе. – М.: ИНИОН РАН. № 4, 2009. – С. 17-42.
166. Корейцы Жамбылской области: люди конкретных дел. / Гл. редактор А. И. Пак. – Тараз: Таразское общественное объединение «Бухаль» – «Возрождение», изд-во «Тараз университет», 2005. – 327 с.
167. Корейцы в науке Казахстана. – Алматы: Ассоциация корейцев Казахстана, Корейское научно-техническое общество «Кахак», 1997. – 252 с.

168. Корейцы Казахстана в науке, технике и культуре. – Алматы: Корейское научно-техническое общество «Кахак», 2002. – 624 с.
169. Корейцы Казахстана: кто есть кто. – Алматы: Корейское научно-техническое общество «Кахак», 2005. – 548 с.
170. Корейцы Кыргызстана: история и современность. / Гл. ред. С. Пак. – Бишкек: ОО «Корейцев КР», 2019. – 397 с.
171. Корейцы на российском Дальнем Востоке (вт. пол. XIX – нач. XX вв.): Документы и материалы в 2 кн. Кн. 1. – Владивосток: РГИА ДВ, Информационно-рекламное агентство «Комсомолка ДВ», 2004. – 404 с.
172. Корея. – Сеул: Корейская служба информации для зарубежных стран. 1993. – 676 с.
173. Корзун А. В. Художественные особенности ранних рассказов А. Кима // КК. Вып. 4, 2016. – С. 61-77.
174. Коротаев А. В. От вожества к племени? Некоторые тенденции эволюции политических систем Северо-Восточного Йемена за последние 2 тысячи лет // ЭО. № 2, 1996. – С. 81-91.
175. Краткие сообщения о научных работах Научно-исследовательского института и Музея антропологии МГУ за 1938–39 гг. – М., 1941. – 72 с.: илл., черт., карт.
176. Крысько В.Г., Фельдштейн Д.И. (ред.) Этнопсихологический словарь. – М.: МПСИ, 1999. – 343 с.
177. Крюков М. В. Ещё раз об исторических типах этнических общностей // СЭ. № 3, 1986. – С. 58-69.
178. Кузин А. Т. Дальневосточные корейцы: жизнь и трагедия судьбы (документально-исторический очерк). – Южно-Сахалинск: Дальневосточное книжное издательство, Сахалинское отделение. Литературно-издательское объединение «ЛИК», 1993. – 368 с.
179. Кузнецов М. С. Из истории ликвидации неграмотности среди взрослого населения Дальнего Востока (1922-1936) // Дальний Восток за 40 лет Советской власти. – Комсомольск-на-Амуре, 1958. – С. 481-495.
180. Курманбекова К. Отношение современных казахстанских девушек к межэтническому браку с гражданином Южной Кореи // ИКЦА. Вып. 21, 2014. – С. 289-291.
181. Кыдырбаев Б. М. Вклад корейских переселенческих колхозов в развитии хлопководства Казахстана // ИКЦА. Вып. 9 (17), 2010. – С. 29-38.
182. Ланьков А.Н. КНДР вчера и сегодня. Неформальная история Северной Кореи. – М.: Восток-Запад, 2005. – 445 с.: илл.
183. Лез В. Т., Пак Сусан. Опыт получения высокого урожая лубяных культур в колхозе им. Свердлова Верхнечирчикского района Ташкентской области. – Т.: Министерство сельского хозяйства УзССР. Отдел технических культур СоюзНИХИ, 1962. – 36 с.: илл.
184. Лезин З. И. Менталитет диаспоры (системный и социокультурный анализ). – М.: Крафт+, Институт востоковедения РАН. 2001. – 170 с.
185. Лезин М. Г. Полевые исследования Института этнографии в 1946 г. Об антропологическом изучении корейцев Средней Азии // СЭ. № 2, 1947. – С. 207-212.

186. *Левин М. Г.* Антропологический тип корейцев // Краткие сообщения Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. – М.-Л.: Изд. АН СССР. Т. VIII. 1949. – С. 25-34.
187. *Левкович В. П., Мин А. В.* Особенности сохранения этнического самосознания корейских переселенцев Казахстана // Психологический журнал. № 6, 1996. – С. 72-81.
188. *Ли Г. Н.* Корейцы в Кыргызстане. – Бишкек: НТО «Ква Хак», 1998. – 298 с.
189. *Ли Г. Н.* Гобонди. (Записки наблюдателя о любви корейцев в земле). – Бишкек, 2000. – 318 с.
190. *Ли Г. Н.* Семейные устои корейцев Коре Сарам. – Бишкек: «Салам», 2002. – 486 с.
191. *Ли Г. Н.* Обряды и обычаи корейцев России и СНГ // Энциклопедия корейцев России. – М.: РАЕН, 2003. – С. 252-353.
192. *Ли Г. Н.* Обряды и обычаи корейцев СНГ. – Т.: Узбекистон миллий энциклопедияси, 2014. – 380 с.: илл.
193. Литература народов Казахстана. – Алматы: Ғылым, 2004. – 351 с.
194. *Львова И. С., Цхай Е. В.* Формы и методы совершенствования изучения корейского языка в Республике Узбекистан // ИКК. Вып. 19, 2012. – С. 274-284.
195. *Максакова А. П.* Современная миграционная ситуация в Республике Узбекистан // Население Узбекистана: 15 лет независимого развития. – Т., 2007.
196. *Марков Г.* Этнические общности как историческая категория // СЭ. № 4, 1986. – С. 69-72.
197. *Мен Д. В.* Корейское сообщество в Казахстане: тенденции этнокультурного развития // ИКЦА. Вып. 7 (15), 2008. – С. 281-294.
198. *Мен Д.* Роль корейских колхозов Центральной Азии в строительстве социализма в СССР (1937–1991 гг.) // 러시아지역 해외한인연구II 러시아지역 한인의 이산과 정주. – Seoul: 2019. – С. 301-356.
199. *Меняйлов А. А.* Сталин: тайна Валькирии. – М.: Крафт+, 2005. – 416 с.
200. *Мин А. В.* Семейные традиции и обычаи корейцев, проживающих в Казахстане. – Алма-Ата: Общество психологов Казахстана, 1992. – 102 с.
201. *Насекин Н. А.* Корейцы Приамурского края // Журнал Министерства народного образования. № 3, 1904. – С. 1-61.
202. Национальные диаспоры в России и за рубежом в XIX-XX вв. Сборник статей / Под ред. акад. РАН Ю.А. Полякова и д-ра истор. наук Г. Я. Тарле. – М.: ИРИ РАН, 2001. – 329 с.
203. Национальный состав, владение языками и гражданство населения Республики Таджикистан. Т. 3. – Душанбе: Агентство по статистике при Президенте Республике Таджикистане, 2012. – 537 с.
204. Немецкий Российский этнос: веки истории (материалы научной конференции) / Ред. В.А. Ауман. – М., 1994. – 135 с.
205. *Ни М. Л., Ким Б. П.* Высокие урожаи риса в колхозе «Коммунизм» // Рис. – М.: Колос, 1965.
206. *Новик Д.* Передовой рисосеющий колхоз («III-й Интернационал» Кармакчинского района). – Алма-Ата, 1957.

207. *Новик И. Б., Уёмов А. И.* Моделирование и аналогия // Материалистическая диалектика и методы естественных наук. – М.: Наука, 1968. – С. 8-18.
208. *Обидина Ю. С.* Концептуализация понятия «диаспора» в современных научных исследованиях // Запад-Восток. Научно-практический ежегодник. № 4-5, 2012. – С. 5-18.
209. *О'Брайн М. А.* Новый русско-английский и англо-русский словарь. – М.: Крон-Пресс, 1998. – 736 с.
210. *Ока Н.* Корейцы в современном Казахстане: стратегия выживания в роли этнического меньшинства // Диаспоры. № 2-3, 2001. – С. 194-220.
211. Очерки новейшей истории Японии /Отв. ред. Эйдус Х. Т. – М.: Изд-во АН СССР, 1957. – 367 с.
212. *Паин Э. А.* Система территориальных общностей и её роль в формировании и воспроизводстве этнокультурных традиций в условиях урбанизации // СЭ. № 1, 1987. – С. 10-24.
213. *Пак А. Д.* Демографическая характеристика корейцев Казахстана. – Алматы, 2002. – 58 с.
214. *Пак Б. Д.* Корейцы Российской империи (Дальневосточный период). – М.: Издательство МГУ, 1993. – 251 с.
215. *Пак Б. Д.* Корейцы в Российской империи. Изд. 2-е, испр. – Иркутск: Иркутский государственный педагогический институт, 1994. – 238 с.
216. *Пак Б. Д.* Корейцы в Советской России (1917 – конец 1930 гг.). – Иркутск: Иркутский государственный педагогический институт, 1995. – 260 с.
217. *Пак Б. Д.* Россия и Корея. Изд. 2-е, доп. – М.: Институт востоковедения РАН, 2004. – 520 с.
218. *Пак Б. Д., Бугай Н. Ф.* 140 лет в России. Очерк истории российских корейцев. – М.: Институт востоковедения РАН, 2004. – 464 с.: илл.
219. *Пак Б. С.* Потомки Страны белых аистов. (Краткая история советских корейцев). – Т.: Узбекистан, 1990. – 15 с.
220. *Пак В. Г.* Узбекистан стал родиной // Чен Н. Дети своего народа: Книга о приморских корейцах. – Т., 2003. – С. 32-37.
221. *Пак Ир П. А.* О литературе советских корейцев // Простор, 1987, № 9.
222. *Пак Ир П. А.* Национальная литература советских корейцев // Казахская энциклопедия. – Алма-Ата, 1990.
223. *Пак Л. В.* Свадебная обрядность корейцев Узбекистана: попытка анализа активной модели (по теории графов и множеств) // Общество, гендер и семья в Центральной Азии. № 2, 2020. – С. 65-80.
224. *Пак Л. Т.* Колхоз «Полярная звезда» и перспективы развития. – Т.: Государственное изд-во Узбекской ССР, 1960. – 42 с.: илл.
225. *Пак Н. И.* Колхоз «Авангард». – М.: Сельхозгиз, 1950. – 72 с.: илл.
226. *Пак Н. С.* Возродим КОРЕ МАР! // Бюллетень № 1, 1992.
227. Тенденции развития Корё мар // Известия НАН Республики Казахстан. Серия общественных наук. № 6. – Алматы, 1995. – С. 21-29.
228. *Пак С. Н.* Развитие и укрепление духовной культуры, национальных традиций и обычаев корейцев Киргизии // 1937 год: русскоязычные корейцы – прошлое, настоящее, будущее. – М.: Аквариус, 2018. – С. 352-372.

229. Пак Хван. История национального движения России. – Сеул, 1995. – 387 с., илл.
230. Пахтаарал. Под ред. Ли Тен Хана. – Алма-Ата: Кайнар, 1974. – 128 с.: илл.
231. *Перишц А. И.* Этнические общности и формационный процесс // СЭ. № 3, 1986. – С. 69-73.
232. *Песоцкий В. Д.* Корейский вопрос в Приамурье // Труды Амурской экспедиции. Т. IX. – Хабаровск, 1913. – 188 с.
233. *Петров А. И.* Корейская диаспора на Дальнем Востоке России. 60-90-е годы XIX века. Владивосток: ДВО РАН, 2000. – 304 с.
234. *Петров Г. И.* Советский государственный аппарат в годы Великой Отечественной войны // Правоведение. № 3, 1975. – С. 16-27.
235. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 81. – Спб., 1904; 85; Т. 86, 89. – Спб., 1905.
236. *Пилкингтон Х., Финн М.* Чужие на родине? Исследование диаспоральной идентичности русских вынужденных переселенцев // «Диаспоры». № 2-3. – М., 2001. – С. 8-34.
237. Пограничные войска СССР (1929-1938). – М., 1972. – 776 с.
238. *Полоскова Т. В.* Современные диаспоры: внутривополитические и международные аспекты. – М.: Научная книга, 2002. – 284 с.
239. *Попков В. Д.* «Классические» диаспоры: к вопросу о дефиниции термина // Диаспоры. № 1. – М., 2002. – С. 6-22.
240. *Рагоза А.* Краткий очерк переселения корейцев в наши пределы // Военный сборник. № 6, 1903. – С. 206-222.
241. *Расулов Э. Р.* Вклад корейской диаспоры в развитие узбекско-корейских отношений // История, культура и быт корейцев Казахстана, Кыргызстана и Узбекистана. – Бишкек, 2003. – С. 123-130.
242. *Рахманкулова А. Х.* Документы ЦГА Узбекистана по истории депортации народов в Узбекистан в 1930-е гг. (на примере корейцев) // ИКК. Вып. 8. – Алматы, 2001. – С. 77-85.
243. *Рахманкулова А. Х.* Из истории корейских переселенческих колхозов в Узбекистане (на основе документов архивов Узбекистана) // ИКЦА. Вып. 3. – Алматы, 2005. – С. 76-77.
244. *Рахманкулова А. Х.* К вопросу об образовании корейцев // ИКК. Вып. 9 (17). – Алматы, 2010. – С. 67-80.
245. *Рахманкулова А. Х.* Участие корейцев в экономической жизни Узбекистана // ИКК. Вып. 19. – Алматы, 2012. – С. 31-40.
246. *Руказишиников В., Халман Л., Эстер П.* Политические культуры и социальные изменения. Международные сравнения. – М.: Совпадение, 1998. – 368 с.
247. Русский архив: Великая Отечественная. Т. 13 (2-2). – М.: Терра, 1997. – 448 с.
248. Русско-корейский словарь школьника. (Для учащихся III-X классов школ с корейским контингентом учащихся) / Сост. М. Хегай. – Т.: М-во просвещения УзССР. Науч.-исслед. ин-т пед. наук, 1958. – 116 с.
249. *Рыбаков С. Е.* Философия этноса. – М.: ИПК Госслужбы, 2001. – 358 с.

250. Рыбаковский Л. Л. История и теория миграции населения. Книга первая. Мировые миграции: исторические фрагменты и их детерминанты. – М.: Экон-Информ, 2016. – 210 с.
251. Савельева И. М., Полетаев А. В. Национальная история и национализм // Вестник РУДН. Серия «История России». № 2 (6), 2006. – С. 18-30.
252. Сафронова Л. В. Проблема автора и функциональность виртуального персонажа-симулякра в романе А. Кима «Онлирия» // ИКК. Вып. 4 (12). 2007. – С. 144-151.
253. Сафронова Л. В. Ритмическая композиция рассказа А. Кима «Дядя» // ИКЦА. Вып. 6 (14), 2007. – С. 214-218.
254. Сафронова Л. В., Темирболат А. Б. Художественное своеобразие прозы А. Кима // ИКЦА. Вып. 3 (11), 2005. – С. 101-117.
255. Семафор. № 1(2), февраль 2001 г. – 36 с.
256. Семёнов Ю. И. О племени, народности и нации // СЭ. № 3, 1986. – С. 73-75.
257. Семёнов Ю. И. Этнос, нация, диаспора // ЭО. № 2, 2000. – С. 64-73.
258. Сим Л. М. К вопросу о корейском менталитете: прошлое в настоящем // NK-SCA. Vol. 6 (14), 2007. – С. 110-113.
259. Словарь социолингвистических терминов / Отв. ред: док. филол. наук В. Ю. Михальченко. – М.: Институт языкознания РАН, Российская академия лингвистических наук, 2006. – 312 с.
260. Советские корейцы Казахстана: Энциклопедический справочник / Сост. Д. В. Мен и др. – Алма-Ата: Казахстан, 1992. – 168 с.
261. Сон Ж. Г. Корейцы: миграция на пути длиной в полвека (1864-1918) // Миграция корейцев на русский Дальний Восток: российско-корейские отношения. 1821–1918 гг. Документальная история / Сост. Ж. Г. Сон. – М.: Аквариус, 2017. – 532 с.
262. Сон Ж. (отв. ред.). 1937 год: русскоязычные корейцы – прошлое, настоящее, будущее. – М.: Аквариус, 2018. – 752 с.
263. Сон Ж. Социализация корейской семьи в СССР (1937–1991) // 러시아지역 해외한민연구 || 러시아지역 한민의 이산과 정주. – Seoul: 2019. – С. 357-410.
264. Сон С. Ю. Основные особенности взаимодействия корейского и русского языков в корейской диаспоре Казахстана // Вестник КазГУ. Сер. филол. № 25, 1997. – С. 119-123.
265. Сон С. Ю. Заметки о корейском языке (корё мар) в Казахстане // Вестник КазГУ. Сер. филол. № 7, 1999. – С. 84-86.
266. Сталин И. В. Соч. Т. 12. – М: Гос. изд-во полит. лит., 1946-1952.
267. Сундеткалиева К. А. Ключевые идеи корейской поэзии Казахстана // ИКЦА. Вып. 6, 2007. – С. 309-315.
268. Тавадов Г. Т. Этнология: Современный словарь-справочник. – М.: АНО «Диалог культур», 2007. – 668 с.
269. Этнология: Учебник для вузов. – М.: Проект. 2002. – 352 с.
270. Этнология: Учебник. 2-е изд. – М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2016. – 408 с.
271. Такер Р. Сталин. Путь к власти. – М.: Прогресс, 1991. – 478 с.: илл.

272. *Темирболат А. Б.* Пространство и время в структуре романа М. Пака «Смеющийся человечек Хондо» // ИКЦА. Вып. 4, 2006. – С. 152-167.
273. *Тен В. А.* Начальные страницы истории кустанайских корейцев. – Кустанай, 1994. – 49 с.
274. *Тен Е.* Легенда о Ким Пен Хва. – Т.: Истиклол, 2005. – 136 с.: илл.
275. *Тен М. Д.* Проблема национальной идентификации корейской молодёжи в Узбекистане // NKSCA. Vol. 6 (14). 2007. – С. 114-119.
276. *Тен М. Д.* Трудовая миграция корейцев Узбекистана в Республику Корея // ИКЦА. Вып. 8 (16). – Алматы, 2009. – С. 61-77.
277. *Тен М. Д.* Последствия депортации корейцев из Дальнего Востока России в Узбекистан (1937-1938 гг.) // ИКК. Вып. 9 (17). – Алматы, 2010. – С. 81-89.
278. *Тен М. Д.* Религиозная идентичность этнического меньшинства в условиях полиэтнической среды Узбекистана (на примере корейской диаспоры) // ИКЦА. Вып. 19, 2012. – С. 141-149.
279. *Тен М. Д.* Современная этнокультурная идентичность корейцев Узбекистана (по данным социологического исследования). – Т.: Extremum-Press, 2013. – 124 с.
280. *Тен М. Д.* Корейцы СНГ: от общей истории к единому этнокультурному сообществу евразийских корейцев // Идеи и Идеалы. Т. 2. №1 (31), 2017. – С. 35-50.
281. *Тен Чу.* Новые песенные жанры советских корейцев // Известия АН КазССР. Серия филологическая. № 2. – Алма-Ата, 1976. – С. 62-68.
282. *Тишков В. А.* Исторический феномен диаспоры // ЭО. № 2, 2002. – С. 43-63.
283. *Тишков В. А.* Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии. – М.: Наука, 2003. – 544 с.
284. *Тишков В. А., Шабазов Ю. П.* Этнополитология: политические функции этничности. Учебник для вузов. – М.: Издательство МГУ, 2011. – 376 с.
285. *Токарев С. А.* Проблема типов этнических общностей (к методологическим проблемам этнографии). Вопросы философии. № 11, 1964. – С. 43-53.
286. *Тощенко Ж. Т., Чантыкова Т. И.* Диаспора как объект социологического исследования // Социс. № 12, 1996. – С. 33-42.
287. *Трифонов Ю.* Спой свою песню. О творчестве писателя Анатолия Кима. Эссе // Юность. № 6, 1979. – С. 89-87.
288. *Троцкий Л.* Сталин. В 2-х томах. Т. 2. – М.: Терра, 1990. – 303 с.
289. Труды Амурской экспедиции. Вып. X. – Спб., 1911. – 179 с.
290. *Тюгай А.* Каракалпакские корейцы // Ким Брутт. Корейцы Узбекистана. Кто есть кто. – Т., 1999. – С. 32-33.
291. *Убайдуллаева Р. А.* Демографическая ситуация в Республике Узбекистан и тенденции её изменения // Население Узбекистана: 15 лет независимого развития. – Т., 2007.
292. *Угай Ч.* Корейцы России в годы войны 1941-1945 гг. // War and Overseas Koreans. – Seoul: HUFSS, 2004.
293. Узбекистан в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.). – Т.: Фан, 1966. – 207 с.: илл.

294. Узбекская ССР в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.). Т. 1-3. – Т.: Фан, 1981-1985. – 340 с.: илл.
295. *Унтербергер П.* Приморская область 1856-1898. – СПб., 1900. – 392 с.: ил., карт.
296. *Фаттахова Е.* Вопросы корейской диаспоры в отечественной историографии 1990-х годов – начала XXI века // *Корейцы в России, радикальная трансформация и пути дальнейшего развития.* – М.: Первое марта, 2007. – С. 178-183.
297. *Хан В. С.* Парадигмы и проблемы национальных движений: социально-философский анализ // ИККСА. № 1 – Алматы-Хельсинки, 1993. – С. 10-13.
298. *Хан В. С.* «Мы» и «Они» // ИКК. Вып. 6. 1999. – С. 103-107.
299. *Хан В. С.* Какие традиции мы возрождаем: в поисках своей идентичности // Десять лет спустя. (К 10-й годовщине Ассоциации корейских культурных центров Узбекистана). Отв. ред. В. С. Хан. – Т.: АККЦ РУз, 2001. – С. 49-56.
300. *Хан В. С.* Корейское движение в Узбекистане: аналитические заметки // Десять лет спустя. (К 10-й годовщине Ассоциации корейских культурных центров Узбекистана). Отв. ред. В. С. Хан. – Т.: АККЦ РУз, 2001. – С. 26-36.
301. *Хан В. С.* О состоянии исследований корейской диаспоры Узбекистана // Десять лет спустя. (К 10-й годовщине Ассоциации корейских культурных центров Узбекистана). Отв. ред. В. С. Хан. – Т.: АККЦ РУз, 2001. – С. 156-163.
302. *Хан В. С.* Международное корейское сообщество: утопия или перспектива? // IJСAS. Vol. 6, 2001. – С. 90-104.
303. *Хан В. С.* Создание и первые годы переселенческих корейских колхозов в Центральной Азии // IJСAS. Vol. 9, 2004. – С. 177-184.
304. *Хан В. С.* О соотношении кобонди и форм земледелия у корейцев на дореволюционном российском Дальнем Востоке в первые годы советской власти // ИКК. Вып. 1-2 (10), 2005. – Алматы: Центр корееведения КазНУ, 2005. – С. 123-135.
305. *Хан В. С.* Международное корейское сообщество: утопия или перспектива? // ИКЦА. Вып. 1-2 (10), 2005. – С. 188-197.
306. *Хан В. С.* К историографии изучения кобонди // ИКЦА. Вып. 5 (13), 2007. – С. 105-116.
307. *Хан В. С.* Корейцы в «трудовой армии» в годы второй мировой войны: историографический обзор // ИКЦА. Вып. 7 (15), 2008. – С. 145-178.
308. *Хан В. С.* О причинах возникновения кобонди // «Ариран-1937». Вып. 1. – Т.: Санъат, 2008. – С. 93-100.
309. *Хан В. С.* Кобонди в 80-е–90-е годы XX века // ИКЦА. Вып. 8 (16). – Алматы: Центр корееведения КазНУ, 2009. – С. 180-190.
310. *Хан В. С.* Корё сарам: кто мы? Очерки истории корейцев. – Бишкек: АРХИ, 2009. – 208 с.
311. *Хан В. С.* История Кореи. – Т.: Vaktria press, 2013. – 128 с.
312. *Хан В. С.* О принципах классификации и состоянии историографических исследований в корееведческой диаспорологии // ОТ. № 1, 2013. – С. 65-77.
313. *Хан В. С.* В трудовой армии // Корё сарам. К 150-летию переселения корейцев в Россию. – М.: Айванлайн, 2014. – С. 168-179.

314. Хан В. С. Корейское движение в 1990-х годах // Корё сарам. К 150-летию переселения корейцев в Россию. – М.: Айванлайн, 2014. – С. 301-307.
315. Хан В. С. Корейское движение в 1990-х годах // Корё сарам. К 150-летию переселения корейцев в Россию. – М.: Айванлайн, 2014. – С. 301-307.
316. Хан В. С. Международное корейское сообщество: вызов времени // Корё сарам. К 150-летию переселения корейцев в Россию. – М.: Айванлайн, 2014. – С. 346-352.
317. Хан В. С. Социальный статус и вклад корейцев в развитие Центральной Азии // Корё сарам. К 150-летию переселения корейцев в Россию. – М.: Айванлайн, 2014. – С. 131-137.
318. Хан В. С. Изучение корейского языка в Узбекистане в советский и постсоветский периоды (опыт социологического исследования) // ИКЦА. Вып. 21, 2014. – С. 62-78.
319. Хан В. С. Освещение истории корейской полуделегальной сельскохозяйственной аренды (кобонди) в художественной и публицистической литературе // ОТ. № 2, 2014. – С. 77-87.
320. Хан В. С. Корейцы на постсоветском пространстве: диаспора или диаспоры? // 1937 год: прошлое, настоящее, будущее. – М.: Аквариус, 2017. – С. 45-55.
321. Хан В. С. Насильственное переселение 1937 года и 80 лет проживания корейцев в Центральной Азии // Переселенные корейцы: прошлое, настоящее, будущее. – Бишкек: Ильчи, 2017. – С. 11-16.
322. Хан В. С. Об антропологических исследованиях среди корейцев на Дальнем Востоке, в Узбекистане и Казахстане во второй половине 1930-х–1940-х годов // IJCSAS. Vol. 21, 2017. – С. 1-12.
323. Хан В. С. Корейцы на земле Средней Азии // Оазисы Шёлкового пути. Современные проблемы этнографии, истории и источниковедения Центральной Азии. – М.: Исламская книга, 2018. – С. 213-221.
324. Хан В. С., Ким Г. Н. Актуальные проблемы и перспективы корейской диаспоры Центральной Азии // IJCSAS. Vol. 5, 2000. – С. 45-60.
325. Хан В. С., Ким Г. Н. Десять лет спустя: размышления о пути, пройденном в корейском движении // Ассоциация корейцев Казахстана. – Алматы: АКК, 2000. – С. 185-209.
326. Хан В. С., Сим Хон Ёнг. Корейцы Центральной Азии: прошлое и настоящее. – М.: МБА, 2014. – 256 с.: илл.
327. Хан В. С., Хан С. М. Сталинизм: к вопросу о причинах политики депортаций // ИККСА. № 4, 1993. – С. 7-14.
328. Хан Г. Б. Прошлое и настоящее корейцев Казахстана. – Алматы, 1997. – 171 с.
329. Хан С. М. Возвращаясь к истокам // Узбекистан – Корея: научное и культурное сотрудничество. – Т., 2000. – С. 7-11.
330. Хан С. М. Корейские культурные центры – как они зарождались? // Десять лет спустя. – Ташкент-Сеул, 2001. – С. 5-12.
331. Хан С. М. Язык – душа народа // Десять лет спустя. – Ташкент-Сеул, 2001. – С. 57-65.
332. Хан-Фимина В. А. Судьба российской кореянки. – М.: Междунар. обществ. орг. корейцев «Единство», 2002. – 210 с.

333. *Хван Л. Б.* Корейцы Каракалпакстана: вчера и сегодня. – Нукус: Билим, 2004. – 84 с.: илл.
334. *Хван М. Г.* Колхоз шагает в коммунизм. – Т.: Госиздат УзССР, 1961. – 47 с.
335. *Хван М. Г.* Трудом и только трудом («Политотдел»). – М.: Сельхозиздат, 1962. – 135 с.: илл.
336. *Хван М. Г.* Колхоз «Политотдел». – М.: Колос, 1977. – 128 с.: илл.
337. *Хегай М. А.* Вопросы методики преподавания русского языка корейским учащимся. – Т., 1957.
338. *Хегай М. А.* Русско-корейский словарь школьника. – Т.: М-во просвещения УзССР. Науч.-исслед. ин-т пед. наук, 1958. – 116 с.
339. *Хегай М. А., Ким Ман Сек.* Учебник корейского языка для 3-4 классов. – Т., 1965. – 30 с.
340. *Хон Ун-хо, Юн Сан-вон.* 1937: национальная политика СССР и принудительное переселение корейцев // 1937: русскоязычные корейцы – прошлое, настоящее, будущее. – М.: Аквариус, 2018. – С. 81-93
341. *Хорошевский Н. И.* Понятие «нация» в западноевропейской социальной мысли XVIII века // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Обществ. науки. № 6, 2011. – С. 85-89.
342. *Цой В. С.* Традиционное и новое в материальной культуре корейцев Казахстана // Известия АН КазССР. Серия обществ. наук. № 4, 1982. – С. 40-45.
343. *Цой В. С.* Изучение семейной обрядности корейцев Казахстана // СЭ. № 2, 1983. – С. 96-102.
344. *Цой Ен Гын, Ян Вон Сик.* Корейские обычаи и традиции. – Алматы: Sansam, 2007. – 256 с.
345. *Цой З. П.* Основные приемы возделывания риса в Казахстане (Аналитический обзор). – Алма-Ата: КазНИИНТИ, 1975. – 73 с.
346. *Цой С. С.* Методы обучения произношения звуков корейского языка. // Узбекистан – Корея: научное и культурное сотрудничество. – Т., 2000. – С. 418-426.
347. *Цой С. С.* О некоторых аспектах фонетики русского и корейского языков // Узбекистан – Корея: научное и культурное сотрудничество. – Т., 2000. – С. 414-417.
348. *Чебоксаров Н. Н.* Проблемы типологии этнических общностей в трудах советских учёных // СЭ. № 4, 1967. – С. 94-109.
349. *Чекулина Н. А.* Образ Канг Чоля в романе Ёнг Тхека «Кимь» // КК. Вып. 4, 2016. – С. 145-159.
350. *Чен Н.* Дети своего народа: Книга о приморских корейцах. – Т.: Издательско-полиграфический творческий дом им. Г. Гуляма, 2003. – 240 с.
351. *Чен Т. С., Пак Ир П. А.* Традиционная корейская кухня. – Алматы, 1994. – 398 с.
352. *Черныш П. М., Хан В. Н.* Корейцы Костанайской области. – Костанай, 2000. – 347 с.
353. *Чжен Ин-Су.* На лесоповале // Чен Н. Дети своего народа: Книга о приморских корейцах. / Ред. колл.: В. С. Ким, К. М. Ким, А. С. Тегай. – Т.: Издательско-полиграфический творческий дом им. Г. Гуляма, 2003. – С. 28-31.

354. Чунтулов В. Т., Кривцова Н. С., Чунтулов А. В., Тюшев В. А. Экономическая история СССР. – М., 1987. – 368 с.
355. Шибанова М. А. Концепт нации в транснациональном дискурсе // Политэкс. Т. 8. № 2, 2012. – С. 150-164.
356. Шеффер Е. Немецкая трудармия Свердловской области // 50 лет Победы в Великой Отечественной войне / Материалы научной конференции. – Екатеринбург, 1995. – С. 99-100.
357. Шеффер Г. Диаспоры в мировой политике // Диаспоры. № 1, 2003. – С. 162-184.
358. Шин Д. В., Пак Б. Д., Цой В. В. Советские корейцы на фронтах Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. – М., 2011. – 615 с.: илл.
359. Шин Юн Ча. Сорёный корё сарамдыль. – Сеул, 1988. – 241 с.
360. Шнирельман В. Мифы диаспоры // Диаспоры. № 2-3, 1999. – С. 6-34.
361. Экономика передового колхоза «Полярная звезда». Под ред. Н. Е. Омелина. – Т.: Изд-во АН УзССР, 1954. – 180 с.
362. Энциклопедия корейцев Казахстана. – Алматы, 2017. – 767 с.
363. Югай Г. А. Советские корейцы: социально-психологический портрет своего поколения. – Т.: Общество «Знание» Узбекской ССР, 1990. – 26 с.
364. Общность народов Евразии – арьев и суперэтносов – как национальная идея: Россия и Корея. – М.: Беловодье, 2003. – 288 с.
365. Югай И. Г. О влиянии статистического фактора на языковые процессы у корейцев Узбекской ССР // Исследования по литературоведению и языкознанию. – Т., 1975.
366. Югай И. Г. О некоторых типах языкового контакта в Узбекской ССР // Вопросы литературоведения и языкознания. – Т., 1975. – С. 17-22.
367. Югай И. Г. Этносоциологическое изучение языковых процессов среди корейцев Узбекской ССР // Полевые исследования Института этнографии. – М., 1977. – С. 168-174.
368. Югай И. Г. Об этнической идентификации советских корейцев (по материалам конкретно-социологических исследований) // ИККСА. – Алматы-Хельсинки. № 4, 1993. – С. 25-31.
369. Ян Вон Сик. О литературе корейцев Казахстана // ИКК. Вып. 9, 2002. – С. 99-117.
370. Литература корейцев Казахстана // ИКЦА. Вып. 3, 2005. – С. 118-143.
371. Яценко Н. Е. Толковый словарь обществоведческих терминов. – СПб: Лань, 1999. – 524 с.

Литература на западноевропейских языках

372. Adamz, Zachary. Membering Koryo Saram: Territory, Identity, and the Korean Diaspora // 1937: русскоязычные корейцы – прошлое, настоящее, будущее. – М., 2018, pp. 528-541.
373. Back Tae Hyeon. The Social Reality Faced by Ethnic Koreans in Central Asia // *Koryŏ Saram: Koreans in the Former USSR. Korean and Korean American Studies Bulletin*. Vol. 12, NOS 2/3. – New Haven: East Rock Institute, 2001, pp. 45-88.

374. *Conquest, Robert*. The Soviet Deportation of Nationalities. London, 1960. – 203 p.
375. *Diener A*. Homeland Conceptions and Ethnic Integration Among Kazakhstan's Germans and Koreans. – New-York, 2004, 179 p.
376. Facts About Korea. – Seoul: Koreans Overseas Information Service. Government Information Agency, 2006, 255 p.
377. *Ginsburgs G*. The Citizenship Status of Koreans in the Pre-Revolutionary Russia and the Early Years of the Soviet Regime. – «Korean Affairs». Vol. V, No 2, 1975, pp. 1-20.
378. *Ginsburgs G*. The Citizenship Status of Koreans in the USSR: Post-World War II Development. – “Korean Affairs”. Vol. VI, No 1, 1976, pp. 1-17.
379. *Ginsburgs G. & Ginsburgs H*. A Statistical Profile of the Korean Community in the Soviet Union // *Asian Survey*. Vol. XVII, No 1, 1977, pp. 952-966.
380. *Griffiths, Ann Hagen*. The Korean Americans. – New-York: Facts on File, Inc. 1992, 131 p.
381. *Declan, J.O'Donnell*. Founding A Space Nation Utilizing Living Systems Theory // *Behavioral Science*. Vol. 39. 1994, pp. 93-116.
382. *Gelezau, Valérie*. Beyond the “Long Partition” from divisive geographies of Korea to the Korean “meta-culture” // *European Journal of East Asian Studies*, 9-1, 2010, pp. 1-24.
383. *Gelezau, Valérie*. Capitals of the Korean Meta-nation: An archipelago of Hyperand Shadow-Capitals // *S/N Korean Humanities*. Vol. 5, Issue 2 (September 2019), pp. 13-31.
384. *Gelezau, Valérie*. The Unresolved Korean Border, the Polarized Meta-Nation and the North Korean Problem // *North Korean Review*. Vol. 16, No 1, 2020, pp. 111-120.
385. *Haarmann, Harald*. Aspekte der koreanisch-russischen Zweisprachigkeit. – Hamburg, 1981. – 214 p.
386. *Hidesuke Kimura*. Korean Minorities in Soviet Central Asia and Kazakhstan – Occasional Papers. N 12. Honolulu: University of Hawaii, 1987, pp. 85-100.
387. *Hur Seung-Chul*. Aspects of the Linguistic Assimilation of Soviet Koreans. – “The Journal of Slavic Studies”. Vol. 3. Seoul, 1988, pp. 123-139.
388. *Khan V* “Occasional Papers”. Vol. 2. Seattle: Korean American Historical Society. 1996, pp. 82-85.
389. *Khan V*. The Korean Minority in Central Asia: National Revival and Problem of Identity // *IJCAS*. Vol. 3. Seoul: IACD, 1998, pp. 66-77.
390. *Khan V* On the Problem of Revival and Survival for Ethnic Minorities in Post-Soviet Central Asia // *Prospects for Democracy in Central Asia*. Istanbul: Sweden Research Institute in Istanbul, 2005, pp. 69-80.
391. *Khan V*. Social Insecurity and Migratory Processes in Central Asia // “International Journal of Central Asian Studies”. Seoul: IACD&IACAS. Vol. 10, 2005, pp. 53-70.
392. *Khan V*. Uzbekistani Koreans in the Labor Army during World War II (Historiography of the Problem) // *IJCAS*. Vol. 11. 2006, pp. 59-71.
393. *Khan V* Koreans and the Poly-ethnic Environment in Central Asia: The Experience of Eurasianism // *Public Opinion*. Vol. 1, 2010, pp. 731-740.

394. *Khan V.* Koreans in the Multi-ethnic and Multi-cultural Environment in Central Asia: the Experience of Eurasianism // *Journal of International Culture: International Culture Institute, Chosun University*. Vol. 3-2, 2010, pp. 1-26.
395. *Khan V.* On the Way to a Korean Meta-Nation: Identity, Globalism and Glocalism // *Glokal Culturalism in Neo-Northeast Asia*. May 16-17, 2014. Chung-Ang University, Seoul, 2014, pp. 37.
396. *Khan V.* Métanation coréenne Les relations entre la diaspora coréenne et la Corée Le problème de la reunification // *Qutre-Terre. Revue Européenne de Géopolitique*. No. 39, 2014, pp. 232-242.
397. *Khan V.* Multiculturalisme ou interculturalisme: vers une nouvelle politique ethnique en Asie centrale // *OUTRE-TERRE. Revue Européenne de Géopolitique*. № 48, Nov. 2016 – Jan. 2017, pp. 92-111.
398. *Khan V.* How the History and Fate of Koryo Saram are Stated in the CIS Korean's Publications? // 1937 год: русскоязычные корейцы – прошлое, настоящее и будущее. – М.–Владивосток–Уссурийск, 2018, pp. 69-80.
399. *Khan V., Kim G.* The Koryo Saram: Koreans in the Former USSR. *Korean and Korean American Studies Bulletin*. Vol. 12. No. 2: East Rock Institute, New Haven. 2001, pp. 114-140.
400. *Kho Songmoo.* Rice Cultivation by Koreans in Soviet Central Asia "AKSE Newsletter". No 9, 1986, p. 12.
401. *Kho Songmoo.* Koreans in the Soviet Central Asia / *Studia Orientalla*. Vol. 61, Helsinki: Finnish Oriental Society, 1987, 262 p.
402. *Kho Songmoo.* Koreans in the Soviet Union. – "Korea and World Affairs". Vol. 14, No 1, 1990, pp. 137-175.
403. *Kim C. Y., Pacher A.* Why Identities? Sympolic Interaction and Diasporas // 1937: русскоязычные корейцы – прошлое, настоящее, будущее. – М., 2018, pp. 496-508.
404. *Kim G.* New Books on Koryo Saram // *ИКК. Вып. 3.* – Алматы: Ғылым, 1998, pp. 127-142.
405. *Kim G.* The History, Culture and Language of the Koryō Saram // *Korea Journal*. Vol. 33, No. 1, 1993, pp. 47-68.
406. *Kim G.* Ethnicity, Identity, and Attitude to Religions of the Central Asian Koreans: Some Results of a Pilot Survey among Korean Minority Students // *The Journal of Northeast Asian History*. Vol. 9, No 1 (Summer 2012), pp. 67-90.
407. *Kim German N., Khan V. S.* The Korean Movement in Kazakhstan: Ten Years Later // *Koryō Saram: Koreans in the Former USSR. Korean and Korean American Studies Bulletin*. Vol. 12, NOS 2/3. – New Haven: East Rock Institute, 2001, pp. 114-140.
408. *Kim Hyung-chan.* Review Article: Toward a General Theory of the Korean Diaspora. – "Korea and World Affairs". Vol. XIII, No 3, 1989, pp. 543-551.
409. *Kim Kyu-Thaik.* Koreatown in Tashkent. – "Korea Journal". Vol. 18, No 9, 1978, pp. 67-70.
410. *Kim Sang Cheol.* Some historio-cultural considerations for better understanding Central Asia in terms of Area studies in Korea: Focused on Similarities and Differences of major indigenous group // *NKSCA*. Vol. 6 (14), 2007, pp. 71-82.

411. *Kim Sang Chol*. Migration History of Ethnic Koreans in Central Asia // NKSCA. Vol. 1-2, 2005, pp. 46-53.
412. *Kim V. V.* Korean Diaspora in Uzbekistan: Pre-requisites, Process and Aftermath of Forced Migration in 1937 // 1937: русскоязычные корейцы – прошлое, настоящее, будущее. – М., 2018, pp. 276-288.
413. *King J. P. R.* An Introduction to Soviet Korean // Language Research. Vol. 23, No 2, June 1987, pp. 233-244.
414. *King J. P. R.* A Soviet Korean Grammar from 1930. – “Korean Language Education”. Seoul, No 3, 1991, pp. 153-178.
415. *King J. P. R.* Archaisms and Innovations in Soviet Korean Dialects // Language Research. Vol. 28, No 2, June 1992, pp. 201-223.
416. Koreans in the Soviet Union. Ed. by Suh Dae-Sook. Paper of the Center for Korean Studies. No 12, University of Hawaii. Honolulu, 1987, 138 p.
417. *Krader L.* Peoples of Central Asia. Bloomington, 1966, 321 p.
418. *Lee Chong-Sic and Oh Ki-Wan.* The Russian Faction in North Korea. – “Asian Survey”. No 4, April 1968, pp. 270-280.
419. *Li (Lee) Vladimir F.* Prospects and Source Materials for Studies of the Korean Ethnic Minority in the Soviet Union // Korea Journal. Vol. 30, No 11, 1990, pp. 44-48.
420. *Luke T.* Cyberspace as Meta-Nation: The Net Effects of Online E-Publicanism // Alternatives: Global, Local, Political. Vol. 26, No. 2, Apr.-June 2001, pp. 113-142.
421. *Mahiwo S.* Interface in the Meta-nation state Dynamics of Philippines & Japan // Junctions between Filipinos and Japanese: Transborder Insights and Reminiscences. Ed. by Arnold M. Azurin and Sylvano D. Mahiwo. Quezon City: Wika at Kultura, Inc. 2007.
422. *Meinecke F.* Weitbürgertum und nationalstaat: Studien zur genesis des Deutschen national-staates // Meinecke F. Werke. München und Berlin: Druck und Verlag von R. Oldenbourg, 1922, 554 p.
423. *Nekrich A.* The Punished Peoples. The Deportation and Fate of Soviet Minorities at the End of the Second World War. — New York: W. W. Norton, 1979, 238 p.
424. *Oka Natsuko.* The Korean Diaspora in Nationalizing Kazakhstan: Strategies for Survival as an Ethnic Minority // *Koryō Saram: Koreans in the Former USSR. Korean and Korean American Studies Bulletin*. Vol. 12, NOS 2/3. New Haven: East Rock Institute, 2001, pp. 89-113.
425. *Otto Pohl J.* Soviet Apartheid: Stalin’s Ethnic Deportations, Special Settlement Restrictions, and the Labor Army: The Case of the Ethnic Germans in the USSR // Human Rights Review. Vol. 13, 2012, pp. 205-224.
426. *Pak Nelli.* Korean Kinship Terminology (Yukchin Dialect of Kore Mar) // ИКК. Вып. 1, 1996, pp. 87-99.
427. *Patterson, W.* To be Korean or American. Negotiating Korean Identity among Koreans in Hawaii, 1903-1945. – Paper for presentation. “Korean Identity in the New Millennium”. Pundang, Academy of Korean Studies. Panel 6. June 27-29. 2000.
428. *Puchek V.* A Review of the Song-moo Kho’ Book. – “Asian and African Studies”. Bratislava-London. Vol. XXIV, 1989, pp. 543-551.

429. *Stephan J. J.* The Korean Minority in the Soviet Union // *Mizan (Central Adian Review)*. Vol. 13, No 3, 1971, pp. 138-150.
430. *Tkatch D.* Meta-Nation for Dummies // *Katoikos*. 22 January, 2016.
431. *Yem Natalya and Epstein Stephen J.* Social Change and Marriage Patterns among *Koryo Saram* in Kazakhstan, 1937–1965 // *Seoul Journal of Korean Studies* 28, No. 2, December 2015, pp. 133–152.
432. *Yim, Eunsil.* Être coréens au Kazakhstan. Des entrepreneurs d'identité aux frontières du monde coréen. Paris: Collège de France, Institut d'études coréennes. 2016, 393 p.
433. *Youn-Cha Shin Chey.* Korean Studies in the Soviet Union: A Historical Perspective. – "Korea Journal". Vol. 29, No 2, 1989, pp. 4-15.
434. *Wada Haruki.* Koreans in the Soviet Far East, 1917-1937 // *Koreans in the Soviet Union*. – Honolulu, № 12. 1989, pp. 24-59.

Литература на корейском языке

435. 고송무, *쏘련의 한인들*, 서울: 이론과실천, 1990. 285 p.
436. 권희영. *세계의 한민족: 독립국가연합*. 서울: 통일원, 1996. 189 p.
437. 권희영, *한 발레리 공저. 중앙아시아 초원의 유랑농업. 우즈베키스탄 고려사람의 고본지 연구*. 한국정신문화연구원, 2004. 153 p.
438. 권희영, *Valery Han*, *반병률*. «우즈베키스탄 한인의 정체성 연구», 한국정신문화연구원, 2001. – 239 p.
439. 김보희. *잊혀진 고려인의 노래*. 서울: 도서출판 가온, 2006. 172 p.
440. 김 부르트. *우리는 누구인가. 소련의 한인들 125년사*. 모스크바, 1998. 265 p.
441. 김연수. *소련과 한국 문제*. 서울: 일념, 1986. – 334 p.
442. 김호준. *유라시아 고려인. 디아스포라의 아픈 역사*. 서울: 주류성출판사, 2013. 579 p.
443. 뒤바보(계봉우, "俄領實記", 獨立新聞(上海版), N 48, 1920. 2.20; N 62, 1920. 4. 12. (Записки о корейцах, проживающих в России // Независимая газета, с № 48, 20 февраля 1920 г. по № 62, 12 апреля 1920, Шанхай).
444. 박환. *러시아 한인 민족운동사*. 서울: 탐구당, 1995. 387 p., 도판 [11] p.
445. 신연자. *소련의 고려사람들/申娟子 著*. 서울: 東亞日報社, 1988. 241 p.
446. 심현용. *러시아 민족정책과 강제이주*. 서울: 도서출판 선인, 2017. 400p.
447. 윤상원. *1937년 강제이주를 둘러싼 소련의 변경정책과 한인정책//러시아지역 해외 한인연구 I*. 서울, 2019, pp. 71-104.
448. 윤상원. *1920-30년대 러시아 연해주 한인들의 민족해방운동 인식: 3·1운동을 중심으로//러시아지역 해외한인연구III*. 서울, 2019. Pp. 177-204.
449. 윤상원. *내전 후 연해주에서 사회주의 건설과 한인//러시아지역 해외한인연구 I I*. 서울, 2019. Pp. 79-108.
450. 윤상원. *러시아혁명과 연해주해방전쟁 그리고 한인//러시아지역 해외한인연구 I I*. 서울, 2019. Pp. 43-78.
451. 윤상원. *세계 각지로 재이산한 '고려사람'//러시아지역 해외한인연구V*. 서울, 2019. Pp. 165-184.

452. 윤상원. 한국인과 고려인의 상호인식과 '고려인 지원정책'의 허와 실//러시아지역 해외한인연구IV. 서울, 2019, pp. 151-178.
453. 이광규, 전경수, [쏘련 한인: 인류학적 연구], 서울, 1993.
454. 이 에리아. 타지키스탄의 고려인사회의 현황과 과제//Newsletter of Korean Studies in Central Asia. Vol. 6 (14). 2007. Pp. 83-88.
455. 한 발레리. 고려사람 우리는 누구인가? - 서울, 재외동포재단 총서, 1999, [한 세르게이 공저]. - 381 p.
456. 한 발레리. 새로운 세기에 있어? - 동서양 철학대회, «제3회 한민족 철학자대회 대회보 1권 - 한민족과 2000년대의 철학», 3권, 서울, 한국철학회, 1999.
457. 한 발레리. 재외 한인 동포들의 다양성 및 일치성에 관한 문제, «제3회 한민족 철학자대회 대회보 1권 - 한민족과 2000년대의 철학», 1권, 서울, 한국철학회, 1999.
458. 한 발레리, 남 빅토르. 우즈베키스탄의 한국어 교육사//다문화와 디아스포라 연구. 제5호, 2014, pp. 111-130.
459. 한 발레리, 심현용 지음. 중앙아시아의 코리안 에트노스 - 어제와 오늘//성균중국인구소 한국-아시아 문명교사 10. 서울: 이메일, 2013. - 239 p.
460. 한 발레리, 최소영. 우즈베키스탄 지역의 한국학 자료 현황: 문헌 자료 및 영상 자료//역사문화연구. 제 20 권, 2004년, pp. 85-112.
461. 현규환, 한인유이민사, 서울, 1967.
462. 홍용호. 강제이주 직후 카자흐스탄 고려인 사회//러시아지역 해외한인연구 II. 서울, 2019, pp. 109-138.
463. 홍용호. 구술을 통해 본 사할린 한인의 역사와 삶//러시아지역 해외한인연구V. 서울, 2019, pp. 127-164.
464. 홍용호. '레닌기치'를 통해 본 1954년 이전 고려극장과 고려인들의 문화//러시아지역 해외한인연구III. 서울, 2019, pp. 151-176.
465. 홍용호. '레닌기치'를 통해 본 중앙아시아 고려인들의 독립운동 인식: 3.1운동과 8.15해방에 대한 인식의 변화를 중심으로//러시아지역 해외한인연구IV. 서울, 2019. Pp. 15-42.
466. 홍용호. 민족자결의 원칙과 소비에트러시아 민족정책의 변화//러시아지역 해외한인연구 I. 서울, 2019. Pp. 15-38.

Литература на японском языке

467. 겔만 N·?-ム, V·S·ハン, 2017, 「カザフスタンにおけるコリアン運動—10年を経過して」高全惠星監修・柏崎千佳子監訳『ディアスポラとしてのコリアン—北米・東アジア・中央アジア』新幹社, 528-68.

Литература на узбекском языке

468. Хан В. Корейсларни «мехнат армияси»га жалб этилишининг ҳукукий асослари // Фалсафа ва ҳуқуқ. № 1, 2009. - С. 44-45.

Диссертации и авторефераты диссертаций

469. Ан Р. К. Социально-экономическое развитие корейцев в Семиречье (1937-2003 гг. Исторический аспект): Автореф. дисс... канд. истор. наук. - Алматы, 2004. - 32 с.

470. *Ан Р. К.* Социально-экономическое развитие корейцев в Семиречье (1937-2003 гг. Исторический аспект). Дисс... канд. истор. наук. – Алматы, 2004.
471. *Асирбабаева К.* Республика Узбекистан и Республика Корея: Автореф. дисс... канд. полит. наук. – Т., 2007.
472. *Дё Юн Хи.* Языковая ситуация корейцев Узбекистана: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Т., 2002. – 26 с.
473. *Дё Юн Хи.* Языковая ситуация корейцев Узбекистана: Дис. ... канд. филол. наук. – Т.: Ин-т языка и литературы им. А. Навои АН РУз, 2002. – 156 с.
474. *Джанг Джун Хи.* Похоронно-поминальные обычаи и обряды корейцев Узбекистана (на материалах Ташкентского вилоята): Автореф. дисс... канд. истор. наук. – Т., 2006. – 27 с.
475. *Джанг Джун Хи.* Похоронно-поминальные обычаи и обряды корейцев Узбекистана (на материалах Ташкентского вилоята). Дисс. канд. Истор. наук. – Т., 2006. – 202 с.
476. *Ем Н. Б.* Межнациональные браки корейцев Казахстана в 30-90-е годы XX века (историко-демографический аспект): Автореф. дисс... канд. истор. наук. – Алматы, 2004. – 29 с.
477. *Кан Г. В.* История корейцев Казахстана: Автореф. дисс... докт. истор. наук. – Алматы, 1996. – 52 с.
478. *Ким А. С.* Этнополитическое исследование современных диаспор (конфликтологический аспект): Дисс... докт. полит. наук. – СПб., 2009. – 345 с.
479. *Ким Г.* Социально-культурное развитие корейцев Казахстана (1946-1966 гг.): Автореф. дисс... канд. истор. наук. – Алма-Ата, 1990. – 24 с.
480. *Ким Г.* История иммиграции корейцев (вторая половина XIX в. – 1945 г.): Автореф. дисс... докт. истор. наук. – Алматы, 1999. – 54 с.
481. *Ким И. Ф.* Формирование и развитие советского корейского профессионального театра: Автореф. дисс... канд. искусствоведения. – Т., 1987. – 19 с.
482. *Ким О. М.* Особенности русской речи корейцев Узбекской ССР. Фонеморфологический очерк: Дисс... канд. филол. наук. – Т., 1964. – 280 с.
483. *Ким О. Г.* Проблема взаимоотношения языка и мышления в социокультурном контексте: Автореф. дисс... докт. филос. наук. – Алматы, 1995.
484. *Ким П. Н.* Деятельность Коммунистической партии Узбекистана по организационно-хозяйственному укреплению корейских колхозов (1937-1940): Автореф. дисс... канд. истор. наук. – Т., 1970. – 32 с.
485. *Козай Э. Р.* Метафора как универсальное средство создания индивидуально-авторской картины мира в творчестве А. Кима. Дисс. канд. филол. наук. – Алматы, 1996. – 217 с.
486. *Нурматов Н.* Опыт организации и экономика передового колхоза им. Свердлова Ташкентской области: Автореф. дисс... канд. эконом. наук. – Т., 1954.
487. *Пак Н. С.* Проблема исчезновения миноритарных языков: Автореф. дисс... докт. филол. наук. – Алматы, 2004. – 51 с.
488. *Пак Я. В.* Сербция и теплота набухания хлопковых волокон различного возраста: Дисс... канд. хим. наук. – Т., 1954.

489. *Пан Т. А.* Совершенствование организации производства овощей для промышленной переработки (на материалах колхозов и совхозов Ташкентской области): Автореф. дисс... канд. экон. наук. – Т., 1978. – 24 с.
490. *Понков В. Д.* Диаспорные общины в межкультурном взаимодействии: пути формирования и тенденции развития: Дисс... докт. социолог. наук. – М., 2003. – 395 с.
491. *Пэк Тхе Хен.* «Кобонджиль» корейцев в Центральной Азии: Автореф. дисс... канд. истор. наук. – Бишкек, 2001. – 20 с.
492. *Пэк Тхе Хён.* Кобонджиль корейцев Средней Азии и Казахстана. Дисс... канд. истор. наук. – Бишкек, 2001. – 177 с.
493. *Савуров М. Д.* Современные этнические процессы у национальных групп Узбекистана: Автореф. дисс... канд. истор. наук. – Л., 1986.
494. *Сим Л. М.* Корейцы Союза ССР, России и Казахстана: социокультурные процессы (20-е годы XX в. – начало XXI в.): Автореф. Дисс... канд. истор. наук. – Краснодар, 2006.
495. *Сим Хон Ёнг.* Корейский этнос в системе межнациональных отношений СССР: Автореф. дисс... канд. полит. наук. – М., 1998. – 26 с.
496. *Сон С. Ю.* Социолингвистический анализ функционирования коре мар и русского языка в корейской диаспоре Казахстана: Автореф. дисс... канд. филолог. наук. – Алматы, 1999. – 33 с.
497. *Тен А. Б.* Экономика передового колхоза «Полярная звезда»: Дисс... канд. эконом. наук. – Т., 1950. – 197 с.
498. *Тен М. Д.* Формирование, развитие и трансформация этнокультурной идентичности корейцев Узбекистана: Дисс... канд. истор. наук. – Т., 2011. – 253 с.
499. *Тен Чу.* Песенная культура советских корейцев: Автореф. дисс... канд. искусств. наук. – Л., 1978.
500. *Хан Б.* Из истории школьного образования корейского населения в Казахстане в 1937-1970 гг.: Автореф. дисс... канд. истор. наук. – Алма-Ата, 1976.
501. *Хан М. М.* Этно-региональные особенности ценностных ориентаций личности: Автореф. дисс... канд. социол. наук. – Алматы, 1993. – 23 с.
502. *Хегай М. А.* Лексические заимствования из русского языка в корейских переводах: Автореф. дисс... канд. филолог. наук. – М., 1953. – 28 с.
503. *Цай А. Г.* Об одном классе точных решений в цилиндрических функциях уравнений равновесия упругого тела: Дисс... канд. физ.-мат. наук. – Т., 1954.
504. *Цай И. П.* О некоторых приближенных решениях основных задач статики упругого тела: Дисс... канд. физ.-мат. наук. – Т., 1952.
505. *Цой В. С.* Современная культура и быт корейцев Казахстана: Автореф. дисс... канд. истор. наук. – Л., 1985. – 23 с.
506. *Цой С. В.* Пути увеличения производства риса и снижение его себестоимости в рисоводческих совхозах Узбекской ССР: Дисс... канд. экон. наук. – Т., 1972. – 182 с.
507. *Шалагинов Н. В.* Русская литература социалистического реализма и проблема её генезиса: Автореф. канд. филолог. наук. – Нижний Новгород, 2006.
508. *Югай И. Г.* Развитие современных языковых процессов в инонациональной среде: Автореф. дисс... канд. истор. наук. – М., 1982. – 22 с.

509. *King J. R. P.* Russian Sources on Korean Dialects. PhD. Dissertation. Harvard University, 1991.

Доклады на конференциях

510. *Бэ Ын Гиенг.* Демографическая характеристика корейского населения Дальнего Востока (20-30-е годы) / 1937 год. Российские корейцы: Приморье – Центральная Азия – Сталинград (Депортация). Материалы научной конференции «60 лет депортации корейцев России с Дальнего Востока в Казахстан и Среднюю Азию». Август-сентябрь 1997. – М., 2004. – С. 153-166.
511. *Ем Н. Б.* К проблеме межнациональной брачности // Сотрудничество. Материалы международной научно-практической конференции. Ч. 2. – Алматы, 1997.
512. *Ким В. Д.* Корейцы Узбекистана: прошлое и настоящее // История, культура и быт корейцев Казахстана, Кыргызстана и Узбекистана. Материалы международной конференции. Бишкек, 6 февраля 2003 г. – Бишкек, 2003. – С. 46-47.
513. *Ким В. М.* Вопросы национальной самоидентификации малочисленных корейских диаспор (на примере Таджикистана) // Материалы международной конференции «Содействие развитию корееведения в странах СНГ: проблемы и решения». – Ташкент, 2006. – С. 426-432.
514. *Ким Г. Н.* Межнациональные браки среди корейцев г. Алматы // Материалы международной конференции. – Тэгу: Университет Кемёнг, 1998.
515. *Ким Г. Н.* Вечные странники или перманентная мобильность корё сарам (постсоветских корейцев) // История, культура и быт корейцев Казахстана, Кыргызстана и Узбекистана. – Бишкек, 2003. – С. 35-43.
516. *Ким Г. Н.* Кобонди (кобончжил) как вид этнического предпринимательства советских корейцев // Материалы международной конференции «Корейская диаспора в ретро- и перспективе». 13-15 июля, 2007. – Алматы, 2007.
517. *Козьмина М. И.* Опыт социологического исследования межнациональной брачности среди корейцев Узбекистана. Материалы 6-ой международной конференции «Корейцы Узбекистана: достижения, проблемы, перспективы развития», посвящённой 75-летию проживания корейцев в Узбекистане. 10-11 ноября 2012. Ташкент // Вестник Тинбо. № 2. 2012. – С. 133-138.
518. *Козьмина М. И.* Межэтнические браки среди корейцев Узбекистана и Казахстана. Материалы 1-й международной конференции // «Корейская диаспора на территории России». 17-19 июня 2013 г. – С. 103-111; К вопросу об общих инвариантах в культуре узбеков и корейцев // Марказий Осиё ва Корея: кадимда ва hozirgi kunda. Илмий семинар материаллари. 31 мая 2013. Тошкент. – Т., 2013. – С. 64-68.
519. *Козьмина М. И.* Об этнокультурной идентичности межнациональных браков в корейской диаспоре Узбекистана (по данным полевого исследования) // Международная научно-практическая конференция, посвящённая 150-летию добровольного переселения корейцев в Россию. 19 апреля 2014 г., г. Новосибирск. – Новосибирск, 2014. – С. 113-121.
520. *Ли Г. Н.* Вклад корейской диаспоры в развитие Кыргызской Республики (1991-2002 гг.) // История, культура и быт корейцев Казахстана, Кыргызстана и Узбекистана: Материалы международной научной конференции. 6 февраля 2003 г. – Бишкек: Бишкекский гуманитарный университет, 2003. – С. 48-55.

521. Мен Д. В. Социально-культурное развитие советских корейцев: проблемы и решения // Актуальные проблемы развития национальных отношений в СССР. Ч. 1. – Т., 1989. – С. 87-88.
522. Хан В. С. К вопросу об этнокультурной идентичности корейцев Узбекистана (по данным социологического исследования) // История, культура и быт корейцев Казахстана, Кыргызстана и Узбекистана. Материалы международной научной конференции. Бишкек, 6 февраля 2003 г. – Бишкек: Бишкекский гуманитарный университет, 2003. – С. 69-76.
523. Хан В. С. К вопросу об этнической идентичности корейцев: на пути к метанации // Материалы международной конференции «Корейская диаспора в ретро- и перспективе». 13-15 июля, 2007. – Алматы, 2007. – С. 13-17.
524. Хан В. С. Корейская диаспора СНГи Корея // Міжнародна наукова конференція «Діалог культур Кореї та країн СНД». 4-5 липня 2007 р. – Київ: Київський національний університет імені Т. Шевченка. 2007. – С. 191-203.
525. Хан Г. Б. Некоторые проблемы социального, экономического и культурного развития корейцев в Казахстане. Доклад на межреспубликанской научно-практической конференции «О работе партийных организаций по совершенствованию межнациональных отношений: опыт и проблемы» (Алма-Ата, 20 января 1989 г.) // Хан Г. Б. Прошлое и настоящее корейцев Казахстана. – Алматы, 1997. – С. 43-51.
526. Khan V. Koreans and the Poly-ethnic Environment in Central Asia: The Experience of Eurasianism // Embracing the Other: The Interaction of Korean and Foreign Cultures. Proceedings of the 1st World Congress of Korean Studies. Vol. 2. – Seoul, 2002, pp. 731-740.
527. Khan V. Korean Meta-Nation and the Problem of Unification // Research Methodology on the National Commonality. Proceedings of International Conference. 20.05.2011. – Seoul: The Research Center of the Humanities for Unification at Konkuk University, 2011, pp. 35-44.
528. Khan V. Globalization of Ethnicity: From Nations to Meta-Nations // The 5th World Humanities Forum, 2018.
529. Козміна М. Globalization as a factor of increase of international marriages and making of heterogeneous society // International conference on Central Asia and globalization. 13-14 июля 2009. – Бишкек. – С. 67-68.

Публикации в газетах

530. Ан Р. Ы. Мы частица великого народа // Эркин Тоо, 17 февраля 1996 г.
531. Арутюнов С. А., Козлов С. Я. Диаспоры: скрытая угроза или дополнительный ресурс // Независимая газета. 23 ноября 2005 г.
532. Изменится ли судьба советских корейцев // Правда, 13 ноября 1990 г.
533. Володин И. Иностраннный шпионаж на советском Дальнем Востоке // Правда, 23 апреля 1937 г.
534. Кан П. Узбекистан и две Кореи (Деятельность Ассоциации содействия объединению Кореи в Ташкенте) // Народное слово. – 13 марта 1991 г.
535. Кателкина Т. Заставляю думать и рассуждать. Интервью с Г. Б. Ханом // Советский Казахстан сегодня. № 1-2, 1990.

536. *Ким Г. Н.* Мировая общность корейцев: утопия или возможность? // *Коре ильбо*. № 40 (1584), 13 октября 2017 г.
537. *Ким Г. Н.* Мировая общность корейцев: утопия или возможность? // *Ильчи*. № 21 (220) 9 ноября 2017 г.
538. *Логинов М.* Третья Корея (проблемы советских корейцев) // *Литературная газета*, 4 декабря 1991 г.
539. *Лысенко Ю.* Этнические мосты. Диаспоры как фактор международных отношений // *Ex libris* НГ (Прилож. к "Независимой газете"), 15 октября 1998 г.
540. *Мун В. С.* Национальной деградации корейцев может противостоять только сплоченность // *Республика*, 20 марта 1992 г.
541. *Обиды пахаря*. «Правда», 1988 г.
542. *Пак М., Югай Г.* Когда корни подрублены. Изменится ли судьба советских корейцев? // *Правда*, 13 ноября 1990 г.
543. *Пак Б.* // *Вечерний Ташкент*, 17 декабря 1988 г.
544. *Пак Б.* // *Правда Востока*, 20 августа 1989 г.
545. *Пак Б.* // *Учитель Узбекистана*, 4 октября 1989 г.
546. «*Труд*», 23 сентября 1989 г.
547. *Хан С. М.* «Ташкентская правда», 6 января 1989 г.
548. *Хан С. М.* «Правда», 16 ноября 1989 г.
549. *Хан В. С.* Международное корейское сообщество: утопия или перспектива? // *Корё Ильбо*, 22 февраля и 1 марта 2002 г.
550. Международное корейское сообщество: утопия или перспектива? // *Корё Синмун*, 30 июня 2002 г.
551. Они защищали Родину // *Корё Ильбо*, 7 мая 1994 г.
552. Сколько корейцев проживает в Узбекистане? // *Корё синмун*. 2 апреля 2020 г.
553. *Хван А. Б.* Правда о трудовой армии // *Корё синмун*. № 13, 14. 2003; № 1, 3. 2004.

Источники на правах рукописи (письма, ответы, рукописи)

554. *Арифханова З. Х., Артыков О.* Этнический состав населения Узбекистана в XX веке // *Отчет отдела этнологии АН РУз за 2009 г. по гранту «Этническая идентификация узбеков: формирование, особенности, трансформация»*. – Т., 2009. (На правах рукописи)
555. *Ким В. Д.* Аккурганский корейский культурный центр. – Т., 2001., илл. (На правах рукописи) – 48 с.
556. *Ким В. Д.* Дорогой светлых надежд. – Т., 2001 (на правах рукописи). – 32 с.
557. Ответ Госкомстата на запрос М. И. Козьминой (2009 г.).
558. Ответ Госкомстата на запрос В. С. Хана от 25 апреля 2019 г. (№ 01/4-01-19-477, 3 мая 2019 г.). Подпись Заместителя Председателя Госкомстата М. Зиядуллаева.

Интернет-источники

559. *Анатолий Ким*: Я русский писатель корейского происхождения. – [Электронный ресурс]. URL: <http://koryo-saram.ru/anatolij-kim-ya-russkij-pisatel-korejskogo-proishozhdeniya/> (дата обращения: 20.11.2019).

560. *Валерий Хан* о мультикультурализме в Центральной Азии // Central Asia Analytical Network. Ноябрь 22, 2017. Программа Центральной Азии университета Дж. Вашингтона (Central Asia Program at GW). – [Электронный ресурс]. URL: <http://caa-network.org/archives/10832> (дата обращения: 21.10.2020).
561. Диаспора. – [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Диаспора> (дата обращения: 22.09.2020).
562. *Жеребило Т. В.* Фрагмент словаря лингвистических терминов // Рефлексия. – Назрань. 2009, №2. – [Электронный ресурс]. URL: <http://refdb.ru/look/2552438-rp10.html> (дата обращения: 04.10.2020).
563. Информационный портал «Добро пожаловать в Кыргызстан!», раздел «Население». – [Электронный ресурс]. URL: <http://www.welcome.kg/ru/krgyzstan/population/sostav/> (дата обращения: 5.03.2020).
564. *Ким В.* В чужой стране занял высокий пост. – [Электронный ресурс]. URL: <http://koryo-saram.ru/v-chuzhoj-strane-zanyal-vysokij-post/> (дата обращения: 25.11.2020).
565. *Ким Г. Н.* Медиаторская роль корейцев СНГ в объединении Кореи. – [Электронный ресурс]. URL: <http://koryo-saram.ru/mediatorskaya-rol-korejcev-sng-v-obedinenii-korei/> (дата обращения: 20.04.2017).
566. Медиаторская роль корейцев СНГ в объединении Кореи. Продолжение. – [Электронный ресурс]. URL: <http://koryo-saram.ru/mediatorskaya-rol-korejcev-sng-v-obedinenii-korei-2/> (дата обращения: 20.04.2017).
567. Медиаторская роль корейцев СНГ в объединении Кореи. Заключение. – [Электронный ресурс]. URL: <http://koryo-saram.ru/mediatorskaya-rol-korejcev-sng-v-obedinenii-korei-3/> (дата обращения: 20.04.2017).
568. Как корё сарам превратились в корейцев. – [Электронный ресурс]. URL: <http://hansanglab.com/2019/04/05/kak-koryo-saram-prevratilis-v-koreinov/> (дата обращения 14.11.2020).
569. Традиции и инновации в антропонимии корейцев Казахстана. – [Электронный ресурс]. URL: http://world.lib.ru/k/kim_o_i/t56.shtml (20.12.21019).
570. *Кими Ри.* В Корею нас считают зарубежными корейцами. – [Электронный ресурс]. URL: http://belarus21.by/gazeta/article_browse.php?id=3357 (дата обращения: 12.04.2020).
571. *Кондратьева Т.* Диаспоры в современном мире: эволюция явления и понятия // Перспективы. 27.02.2010. – [Электронный ресурс]. URL: <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=48886> (дата обращения: 17.03.2020).
572. Конституция (Основной Закон) СССР. Утверждена Чрезвычайным VIII съездом Советов Союза ССР 5 декабря 1936 года. – [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1936.htm> (дата обращения: 03.04.2020).
573. Корейская диаспора: судьба и литература. – [Электронный ресурс]. URL: <http://koryo-saram.ru/korejskaya-diaspora-sudba-i-literatura/> (дата обращения: 20.11.2019).
574. Корейцы в Туркменистане – без родины, без веры, без будущего. – [Электронный ресурс]. URL: [http://www.eurasianet.org/turkmenistan.project/files2/040615KoreansinTurkmenistan\(rus\).doc](http://www.eurasianet.org/turkmenistan.project/files2/040615KoreansinTurkmenistan(rus).doc) (дата обращения: 21.10.2020).
575. *Космарская Н. П.* Диаспора. – [Электронный ресурс]. URL: <http://bigenc.ru/ethnology/text/1954692> (дата обращения: 13.06.2020).

576. Кургинян С. Русский вопрос и институт будущего. – [Электронный ресурс]. URL: <http://old.russ.ru/antolog/inoe/kurgin.htm> (дата обращения: 21.10.2020).
577. Латинско-русский словарь. – [Электронный ресурс]. URL: <http://antic.slimhost.info/index.html> (дата обращения: 21.10.2020).
578. Ли-Сафи Мария. – [Электронный ресурс]. URL: <http://www.facebook.com/liskazka> 21 сентября 2017 г. (28.10.2020).
579. Лопухина Т., Градировский С. Типологии миграционных процессов // Русский архипелаг. – [Электронный ресурс]. URL: <http://web.archive.org/web/20120723053227/http://www.archipelag.ru/authors/lopuhina/?library=1108> (дата обращения: 11.06.2020).
580. Лубенский А. Загадочные явления. Машина времени. – [Электронный ресурс]. URL: <http://javot.net/anomal/anomal4e.htm> (дата обращения: 21.10.2020).
581. Меняйлов А. А. Словарь Меняйлова. «Дурилка. Записки зятя главраввина» Словарь Меняйлова. – [Электронный ресурс]. URL: <http://www.alpha-omega.su/index/0-485> (дата обращения: 21.10.2020).
582. Миграция. – [Электронный ресурс]. URL: <http://www.un.org/ru/sections/issues-depth/migration/> (дата обращения: 13.06.2020).
583. Минасян Л. Сергей Арутюнов: «В мире всё больше людей, живущих на два дома и две страны» // Ноев Ковчег N 03 (97). Март 2006 года. – [Электронный ресурс]. URL: <http://old.noev-kovcheg.ru/article.php?n=96&a=38> (дата обращения: 13.06.2020).
584. Миркурбанов Н. М. Художественная концепция мира и человека в прозе русскоязычных корейцев. – [Электронный ресурс]. URL: <http://koryo-saram.ru/mirkurbanov-m-n-hudozhestvennaya-kontseptsiya-mira-i-cheloveka-v-proze-russkoyazychnyh-koreitsev/> (дата обращения: 20.12.2019).
585. Население Кыргызстана. Национально-этнический состав. – [Электронный ресурс]. URL: <http://www.welcome.kg/ru/kyrgyzstan/population/sostav/> (дата обращения: 13.06.2020).
586. Население Северной Кореи. – [Электронный ресурс]. URL: https://countymeters.info/ru/Democratic_People's_Republic_of_Korea (дата обращения: 13.06.2020).
587. Население Туркмении. – [Электронный ресурс]. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Население_Туркмении. URL: http://stat.kg/index.php?option=com_content&task=view&id=24&Itemid=101 (дата обращения: 13.06.2020).
588. Официальный сайт Всероссийской переписи населения 2002 г. – [Электронный ресурс]. URL: <http://www.perepis2002.ru/> (дата обращения: 13.06.2020).
589. Официальный сайт Всероссийской переписи населения 2010 г. – [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 13.06.2020).
590. Официальный сайт Государственного комитета по статистике Украины. Всеукраинская перепись населения, 2001. Раздел «Распределение населения по национальности и родному языку». – [Электронный ресурс]. URL: http://www.ukrcensus.gov.ua/rus/results/nationality_population/nationality_popul1/select_51/?botton=cens_db&box=5.1W&k_t=00&p=50&r_z=1_1&r_z_b=2_1%20&n_page=3 (дата обращения: 13.06.2020).

591. Официальный сайт Фонда зарубежных корейцев при МИДе Республики Корея. – [Электронный ресурс]. URL: <http://www.okf.or.kr/data/status.jsp> (дата обращения: 13.04.2020).
592. *Переслегин С.* Несвобода, неравенство, небратство // *Завтра*. 26 октября 2020 г. – [Электронный ресурс]. URL: http://zavtra.ru/blogs/pereslegin_politkorrektnost_ (дата обращения: 27.10.2020).
593. Перепись 2010 г. – [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 22.04.2020).
594. Письмо Иосифа Бродского Л. И. Брежневу. – [Электронный ресурс]. URL: <http://brenik.livejournal.com/3351427.html> (дата обращения: 20.12.2019).
595. Постановления ГКО за 1943 г. – [Электронный ресурс]. URL: <http://www.soldat.ru/doc/gko/gko1943.html> (дата обращения: 5.03.2020).
596. Приказы НКО СССР за 1942 г. – [Электронный ресурс]. URL: <http://www.soldat.ru/doc/nko/text/1942-0974.html> (дата обращения: 12.04.2020).
597. Статистика по корейцам, проживающих за рубежом. – [Электронный ресурс]. URL: http://rus.korean.net/portal_ru/information/knt.do (дата обращения: 14.11.2020).
598. *Сон В.* Ленин кичи в истории нашей. – [Электронный ресурс] URL: <http://koreilbo.com/index.php/news-social-ru/1963-lenin-kichi-v-istorii-nashej> (дата обращения: 28.10.2020).
599. *Тишков В. А.* О нации. – [Электронный ресурс]. URL: http://valerytishkov.ru/sntnt/publikacii3/publikacii/o_nacii1.html (дата обращения: 13.05.2020).
600. Трудармейцы – депортация немцев Поволжья. – [Электронный ресурс]. URL: <http://www.w.karlag.kz/art.php?id=76> (дата обращения: 26.03.2020).
601. *Турубанов А., Макеева Е.* Лесной комплекс Коми АССР. – [Электронный ресурс]. URL: http://www.rkomi.ru/kp/txt/09_691.html (дата обращения: 17.05.2020).
602. *Умников В. Н.* Взаимоотношения гражданского общества и государства как системный индикатор развития нации (Доклад – Концепция по системе организации страны). – [Электронный ресурс]. URL: <http://refdb.ru/look/1003463-pall.html> (дата обращения: 21.10.2020).
603. *Хан В. С.* Ташкентский корпункт «Корё ильбо» в 1994-1995 годах. – [Электронный ресурс]. URL: <http://koryo-saram.ru/tashkentskij-korpunkt-kore-illbo-v-1994-1995-gg/> (дата обращения: 18.12.2019).
604. *Хван А. Б.* Трудовая армия: второй удар судьбы по корё сарам (по материалам историй корейцев Каракалпакстана). – [Электронный ресурс]. URL: http://world.lib.ru/k/kim_o_j/2-1.shtml (дата обращения: 21.04.2020).
605. Хроника политических репрессий в Коми крае. 1918-1960 гг. – [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rokaovanie-komi.ru/> (дата обращения: 15.05.2020).
606. *Чернобров В.* Лунная база. – [Электронный ресурс]. URL: http://drink.dax.ru/anomal/anom_22.shtml (дата обращения: 21.10.2020).
607. *Ямилов Р.М.* Метанация как основа самоидентификации российского социума // Гуманитарные научные исследования. 2017. № 2. – [Электронный ресурс]. URL: <http://human.snauka.ru/2017/02/20276> (дата обращения: 21.10.2020).

608. Этологическая экономика или этологические основания экономических отношений // Экономика и менеджмент инновационных технологий. 2015. № 1. – [Электронный ресурс]. URL: <http://ekonomika.snauka.ru/2015/01/6981> (дата обращения: 17.10.2020).
609. Яценко Н. Е. Толковый словарь обществоведческих терминов. – СПб: Лань, 1999. – [Электронный ресурс]. URL: http://www.slovarnik.ru/html_tsot/m/meta6tnos-meta6tni4eska8-ob1nost5.html (дата обращения: 04.10.2020).
610. Korean Statistical Information Service (KOSIS). – [Электронный ресурс]. – URL: <http://kosis.kr> (дата обращения: 23.05.2020).
611. Mahiwo S. A View on Global Tourism: The Philippines in Asia. – [Электронный ресурс]. URL: http://www.ritsumei.ac.jp/acd/re/k-rsc/hss/book/pdf/vol03_03.pdf (дата обращения: 27.10.2020).
612. McGinn, Florence. The Challenge of Metanational Education. – [Электронный ресурс]. URL: http://www.gke.com/papers/fmcginn_metanationaledu.pdf (дата обращения: 27.10.2020).
613. Park Hyun-jung. 75% of younger S. Koreans want to leave country. – [Электронный ресурс]. URL: http://english.hani.co.kr/arti/english_edition/e_national/922522.html?fbclid=IwAR29LRsbed9bIUmy9jA-yuvn1F7LkXvo0EriM2V1um0eR52GFb1TszxhZIU (дата обращения: 02.07.2020).
614. Santos, Jose. From Global To Metanational How Companies Win In The Knowledge Economy // Ubiquity. Vol. 2001. Issue December, Dec. 1 – Dec. 31, 2001. – [Электронный ресурс]. URL: <http://ubiquity.acm.org/article.cfm?id=503119> (дата обращения: 27.10.2020).
615. Yun Gang. Reflection Paper on Meta-Nation Paradigm ASEAN 201. – [Электронный ресурс]. URL: <http://cassandralopestamaria.wordpress.com/2019/09/13/reflection-paper-meta-nation-paradigm/> (дата обращения: 27.10.2020).
616. 다수거주국가. – [Электронный ресурс]. URL: http://www.mofa.go.kr/www/wpgc/m_21509/contents.do (дата обращения: 23.05.2020).

Полевые источники

617. Интервью с Е. Н. Тяном. Полевые записи, г. Ташкент, 2004 г.
618. Интервью с К. А. Кимом. Полевые записи, г. Ташкент, 2004 г.
619. Интервью с Угаем Черсиком. – Полевые записи, г. Ташкент, 2004 г.
620. Полевые записи (интервью с Ч. Угаем, С. И. Хегаем, А. И. Кимом, К. М. Ли, Е. Н. Тяном и К. А. Кимом), г. Ташкент, 2004.

Архивные фонды

621. Архив МВД Республики Узбекистан.
622. ГААО.
623. ГАРФ.
624. ГАТО.
625. КРАОПДФ.
626. Партархив Института истории партии при ЦК КПУз.

627. Партархив Ташкентского ОК КПУз.
628. Партархив Хорезмского ОК КПУз.
629. РА ИПСИ ЦС НДПУ.
630. РГАСПИ.
631. РГВА
632. ЦГА Республики Каракалпакстан.
633. ЦГА РК.
634. ЦГА России ДВ.
635. ЦГА РУз.
636. ЦГА Уз ССР.
637. ЦГАНХ СССР.
638. ЦГАОР.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Известия корееведения в Центральной Азии – ИКЦА
Известия корееведения в Казахстане – ИКК
Известия о корееведении в Казахстане и Средней Азии – ИККСА
Корееведение Казахстана – КК
Общественные науки в Узбекистане – ОНУ
Советская этнография – СЭ
Этнографическое обозрение – ЭО
Journal of the Central Asian Association for Korean Studies – JCAAKS
International Journal of Central Asian Studies – IJCAS
News on Korean Studies in Kazakstan and Central Asia – NKSKCA
O'zbekiston Tarixi – ОТ

УКАЗАТЕЛЬ ИМЁН

- Авдашкин А. А. – 41, 43
 Аветян Н. С. – 41
 Адамс З. – 574, 577
 Алексиевич С. А. – 416
 Альбаум Л. И. – 95, 106
 Ананьева С. В. – 198, 439, 461
 Андерсен Б. – 57
 Ан В. И. – 231
 Ан Е. – 574
 Ан Р. Ы. – 251
 Ан Р. К. – 267, 309, 561, 567
 Аносов С. Д. – 207, 208, 228, 229, 247
 Арифханова З. Х. – 57
 Арсеньев В. К. – 242, 247
 Артёмова О. Ю. – 53, 57
 Артыков О. – 57
 Арутюнов С. А. – 26-27, 30, 36, 41, 42, 44, 50, 57
 Ата-Мирзаев О. Б. – 117
 Асирбабаева К. – 196, 203
 Ахвердян В. Т. – 60, 61, 74
 Бабичев И. И. – 207, 208, 228, 229, 248
 Багаутдинов Г. Н. – 506
 Базанова Ф. Н. – 298, 413
 Бан Бюнг Юль – 123, 490, 572, 573
 Банг Сан Хен – 232
 Батыров А. – 265
 Бикматов Р. – 409
 Бичурин Н. Я. (Иакинф) – 106
 Бок Зи Коу – 241
 Большаков О. Г. – 106
 Бондырева С. К. – 39, 43, 50
 Бондаренко В. – 292
 Боннимэзон Ж. – 71
 Борев Ю. Б. – 460
 Бродский И. А. – 440
 Бромлей Ю. В. – 56, 57
 Брубейкер Р. – 31
 Брусина О. И. – 175, 180
 Бугай Н. Ф. – 50, 106, 188, 191, 198 205, 227, 240, 243, 252, 295, 296, 304, 305, 307, 308, 340, 376, 378, 380, 381, 394, 396, 397, 401, 404, 409, 410, 411, 413-417, 561, 566, 567, 572, 573
 Буянов Л. – 397
 Бэ Ын Гиенг – 309, 340
 Вагин В. – 98, 208
 Вада Харуки – 296, 304, 305
 Вознесенский Н. А. – 412
 Володин И. – 247, 271, 273, 294
 Гао Ксян Чжи – 95
 Генинг В. – 52
 Гентшке В. – 117
 Герман А. – 409
 Гинзбург Дж. – 235, 571
 Гинзбург Г. – 140, 571
 Гончаров Г. А. – 409, 411
 Градировский С. – 50
 Грум-Гржимайло Г. Е. – 208-209
 Грушевицкая Т. Г. – 61, 74
 Губогло М. Н. – 235
 Гумилёв Л. – 86
 Данилов В. П. – 308
 Дворецкий И. Х. – 88
 Дебец Г. Ф. – 242, 269
 Дё Юн Хи – 186, 189, 243-245, 252, 433, 438, 573, 576
 Дайнер А. – 574
 Джаббаров И. – 573
 Джанг Джун Хи – 186, 189, 245, 252, 573, 576
 Джарьлгашинова Р. Ш. – 148, 124, 150, 184, 185, 190-191, 194, 200, 209, 210, 227, 230, 234-236, 241-244, 248, 250-252, 274, 276, 277, 278, 280, 281, 284, 285, 286, 287, 288, 289, 469, 474, 479

- Джён Кёнг Су – 575
Джонгбонга Д. – 446
Джумашев А. М. – 196, 203, 308, 309, 562, 565, 568
Дин Ю. И. – 141, 561, 567
Дядюра Л. П. – 376, 377, 411
Дятлов В. И. – 27, 41
Ем Н. Б. – 180, 197, 204, 231, 234, 236, 237, 251, 492, 493, 497, 498
Еремян Р. В. – 196, 197, 203, 466, 467, 468
Железо В. – 70, 71, 72
Жеребило Т. В. – с. 82, 92
Жетписов Н. – 235
Жиңдеева Е. А. – 460
Жовтис А.Л. – 248
Заболотская К. – 409
Закирова Е. Н. – 198, 205
Заринов И. Ю. – 43
Золотарёв А. М. – 268, 269
Им Ын Силь – 72
Иноятов Х. – 200, 265
Ионова Ю. В. – 184, 191, 194, 201, 209, 210, 222, 227, 230, 242, 248, 274-280, 282, 284, 285, 287-289, 469, 472-474, 479
Исхаков Р. – с. 261, 266
Исхаков Ф. Б. – 200, 265, 266
Кадырбаев Б. М. – 363
Казак В. – 292
Казимирчик А.Н. – 198
Кан А. – 197, 439, 455, 457-459, 461
Кан А. А. – 196, 204, 528-530, 558
Кан Г. В. – 99, 102, 104-107, 117, 197, 204, 227, 231, 232, 241, 264, 303, 308, 309, 340-343, 377, 378, 381, 389, 390, 409, 410, 412, 561, 567
Кан Д. – 456
Кан Енг Квон – 232
Кан Тю-Хон – 199, 235, 257, 259, 265
Карабанова Н. В. – 460
Карасёв В. – 466
Кателкина Т. – 192
Кафаров П. И. (Палладий) – 242
Квак Чхун Гу – 238
Квон Л. А. – 500
Квон Хи Ёнг – 232, 360, 365, 373, 490, 573
Ке Бон У – 570
Ким А. А. – , 532
Ким А. И. – 398, 399, 402, 403, 406, 408, 415
Ким Анатолий – 291, 292, 346, 363, 441, 452, 459
Ким Андрей – 438
Ким А. С. – 27, 35, 36, 41, 42, 91, 92
Ким Б. И. – 188, 195-197, 203, 217, 231, 245, 251, 252, 267, 350, 351, 363, 377, 378, 381, 409, 410, 414, 420, 421, 424, 461, 533, 534, 559
Ким Бо Хи – 463, 466
Ким Б. П. – 266
Ким В. В. – 198, 205, 574, 576
Ким В. Д. – 103, 107, 160, 196, 203, 204, 228, 231, 341, 342, 419, 424, 531, 532, 559, 561, 562, 564, 567, 568
Ким В. М. – 198, 205
Ким В. Н. (Ёнг Тхек) – 197, 204
Ким Вон Рёнг – 95
Ким Г. М. – 378, 379, 381, 390, 402, 407, 409, 410, 414, 417
Ким Г. М. – 197, 204, 231, 471, 472, 473, 478
Ким Г. Н. – 41, 49, 60, 64-69, 76, 77, 117, 120, 135, 166-171, 182, 186, 188, 190-192, 195, 197, 201, 202, 204, 207, 210-217, 221, 224, 225, 227-232, 234, 236, 237, 241, 244, 251, 267, 309, 340, 343, 352, 359-363, 365, 377, 378, 409, 410, 413, 425, 428, 429, 434-436, 438, 439, 453-455, 474-476, 478, 479, 497, 498, 561, 567, 573
Ким Г. П. – 198, 205
Ким Джонсье – 446
Ким Ен Ун – 107, 117, 198, 231, 297, 567
Ким Ён Со – 211, 216, 217, 230
Ким З. В. – 500
Ким И. Ф. – 191, 195, 207, 209, 210, 215, 228, 229, 235, 249, 291, 292, 462, 466, 468

- Ким К. А. – 398, 400, 414, 415
Ким М. – 200, 267
Ким Ман Сек – 200, 291
Ким М. В. – 265, 266
Ким Мен-Гир – 159, 244
Ким М. Р. – 462, 463, 464, 467, 490, 491
Ким О. Г. – 232
Ким О. М. – 191, 194, 200, 207-210, 213, 228, 238, 244, 248, 290, 292, 430, 436, 475, 479
Ким П. – 232, 559
Ким П. Г. – 103, 107, 117, 124, 196, 202, 204, 228, 265, 267, 309, 340-343, 429, 562, 563, 565, 567, 568
Ким Пен Гер – 420, 421
Ким Пен Хва – 113, 199, 249, 256, 257, 260, 265-267
Ким П. Н. – 184, 191, 194, 199, 200, 207-209, 228-229, 248, 260, 265, 266, 340, 562, 567, 568
Ким – 198, 205, 240, 304, 308
Ким Санг Чоль – 573
Ким Ф. – 188
Ким Сын Хва – 117, 184, 185, 191, 194, 200, 207-210, 217, 227-229, 240, 244, 248, 260, 266, 418, 419, 420, 424, 425, 429
Ким Тхэк – 232
Ким Филл Янг – 439, 446, 447, 459
Ким Хак Сен – 406
Ким Хюнг Чан – 571
Кинг Дж. Р. П. – 190, 211, 214, 229-232, 235, 236, 244, 290, 430, 432, 436, 573
Кириллов В. – 242, 409
Клосс Х. – 434
Кляшторный Г. – 106
Ковжасарова Ж. У. – 198, 204, 232, 241
Когай Э. Р. – 460
Коган М. Э. – 149
Козлов В. – 261, 266
Козлов В. И. – 56, 57
Козлов Я. – 26, 41, 42
Козьмина М. И. – 160, 196, 197, 203, 494, 495, 498, 499
Колесов Д. В. – 39, 43, 50
Коллин П. – 208
Колларз В. – 211, 216, 217, 240
Кондаков Н. И. – 411
Кондратьева Т. – с. 37, 41, 42, 49
Корзун А. В. – 461
Корогаев А. В. – 57
Ко Са Ге – 95
Космарская Н. П. – 30, 42
Ко Сонг Му – 95, 186, 188, 207, 211, 216-218, 228, 230, 240, 244, 294, 297, 298, 304, 366, 430, 431, 439, 441-447, 571, 572
Ко Сон Чжи – 95-96
Крысько В. Г. – с. 80, 91
Крюков М. В. – 56
Кувалдин Ю. – 292
Кузин А. Т. – 106, 108, 159, 273, 561, 566
Кузнецов М. – 207, 228
Кургинян С. – 60, 69, 72
Курманбекова К. – 499
Курочкин А. – 409, 410
Кривцова Н. – 412, 416
Крэйдер Л. – 211, 293
Кыдырбаев Б. М. – с. 363
Кюнер Н.В. – 242, 246
Ланкин А. – 208
Ланьков А. Н. – 141, 159, 198, 205, 227, 423, 424
Лев В. Т. – 188, 199, 265
Левин Э. И. – 27, 41
Левин М. Г. – 183, 190, 193, 199, 209, 242, 248, 268, 269, 273
Левкович В. П. – 198, 205, 237, 251
Ли В. Ф. – 198, 230, 241
Ли Г. В. – 210
Ли Гван Гю – 575
Ли Г. Н. – 198, 205, 237, 240, 245, 251, 252, 353-355, 357, 358, 363, 364, 469, 470, 477, 478, 495, 497, 499, 525
Ли Г. Н. – 469, 477, 478, 479
Ли Ирея – 574

- Ли К. М. – 398, 399, 406, 407, 415
Ли Станислав – 456
Ли Стивен – 574
Ли-Сафи Мария – 466, 467, 468
Ли Тен Хан – 262, 266
Ли У Хе – 117, 231, 297, 567
Ли Хан Сен – 217
Логинов М. – 251
Лопухина Т. – 50
Лубенский А. – 60, 74
Лысенко Ю. – 41
Львова И. – 436
Люшков Г. – 240
Мазур Ю. – 230
Макеева Е. – 416
Максакова Л. П. – 117
Максимов А. Я. – 246
Марков Г. Е. – 57, 149
Мейнеке Ф. – 54
Мен Д. В. – 188, 192, 195, 201, 204, 227,
231, 237, 241, 251, 267, 340, 343, 352,
363, 377, 378, 409, 410, 413, 500, 525,
561, 567
Меняйлов А. А. – 60, 72
Меркулов – 208, 246
Милитарев А. Ю. – 27, 41
Минасян Л. – 42
Мин Л. В. – 197, 204, 232, 237, 245, 251,
252, 469, 477
Миркурбанов Н. М. – 439, 459
Мун В. – 251
Муртазаева Р. – 117
Нам Виктор. – 436
Насекин Н. А. – 208, 246, 264, 267
Нестеров А. В. – 256
Ни М. Л. – 266
Никитина М. И. – 227
Новик Д. – 199
Новик И. Б. – 411
Нурматов Н. – 193, 199, 208, 229, 257,
265
Нуруллин Р. – 200, 265
Обидина Ю. – 41
О’Брайн М. А. – 93
О’Доннел Д. – 59, 69
Ока Нацуко – 164, 170, 573
Омелин Н. Е. – 256, 429
Отто П. – 306, 574, 409
Паин Э. А. – 149
Пак А. Д. – 197, 204
Пак А. И. – 517
Пак Б. – 188, 195, 201
Пак Б. Д. – 106-108, 182, 198, 205, 209,
227, 228, 232, 240, 241, 248, 353, 561,
566, 567, 409, 410, 411, 423, 424
Пак В. Г. – 399, 401-403, 407, 415-417
Пак Г. А. – 278
Пак Ир П. А. – 195, 197, 201, 248, 291,
292, 476, 479
Пак И. Т. – 506
Пак Л. В. – 196, 197, 471, 478
Пак Л. Т. – 266
Пак М. Н. – 241, 248, 305, 308
Пак М. – 265
Пак Н. И. – 199
Пак Н. С. – 197, 204, 217, 232, 234, 237,
238, 251, 430-432, 434, 436, 437, 571, 573
Пак П. А. – 232, 224
Пак С. – 265
Пак Светлана – 574
Пак Стелла – 198, 205
Пак Сусан – 199
Пак Хван – 573
Пак Я. В. – 544, 560
Палецких Н. – 410
Пальмин Б. И. – 256
Пан Н. Г. – 500
Пан Т. А. – с. 262, 266
Панов А. – 208
Патканов – 208
Паттерсон У. – 491
Пачер А. – 205
Песоцкий В. – 207, 208, 228, 246
Петров А. И. – 107, 182, 561, 567
Петров А. Н. – 247
Петров Г. И. – 412, 413

- Переслегин – 74
Першиц А. И. – 56
Пидкингтон Х. – 175, 180
Плетунов Н. И. – 298
Подставин Г. – 208
Полегаев А. В. – 58
Полоскова Т. В. – 27, 32, 41
Поляков Ю. А. – 28, 41
Попков В. Д. – 27, 37, 41, 51
Пржевальский Н. М. – 208, 209, 242
Путовкин Г. – 401
Пуцилло М. – 207, 242
Пэк Тхе Хен – 189, 238-240, 360, 366-368, 370, 372, 375, 573, 576
Рагоза А. – 207, 208
Расулов Э. Р. – 196, 197, 203
Рахманкулова А. Х. – 196, 203, 308, 309, 340-343, 363, 562, 565, 568
Ремпель П. – 409, 410
Рукавишников В. – 58
Рыбаков Е. – 43
Савельева И. М. – 58
Савуров М. Д. – 207, 210, 228, 229, 234, 287, 289
Садохин А. П. – 61, 74
Салиев А. – 117
Сафронова Л. В. – 439, 460, 461
Семёнов Ю. И. – 27, 29, 32, 42, 57
Сим Л. М. – 198, 205
Сим Хон Ёнг – 40, 75-76, 124, 125, 161, 189, 190, 238, 240, 251, 306, 308, 572, 575
Сон В. – 461
Сон Дин Фа – с. 261, 266
Сон Ж. Г. – 106, 108, 182, 190, 567
Сон Ю. – 197, 235, 433, 438
Сталин И. В. – 296, 297, 299, 300, 308, 386, 418
Стефан Дж. – 211, 216, 217, 224, 235, 570
Султанов Т. И. – 106
Сундеткалиева К. А. – 439, 461
Суслов А. – 410
Сух Дэ Сук – 571
Тавадов Г. Т. – с. 81, 83, 84, 91
Тайшин А. – 208
Такер Р. – 299, 302, 307, 308
Тарле Г. Я. – 41
Темирболат А. Б. – 439, 460
Тен А. Б. – 193, 198, 208, 255, 256, 265, 544, 559
Тен В. А. – 308, 340, 561, 567
Тен М. Д. – 123, 125, 126, 131, 161, 182-184, 186, 188, 190, 196, 197, 203, 243, 245, 247-250, 252, 293, 473, 479, 487-489, 491, 496, 499
Тен Е. – 267
Тен Чу – 191, 195, 201, 209, 217, 234, 249, 291, 292, 462, 467
Тё Е. – 222
Тишков В. А. – 27, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 38, 41, 42, 57, 58, 235
Ткатч Д. – 70
Токарев А. – 56
Тощенко Ж. Т. – 29, 30, 42
Трапезников Г. Е. – 239
Тропов А. – 353
Троцкий Л. – 302, 308
Турубанов А. – 416
Тэн В. – 241
Тюгай А. – 533, 559
Тюшев В. А. – 412, 416
Тян Е. Н. – 398, 400, 402, 406, 414, 415
Тян Л. – 221
Убайдуллаева Р. А. – 117
Угай Ч. – 379, 381, 398, 399, 402, 406, 407, 410, 414, 417
Уёмов А. И. – 411
Умников В. Н. – 60, 73
Унтерберггер П. – 207, 228
Фаттахова Е. – 243, 252
Фельдштейн Д. И. – 91
Фефелов А. – 60, 73
Флинн М. – 175, 180

- Фумагали М. – 574
Фучер М. – 71
Хаарман Х. – 211, 216, 217
Халман Л. Б. – 58
Хан Б. – 184, 191, 201, 215, 227
Хан В. Н. – 204, 424
Хан В. – с. 40, 43, 50, 60, 68 69, 74-76, 92, 93, 117, 124, 125, 135, 150, 160, 161, 182, 186, 190, 191, 196, 197, 203, 204, 211, 212, 243, 263, 273, 297, 307, 309, 340, 360, 363, 365, 438, 439, 424, 461, 478, 480, 490, 499, 562, 568, 575
Хан Г. Б. – 188, 192, 195, 201, 232, 241
Хан М. М. – 197, 204
Хан М. Н. – 248, 403, 415
Хан А. – 248
Хан М. – 25, 180, 188, 195-197, 201, 204, 297, 307, 352
Хан-Фимина В. А. – 423, 424
Хан Юнхо – 446
Хасанова Б.Х. – 209, 227
Хаты И. – 270
Хван Л. Б. – 196, 203, 245, 252, 377, 379, 381, 382, 384-387, 391, 397, 399, 405, 406, 410-412, 414-417, 532, 533, 559
Хван М. Г. – 103, 107, 199, 200, 249, 260, 262, 263, 266, 267
Хван Х. Г. – 416
Хван Хён Гю – 569
Хегай М. А. – 194, 200, 209, 213, 217, 235, 244, 248, 290, 291, 430, 544, 559
Хегай И. – 398, 399, 402, 403, 405, 406, 407, 414, 415, 417
Хечхо – 95
Хён Гю Хван – 570, 575
Хон Ун-хо – 573, 576
Хорошевский Н. И. – 58
Хур Сенг Чуль – 290, 430, 573
Хэнгдок – 95
Цай А. Г. – 544, 560
Цай И. П. – 544, 559
Цой В. – 194, 209, 227, 234
Цой В. В. – 423, 424, 567
Цой В. – 207, 210, 227-229, 286, 289, 469
Цой Ен Гын – 477, 478, 479
Цой З. П. – 235, 266
Цой В. – 194, 200, 260, 266
Цой Г. – 427
Цой – 204, 436, 438
Цхай Е. В. – 436
Цхай Ю. – 165
Чаптыкова Т. И. – 29, 30, 42
Чебоксаров Н. Н. – 52, 56, 57, 268, 269
Чекулина Н. А. – 461
Чен Н. – 135, 414-416
Чен Т. – 476, 479
Чернобров В. – 74
Черныш П. М. – 198, 205, 424
Чжен Ин-Су – 399, 400, 401, 402, 404, 414-417
Чунтулов А. В. – 412, 416
Чунтулов В. Т. – 412, 416
Шабает Ю. П. – 58
Шебанова М. А. – 58
Шалагинов Н. В. – 448, 460, 461
Шеффер Е. – 409
Шеффер Г. – 27, 31, 35, 41, 42, 49, 51
Шин Д. В. – 423, 424, 567
Шин Юн Ча – 211, 216, 217, 224, 230, 571
Шнирельман В. – 27, 28, 41, 42
Шулевский Н. – 60
Эстер П. – 58
Югай Г. А. – 63, 66, 68, 77, 86, 87, 89, 92, 211, 216, 217, 224, 230
Югай И. Г. – 196, 197, 200, 209, 210, 213, 217, 227, 244, 248, 290, 292, 480-482, 489, 490
Югай К. – 217, 221
Югай Т. – 251
Юн Ин Джин – 244
Юн Сан-вон – 573, 576
Юсупов У. – 395
Ямилов Р. М. – 60, 66, 73, 76

- Ян Вон Сик – 439, 447-449, 451-453, 460, 477-479
 Яценко Н. Е. – 81, 91
 Ящинский Г. – 208
 Adamz Zachary M. – 576
 Back Tae Hyeon – 575
 Bonnemaison J. – 70
 Conquest Robert – 307
 Diener A. – 577
 Foucher M. – 70
 Ginsburgs G. – 141, 575
 Ginsburgs H. – 141, 575
 Griffiths Ann Hagen – 50
 Declan J. O'Donnell – 72
 Gelézeau Valérie – 78
 Haarmann H. – 230
 Hur Seung-Chul – 292, 437, 575
 Epstein Stephen J. – 499
 Khan Valeriy – 74, 75, 78, 92, 131, 170, 202, 410, 411, 413, 478, 490
 Kho Songmoo – 106, 191, 227, 230, 251, 307, 308, 363, 374, 437, 459, 575
 Kim C. Y. – 577
 Kim German – 77, 231, 479
 Kim Hyung-chan – 575
 Kim Kyu-Thaik – 575
 Kim Sang Cheol – 576
 Kim Sang Chol – 576
 Kim V. V. – 577
 King J. R. – 150, 292, 437, 575
 Kolarz W. – 230
 Kozmina M. – 498
 Krader L. – 230, 307
 Li (Lee) Vladimir F. – 192, 233
 Luke T. – 78
 Mahiwo S. – 70, 77
 McGinn Florence – 77
 Meinecke F. – 57
 Nekrich A. – 307
 Oka Natsuko – 576
 Otto Pohl J. – 308, 417, 577
 Pacher A. – 576
 Pak Nelli – 437
 Patterson W. – 491
 Park Hyun-jung – 49
 Puchek V. – 575
 Santos Jose – 78
 Stephan J. J. – 230, 575
 Suh Dae-Sook – 575
 Tkatch D. – 77
 Yem Natalya – 499
 Yim Eunsil – 78
 Youn-Cha Shin Chey
 Yun Gang – 77
 Wada H. – 308
 고송무 – 575
 권희영 – 202, 490
 김보희 – 468, 490
 김 브루트
 김호준
 계봉우 – 574
 남 빅토르 – 438
 박환
 반병률 – 202, 490
 신연자
 심현용 – 40, 75, 76
 윤상원 – 576, 577
 이광규 – 575
 이 애리아
 전경수 – 575
 최소영
 한 발레리 – 40, 75, 76, 202, 438, 490
 한 세르게이 – 202
 현규환 – 575
 홍웅호 – 576

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Хан Валерий Сергеевич

Тел.: +99894 6420212, e-mail: kxanval@yahoo.com

URL: <http://tarix.academia.edu/ValeriyKhan>, <http://valeriykhan.academia.edu/>

Окончил философский факультет (1982) и аспирантуру МГУ (1985). Кандидат филос. наук (МГУ, 1986), доцент (1992). Философ, социолог, этнолог. Зав. кафедрой теории и практики демократического общества в Узбекистане, ТГПУ им. Низами.

Сфера научных интересов – история первобытного общества, логика и методология познания, философия в XX веке, философия истории и тенденции современной эпохи, образование, методологические вопросы этнологии, этнические процессы в Центральной Азии, корейская диаспора СНГ.

Работал советником ректора и директором Центра планирования стратегического развития НУУз, зам. директора по международным отношениям и ведущим научным сотрудником Института истории АН РУз, гл. специалистом Центра новейшей истории при Минвуз РУз.

Преподавал философию, социальную философию, социологию в Ташкентском гос. экономическом университете, НУУз, Университете мировой экономики и дипломатии. Автор учебника по социологии (2020). Соредактор и соавтор гос. учебника по философии (1998, 2004, 2006). Преподавал в университетах Носео (1998-2000), Hanyang и Sungkyunkwan (2011) в Южной Корее.

Выступал с гостевыми лекциями в **США** (Columbia University, Oregon State Univ., Northeastern Illinois Univ., Univ. of California in Berkeley, Univ. of Kansas, Georgia Univ., Stanford Univ.), **Южной Корее** (Myungji Univ., Hanyang Univ., Kyungpook National Univ., Chung-Ang Univ., Kyonggi Univ., Hankuk Univ. of Foreign Studies), **России** (Сахалинский госуниверситет), **Таджикистане** (Институт философии и политологии, Институт Европы и Азии, Центр стратегических исследований при Президенте РТ).

Автор более **150** научных трудов, опубликованных в **13** странах мира на русском, узбекском, английском, французском, корейском и японском языках.

Выступал с докладами на **100** научных конференциях, в том числе **81** международных, в странах СНГ, Турции, Венгрии, Румынии, Великобритании, Германии, Франции, Норвегии, Швеции, Швейцарии, Индии, Ю. Кореи, США и Новой Зеландии.

Участник более 20 международных научных проектов. Обладатель грантов Fulbright и IREX (США), INTAS (Европейский Союз), Swiss Agency for Development and Cooperation (Швейцария), Academy of Korean Studies, Korea Foundation и других научных организаций (Южная Корея).

Является/являлся членом редколлегий **13** научных журналов Индии, Казахстана, Кыргызстана, России, Турции, Узбекистана, Ю. Кореи, индексируе-

мых в SCOPUS, Scientific World Index, Academic Resource Index, РИНЦ и в др. международных базах данных. Зам. гл. редактора журнала «Общество, гендер и семья в Центральной Азии». Член международных научных ассоциаций (США, Корея, ЕС), член Совета директоров International Association of Central Asian Studies.

INFORMATION ON THE AUTHOR

Valeriy Sergeevich Khan, Ph. D.

E-mail: khanval@yahoo.com, khanval@mail.ru Tel.: +99894-6420212 (mob.)

The author graduated from College of Philosophy (1982) and earned his Ph.D. from the Program School (1986) at Moscow State University.

His fields of scientific interests include:

Pre-History: Origin of man and human thought, archaic consciousness

Philosophy: Philosophy in the 20th century, Methodology of Science, Philosophy of History

Sociology and Political Science: Theory and Practice of Socialism, Future Studies

Ethnic Studies: Methodology, Ethnic processes in Central Asia, Modern Uzbek Identity

Korean Studies: Diaspora Studies, Korean Philosophy, Unification & Global Korean Network

Dr. Khan also worked as Vice-Director at the National Institute of History, Rec-tor's Advisor at the National University of Uzbekistan, and was a professor at various Uzbek universities, and South Korean universities (Hoseo, Hanyang, and Sun Kyun Kwan).

He has been invited as a guest lecturer to universities in the **United States** (U of Kansas, Columbia U, Oregon State U, Northeastern Illinois U, Chicago, U of California at Berkley, Stanford, Georgia U. and in **South Korea** (Myungji U, Hanyang U, Kyung-pook National U, Chung-Ang U, Kyonggi U, Hanguk U of Foreign Studies).

He has also published more than 100 works on philosophy, sociology, pre-history, education, Central Asian studies and overseas Koreans studies in 13 countries.

His research has been presented papers at more than **100** congresses, conferences and seminars, including **80** international presentations in Uzbekistan, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Armenia, Ukraine, Russia, Hungary, Romania, Turkey, Korea, France, Germany, India, Sweden, Switzerland, New Zealand, and the United States.

He also serves as a member of the editorial boards of journals in Uzbekistan, India, Russia, Korea, Turkey, and Kyrgyzstan.

And has been awarded 20 international grants, fellowships, and projects, including the Fulbright Program, Korea Foundation fellowship, and other grants (USA, Korea, EU, Switzerland).

저자 정보

한 발레리 세르게예비치

철학박사. 우즈베키스탄 니자미 명 타시켄트 국립사범대학교 민주사회 건설 이론과 실천학과 학과장.

1982 - 러시아 모스크바국립대학교 철학부 졸업

1985 - 러시아 모스크바국립대학교 철학부 박사과정 수료

1986 - 러시아 모스크바국립대학교 철학 박사 학위 취득

철학, 사회학, 민족학, 소련/CIS 분야에서 국제적으로 인정받는 전문가

경력

- 우즈베키스탄 행정부 산하 «오일라» 학술 실천 연구 센터장 자문위원

- 우즈베키스탄국립대학교 발전 전략위원회 위원장 자문위원

- 우즈베키스탄 고려인문화센터 회장 자문위원

- 우즈베키스탄 역사연구소 부소장

우즈베키스탄 교육부 산하 현대사 센터 수석 전문가

세계경제외교사회대학교 사회학 교수

우즈베키스탄국립대학교 철학부 교수

타슈켄트국립경제 대학교 교수

해외(한국) 교환 교수

- 호서대학교(1998-2000)

- 한양 대학교, 성균관대학교(2011)

해외 초청 특강

- 미국: 콜롬비아대학교 오리곤 국립대학교, 노스이스턴일리노이대학교,

버클리 캘리포니아 대학교, 캔자스 대학교, 조지아 대학교, 스탠포드대학교

- 한국: 명지대학교, 한양대학교, 경북대학교, 중앙대학교, 경기대학교,

한국외국어대학교

- 러시아: 사할린국립대학교

- 타지키스탄: 역사정치연구소, 유럽 아시아 연구소, 타타르스탄 대통령

산하 전략연구소

출판

세계 13개국에서 러시아어, 우즈베크어, 영어, 프랑스어, 한국어, 일본어 등 150편 이상 출판

우즈베키스탄, 카자흐스탄, 키르기스스탄, 아르메니아, 우크라이나, 러시아,

터키, 헝가리, 루마니아, 영국, 독일, 프랑스, 노르웨이, 스웨덴, 스위스,

인도, 한국, 미국, 뉴질랜드 등에서 81차례 국제학술회의를 비롯하여 100회

이상 학술논문 발표.

20회 이상 국제 연구 프로젝트 참여. 폴브라이트와, IREX(미국),

INTAS(EU), 국제교류재단(한국), 발전전략기구(스위스) 등에서 연구 수주

인도, 키르기스스탄, 러시아, 터키, 우즈베키스탄, 한국 등 12개 학술지

편집위원 및 자문위원으로 활동 중. SCOPUS, Scientific World Index,

Academic Resource Index, 와 기타 국제저널에 등재됨. 학술지

«중앙아시아에서 사회, 성, 가족» 부편집장.

국제학회 회원(미국, 한국, EC), 국제중앙아시아학회 공동회장

Редактор: З. Исакова
Дизайн и вёрстка: К. Егубаев

Лицензия АІ №263 31.12.2014.
Подписано в печать 5.01.2021 г.
Формат: 60х90 1/16. Гарнитура «Palatino Lynotype».
Усл.п.л. 39,0. Тираж 500 экз.

Издательство “Baktria press”
Адрес: г. Ташкент, 100000, Буюк Ипак Йўли мавзеси 15-25.
Тел./факс: +998 (71) 233-23-84.

Отпечатано в ООО «Sigma Print».
Адрес: 100084, Ташкент, 33, ул. Чингиза Айтматова.
Тел./факс: +998 (71) 233-23-84.

ISBN 978-9943-6233-3-0

ХАН ВАЛЕРИЙ СЕРГЕЕВИЧ

Окончил философский факультет (1982) и аспирантуру МГУ (1985). Кандидат философских наук (МГУ, 1986 г.). Философ, социолог, этнолог.

Работал в Институте истории Академии наук, преподавал в различных университетах Узбекистана (УМЭД, НУУз, ТЭУ, ТПИУ) и Южной Кореи (университеты Хосео, Ханянг и Сонкюнван).

Приглашался с гостевыми лекциями в университеты США (Колумбийский, Стэндфордский, Орегонский,

Северо-Восточный Иллинойский, Калифорнии в Беркли, Канзаса и Джорджия) и Южной Кореи (Корейский университет международных отношений, университеты Мёнджи, Ханянг, Кюнпук, Чунг-Анг, Кёнги.)

Автор более 150 научных трудов, опубликованных в 13 странах мира.

Выступал с докладами на 80 международных конференциях в Армении, Великобритании, Венгрии, Германии, Индии, Казахстане, Кыргызстане, Новой Зеландии, Норвегии, России, Румынии, США, Турции, Украине, Франции, Швеции, Швейцарии, Южной Кореи.

Участник более 20 международных научно-исследовательских проектов.

Член редакционных советов и редколлегий научных журналов Индии, Кыргызстана, России, Турции, Узбекистана и Южной Кореи.

ISBN: 978-9943-6233-3-0

9 789943 623330

KOREA **KF**
FOUNDATION
BUSINESS